3 1761 07977815 5

37 c

37 c

Эркманъ и Шатріанъ.

тип. П.П. Сойкин

E656B
R
Erckmann, Emile
Sobranie sochineny
Kn. 1-3
(3 pts. in 1 v.)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

КАПРАЛЪ ФРЕДЕРИКЪ

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗА, ИЗГНАННАГО ПРУССАКАМИ

LE BRIGADIER FRÉDÉRIC (etc.)

---

kn. 1-3

Съ портретомъ авторовъ и критико-біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова

{P. V. Bykov (ed.)}

491643
12. 5. 49

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

для поступленія въ армію и не возвращались раньше выхода своего въ отставку. Въ Пфальцбургѣ имѣлась еще школа, которая во времена первой имперіи была чѣмъ-то вродѣ древнегреческаго «Пританея», гдѣ молодежь получала военное воспитаніе, и откуда выпускалось такое количество офицеровъ, что Наполеонъ I называлъ ее «разсадникомъ храбрецовъ» («La pépinière des braves»).

Въ этомъ самомъ городкѣ и родился Эмиль Эркманъ 20 мая (н. ст.) 1822 года. Отецъ его былъ книгопродавецъ. Сильный и цѣльный духомъ, Эмиль, въ другія времена, быть можетъ, ринулся бы въ армію, какъ большинство дѣтей Пфальцбурга, но онъ не обладалъ крѣпостью тѣла. За то онъ былъ надѣленъ силою и живостью ума. Превосходны были его первыя сочиненія въ городской школѣ; онъ жадно поглощалъ отцовскую библіотеку, и его призваніе къ литературѣ нашло большое поощреніе у преподавателя риторики Перро, ставшаго позднѣе начальникомъ пфальцбургской школы. Это и былъ никто иной, какъ «отецъ Перро», выведенный въ повѣсти «Школьные годы учителя Набло». Родители хотѣли во что бы ни стало сдѣлать Эмиля адвокатомъ, и казалось, онъ соглашался съ ними, но, пользовавшійся его довѣріемъ, Перро, изъ длинныхъ бесѣдъ, которыя учитель и ученикъ вели въ свободное время, отлично видѣлъ, что Эмиль посѣщаетъ гораздо охотнѣе Перъ-Сенъ-Мартенъ и гимназію, чѣмъ школу правовѣдѣнія.

Въ дни пребыванія въ Пфальцбургѣ Эркманъ часто сопровождалъ учениковъ школы на ихъ прогулкахъ, и въ одну изъ такихъ экскурсій начальникъ школы сблизилъ его съ молодымъ учителемъ, также бывшимъ воспитанникомъ ея, но окончившимъ школу нѣсколько позднѣе. Звали его Шатріаномъ. Перро замѣчалъ, что послѣдній постоянно бодрствуетъ. Всѣмъ извѣстно, что такое учитель: забава учениковъ и предметъ презрительнаго отношенія товарищей. Это—парія. Но энергіей и характеромъ своимъ Шатріанъ сумѣлъ внушить первымъ уваженіе и симпатію вторымъ. Перро всецѣло проникся ею и убѣдился, что бѣдняга тоже стремится къ литературѣ. Это призваніе обоихъ его воспитанниковъ нашло живой откликъ въ душѣ его, въ душѣ

стараго жреца риторики, который не былъ равнодушенъ къ изящной словесности и быть можетъ былъ руководимъ откровеніемъ свыше, способствуя дружбѣ между этими двумя молодыми людьми.

Александръ Шатріанъ (Карлъ-Людвигъ-Граціанъ) родился 18 декабря (н. с.) 1826 года въ маленькой деревушкѣ прежняго графства Дабо, расположеннаго въ департаментѣ Мёрты, присоединенномъ впослѣдствіи къ Пруссіи, носящемъ оригинальное названіе Зольдатенталя (Долины солдатъ). Отецъ его былъ владѣльцемъ стеклоплавильнаго завода по примѣру своего отца, дѣда и прадѣда. Дѣломъ этимъ занимались всѣ въ его роду, въ теченіе двухъ столѣтій подъ рядъ. Это былъ патріотъ, и въ 1814 и 1815 гг., во время войны, несъ свои обязанности въ горахъ. Вражеской колонной онъ былъ схваченъ. Ему скрутили руки назадъ и связаннаго повели подъ конвоемъ двухъ кавалеристовъ на передовыя позиціи. Молодая жена Жапа Шатріана съ первенцемъ на рукахъ—будущимъ писателемъ—рыдая, слѣдила изъ окна глазами за уходящими, и въ это время скакавшій бѣшенымъ галопомъ уланъ изъ арьергарда пикой ранилъ ее въ грудь.

Первые годы дѣтства Александра Шатріана протекли отчасти въ Дабо, дикомъ мѣстечкѣ, расположенномъ въ Эльзасскихъ Вогезахъ. Когда онъ подросъ, родители отдали его въ Пфальцбургскую школу, а затѣмъ, едва онъ кончилъ курсъ, отослали въ Бельгію, гдѣ уже находились тогда трое братьевъ его, изучавшіе, по фамильной традиціи, ремесло стеклозаводчика. Вернувшись послѣ трехлѣтняго пребыванія на стеклоплавильномъ заводѣ домой, Александръ объявилъ, что не желаетъ продолжать ученія на заводѣ, въ виду полученія мѣста другого рода, и отправился въ Пфальцбургъ въ качествѣ школьнаго учителя. Такъ же какъ и студентъ-юристъ, онъ отлично зналъ, что онъ дѣлаетъ, но, подобно этому студенту, Эмилю Эркману, не смѣлъ сказать о своемъ намѣреніи во всеуслышанье. Странный край и странное время!.. Здѣсь уже было сказано, какъ отецъ Перро угадалъ мечты двухъ молодыхъ людей и какъ помогъ имъ

сблизиться. И вотъ Эркманъ и Шатріанъ начали работать вмѣстѣ съ благословенія ихъ единственнаго друга, добряка Перро.

Тутъ наступилъ 1848 годъ. Разразилась революція. Эркманъ отправляется въ Страсбургъ, гдѣ основываетъ, вмѣстѣ со своими братьями и еще нѣсколькими патріотами, газету «Рейнскій Республиканецъ», позднѣе превратившійся въ «Рейнскаго Демократа». Въ этомъ изданіи и появились первые разсказы соединившихся для совмѣстной работы двухъ эльзасскихъ друзей. Они пробуютъ свои силы и по части театра: ихъ четырехъактная драма «Эльзасъ въ 1814 году» имѣетъ огромный успѣхъ въ первое же представленіе. Но, по несчастью, на слѣдующій день префектъ, нѣкій г. Вебстъ, кажется, запрещаетъ пьесу. Друзья въ 1850 году уѣхали въ Парижъ, увозя свои неизданныя произведенія, то есть цѣлый чемоданъ рукописей. Нужда стучится къ нимъ. Эркманъ, сынъ зажиточныхъ родителей, обѣщалъ имъ серьезно заниматься изученіемъ права, и только подъ этимъ условіемъ Эркману назначили маленькое пособіе, позволившее ему оставаться въ Парижѣ. Шатріанъ не былъ такъ счастливъ: родители не имѣли возможности содержать своего 25-лѣтняго сына, и онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто на западной желѣзной дорогѣ съ жалованьемъ въ 1500 франковъ въ годъ.

До этого момента, то есть до 1852 года, Эркманъ и Шатріанъ написали вмѣстѣ около двадцати пьесъ, драмъ и комедій, но увы, ни одна изъ нихъ не увидала сцены... Такимъ образомъ, театры, такъ же какъ журналы и всякія періодическія изданія, оставались безжалостно закрытыми для бѣдныхъ тружениковъ! Между тѣмъ одно изданіе—давно уже исчезнувшее—«Журналъ Фактовъ» рѣшился взять у нихъ романъ «Вогезскіе разбойники», въ которомъ уже появляется, въ качествѣ хирурга изъ разбойничьей шайки Шиндерганна, тотъ самый докторъ Матеусъ, который потомъ въ разсказѣ, озаглавленномъ этимъ именемъ, принесъ первое счастье его авторамъ. Но тутъ, въ «Журналѣ Фактовъ» ихъ постигла неудача: онъ платилъ не деньгами, а акціями,—и авторы въ концѣ концовъ не только не получили гонорара, но еще и приплатили изъ своихъ нищенскихъ средствъ. И снова появленіе Эркмана и Шатріана въ печати стало для

нихъ мечтой... Тогда Шатріана осѣнило вдохновеніе. Въ результатѣ въ журналѣ «Артистъ» появилась «Нѣмецкая фантастическая сказка». Переводу ея было предпослано нѣсколько біографическихъ данныхъ объ авторѣ сказки—«народномъ писателѣ по ту сторону Рейна, популярномъ авторѣ, котораго Франція совершенно игнорировала вплоть до его имени».

Это былъ «Бургомистръ въ бутылкѣ»—сказка Эркмана въ переводѣ Шатріана. Курьезной продѣлки двухъ представителей парижской литературной богемы никто не открылъ. Тутъ помогло невѣжество французскихъ журналистовъ относительно произведеній иностранныхъ писателей. Въ это время разсказъ Эркмана-Шатріана, переписанный въ пяти или шести экземплярахъ, побывалъ въ разныхъ, не только парижскихъ, но и провинціальныхъ редакціяхъ, всюду, отвергаемый съ трогательнымъ единодушіемъ. Наконецъ, журналъ «Парижское Обозрѣніе» далъ согласіе на прочтеніе рукописи этого разсказа. Луи Ульбахъ, извѣстный французскій писатель, романистъ и отчасти критикъ, просмотрѣлъ разсказъ и принялъ его. Однако, принятіе какой-либо литературной работы еще ничего не значитъ. Она должна появиться въ печати... Но если въ театральномъ мірѣ существуютъ закулисныя интриги, то и въ редакціонныхъ кабинетахъ ихъ тоже довольно. Неизвѣстно чья злая неуловимая и настойчивая воля безконечно откладывала печатанье произведенія, на которомъ двое молодыхъ авторовъ основывали всѣ свои надежды, все свое благополучіе.

Но всему есть конецъ. Одинъ изъ директоровъ «Парижскаго Обозрѣнія», изящный романистъ и любезный человѣкъ, Лоранъ Пиша, настоялъ на напечатаніи романа. Авторы облегченно вздохнули. Теперь—мечтали они—у нихъ есть гостепріимный домъ, куда они могутъ пристраивать свои произведенія и получать плату. А пока они строили разные воздушные замки, нѣкій итальянецъ, Орсини, бросилъ бомбы подъ карету Наполеона III, и, понятно, въ этомъ оказались виноваты французскіе республиканцы вообще и ихъ органы въ частности. «Парижское Обозрѣніе» было уничтожено. Неожиданное счастье! Послѣдній нумеръ журнала заключалъ въ себѣ и послѣднія главы

романа «Знаменитый докторъ Матеусъ». Однако, вслѣдствіе краха журнала, романъ не былъ оплаченъ, и тотъ же любезный Лоранъ Пиша̀ долженъ былъ изъ собственнаго кармана разсчитаться съ Эркманомъ-Шатріаномъ. Впрочемъ, исторія первыхъ романовъ знаменитыхъ двухъ писателей—сама по себѣ цѣлый романъ и его долго надо разсказывать. Можно только добавить, что и второй романъ Эркмана-Шатріана «Гугонъ волкъ» появился въ «Constitutionnel» только благодаря счастливому случаю—знакомству авторовъ съ метранпажемъ типографіи изданія, который устроилъ помѣщеніе романа ихъ, когда не было матеріала для заполненія очередного фельетона. На этомъ и кончается печальная повѣсть злоключеній безвѣстныхъ тружениковъ, и начинается рядъ тріумфовъ знаменитыхъ литературныхъ близнецовъ.

Вмѣстѣ со славой пришло и довольство. Шатріану посчастливилось найти службу, гдѣ его постоянно повышали, принимая во вниманіе, что если человѣкъ добился извѣстности въ литературѣ, то не можетъ же онъ быть неспособнымъ и въ должности администратора. Хорошо, что это было въ столицѣ. А въ провинціи, на родинѣ нашихъ знаменитыхъ эльзасцевъ, тамъ думали иначе. Литература пользовалась тогда незавидной репутаціей въ Эльзасѣ, особенно въ сельскихъ кругахъ. Біографы Эркмана-Шатріана по этому поводу припоминаютъ такой случай съ Викторомъ Гюго. Онъ былъ тогда на зенитѣ своей славы. Онъ посѣтилъ Эльзасъ, и тамошніе знакомые его пригласили поэта на обѣдъ. Онъ сдѣлался предметомъ довольно страннаго вниманія со стороны слуги. Лакей былъ ненавистникомъ литературы, оглядывалъ поэта съ ногъ до головы, подозрительно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и, повидимому, призналъ въ гостѣ истаго представителя богемы. Когда наступилъ моментъ подавать шампанское, онъ, къ великому смущенію хозяевъ, спросилъ громко: «А литератору тоже наливать?»

Эркманъ, какъ только война окончилась, полетѣлъ въ свой родной Пфальцбургъ. Разсчитывая проводить тамъ все время, свободное отъ сотрудничества съ Шатріаномъ, онъ купилъ лѣсопильню съ лугами и лѣсомъ въ живописной долинѣ Цинзель, кото-

рую такъ часто изображали во всей красѣ оба писателя въ своихъ романахъ и рейнскихъ разсказахъ.

Первой заботой оперившагося Шатріана былъ его престарѣлый отецъ, который дожилъ до 86 лѣтъ. Въ этомъ отношеніи Шатріанъ былъ счастливѣе Эркмана, заставъ старика еще въ живыхъ. Онъ обставилъ его прекрасно, улучшилъ хозяйство отца, поселилъ въ домѣ родственницу, чтобы никакія хлопоты не отягчали старца. Идиллія эта длилась до 1870 года, когда счастье обоихъ стало примеркать. Война уже готова была вспыхнуть, когда Шатріанъ, работая въ Парижѣ, узналъ объ опасной болѣзни отца и тотчасъ уѣхалъ, чтобы принять послѣдній вздохъ старика, по счастію, не увидѣвшаго вторженія пруссаковъ, безчинства которыхъ въ Эльзасъ-Лотарингіи изобразила такъ правдиво и съ такимъ драматизмомъ талантливая романистка Уйда въ повѣсти своей «Листъ, оторванный бурей», а еще съ бо́льшимъ подъемомъ и безпощадной правдой изобразили въ яркихъ картинахъ сами эльзасцы—Эркманъ и Шатріанъ, представивъ наглядно всѣ ужасы этой войны, этого дикаго вторженія современныхъ гунновъ.

Пока Шатріанъ собирался уѣзжать, чтобы вернуться въ Парижъ и запереться тамъ въ уединеніи, забыться въ работѣ, Эркманъ уѣхалъ оттуда, надѣясь попасть въ милый ему Пфальцбургъ, раньше чѣмъ пруссаки займутъ городокъ. Но онъ опоздалъ, пріѣхавъ только, чтобы похоронить свою помѣшавшуюся сестру. Когда Пфальцбургъ уже перешелъ въ нѣмецкія руки, и пути сообщенія были возстановлены, Эркманъ покинулъ родныя мѣста, ѣхалъ, не оборачиваясь назадъ, боясь ослабѣть сердцемъ. Съ тѣхъ поръ ни Эркманъ, ни Шатріанъ не пожелали больше увидѣть колыбель своего дѣтства, могилы предковъ, оскверненныя присутствіемъ въ Пфальцбургѣ нѣмцевъ. А слава обоихъ все росла и росла, въ особенности, когда они окончили свою «Исторію плебисцита»—первый романъ, написанный ими послѣ прусскаго вторженія. Новыми изданіями выходили предыдущія ихъ произведенія. Еще до войны, года за два, «Тереза» выдержала до 15 изданій, «Ватерлоо»—до 20, а «Воспоминанія рекрута» потребовали около 25 изданій. Ихъ

читали всѣ классы общества, даже простые работники. Эти романы оказали массу своего образовательнаго вліянія и принесли громадную пользу народному самосознанію.

Потерявъ сестру, Эркманъ остался одинокимъ. По настоянію одного изъ своихъ друзей, жившаго въ Санъ-Діс, въ департаментѣ Мёрты, онъ поселился въ его патріархальной семьѣ, въ прекрасномъ помѣстьѣ. Проводя все свободное время у друга, въ его красивомъ и богатомъ домѣ съ роскошной террасой, Эркманъ цѣлыми днями любовалоя чуднымъ пейзажемъ, ущельемъ, ведущимъ въ родныя мѣста. Что касается Шатріана, то онъ поселился въ Ранси, хорошенькой деревушкѣ подъ Парижемъ, въ купленномъ имъ домикѣ. Окруженный дѣтьми, онъ чувствовалъ себя счастливымъ вдали отъ шумнаго города, бесѣдуя съ ребятишками о природѣ, о растеніяхъ, о странахъ и о томъ краѣ, гдѣ когда-то жилъ дѣдушка его ребятъ, и гдѣ затѣмъ водворились грубые пруссаки. Здѣсь онъ прожилъ до 1890 года, когда сошелъ съ жизненной сцены. Эркманъ пережилъ его на цѣлыхъ девять лѣтъ. Онъ скончался въ Люневилѣ 1 марта 1899 года, 77 лѣтъ. Передъ смертью Шатріана друзья, послѣ слишкомъ тридцатилѣтней совмѣстной работы, поссорились. Ихъ ссора послужила даже поводомъ къ процессу, который набросилъ тѣнь на нравственный обликъ обоихъ писателей, прежде такъ дружно жившихъ, дѣлившихъ и радости и горе. Эркманъ сожалѣлъ о размолвкѣ съ Шатріаномъ и отзывался о немъ сочувственно. «Я желалъ бы,—говорилъ онъ въ письмѣ къ своему другу Полю Берэ,—чтобы ссора наша не произвела слишкомъ большой шумъ. Съ нашими совмѣстными произведеніями неразрывно связаны наши имена, и пусть у публики останется хоть иллюзія насчетъ нашей дружбы».

Эти милыя слова звучатъ нѣкоторымъ лицемѣріемъ, такъ какъ Эркманъ послѣ ссоры писалъ другу о томъ, что въ сущности онъ, Эркманъ, одинъ авторствовалъ, а Шатріанъ ничего не дѣлалъ. «Мой коллега, Шатріанъ,—говорилъ онъ,—ни разу не далъ идеи для нашихъ работъ. Шатріанъ даже не всегда понималъ ее, если мнѣ приходилось развивать сюжетъ романа или разсказа. Шатріанъ даже никогда не давалъ мнѣ содер-

жанія отдѣльныхъ главъ. Причина этому простая: у него не было никакой литературной идеи». Отъ этихъ словъ вѣетъ клеветой, или лучше сказать, выдумкой нѣмецкихъ лисакъ, вложившихъ въ уста Эркмана это разоблаченіе той будто бы незначительной роли, какую Шатріанъ игралъ въ сотрудничествѣ съ Эркманомъ. Лица, знавшія близко обоихъ писателей, разсказываютъ совершенно иное. По словамъ одного англійскаго критика-біографа, Шатріанъ обыкновенно создавалъ планъ того или другого произведенія. Всѣ сцены, въ которыхъ главнымъ образомъ ведется интрига, а также чисто романическія сцены и, наконецъ, описанія, картинки Пфальцбурга и его окрестностей, тоже выходили изъ подъ пера Шатріана. Эркманъ вставлялъ политическія разсужденія, типы солдатъ и крестьянъ. Онъ же разрабатывалъ ту простую рѣчь, которая звучитъ такъ прекрасно и правдиво въ устахъ сѣрыхъ героевъ романовъ Эркмана-Шатріана,—честныхъ крестьянъ, сержантовъ или школьныхъ учителей.

Одинъ критикъ замѣтилъ шутливо, что почти всѣ дѣйствующія лица романовъ этихъ литературныхъ близнецовъ всегда голодны и постоянно ѣдятъ. Если эта особенность заслуживаетъ порицанія, — говоритъ англійскій критикъ, — то оно всецѣло должно быть отнесено къ Шатріану, незамысловатая фантазія котораго рисуетъ эти дымящіяся миски супу, эти блюда съ коричневыми сосисками и кислой капустой, эти горы разсыпчатаго картофеля. Эркманъ прибавлялъ къ меню незатѣйливыхъ героевъ только черный кофе, знатокомъ котораго онъ себя считалъ. Процессъ писанія романа этой литературной фирмы, по разсказу одного изъ біографовъ ея, такой: закуривъ свои сигары, оба автора тщательно пересматривали во всѣхъ подробностяхъ планъ романа, написанный Шатріаномъ. Обсудивъ его вполнѣ, тотъ или другой изъ нихъ писали первую главу, оставляя пустыя мѣста для разговоровъ дѣйствующихъ лицъ или для разныхъ описаній, предоставляемыхъ тому изъ нихъ, кто сдѣлаетъ это лучше, у кого больше способности на это. Каждая глава, такимъ образомъ, проходила черезъ руки обоихъ писателей, пересматривалась, переписывалась и, смотря по обстоя-

тельствамъ, сокращалась или удлинялась во время этого процесса. Массу труда тратили Эркманъ-Шатріанъ на каждое изъ своихъ произведеній и на тѣ полныя терпѣливости изслѣдованія, путемъ которыхъ писатели убѣждались, что описанія историческихъ эпизодовъ у нихъ вышли правильными, что картины, изображенія выводимыхъ ими мѣстностей правдивы и вѣрны природѣ.

Шатріанъ старался быть объективнымъ повозможности, тогда какъ Эркманъ любилъ проводить въ романѣ свои симпатіи и антипатіи. Впрочемъ, они сходились во взглядахъ своихъ на католическое духовенство, на рутинныя дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія. Часто съ негодованіемъ обличали писатели-близнецы систему образованія или, вѣрнѣе сказать, необразованія и безъ того темныхъ массъ. Много работали Эркманъ и Шатріанъ надъ тѣмъ, чтобы произведенія ихъ были доступны этимъ массамъ, пробуждали ихъ отъ вреднаго сна, будили въ нихъ самосознаніе и самопознаніе. Они заботились, чтобы ихъ произведенія были ясны и реальны. И они вполнѣ достигли желаемаго. Впрочемъ, и въ первыхъ произведеніяхъ Эркмана-Шатріана, увидѣвшихъ свѣтъ, уже чувствуется ясный реализмъ, не имѣющій, однако, ничего общаго съ сухимъ, фотографическимъ тономъ. И въ этихъ произведеніяхъ, еще молодыхъ, полныхъ робости, чувствуется струна, звучащая истиннымъ чувствомъ, видна естественность, задушевность и чарующая простота. Отъ нихъ вѣетъ стендалевскимъ юморомъ и чѣмъ-то отраднымъ, словно какой-то лѣсной свѣжестью. Можно смѣло сказать, что народные разсказы Эркмана-Шатріана впервые раскрыли передъ французами заповѣдный міръ горъ, долинъ и ущелій живописнаго вогезскаго края. Маленькіе городки, поэтичныя деревушки, раскинувшіяся по обоимъ склонамъ сѣверныхъ Вогезовъ, какъ въ панорамѣ проходятъ передъ читателемъ въ разсказахъ Эркмана-Шатріана. Они и въ этихъ раннихъ произведеніяхъ проявили много наблюдательности и теплоты, тонкаго пониманія и пламенной вѣры въ человѣческое достоинство и права личности. Идилліей вѣетъ отъ картинъ и описаній скромныхъ уголковъ Эльзаса, отъ характеристикъ ихъ

трудолюбивыхъ жителей, симпатичныхъ крестьянъ, еще непроснувшихся, еще не протестующихъ противъ разнородныхъ общественныхъ золъ.

Было уже сказано, что, соединившіеся для совмѣстной работы, писатели долго не были признаны и трудились болѣе десятка лѣтъ безъ успѣха. Никто не обращалъ на нихъ вниманія, несмотря на талантливость ихъ первыхъ произведеній, вродѣ «Жертвы Авраама» («Le sacrifice d'Abraham»), «Бургомистра въ бутылкѣ» («Le bourgmestre en bouteille»). Незамѣченными проходили «Эльзасскія легенды» и «Рейнскіе разсказы», полные прелести, одухотворенные глубиной чувства, трезвостью мысли, присутствіемъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя были дороги читателю въ произведеніяхъ Анри Бейля (Стендаля), Тепфера, Анри Мюрже, съ которыми до извѣстной степени могли и тогда соперничать Эркманъ и Шатріанъ. Многія изъ ихъ произведеній этого періода живо напоминали фантастическіе разсказы Эдгара По и сказки Гофмана. По мнѣнію одного англійскаго критика, успѣху Эркмана-Шатріана мѣшало то обстоятельство, что они начали писать въ срединѣ сороковыхъ годовъ, въ такое время, когда политическія событія поглощали все вниманіе общества, невольно отвлекая его отъ литературы; а позднѣе, когда наступилъ полнѣйшій застой, отлично характеризовавшій время господства имперіи во Франціи, и когда въ обществѣ явилась потребность въ романахъ, Эркманъ-Шатріанъ также не могли имѣть успѣха, потому что писали не въ томъ родѣ, въ какомъ публика требовала. Но, вотъ, въ одно изъ капризныхъ настроеній публики появился романъ Эркмана-Шатріана «Знаменитый докторъ Матеусъ», и она такъ жадно набросилась на него, что въ сравнительно короткое время раскупила три изданія этого произведенія.

Авторы-неудачники, наконецъ, добились того «имени», которое для потерявшаго бодрость новичка то же самое, что лошадь и бричка для изнуреннаго путника, прошедшаго десятки верстъ пѣшкомъ. Случилось это лѣтъ за десять до франко-прусской войны, и когда въ 1863 г. появился первый большой романъ Эркмана-Шатріана «Madame Thérèse», авторы окончательно

нашли путь къ сердцу читателя, къ сердцу народа всѣхъ сословій. За этимъ романомъ слѣдовали другіе національные романы, посвященные ужасамъ войны, рисующіе рядъ вторженій во Францію чужеземцевъ въ эпохи 1792, 1814, 1815 и 1870 годовъ. Общество французское оцѣнило эти замѣчательныя произведенія, превосходно передающія наиболѣе характерныя событія жизни французскаго народа XVIII и XIX вѣка. Тутъ и эпопея наполеоновскихъ временъ, и исторія революціи и реставраціи; яркая картина тяжелаго, приниженнаго положенія сельскаго населенія страны, подъ давящей силой «ancien régime», а затѣмъ картины ликованія народа послѣ добытой имъ неимовѣрными усиліями свободы, пламенный энтузіазмъ волонтеровъ 1792 г. и далѣе мрачное настроеніе временъ якобинства. Всѣ эти картины мѣняются въ знаменитой «Histore d'un paysan». Въ раньше написанной «Histoire d'un conscrit de 1813» огненнымъ перомъ изображены вступленія французскихъ войскъ въ Германію весною 1813 г. и битва подъ Лейпцигомъ. Возвращенію Наполеона съ острова Эльбы и скорбному исходу бельгійскаго похода 1815 г., а равно и тогдашней междоусобицѣ во Франціи посвященъ романъ «Waterloo». L'Invasion», «L'Ami Fritz», «Madame Thérèse», написанные въ 1862—1864 г.г. рисуютъ событія того же періода, которыя мастерски очерчены въ романѣ «Ватерлоо».

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ярко и выпукло, характерными чертами изображенъ духъ того времени, изъ котораго взяты сюжеты названныхъ романовъ, которымъ вполнѣ пристало названіе историческихъ. Здѣсь, однако, нѣтъ того, что составляетъ принадлежность большей части историческихъ романовъ. У Эркмана-Шатріана герои и всякія историческія лица не дѣйствуютъ. Здѣсь нѣтъ ни Робеспьера, ни Дантона, ни Марата, ни короля Людовика XVI, словомъ, никого изъ дѣйствующихъ лицъ временъ первой революціи во Франціи. И въ романахъ изъ эпохи первой имперіи точно также не появляются ни Наполеонъ со всей его свитой, со всѣми его маршалами, ни фигуры его враговъ. Авторы и не пытаются открыть передъ читателемъ двери тѣхъ знаменитыхъ кабинетовъ, въ которыя ни одинъ простой смертный

не входилъ или подслушать разговоры и разсужденія, которыхъ въ свое время никто не могъ слышать и записать, или, наконецъ, разгадывать мысли, побужденія, стремленія, всякія движенія души разныхъ великихъ людей и прочихъ историческихъ лицъ, остающіеся для всего міра и донынѣ непроницаемой тайною. Словомъ, авторы не ставятъ своей задачей останавливаться на томъ, на чемъ обыкновенно останавливаются другіе историческіе романисты, и французскіе, и иные...

Эркманъ и Шатріанъ не интересуются внѣшнимъ очеркомъ событій, ихъ занимаетъ внутренняя сторона исторіи, которая такъ дорога каждому мыслящему изслѣдователю ея. Какъ и почему произошла война, революція, перемѣна правленія въ государствѣ, что вызвало то или другое историческое событіе, это—не занимаетъ Эркмана и Шатріана. Имъ нужно и важно знать, какое впечатлѣніе произвело на народъ то или другое крупное событіе, какъ приняла его масса, какъ на него откликнулась, увидѣла ли въ немъ пользу для себя или ущербъ. Не менѣе этого интересуетъ авторовъ то взаимодѣйствіе, въ которомъ находятся между собою внутренняя и внѣшнія стороны историческихъ моментовъ. И вотъ почему Эркманъ и Шатріанъ въ своихъ національныхъ романахъ всегда стремятся уловить связь между сторонами исторіи внѣшней и внутренной, а также показать, какимъ образомъ извѣстныя событія пробуждали въ народѣ чувства самосознанія и самодѣятельности. Они пытались установить затѣмъ, какъ именно такое умственное и нравственное пробужденіе народа принимало тотъ или иной оборотъ и давало жизнедѣятельность дальнѣйшему ходу событій. Въ такомъ-то видѣ Эркманъ и Шатріанъ старались популяризировать исторію своего отечества, сдѣлать ее назидательной для всѣхъ классовъ общества, съ благою цѣлью направить умы читающаго люда, въ особенности рабочаго, на тѣ предметы, о которыхъ ведутся разсужденія въ романѣ. И въ «Терезѣ», и въ «Воспоминаніяхъ рекрута 1813 года», и въ «Ватерлоо», и въ «Нашествіи 1814 года или Юродивомъ Іегофѣ»,—всюду, а болѣе всего въ «Исторіи крестьянина» Эркманъ и Шатріанъ задаются одной и той же цѣлью—пытаются бросить взглядъ на важные историческіе моменты во

Франціи не сверху, а снизу, то есть посмотрѣть на нихъ глазами народа, глазами покорной и безгласной массы, отдающей себя во власть тѣхъ, кто озаренъ свѣтомъ просвѣщенія и умѣетъ мыслить и дѣйствовать. Наряду съ этимъ авторы стремятся уловить проблески народнаго самосознанія во Франціи, разгадать и показать ту борьбу мнѣній и взглядовъ, какая разыгрывается въ моменты пробужденія массъ—въ скромной обстановкѣ деревенскаго семейнаго очага, чуть не въ каждомъ заѣзжемъ дворѣ или кабачкѣ даже самой убогой деревни. Эркманъ и Шатріанъ—по замѣчанію одного русскаго критика—«стараются ввести читателя въ таинственную лабораторію, почти недоступную для историка, гдѣ вырабатывается, изъ безчисленнѣйшаго множества разнороднѣйшихъ элементовъ, и подъ вліяніемъ тысячи содѣйствующихъ и препятствующихъ условій,—тотъ великій гласъ народа, который, дѣйствительно, рано или поздно, всегда оказывается гласомъ Божіимъ, то есть опредѣляетъ своимъ громко произнесеннымъ приговоромъ теченіе историческихъ событій». Вотъ что составляетъ душу романовъ, этихъ удивительно чуткихъ къ народу писателей, чѣмъ важны ихъ произведенія, имѣющія благотворное воспитательное значеніе. Благодаря романамъ Эркмана-Шатріана, читатель научается въ должной степени уважать народъ, смотрѣть на него съ надеждой, задумываться надъ его судьбой, размышлять о его интересахъ и, съ точки зрѣнія этихъ интересовъ, относиться къ ходу событій.

«Когда эти романы—говоритъ въ своей прекрасной статьѣ объ Эркманѣ-Шатріанѣ Писаревъ,—читаются человѣкомъ, принадлежащимъ къ высшему или среднему классу общества, тогда они воздѣлываютъ въ немъ чувство спасительнаго смиренія, напоминая ему на каждомъ шагу, что настоящимъ фундаментомъ самыхъ великолѣпныхъ и замысловатыхъ политическихъ зданій всегда и вездѣ является народная масса, и что постоянная заботливость о благосостояніи этой массы составляетъ первую и самую священную обязанность всякаго, кому эта масса своимъ неутомимымъ трудомъ доставила возможность сдѣлаться мыслящимъ и образованнымъ человѣкомъ. Когда эти романы попадаются въ руки простому работнику, они внушаютъ ему чувства законнаго

и разумнаго самоуваженія... Онъ видитъ, что люди той массы, къ которой онъ самъ принадлежитъ, и притомъ люди самыхъ обыкновенныхъ размѣровъ, способны не только думать по своему и обсуживать очень благоразумно свои общественныя дѣла, но и вліять на направленіе народной жизни».

Огромное значеніе вообще имѣютъ романы Эркмана-Шатріана, показывая, какъ надо горячо любить родину. Въ нихъ писатели являются съ головы до ногъ, до глубины души французами, французами сердцемъ и умомъ, пламенными патріотами. И вотъ почему, по словамъ того же Писарева, «когда французъ читаетъ эти романы, они помогаютъ ему цѣнить и любить въ прошедшемъ своего народа то, что дѣйствительно достойно почтительной любви; они учатъ его гордиться тѣмъ, что, по всей справедливости, должно возбуждать гордость умнаго и честнаго патріота. Иностранцу эти романы показываютъ наглядно въ живыхъ образахъ то, чего онъ долженъ желать и добиваться для своего народа. Словомъ, кому бы ни попались въ руки эти романы, всякаго они наведутъ на такія размышленія, которыя не останутся безплодными для его политическаго развитія». Съ глубокимъ чувствомъ Эркманъ и Шатріанъ воспѣваютъ и оплакиваютъ національную славу Франціи. Въ каждомъ произведеніи блестяще выполняютъ они свою прекрасную задачу—поднятіе народнаго самосознанія и ознакомленіе массъ съ прошедшей исторіей Франціи, чтобы читатели ясно видѣли связь тѣхъ или другихъ крупныхъ историческихъ событій съ неотложными нуждами и потребностями обыденнаго быта простолюдина, чтобы въ низшихъ классахъ росло чувство самоуваженія, а также чтобы они могли уяснить себѣ движеніе прогрессивной мысли. Надо ли говорить, какъ симпатичны, какъ высоки задачи этихъ писателей, этихъ вѣрныхъ сыновъ многострадальной Франціи.

Въ своихъ романахъ Эркманъ и Шатріанъ вопіяли противъ невѣжества народныхъ массъ, въ какомъ еще съ начала истекшаго столѣтія держали ихъ властители Франціи. Изъ-за этого невѣжества даже самому разумному политическому принципу всеобщей подачи голосовъ на практикѣ пришлось сдѣлаться слѣ-

нымъ орудіемъ и игрушкой человѣка, который разорилъ и деморализировалъ Францію и способствовалъ вторженію въ нее враговъ, давно ее подкарауливавшихъ. «Благодаря тому же невѣжеству,— замѣчаетъ одинъ критикъ при разборѣ книги разсказовъ Эркмана-Шатріана «Исторія помощника сельскаго учителя»,—сельчане тупо, не понимая самыхъ насущныхъ своихъ интересовъ, оставались весьма нерѣдко постыдно равнодушными къ дѣлу своей родины, а на выборахъ, отъ которыхъ зависѣла вся ихъ судьба и будущее страны, готовы были продавать свои голоса въ пользу любого интригана, называйся онъ хоть Пьеромъ Бонапарте, Базеномъ, Пьерри или Гранье, и хоть Полемъ де-Касаньякомъ»... Высказать въ романахъ своихъ всю эту правду Эркманъ и Шатріанъ считали своимъ нравственнымъ долгомъ, обязанностью литераторовъ-гражданъ. Все это, конечно, дѣла минувшаго, послѣ котораго народное образованіе, а съ нимъ и массовое пробужденіе, самосознаніе быстро шагнули впередъ. И можно сказать съ увѣренностью, что въ нравственномъ и политическомъ ростѣ французскаго простолюдина романы Эркмана-Шатріана сыграли огромную роль.

«Безъ образованія,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ книги Эркмана-Шатріана «Histoire d'un sous maître»,— ни до чего не достигнешь. Только одно знаніе дѣлаетъ насъ людьми, позволяетъ намъ совершенствоваться и благоденствовать. Главное дѣло—образованіе народа. Богачи въ этомъ не нуждаются. Для ихъ дѣтей во Франціи всегда было довольно университетовъ, лицеевъ, колледжей, у нихъ никогда не бывало недостатка въ деньгахъ для платы профессорамъ, въ то время, какъ бѣдные сельскіе учителя питались едва не подаяніемъ... Я увѣренъ, что скоро у насъ введется даровое и обязательное образованіе, и радуюсь этому заранѣе... Но чему будутъ учить? Въ этомъ вся сущность вопроса... Можно быть очень знающимъ человѣкомъ и въ то же время великимъ осломъ. Это мы видимъ каждый день. Развѣ, напримѣръ, нѣмцы, изъ которыхъ каждый умѣетъ читать и писать, не составляютъ въ то же время самаго хищнаго и жестокаго народа въ Европѣ? Развѣ они не возстановили приза-

конфискаціи и захвата, чтобы грабить и разорять безъ зазрѣнія совѣсти побѣжденныхъ? Отчего это происходитъ? Отъ дурного образованія, которое имъ даютъ. Вмѣсто того, чтобы научить ихъ любви къ человѣчеству, свободѣ и справедливости, головы ихъ начиняютъ идеями мести, грабежа и владычества... Нѣмцы, при всей своей великой учености, страшныя тупицы. Жажда подтибрить чужое, кружитъ ихъ слабыя головы, а это ясно доказываетъ, что смыслъ вопроса образованія заключается, главнымъ образомъ въ томъ, чему учатъ... Я хочу сказать, что новое время требуетъ и новыхъ книгъ. Старыя, за ихъ негодностью, пора выбросить».

Эркманъ и Шатріанъ съ того момента, какъ они оставили свои идиллическія описанія тихихъ уголковъ Эльзаса и принялись за свои національные романы, быстро составили себѣ громкое имя попыткой познакомить народъ съ исторіей Франціи, начиная съ 1788 года. Эта попытка удалась имъ вполнѣ. Они разсказали эту исторію родной страны именно такъ, какъ надо разсказывать ее народу. Изъ ихъ историческихъ романовъ простой читатель, разумѣется, не узнаетъ о времени рожденія, брака, вступленіи на престолъ и кончинѣ того или другого изъ властителей Франціи; не будетъ освѣдомленъ, съ кѣмъ такой-то король воевалъ, заключалъ миръ и на какихъ условіяхъ, ради чего и когда мѣнялъ своихъ министровъ. Въ этомъ отношеніи начальные и дешевые учебники достаточно общедоступны и отвѣчаютъ своей цѣли. Но ни въ одномъ изъ этихъ учебниковъ не показано, какой смыслъ имѣютъ важнѣйшія историческія событія, что внесли они въ жизнь народа—добро или зло, и какъ должны относиться къ нимъ друзья его. Это все показали романы Эркмана-Шатріана, мало-по-малу получившіе громадное распространеніе даже въ тѣхъ заброшенныхъ уголкахъ Франціи, гдѣ раньше книга являлась самой рѣдкой вещью. Если книгоноша приходилъ въ какую-нибудь деревеньку, то можно было съ увѣренностью сказать, что сельчане охотнѣе всего раскупятъ у него эти романы, которые, такимъ образомъ, нашли себѣ мѣсто и въ скромной деревенской лачужкѣ, и въ библіотекѣ состоятель-

ныхъ людей высшаго и средняго класса. Въ этихъ классахъ романы эти, несмотря на ихъ народный характеръ, всегда читались съ интересомъ, хотя нѣкоторое время являлись достояніемъ только тѣснаго круга читателей, того разборчиваго круга, который брезгливо отворачивается отъ фельетонныхъ романовъ.

Особеннымъ успѣхомъ у всѣхъ читателей пользовался съ момента его выхода романъ Эркмана-Шатріана «Исторія крестьянина», разошедшійся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и занимающій первое мѣсто среди произведеній этихъ писателей. Эркманъ и Шатріанъ обыкновенно выводятъ людей изъ народа въ тѣ великіе моменты, когда народъ подъ вліяніемъ долгихъ лѣтъ тяжкихъ страданій, горя и бѣдъ, начинаетъ сознавать вопіющую потребность уяснить себѣ вполнѣ, что вредитъ ей, въ чемъ помѣха для здоровой человѣческой жизни. То же мы видимъ и въ «Histoire d'un paysan». Здѣсь показано, какъ жила, что думала и чувствовала французская деревня въ тѣ памятные и полные значенія дни, когда правительство Людовика XVI изнемогало подъ тяжестью дефицита, съ каждымъ годомъ увеличивавшагося и сочло неотложной необходимостью принять экстренныя мѣры, созвать собраніе государственныхъ чиновъ. Разсказъ ведется отъ имени Мишеля Бастіана, стараго крестьянина, бывшаго въ эпоху 1789 года мальчикомъ, память котораго ясно и отчетливо сохранила представленіе о томъ, какъ жили его родные при пресловутомъ «ancien régime», какъ давилъ этотъ старый порядокъ, и который былъ затѣмъ очевидцемъ всѣхъ перемѣнъ политическаго движенія, уничтожившаго во Франціи послѣдніе пережитки общественнаго строя средневѣковья. Какъ живо изображенъ этотъ бѣдный крестьянинъ, сынъ корзинщика, которому выпало на долю, вмѣстѣ съ женою, кормить шестерыхъ дѣтей, когда у него не было никакихъ средствъ, ни гроша за душой, ни клочка земли, ни козы, ни курицы, ничего, кромѣ загрубѣлыхъ отъ вѣчнаго труда рукъ, да еще такого труда, которому ставились безконечныя, всевозможныя преграды и который угнетался такими же всевозможными поборами и вымогательствами со стороны изобрѣтательныхъ на

этотъ счетъ средневѣковыхъ властей. Чрезвычайно типичны лица, окружающія Мишеля Бастіана—состоятельный кузнецъ и владѣлецъ трактира Жанъ Леру, книгоноша и торговецъ газетами, кальвинистъ Матюренъ Шовель и, наконецъ, Кристофъ Матернъ, приходской священникъ деревни, въ которой живетъ старый крестьянинъ, на котораго эти три лица имѣютъ огромное вліяніе, дѣйствуя рѣшительнымъ образомъ на его умственное и нравственное развитіе.

Самый любопытный типъ изъ нихъ это — священникъ Матернъ, по замѣчанію русскаго критика, «одинъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ посвятить всю свою жизнь служенію узкой, односторонней идеи, но которые, во всякомъ случаѣ, вносятъ глубокую нравственную серьезность во все то, чему они себя посвящаютъ. Матернъ можетъ сдѣлаться ретроградомъ, обскурантомъ, гонителемъ и палачемъ, но какъ бы онъ не заблуждался, онъ всегда будетъ заблуждаться съ полною искренностью, постоянно прислушиваясь только къ голосу собственной совѣсти. Проповѣдывать по обязанности службы то, чему онъ, по совѣсти, не вѣритъ, или то, чему онъ вѣритъ въ половину, играть въ жизни какую бы то ни было комедію, лицемѣрить и тартюфничать—онъ рѣшительно не въ состояніи». Немного подъ пару ему книгоноша и газетчикъ Шовель, настоящій герой, фанатически преданный дѣлу общаго блага. Ни трудъ тяжелый, непосильный, ни ужасныя лишенія, ни опасности, ни болѣзнь, ни самая смерть—ему не страшны. Онъ ненавидитъ зло, въѣвшееся въ народную жизнь, такою ненавистью, какою, напримѣръ, медикъ можетъ ненавидить болѣзнь, подрывающую силы его паціента, или математикъ можетъ ненавидѣть средневѣковое беззаконіе, во всеуслышаніе объявляя себя его непримиримымъ врагомъ. Этотъ врагъ неподкупенъ и необычайно терпѣливъ, несмотря на то, что вся жизнь Шовеля прошла среди непосильнаго труда и гоненій. Жанъ Леру, крестный отецъ Мишеля Бастіана, которому онъ оказалъ нѣсколько важныхъ услугъ, ему, однако, ничего не стоившихъ,—тоже удачно обрисованъ. Это—одинъ изъ представителей той части французской буржуазіи,

которая еще кое-какъ связана съ народомъ и въ свое время помогала народу, оказала ему важныя услуги, разумѣется, не во вредъ себѣ, безъ самопожертвованія... Жанъ Леру вопіетъ противъ несправедливости и высказываетъ желаніе коренныхъ и широкихъ преобразованій, но онъ перестанетъ вопить и выражать пожеланія благъ въ ту блаженную минуту, когда всякія несправедливости будутъ прекращены въ ущербъ его дѣламъ, и когда всѣ преобразованія осуществятся, тѣ преобразованія, изъ которыхъ онъ сумѣетъ извлечь выгоды единственно для себя. Въ борьбѣ массъ за свои права, за свое существованіе, Леру не годится на роли полководца и солдата, но зато, какъ трубачъ, онъ принесетъ несомнѣнную пользу, если только это не сопряжено съ большими опасностями и вдобавокъ хорошо вознаграждается либо деньгами, либо почетомъ. Словомъ, онъ изъ тѣхъ, кто можетъ прекрасно служить общему дѣлу, когда работа для этого дѣла связана съ интересами личнаго матеріальнаго успѣха этихъ людей.

Мѣсто дѣйствія романа—Лотарингія, близъ города Пфальцбурга, который встрѣчается едва ли не во всѣхъ произведеніяхъ Эркмана-Шатріана. Гдѣ-нибудь вблизи этого самаго Пфальцбурга всегда находится гнѣздо того или другого героя романа. Въ «Исторіи крестьянина» прямо указывается на связь этого романа съ «Нашествіемъ 1814 года или юродивымъ Іегофомъ», гдѣ описаны эпизоды изъ народной войны противъ союзниковъ 1814 года, и гдѣ дѣйствуетъ Матернъ, родной братъ Кристофа Матерна, героя «Исторіи крестьянина», одинъ изъ храбрѣйшихъ волонтеровъ, имѣющій большое вліяніе на народъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бо̀льшая часть подробностей, лицъ, сценъ какъ въ «Исторіи крестьянина», такъ и въ другихъ романахъ Эркмана-Шатріана, пріуроченныхъ къ одной и той же мѣстности, списаны прямо съ натуры. При этомъ взглядъ снизу, съ точки зрѣнія народа, на историческія событія не является плодомъ вымысла талантливѣйшихъ и просвѣщенныхъ авторовъ, а просто подслушанъ на мѣстѣ и взятъ непосредственно со словъ разсказчиковъ изъ среды народа. Надо ли говорить, что отъ

этого романы Эркмана-Шатріана выигрываютъ еще больше, дѣлаются еще занимательнѣе и цѣннѣе.

Послѣ прусскаго вторженія Эркманъ и Шатріанъ написали сравнительно очень мало, но въ 1871 г. появился сборникъ новыхъ разсказовъ ихъ, написанныхъ въ Парижѣ во время его осады, подъ грохотъ орудій во время бомбардировки, въ чаду порохового дыма. Если бѣдствія Франціи въ эти ужасные дни и послѣдовавшія событія нашли живой оттолосокъ, глубокое сочувствіе въ каждомъ честномъ сердцѣ, «то—по замѣчанію одного изъ нашихъ критиковъ—можно себѣ представить, съ какой скорбью должны были отражаться эти событія въ мысли писателей-очевидцевъ, переживавшихъ ихъ съ минуты на минуту, съ часу на часъ, и такихъ людей, какъ гг. Эркманъ и Шатріанъ, для которыхъ благо согражданъ, интересы развитой мысли, общественнаго благополучія и нравственной и матеріальной свободы низшихъ классовъ служатъ главнымъ стимуломъ сознательнаго творчества, существеннѣйшей цѣлью всей ихъ литературной дѣятельности, дорогимъ предметомъ энергической и страстной пропаганды». Въ сборникѣ новыхъ разсказовъ Эркмана-Шатріана четыре очерка: «Исторія помощника сельскаго учителя», «Доброе старое время», «Деревенскіе ораторы» и «Бумаги госпожи Жанеты». Цѣль перваго—подвинуть народъ на дѣло твердаго и упорнаго отстаиванія необходимости народнаго образованія. Остальные очерки являются какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ идеи, положенной въ основу «Исторіи помощника сельскаго учителя». Цѣль очерка второго («Доброе старое время») представить—какъ страдалъ и бѣдствовалъ народъ, когда жалкіе люди, навязанные ему въ покровители, усердствовали не по разуму и «во всю свою волю». Въ «Деревенскихъ ораторахъ»—третьемъ очеркѣ—мы видимъ картину, скорбную и безотрадную, непониманія, до котораго дошли обитатели темныхъ угловъ въ силу своего долгаго невѣжества. Наконецъ, послѣдній очеркъ—«Бумаги госпожи Жанеты»—преслѣдуетъ цѣль—показать наглядно и доказать всѣ невыгоды,

всѣ неудобства, являющіяся послѣдствіемъ безграмотства, незнанія, темноты духовной. Много перловъ разсыпано въ этихъ очеркахъ.

Пройдутъ года, много перемѣнъ случится во всѣхъ земляхъ, но обаяніе произведеній Эркмана-Шатріана не измѣнится, не ослабѣетъ. Ихъ значеніе останется навсегда, какъ останутся вѣчными та любовь къ человѣчеству, та, правда, которыя красной нитью проходятъ черезъ всѣ романы и очерки этихъ популярнѣйшихъ писателей, этихъ вѣрныхъ друзей народа.

Петръ Быковъ.

Царское Село.
Октябрь, 1914 г.

КАПРАЛЪ ФРЕДЕРИКЪ.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗА, ИЗГНАННАГО НѢМЦАМИ.

I.

— Когда я занималъ должность капрала лѣсной стражи въ Штейнбахѣ,—говорилъ мнѣ дядя Фредерикъ,—подъ моимъ надзоромъ находилась самая лучшая часть лѣса изъ всего Саверскаго округа; у меня былъ хорошій домикъ на опушкѣ, сзади него фруктовый садъ, засаженный яблонными, грушевыми и сливовыми деревьями, покрывавшимися осенью плодами, да кромѣ того четыре десятины сѣнокоснаго луга вдоль берега рѣки. Бабушка Анна, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, еще пряла, сидя у печки, и даже помогала въ домашнемъ хозяйствѣ, а всѣмъ вообще хозяйствомъ у меня завѣдывали жена и дочь; недѣли, мѣсяцы, годы проносились, какъ одинъ день, въ невозмутимомъ спокойствіи... Если бы въ это время кто-нибудь сказалъ мнѣ: «Капралъ Фредерикъ, видишь эту обширную Эльзасскую долину, которая простирается вплоть до Рейна; видишь эти сотни деревень, окруженныхъ хлѣбами всѣхъ возможныхъ сортовъ, по которымъ вѣтеръ гуляетъ, какъ по морю: и рожью, и овсомъ, и льномъ, и хмѣлемъ; эти высокія, вѣчно-дымящіяся трубы фабрикъ; эти мельницы и пильные заводы; эти холмы, покрытые виноградниками; эти буковые и пихтовые лѣса, подобныхъ которымъ, для морскихъ сооруженій, нѣтъ въ цѣлой Франціи; эти древніе замки, стоящіе уже нѣсколько вѣковъ въ развалинахъ на вершинахъ горъ; эти крѣпости: Нефъ-Бризакъ, Шлестадъ, Фальсбургъ, Битчъ, защищающія входъ въ Вогезскія

дефилеи... Видишь ли, капралъ, все это пространство, которое едва можетъ окинуть глазъ человѣческій, начиная отъ Виссамбургскихъ линій до Бельфора, — ну, все это, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ принадлежать пруссакамъ; они завладѣютъ всѣмъ этимъ, поставятъ вездѣ свои гарнизоны, обложатъ пошлинами, разошлютъ по всѣмъ деревнямъ своихъ сборщиковъ податей, контролеровъ, лѣсничихъ, школьныхъ учителей! А жители этихъ мѣстъ станутъ въ ряды нѣмецкихъ войскъ, подъ начальство прусскихъ фельфебелей». Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ это, я бы принялъ его за сумасшедшаго и даже, пожалуй, былъ бы способенъ, въ порывѣ негодованія, надавать ему пощечинъ.

А между тѣмъ онъ сказалъ бы правду; онъ даже сказалъ бы менѣе того, что въ дѣйствительности случилось. Вотъ и я теперь, во всю жизнь не разстававшійся съ горами, принужденъ въ мои годы сидѣть въ этой мансардѣ, изъ которой ничего не видно, кромѣ крышъ и трубъ,—сидѣть одинъ, покинутый небомъ и землей, и размышлять день и ночь объ этомъ страшномъ событіи.

Да, Жоржъ, нѣтъ ничего хуже такого положенія!

Когда лисицѣ или волку перебьютъ лапу, они залижутъ рану и излѣчиваются; раненые зайцы и бѣлки тотчасъ же умираютъ или заберутся въ чащу и тамъ отлежатся; собака, когда у нея отнимутъ щенятъ, сначала похудѣетъ отъ горя, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, забудетъ—и какъ рукой сняло... Но мы, мы не можемъ забыть, и чѣмъ дольше идетъ время, тѣмъ сильнѣе мы сознаемъ свое несчастіе, тѣмъ яснѣе мы видимъ многое изъ того, чего не замѣтили въ первую минуту; несправедливость, недобросовѣстность, эгоизмъ—все это растетъ въ нашихъ глазахъ, какъ кусты терновника.

Если ты желаешь знать, какъ я попалъ сюда, въ эту трущобу, и какъ я жилъ до сихъ поръ, я готовъ разсказать тебѣ.

Ты можешь разспросить и другихъ людей, разнаго рода служащихъ, рабочихъ, крестьянъ, которые, подобно мнѣ, убѣжали оттуда; многіе изъ нихъ живутъ и теперь по сосѣдству со мною. Я какъ-то сказалъ, что ушло болѣе двухсотъ тысячъ! Очень возможно. Въ ту минуту, когда я оставлялъ край, всѣ дороги были покрыты бѣглецами.

Но все это тебѣ извѣстно такъ же, какъ и мнѣ, поэтому я

стану говорить только о томъ, что относится до меня лично, и начну съ самаго начала: это гораздо проще.

Когда твоему дѣдушкѣ, г. президенту мюнсцкаго трибунала, дали въ 1865 г. повышеніе и онъ уѣхалъ въ Бретань, я отчасти былъ радъ этому, потому что онъ заслуживалъ отличія: въ нашемъ околодкѣ не было человѣка ученѣе и лучше его; мѣсто ему не въ Саверне. Но, съ другой стороны, меня очень опечалило это обстоятельство.

Мой отецъ, старый лѣсничій въ Дозенгеймѣ, всегда отзывался о мюнсцкомъ президентѣ съ величайшимъ уваженіемъ и постоянно твердилъ мнѣ, что онъ нашъ благодѣтель, что онъ любилъ наше семейство; я самъ ему обязанъ своимъ мѣстомъ въ Штейнбахѣ, а также по его рекомендаціи получилъ руку моей жены, Катерины Брюа, единственной дочери бывшаго капрала Мартына Брюа.

Послѣ этого ты поймешь, что каждый разъ, когда я являлся съ докладомъ по дѣламъ службы въ Саверне, я не могъ видѣть безъ умиленія этотъ почтенный домъ, гдѣ въ теченіе двадцати лѣтъ меня принимали радушно. Грустно мнѣ было разставаться съ этимъ отличнымъ человѣкомъ!

Естественно, для насъ составляло большое лишеніе и то, что ты уже пересталъ пріѣзжать на каникулы въ домъ лѣсничаго. Мы такъ привыкли къ твоимъ пріѣздамъ, что, бывало, еще задолго твердили: «Вотъ подходитъ 5 сентября; скоро явится къ намъ маленькій Жоржъ».

Моя жена приготовляла для тебя постель наверху, подстилала лаванду подъ бѣлыя чистыя простыни, мыла полъ и окна.

Я, въ то же время, приготовлялъ силки для дроздовъ и разнаго рода приманки для форелей; поправлялъ устроенные подъ лѣсами шалашики для ловли синицъ, пробовалъ, хорошо ли свистятъ птичьи дудочки, и дѣлалъ новыя изъ свинца и гусиныхъ костей. Я приводилъ въ порядокъ ящикъ съ удочками, шнурками, поплавками и заранѣе улыбался отъ удовольствія, представляя себѣ, какъ ты все это перероешь, пересмотришь и скажешь:

— Послушайте, дядя Фредерикъ, завтра надо будетъ меня разбудить ровно въ два часа. Мы отправимся задолго до восхода солнца.

Я очень хорошо зналъ, что ты заснешь, какъ убитый, и что мнѣ будетъ стоить большого труда растолкать тебя; но съ вечера,

передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, ты непремѣнно собирался проснуться въ два часа, даже въ полночь. Это меня забавляло.

Потомъ я представлялъ себѣ, какъ ты сидишь въ шалашѣ и не смѣешь вздохнуть, пока я подсвистываю; чувствую, какъ ты дрожишь на мху, когда сойки и дрозды начнутъ подлетать и кружиться, заглядывая подъ листву; наконецъ, слышу, какъ ты шепчешь:

— Вотъ они!.. Вотъ они!..

Ты не могъ сладить съ собой, пока на разсвѣтѣ не появлялась цѣлая туча синицъ.

Да, Жоржъ, все это меня тѣшило, и я ждалъ каникулъ, можетъ быть, съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и ты.

Наша маленькая Марія-Роза также радовалась скорому свиданію съ тобой; она торопилась плести новыя верши и чинить разорванныя въ прошломъ году петли сѣтокъ. И вдругъ все это кончилось; мы очень хорошо знали, что ты не пріѣдешь больше къ намъ.

Раза два или три случалось такъ, что этотъ дурень Каласъ пасетъ, бывало, нашихъ коровъ на лугу, увидитъ издали, что по ту сторону долины кто-нибудь идетъ въ Дозенгеймъ, пустится къ намъ бѣжать и кричитъ, разинувъ ротъ до ушей:

— Онъ!.. Онъ!.. Я узналъ его... У него узелокъ подъ мышкой!..

А Раго пустится по пятамъ этого идіота и подыметъ лай. Такъ бы и исколотилъ ихъ обоихъ, потому что мы уже знали, что ты находишься въ Реннѣ. Г. президентъ самъ писалъ, что ты часто вспоминаешь о Штейнбахѣ. Я и безъ этихъ криковъ былъ въ дурномъ расположеніи духа.

Часто также бывало, что моя жена и Марія-Роза начнутъ раскладывать по полу чердака разные фрукты и говорятъ:

— Какія безподобныя, сочныя груши!.. Какія славныя сѣрыя ранеты!.. Ахъ, если бы Жоржъ былъ теперь у насъ! Онъ бы съ утра до ночи бѣгалъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ.

И онѣ улыбались со слезами на глазахъ.

Да сколько разъ я самъ, вернувшись съ ловли птицъ, бросалъ на столъ нанизанныхъ на бичевку синицъ и говорилъ:

— Ну, вотъ ихъ тутъ десять, пятнадцать дюжинъ... На кой чортъ мнѣ онѣ теперь, когда нѣтъ съ нами нашего мальчика? Хоть кошку ими корми, мнѣ все равно!

Право я не лгу, Жоржъ: я никогда не находилъ вкуса въ синицахъ и даже въ дроздахъ. Я предпочиталъ имъ хорошій кусокъ говядины и только изрѣдка развѣ, для разнообразія, ѣдалъ немного дичи.

Такъ-то мы проводили первое время послѣ вашего отъѣзда. Но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ наши мысли приняли другое направленіе, тѣмъ болѣе, что въ январѣ 1867 г. насъ постигло большое несчастіе.

II.

Въ серединѣ зимы, когда всѣ горныя дороги и тропинки были завалены снѣгомъ и когда обремененные инеемъ сучья буковыхъ деревьевъ, стоявшихъ по правую и по лѣвую сторону нашего дома, каждую ночь съ трескомъ ломались, точно стеклянные,— однажды вечеромъ, часовъ около шести, моя жена зажгла огонь на очагѣ и сказала мнѣ:

— Я лягу, Фредерикъ... Мнѣ что-то нездоровится... Я чувствую ознобъ...

Надо замѣтить, что она съ самаго начала зимы была очень блѣдна, но до сихъ поръ я не слыхалъ отъ нея никакой жалобы. Она никогда не говорила о своихъ болѣзняхъ и въ молодости занималась хозяйствомъ до кануна родовъ.

Мнѣ и въ голову не приходило, что у нея можетъ быть опасная болѣзнь, и я очень спокойно отвѣтилъ:

— Не стѣсняйся, Катерина, лягъ, отдохни... Ты слишкомъ много работаешь... Марія-Роза изготовитъ кушанье.

Я такъ разсуждалъ: одинъ разъ въ двадцать лѣтъ можно дать себѣ отдыхъ, это слишкомъ немного.

Марія-Роза налила горячей воды въ каменный кувшинъ, чтобы согрѣть матери ноги. Мы спокойно поужинали, по обыкновенію картофелемъ и простоквашей, и не чувствовали ни малѣйшаго безпокойства: выкуривъ свою трубку возлѣ печки, я часовъ около десяти собрался итти спать: подойдя къ постели, я увидалъ вдругъ, что моя жена лежитъ блѣдная, какъ полотно, съ широко раскрытыми глазами.

— Эй! Катерина!—говорю я.

Она не шевельнулась. Я повторилъ: «Катерина!» и сталъ трясти ее за руку... А она ужъ была вся холодная.

Эта мужественная женщина оставалась на ногахъ до послѣдней минуты; она потеряла много крови и ни разу не пожаловалась. Значитъ, я овдовѣлъ... а моя бѣдная Марія-Роза лишилась матери!..

Это несчастіе страшно потрясло меня; я думалъ, что никогда не оправлюсь отъ такого удара.

Старушка бабушка, которая съ нѣкоторыхъ поръ почти уже не вставала съ своего кресла и постоянно находилась въ какомъ-то полузабытьи, теперь проснулась. Марія-Роза такъ громко рыдала, что вопли ея были слышны на дворѣ; даже бѣдный идіотъ Каласъ бормоталъ:

— Ахъ, лучше бы я умеръ вмѣсто нея!..

Такъ какъ мы жили вдали отъ всѣхъ, въ лѣсу, то покойницу пришлось везти хоронить въ Дозенгеймъ по глубокому снѣгу. Мы шли одинъ за другимъ, а впереди насъ везли на телѣжкѣ гробъ. Марія-Роза до такой степени плакала, что я долженъ былъ поддерживать ее на каждомъ шагу. Хорошо еще, что бабушка осталась дома; она сидѣла въ своемъ креслѣ и читала заупокойныя молитвы.

Мы вернулись уже ночью—вдвоемъ. Мать лежала теперь подъ снѣгомъ, рядомъ со всѣми прочими Брюа, похороненными на дозенгеймскомъ кладбищѣ, за церковью. Я думалъ:

«Что станется съ твоимъ домомъ, Фредерикъ? Ты, конечно, въ другой разъ не женишься; у тебя была хорошая жена: кто знаетъ, можетъ быть, вторая будетъ самая дурная и притомъ мотовка? Нѣтъ, лучше живи одинъ. Но кто же возьметъ на себя всѣ хлопоты по хозяйству? Кто позаботится о соблюденіи твоихъ выгодъ? Бабушка слишкомъ стара, а дочь еще почти ребенокъ».

Я приходилъ въ отчаяніе при мысли, что теперь все пропало, что все скопленное мною пойдетъ прахомъ.

Но я нашелъ въ моей маленькой Маріи-Розѣ истинное сокровище; она обладала мужествомъ и здравымъ умомъ. Тотчасъ же послѣ смерти матери она смѣло взяла на себя все дѣло, которымъ заправляла ея мать, наблюдала за полями, за скотомъ, за хозяйствомъ, взяла подъ свою команду Каласа. Бѣдняга повиновался ей безпрекословно: несмотря на свою простоту, онъ понималъ, что теперь она хозяйка и имѣетъ право распоряжаться всѣмъ.

Вотъ какъ идутъ дѣла на свѣтѣ!

Послѣ случившагося со мною несчастія я подумалъ, что хуже уже ничего быть не можетъ, а на повѣрку вышло, что все это только цвѣточки и что самое лучшее для насъ было бы—умереть всѣмъ въ одинъ и тотъ же день.

Бывало, когда я возвращался въ свой старый домъ, то еще издали улыбался, глядя, какъ блестятъ на солнцѣ его стекла и какъ дымится его труба между вершинами елей; а теперь онъ казался мнѣ мрачнымъ, точно разореннымъ. Зима тянулась для насъ очень долго. Прежде я по получасу просиживалъ съ трубкой въ зубахъ и смотрѣлъ на огонь, который весело трещалъ на очагѣ, отражаясь на оконныхъ стеклахъ, разрисованныхъ морозомъ; въ то время тысячи пріятныхъ мыслей проносились въ моей головѣ, тогда какъ теперь мысли эти были самыя грустныя. Дрова шипѣли и какъ будто плакали: бѣдняжка Раго все что-то искалъ, бѣгалъ то туда, то сюда, обнюхивалъ всѣ углы, всѣ двери: Каласъ молча плелъ корзины изъ ивняку, который лежалъ въ грудѣ передъ нимъ; бабушка Анна перебирала четки, а Марія-Роза, блѣдная, одѣтая въ трауръ, тихо, неслышно, какъ ея покойница-мать, ходила взадъ и впередъ, хлопоча по хозяйству.

Я почти ничего не говорилъ. Когда смерть заберется куда-нибудь, тутъ ужъ жалобами не поможешь.

Да, эта зима страшно долго тянулась!

Но, наконецъ, пришла весна, какъ и въ прежніе годы: на букахъ показались молодыя почки; мы раскрыли окна, чтобы освѣжить воздухъ въ комнатахъ; груша передъ крыльцомъ одѣлась бѣлыми цвѣтами; всѣ Божьи птички принялись пѣть, гоняться одна за другой, вить гнѣзда,—однимъ словомъ, все шло прежнимъ порядкомъ.

Я снова вступилъ въ отправленіе своей должности, сопровождалъ г. главнаго надсмотрщика Рамо въ его обходахъ, распредѣлялъ съ нимъ лѣсосѣки, надзиралъ за дальними работами, вставалъ съ утренней зарей и возвращался домой поздно, когда начинали умолкать пѣвчіе дрозды.

Горе всюду меня преслѣдовало, а между тѣмъ мнѣ доставляла большое утѣшеніе Марія-Роза, которая видимо росла и хорошѣла поразительнымъ образомъ.

Это я говорю тебѣ, Жоржъ, не какъ отецъ; увѣряю тебя, что во всѣхъ долинахъ и лѣсахъ между Саверномъ и Лютцельштейномъ ты не встрѣтилъ бы другую такую свѣженькую, стройную

дѣвушку, съ такимъ честнымъ, открытымъ лицомъ, съ такими великолѣпными голубыми глазами и съ такой роскошной бѣлокурой косой. А ужъ что за мастерица была она на всякое дѣло! О, да! Смѣло могу сказать, настоящая красавица—кроткая и здоровая.

Часто, бывало, возвращаюсь ночью домой и вижу, что она стоитъ на верхней ступенькѣ лѣстницы, откуда знаками показываетъ мнѣ, что ужинъ давно уже ждетъ меня; потомъ сбѣжитъ внизъ и подставитъ мнѣ обѣ свои щечки для поцѣлуя. Я и думаю:

«Она еще лучше, чѣмъ была ея мать въ эти годы, а голова-то у нея такая же дѣльная, какъ и у той. Не жалуйся же на свое несчастіе, Фредерикъ: многіе позавидовали бы твоей участи; у тебя есть дочь, которая приноситъ тебѣ много отрады».

Но воспоминаніе о покойницѣ женѣ вызывало всегда слезы на мои глаза, и я восклицалъ:

— Ахъ, если бы Катерина могла ожить, чтобы поглядѣть на нее! Какъ бы она была счастлива!

Въ это же время и другія мысли осаждали мою голову; срокъ моей отставки приближался, а такъ какъ Маріи-Розѣ шелъ уже семнадцатый годъ, то я ужъ подумывалъ, какъ бы ей подыскать добраго, честнаго мужа изъ лѣсныхъ надсмотрщиковъ, у котораго я могъ бы спокойно доживать свой вѣкъ среди дѣтей и внуковъ, а онъ, поступивъ на мое мѣсто, сталъ бы уважать меня, какъ я уважалъ тестя Брюа двадцать лѣтъ тому назадъ.

Это составляло мою главную заботу, и я даже имѣлъ кой-кого на примѣтѣ, именно рослаго, красиваго молодого человѣка изъ Фельсберга, служившаго лѣтъ пять передъ тѣмъ въ конно-егеряхъ и получившаго недавно мѣсто лѣсного надсмотрщика недалеко отъ насъ, въ Томенталѣ. Звали его Жанъ Мерленъ; съ лѣсной частью онъ былъ хорошо знакомъ, потому что учился лѣсоводству въ Эгисгеймѣ, въ Эльзасѣ.

Малый этотъ очень мнѣ нравился, во-первыхъ, потому, что нравъ у него былъ хорошій, а во-вторыхъ, что и Марія-Роза благосклонно на него посматривала. Я не разъ замѣчалъ, что она всегда немного покраснѣетъ, когда увидитъ, что онъ идетъ къ намъ въ домъ съ докладомъ; замѣчалъ я также, что и онъ въ эти дни являлся всегда выбритый очень тщательно, съ воткнутымъ за значкомъ охотничьяго рога на фуражкѣ или дубовымъ

листомъ, или вѣткой вереска, что къ мужчинѣ всегда очень идетъ; его нѣсколько рѣзкій голосъ дѣлался необыкновенно мягкимъ, когда онъ говорилъ:

— Здравствуйте, м-ль Марія-Роза, какъ ваше здоровье?.. Какая сегодня славная погода! Какое яркое солнце! и т. д.

Онъ видимо бывалъ смущенъ, да и Марія-Роза отвѣчала ему всегда робкимъ голосомъ. Дѣло было ясно—они любили другъ друга, что очень натурально, когда наступитъ пора жениться и замужъ выходить. Такъ изстари велось и будетъ вестись, по милости Провидѣнія.

Худого въ ихъ любви я ничего не находилъ, а, напротивъ, думалъ: «вотъ когда онъ сдѣлаетъ мнѣ формальное предложеніе, такъ мы посмотримъ. Я сразу не скажу ни да, ни нѣтъ; не слѣдуетъ показывать вида, что обрадовался жениху; пусть онъ упрашиваетъ подольше, я понемножку смягчусь и, наконецъ, дамъ согласіе. Нельзя же доводить молодежь до отчаянія».

Вотъ какія мысли бродили у меня въ головѣ.

Кромѣ того, этотъ молодой человѣкъ былъ рода хорошаго; дядюшка его, Даніэль Мерленъ, занималъ мѣсто школьнаго учителя въ Фельсбергѣ; отецъ его служилъ сержантомъ въ пѣхотномъ полку; мать Маргредель хотя и переселилась къ сыну въ Томенталь, но сама владѣла въ Фельсбергѣ домикомъ съ садомъ и пятью или шестью акрами удобной земли. Лучшей партіи для моей дочери, во всѣхъ отношеніяхъ, нельзя было желать.

Почти каждый день я возвращался по вечерамъ изъ своего обхода по лѣсу по тропинкѣ, которая вьется вдоль Дозенгеймской долины, въ ту минуту, когда солнце начинаетъ заходить, а тишина вмѣстѣ съ лѣснымъ сумракомъ водворяются на обширныхъ лугахъ Зинзелы, безмолвіе которыхъ нарушается тихимъ ропотомъ рѣчки; проходя этимъ мѣстомъ, я всякій разъ начиналъ мечтать о мирномъ счастіи моихъ дѣтей въ нашемъ уединенномъ уголкѣ, объ ихъ согласномъ супружествѣ, о томъ, какъ у нихъ будутъ родиться ребятишки, какъ мы станемъ крестить малютокъ въ нашей старой церкви и т. д. Мысли эти приводили меня въ умиленіе и заставляли восклицать:

— Царь небесный!.. Это непремѣнно сбудется!.. А ты, Фредерикъ, когда состарѣешься, когда совсѣмъ сгорбишься, какъ бабушка Анна, когда волосы у тебя побѣлѣютъ, ты спокойно будешь умирать, благословляя юную чету. И долго спустя послѣ

твоей кончины честный Жанъ Мерленъ и Марія-Роза станутъ вспоминать о тебѣ!

Раздумавшись такимъ образомъ, я останавливался на тропинкѣ, какъ разъ надъ лѣсничьимъ домомъ Жана Мерлена, и смотрѣлъ сверху на его гонтовую крышу, на садикъ, огороженный заборомъ, на дворъ, гдѣ мать Жана загоняла на ночь куръ и утокъ въ курятникъ, потому что въ нашихъ мѣстахъ водилось не мало лисицъ. Я смотрѣлъ сверху и кричалъ, приподнимая фуражку:

— Эй! Магредель, добраго вечера!

Добрая женщина поднимала голову и весело откликалась:

— Добраго вечера, г. капралъ. Что, у васъ все благополучно?

— Все слава Богу, Маргредель, благодарствуйте!

Затѣмъ я пробирался внизъ чрезъ кустарникъ, и мы жали другъ другу руку.

Хорошая была эта женщина: всегда веселая, довольная; эта веселость поддерживалась въ ней безграничной вѣрой въ благость Божію, что заставляло ее представлять себѣ все только съ хорошей стороны. Между нами не было никакихъ объясненій, но мы отлично понимали другъ друга; заговоримъ о пустякахъ, а сами смекаемъ, въ чемъ дѣло.

Наболтавшись досыта, я уходилъ, а Маргредель, нѣсколько хриплымъ голосомъ (ей было тогда лѣтъ подъ шестьдесятъ), кричитъ мнѣ вслѣдъ:

— Счастливаго пути, г. капралъ. Не забудьте поклониться отъ меня м-ль Маріи-Розѣ и бабушкѣ.

— Будьте покойны, не забуду ничего.

Она кивала мнѣ головой, какъ бы говоря: «очень хорошо», а я шагалъ дальше.

Иногда, вернувшись домой съ обхода раньше пяти часовъ, мнѣ случалось заставать Жана недалеко отъ нашего дома, по ту сторону холма, на тропинкѣ, пролегавшей вдоль нашего фруктоваго сада, а Марію-Розу въ саду за сборомъ овощей. Стояли они оба на своихъ мѣстахъ и разговаривали черезъ заборъ, такъ, какъ будто совсѣмъ равнодушно. А ужъ чего равнодушно! Это мнѣ напоминало доброе старое время, когда я ухаживалъ за своей Катериной; вотъ я незамѣтно и прокрадусь вересками да шагахъ въ двадцати сзади и крикну:

— Эге-ге, Жанъ Мерленъ! Такъ-то вы службу исполняете! За молодыми дѣвушками волочитесь?

Онъ оборачивался совершенно сконфуженный.

— Извините, капралъ,—говорилъ онъ,—я пришелъ по дѣлу... васъ не засталъ... вотъ мы и разговорились съ м-ль Маріей-Розой.

— Да... да... хорошо! А вотъ мы посмотримъ! Я вѣдь лисицамъ не очень довѣряю, вы это знайте!

Словомъ, начнутся у насъ шутки... Ты видишь, Жоржъ, что счастье вернулось къ намъ.

Я столько же полагался на Жана Мерлена, какъ и на Марію-Розу. Въ нашемъ краю не водилось негодяевъ и обманщиковъ; эта порода появлялась у насъ всегда со стороны.

III.

Дѣла шли такимъ образомъ въ продолженіе всего 1868 года. Жанъ Мерленъ изыскивалъ всевозможныя средства, чтобы заходить ко мнѣ: то завернетъ по дѣламъ службы, то для того, чтобы посовѣтоваться со мной насчетъ своихъ собственныхъ домашнихъ дѣлъ. Онъ боялся одного—получить отказъ; случалось иногда, что мы съ нимъ отправимся осматривать лѣсъ; онъ идетъ себѣ, понуря голову, задумчивый, хочетъ, повидимому, заговорить, скажетъ слово—и замолчитъ.

Я, съ своей стороны, искренно желалъ ему побольше храбрости, но первый начать разговоръ не хотѣлъ: это было бы неприлично для начальника; я ждалъ отъ него формальнаго предложенія, думалъ, что онъ напишетъ, наконецъ, ко мнѣ письмо или пришлетъ кого-нибудь изъ родныхъ сватомъ, ну, хоть дядю своего Даніэля, а не то школьнаго учителя изъ Фельсберга, человѣка почтеннаго, на котораго можно было возложить такое деликатное порученіе.

Мнѣ случалось размышлять о томъ, что лично меня касалось въ этомъ дѣлѣ. Натурально, я ничего такъ не желалъ, какъ видѣть свою дочь счастливой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ, что не мѣшало бы имѣть въ виду и общіе интересы. Когда ни о чемъ не думаешь, то все кажется такъ просто и легко, а между тѣмъ у каждой вещи есть своя хорошая и дурная сторона.

Мнѣ до моей отставки оставались еще добрыхъ два года; но

потомъ, если бы зятя не назначили капраломъ на мое мѣсто, намъ пришлось бы убраться изъ этого стараго домика, гдѣ я прожилъ столько лѣтъ съ дорогими мнѣ существами: съ тестемъ Брюа, съ бѣдной моей женой, съ бабушкой Анной, наконецъ, со всѣми прочими; пришлось бы покинуть все и итти жить въ неизвѣстной сторонѣ, среди чужихъ людей!

Эта мысль приводила меня въ отчаяніе.

Я зналъ очень хорошо, что Марія-Роза и Жанъ Мерленъ будутъ всегда меня почитать, какъ отца; я былъ убѣжденъ въ этомъ. Но привычка къ своему углу, къ однимъ и тѣмъ же предметамъ становится второй натурой,—вотъ почему старые зайцы, старыя лисицы, если даже выстрѣлятъ по близости отъ ихъ норъ или жилищъ, все-таки возвращаются туда; ихъ тянетъ взглянуть на кустарникъ, на траву, напоминающіе имъ дни ихъ юности, пору любви. Даже тревоги и заботы, которыя, по правдѣ сказать, составляютъ три четверти нашего существованія, нерѣдко бываютъ намъ такъ же дороги въ прошломъ, какъ и воспоминанія о счастливыхъ дняхъ.

Ахъ, не думалъ я никогда, что со мной случится нѣчто худшее въ сравненіи съ необходимостью перебраться съ дѣтьми въ чужой лѣсной край, похожій на нашъ, и занять другой домикъ, въ родѣ моего!

Очень меня тревожили всѣ эти мысли, но по отъѣздѣ президента, г. Мюнсца, я не зналъ, къ кому обратиться за добрымъ совѣтомъ. И вотъ вдругъ все устроилось самымъ счастливымъ образомъ, да такъ, что я и до сихъ поръ не могу объ этомъ вспомнить безъ умиленія.

Нужно тебѣ сказать, что въ теченіе 1867, 1868 и 1869 годовъ начали прокладывать дороги по всѣмъ направленіямъ для облегченія правильной рубки лѣсовъ и доставки ихъ къ линіи желѣзной дороги и къ каналу. Г. Ларошъ, лѣсной инспекторъ Люттцельштейнскаго кантона, распоряжался этими громадными работами. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, крѣпкаго сложенія, серьезный, весь погруженный въ свое дѣло; охота, уженье рыбы для него не существовали; чтобы получить отъ него хорошій аттестатъ, не нужно было слыть мѣткимъ стрѣлкомъ или ловкимъ загонщикомъ, а требовалось одно—точное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей.

Онъ частехонько пріѣзжалъ самъ на работы, толково объяс-

пилъ направленіе склона дороги, назначалъ деревья на срубъ и т. д. Нужно было быть круглымъ дуракомъ, чтобы не понять его; вотъ почему дѣло у насъ шло какъ по маслу.

Естественно, что такого рода человѣкъ зналъ наперечетъ всѣхъ своихъ служащихъ; когда онъ оставался доволенъ, то скажетъ, бывало, два-три ласковыхъ слова, а ты земли подъ собой отъ восторга не чувствуешь.

Ко мнѣ, повидимому, онъ былъ очень расположенъ, потому что частенько случалось, что, выслушавъ мой докладъ у себя въ кабинетѣ, въ Лютцельштейнѣ, онъ скажетъ: «хорошо, очень хорошо, дядя Фредерикъ!» и даже пожметъ мнѣ руку.

Но вотъ передъ весной 1869 г. прислали приказъ передѣлать дорогу, которая спускалась съ горы Пти-Пьеръ въ Грауфтальскую долину для того, чтобы соединить ее съ дорогою изъ Саверна въ Метингъ; вѣтвь ея проходила подлѣ самой лѣсопильни, недалеко отъ дома лѣсничаго; слѣдовательно, я съ своимъ отрядомъ полѣсовщиковъ ежедневно обязанъ былъ надзирать за рабочими.

Первая половина дороги была уже почти совсѣмъ окончена, и внизу, около долины, начали уже взрывать скалы для уравненія линіи, какъ вдругъ, однажды утромъ, когда я явился съ своимъ обычнымъ докладомъ въ Лютцельштейнъ, г. инспекторъ принялъ меня еще лучше обыкновеннаго.

Это было часовъ въ десять, во время его завтрака, такъ что въ ту минуту, когда я позвонилъ у его двери, онъ самъ вернулся домой.

— А-а! Дядя Фредерикъ, это вы?—сказалъ онъ весело, отпирая дверь.—Славное сегодня утро. Что, у насъ тамъ все гладко идетъ?

— Все, какъ слѣдуетъ, г. инспекторъ: какъ вы приказали, такъ и исполняется.

— Отлично!.. Отлично!.. — замѣтилъ онъ. — Садитесь-ка, намъ надо потолковать. Вы позавтракаете со мной. Моя жена гоститъ у своихъ родныхъ въ Шампани; вы мнѣ сдѣлаете компанію.

Прежде, бывало, если я застану его за завтракомъ, онъ угоститъ меня стаканомъ добраго вина, но еще не случалось, чтобы онъ предложилъ мнѣ мѣсто за своимъ столомъ.

— Садитесь-ка,—сказалъ онъ. — Эй! Виржини! Принесити приборъ для капрала и подавайте завтракъ.

Представь себѣ мое изумленіе и мое удовольствіе. Я не нашелся даже, какъ его поблагодарить, а онъ какъ будто и не замѣчалъ моего смущенія, снялъ съ себя мундиръ, облекся въ пальто, да вдругъ и спрашиваетъ:

— А что, дядя Фредерикъ, хорошъ у васъ аппетитъ?

— Хорошъ, говорю, г. инспекторъ, за нимъ дѣло у меня никогда не стоитъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Попробуйте-ка этого бифстекса. Виржини у меня отличная кухарка, вы пальчики оближите. За ваше здоровье!

— За ваше, г. инспекторъ.

Я просто одурѣлъ, сижу и думаю:

«Ужъ ты ли тутъ сидишь, Фредерикъ? Ты ли завтракаешь въ этой нарядной комнатѣ, съ твоимъ начальникомъ и пьешь прекрасное вино?»

Ну, словомъ сказать, я былъ очень смущенъ.

А г. Ларошъ, напротивъ, дѣлался все фамильярнѣе со мной, такъ что подъ конецъ, послѣ трехъ-четырехъ стакановъ, я началъ и самъ находить такое обращеніе очень натуральнымъ. Жены его тутъ не было, я и вообразилъ, что онъ очень доволенъ моимъ приходомъ, потому что хочетъ потолковать со мной о сбереженіи лѣсовъ, о новыхъ просѣкахъ, о нашей Грауфтальской дорогѣ, да такъ расхрабрился, что началъ смѣясь отвѣчать ему и совсѣмъ не стѣснялся.

Такимъ образомъ мы уже сидѣли минутъ съ двадцать вдвоемъ; м-ль Виржини принесла намъ миндалю, бисквитъ и грюерскаго сыру; вдругъ г. инспекторъ откинулся на спинку стула и, съ улыбкой посмотрѣвъ мнѣ въ лицо, сказалъ:

— А вѣдь препріятная вещь пользоваться въ наши годы такимъ хорошимъ здоровьемъ.—(Онъ захохоталъ).—Мы вѣдь и зубовъ не растеряли, дядя Фредерикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. инспекторъ, они у насъ на своихъ мѣстахъ.

Сказавъ это, я также засмѣялся

— Который вамъ годъ?—спросилъ онъ.

— Скоро пятьдесятъ минетъ, г. инспекторъ.

— А мнѣ пятьдесятъ пять. Э-э, все равно, срокъ нашей от-

ставки приближается; не сегодня, такъ завтра насъ съ вами по шапкѣ.

Онъ снова захохоталъ; а я, какъ вспомнилъ объ этомъ, такъ призадумался.

Инспекторъ передалъ мнѣ сыръ.

— Что вы думаете дѣлать съ собой по прошествіи двухъ лѣтъ?—спросилъ онъ.—Меня жена хочетъ увезти къ себѣ на родину, въ Шампань. Не хочется мнѣ, я не люблю ровной мѣстности; но вы знаете пословицу: чего женщина хочетъ, того самъ Богъ хочетъ *)! А пословицы всѣ очень справедливы.

— Да, г. инспекторъ,—отвѣчалъ я ему.—Такого рода пословицы очень даже непріятны, потому что я, напримѣръ, никогда не рѣшусь покинуть горы—слишкомъ ужъ къ нимъ привыкъ. Если бы мнѣ пришлось отсюда уѣзжать, то для моихъ сборовъ много двухъ недѣль: понадобится столько времени, сколько нужно, чтобы засыпать мою могилу землей.

— Правда ваша, — сказалъ онъ, — а между тѣмъ молодые подростаютъ, намъ, старикамъ, приходится уступить имъ мѣсто.

Несмотря на выпитое вино, у меня, при мысли о такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, просто отнялся языкъ.

— Знаете ли, дядя Фредерикъ,—продолжалъ инспекторъ,— что бы я сдѣлалъ въ вашемъ положеніи? Такъ какъ вы страшно привязаны къ горамъ и считаете главной потребностью вашей жизни дышать воздухомъ лѣсовъ... то я бы пріискалъ себѣ зятя между лѣсничими,—какого-нибудь честнаго малаго, который поступилъ бы на мое мѣсто. Я поселился бы спокойно у него, доживая свой вѣкъ среди зеленыхъ фуражекъ и упиваясь ароматомъ елей.

— Ахъ, г. инспекторъ, я объ этомъ только и думаю ежедневно: но...

— Но что-жъ? — спросилъ онъ. — Въ чемъ вы затрудняетесь? У васъ прехорошенькая дочка, сами вы человѣкъ честный, въ чемъ же препятствіе? Выбрать есть изъ кого: длинный Керпъ, Донадье, Тромпетъ; каждый изъ нихъ счелъ бы за счастье попасть вамъ въ зятья. А этотъ славный малый Жанъ Мерленъ... Вотъ кого можно назвать образцовымъ лѣснымъ сторожемъ: человѣкъ прямой, дѣятельный, умный, именно такой,

---

*) Французская пословица: Ce que femme veut Dieu le veut.

какого вамъ нужно. Аттестатъ у него превосходный; онъ поставленъ первымъ въ спискѣ наградъ по повышенію. Клянусь честью, дядя Фредерикъ, мнѣ сдается, что когда вы выйдете въ отставку, у него болѣе шансовъ, чѣмъ у кого другого, сдѣлаться вашимъ преемникомъ.

Слушая такую рѣчь, я краснѣлъ до ушей и не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить:

— Такъ-то такъ, г. инспекторъ! Противъ Жана Мерлена никто худого слова не промолвитъ; другого такого славнаго, честнаго малаго между нашими полѣсовщиками, пожалуй, и не найдешь; но со всѣмъ тѣмъ мнѣ бы не хотѣлось самому предлагать мою дочь тѣмъ людямъ, которые придутся мнѣ по душѣ. Ни Мерленъ, ни его мать Маргредель, ни дядя его Даніэль, никто, никогда и не заикнулся попросить у меня руки Маріи-Розы. Вы, конечно, понимаете, г. инспекторъ, что мнѣ нельзя же навязывать свою дочь; это ужъ было бы черезчуръ. Къ тому же все должно итти своимъ порядкомъ, предложеніе должно быть сдѣлано формальнымъ образомъ.

Онъ хотѣлъ мнѣ что-то отвѣтить, но въ эту минуту м-ль Виржини пришла наливать намъ кофе; тогда онъ взялъ съ камина ящикъ и сказалъ:

— Закуримъ-ка по сигарѣ, дядя Фредерикъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что онъ доволенъ; не успѣла кухарка выйти, какъ онъ крикнулъ мнѣ превеселымъ голосомъ:

— Эхъ вы, дядя Фредерикъ! Неужто вамъ нужно объяснять, что Жанъ Мерленъ и Марія-Роза пламенно любятъ другъ друга? И неужто такъ необходимо, чтобы дядя Даніэль явился къ вамъ сватомъ въ черномъ сюртукѣ, съ пряжками на башмакахъ?

Сказавъ это, онъ громко засмѣялся, а я отъ удивленія вытаращилъ глаза.

— Ну, вотъ вамъ все дѣло въ двухъ словахъ,—продолжалъ онъ.—Какъ-то недавно, смотрю, мой Жанъ Мерленъ повѣсилъ носъ; я и спрашиваю: что, братъ, не боленъ ли? Тогда бѣдный малый со слезами на глазахъ признался мнѣ, какъ онъ выразился, въ своемъ несчастіи. У васъ, видите ли, дядя Фредерикъ, осанка такая важная, почтенная, что никто изъ семьи Жана не имѣетъ духу обратиться къ вамъ съ предложеніемъ; вотъ эти добрые люди и вообразили, что я могу имѣть на васъ вліяніе.

Не прикажете ли и мнѣ облечься въ полную парадную форму, дядя Фредерикъ?

Онъ до того былъ веселъ, что я, несмотря на свое смущеніе, отвѣчалъ:

— О! Г. инспекторъ, теперь и толковать больше нечего!

— Значитъ, вы согласны?

— Согласенъ ли я? Да я только этого и желалъ... Согласенъ, конечно, согласенъ, и покорнѣйше васъ благодарю! Вы имѣете право, г. Ларошъ, сказать, что сегодня сдѣлали Фредерика счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Я всталъ, перекинулъ уже свою сумку черезъ плечо, какъ вдругъ въ комнату вошелъ главный лѣсной надсмотрщикъ Рамо, по дѣламъ службы.

— Вы уходите, дядя Фредерикъ, — сказалъ, обращаясь ко мнѣ г. инспекторъ,—а своей чашки кофе еще не допили?

— Ахъ, г. Ларошъ,—отвѣчалъ я, — сегодня я такъ счастливъ, что не сидится на мѣстѣ... Дѣти, вѣроятно, ждутъ меня... надо имъ поскорѣе передать добрую вѣсточку.

— Ну, такъ ступайте же,—сказалъ онъ, вставая и провожая меня до дверей.—Вы правы, не надо откладывать счастія молодыхъ людей.

Онъ пожалъ мнѣ руку, и я, поклонившись г. Рамо, вышелъ.

Я былъ до такой степени счастливъ, что земли подъ собой не чувствовалъ. Только на концѣ улицы, когда я взялъ влѣво и началъ спускаться въ долину, я привелъ нѣсколько въ порядокъ свои мысли. И то можетъ быть, что я выпилъ лишнее; признаться тебѣ сказать, Жоржъ, хорошее вино инспектора бросилось-таки мнѣ въ голову, но ноги ни на волосъ не измѣнили: я шагалъ не хуже двадцати-лѣтняго юноши и все смѣялся, разсуждая самъ съ собою:

— Теперь, Фредерикъ, все въ порядкѣ, никто слова сказать не смѣетъ; самъ г. инспекторъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, а это въ тысячу разъ лучше, чѣмъ если бы съ нимъ явился дядя Даніэль... Ха-ха-ха-ха! Вотъ повезло-то!.. Вотъ заликуемъ-то мы въ баракѣ!.. Какъ они у меня тамъ обрадуются, когда узнаютъ, что дѣло все устроилось, что я далъ свое согласіе, и что теперь остается только запѣть: Gloria in excelsis... Ха-ха-ха!.. Ты можешь смѣяться, все уладилось такъ, какъ ты хотѣлъ... Ты оста-

нешься доживать свой вѣкъ на родинѣ; вплоть до восьмидесяти лѣтъ будешь видѣть изъ своего окна милый лѣсъ, будешь дышать ароматомъ смолы и древеснаго мха. Тебѣ только это и нужно было; ну, конечно, я не говорю о дѣткахъ, о внучкахъ и проч.

Идя по Фромюльской дорогѣ, я готовъ былъ пуститься въ плясъ. Было тогда часовъ шесть; подуло вечерней свѣжестью, подходила ночь; въ тростникахъ и въ высокой травѣ пруда заквакали лягушки; по ту сторону пруда старыя ели казались голубыми на темной синевѣ небесъ. Я отъ времени до времени останавливался, чтобы полюбоваться ими, и думалъ:

«Вы хорошія деревья, прямыя, сочныя, можете простоять тутъ еще очень долго. Солнышко будетъ весело играть на вашихъ вѣчно-зеленыхъ вершинахъ до тѣхъ поръ, пока на васъ не положатъ клейма, чтобы отдать подъ топоръ дровосѣка. Вотъ тогда-то придетъ вашъ конецъ; но подъ вашей тѣнью подымутся молодыя елочки, и мѣсто это не будетъ никогда пусто».

Размышляя такимъ образомъ, я чувствовалъ, что у меня на глазахъ навертываются слезы, пошелъ далѣе и воскликнулъ:

— Да, Фредерикъ, такова твоя участь!.. Ты любилъ тестя Брюа; ты его берегъ и содержалъ, когда у него не стало уже силъ нести на плечахъ бремя служебныхъ обязанностей: ты дѣлалъ это изъ благодарности за оказанное имъ тебѣ довѣріе и за то, что онъ былъ человѣкъ честный, старый, почтенный слуга государства... Теперь наступаетъ твой чередъ быть любимымъ и находить себѣ опору въ подростающей молодежи; ты будешь жить среди нихъ, какъ одна изъ этихъ старыхъ елей, одѣтыхъ серебристымъ мхомъ. Ахъ, эти бѣдныя старыя деревья! Они заслуживаютъ, чтобы ихъ жизнь берегли; не будь они такими прямыми, давно бы ихъ срубили на дрова.

Я благословлялъ вѣчный Промыслъ за то, что онъ не даетъ вымирать честнымъ людямъ, и часовъ въ семь вечера добрался до дороги, ведущей къ лѣсопильнѣ, что на днѣ долины. Я увидѣлъ налѣво у моста домъ лѣсничаго; Раго лаялъ; Калась загонялъ скотъ въ хлѣвъ, крича и щелкая кнутомъ; стая утокъ разсѣлась на пескѣ на берегу рѣки и передъ сномъ чистилась, скоблила себѣ перья на шеѣ, въ крыльяхъ и подъ хвостомъ; нѣсколько куръ бѣгало еще по двору, поклевывая что попало, а

дѣ-три постарше, вылинявшія до половины, дремали уже, прютившись подъ тѣнью невысокой стѣны.

Когда Раго бросился ко мнѣ навстрѣчу, я подумалъ:

«Ну, вотъ я и дома!.. Теперь—вниманіе... Ты заговоришь первый... Жанъ Мерленъ, вѣроятно, уже тутъ, на лицо... Надо повести дѣло на чистоту!..»

Я сталъ подниматься по лѣстницѣ и увидѣлъ Марію-Розу въ нижней комнатѣ; засучивъ рукава выше локтя, она мѣсила тѣсто и при помощи скалки раскатывала его на нашемъ большомъ столѣ въ лепешки, чтобы изрѣзать ихъ потомъ на лапшу. Она увидѣла меня издали, но продолжала работать, не поднимая глазъ.

— Ты усердно трудишься, Марія-Роза,—сказалъ я ей.

— Ахъ, батюшка, это ты!—воскликнула она.—Я приготовляю лапшу.

— Да, это я, и прямо отъ г. инспектора,—отвѣчалъ я, вѣшая свою сумку на стѣну.—Къ намъ никто не приходилъ?

— Какъ же, отецъ, Жанъ Мерленъ былъ съ докладомъ, да ушелъ...

— А-а! Ушелъ... Такъ, такъ! Надѣюсь, что онъ недалеко ушелъ; намъ съ нимъ нужно бы поговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

Я принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, смотрѣлъ на лепешки, заглядывалъ то въ корзину съ яйцами, то въ горшокъ съ мукой, а Марія-Роза знай себѣ катаетъ да катаетъ тѣсто и губъ не разожметъ.

Наконецъ, я остановился и говорю:

— Послушай-ка, Марія-Роза, работа работой, а намъ теперь не худо подумать и о чемъ-нибудь другомъ, поважнѣе... Что это я узналъ отъ г. инспектора, будто ты любишь Жана Мерлена?

Только что я это сказалъ, она выронила изъ рукъ скалку да такъ и вспыхнула.

— Да, говорю, вотъ какая исторія! Я тебя упрекать не стану: Жанъ Мерленъ малый честный, хорошій лѣсной сторожъ, я противъ него ничего не имѣю... Когда-то я и самъ былъ влюбленъ въ твою мать, и за это тесть Брюа, какъ начальникъ мой, не выгналъ меня и не проклялъ. Когда человѣкъ молодъ, дѣло естественное, что онъ думаетъ о женитьбѣ. Но когда желаешь

жениться на честной дѣвушкѣ, то надо прежде всего попросить ея руки у отца, нужно общее согласіе... Все должно итти по правиламъ здраваго смысла.

Марія-Роза совсѣмъ переконфузилась, но при моихъ послѣднихъ словахъ поспѣшно схватила горшокъ резеды и поставила его на выступъ открытаго окна, что чрезвычайно меня удивило, потому что моя жена Катерина сдѣлала то же самое въ тотъ день, когда я явился просить ея руки: это служило сигналомъ, чтобы я пришелъ.

Вдругъ, тяжку, изъ-за группы деревьевъ, что росли подъ скалами, какъ разъ противъ нашего дома, гдѣ когда-то и я стоялъ, притаившись, выскакиваетъ Мерленъ и бѣжитъ черезъ лугъ прямо къ намъ, точь въ точь, какъ было со мной двадцать три года тому назадъ.

Увидавъ это, я поступилъ совершенно такъ, какъ старикъ Брюа. Я вышелъ въ коридоръ и остановился передъ дверью въ комнату; сзади меня была дочь; лишь только Мерленъ вбѣжалъ, запыхавшись, я выпрямился и говорю:

— Мерленъ, правда ли, что мнѣ разсказалъ г. инспекторъ, будто вы любите мою дочь и просите ея руки?

— Да, капралъ,—отвѣчалъ онъ, прижавъ руку къ груди,—я люблю ее больше своей жизни!

Затѣмъ, онъ захотѣлъ было обратиться къ Маріи-Розѣ, но я какъ гаркну:

— Стой!.. Погодите съ минуту!.. Вы любите мою дочь, она сейчасъ мнѣ призналась, что любитъ васъ тоже... Это очень хорошо; любить другъ друга пріятно!.. Но надо подумать и о насъ, старикахъ. Когда я женился на Катеринѣ Брюа, я далъ слово содержать у себя въ дому тестя и тещу до конца ихъ дней, и, какъ честный человѣкъ, сдержалъ свое слово; я ихъ любилъ и почиталъ; за столомъ они у меня сидѣли на первомъ мѣстѣ, первый стаканъ вина подавался имъ, они спали на лучшей постели. Спросите бабушку Анну, она подтвердитъ мои слова... Я исполнялъ только свой долгъ, и если бы поступилъ иначе, то былъ бы негодяй; но старикамъ никогда не приходилось на меня жаловаться, и тесть Брюа, умирая, благословилъ меня, сказавъ: «Фредерикъ былъ для насъ лучше всякаго сына!» Слѣдовательно, я заслуживаю того же и требую этого, по закону справедливости!.. Ну, Мерленъ, вы выслушали меня; скажите же теперь.

обѣщаетесь ли вы быть для меня тѣмъ, чѣмъ я былъ для тестя Брюа?

— Ахъ, капралъ!—воскликнулъ Жанъ. — Я счелъ бы для себя величайшимъ счастіемъ называть васъ отцомъ! Конечно, я даю вамъ слово быть относительно васъ хорошимъ сыномъ: обѣщаюсь всегда васъ любить и уважать такъ, какъ вы этого заслуживаете.

Это меня очень растрогало. Я и говорю:

— Значитъ, дѣло улажено; вотъ вамъ рука Маріи-Розы, вы можете поцѣловать ее.

Они поцѣловались на моихъ глазахъ, какъ честныя дѣти. Марія-Роза обливалась слезами. Я вызвалъ бабушку изъ боковой каморки; она вышла, опираясь на мою руку, и благословила ихъ, говоря:

— Я теперь могу умереть спокойно: Богъ привелъ мнѣ видѣть внучку счастливой и любимой честнымъ человѣкомъ.

Во весь этотъ день, вплоть до вечера, старушка не переставала молиться, поручая своихъ внучатъ Богу. Мерленъ и Марія-Роза то и дѣло переглядывались и вполголоса разговаривали. Я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и говорилъ имъ:

— Съ сегодняшняго дня вы помолвлены. Жанъ можетъ приходить сюда, когда захочетъ, при мнѣ или безъ меня, все равно. Г. инспекторъ сообщилъ мнѣ, что онъ стоитъ первымъ въ спискѣ повышеній, и что когда я выйду въ отставку, онъ непремѣнно займетъ мое мѣсто: долго ждать вамъ не придется; вотъ тогда мы и отпразднуемъ свадьбу.

Эти добрыя вѣсти еще болѣе увеличили ихъ удовольствіе.

Когда наступила ночь, Жанъ Мерленъ, боясь, чтобы его мать не стала безпокоиться, всталъ и на прощанье опять поцѣловалъ невѣсту. Мы проводили его до большого грушеваго дерева. Погода была великолѣпная; небо такъ и искрилось звѣздами; птицы умолкли; ни одинъ листокъ не шелохнулся; все спало въ долинѣ. Мерленъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, на что я ему сказалъ:

— Не забудьте передать вашей матери Маргредель, чтобы она непремѣнно пришла къ намъ завтра до полудня. Марія-Роза изготовитъ намъ вкусный обѣдъ, и мы вмѣстѣ отпразднуемъ вашу помолвку. Это самый большой праздникъ въ жизни; а если дядя Даніэль можетъ также пожаловать, то милости просимъ, очень будемъ рады.

— Хорошо, дядя Фредерикъ,—сказалъ онъ.

И съ этими словами онъ быстро ушелъ.

Мы вернулись въ домъ со слезами на глазахъ.

Мнѣ невольно вспомнилась моя бѣдная Катерина, и я сказалъ:

— А въ жизни все-таки бываютъ отрадные дни. Ахъ, зачѣмъ нѣтъ теперь съ нами моей доброй, безподобной жены!..

IV.

Это была единственая горькая минута въ этотъ счастливый день.

Ты понимаешь, Жоржъ, что послѣ этого у насъ все пошло очень хорошо. Кромѣ службы, у меня не было другихъ заботъ. Жанъ Мерленъ съ своей матерью проводили у насъ каждое воскресенье.

Наступила осень, время уженья рыбы и охоты, пора насвистыванія птицъ, разстановки силковъ въ лѣсу и вершей съ сѣтями на рѣкѣ.

Старикъ часовщикъ Боръ, изъ Фальсбурга, явился по обыкновенію съ своей длинной жердью и мѣшкомъ для форелей; Лафлешъ, Виньерель и другіе пришли съ своими дудками и вѣтками, намазанными клеемъ; изъ Саверна пріѣхали господа съ собаками и ружьями; поднялись крики, свистъ; травили зайцевъ, а по временамъ и дикую козу; затѣмъ весь этотъ людъ непремѣнно заходилъ въ домъ лѣсовщика перекусить чего-нибудь или выпить; запахъ жаренаго мяса и яичницъ съ саломъ разносился по всему нашему саду, и мнѣ перепадала лишняя копѣйка.

Да что тебѣ разсказывать, ты самъ хорошо все это знаешь.

Въ этомъ же году къ намъ нагрянуло пропасть дровосѣковъ изъ Палатината, Баваріи и изъ другихъ мѣстъ, еще подальше: все это были парни рослые, коренастые, съ мѣшками на спинѣ, въ гетрахъ съ костяными пуговицами на ногахъ; они валили— кто въ Пидервилеръ, кто въ Люневиль, кто въ Туль, рубить лѣсъ въ лѣсосѣкахъ. Шли они отрядами, съ куртками, повѣшенными черезъ плечо на топорищахъ.

Мимоходомъ они выпивали у меня по доброй кружкѣ вина; народъ все веселый; страшно, бывало, надымятъ въ нашей залѣ,

покуривая табакъ изъ своихъ фарфоровыхъ трубокъ, разспрашиваютъ насъ о томъ, о семъ, хохочутъ, острятъ,—ну, какъ это всегда случается съ людьми, которые легко добываютъ свой хлѣбъ.

Понятное дѣло, что я съ радостью принималъ такихъ гостей; нажива отъ нихъ была хорошая.

Я помню, что въ то время случилось одно обстоятельство, ясно доказывавшее слѣпоту людей недальновидныхъ, которые не знаютъ, что творится за 20 лье отъ нихъ и полагаются на администрацію, не думая ни о чемъ; я краснѣю, вспоминая объ этомъ, потому что мы дошли до того, что смѣялись даже надъ людьми здравомыслящими, когда тѣ предупреждали насъ, чтобы мы держали ухо востро.

Однажды нашъ домъ былъ биткомъ набитъ народомъ, прибывшимъ изъ города и изъ окрестностей; въ числѣ посѣтителей находилось также нѣсколько иностранцевъ. Публика разговаривала, пила; одинъ верзило-баварецъ съ рыжими бакенбардами и усами подошелъ къ окну и загорланилъ:

— Вотъ богатѣйшій-то край! Что за великолѣпныя ели!.. А это что за древнія развалины, тамъ на горѣ?.. А эта рощица и тропинка направо?.. А это дефиле налѣво между скалами? О, я отроду не видывалъ такой плодородной мѣстности! Почва жирная, зелень сочная. Кажется, за рощицей должна быть маленькая колокольня?.. Какъ называется та хорошенькая деревня?

Я, очень довольный тѣмъ, что восхищаются нашей долиной, далъ самыя подробныя о ней свѣдѣнія.

Боръ, Дюръ, Виньерель разговаривали между собой, курили трубки, ходили на кухню смотрѣть, скоро ли будетъ готова яичница, а на все прочее не обращали никакого вниманія.

Подлѣ стѣнныхъ часовъ помѣстился капитанъ Рондо, недавно вернувшійся въ наши края съ отставкой отъ службы, человѣкъ высокаго роста, сухой, съ ввалившимися щеками, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ вплоть до горла, вѣчно страдающій отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Африкѣ, въ Италіи и въ Крыму. Онъ молча сидѣлъ, прислушиваясь къ общему разговору, и медленно прихлебывалъ молоко изъ чашки, потому что докторъ Семперленъ запретилъ ему пить что-либо другое.

Прошелъ добрый часъ времени, пока баварцы, осушивъ свои

кружки съ виномъ, собрались опять въ путь. Я проводилъ ихъ за дверь, чтобы показать имъ тропинку въ Бигельбергъ; рыжій все хохоталъ, весело скаля зубы; наконецъ, онъ пожалъ мнѣ руку, крикнулъ: «благодарствуйте» и пустился догонять своихъ товарищей.

Пока нѣмцы уходили, капитанъ Рондо, опираясь на трость, стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ имъ вслѣдъ, сверкая глазами и сердито сжавъ губы.

— Что это за люди, дядя Фредерикъ?—спросилъ онъ.—Вы ихъ знаете?

— Да, капитанъ, это нѣмцы, дровосѣки,—отвѣчалъ я. — Больше я ничего про нихъ не знаю; пришли они со стороны Туля и наняты какими-то подрядчиками изъ нашихъ мѣстъ.

— А почему эти подрядчики не нанимаютъ французовъ?

— Потому что нѣмцы-дровосѣки дешевле берутъ, чѣмъ наши; они работаютъ за половинную цѣну.

Капитанъ нахмурилъ брови, да вдругъ и говоритъ мнѣ:

— Это шпіоны... Они пришли изучать наши горы.

— Какъ шпіоны?—воскликнулъ я съ изумленіемъ.—Чего имъ у насъ шпіонить? Что имъ за дѣло до насъ?

— Это прусскіе шпіоны,—сухо продолжалъ капитанъ;—они пришли снять планъ съ нашей мѣстности.

Мнѣ показалось, что г. Рондо смѣется надо мной.

— Помилуйте, г. капитанъ,—возразилъ я,—да у насъ у самихъ сняты всѣ планы; каждый можетъ себѣ пріобрѣсти карты Эльзаса въ Страсбургѣ, въ Нанси, вездѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня искоса да какъ крикнетъ:

— Карты!.. Карты!.. Развѣ по вашимъ картамъ можно узнать, сколько сѣна, соломы, хлѣба, овса, вина, быковъ, лошадей, телѣгъ можно собрать въ каждомъ селеніи для проходящихъ войскъ? Развѣ карты скажутъ вамъ, гдѣ живутъ мэръ, священникъ, почтмейстеръ, сборщикъ податей, чтобы имѣть возможность ежеминутно наложить на нихъ руку? По нимъ развѣ узнаешь, гдѣ есть конюшни, куда можно поставить лошадей, и тысячу другихъ вещей, о которыхъ весьма полезно получить предварительныя свѣдѣнія? Карты!.. Да развѣ ваши карты дадутъ понятіе о глубинѣ рѣкъ и озеръ, о томъ, гдѣ есть броды? Научатъ ли онѣ васъ, кого надо взять въ проводники или кого схватить, чтобы эти люди не подняли населенія?

У меня такъ руки и опустились: пока я стоялъ, пораженный тѣмъ, чего никакъ не ожидалъ услышать, дядя Боръ закричалъ изъ залы:

— Э, Боже мой, капитанъ, ну кому придетъ охота нападать на насъ? Нѣмцамъ? Ха, ха, ха! Пусть сунутся!.. Мы ихъ отлично примемъ!.. Несчастные! Не желалъ бы я быть въ ихъ кожѣ... Ха, ха, ха! Обработаютъ же ихъ на славу. Ни одного живьемъ не выпустимъ изъ горъ!

Всѣ прочіе хохотали и кричали:

— Да... да... пусть сунутся... пусть попробуютъ... мы имъ зададимъ!

Капитанъ вернулся въ залу и, посмотрѣвъ пристально на толстяка Фишера, который оралъ громче всѣхъ, спросилъ у него:

— Вы имъ зададите?.. Чѣмъ, позвольте узнать? Знаете ли вы, о чемъ толкуете?.. Гдѣ у насъ войско, провіантъ, оружіе? Гдѣ? Гдѣ? Гдѣ? Отвѣчайте! А извѣстно ли вамъ, сколько ихъ-то, этихъ нѣмцевъ? Вѣдь у нихъ цѣлый милліонъ солдатъ выученныхъ, дисциплинированныхъ, правильно организованныхъ, которые могутъ быть готовы выступить въ походъ въ теченіе пятнадцати дней, всѣ какъ есть—и артиллерія, и кавалерія, и пѣхота! Такъ-то-съ! А вы еще собираетесь имъ задать!..

— Конечно!—воскликнулъ дядя Боръ. — Фальсбургъ съ Битчемъ, Лихтенбергомъ и Шлесштатомъ продержать ихъ подъ своими стѣнами двадцать лѣтъ.

Капитанъ Рондо не далъ даже себѣ труда ему отвѣтить, а, указавъ въ окно на удалившихся дровосѣковъ, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Посмотрите, дядя Фредерикъ, посмотрите!.. Какіе это дровосѣки? Развѣ наши дровосѣки ходятъ, какъ во фронтѣ, развѣ они идутъ въ ногу, развертываютъ плечи, держатъ такъ прямо голову, двигаются рядами по командѣ начальника? Развѣ у нашихъ горныхъ дровосѣковъ не круглыя спины и не тяжелая походка? Я вамъ скажу даже, что эти люди и не горные жители, а жители долинъ. Это шпіоны, непремѣнно шпіоны, и я велю ихъ задержать.

Не слушая нашихъ возраженій, онъ кинулъ на столъ нѣсколько су за свою чашку молока и поспѣшно вышелъ.

Не успѣлъ онъ уйти, какъ всѣ присутствующіе покатились

со смѣху. Я сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы они замолчали, потому что ихъ хохотъ могъ донестись до капитана; тогда они схватились за бока и, тихо фыркая, твердили:

— Какой вздоръ! Какой вздоръ!.. Нѣмцы нападутъ на насъ!

Дядя Боръ, утирая платкомъ слезы, говорилъ:

— Онъ славный человѣкъ, но—что дѣлать—его контузило подъ Малаховымъ, съ тѣхъ поръ машина попортилась и путается.

Прочіе снова принялись хохотать, точно сумасшедшіе, такъ что даже и я, Жоржъ, подумалъ, что у капитана голова не въ порядкѣ.

Все это представляется мнѣ такъ живо, какъ будто случилось только вчера: и когда дня два-три спустя я узналъ, что капитанъ приказалъ задержать всю толпу дровосѣковъ на станціи желѣзной дороги въ Лютцельбургѣ, что ихъ бумаги оказались въ порядкѣ и что они получили разрѣшеніе продолжать свой путь по Лотарингіи, я, несмотря на протесты и возраженія г. Рондо, началъ тогда дѣйствительно вѣрить, что бѣдный капитанъ немного повихнулся въ умѣ.

Каждый разъ, когда Боръ приходилъ въ мой лѣсническій домъ, онъ заводилъ непремѣнно рѣчь о нѣмецкихъ шпіонахъ и смѣшилъ меня на пропалую. Но теперь мы перестали смѣяться, и я убѣжденъ, что фальсбургскіе остряки не потираютъ уже отъ удовольствія рукъ, когда нѣмецкій фельдфебель машетъ по воздуху своей палочкой, командуя рекрутамъ: «Gewehr auf!» Gewehr ab!» Я убѣжденъ, что это зрѣлище не одинъ разъ напомнило имъ предупрежденія капитана.

V.

Все это происходило въ концѣ осени 1869 года; густой туманъ носился надъ долиной: затѣмъ пришла зима, снѣгъ закрутился передъ окнами, огонь затрещалъ въ печкѣ, и прялка Маріи-Розы начала гудѣть съ утра до ночи подъ однообразное тиканье старинныхъ часовъ.

Я ходилъ изъ угла въ уголъ, покуривая свою трубку и размышляя объ отставкѣ. Марія-Роза, вѣроятно, также мечтала въ это время, а Жанъ Мерленъ приставалъ ко мнѣ иногда, прося

укоротить срокъ свадьбы; это мнѣ очень надоѣдало, потому что я обыкновенно крѣпко держусь своего слова, и если мы разъ условились отпраздновать свадьбу въ день его назначенія, то я не видѣлъ основанія возвращаться къ порѣшенному уже однажды дѣлу.

Но молодежь что-то черезчуръ торопилась. Была ли тому причиной скучная зима или молодая кровь заговорила...

Боръ, Виньерель, Дюръ и другіе уже два мѣсяца глазъ не показывали; деревья гнулись подъ тяжестью инея; по нашей долинѣ проходилъ кто-нибудь развѣ только изрѣдка. Я ужъ совсѣмъ было забылъ объ исторіи съ шпіонами капитана, надъ которой такъ смѣялся, какъ вдругъ одно странное обстоятельство ясно мнѣ доказало, что этотъ старый солдатъ былъ правъ, не довѣряя пруссакамъ, и что нашлись даже другіе люди, задумавшіе строить намъ каверзы, люди съ высокимъ положеніемъ, которымъ мы оказывали полнѣйшее довѣріе.

Въ этотъ годъ стада дикихъ кабановъ опустошали нашъ край: они пожирали молодые побѣги растеній, подкапывали деревья въ лѣсахъ, отыскивая коренья, и каждую ночь взрывали поля около фермъ и хижинъ.

Крестьяне подняли гвалтъ и стали подавать жалобы; наконецъ, пришло извѣстіе, что баронъ Пишаръ прибылъ съ цѣлью устроить общую облаву. Въ это же время я получилъ приказаніе явиться къ нему въ Ретфельцъ съ лучшими стрѣлками нашей бригады и набрать какъ можно болѣе загонщиковъ изъ окрестностей.

Это было въ декабрѣ. Я отправился съ Мерленомъ и длиннымъ Керномъ, съ Донадье, съ Тромпетомъ и съ пятнадцатью или двадцатью загонщиками; вечеромъ мы пашли на назначенномъ пунктѣ всѣхъ приглашенныхъ гостей г. барона: они набились въ комнаты маленькаго охотничьяго барака и, лежа на соломѣ, пили, ѣли и зубоскалили, какъ всегда.

Но для тебя тутъ нѣтъ ничего новаго, Жоржъ; тебѣ хорошо знакомы и Ретфельцскій баракъ, и крики загонщиковъ, и лай собакъ, и опасность отъ выстрѣловъ приглашенныхъ на охоту, которые палятъ зря, куда ни попало, а по окончаніи охоты утверждаютъ, что именно они-то и повалили звѣря. Мы, сторожа, никогда, видишь, не попадаемъ... Ты вѣдь знаешь эту исторію, она постоянно повторяется.

Ну, такъ я лучше вотъ что тебѣ разскажу. По окончаніи охоты, когда свалили нѣсколько штукъ старыхъ кабановъ да въ придачу нѣсколько кабанятъ, въ баракѣ начался пиръ горой. Въ обозѣ барона привезли пропасть всего: вина, киршу, бѣлаго хлѣба, пироговъ, сахару, кофе, коньяку,—поэтому немудрено, что къ полуночи, послѣ того, какъ всѣ эти господа набѣгались по снѣгу, а потомъ напились, наѣлись, накричались и напѣлись, пирушка знатно разыгралась.

Насъ помѣстили въ кухнѣ и также угостили на славу; а такъ какъ дверь въ залу, для освѣженія воздуха, была все время отворена настежь, то мы не проронили ни одного слова, сказаннаго приглашенными, тѣмъ болѣе, что они орали, какъ глухіе.

Среди гостей я замѣтилъ въ особенности одного, высокаго, сухощаваго малаго, съ крючковатымъ носомъ, черными глазами, тоненькими усами, въ плотно затянутой курткѣ, въ высокихъ кожаныхъ гетрахъ на мускулистыхъ ногахъ, который стрѣлялъ изъ своего ружья чрезвычайно мѣтко. Глядя на него, я сказалъ самъ себѣ:

— Ну, братъ Фредерикъ, этотъ ужъ, вѣрно не сдѣлалъ привычки сидѣть за конторкой и грѣть пятки передъ печкой: это непремѣнно военный и даже въ чинахъ.

Утромъ, на охотѣ, онъ стоялъ рядомъ со мною, и два выстрѣла его не пропали даромъ. Я не ошибся, считая его настоящимъ охотникомъ. Пить также онъ былъ здоровъ, потому что около полуночи три четверти приглашенныхъ гостей спали уже по угламъ, за исключеніемъ его, барона Пишара, г. Тюбинга, самаго толстаго и самаго богатаго изъ эльзасскихъ винодѣловъ, г. Жапа-Клода, Руперта нотаріуса, который можетъ пить два дня сряду, не мѣняясь въ лицѣ и не ошибаясь въ одномъ словѣ, и, наконецъ, г. Мишука, лѣсоторговца, имѣющаго обыкновеніе спаивать тѣхъ, съ кѣмъ ведетъ дѣла; за исключеніемъ ихъ, всѣ прочіе гости выбыли изъ строя и лежали, растянувшись, на соломѣ.

Тогда между трезвыми завязался очень серьезный разговоръ; баронъ говорилъ, что нѣмцы шпіонятъ въ Эльзасѣ, что у нихъ агенты вездѣ—и между прислугой, и между странствующими приказчиками, и между разносчиками; что они снимаютъ планы съ дорогъ, тропинокъ и лѣсовъ, что они даже забираются

въ наши арсеналы и аккуратно посылаютъ донесенія обо всемъ къ своимъ; что они то же самое дѣлали и въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ передъ началомъ войны, а затѣмъ въ Богеміи передъ Садовой; что съ ними надо держать ухо востро и т. д.

Нотаріусъ и г. Мушика поддерживали барона, замѣтивъ, что это дѣло не шуточное, и что нашему правительству слѣдовало бы принять мѣры противъ такого шпіонства.

Натурально, мы, прочіе, услыхавъ это, насторожили уши, а офицеръ громко расхохотался, говоря, что словамъ г. барона можно легко повѣрить, тѣмъ болѣе, что мы то же самое продѣлываемъ въ Германіи, что тамъ въ каждой крѣпости непремѣнно есть французскіе инженеры, а на ровныхъ мѣстностяхъ—офицеры генеральнаго штаба. А когда же г. Тюбингъ воскликнулъ, что этого быть не можетъ, что ни одинъ французскій офицеръ не согласится взять на себя подобное порученіе, дорожа честью своего мундира, то онъ еще громче засмѣялся и сказалъ:

— Какъ... какъ... и вы это воображаете? Да знаете ли вы, любезнѣйшій г. Тюбингъ, что такое въ настоящее время война? Это искусство, игра,—игра навѣрняка; враги высматриваютъ другъ друга, стараются подмѣтить карты противника. Возьмите хоть меня, напримѣръ: я исколесилъ весь Палатинатъ въ званіи странствующаго приказчика и продавалъ бордосскія вина добродушнымъ нѣмцамъ!

Затѣмъ, продолжая все-таки смѣяться, господинъ этотъ принялся описывать, что онъ замѣтилъ на своемъ пути,—точь-въ-точь, какъ, по словамъ капитана Рондо, пруссаки дѣлали у насъ, а въ заключеніе сказалъ, что мы совершенно наготовѣ и ждемъ только удобнаго случая, чтобы захватить лѣвый берегъ Рейна.

Какъ только онъ кончилъ, мои лѣсные сторожа, сидѣвшіе вокругъ очага, затопотали съ радости ногами, точно ни вѣсть какое богатство имъ съ неба упало; но въ эту минуту дверь затворилась, и мы больше ничего не могли разслышать.

Я вышелъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ,—такъ ужъ мнѣ противна стала глупость длиннаго Керна, Тромпета и другихъ.

На дворѣ было очень холодно; вся площадка покрылась инеемъ, а луна, высунувшись изъ-за облаковъ, ярко свѣтила поверхъ косматыхъ, старыхъ елей.

— Что съ вами, капралъ?—спросилъ Мерленъ, вышедшій вслѣдъ за мною.—На васъ лица нѣтъ... Или вамъ дурно?

— Меня взволновала глупость Тромпета и другихъ,—отвѣчалъ я.—Хотѣлось бы мнѣ знать, изъ-за чего они подняли такой топотъ ногами? Да и вы, Мерленъ, удивляете меня! Вамъ нравится вторженіе въ землю сосѣдей; вы готовы овладѣть виноградниками, полями, сѣномъ, соломой бѣдняковъ, которые васъ пальцемъ не тронули. Вы находите, что прекрасно отнять у нихъ землю и насильно офранцузить ихъ. Это, по вашему, игра... вы называете это игрой... А скажите-ка, захотите вы сдѣлаться нѣмцемъ, а? Согласитесь вы покориться пруссакамъ и промѣнять свою родину на другую? Какую бы выгоду намъ принесла такого рода побѣда? Развѣ мы разбогатѣли бы, передушивъ нашихъ сосѣдей? Развѣ могла бы быть спокойна послѣ того наша совѣсть? Ну-съ, такъ объявляю вамъ, что я, ради чести нашей націи, не желалъ бы имѣть ни одного сантима денегъ, ни одной пяди земли, неправильно пріобрѣтенныхъ. Никогда не повѣрю я розсказнямъ этого господина. Если онъ правду говоритъ, тѣмъ хуже! Положимъ, мы одолѣли бы теперь, такъ вѣдь нѣмцы-то изъ роду въ родъ завѣщали бы и дѣтямъ, и внукамъ своимъ мстить намъ, вернуть свои права, потребовать возмездія за пролитую нами кровь. И правосудный Господь не покинулъ бы ихъ! Такъ могутъ думать только люди безъ сердца и только записные игроки способны воображать, что они будутъ въ вѣчномъ выигрышѣ, мы же на дѣлѣ видимъ, что всѣ игроки умираютъ на соломѣ.

— Дядя Фредерикъ,—замѣтилъ мнѣ на это Мерленъ,—не сердитесь на меня. У меня и въ умѣ ничего подобнаго не было, увѣряю васъ! Но вы ужъ очень разгорячились, вамъ лучше не возвращаться въ кухню.

— Да, да,—сказалъ я,—пойдемъ-ка спать, это будетъ полезнѣе, чѣмъ пить; въ ригѣ есть еще свободное мѣстечко.

Мы такъ и сдѣлали, а на слѣдующій день, на зарѣ, ушли.

То, что я тебѣ сейчасъ разсказалъ, Жоржъ, сущая правда; я всегда ставилъ справедливость выше всего и даже въ настоящую минуту, когда я лишился самыхъ дорогихъ для меня на свѣтѣ людей, повторяю одно и то же: лучше мнѣ, при моей крайней бѣдности, лишиться заработковъ за свой тридцатилѣтній трудъ, чѣмъ потерять любовь къ справедливости.

VI.

Послѣ того зима прошла, какъ обыкновенно: лили дожди, шелъ снѣгъ, бушевалъ вѣтеръ между обнаженными деревьями, вырывая съ корнемъ ели, скалы обрушивались, засыпая своими обломками проѣзжія дороги и тропинки у подошвы холма. Я двадцать пять лѣтъ сряду былъ свидѣтелемъ одного и того же.

Затѣмъ незамѣтно подошла и весна. Скотъ погнали на водопой на рѣку. Каласъ принялся кричать и щелкать кнутомъ, пѣтухъ захлопалъ крыльями на низенькой надворной стѣнѣ и, окруженный курами, оглашалъ всю долину своимъ голосистымъ пѣніемъ.

Ахъ, Жоржъ! Какъ мнѣ все это живо представляется и какъ всѣ эти мелочи, на которыя я тогда не обращалъ никакого вниманія, кажутся мнѣ очаровательными теперь, въ этой мансардѣ, куда едва проникаетъ лучъ свѣта!

Это была наша послѣдняя весна въ лѣсническомъ домѣ.

Марія-Роза каждое утро, въ короткой юбочкѣ, въ чистой бѣлой косынкѣ, перекрещенной на груди, спускалась въ садъ съ корзиной на рукѣ и съ большимъ садовымъ ножикомъ, чтобы срѣзать первыя овощи. Мимоходомъ она приподнимала плети букса, окаймлявшаго узенькія дорожки, и привязывала къ палочкамъ молодые побѣги розъ. Я издали видѣлъ, какъ Жанъ Мерленъ шелъ торопливыми шагами по тропинкѣ черезъ лугъ, мимо старыхъ ивъ, и слышалъ, какъ онъ кричалъ:

— Марія-Роза!

Она тотчасъ же выпрямилась и побѣжала къ нему навстрѣчу. Тогда они цѣловались и подъ руку, смѣясь, шли домой. Я былъ очень доволенъ и говорилъ самъ себѣ:

— Они любятъ другъ друга... Славныя дѣти!

Бабушка Анна, сидѣвшая почти всегда взаперти въ своей комнатѣ, смотрѣла также на нихъ, прищуривъ глаза и высунувшись изъ маленькаго окошечка, обвитаго плющемъ; ея сморщенно, старушечье лицо сіяло удовольствіемъ.

— Фредерикъ!—крикнетъ она мнѣ бывало.

— Что, бабушка?

— Знаешь ли, вѣдь, глядя на нихъ, я сама молодѣю. Мнѣ такъ и представляется годъ моей свадьбы. Въ ту пору комета проходила, сборъ винограда былъ отличный, это передъ похо-

домъ въ Россію. Чай, вы слышали объ этомъ, Фредерикъ? Еще всѣ наши солдаты тогда перемерзли...

— Знаю, знаю, бабушка.

Любила старушка вспоминать объ этихъ давнишнихъ происшествіяхъ, а намъ и въ голову тогда не приходило, что вскорѣ съ нами повторится то же самое.

Бѣдняки изъ Фальсбурга, какъ, напримѣръ, дядя Мэгре, старикъ Парадисъ, дѣдушка Лафужеръ, все отставные солдаты, безъ всякихъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ нищенской сумы да медали св. Елены, прибрели къ намъ, по обыкновенію, чтобы набрать грибовъ въ лѣсу; они знали всѣ ихъ сорта, начиная съ сморчка до «толстаго поляка»; собирали также землянику и ежевику. Лѣсная земляника чрезвычайно вкусна; ее продавали въ городѣ по два су за литръ, а грибы по три су за маленькій кузовокъ.

Внизу, на лугу, по берегу рѣки, росъ также въ изобиліи кресъ-салатъ. Сколько разъ приходилось этимъ бѣднякамъ-солдатикамъ гнуть свои старыя спины, чтобы заработать хоть одинъ су!

А мы ежегодно получали свыше приказанія—строжайшимъ образомъ наблюдать за исполненіемъ правилъ насчетъ лѣсовъ; т. е. не дозволять собирать сухіе листья и буковые желуди, или, иначе, не давать бѣднымъ людямъ ничтожнаго средства къ ихъ пропитанію.

Такъ все шло до поры сѣнокоса, когда началась страшная засуха, продолжавшаяся до іюля мѣсяца; стали опасаться за картофель.

О плебисцитѣ я тебѣ говорить не буду, потому что такого рода дѣло очень мало интересовало нашу братію лѣсовщиковъ.

Въ одно прекрасное утро мы получили приказаніе идти въ Пти-Пьеръ; вся бригада, собравшись у меня въ полной парадной формѣ, отправилась вмѣстѣ со мною вотировать «да», какъ намъ велѣли. Затѣмъ, завернувъ въ трактиръ «Трехъ голубей», мы выпили по стаканчику за здоровье императора и разошлись по домамъ, а на слѣдующій день никто и не вспоминалъ объ этомъ.

Въ Грауфталѣ, въ Дозенгеймѣ и въ Эшбургѣ жители горевали объ одномъ только, что не выпало ни одной капли дождя. Но въ глубинѣ долины эти жаркіе дни были самые безподобные и благотворные; влажность постоянно сохранялась, трава росла

въ изобиліи и всѣ эльзасскія птицы, черные и сѣрые дрозды, снигири и голуби съ своими выводками, стаями слетались къ намъ, какъ въ птичникъ.

Это была также самая удобная пора для ловли рыбы, потому что когда воды мало, форели скучиваются подъ скалы къ родникамъ, откуда ихъ можно брать руками.

Ты, конечно, понимаешь, что въ рыболовахъ недостатка не было. Марія-Роза не успѣвала приготовлять яичницы и жарить всякую всячину. Бѣгаетъ, хлопочетъ и мимоходомъ еще отвѣчаетъ на разные комплименты, которые ей говорились по случаю приближенія ея свадьбы. Она была свѣжа, какъ роза; Жанъ Мерленъ не могъ смотрѣть на нее безъ слезъ умиленія на глазахъ.

Ну кто бы могъ себѣ представить тогда, что у насъ начнется война съ Пруссіей? Да и какая могла быть польза для насъ въ этой войнѣ? Къ тому же всѣ только и твердили, что плебисцитъ устроили съ одной цѣлью—сохранить миръ! Итакъ, мысль о войнѣ намъ и въ голову не приходила, какъ вдругъ разъ вечеромъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, маленькій еврей Давидъ, возвращаясь изъ Дозенгейма, гдѣ онъ купилъ теленка, сказалъ мнѣ мимоходомъ:

— Слышали ли вы важную новость, капралъ?

— Нѣтъ. А что такое?

— Да какъ же, парижскія газеты толкуютъ, что императоръ хочетъ объявить войну прусскому королю.

Я никакъ не могъ этому повѣрить, тѣмъ болѣе, что лѣсопродавецъ Шатнеръ, вернувшійся за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Саарбрюкена, разсказывалъ мнѣ, что тамъ весь край кишмя кишѣлъ войсками—кавалеріей, пѣхотой, артиллеріей; что даже для каждаго изъ городскихъ обывателей были заготовлены сумка, ружье и полная амуниція съ ярлычкомъ и нумеромъ; что вещи эти лежали въ порядкѣ на полкахъ, въ большомъ баракѣ; что по первому сигналу гауптмана всѣмъ этимъ людямъ стоило только облечься въ мундиры, получить боевые патроны, сѣсть въ вагоны желѣзной дороги и нагрянуть всей массой къ намъ въ тылъ. У насъ же между тѣмъ ровно ничего не было заготовлено, ни въ городахъ, ни по деревнямъ; здравый смыслъ говорилъ мнѣ,

что правительство не рѣшится объявить войну нѣмцамъ прежде, чѣмъ поставитъ насъ въ возможность защищаться.

Поэтому, услыхавъ отъ еврея такое глупое извѣстіе, я пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— За кого же ты считаешь нашего императора? Неужели онъ объявитъ войну, не приготовившись!

А еврей потащилъ за собой теленка на веревкѣ и крикнулъ мнѣ, уходя:

— Погодите... погодите, капралъ; увидите сами... долго ждать не придется.

Но я остался при своемъ мнѣніи: всю его болтовню я считалъ вздоромъ, и потому, когда вечеромъ Жанъ Мерленъ пришелъ, по обыкновенію, побесѣдовать съ нами, я не подумалъ и помянуть ему объ этомъ.

Къ несчастью дней восемь или десять спустя, слухъ оправдался; начали созывать отпускныхъ солдатъ, говорили даже, что баварцы перерѣзали телеграфныя проволоки въ Эльзасѣ, что безчисленное количество войскъ проходитъ черезъ Саверн и что другія войска располагаются лагеремъ въ Нидербронѣ.

Вдругъ разнеслась вѣсть, что подъ Виссамбургомъ дрались, а вечеромъ того же дня жители Нейвилье, спасаясь бѣгствомъ въ Лютцельштейнъ, остановились со всѣми своими пожитками, нагруженными на телѣги, у дверей нашего дома и, отказавшись къ намъ зайти, разсказывали, что нѣсколько нашихъ баталіоновъ легло на мѣстѣ, что авангардный генералъ палъ на полѣ битвы, что Виссамбургъ горитъ и что наши войска отступаютъ къ Битчу.

Несчастные бѣглецы были точно растерянные; вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь въ Ити-Пьеръ, имъ вдругъ показалось, что крѣпость эта недостаточно укрѣплена, и, несмотря на сдѣланный объѣздъ въ три лье, вся эта толпа мужчинъ и женщинъ принялась карабкаться на крутую возвышенность Фальсберга, чтобы искать спасенія въ Страсбургѣ.

Тогда и мы пришли въ волненіе. Мерленъ съ своей матерью прибѣжали къ намъ толковать объ этихъ дурныхъ извѣстіяхъ. Бабушка начала причитывать. Я утверждалъ, что отчаяваться не слѣдуетъ, что нѣмцы никогда не рѣшатся пуститься въ наши лѣса, что они дорогъ здѣшнихъ не знаютъ, и представлялъ разныя другія доказательства въ этомъ родѣ, хотя внутренно самъ очень безпокоился, потому что помнилъ слова капитана Рондо;

передъ моими глазами такъ и стояли теперь дровосѣки, которыхъ онъ велѣлъ задержать въ Лютцельбургѣ; къ тому-жъ мое самолюбіе очень страдало отъ извѣстія, что баденцы и баварцы поколотили французовъ при первой встрѣчѣ. Я былъ убѣжденъ, что ихъ приходилось десять на одного нашего, тѣмъ не менѣе я сильно горевалъ.

Это была первая ночь, проведенная нами дурно: я никакъ не могъ заснуть и слышалъ, какъ Марія-Роза въ своей комнаткѣ, сосѣдней съ моей, вставала, открывала окно и смотрѣла

На дворѣ все было тихо, какъ будто ничего не случилось; ни одна травка не шевельнулась, до того воздухъ былъ спокоенъ; нѣсколько стрекозъ жужжали на землѣ, еще теплой, хотя шесть часовъ прошло послѣ захожденія солнца, а на рѣкѣ лягушки затянули свой монотонный концертъ.

Внутреннее волненіе мѣшало мнѣ спать. Около четырехъ часовъ Раго затявкалъ внизу, въ коридорѣ; кто-то стучался къ намъ въ дверь. Я наскоро одѣлся, сошелъ внизъ и отперъ ее.

Сынъ Клейнъ-Никеля изъ Пти-Пьера принесъ мнѣ приказаніе отъ г. инспектора Лароша немедленно къ нему явиться.

Марія-Роза также сошла. Я закусилъ и, перебросивъ черезъ плечо ружье, пустился въ дорогу. Въ семь часовъ я стоялъ уже у дверей дома г. Лароша и вошелъ туда. Г. инспекторъ сидѣлъ за своей конторкой и писалъ.

— А-а! Это вы, Фредерикъ?—сказалъ онъ, опуская перо.— Садитесь-ка. Плохія вѣсти! Вы знаете, что маленькій обсерваціонный корпусъ, расположенный близъ Виссамбурга, потерпѣлъ пораженіе?

— Знаю, г. инспекторъ.

— Они допустили напасть на себя врасплохъ; но ничего, въ другой разъ этого не случится.

Онъ, повидимому, былъ спокоенъ, какъ всегда, и говорилъ мнѣ, что въ каждой войнѣ случаются удачи и неудачи; что первое несчастное сраженіе—пустяки, но что благоразуміе требуетъ принять мѣры предосторожности на случай непредвидѣнныхъ, болѣе важныхъ обстоятельствъ; что поэтому слѣдуетъ предварить всѣхъ людей моей бригады и тѣхъ землекоповъ, которыхъ мы употребляемъ для проведенія дорогъ въ нашихъ лѣсахъ, чтобы они были готовы выступить въ походъ по первому сигналу съ кольями, заступами и топорами, такъ какъ, можетъ

быть, придется взрывать скалы, а также перерѣзывать дороги траншеями и завалами.

— Вы, понимаете, — сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько оторопѣлъ,— вы понимаете, дядя Фредерикъ, что это чисто мѣры предосторожности, опаснаго ничего нѣтъ: маршалъ Макъ-Магонъ стягиваетъ свою армію въ Гагенау; всѣ войска въ движеніи, нѣтъ основанія бояться внезапнаго нападенія, но надо быть готовымъ на всякій случай; когда все готово, дѣйствуешь быстрѣе и рѣшительнѣе. Я ежеминутно жду приказа отъ генерала де-Фальи перерѣзать дороги, и когда приказъ получится, то его слѣдуетъ исполнить въ нѣсколько часовъ.

— За этимъ дѣло не станетъ, г. инспекторъ,—отвѣчалъ я ему;—у насъ скалы нависли надъ дорогами; при паденіи онѣ увлекутъ за собой на дно долины все, что ни попадется.

— Именно такъ, —сказалъ онъ.—Но надо непремѣнно предупредить нашихъ людей. Въ порохѣ для взрыва у насъ недостатка нѣтъ; когда получится приказъ и всѣ мои товарищи примутъ однѣ и тѣ же мѣры, мы въ одинъ день перепортимъ дороги отъ Битча до Дабо: ни одна пушка, ни одинъ зарядный ящикъ не переѣдутъ изъ Эльзаса въ Лотарингію.

Вотъ, что мнѣ сказалъ г. инспекторъ, провожая меня до двери и крѣпко пожимая мнѣ руку.

Когда я шелъ домой, въ сильной задумчивости, то замѣтилъ, что на высотахъ Альтенберга нѣсколько человѣкъ солдатъ собираются поставить длинную цѣпь изгородей вдоль гребня горы. Въ предмѣстьи замѣчалось большое смятеніе; обыватели перебѣгали изъ дома въ домъ, собирая новости: двѣ-три роты пѣхоты расположились лагеремъ среди поля съ картофелемъ.

Въ этотъ день и во весь слѣдующій я то и дѣло разносилъ приказанія г. инспектора изъ Фромюля въ Эшбургъ, изъ Эшбурга въ Ганжвилье, въ Грауфталь, въ Метингъ и т. д., предупреждая всѣхъ и каждаго, что ему дѣлать, на какомъ пунктѣ собираться, какія скалы взрывать.

Наконецъ, на третій день я вернулся домой ночью, до того измученный, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не въ состояніи былъ ни проглотить куска, ни сомкнуть глазъ. Впрочемъ, къ утру я кончилъ тѣмъ, что заснулъ мертвымъ сномъ; по другъ Марія-Роза вошла въ мою комнату, разбудила меня и открыла окно со стороны Дозенгейма.

— Послушай, отецъ,—сказала она дрожащимъ голосомъ,— послушай этотъ гулъ... Что это такое? Онъ такъ и разносится по всей долинѣ...

Я началъ прислушиваться: это былъ неумолкаемый гулъ, который несся съ горы и по временамъ заглушалъ шумъ лѣса.

Недолго мнѣ пришлось соображать, что бы такое это означало.

— Это гулъ отъ пушекъ!..— отвѣчалъ я.—Со стороны Верта, въ семи или восьми лье отсюда, дерутся. Сраженіе, должно быть, страшное!

Марія-Роза побѣжала внизъ, я одѣлся и пошелъ вслѣдъ за нею въ залу, куда прибрела уже и бабушка; подбородокъ ея трясся, и она смотрѣла на меня, вытаращивъ глаза.

— Ничего, ничего,—успокаивалъ я ихъ,—не бойтесь; что бы тамъ ни случилось, нѣмцы никогда не доберутся до насъ; мы можемъ всегда защитить наши горные проходы.

Но внутренно я далеко не былъ спокоенъ.

Пушечные выстрѣлы иногда учащались, напоминая отдаленные раскаты грома; затѣмъ они вдругъ умолкали, и до насъ доносился шелестъ листьевъ, тявканье Раго передъ дверью и крикъ утокъ въ ивахъ на рѣкѣ. Странно какъ-то было слышать эти мирные звуки и представить себѣ, что происходитъ въ эту минуту за лѣсной завѣсой.

Меня такъ и тянуло взбѣжать на скалы, посмотрѣть, по крайней мѣрѣ, что такое дѣлается по ту сторону, въ долинѣ; но приказъ объ устройствѣ заваловъ могъ прибыть ежеминутно, и я поневолѣ остался дома. Такъ прошло время до трехъ часовъ пополудни.

Я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь казаться спокойнымъ, чтобы не тревожить домашнихъ. Долго тянулся этотъ день 6-го августа; даже теперь, когда на насъ обрушилось столько бѣдствій, я не могу вспомнить о немъ безъ замиранія сердца.

Самая страшная минута наступила послѣ того, когда глухой гулъ, слышавшійся съ утра, вдругъ прекратился. Мы прислушивались, стоя у окна, которое выходило въ садъ; но изъ долины до насъ не доносилось болѣе ни одного звука.

Спустя нѣсколько минутъ я сказалъ своимъ:

— Кончено!.. Сраженіе прекратилось... Въ настоящую ми-

нуту одни бѣгутъ, другіе ихъ преслѣдуютъ... Дай Богъ, чтобы побѣда была на нашей сторонѣ.

Вплоть до вечера у насъ въ окрестностяхъ не показалось ни души. Поужинавъ, мы легли спать съ камнемъ на сердцѣ..

Слѣдующій день былъ грустнымъ днемъ; небо заволокло и послѣ двухмѣсячной засухи пошелъ крупный, непрерывный дождь; часы тянулись медленно, приказъ о завалахъ не приходилъ, и я думалъ:

«Это хорошій знакъ!.. Если бы мы были разбиты, приказъ прислали бы на зарѣ».

Но мы не получали никакихъ извѣстій; пробило три часа; потерявъ всякое терпѣніе, я сказалъ Маріи-Розѣ и бабушкѣ:

— Послушайте, въ такомъ положеніи нельзя оставаться; я долженъ непремѣнно сходить въ Пти-Пьеръ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Я накинулъ на себя клеенчатый плащъ и вышелъ подъ дождемъ, который все болѣе и болѣе усиливался. Въ нашей песчаной мѣстности грязи никогда не бываетъ. Часовъ въ шесть я прибылъ въ Пти-Пьеръ, гдѣ всѣ обыватели наглухо заперлись въ домахъ. На вершинѣ старой крѣпости, на виду, стоялъ часовой около будки.

Нѣсколько минутъ спустя я вошелъ въ канцелярію г. инспектора. Онъ былъ одинъ и расхаживалъ по комнатѣ, сгорбившись, нахмуривъ брови. Когда я откинулъ капюшонъ съ головы, онъ остановился.

— Это вы, дядя Фредерикъ?—сказалъ онъ.—Вы пришли узнать, что новаго, и получить приказанія?

— Точно такъ, г. инспекторъ.

— Ну-съ, вѣсти очень дурныя: мы проиграли сраженіе, насъ отбросили изъ Эльзаса; 150 тысячъ нѣмцевъ подвигаются къ границамъ Лотарингіи.

У меня мурашки пробѣжали по спинѣ. Видя, что онъ молчитъ, я сказалъ:

— Все готово, г. инспекторъ; остается только раздать порохъ для минъ и приступить къ устройству заваловъ; мы ждемъ приказаній.

Онъ горько улыбнулся, взъерошилъ свои густые, темные волосы и воскликнулъ:

— Да... да... мы всегда такъ!.. Время дорого, отступленіе

черезъ Битчъ и Саверинъ продолжается, непріятель разсылаетъ разъѣзды по всѣмъ направленіямъ, а приказа нѣтъ какъ нѣтъ!

Я молчалъ, а онъ, опустившись на стулъ, опять воскликнулъ:

— Впрочемъ, что мнѣ скрывать отъ васъ правду? Генералъ де-Фальи велѣлъ мнѣ сказать, что завалы безполезны и что намъ не о чемъ болѣе хлопотать.

Я точно приросъ къ мѣсту; мои ноги тряслись, какъ въ лихорадкѣ, а инспекторъ опять принялся ходить, скрестивъ руки на спинѣ, подъ фалдами своего сюртука. Видя, что онъ ходитъ и молчитъ, я спросилъ:

— Что жъ намъ теперь дѣлать, г. инспекторъ?

— Оставаться на посту, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ,— отвѣчалъ онъ;—другого приказанія я вамъ дать не могу.

У меня начало душить горло; онъ замѣтилъ это и, протянувъ мнѣ руку, со слезами на глазахъ сказалъ:

— Полно, дядя Фредерикъ, не падайте духомъ!.. Пріятно имѣть право сказать себѣ, положа руку на сердце: я честный человѣкъ!.. Я исполнилъ свой долгъ... Въ этомъ должна заключаться наша награда.

— Да, г. инспекторъ,—проговорилъ я съ умиленіемъ,—да, у насъ больше ничего не осталось; по крайней мѣрѣ, этой награды насъ никто не лишитъ.

Онъ удостоилъ меня чести проводить по коридору до выходной двери и, еще разъ пожавъ мнѣ руку, громко сказалъ:

— Не падайте духомъ!

Я отправился домой внизъ по долинѣ. Дождь такъ и хлесталъ по Фромюльскому пруду.

У меня нѣтъ силъ передать тебѣ, Жоржъ, всѣ тѣ мысли, которыя роились у меня въ головѣ; сколько разъ я проводилъ рукой по лицу, отирая катившіяся по немъ слезы и дождевую воду; скажу одно, я ничего не чувствовалъ, ничего не понималъ и твердилъ только въ волненіи:

— Нѣтъ приказаній!.. Все будетъ напрасно!.. Генералъ говоритъ, что безполезно устраивать завалы и взрывать дороги!..

Слѣдовательно, ему хочется, чтобы непріятель двигался впередъ, чтобы онъ прошелъ черезъ наши горные проходы!..

И я продолжалъ шагать.

Зги не было видно, когда я подошелъ къ дому. Марія-Роза ждала меня, сидя за столомъ; остановивъ на мнѣ тревожный

взглядъ, она какъ будто спрашивала: «Что тамъ такое происходитъ? Какія получены приказанія?»

Я не произнесъ ни слова и, сбросивъ на спинку стула мой плащъ, насквозь пробитый дождемъ, сталъ отряхать фуражку.

— Ступай спать, Марія-Роза,—сказалъ я, наконецъ;—насъ сегодня ночью не потревожатъ; спи спокойно. Генералъ, что командуетъ войсками въ Битчѣ, не желаетъ, чтобы мы трогались съ мѣста. Сраженіе проиграно, но ожидаются другія, въ Эльзасѣ, въ Саверне или дальше: дороги должны быть свободны: намъ нѣтъ надобности трогаться съ мѣста; дороги станутъ тщательно оберегать.

Не знаю, что Марія-Роза думала, по минуту спустя, видя, что я не сажусь, она сказала:

— Отецъ, я все время держала твой супъ на огнѣ; онъ совсѣмъ горячій, не хочешь ли поѣсть?

— Нѣтъ, я не голоденъ,—отвѣчалъ я;—пойдемъ спать, уже поздно; такъ лучше будетъ.

Я едва могъ сладить съ собою: злость душила меня.

Войдя въ коридоръ, я заперъ входную дверь засовомъ и, взявъ лампу, отправился наверхъ. Марія-Роза слѣдовала за мной. Мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Я слышалъ, какъ дочь моя легла; я же, облокотясь локтемъ на столъ, долго смотрѣлъ, не сводя глазъ, на огонь лампы, отражавшійся на черныхъ стеклахъ окна, за которымъ трепетали листья плюща, обливаемые дождемъ; я сидѣлъ въ раздумьи и говорилъ самъ себѣ:

— Фредерикъ, есть же такіе ослы на свѣтѣ, и даже идутъ-то они не позади, а впереди и тянутъ за собой другихъ!

Ночь подвигалась; я разсудилъ, что нечего понапрасну жечь масло, и въ два часа раздѣлся, легъ и задулъ лампу.

А между тѣмъ въ эту самую ночь, съ седьмого на восьмое августа, нѣмцы, собравъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія и узнавъ черезъ развѣдчиковъ, что дороги вездѣ открыты, двинулись массой и овладѣли проходами, не только Зинзельскими, но и Цорнскими, обложили, такимъ образомъ, крѣпость Фальсбургъ и на другой день стали ее бомбардировать.

Они пробрались также въ Лотарингію черезъ большой Гомартенскій тунель, въ то время, какъ наша армія ретировалась форсированнымъ маршемъ къ Нанси, а потомъ къ Шалону.

Такимъ образомъ, двѣ нѣмецкія арміи, сражавшіяся при Вертѣ и Форбахѣ, соединялись, а мы, несчастные, были, такъ сказать, поглощены ими, оставленные безъ всякой помощи, безъ всякой надежды.

Ты можешь легко себѣ представить эту громадную армію принца Фридриха: баварцы, виртембергцы, баденцы, кавалерія, артиллерія, пѣхота,—все это дефилируетъ эскадронами и полками черезъ нашу уединенную долину; этотъ потокъ живыхъ людей шелъ, шелъ, не прерываясь, въ теченіе цѣлой недѣли: пушки палятъ кругомъ насъ, и эхо отъ нихъ перекатывается по старымъ Грауфтальскимъ скаламъ: дымъ отъ пожаровъ поднимается къ нему, образуя мрачный сводъ надъ нашими долинами.

VII.

Когда главныя силы нѣмецкой арміи прошли мимо насъ, тысячи солдатъ изъ ландвера заняли нашъ край. Эти люди наводнили всѣ наши селенія и деревушки: тутъ расположилась одна рота, тамъ двѣ, дальше три или четыре и всѣ подъ начальствомъ прусскихъ офицеровъ. Они стерегли дороги и тропинки, собирали всевозможныя реквизиціи: хлѣбомъ, зерномъ, мукой, сѣномъ, соломой, скотомъ,—имъ все было на руку; пріютившись у огонька, они толковали съ умиленіемъ о своихъ женахъ и дѣтяхъ, съ соболѣзнованіемъ объ участи бѣдныхъ собратовъ эльзасцевъ и лотарингцевъ и жалѣли о нашихъ бѣдствіяхъ. Но все это не мѣшало имъ отлично пить и ѣсть на нашъ счетъ и разваливаться въ покойныхъ креслахъ нашихъ дѣдовъ или бабушекъ, съ наслажденіемъ куря сигары, которыя мы же обязаны были имъ доставлять! Оно, конечно, соболѣзнованіе вѣдь ничего имъ не стоило. Наглядѣлся я всего этого и въ Грауфталѣ, и въ Эшбургѣ, и въ Ганжвилье, куда я, изъ желанія узнать что-нибудь новенькое, время отъ времени хаживалъ въ блузѣ, съ палкою въ рукѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября ихъ генералъ-губернаторъ Бисмаркъ-Боленъ, водворился въ Гагенау, объявляя во всеуслышаніе, что Эльзасъ былъ всегда нѣмецкой землею и что нѣмцы вернули только принадлежавшее имъ владѣніе; что Страсбургъ, Битчъ, Фальсбургъ, Нефъ-Бризакъ должны скоро сдаться на капитуляцію.

Вотъ, Жержъ, что толковали нѣмцы; они, видно, принимали насъ всѣхъ за дураковъ, которымъ можно было разсказывать какія угодно нелѣпости, не боясь, что тѣ расхохочутся имъ подъ носъ.

Наше единственное утѣшеніе состояло въ томъ, что мы могли жить въ лѣсу, куда нѣмцы не рѣшались ходить; за это я каждый вечеръ благодарилъ небо. Но только что прибылъ Бисмаркъ-Боленъ, какъ по нашей долинѣ начали разъѣзжать аккуратно каждое утро и каждый вечеръ конные жандармы въ каскахъ и широкихъ плащахъ и развозить губернаторскіе приказы и цѣлые пуки объявленій, которыя мэры были обязаны наклеивать на дверяхъ мэрій и церквей.

Эти объявленія были наполнены обѣщаніями всевозможныхъ льготъ тѣмъ, кто покорится нѣмцамъ, и угрозами смертью тѣмъ, кто осмѣлится помогать французамъ, которые назывались въ объявленіяхъ «нашими врагами». Строго запрещалось давать имъ хлѣба, даже напоить стаканомъ воды, служить имъ проводниками, скрывать ихъ въ своемъ домѣ; чтобы считаться честнымъ человѣкомъ, слѣдовало ихъ выдавать; въ случаѣ неповиновенія, виновные предавались исключительно военному суду, а низшая степень наказанія за подобнаго рода преступленія назначалась—20 лѣтъ галеръ и 37 тысячъ франковъ пени.

При такихъ мѣрахъ нечего было толковать о единствѣ расъ и о германскомъ отечествѣ.

Представь ты себѣ теперь наше уединеніе, страхъ мародеровъ, которыхъ мы не осмѣлились бы выгнать, если бы они къ намъ явились. Къ счастью, у этого народа храбрости было немного; носился слухъ, будто нѣсколько вольныхъ стрѣлковъ и французскихъ солдатъ, убѣжавшихъ изъ-подъ Верта, бродятъ въ окрестностяхъ; это насъ спасло отъ посѣщеній нѣмецкой расы, желавшей намъ такъ много добра.

Толковали также о томъ, что служащіе по лѣсной части всѣ останутся на своихъ мѣстахъ, что прежнимъ лѣсовщикамъ прибавятъ даже жалованья, а нѣкоторымъ изъ нихъ дадутъ повышеніе.

Ты понимаешь мое негодованіе, когда я слышалъ подобнаго рода толки; я не забылъ наставленій нашего честнаго инспектора и при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ ихъ людямъ моей бригады:

— Надо оставаться на своемъ посту!.. Не всегда же счастіе будетъ противъ насъ... Пусть каждый до конца исполняетъ свой долгъ... Другихъ приказаній вы отъ меня не услышите.

Самъ г. инспекторъ, находясь въ Пти-Пьеръ, въ точности держался этихъ правилъ и продолжалъ строго исправлять свои обязанности.

Страсбургъ защищался; вокругъ Мэца дрались. Отъ времени до времени я посылалъ Мерлена спросить совѣта у начальства: отвѣтъ присылался всегда одинъ и тотъ же: Не приходить въ отчаяніе... Мы ежеминутно можемъ быть потребованы къ дѣлу.. Пусть никто не трогается съ мѣста!»

Итакъ, мы все ждали, а эта осень, которая такъ прекрасна въ нашихъ горахъ, эти красноватые, точно ржавые листья, безмолвныя лѣсныя чащи, гдѣ не раздается уже ни одной птичьей пѣсни, эти скошенные луга, похожіе на безконечный зеленый коверь, эта рѣка, подернутая шпажникомъ и сухимъ листомъ,— вся эта величественная картина, обыкновенно мирная, казалась еще торжественнѣе и грустнѣе среди страшныхъ событій, нами переживаемыхъ.

Сколько разъ, прислушиваясь къ неумолкаемому ропоту лѣса, по которому уже проносились первые холодные зимніе вѣтры, я говорилъ самъ себѣ:

— Пока ты глядишь, Фредерикъ, на этотъ старый лѣсъ, гдѣ все такъ тихо, что-то происходитъ тамъ, въ Шампани? Куда дѣлись эти многочисленныя арміи, кавалерія, пѣхота, пушки, эти тысячи человѣкъ, которые, не задумываясь, шли впередъ? Приведется ли намъ видѣть ихъ бѣгство? Останутся ли они погребенными подъ туманами Мааса или вернутся, чтобы сѣсть намъ на шею?

Воображеніе мое рисовало страшныя битвы.

Бабушка, также полная безпокойства, сидя у окна, говорила:

— Прислушайся-ка, Фредерикъ, что тамъ такое?

Я начиналъ прислушиваться: шумѣлъ только вѣтеръ, поднимая сухіе листья.

Иногда, и то изрѣдка, городъ, казалось, просыпался: нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ прокатывалось эхомъ отъ Катри-Вана къ Миттельброну, и затѣмъ опять все умолкало. Мысль о Мэцѣ насъ поддерживала; оттуда-то въ особенности мы надѣялись получить помощь.

Больше мнѣ нечего тебѣ разсказывать объ этой осени 1870 г.; вѣстей мы никакихъ не получали, никто къ намъ не пріѣзжалъ, а подъ конецъ мы даже перестали и надѣяться на что-нибудь хорошее.

Но теперь выслушай о томъ что сильно насъ удивило: сначала мы не поняли, въ чемъ дѣло, но, къ несчастью, впослѣдствіи это разъяснилось для насъ, какъ и многое другое, чего мы сперва не могли взять въ толкъ.

Однажды утромъ, почти двѣ недѣли спустя послѣ водворенія Бисмарка-Болена въ Гагенау, мы увидѣли приближавшуюся къ намъ изъ глубины долины повозку, очень похожую на тѣ повозки нѣмцевъ, переселявшихся въ Америку, которыя употреблялись до введенія желѣзныхъ дорогъ: это было нѣчто въ родѣ длинной телѣги, нагруженной всякимъ скарбомъ: соломенными тюфяками, потовилицами, деревянными кроватями, кастрюлями, фонарями, и мало ли еще чѣмъ. Тамъ находились и грязная собака, и нечесаная женщина, и груда немытыхъ дѣтей; самъ же обладатель всего этого велъ подъ уздцы свою клячу.

Мы съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ и думали:

— Что бы это такое значило? Зачѣмъ эти люди явились къ намъ?

Скорчившись подъ парусиннымъ верхомъ повозки, подлѣ дышла, старая, желтая, сморщенная женщина въ чепчикѣ, съѣхавшемъ на бокъ, копалась въ волосахъ ребятишекъ, которые валялись въ соломѣ; то были и мальчики, и дѣвочки, съ бѣлыми, какъ ленъ, космами волосъ, съ одутловатыми лицами, пузатые, по всему видно—выросшіе на одномъ картофелѣ.

— Вильгельмъ, да сиди же смирно,—говорила мать.—Погоди, дай посмотрѣть, никакъ что-то шевелится... ну, такъ и есть... поймала... теперь можешь валяться! Вильгельмина, положи голову ко мнѣ на колѣни... твоя очередь... послѣ станемъ смотрѣть на слп.

Отецъ, толстякъ въ длинномъ сюртукѣ бутылочнаго цвѣта, съ безчисленными сборками на спинѣ, съ отвислыми щеками, съ очками на крошечномъ носу, съ засунутыми въ сапоги панталонами и съ большой фарфоровой трубкой во рту, тащилъ несчастную клячу за поводъ и говорилъ женѣ:

— Эрминія, посмотри ка на эти лѣса, луга, на этотъ богатый Эльзасъ... Мы въ земной рай попали.

Они напоминали цыганскую семью, и когда Мерленъ пришелъ насъ навѣстить въ этотъ день, мы цѣлый вечеръ только о нихъ и толковали.

Но съ этихъ поръ намъ пришлось быть свидѣтелями безконечныхъ переѣздовъ иностранцевъ въ старыхъ кабріолетахъ, въ какихъ-то кузовахъ въ родѣ корзинъ для салата, въ шарабанахъ, въ телѣжкахъ о двухъ и четырехъ колесахъ, подхваченныхъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Я помню хорошо только первую повозку, а за нею ужъ ѣхали безъ конца разные экипажи; ихъ проѣзжало ежедневно по три, по четыре, по пяти и всѣ они были нагружены дѣтьми, стариками, молодыми женщинами и дѣвушками, одѣтыми въ безобразныя платья, въ которыхъ лѣтъ 15 или 20 тому назадъ щеголяли саверискія дамы; огромныя шляпки съ бумажными розами торчали у нихъ на рѣдкихъ волосахъ, такъ же туго заплетенныхъ, какъ косички нашихъ прадѣдовъ.

Весь этотъ людъ говорилъ на разныхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, совсѣмъ для насъ непонятныхъ. Лица у нихъ также были все разныя—или толстыя, одутловатыя, съ окладистой бородой, или съ бородой клиномъ; сюртуки, въ родѣ польскихъ кунтушей, были у нихъ застегнуты вплоть до шеи, чтобы скрыть бѣлье; видѣли мы между ними людей съ свѣтлосѣрыми глазами, съ рыжими, жесткими, щетинистыми бакенбардами, и, наконецъ, маленькихъ, тощенькихъ, проворныхъ, которые бѣгали, суетились, размахивали руками; всѣ они, при видѣ нашихъ лѣсовъ и нашей прекрасной долины, испускали крики восторга и поднимали къ небу руки,—всѣ безъ исключенія—и мужчины, и женщины, и дѣти, точь въ точь, какъ это дѣлали, говорятъ, евреи, когда они входили въ обѣтованную землю.

Такимъ-то образомъ эти люди валили со всѣхъ концовъ Германіи; они доѣхали по желѣзной дорогѣ до границы, а такъ какъ у насъ всѣ дороги были заняты или ихъ войсками, или обозомъ съ боевыми припасами и провіантомъ, то они нашлись вынужденными отъ границы трястись въ телѣгахъ, по эльзасскому способу передвиженія.

То тѣ, то другіе спрашивали у насъ дорогу въ Саверинъ, Метингъ, Лютцельштейнъ и т. д., спускались къ ключу подъ мостомъ и пили воду изъ своихъ чашекъ или просто изъ пригоршни руки.

Такого рода переѣзды повторялись ежедневно, и я ломалъ себѣ голову, стараясь угадать, что эти иностранцы собираются у насъ дѣлать въ такое тяжкое время, когда припасы страшно издорожали, такъ что многіе изъ насъ не знали, что они будутъ ѣсть завтра. Но нѣмцы объ этомъ сами не распространялись и продолжали свой путь подъ покровительствомъ ландвера, наводнившаго нашъ край. Впослѣдствіи мы узнали, что они получили право пользованія реквизиціей, что очень сокращало ихъ издержки и позволяло иной разъ сытно поѣсть дорогой.

А между тѣмъ, Жоржъ, всѣ эти цыгане новой породы, несчастный видъ которыхъ возбуждалъ въ насъ жалость, при всѣхъ нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, были чиновники, высланные къ намъ изъ Германіи въ качествѣ администраторовъ и воспитателей; то были: наставники, контролеры, школьные учителя, лѣсные сторожа и мало ли еще кто! Эти люди, въ сентябрѣ и октябрѣ, еще задолго до заключенія мира, преспокойно явились сюда занять наши мѣста и сказать намъ безъ церемоніи:

— Ступай-ка прочь, пусти меня на свое мѣсто!

Можно подумать, что все это было заранѣе подготовлено, потому что переселенцы явились къ намъ до сдачи Страсбурга.

Сколько этихъ голышей, пивныхъ бочекъ и любителей шнапса, перебивавшихся кой-чѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ разныхъ городкахъ Помераніи, Бранденбурга и другихъ дальнихъ провинцій, сколько этихъ людишекъ, потерявшихъ всякій кредитъ у себя дома, въ странѣ чернаго хлѣба и картофеля, навалилось на «богатый Эльзасъ», этотъ земной рай, обѣщанный нѣмцамъ ихъ профессорами и школьными наставниками!

Въ эпоху, мною описываемую, они еще были скромны, несмотря на чрезвычайныя побѣды ихъ армій; они еще не совсѣмъ были убѣждены, что необыкновенный успѣхъ станетъ благопріятствовать имъ до конца; сравнивая свое старое потертое платье и свой жалкій видъ съ довольствомъ самыхъ мелкихъ чиновниковъ Эльзаса и Лотарингіи, они, вѣроятно, мысленно сами себѣ говорили:

— Невозможно, чтобы Господь Богъ избралъ людей нашего сорта для такихъ хорошихъ мѣстъ. Чѣмъ мы могли особенно заслужить честь играть первую роль въ странѣ, которою французы владѣютъ 200 лѣтъ, которую они обработали, обсѣяли, обогатили

заводами, фабриками, промышленностью различнаго рода?.. Только бы они не вздумали отнять у насъ опять этотъ край и не заставили бы насъ вернуться къ нашему шпанцу и картофелю...

Да, Жоржъ, если у этихъ пришлецовъ была хоть капля здраваго смысла и справедливости въ головѣ, то они не могли иначе разсуждать; въ ихъ глазахъ, улыбкѣ ясно тогда читалась тревога. Но лишь только имъ сдали Страсбургъ и Мэцъ, они очень удобно водворились въ большихъ, просторныхъ домахъ, не ими выстроенныхъ, разлеглись на покойныхъ постеляхъ префектовъ, су-префектовъ, судей и другихъ должностныхъ лицъ, о которыхъ они и понятія не имѣли; лишь только они обложили налогомъ обработанныя земли, не ими обсѣмененныя, и начали пользоваться доходами со всѣхъ отраслей администраціи, не ими установленной, лишь только они увидѣли, что деньги, хорошія деньги «богатаго Эльзаса» потекли къ нимъ въ сундуки,—они, дѣйствительно, вообразили себя президентами чего-то, инспекторами, сборщиками, контролерами, и нѣмецкая гордость, которую они такъ ловко умѣютъ прикрыть маской униженія, когда сила не на ихъ сторонѣ,—эта грубая гордость надула имъ щеки.

Когда я еще не покинулъ того края, у нихъ оставалось какое-то воспоминаніе о жизни въ «Lumpe Strasse» или о «Spiengler-Folk, гдѣ они коптѣли до переѣзда къ намъ. Это воспоминаніе дѣлало ихъ бережливыми; они выпивали, напримѣръ, стаканъ вина вдвоемъ и каждый платилъ свою половину; они торговались съ сапожникомъ и съ портнымъ изъ-за ліарда; при всякомъ счетѣ, который имъ представляли, они кричали, что съ нихъ хотятъ кожу содрать; словомъ, послѣдній чеботарь у насъ посовѣстился бы обнаружить такую скаредность, какую обнаруживали эти новые чиновники, обѣщавшіе намъ такъ много добра отъ имени германскаго отечества, а въ дѣйствительности выказавшіе не только скупость, но даже отвратительное скряжничество. Видно было сразу, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло!

VIII.

Однажды, въ концѣ октября, одинъ изъ жандармовъ Бисмарка-Болена, ежедневно разъѣзжавшихъ по долинѣ, остановился передъ моимъ домикомъ и крикнулъ:

— Эй, кто тутъ?

Я вышелъ.

— Вы капралъ Фредерикъ?—спросилъ жандармъ.

— Да, меня зовутъ Фредерикомъ, и я капралъ лѣсной стражи.

— Ну, такъ вотъ вамъ,—сказалъ онъ, подавая мнѣ письмо.

Затѣмъ онъ тихой рысью отправился догонять товарищей, которые ждали его въ нѣкоторомъ разстояніи.

Я вернулся въ домъ.

Марія-Роза и бабушка сильно перетревожились и молча смотрѣли на меня.

— Чего отъ меня хотятъ пруссаки?—сказалъ я, вскрывая письмо.

Въ конвертѣ оказался приказъ оберъ-ферстера (инспектора лѣсничихъ), поселившагося въ Цорнштадтѣ, явиться мнѣ къ нему на слѣдующій день, со всѣми полѣсовщиками моей бригады. Я прочелъ вслухъ эту бумагу, и она поразила женщинъ.

— Отецъ, что же ты станешь дѣлать?—спросила меня Марія-Роза, минуту спустя.

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю,—отвѣчалъ я.—Этимъ нѣмцамъ нечего мнѣ приказывать; но они теперь сильнѣе насъ и могутъ не сегодня, такъ завтра, погнать насъ отсюда по шеѣ.

Я началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, страшно раздосадованный, какъ вдругъ Жанъ Мерленъ торопливо прошелъ мимо нашихъ оконъ, перешагнулъ черезъ три ступеньки крыльца и вошелъ къ намъ.

— Здравствуйте, Марія-Роза,—сказалъ онъ.—Здравствуйте, бабушка. Капралъ, вы получили приказъ оберъ-ферстера?

— Получилъ.

— А-а!—воскликнулъ онъ.—Эти господа не имѣютъ къ вамъ довѣрія, они разослали такіе же циркуляры ко всѣмъ полѣсовщикамъ. Чтожъ, итти намъ или нѣтъ?

— А вотъ посмотримъ,—отвѣчалъ я,—сходите-ка прежде въ Пти-Пьеръ, попросите совѣта у нашего инспектора.

Часы показывали восемь; Жанъ отправился немедленно; ровно въ полдень онъ вернулся съ извѣстіемъ, что г. Ларошъ приказываетъ итти узнать, чего отъ насъ хотятъ эти нѣмцы, и тотчасъ же его объ этомъ увѣдомить. Итакъ, мы рѣшились итти.

Нужно тебѣ сказать, Жоржъ, что съ тѣхъ поръ, какъ къ намъ явились нѣмцы, наши лѣса расхищались немилосердно; дрова, назначенные въ продажу и сложенные на лѣсосѣкахъ въ кубическіе метры, уходили, полѣно за полѣномъ; ландверъ таскалъ все, что попадалось подъ руку; имъ очень нравилось сидѣть у яркаго огня въ своихъ земляныхъ ретраншементахъ подъ стѣнами города; крестьяне также запасались отсюда дровами,—словомъ, можно было подумать, что государственное имущество есть достояніе общее. Я безпрестанно твердилъ моимъ полѣсовщикамъ, чтобы они хорошенько слѣдили за ворами, что лѣса все еще принадлежатъ Франціи, и что по окончаніи войны намъ придется отдать въ нихъ отчетъ. Мой участокъ пострадалъ менѣе прочихъ, потому что я продолжалъ дѣлать обходы по-старому, а народъ вѣдь всегда уважаетъ тѣхъ, кто исполняетъ свои обязанности.

Наконецъ, я послалъ Жана предупредить его товарищей, чтобы они всѣ завтра, около девяти часовъ, безотлагательно собрались въ лѣсническомъ домѣ, въ мундирахъ, но безъ значковъ, и что мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ Цориштадтъ.

На другой день бригада собралась; мы пустились въ путь и въ часъ пополудни вошли въ сѣни большого дома, гдѣ расположился жить г. оберъ-ферстеръ со своимъ семействомъ.

Въ Цориштадтѣ, въ этотъ день, пруссаки ликовали. Они только-что получили извѣстіе о капитуляціи Базэна и распѣвали пѣсни во всѣхъ кабакахъ. Оберъ-ферстеръ давалъ оффиціальный обѣдъ.

Разумѣется, что отъ такой грустной новости у насъ сжалось сердце.

Прочія лѣсныя бригады находились уже въ полномъ сборѣ передъ дверью, съ капралами во главѣ: Шарлемъ Вернеромъ, Ральтасаромъ Редигомъ и Жакобомъ Гепномъ.

Пожавъ другъ другу руки, мы положили: выслушать всѣ за-

мѣчанія г. оберъ-ферстера молча, а мнѣ, какъ старшему капралу, говорить за всѣхъ, если понадобится что-нибудь отвѣчать.

Мы прождали болѣе получаса, потому что обѣду конца не было; до насъ доносились остроты, смѣхъ, чоканье стакановъ; кто-то барабанилъ на фортепьяно, пѣли: «Wacht am Rhein!»

Несмотря на свое чрезмѣрное тщеславіе, эти люди никакъ не разсчитывали на такія удивительныя побѣды, и даже мнѣ кажется, что, при другихъ начальникахъ, имъ не помогло бы ихъ численное превосходство и не представлялось бы случая такъ бахвалиться.

Наконецъ, около двухъ часовъ, нѣмецъ въ войлочной зеленой шляпѣ, украшенной тремя или четырьмя пѣтушиными перьями, съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ и румянцемъ во всю щеку (онъ выходилъ изъ кухни), отворилъ намъ двери со словами:

— Вы можете войти.

Пройдя большую комнату, мы въ слѣдующей нашли г. оберъ-ферстера одного; онъ сидѣлъ въ креслѣ на концѣ длиннаго стола, еще покрытаго тарелками съ дессертомъ и бутылками разнаго рода; лицо у него было пунцовое, руки скрещены на толстомъ брюхѣ съ выраженіемъ удовольствія.

Надо сознаться, Жоржъ, что онъ былъ видный мужчина: высокій, стройный, съ большой головой, короткими волосами, развитыми челюстями, длинными усами и громадными рыжими бакенбардами, доходившими до плечъ. Зеленая куртка, отороченная куньимъ мѣхомъ, отлично сидѣла на немъ. Съ перваго взгляда поражалъ только его толстый, багровый носъ, усѣянный мелкими мучнистыми пятнами, такъ что изъ уваженія къ высокому чину оберъ-ферстера мы старались по возможности не смотрѣть на него.

По мѣрѣ того, какъ мы входили, онъ устремлялъ на каждаго изъ насъ свои маленькіе сѣрые глаза, а когда мы всѣ выстроились кругомъ стола, держа фуражки въ рукахъ, онъ осмотрѣлъ насъ внимательно съ головы до ногъ, дернулъ внизъ жилетъ и, откашлянувшись, произнесъ растроганнымъ голосомъ:

— Вы люди честные, у васъ у всѣхъ добрыя нѣмецкія лица, это меня очень радуетъ! Выдержаны вы также прекрасно; я доволенъ вами!

Въ сосѣдней залѣ раздавался хохотъ гостей; это вынудило г. оберъ-ферстера крикнуть лакею, впустившему насъ:

— Вильгельмъ, да запри же дверь!

Лакей исполнилъ приказаніе, и г. оберъ-ферстеръ продолжалъ:

— Да, у васъ у всѣхъ добрыя нѣмецкія лица!.. Какъ я подумаю, что вы столько лѣтъ находились въ рабствѣ у этой породы фанфароновъ, я прихожу въ негодованіе! Но, благодаря Всевышнему, благодаря храбрымъ нѣмецкимъ арміямъ, часъ избавленія наступилъ, царство Содома и Гоморы миновало. Теперь честные отцы семействъ, добрые служаки, свято исполняющіе свои обязанности, не будутъ доведены до необходимости жить на пяти или шестистахъ франкахъ содержанія, тогда какъ авантюристы, нарушители закона, игроки, люди, погрязшіе въ порокахъ, назначали сами себѣ ежегодно по 40 милліоновъ, чтобы содержать актрисъ, поваровъ, льстецовъ и зря объявлять войну миролюбивымъ сосѣдямъ, безъ всякаго смысла и разсчета, не имѣя ни арміи, ни провіанта, ни пушекъ,—словомъ, дѣйствовать настоящими безумцами! Нѣтъ, ужъ ничего подобнаго никогда не повторится! Старая Германія этого не допуститъ!

Тогда г. оберъ-ферстеръ, очень довольный своей рѣчью, наполнилъ стаканъ, чтобы освѣжить мысли, медленно отпилъ, прищуривъ при этомъ глаза, и продолжалъ:

— Я приказалъ вамъ всѣмъ явиться, чтобы утвердить каждаго на его мѣстѣ, потому что я объѣхалъ лѣсъ и убѣдился, что все въ порядкѣ, что вы вѣрные слуги,—слѣдовательно, справедливость требуетъ оставить васъ на мѣстахъ. Объявляю вамъ, что ваше содержаніе будетъ удвоено; что старые служаки вмѣсто отставокъ получатъ повышеніе; что они будутъ пользоваться честнымъ довольствомъ сообразно съ ихъ чиномъ; наконецъ, что благоволеніе его величества разольется на всѣхъ васъ, и что вы на старости лѣтъ благословите счастливое присоединеніе благороднаго Эльзаса къ матери-отчизнѣ. Современемъ вы будете разсказывать вашимъ дѣтямъ и внукамъ исторію этого долгаго вавилонскаго плѣненія, во время котораго вы такъ много выстрадали, и изъ васъ образуются самые вѣрные слуги нѣмецкой родины... Вотъ чего я желаю... Такіе старые служаки, какъ вы, пользующіеся уваженіемъ и почетомъ въ краѣ, вслѣдствіе своей честной службы, имѣютъ всегда большое вліяніе на крестьянъ. На васъ лежитъ обязанность громко выражать чувство вашей сердечной преданности къ обще-германской отчизнѣ,—чувство, испытываемое каждымъ истиннымъ нѣмцемъ. Да, вы теперь присягнете;

что же касается прочаго, т. е. прибавки содержанія, то даю вамъ свое слово оберъ-ферстера, что всѣ данныя мною вамъ сейчасъ обѣщанія, будутъ въ точности выполнены.

Говоря это, онъ зорко за нами наблюдалъ; сзади насъ стояли два или три длинныхъ нѣмца въ мундирахъ, которые, казалось, пришли въ восторгъ и умиленіе отъ его рѣчи; мы же, стоя съ фуражками въ рукахъ, оставались совершенно холодны, а такъ какъ мнѣ поручено было отвѣчать, то всѣ на меня смотрѣли, стараясь угадать, что я думаю.

Ты понимаешь, Жоржъ, каково было мое внутреннее негодованіе, когда я слышалъ, что насъ называютъ честными людьми, добрыми слугами и хотятъ сдѣлать предателями. Я чувствовалъ, что кровь кинулась мнѣ въ лицо; меня такъ и поджигало отвѣтить, что развѣ каналья какая-нибудь можетъ считать себя честнымъ человѣкомъ, въ то же время измѣняя чести; но я удержался, изъ опасенія повредить товарищамъ, изъ которыхъ многіе были обременены дѣтьми; отвѣтственность, въ этомъ случаѣ, казалась мнѣ слишкомъ велика.

Оберъ-ферстеръ, окончивъ рѣчь, пристально посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, и въ особенности на меня, и сказалъ:

— Ну, что же вы молчите? Я вамъ разрѣшаю говорить.

Тогда я началъ:

— Г. оберъ-ферстеръ, такъ какъ я старшій лѣсникъ во всѣхъ трехъ бригадахъ, то товарищи поручили мнѣ говорить за всѣхъ; но предложеніе, сдѣланное вами теперь, слишкомъ серьезно, и потому я полагаю, что каждый изъ насъ потребуетъ времени для размышленія.

Всѣ кивнули головой, а онъ, совершенно озадаченный, такъ какъ, вѣроятно, воображалъ, что прибавка содержанія сразу рѣшитъ все дѣло, болѣе минуты глядѣлъ на меня, вытаращивъ глаза, какъ будто увидѣлъ что-нибудь необычайное; затѣмъ, посмотрѣвъ точно такъ же на всѣхъ прочихъ, насупилъ брови и грубо произнесъ:

— Даю вамъ двадцать четыре часа на размышленіе! Завтра въ этотъ же часъ вы обязаны прислать мнѣ письменный отвѣтъ, подписанный каждымъ изъ васъ:—да или нѣтъ! Не воображайте, что у насъ нѣтъ людей: ихъ много въ Германіи и все люди честные, опытные лѣсники, знающіе службу не хуже лучшаго изъ васъ; они будутъ очень рады переѣхать въ богатый Эльзасъ,

гдѣ все растетъ въ изобиліи, поселиться въ удобныхъ домикахъ, среди великолѣпныхъ лѣсовъ, дающихъ большой доходъ; утромъ и вечеромъ сдѣлать небольшой обходъ, составить докладъ и за это получать отъ тысячи двухсотъ до тысячи пятисотъ франковъ жалованья въ годъ, пользоваться садомъ, небольшимъ лугомъ, отопленіемъ, кормомъ для коровы и проч. Нѣтъ, извините! У насъ сотни ждутъ съ нетерпѣніемъ, чтобы имъ подали знакъ пріѣхать. Взвѣсьте же хорошенько ваши отвѣты; подумайте о своихъ женахъ и дѣтяхъ; вспомните, что вамъ придется горько раскаяться, если вы скажете: нѣтъ; Франція разорена до основанія, у нея нѣтъ копѣечки свободной; жалкіе лѣса, оставшіеся у нея въ Ландахъ и Бретани, годны только на метлы; сторожа этихъ кустарниковъ сохранятъ свои мѣста, а вамъ никогда не дадутъ новыхъ. Вы—нѣмцы! Французы васъ эксплоатировали и презирали, они прозвали васъ: четырехугольными головами! Обсудите же все это; я даю вамъ совѣтъ, какъ честный человѣкъ, какъ собратъ-нѣмецъ, какъ добрый отецъ семейства!

Говоря это, онъ не спускалъ съ меня глазъ, все думая, что я что-нибудь да скажу; но я крѣпко стиснулъ губы и чувствовалъ, что лобъ мой холодѣетъ.

Товарищи мои также хранили мертвое молчаніе. Рядомъ съ нами, за дверью, кто-то игралъ на фортепьяно; женскій голосъ пѣлъ нѣжную, меланхолическую пѣсенку.

— Двадцать четыре часа и ни минуты больше.—повторилъ онъ, вставая. Затѣмъ, сердито бросивъ на столъ салфетку, прибавилъ:

— Замѣтьте еще слѣдующее: тотъ, кто намѣренъ сказать нѣтъ, пусть немедленно укладывается и отправляется на всѣ четыре стороны. Мы не захотимъ держать среди насъ враговъ, людей опасныхъ... Это было бы слишкомъ глупо..: Мы вѣдь не французы!..

Сказавъ это, онъ ушелъ въ сосѣднюю залу, пока мы выходили въ сѣни.

Послѣдняя угроза оберъ-ферстера, что намъ едва ли дадутъ мѣсто во Франціи, и что нѣмцы выгонятъ насъ безъ пощады, была ужасна; самые храбрые понурили головы.

Нѣкоторые изъ насъ, блѣдные отъ волненія, предложили зайти въ кабакъ Сапена, чтобы тамъ потолковать; имъ въ осо-

бенности хотѣлось узнать мое мнѣніе; но я, остановясь передъ дверью кабака, сказалъ имъ:

— Товарищи, намъ, въ настоящую минуту, слѣдуетъ беречь каждую копейку; пять су за кружку вина—все-таки пять су! Намъ придется переѣзжать, а въ это бѣдственное время все стало дорого; путешествіе чего-нибудь да стоитъ, когда тащишь за собой женщинъ, дѣтей и стариковъ.

Длинный Керъ настаивалъ, чтобы я высказалъ свое мнѣніе; многіе изъ товарищей столпились около меня, и я, наконецъ, сказалъ:

— Слушайте!.. Что до меня касается, я знаю, что мнѣ надо дѣлать; но въ подобныя минуты каждому должна быть предоставлена полная свобода дѣйствовать по совѣсти. Я совѣта никому не дамъ.

Увидавъ, что несчастный Жакобъ Геппъ, отецъ шести малютокъ, стоитъ, нагнувъ голову и опустивъ руки и глаза, я воскликнулъ:

— Ну, братцы! Пожмемте еще другъ другу руки; это, можетъ быть, послѣднее прощанье!.. Да сопутствуетъ намъ воспоминаніе о нашей старой дружбѣ повсюду, куда бы Небо насъ ни привело!

Многіе изъ насъ обнялись, и мы на этомъ мѣстѣ разстались.

Только я да Жанъ Мерленъ повернули на фальсбергскую дорогу; не знаю, что сдѣлали другіе: зашли ли они въ кабакъ или вернулись къ себѣ.

Столько мыслей шевелилось въ головѣ у насъ обоихъ, что мы долго шли не говоря ни слова.

По выходѣ изъ Цориштадта мы поднялись на Брюсерскія высоты и вступили на Грауфтальскую площадку; вдругъ солнце, пробившись изъ-за тучъ, освѣтило весь лѣсъ. При этомъ яркомъ лучѣ я разглядѣлъ сквозь расчищенную чащу, на самомъ днѣ долины, хорошенькій домикъ, гдѣ я прожилъ много счастливыхъ дней съ тѣхъ поръ, какъ тесть Брюа выдалъ за меня свою дочь.

Я приросъ къ мѣсту. Жанъ, слѣдовавшій за мной по тропинкѣ, также остановился подлѣ меня, и мы, опершись на свои палки, долго смотрѣли въ какомъ-то забытьи.

Все прошлое проносилось передъ моими глазами.

Маленькій домикъ въ этотъ ясный, холодный день казался

точно нарисованнымъ на косогорѣ, среди высокихъ елей; его сѣрая гонтовая крыша, труба, откуда вился дымокъ, его окна, на выступъ которыхъ весною Марія-Роза выставляла свои горшки съ резедой и гвоздиками, рѣшетка, увитая плющемъ, сарай съ почернѣвшими столбами,—всѣ эти предметы такъ отчетливо представлялись нашимъ глазамъ, что, казалось, стоило только протянуть руку, чтобы дотронуться до нихъ.

— Гляди, Фредерикъ,—говорилъ я себѣ мысленно,—гляди хорошенько на этотъ мирный уголокъ, гдѣ пронеслась твоя молодость, и откуда тебѣ, на старости лѣтъ, придется уѣхать, не зная, куда голову преклонить; здѣсь, въ этомъ миломъ домикѣ, твоя безцѣнная жена, Катерина, подарила тебѣ нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ многія рядомъ съ нею покоятся на кладбищѣ въ Дозенгеймѣ. Гляди и вспоминай тѣ отрадныя минуты, когда твоя жизнь отрадно протекала среди хорошихъ людей, называвшихъ тебя добрымъ сыномъ, добрымъ отцомъ, честнымъ человѣкомъ и просившихъ Бога наградить тебя всевозможными благами. Къ чему тебѣ послужили твои хорошія качества и строгое исполненіе твои обязанностей, если тебя теперь выгоняютъ, и если нѣтъ человѣка на землѣ, который могъ бы за тебя заступиться! Нѣмцы сильнѣе насъ.

Я не смѣлъ возроптать противъ Вѣчнаго Творца, но скорбь моя была глубока, а неправосудіе казалось мнѣ слишкомъ велико... Да проститъ мнѣ Господь мое прегрѣшеніе.

Несмотря на все это, моя рѣшимость была непоколебима; я въ тысячу разъ скорѣе согласился бы погибнуть, чѣмъ совершить низость. Посмотрѣвъ на Мерлена, который мрачно стоялъ рядомъ со мной, прислонившись къ березѣ, я сказалъ ему:

— Я въ послѣдній разъ любуюсь своимъ домикомъ; завтра оберъ-ферстеръ получитъ мой отвѣтъ, а послѣзавтра мой скарбъ навьючится на телѣгу. Скажите мнѣ теперь, что вы намѣрены сдѣлать?

Тогда онъ вспыхнулъ и пробормоталъ:

— О, дядя Фредерикъ, какъ можете вы спрашивать объ этомъ! Неужели вы не знаете, что я сдѣлаю? Я послѣдую вашему примѣру; для честнаго человѣка нѣтъ другого исхода.

— Вотъ это хорошо! Я былъ увѣренъ, что вы поступите такъ, а не иначе, но мнѣ хотѣлось слышать это отъ васъ самихъ. Мы съ вами должны вести дѣло на-чистоту. Мы не нѣмцы,

которые идутъ тридцатью шестью дорогами, къ цѣли и находятъ, что все то хорошо, что удалось. Итакъ, въ путь-дорогу, Жанъ, и да не оставитъ насъ мужество!

Мы начали спускаться съ высотъ: сознаюсь тебѣ, Жоржъ, что, приближаясь къ дому и зная, что мнѣ сейчасъ придется объявить страшную новость дочери и бабушкѣ, я чувствовалъ, какъ мои колѣни дрожали.

Наконецъ, мы дошли до порога дома. Жанъ вошелъ первый, я вслѣдъ за нимъ и заперъ дверь.

Было, повидимому, часа четыре. Марія-Роза чистила картофель на ужинъ, а бабушка, сидя въ креслѣ у самой печки, слушала трескъ огня, какъ она это дѣлала въ теченіе уже многихъ лѣтъ.

Представь себѣ наше положеніе! Ну какъ объявить имъ, что нѣмцы выгоняютъ насъ изъ нашего насиженнаго гнѣзда? Но бѣдняжкамъ стоило только взглянуть на насъ, чтобы догадаться, что съ нами произошло что-нибудь очень серьезное.

Поставивъ свою палку въ тотъ уголъ, гдѣ находились стѣнные часы, и повѣсивъ свою фуражку на гвоздь, я нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ; затѣмъ, чувствуя, что надо же, такъ или иначе, начать разговоръ, я принялся разсказывать очень подробно, какъ намъ предлагалъ оберъ-ферстеръ поступить на службу къ нѣмцамъ. Я не торопился, передавалъ все отчетливо, ничего не прибавляя и не убавляя, желая, однако, чтобы мои бѣдныя слушательницы могли сдѣлать свободный выборъ между нищетой и позоромъ.

Я былъ убѣжденъ, что онѣ выберутъ нищету.

Марія-Роза, блѣдная, поднимала безпрестанно руки къ небу и говорила вполголоса:

— Неужели это возможно? Боже мой! Неужели между нашими найдутся измѣнники?

Я радовался, видя, что дочь моя дѣвушка съ сердцемъ, а Жанъ Мерленъ до того былъ тронутъ, что у него задрожали усы.

Бабушка похожа была на улитку, проснувшуюся въ своей раковинѣ: подбородокъ ея трясся, потухшіе глаза сверкали отъ гнѣва. Она меня просто удивила. А когда я упомянулъ, что оберъ-ферстеръ, въ случаѣ нашего отказа служить нѣмцамъ, давалъ намъ только 24 часа сроку, чтобы очистить домъ, ея негодованіе вдругъ разразилось:

— Какъ! Очистить домъ!—воскликнула она, приподнимаясь съ кресла.—Да вѣдь домъ-то мой! Я родилась въ немъ, болѣе 80-ти лѣтъ прожила тутъ. Мой дѣдъ Лоранъ Дюшэнъ первый въ немъ поселился, слишкомъ сто тридцать лѣтъ тому назадъ; онъ насадилъ и всѣ фруктовыя деревья на горѣ; мой отецъ Жакменъ первый провелъ Дозенгеймскую дорогу и Томентальскія тропинки; мой мужъ Жоржъ Брюа и мой зять Фредерикъ, что стоитъ теперь передо мной, завели первые буковые и еловые разсадники, которые превратились теперь въ лѣса и раскинулись по обѣимъ долинамъ. Всѣ мы, изъ рода въ родъ, мирно жили въ этомъ домикѣ; мы его выслужили; мы обнесли садъ живыми изгородями и заборами, каждое плодовое дерево — наша собственность; мы выстроили ригу, хлѣвъ... Насъ выгнать изъ этого дома! Ахъ, они злодѣи!.. Вотъ что выдумали нѣмцы!.. Ну, пусть ихъ придутъ! Я, Анна Брюа, сама съ ними поговорю!

Я не могъ никакъ успокоить бѣдную бабушку; все, что она говорила, была сущая правда, но съ людьми, убѣжденными, что они могутъ дѣлать все, что хотятъ, есть ли возможность говорить?

Когда она, задохнувшись отъ волненія, опять опустилась въ кресло, я спросилъ у нея грустнымъ, но твердымъ тономъ:

— Бабушка, хотите ли вы, чтобы я согласился поступить на службу къ нѣмцамъ?

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ черезъ 48 часовъ намъ всѣмъ нужно будетъ покинуть этотъ старинный домъ.

— Никогда!—воскликнула она.—Я не хочу этого!

— А я вамъ говорю,—повторилъ я съ тоскою въ сердцѣ,—что это необходимо! Я этого хочу!

— А-а! Вотъ какъ!—произнесла она съ горькимъ изумленіемъ.

— Бабушка,—продолжалъ я надорваннымъ голосомъ,—вы знаете, какъ искренно я васъ всегда уважалъ. Пускай падетъ на голову нѣмцамъ, что они вынудили меня выйти изъ предѣловъ уваженія къ вамъ! Если бы было возможно, я бы ихъ еще болѣе возненавидѣлъ за это... Но неужели, бабушка, вы не понимаете, что они, при малѣйшемъ вашемъ сопротивленіи, безъ всякаго вниманія къ вашей старости вытолкаютъ васъ вонъ отсюда? Вы слабы, а они сильны. Неужели вы не понимаете, что я, увидавъ

такое зрѣлище, кинусь на нихъ, будь ихъ тутъ хоть цѣлый полкъ, и что они меня разорвутъ на клочки!.. Что тогда станется съ вами и съ моей дочерью? Вы объ этомъ подумайте, бабушка. Простите, что я такъ грубо съ вами говорю; но вѣдь я не хочу ихъ милостей, да и вы также.

Старушка залилась слезами и начала причитывать:

— О! Господи Боже мой! Покинуть этотъ домъ, гдѣ я разсчитывала полюбоваться на счастіе своей внучки и понянчить своихъ правнуковъ!.. Господи! Зачѣмъ ты меня раньше не прибралъ къ себѣ?..

Она до того горько плакала, что у насъ сердце разрывалось, и мы всѣ, понуривъ головы, чувствовали, какъ слезы градомъ катятся у насъ по лицу. Сколько воспоминаній проснулось въ душѣ каждаго изъ насъ! Но у бѣдной бабушки, конечно, ихъ было еще болѣе, такъ какъ она въ теченіе многихъ лѣтъ выѣзжала изъ долины только для того, чтобы раза два-три въ годъ побывать на базарѣ въ Саверніѣ или въ Фальсбургѣ; это были самыя длинныя ея путешествія.

— Итакъ, рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Я убѣдилъ, Жоржа, и бабушку, и мою дочь въ страшной необходимости уѣхать отсюда, и онѣ поняли, что намъ предстоитъ покинуть эти мѣста, быть можетъ, навѣки, и что нѣтъ средствъ предотвратить это ужасное бѣдствіе.

Одно дѣло было, значитъ, покончено; но мнѣ оставалось исполнить другое, еще болѣе тягостное. Когда стоны умолкли и наступила минута грустнаго раздумья, я снова заговорилъ:

— Жанъ Мерленъ, вы прошедшимъ лѣтомъ просили у меня руки моей дочери, и я далъ вамъ свое согласіе, потому что зналъ васъ, любилъ и уважалъ болѣе, чѣмъ кого-бы то ни было въ нашемъ краѣ. Но тогда я служилъ капраломъ въ лѣсной бригадѣ, ждалъ уже отставки, и мое мѣсто было обѣщано вамъ. Не будучи богатымъ, я все-таки имѣлъ кое-что, и моя дочь могла считаться выгодной невѣстой. Въ настоящее время я ровно ничего не значу; по правдѣ сказать, я даже сдѣлался человѣкомъ бѣднымъ. Старая мебель, которая мнѣ принадлежитъ, годилась для этого дома, но когда придется ее тащить съ собой, то она окажется чистой обузой; я заплатилъ за лугъ полторы тысячи франковъ изъ скопленныхъ мною денегъ, но при продажѣ его не выручу и половины этой суммы. Да кто еще знаетъ, можетъ

быть, нѣмцы объявятъ, что недвижимыя имущества должны также къ нимъ перейти. Это все зависитъ отъ нихъ, потому что кто сильнѣе, тотъ и правъ! Вы сами останетесь теперь безъ мѣста, со старой матерью на плечахъ. Пожалуй, вамъ покажется трудно содержать жену при такомъ бѣдственномъ положеніи... Вотъ почему, Жанъ, честь моя и честь дочери требуютъ, чтобы мы возвратили вамъ ваше слово.

Мерленъ блѣднѣлъ, слушая меня и, наконецъ, произнесъ хриплымъ голосомъ:

— Я у васъ просилъ руку Маріи-Розы, дядя Фредерикъ, ради ея самой, потому что мы взаимно любили другъ друга. Я хотѣлъ на ней жениться не изъ-за вашего мѣста и не изъ-за ея приданаго. Теперь я дорожу вашей дочерью еще болѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ я убѣдился, что она дѣвушка съ сердцемъ, а это всего важнѣе!

Онъ всталъ протянулъ руки и воскликнулъ:

— Марія-Роза!

Не успѣлъ онъ ее позвать, какъ она обернулась и, обливаясь слезами, кинулась къ нему въ объятія. Они долго обнимались, а я думалъ:

— Ладно, дочь моя достанется въ жены честному человѣку; это величайшее для меня утѣшеніе въ моихъ страшныхъ испытаніяхъ.

Послѣ этого, Жоржъ, несмотря на наше отчаянное положеніе, между нами водворилось спокойствіе. Мы условились съ Мерленомъ, что онъ на слѣдующій день понесетъ нашъ отвѣтъ въ Цориштадтъ:—«Нѣтъ, г. оберъ-ферстеръ, мы не хотимъ служить нѣмцамъ!» Я тотчасъ же написалъ свое письмо, а онъ его положилъ къ себѣ въ карманъ.

Мы также рѣшили семейнымъ совѣтомъ, что я пораньше отправлюсь въ Грауфталь, чтобы пріискать тамъ помѣщеніе для насъ и для нашихъ пожитковъ. Три комнаты въ первомъ этажѣ постоялаго двора дяди Икеля, «Чаша», оставались постоянно незанятыми со времени нашествія нѣмцевъ, потому что ни одинъ путешественникъ не заглядывалъ въ наши края. Въ конюшнѣ также, вѣроятно, было мѣсто и я надѣялся нанять все это за дешевую цѣну.

Что касается Мерлена, то ему нужно было еще предварить мать, которая, по его словамъ, переселится въ Фельсбергъ, гдѣ

дядя Даніэль приметъ ее съ радостію. Старый школьный учитель долго жилъ вмѣстѣ съ сестрой, и она переѣхала къ сыну только тогда, когда Жанъ Мерленъ водворился въ домѣ лѣсника въ Томенталѣ. Слѣдовательно, старушкѣ Маргредель предстояло только вернуться въ деревушку, гдѣ у нея былъ свой собственный домикъ. На этомъ мы покончили наши распоряженія.

Жанъ взялся сходить къ г. Ларошу, чтобы передать ему обо всемъ случившемся и сказать, что я къ нему явлюсь тотчасъ по переѣздѣ на квартиру. Поцѣловавъ Марію-Розу и сказавъ еще нѣсколько ободрительныхъ словъ бабушкѣ, Мерленъ вышелъ. Я проводилъ его до крыльца и крѣпко пожалъ ему руку. Наступила ночь; морозило; травка въ долинѣ сверкала, покрытая инеемъ, небо сіяло звѣздами. И въ такое-то время намъ приходилось разставаться съ своимъ домикомъ и итти искать другого убѣжища!

Вернувшись въ комнату, я увидѣлъ, что Каласъ высыпаетъ изъ котла на блюдо горячій картофель, ставитъ подлѣ салатницы два горшка простокваши и смотритъ на всѣхъ съ удивленіемъ; никто изъ насъ не трогался съ мѣста.

— Садись, Каласъ,—сказалъ я ему,—ѣшь одинъ, мы сегодня не голодны.

Онъ сѣлъ и принялся чистить картофель и ѣсть его съ совершенно спокойной совѣстью, такъ какъ онъ дѣло свое сдѣлалъ— выгребъ навозъ изъ конюшни и задалъ кормъ скоту.

Блаженны существа, непомышляющія о завтрашнемъ днѣ... У нихъ нѣтъ и четвертой доли нашихъ огорченій!..

Наконецъ, ужъ совсѣмъ ночью мы разошлись каждый въ свой уголъ, чтобы наединѣ думать о страшномъ горѣ, обрушившемся на насъ.

IX.

На слѣдующій день, 1 ноября, на зарѣ, я отправился въ Грауфталь. Пошелъ я туда въ блузѣ, въ толстыхъ башмакахъ и въ войлочной шляпѣ.

Деревья вдоль дороги гнулись подъ бременемъ инея; по временамъ, черный или сѣрый дроздъ, выпорхнувъ изъ-за кустовъ, одѣтыхъ снѣгомъ, испускалъ крикъ, точно прощался со мною. Мнѣ часто приходило потомъ въ голову, Жоржъ, что этотъ путь

былъ тогда началомъ моего пути въ изгнаніе и что мнѣ долго еще придется итти по немъ.

Часовъ въ семь я добрелъ до большихъ скалъ, куда попрятались самые бѣдные домики деревушки: прочіе шли вдоль рѣки, и я остановился передъ домомъ дяди Икеля. Черезъ кухню я вошелъ въ общую залу трактира, всю пропитанную дымомъ. Никто не шевельнулся; я думалъ, что тутъ никого нѣтъ, и хотѣлъ было подать голосъ, какъ вдругъ увидѣлъ Икеля, сидѣвшаго за печкой съ черной коротенькой трубкой въ зубахъ и съ толстымъ бумажнымъ колпакомъ на бекрень; онъ не двигался, такъ какъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ былъ боленъ ревматизмомъ, послѣ ловли рыбъ руками въ холодной, горной ключевой водѣ и ловли по ночамъ раковъ, во время тумановъ, при свѣтѣ факела.

Во всей долинѣ не было другого такого рыболова; онъ продавалъ раковъ и форелей даже въ лучшіе трактиры Страсбурга. Къ несчастью, человѣкъ, рано или поздно, за все расплачивается; навязался ревматизмъ, и теперь Икелю больше ничего не оставалось, какъ мечтать объ удобныхъ для уженья мѣстахъ въ рѣкѣ и объ удачныхъ тоняхъ.

Въ ту минуту, какъ я его замѣтилъ, онъ уже смотрѣлъ на меня своими узенькими, зелеными глазками.

— Это вы, дядя Фредерикъ?—сказалъ онъ.—Что вамъ тутъ дѣлать среди мародеровъ, которые насъ грабятъ? На вашемъ мѣстѣ я бы спокойно сидѣлъ у себя въ лѣсу; къ вамъ туда никто не заходилъ.

— Не все то дѣлаешь, что хочешь,—отвѣчалъ я.—Скажите-ка лучше, свободны ли ваши три комнатки наверху и есть ли у васъ мѣсто въ конюшнѣ для двухъ коровъ?

— Есть ли мѣсто? — воскликнулъ онъ. — По милости нѣмцевъ у меня слишкомъ довольно мѣста! Они все у меня забрали—и сѣно, и солому, и овесъ, и муку, и весь скотъ... Есть ли мѣсто!.. Какъ не быть! Начиная отъ чердака до погреба, все очищено и долго, я думаю, ничѣмъ не замѣстится!..

При этомъ онъ сухо захохоталъ и заскрипѣлъ зубами.

— Охъ ужъ мнѣ эти нѣмцы!..—заворчалъ онъ.—Дай Господи, чтобы мы когда-нибудь взяли верхъ надъ ними; несмотря на свой ревматизмъ, я потащусь туда хоть на костыляхъ и отберу у нихъ все, что они у меня отняли.

— Значитъ,—сказалъ я,—комнаты свободны?

— Конечно, свободны, и конюшня также, и чердакъ для сѣна. Но зачѣмъ вы у меня объ этомъ спрашиваете?

— Затѣмъ, что я пришелъ ихъ нанять.

— Вы?—воскликнулъ онъ, оторопѣвъ.—Значитъ вы болѣе не останетесь въ лѣсничьемъ домѣ?

— Нѣтъ, нѣмцы меня оттуда выгоняютъ.

— Выгоняютъ... Это за что?

— За то, что я не хочу поступить къ нимъ на службу.

Мои слова, видимо, растрогали Икеля; его горбатый носъ пригнулся совсѣмъ ко рту и онъ заговорилъ серьезнымъ тономъ:

— Я всегда считалъ васъ за честнаго человѣка. Вы были нѣсколько строги по службѣ, но за то всегда справедливы. Никто не можетъ сказать про васъ ничего дурного.

Затѣмъ онъ крикнулъ:

— Катль, Катль!

Дочь его, разводившая огонь подъ очагомъ, вошла въ комнату.

— Вотъ, Катль,—сказалъ онъ, указывая на меня,—дядю Фредерика нѣмцы выгоняютъ съ дочерью и съ бабушкой за то, что онъ не хочетъ поступить къ нимъ на службу. Это вѣдь въ тысячу разъ хуже, чѣмъ реквизиція; отъ такихъ вещей волосъ дыбомъ подымается.

— Покарай ихъ, Господи, за такое безсердечіе!—воскликнула она и повела меня наверхъ, по страшно узкой лѣстницѣ, чтобы показать тѣ три комнаты, которыя я желалъ нанять.

Ты себѣ представить не можешь, что это были за ужасныя коморки. Я доставалъ рукой до потолочныхъ брусьевъ; окна были низенькія, рамы свинцовыя, свѣтъ загораживался скалами, такъ что въ комнаты съ трудомъ проникалъ солнечный лучъ.

Какое сравненіе съ нашимъ хорошенькимъ, свѣтленькимъ домикомъ, расположеннымъ на склонѣ горы! Да, очень мрачно тутъ было, но дѣлать нечего, приходилось хоть гдѣ-нибудь пріютиться.

Я попросилъ Катль затопить печку въ главной комнатѣ, чтобы немного просушить ея сырыя стѣны. Сойдя внизъ, я порѣшилъ съ дядей Икелемъ, что займу весь верхній этажъ его дома, два стойла въ конюшнѣ для моихъ коровъ, небольшой сѣникъ наверху конюшни, съ убѣжищемъ для свиней, уголокъ въ погребѣ для моего картофеля и половину сарая, гдѣ я хотѣлъ

помѣстить всю ту мебель, которая не уставится въ комнатахъ, и за все это я обязываюсь платить восемь франковъ въ мѣсяцъ,—сумму довольно крупную въ такую пору, когда рѣдкій человѣкъ находилъ возможность заработать сантимъ.

Два-три сосѣда, высокій угольщикъ Штаркъ съ своей женой Софи, корзинщикъ Кофель и Гюло, бывшій контрабандистъ,—завернули въ трактиръ, чтобы, по обыкновенію выпить по стаканчику водки. Икель разсказалъ имъ о новыхъ каверзахъ нѣмцевъ и всѣ они возмутились ими. Штаркъ предложилъ, что онъ пріѣдетъ съ своими лошадьми и повозкой, чтобы помочь мнѣ перебраться на квартиру, и я съ благодарностью принялъ его услугу.

Затѣмъ Штаркъ далъ мнѣ слово явиться непремѣнно до полудня, и я пустился въ обратный путь домой. Повалилъ снѣгъ; ни спереди, ни сзади меня никто не прошелъ по тропинкѣ; въ девять часовъ я топалъ уже ногами въ нашемъ коридорѣ, чтобы отколотить снѣгъ отъ сапогъ.

Марія Роза сидѣла въ залѣ. Я ей вкратцѣ сообщилъ, что нанялъ уже квартиру, и что бабушку надо приготовить къ немедленному отъѣзду, перетаскать платье и бѣлье изъ шкаповъ въ корзины и разобрать нѣкоторую мебель. Я позвалъ Каласа на помощь и мы тотчасъ же принялись за дѣло, едва давъ себѣ время позавтракать. По всему дому разносился стукъ молотка; мы слышали, какъ бабушка рыдаетъ въ своей каморочкѣ и какъ Марія-Роза ее уговариваетъ.

Вотъ все, что осталось у меня въ памяти. Страшно тяжело было слышать стоны бѣдной старушки, ея жалобы на горькую долю, постигшую ее на старости лѣтъ, ея причитанья, среди которыхъ она звала къ себѣ на помощь своего мужа Брюа, умершаго лѣтъ десять назадъ, и всѣхъ стариковъ, покоящихся на Дозенгеймскомъ кладбищѣ. Меня дрожь пробираетъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ, а слезы навертываются на глазахъ, когда я подумаю, какъ моя дочь ласково увѣщевала бабушку.

Молотокъ продолжалъ стучать: вся мебель, маленькое зеркало, что висѣло подлѣ кровати Катерины, моей покойницы жены, портреты дѣда и бабки, нарисованные Рикаромъ, тѣмъ самымъ, который писалъ лучшія городскія вывѣски въ царствованіе Карла X, двѣ кропильницы и старинное распятіе, висѣвшее въ глубинѣ алькова, комодъ Маріи-Розы и большой орѣхо-

вый шкапъ, доставшійся намъ отъ прапрадѣда Дюшэна,—вся эта старая мебель, свидѣтельница жизни нашихъ предковъ и нашей мирной жизни, столько лѣтъ стоявшая на одномъ мѣстѣ, такъ что въ самую темную ночь мы бы ощупью могли найти каждую вещь,—все это сдвигалось и снималось съ мѣста; мы, такъ сказать, своими собственными руками разрушали свое существованіе.

А Раго бѣгаетъ взадъ и впередъ, удивляясь, зачѣмъ подняли такую возню, а Каласъ спрашиваетъ меня: «Да что-жъ мы такое сдѣлали, что намъ приходится спасаться, точно ворамъ?..» Затѣмъ... я ужъ и не помню, что было дальше, Жоржъ! Мнѣ хотѣлось бы лучше все забыть и вовсе не начинать разсказывать эту исторію.

Но, если разъ я ужъ началъ говорить, такъ пойдемъ дальше.

То ли еще впереди!

Когда пріѣхалъ высокій Штаркъ и навалили мебель на его повозку, пришлось сказать бабушкѣ, чтобы она выходила изъ своей каморки. Лишь только она увидѣла все это разореніе, какъ ударится лицомъ объ землю да завопитъ:

— Фредерикъ!.. Фредерикъ!.. Убейте меня!.. Но не увозите отсюда!.. Дайте мнѣ лечь подъ снѣгомъ въ нашемъ садикѣ.

Вотъ тогда-то, Жоржъ, мнѣ отъ души самому хотѣлось умереть... У меня кровь застыла въ жилахъ. А теперь, четыре года спустя, я рѣшительно не сумѣю тебѣ объяснить, какъ мы взвалили бабушку на повозку, между соломенниками и матрацами, подъ цѣлой тучей снѣжныхъ хлопьевъ, падавшихъ съ неба.

Снѣгъ не переставалъ итти съ самаго утра и его выпало прорва. Громадная телѣга подвигалась медленно: Штаркъ тащилъ своихъ клячъ подъ уздцы, ругаясь и стегая ихъ кнутомъ; Каласъ гналъ впереди коровъ и свиней; Раго помогалъ ему; Марія-Роза и я шли сзади понуривъ головы; а за спиной у насъ, нашъ домикъ, покрытый весь снѣгомъ, исчезалъ мало-по-малу за елями..

Намъ оставалось забрать на слѣдующій день только сѣно, солому и картофель; вотъ почему, уходя, я заперъ дверь дома на ключъ и сунулъ его себѣ въ карманъ.

Поздно ночью мы добрались, наконецъ, до дома Икеля. Я снялъ съ повозки бабушку и отнесъ ее, какъ ребенка, на рукахъ въ верхнюю комнату, гдѣ Катль развела яркій огонь. Марія-

Роза и Катль поцѣловались; онѣ вмѣстѣ ходили въ школу, вмѣстѣ причащались въ Дозенгеймѣ. Катль плакала, но Марія-Роза, блѣдная, какъ полотно, не говорила ни слова. Онѣ поднялись наверхъ; пока Штаркъ съ Каласомъ и двумя-тремя сосѣдями перетаскивали мебель въ сарай, я вошелъ въ общую залу погрѣться немного у печки и выпить стаканъ вина, потому что выбился совсѣмъ изъ силъ.

X.

Ничего не могло быть печальнѣе первой ночи, проведенной нами въ Грауфталѣ: сквозной вѣтеръ съ чердака дулъ въ нашей конурѣ; печка дымила; бабушка кашляла, лежа въ постели; Марія-Роза, несмотря на холодъ, вставала нѣсколько разъ, чтобы дать ей напиться; маленькія окна дребезжали при каждомъ порывѣ вѣтра, обсыпавшаго снѣгомъ весь нашъ полъ.

О, да! Много мы натерпѣлись въ эту первую ночь!

— Здѣсь невозможно жить!..—говорилъ я себѣ.—Мы всѣ перемремъ недѣли въ двѣ; непремѣнно надо отправиться куда-нибудь подальше... Но куда итти?.. Въ какую сторону сунуться?

Всѣ эльзасскія и лотарингскія деревни кишѣли нѣмцами; дороги были покрыты пушками и обозами; каждый баракъ, каждая конюшня были переполнены людьми и лошадьми.

Отъ этихъ мыслей голова у меня кружилась; я жалѣлъ, что не свернулъ себѣ шеи, сходя съ лѣстницы моего лѣсническаго домика, и жалѣлъ, что того же не случилось съ бабушкой и съ моей дочерью.

Къ счастью, на слѣдующій день, рано утромъ, явился Жанъ Мерленъ. Онъ отнесъ нашъ отвѣтъ къ оберъ-ферстеру, перевезъ все свое добро въ Фельсбергъ, и старушка Маргредель, его мать, уже спокойно сидѣла подлѣ огонька у дяди Даніэля.

Обо всемъ этомъ онъ разсказывалъ намъ съ веселымъ видомъ, поцѣловавъ прежде Марію-Розу и пожелавъ добраго утра бабушкѣ.

Одинъ спокойный видъ его уже значительно ободрилъ меня; а когда я сталъ жаловаться на холодъ, дымъ и дурно проведенную ночь, онъ сказалъ:

— Я ожидалъ этого, капралъ, вотъ почему и поторопился

притти къ вамъ. Въ ваши годы куда какъ тяжело разставаться съ старыми привычками и жить среди чужихъ людей; поневолѣ руки опускаются. Въ подобныхъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ давать воли мрачнымъ мыслямъ. Возьмите ключъ отъ моего казеннаго домика и тетрадь со счетами; реестръ деревьевъ у васъ, печать для клеймъ также; знаете ли, что бы я сдѣлалъ на вашемъ мѣстѣ? Я бы тотчасъ же отнесъ ихъ нашему инспектору, тѣмъ болѣе, что цориштадскій оберъ-ферстеръ можетъ, пожалуй, потребовать ихъ отъ васъ и принудить ему отдать. Но если эти вещи будутъ у г. Лароша, къ вамъ никто не посмѣетъ привязаться. Пока вы туда ходите, Марія-Роза вымоетъ окна и полъ; Каласъ съѣздитъ вмѣстѣ со Штаркомъ за вашими дровами, фуражемъ и картофелемъ, а я берусь разставить мебель и устроить все, какъ слѣдуетъ.

Онъ говорилъ такъ логично, что я послѣдовалъ его совѣту. Мы спустились въ общую залу, гдѣ я, противъ своего обыкновенія, выпилъ водки; потомъ, спрятавъ отчеты за пазуху и сунувъ печать для клеймъ въ карманъ, я ушелъ.

Это было мое послѣднее путешествіе по дѣламъ службы.

Фромюльскій прудъ покрылся льдомъ; находившееся внизу пильный заводъ и мельница не работали. Со вчерашняго дня никто не проходилъ этой тропинкой; все кругомъ было пусто и мертво. Во весь путь, продолжавшійся около трехъ часовъ, я не встрѣтилъ ни души.

Тутъ мнѣ припомнились и дымъ угольныхъ ямъ, и стукъ топоровъ дровосѣковъ въ лѣсахъ,—вся эта дѣятельная, веселая прежняя жизнь съ заработками, доставлявшими пропитаніе самымъ бѣднымъ деревушкамъ, и я мысленно говорилъ себѣ, что слѣдовало бы покарать всѣхъ этихъ людей, которые рѣшились нарушить мирный порядокъ и недостойно присвоить себѣ плоды чужихъ трудовъ.

По временамъ, вдали, среди всеобщаго безмолвія, мимо меня проносился ястребъ, распластавъ свои широкія крылья, подогнувъ когти подъ брюхомъ и испуская рѣзкій побѣдный крикъ.

Въ десять часовъ я уже взбирался по откосу старинной крѣпости, покинутой съ самаго начала войны; затѣмъ, спустившись въ улицу городка, я подошелъ къ дому г. инспектора. Но дверь изъ сѣней въ канцелярію, налѣво, была заперта; я тщетно звонилъ, пробовалъ отворить ее, никто не отвѣтилъ. Я хотѣлъ уже

уйти, чтобы справиться у одного сосѣда, что сталось съ г. Ларошемъ, не вынужденъ ли онъ былъ уѣхать,—какъ вдругъ дверь наверху отворилась и самъ г. инспекторъ въ халатѣ показался на лѣстницѣ.

— Кто тутъ?—спросилъ г. Ларошъ, не сразу узнавъ меня подъ войлочной шляпой съ широкими полями.

— Это я, г. инспекторъ,—отвѣчалъ я.

— А-а, вы, дядя Фредерикъ!—воскликнулъ онъ, обрадовавшись.—Входите! Моя семья уѣхала, я живу одинъ: обѣды и завтраки мнѣ носятъ изъ трактира «Виноградная кисть». Ступайте же скорѣе!

Мы вошли въ небольшую чистенькую комнатку въ первомъ этажѣ; яркій огонь трещалъ въ печкѣ.

— Садитесь, дядя Фредерикъ, — сказалъ онъ, пододвигая мнѣ кресло, а самъ садясь къ столу, покрытому книгами.

Мы сѣли и принялись толковать объ нашихъ дѣлахъ.

— Я очень доволенъ,—сказалъ онъ,—что всѣ наши полѣсовщики, за исключеніемъ бѣднаго Геппа, отца шестерыхъ дѣтей,—исполнили свой долгъ; это чрезвычайно меня утѣшило. Что касается васъ, дядя Фредерикъ, и Жана Мерлена, вашего будущаго зятя, я никогда въ васъ обоихъ не сомнѣвался.

Затѣмъ онъ освѣдомился о нашемъ положеніи и, получивъ отъ меня отчеты и клеймо, спряталъ ихъ въ шкапъ, сказавъ, что всѣ подобныя бумаги уже отосланы, и что эти отправятся вслѣдъ за ними. Онъ спросилъ, не нуждаемся ли мы. Я отвѣчалъ, что у меня осталось 300 фр., которые я скопилъ съ намѣреніемъ купить часть луга, примыкавшаго къ нашему плодовому саду, и что этой суммы мнѣ пока вполнѣ достаточно.

— Тѣмъ лучше, дядя Фредерикъ, — сказалъ онъ. — Вы знаете, что мой кошелекъ открытъ для васъ; въ немъ въ настоящее время немного, да при томъ каждый изъ насъ долженъ приберечь кой-что на случай, такъ какъ одному Богу извѣстно, сколько еще времени можетъ продлиться эта война, но если вамъ нужно пособіе...

Я его снова поблагодарилъ.

Мы бесѣдовали, какъ настоящіе друзья. Онъ даже предложилъ мнѣ взять сигару, но я отказался. Тогда онъ спросилъ, не со мною ли моя трубка и предложилъ мнѣ закурить ее. Я тебѣ

все это разсказываю, чтобы показать, что за славный человѣкъ былъ нашъ инспекторъ.

Потомъ онъ сталъ говорить о томъ, что дѣла наши плохи, что всѣ наши главныя силы сдались; что всѣ наши офицеры, маршалы, генералы и даже простые капралы, попали, такимъ образомъ, въ руки непріятеля — вещь небывалая въ исторіи Франціи и вообще какой бы то ни было націи; что это ему крайне прискорбно, даже приводитъ его въ негодованіе. У него и у меня навернулись слезы на глазахъ.

Немного погодя онъ прибавилъ, что Парижъ крѣпко держится, что парижское населеніе торжественно доказываетъ, какъ много у него мужества и какъ сильна любовь къ отечеству; что въ сторонѣ Орлеана образовалась новая, громадная, надежная армія, преимущественно изъ новобранцевъ, на которую возлагаютъ большія надежды; что послѣ Седана объявлено низложеніе бонапартистской имперіи; что новое правительство имѣло мужество взять на себя бремя всѣхъ бѣдствій, причиненныхъ не имъ, тогда какъ люди, вовлекшіе насъ въ войну, удалились за-границу. Онъ сообщилъ мнѣ, что человѣкъ весьма энергическій, Гамбета, членъ временного правительства, сталъ во главѣ движенія; что онъ дѣлаетъ призывъ ко всѣмъ французамъ, могущимъ владѣть оружіемъ, безъ различія убѣжденій, и что если кампанія продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то нѣмцамъ не выдержать; что всѣ отцы семействъ у нихъ завербованы, земледѣліе, торговля, промышленность остановились, ихъ земли останутся невспаханными и незасѣянными, и что женщины, дѣти, вся масса населенія должна будетъ погибнуть голодной смертію.

Мы видѣли, впослѣдствіи, Жоржъ, что все это была правда; письма, находимыя у солдатъ ландвера, свидѣтельствовали о бѣдственномъ положеніи Германіи.

Все, слышанное мною отъ г. Лароша, пробудило во мнѣ надежду. Онъ далъ слово, при первой возможности, выхлопотать мнѣ отставку, и я ушелъ отъ него въ часъ, вполнѣ успокоенный. Онъ пожалъ мнѣ руку и, стоя на порогѣ двери, крикнулъ:

— Ну, прощайте, дядя Фредерикъ! Для насъ еще настанутъ красные дни!

Уходя отъ него, я точно переродился и не спѣша дошелъ до Грауфталя, гдѣ меня ожидалъ пріятный сюрпризъ.

Жанъ Мерлонъ все привелъ въ порядокъ. Щели въ стѣ-

нахъ нашихъ каморокъ въ дверяхъ и въ оконныхъ рамахъ были задѣланы; полъ вымытъ, мебель разставлена, картины и зеркало повѣшены, по возможности въ томъ же порядкѣ, какъ въ нашемъ лѣсномъ домикѣ. На дворѣ было очень холодно; печь, которую Жанъ установилъ и вычистилъ графитомъ, пылала точно горнъ; бабушка, сидя около нея въ своемъ старинномъ креслѣ, слушала трескъ огня и любовалась яркимъ свѣтомъ, освѣщавшимъ всю нашу комнату. Марія-Роза радовалась, видя, что я доволенъ. Жанъ Мерленъ, покуривая свою короткую трубку, смотрѣлъ на меня прищурясь, точно хотѣлъ сказать:

— Ну, дядя Фредерикъ, какъ вы находите теперь свою комнату? Надѣюсь, что не пожалуетесь на холодъ? Посмотрите, какъ все чисто, просто блеститъ, въ какомъ порядкѣ все разставлено! Это мы съ Маріей-Розой все устроили!

А я оглядѣлся кругомъ, да и говорю имъ:

— Ладно!.. И бабушкѣ теперь тепло... Вижу, что мы можемъ здѣсь прожить... Хорошія вы у меня дѣти!

Это имъ очень понравилось.

Накрыли на столъ. Марія-Роза изготовила намъ очень вкусный супъ изъ капусты съ саломъ: нѣмцы забрали все свѣжее мясо, такъ поневолѣ пришлось довольствоваться копченымъ; къ счастью, у насъ было вдоволь картофеля, капусты и рѣпы; они составляли нашъ запасъ.

Въ этотъ вечеръ мы поужинали всей семьей; во время ѣды я разсказалъ въ подробности все, что слышалъ отъ г. инспектора. Это были первыя точныя свѣдѣнія наши о Франціи, поэтому ты можешь себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ меня слушали. Глаза Жана такъ и горѣли, когда я заговорилъ о предстоящихъ сраженіяхъ около Луары.

— Ага,—сказалъ онъ,—недаромъ французовъ называютъ воинственнымъ народомъ! Вонъ они какъ защищаются!..

Я не выдержалъ и крикнулъ съ восторгомъ:

— Еще бы! Надѣюсь! Г. инспекторъ говоритъ, что если такъ продолжится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то жутко будетъ нѣмцамъ.

Жанъ покрутилъ усы и, какъ кажется, хотѣлъ что-то сказать; но, посмотрѣвъ на Марію-Розу, которая, по обыкновенію, слушала насъ съ очень серьезнымъ видомъ, онъ опять принялся ѣсть, замѣтивъ только:

— Ну, да все равно; а ужъ очень вы меня утѣшили, дядя Фредерикъ. Хорошія вѣсти вы принесли!

Въ восемь часовъ онъ ушелъ, давъ слово придти завтра или послѣзавтра, и мы легли спать совершенно спокойные.

Какъ первая ночь, проведенная нами на новосельи была пріятна и холодна, такъ хороша была вторая; мы спали сномъ праведныхъ, несмотря на бурю, свирѣпствовавшую на дворѣ.

Отчаяніе мое прошло: я видѣлъ, что намъ можно будетъ прожить въ Грауфталѣ до окончанія войны.

XI

Поселясь въ грауфтальскихъ скалахъ, я надѣялся, что нѣмцы оставятъ насъ въ покоѣ. Да и какое могло быть у нихъ дѣло до насъ? Мы предоставили имъ все, жили въ бѣдной деревушкѣ среди лѣсовъ: очень рѣдко они заходили въ этотъ уголокъ, до того бѣдный, что въ немъ едва можно было собрать нѣсколько охапокъ сѣна или соломы. Положеніе наше, повидимому, устроилось очень хорошо и мы разсчитывали, что не будемъ болѣе имѣть съ ними никакихъ сношеній.

Къ несчастью, человѣкъ часто ошибается въ своихъ разсчетахъ.

Вскорѣ разнесся слухъ, что Донадье, длинный Керпъ и другіе полѣсовщики перебрались черезъ Вогезскія горы и дерутся противъ нѣмцевъ около Бельфора: у меня тотчасъ же мелькнула въ головѣ мысль, что Жанъ также, пожалуй, захочетъ уйти. Я надѣялся, что Маріи-Розѣ удастся его удержать, однако, не былъ въ этомъ увѣренъ. Это опасеніе не покидало меня.

Каждое утро, пока моя дочь хозяйничала, а бабушка перебирала четки, я спускался внизъ, въ большую залу, чтобы выкурить трубку табаку вмѣстѣ съ дядей Иселемъ. Кофель, Штаркъ и другіе заходили выпить обычный стаканъ водки; мы толковали о домовыхъ обыскахъ, о запрещеніи звонить въ колокола, о появленіи нѣмецкихъ школьныхъ учителей, присланныхъ на мѣсто нашихъ, о реквизиціяхъ разнаго рода, увеличивавшихся ежедневно и т. п. Длинный Штаркъ, человѣкъ очень набожный, ходившій къ обѣднѣ каждое воскресеніе, кричалъ, что нѣмцамъ будетъ плохо на томъ свѣтѣ за всѣ обиды, которыя они намъ причиняютъ.

Такого рода разговоры помогали намъ коротать время.

Однажды Гюло привелъ къ намъ своего внука Жана-Батиста, высокаго парня лѣтъ шестнадцати, въ полотняныхъ панталонахъ и курткѣ, ходившаго лѣтомъ и зимой въ деревянныхъ башмакахъ на босую ногу; волосы его висѣли длинными желтыми прядями по обѣимъ сторонамъ лица, на его худой спинѣ болтался мѣшокъ для контрабанды. Усѣвшись подлѣ огня, малый принялся намъ разсказывать, что въ окрестностяхъ Саарбрюкена и Ландау лапдверцы во всѣхъ кабакахъ ругательски ругаютъ бѣшеныхъ французовъ за продолженіе войны и за всѣ битвы, которыя были послѣ Седана; что пришло извѣстіе, будто около Орлеана, подъ Куломье, произошло сраженіе, въ которомъ нѣмцы разбиты и бѣгутъ, и что армія Фридриха-Карла спѣшитъ къ нимъ на выручку. Затѣмъ Гюло намъ передалъ, будто вся наша молодежь собирается присоединиться къ французской арміи, что нѣмецкіе гауптманы накладываютъ 50 фр. ежедневной пени на родителей тѣхъ молодыхъ людей, которые убѣгаютъ изъ края, но что это не помѣшаетъ ему, Жану-Батисту, по примѣру товарищей, идти спасать отечество.

Только что онъ кончилъ говорить, какъ я бросился наверхъ, чтобы передать эти добрыя вѣсти Маріи-Розѣ. Я ее встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы; она шла внизъ, въ прачечную, и вовсе, повидимому, не удивилась моимъ словамъ.

— Да... да... отецъ,—сказала она,—я была увѣрена, что этимъ кончится; надо непремѣнно, чтобы всѣ приняли участіе въ войнѣ, чтобы всѣ годные къ службѣ мужчины шли сражаться. Тогда только мы прогонимъ нѣмцевъ.

Ея спокойствіе меня удивило, потому что она, вѣроятно, также какъ и я, не разъ думала, что Жанъ, человѣкъ смѣлый, не останется дома въ такую пору и рано или поздно уйдетъ въ армію, несмотря на обѣщаніе жениться.

Размышляя такимъ образомъ, я вошелъ въ свою комнату, а она продолжала спускаться по лѣстницѣ; двѣ минуты спустя послышались шаги Жана Мерлена, подымавшагося ко мнѣ.

Онъ вошелъ очень спокойно, снялъ свою войлочную шляпу съ широкими полями и сказалъ мнѣ веселымъ тономъ:

— Добраго утра, дядя Фредерикъ. Вы одни?

— Да, Жанъ; Марія-Роза ушла сейчасъ въ прачечную, а бабушка еще не вставала съ постели.

— Ну, ладно, — продолжалъ онъ, ставя свою палку за дверь.

По лицу его я догадался, что у него есть что-то на умѣ. Онъ принялся ходить взадъ и впередъ, опустивъ голову, потомъ вдругъ остановился и произнесъ:

— Слышали вы, что происходитъ подъ Орлеаномъ? Вы знаете, что начался отливъ нѣмцевъ и что созываются охотники. А? Что вы объ этомъ думаете?

Я покраснѣлъ до ушей и отвѣчалъ въ нѣкоторомъ смущеніи:

— Да, конечно, это удобно для тѣхъ, кто живетъ по ту сторону Луары; но намъ пришлось бы далеко тащиться; къ тому же нѣмцы задержали бы насъ на дорогѣ; они стерегутъ всѣ пути, даже всѣ тропинки.

— Эхъ,—возразилъ онъ.—ихъ считаютъ гораздо хитрѣе, чѣмъ они есть. Я готовъ побиться объ закладъ, что подъ самымъ ихъ носомъ перейду Вогезскія горы. Прошли же длинный Керинъ и Донадье, и многіе другіе.

Я сейчасъ же смекнулъ, что онъ собирается уйти и что дѣло это онъ уже порѣшилъ въ своемъ умѣ; я былъ просто ошеломленъ, потому что уйди онъ—и Богъ знаетъ, состоялась ли бы свадьба; я вспомнить не могъ равнодушно о Маріи-Розѣ.

— Такъ-то такъ,—сказалъ я,—но надо и о старикахъ подумать, Жанъ! Что скажетъ ваша матушка, добрая Маргредель, если вы покинете ее въ такую минуту?

— Мать моя вѣрная француженка,—отвѣчалъ онъ.—Мы объ этомъ ужъ говорили съ нею, капралъ; она соглашается.

У меня и руки опустились: я не зналъ, что ему отвѣтить, и только минуту спустя сказалъ:

— А Марія-Роза?.. Вы не думали о Маріи-Розѣ? Но вы помолвлены съ нею... она передъ Богомъ ваша жена!..

— Марія-Роза также согласна,—отвѣчалъ онъ. — Намъ нужно только услышать ваше «да», тогда все уладится. Въ послѣдній разъ, когда я здѣсь былъ и вы ушли внизъ курить трубку, я откровенно разсказалъ Маріи-Розѣ все дѣло, объяснилъ ей, что полѣсовщику безъ мѣста, да притомъ старому солдату, слѣдуетъ непремѣнно быть на полѣ битвы; она поняла и согласилась.

Я не выдержалъ и крикнулъ: «Нѣтъ, это невозможно!» Затѣмъ отворилъ окно и сталъ звать:

— Марія-Роза!.. Марія-Роза!.. Иди наверхъ... Жанъ здѣсь.

Она развѣшивала бѣлье въ сараѣ; бросивъ тотчасъ же дѣло, она пришла къ намъ.

— Марія-Роза,—говорю я,—правда ли, что ты соглашаешься отпустить Жана Мерлена драться съ нѣмцами около Орлеана, по ту сторону Парижа? Правда ли это? Говори прямо.

Она поблѣднѣла, а глаза ея засвѣтились:

— Да,—говоритъ,—это его долгъ... Онъ обязанъ идти! Мы не хотимъ сдѣлаться нѣмцами; за что же только другіе будутъ сражаться за насъ... слѣдуетъ намъ быть мужественными... надо защищать свою родину.

Много еще она говорила въ этомъ же родѣ; я смотрѣлъ на нее съ гордостью и думалъ:

«Какая честная у меня дѣвочка!.. Нѣтъ, я еще не зналъ ее до сихъ поръ... Это кровная дочь старыхъ Брюа!.. Старики точно воскресли и заговорили устами дѣтей! Они требуютъ, чтобы дѣти защищали кладбище, гдѣ покоятся ихъ кости!»

Я всталъ, блѣдный, какъ полотно, и раскрылъ объятія.

— Обнимите меня,—сказалъ я,—обнимите! Вы правы. Да, дѣйствительно, теперь долгъ каждаго француза сражаться. О, если бы я могъ сбросить десять лѣтъ съ костей долой, я бы отправился вмѣстѣ съ вами, Жанъ, и мы сдѣлались бы братьями по оружію!

И мы трое крѣпко обнялись.

Я плакалъ; я гордился, что у меня такая мужественная, честная дочь, и невольно поднялъ высоко голову. Рѣшеніе Жана и Маріи-Розы казалось мнѣ теперь очень естественнымъ.

Но въ эту минуту мы услышали, что бабушка ощупью, держась о стѣну, пробирается къ намъ изъ сосѣдней комнаты; я сдѣлалъ знакъ дѣтямъ, чтобы они замолчали, и когда старушка вошла, сказалъ ей:

— Бабушка, нашего Жана г. инспекторъ посылаетъ въ Нанси; онъ тамъ пробудетъ нѣсколько времени.

— Вотъ какъ!—сказала старушка.—А тамъ не опасно?

— Нѣтъ, бабушка, ему даютъ порученіе насчетъ лѣсныхъ отчетовъ; это не касается войны.

— Ну, тѣмъ лучше!—сказала она.—Сколько ужъ безъ того народу погибло!.. Надо радоваться, что мы далеко!

Затѣмъ, спустившись въ кресло, она, по обыкновенію, начала молиться.

Теперь, Жоржъ, что мнѣ еще разсказать тебѣ о тѣхъ событіяхъ, отъ которыхъ при одномъ воспоминаніи разрывается сердце?

Жанъ Мерленъ провелъ весь этотъ день съ нами. Марія-Роза изготовила такой хорошій обѣдъ, какой только было возможно при нашемъ бѣдственномъ положеніи; желая доставить удовольствіе своему милому, она надѣла свой лучшій чепчикъ и повязала на шею шелковую голубую косынку.

Я точно гляжу на нее, какъ она сидитъ за столомъ рядомъ съ бабушкой, противъ жениха, и улыбается. Я точно слышу, какъ Жанъ разсказываетъ разныя добрыя вѣсти изъ Орлеана и говоритъ, что на войнѣ не всегда везетъ одной и той же сторонѣ.

Послѣ обѣда, пока бабушка дремала въ своемъ креслѣ, дѣти усѣлись рядомъ подлѣ маленькаго окошечка, взялись за руки и не спуская другъ съ друга глазъ, начали разговаривать вполголоса, то грустно, то весело, какъ это всегда бываетъ съ влюбленными.

Я уходилъ, возвращался, курилъ трубку за трубкой и все думалъ о будущемъ. Снизу до насъ доносился говоръ изъ кабака; при воспоминаніи объ опасности, которая можетъ угрожать Жану, о взысканіяхъ, которымъ нѣмцы подвергаютъ за присоединеніе здѣшнихъ жителей къ французской арміи, мнѣ ужъ начудилось, что внизу стучатъ чьи-то толстые сапоги и бряцаютъ сабли. Я бѣгу внизъ, заглядываю въ залу, гдѣ дымъ стоитъ столбомъ, и потомъ возвращаюсь наверхъ, нѣсколько успокоенный, говорю самъ себѣ, что робѣть не слѣдуетъ, что иногда пробираются благополучно даже черезъ непріятельскую цѣпь, и что энергическіе люди всегда найдутъ средство увернуться.

Такимъ образомъ прошло все послѣобѣда.

Когда же мы поужинали и минута разставанья стала приближаться, мною овладѣла страшная тоска и непонятная, странная робость.

— Ступайте спать, ночь ужъ наступила,—сказалъ я бабушкѣ.

Но она, нѣсколько тугая на ухо, не слышала моихъ словъ и продолжала читать про себя молитвы, а мы смотрѣли другъ на

друга молча, знаками передавая свои мысли. Наконецъ, старушка поднялась и, опираясь обѣими руками о ручки кресла, тихо проговорила:

— Покойной ночи, дѣти. Жанъ, подойдите сюда, я васъ поцѣлую. Не довѣряйте нѣмцамъ!.. Берегите себя... Да хранитъ васъ Господь!

Они обнялись. Жанъ видимо былъ взволнованъ; когда двери за бабушкой затворилась, на колокольнѣ пробило восемь часовъ; на дворѣ стемнѣло.

— Марія-Роза,—говорилъ онъ,—настала минута разлуки!.. Луна взошла и освѣщаетъ тропинку, по которой я пойду въ Дононъ.

Они обнялись и долго стояли такъ, не говоря ни слова, потому что внизу слышался говоръ, крики, насъ могли подслушать, надо было соблюдать осторожность.

Ты не знаешь, Жоржъ, да я и желаю, чтобы ты никогда не узналъ, что испытываетъ отецъ въ подобныя минуты.

Наконецъ, они разстались. Жанъ взялся за палку; Марія-Роза, блѣдная, какъ смерть, но твердая, проговорила: «Прощай, Жанъ!» А онъ не отвѣтилъ ни слова и быстро вышелъ, такъ тяжело дыша, какъ будто задыхался.

Я послѣдовалъ за нимъ.

Мы вмѣстѣ спустились по узкой, темной лѣстницѣ, и на порогѣ двери, освѣщенной слабыми лучами луны, закрытой облаками, снова обнялись.

— Не нужно ли тебѣ чего?—спросилъ я, сунувъ себѣ, на всякій случай, въ карманъ 50 франковъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—у меня все есть, что нужно!

Мы жали другъ другу руки, не имѣя силъ разстаться и оторвать глазъ другъ отъ друга.

Я чувствовалъ, что у меня все лицо подергиваетъ.

— Полноте, батюшка, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—не падайте духомъ... Мы вѣдь мужчины!

Съ этими словами онъ поспѣшно удалился.

Я смотрѣлъ, какъ его фигура исчезала во тьмѣ, я благословлялъ его всѣмъ сердцемъ. Мнѣ показалось, что на повороті тропинки, ведущей къ скаламъ, онъ обернулся и махнулъ мнѣ своей шляпой; но я въ этомъ не увѣренъ.

Когда я вернулся домой, то нашелъ, что Марія-Роза сидитъ

на стулѣ передъ открытымъ окномъ и плачетъ навзрыдъ, закрывъ лицо руками. Бодрость не оставляла бѣдную дѣвочку до послѣдней минуты, но теперь она уже была не въ силахъ болѣе совладать съ собой.

Я ничего ей не сказалъ, поставилъ лампу на столъ и ушелъ въ свою комнату.

Все это происходило въ ноябрѣ 1870 г. Впереди насъ ожидали еще большія скорби.

XII.

Послѣ того, впродолженіи нѣсколькихъ дней, все было спокойно.

Изъ Орлеана до насъ не доходило никакихъ вѣстей. Отъ времени до времени городская пушка палила, ей отвѣчалъ непріятель или изъ Катръ-Вана, или изъ Вехема, затѣмъ опять все умолкало.

Начались дожди; холодные, продолжительно ливни гнали талый снѣгъ въ рѣку, вышедшую изъ береговъ. Мы сидѣли, пріютившись у огонька, думали объ отсутствующихъ, о войнѣ, о маршахъ и контръ-маршахъ. Жандармы Бисмарка-Болена часто проѣзжали мимо насъ, закутавшись въ шинели, съ которыхъ лила вода. Безмолвіе крутомъ и неизвѣстность просто давили насъ. Марія-Роза хозяйничала молча; иногда она старалась принять веселый видъ, когда, бывало, замѣтить, что я черезчуръ грустенъ; но. судя по ея блѣдности, я догадывался, что она сильно страдаетъ.

Случилось также, что бабушка, совершенно для насъ неожиданно, заговоритъ сама о Жанѣ и начнетъ спрашивать, что о немъ слышно. Ей обыкновенно отвѣчали уклончиво и старушка, по безпамятству, не распространялась объ этомъ болѣе: она довольствовалась всякимъ отвѣтомъ и задумчиво твердила:

— Ну, ладно!.. Ладно!

Заботы о дневномъ существованіи, будничныя хлопоты, возня со скотомъ, съ хозяйствомъ,—все это помогало намъ тянуть время.

Бѣднякъ Каласъ, не находя у насъ болѣе работы, принялся за контрабанду между Фальсбургомъ и его окрестностями, и рисковалъ ежедневно жизнію для того, чтобы перенести нѣ-

сколько фунтовъ табаку или другой какой-нибудь мелочи на гласисъ крѣпости; въ то время разнесся слухъ, что онъ убитъ нѣмецкимъ часовымъ; Раго убѣжалъ вслѣдъ за нимъ. Вѣроятно, они оба давно уже покоятся гдѣ-нибудь въ углу лѣса или на какомъ-нибудь пригоркѣ.

Однажды утромъ мы сидѣли съ дядей Икелемъ вдвоемъ внизу, въ общей залѣ; онъ и говоритъ мнѣ:

— Фредерикъ, вѣдь всѣ знаютъ, что Жанъ Мерленъ, вашъ будущій зять, поступилъ въ армію. Берегитесь, нѣмцы могутъ вамъ отплатить за это!

Его слова такъ ошеломили меня, что я помолчалъ съ минуту и потомъ уже отвѣтилъ ему:

- Полноте, дядя Икель! У Жана есть свои дѣла въ окрестностяхъ Дозенгейма; онъ пошелъ собирать старые долги; въ настоящую минуту деньги нужны.

— Ба, вамъ нечего отъ меня секретничать! — возразилъ онъ.—Я старинный другъ всѣхъ Брюа и вашъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ Мерленъ не приходилъ сюда; значитъ, онъ перебрался черезъ горы, и хорошо сдѣлалъ; онъ молодецъ; но предатели есть у насъ, на васъ донесли, будьте осторожны.

Это предостереженіе меня встревожило: полагая, что недурно было бы предупредить также старуху Маргредель и дядю Даніэля, я позавтракалъ и, не сказавъ ничего Маріи-Розѣ, взялъ палку да и маршъ въ Фельсбергъ.

Дождь пересталъ. Зимнее солнце ярко освѣщало лѣсъ, и это зрѣлище, при выходѣ изъ нашей темной лощины, меня оживило. Такъ какъ тропинка у подошвы горы проходила мимо бывшаго моего лѣсническаго домика, то я вскорѣ увидѣлъ издали знакомую мнѣ старую крышу и растрогался. Во мнѣ проснулись всѣ воспоминанія; мнѣ вздумалось пойти посмотрѣть поближе на домикъ и, вскарабкавшись на выступъ фундамента, заглянуть внутрь его. Я полагалъ, что у меня на душѣ легче будетъ, если я опять увижу тѣ комнаты, гдѣ мои старики померли и гдѣ дѣти мои родились на свѣтъ. У меня все внутри трепетало и я шелъ скорымъ шагомъ, какъ вдругъ, не доходя маленькаго мостика съ двумя скатами, между ивами, покрытыми инеемъ, я остановился, какъ вкопанный.

Нѣмецкій лѣсовщикъ въ валеной зеленой шляпѣ съ тремя пѣтушинами перьями на бекрень, съ фарфоровой трубкой, длин-

ный чубукъ которой дымился между его бѣлокурыми усами, сидѣлъ у открытаго окна, скрестивъ руки, и спокойно курилъ, съ такимъ довольнымъ, счастливымъ видомъ, точно онъ находился въ своемъ собственномъ гнѣздѣ. Онъ съ улыбкой любовался на двухъ пухленькихъ, бѣлокурыхъ дѣтей, игравшихъ передъ крыльцемъ, а сзади него, нагнувшись немного впередъ, стояла толстая женщина съ румяными щеками и весело кричала:

— Вильгельмъ! Карлъ! Идите сюда, бутерброды готовы.

У меня вся кровь закипѣла въ жилахъ.

Очень горько мнѣ было видѣть чужія лица въ прадѣдовскомъ домѣ, гдѣ я жилъ до старости лѣтъ и откуда былъ выгнанъ, не совершивъ никакого преступленія. Только потому, что другіе сдѣлались господами, тебя выкидываютъ вонъ! Это ужасно!..

Полѣсовщикъ поднялъ голову; я побоялся, чтобы онъ меня не увидѣлъ, и спрятался. Да, я спрятался за ивами и, согнувшись какъ какой-нибудь злодѣй, проскользнулъ далѣе на тропинку. Я краснѣлъ при мысли, что этотъ человѣкъ можетъ замѣтить, что бывшій хозяинъ засталъ его въ своемъ домѣ, въ своей комнатѣ, передъ своимъ очагомъ! Я спрятался, потому что онъ могъ поднять на смѣхъ выгнаннаго эльзасца. Но за то съ этого дня незнакомое мнѣ прежде чувство ненависти проснулось въ мое сердце. Да, я сталъ ненавидѣть нѣмцевъ.

Убитый грустью, опустивъ голову, я пробрался отсюда вересками въ Фельсбергъ.

Бѣдное селеніе, потонувшее въ навозѣ и грязи и выдержавшее нѣсколько реквизицій, имѣло такой же грустный видъ, какъ и я; на улицѣ не было видно ни души. Подойдя къ зданію школы, я взялся за ручку двери и убѣдился, что она заперта: началъ прислушиваться: ни шуму, ни дѣтскаго говора... Заглянулъ въ окно—прописи по прежнему висятъ на стѣнахъ, но школьныя лавки пусты.

Такъ какъ дверь въ коридоръ также была заперта, то я закинулъ голову назадъ, чтобы взглянуть на окна перваго этажа, и крикнулъ: «Дядя Даніэль!» Нѣсколько минутъ спустя въ домѣ Маргредель, примыкавшемъ къ школѣ, отворилась дверь и на порогѣ ея появился дядя Даніэль—маленькій, вертлявый человѣкъ, въ шерстяной, вязаной фуфайкѣ, съ чернымъ бумажнымъ колпакомъ на затылкѣ, и спросилъ:

— Кто тамъ?

Я обернулся.

— Э, да это капралъ Фредерикъ! — воскликнулъ онъ. — Войдите!

— Развѣ вы ужъ не въ школѣ живете?—спросилъ я.

— Нѣтъ; школа закрыта два дня тому назадъ,—отвѣчалъ онъ грустно.

Войдя въ главную комнату стариннаго домика, я увидѣлъ, что Маргредель сидитъ на скамейкѣ передъ небольшой чугунной печкой, въ которой варился картофель въ котлѣ.

Честное и, по обыкновенію, улыбающееся лицо Маргредель не измѣнилось.

— Ахъ, дядя Фредерикъ,—воскликнула она,—у насъ ужъ нѣтъ больше, какъ, бывало, прежде, комнаты для друзей наверху!.. Нѣмцы отовсюду насъ гонятъ... скоро не будешь знать, куда пріютиться!.. Но, все равно, садитесь, и если вамъ не претитъ, поѣдимъ вмѣстѣ картофелю.

У меня сердце ныло, глядя на спокойствіе и мужество этой женщины, вынужденной жить въ такой трущобѣ и въ такой нищетѣ. Я отъ волненія не могъ даже говорить.

— Здоровы ли Марія-Роза и бабушка?—спросила у меня Маргредель.

— Слава Богу, здоровы,—отвѣчалъ я,—но мы всѣ очень безпокоимся за Жана. Нѣмцамъ извѣстно, что онъ ушелъ, и дядя Икель предупредилъ меня, чтобы мы были осторожны; вотъ я и пришелъ сообщить вамъ объ этомъ.

— Да ну ихъ, этихъ нѣмцевъ!—сказала она, презрительно вздернувъ плечами.—Не такъ они хитры, какъ мы думаемъ. Жанъ давнымъ-давно перешелъ горы; если бы они его задержали, мы бы ужъ знали объ этомъ; они сами не замедлили бы объявить намъ, потирая руки, такое извѣстіе; но онъ пришелъ... онъ у меня молодецъ!..

Старуха засмѣялась, оскаливъ свой беззубый ротъ.

— Онъ раздѣлается по своему съ тѣми, кто попадется ему подъ руку... Я увѣрена, что онъ теперь въ рядахъ нашихъ волонтеровъ... Тамъ такъ и гремятъ ружейные и пушечные выстрѣлы!

Бѣдная женщина, какъ всегда, видѣла все въ розовомъ свѣтѣ, и я подумалъ:

«Вотъ счастье-то имѣть такой хорошій характеръ!»

Дядя Даніэль, ходившій все время взадъ и впередъ по комнатѣ, замѣтилъ:

— Они и школу мою потому закрыли, что Жанъ ушелъ. Придраться ко мнѣ они ни къ чему не могли, такъ вотъ безъ всякихъ объясненій взяли да и закрыли школу; а намъ дали только время вытаскать вонъ нашу мебель, да при этомъ все косились на насъ и кричали: Schwint!.. Schwint (скорѣе)!..

— Да,—горячилась Маргредель,—они большіе лицемѣры; они дѣлаютъ вамъ гадости, не предупредивъ даже заранѣе. Утромъ они вамъ улыбаются, садятся, какъ добрые люди, передъ вашей печкой, ласкаютъ со слезами на глазахъ вашихъ дѣтей, а потомъ вдругъ схватываютъ васъ за воротъ и безъ пощады выталкиваютъ за дверь. Охъ, ужъ эти мнѣ нѣмцы! Знаемъ мы теперь, что это за народъ!.. Но не вѣкъ же имъ чваниться... Погодите!.. Погодите немного! Господь справедливъ! Наши вернутся домой и Жанъ вмѣстѣ съ ними придетъ!.. Увидите, дядя Фредерикъ!.. Мы возвратимся въ лѣсническій домикъ и справимъ тамъ свадьбу!.. Попомните мое слово. На Господа нужно только надѣяться... Мы теперь терпимъ за свои грѣхи... Но Господь, видя наше покаяніе, все опять поставитъ на прежній ладъ. Иначе быть не можетъ... Онъ избралъ нѣмцевъ, чтобы образумить насъ. Но придетъ и ихъ чередъ, мы также къ нимъ вторгнемся, какъ они къ намъ... Увидятъ они тогда, каково терпѣть нашествіе непріятеля. Берегитесь, берегитесь!.. Каждому своя очередь!..

Она говорила это съ такой увѣренностью, что я самъ увлекся и думалъ:

«Очень можетъ быть, что она говоритъ правду... Конечно, рано или поздно, поправимся и мы... Эльзасъ снова отойдетъ къ Франціи... Вѣдь между ними всѣми нѣтъ никакой прочной связи... Выиграй мы только одно большое сраженіе—и начнется между ними кутерьма... баварцы, гессенцы, виртембергцы, саксонцы, гановерцы—всѣ пойдутъ врознь... наше дѣло само собой и устроится».

Но покамѣстъ наше положеніе было куда какъ горько!

Маргредель говорила, что у нея ржи и картофелю хватитъ до окончанія войны и что съ прибавкой соли на нѣсколько су она съ братомъ могутъ еще просуществовать.

Дядя Даніэль сидѣлъ задумавшись.

Наконецъ, узнавъ, въ какомъ положеніи дѣла въ Фельсбергѣ, я въ 11 часовъ распростился съ своими старыми друзьями и пожелалъ имъ всего лучшаго.

Чтобы миновать лѣсническій домъ, я спустился съ Грауфтальской горы черезъ пихтовыя заросли по скаламъ, помогая себѣ палкой въ слишкомъ крутыхъ мѣстахъ.

Пройдя двѣ трети дороги, я встрѣтилъ старика Руппа, неисправимаго лѣсного вора, въ полинялой короткой блузѣ, въ бумажномъ галстукѣ, обвитомъ въ видѣ жгута вокругъ его худой шеи и съ топорикомъ въ рукахъ.

Онъ косилъ направо и налѣво все, что ни попадалось ему на глаза: тутъ отхватилъ толстый сукъ, тамъ повалилъ молодую ель; такимъ образомъ онъ успѣлъ уже сложить на тропинкѣ препорядочную вязанку дровъ.

— Дядя Руппъ,—крикнулъ яему:—вы, видно, не боитесь нѣмецкихъ лѣсныхъ сторожей?

Онъ захохоталъ, утирая носъ рукой и вытягивая подбородокъ.

— Ахъ, капралъ,—возразилъ онъ весело,—этотъ народецъ боится сунуть носъ въ лѣсъ поодиночкѣ!.. Другое дѣло, если они идутъ цѣлыми полками, съ пушками впереди, съ уланами по бокамъ,—словомъ, когда ихъ приходится десять на одного нашего, да и тогда еще они охотнѣе держатся большихъ дорогъ... Храбрецы, нечего сказать! Шкуру свою сильно берегутъ!.. Хе! Хе! Хе!..

Я самъ засмѣялся.

Но страшный сюрпризъ ждалъ меня далѣе, у спуска со скалъ.

Въ ту самую минуту, какъ я выходилъ изъ лѣса и среди вереска передъ моими глазами открылись соломенныя крыши деревушки, я замѣтилъ, что въ одномъ переулкѣ, передъ сараемъ дяди Икеля, сверкаютъ каски; вглядѣвшись попристальнѣе, я увидѣлъ, что цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ въ лохмотьяхъ окружаютъ солдатъ; Икель, стоя на порогѣ трактира, говоритъ что-то, за нимъ Марія-Роза у дверей конюшни, а у окна бабушка подняла вверхъ руки, какъ бы призывая небо на помощь.

Понятно, что я опрометью кинулся впередъ по кустарникамъ, догадавшись, что тамъ происходитъ что-то очень серьезное; для сокращенія пути я взялъ переулкомъ стараго монастыря и вышелъ изъ-за конюшни въ то самое мгновеніе, когда кто-то тащилъ оттуда за рога нашихъ двухъ коровъ.

Это былъ дорожный надзиратель изъ Бокберга, по прозванію Туба,—коренастый, небольшого роста малый съ черной бородой; разсказывали, будто его двѣ красавицы-дочери съ самаго начала осады находятся въ услуженіи у прусскаго гауптмана.

Увидавъ, что этотъ негодяй уводитъ мой скотъ, я закричалъ:

— Эй, ты, воръ, что ты тамъ дѣлаешь? Оставь сейчасъ же моихъ коровъ, а не то я тебѣ всѣ ребра переломаю!

На крикъ мой въ переулокъ двинулись: сержантъ съ своимъ взводомъ солдатъ съ примкнутыми штыками, Икель, Марія-Роза и даже сама бабушка, едва волоча ноги и опираясь руками о стѣну.

Марія-Роза начала кричать:

— Отецъ, отецъ, нашихъ коровъ уводятъ!

Бабушка жалобно вторила:

— Боже мой! Чѣмъ мы жить будемъ? Эти коровы наше единственное имущество, наше послѣднее достояніе!

Сухой, длинный сержантъ, затянутый въ мундиръ, съ саблей на боку, услыхавъ восклицаніе Икеля:—«Да вотъ и самъ хозяинъ!.. Коровы ему принадлежатъ!»—повернулъ въ мою сторону голову, какъ будто она была у него на стержнѣ, и поглядѣлъ на меня черезъ плечо. Съ очками подъ каской, съ рыжими усами и съ крючковатымъ носомъ, онъ былъ двѣ капли воды похожъ на сову, когда та ворочаетъ одну голову, не шевеля тѣломъ. Скверная физіономія!

Толпа нахлынула въ переулокъ, и сержантъ крикнулъ:

— Назадъ! Капралъ, очистить мѣсто! А вы тамъ, смотрите, при малѣйшемъ сопротивленіи велю стрѣлять!

Шлепанье деревянныхъ башмаковъ по грязи, крики и рыданія старухи-бабушки придавали этому зрѣлищу что-то ужасное.

— Эти коровы мнѣ нравятся,—сказалъ дорожный надзиратель сержанту;—я ихъ беру, и мы можемъ теперь уйти.

— Да развѣ онѣ твои?—спросилъ я въ негодованіи, сжимая рукой палку.

— Это до меня не касается,—возразилъ онъ тономъ настоящаго грабителя.—Мнѣ дано право выбрать лучшихъ коровъ въ округѣ, взамѣнъ тѣхъ, которыхъ фальсбургскіе бездѣльники утащили у меня во время послѣдней вылазки... Я выбралъ этихъ... Онѣ швейцарскія, а я всегда былъ охотникъ до швейцарскихъ коровъ.

— А кто тебѣ далъ право выбирать?—воскликнулъ я.—Кто можетъ тебѣ отдать чужую собственность?

— Кто? Гауптманъ, мой другъ, гауптманъ!—отвѣчалъ онъ, приподнимая край шляпы съ лицемѣрнымъ видомъ.

Въ толпѣ раздался смѣхъ:

— Гауптманъ, видно, человѣкъ щедрый, послышался чей-то голосъ:—онъ хорошо награждаетъ своихъ угодниковъ.

Я не помнилъ себя отъ негодованія, когда сержантъ скомандовалъ своему взводу: «маршъ!», а Туба съ крикомъ: «гей!» поволокъ моихъ бѣдныхъ коровъ за рога. Я едва не кинулся на него, какъ бѣшеный волкъ; но Марія-Роза схватила меня за руки и шопотомъ, испуганно начала уговаривать:

— Отецъ, остановись, они тебя убьютъ... Подумай о бабушкѣ.

Я весь дрожалъ, зубы у меня стучали, въ глазахъ мелькали искры; но мысль оставить мою дочь беззащитною, одинокою на бѣломъ свѣтѣ въ эту бѣдственную эпоху, сдѣлаться причиной голодной смерти старухи-тещи, эта мысль дала мнѣ силу побороть мое бѣшенство, и я только крикнулъ Туба:

— Ступай, каналья владѣй краденымъ у меня добромъ, только смотри, не попадайся мнѣ никогда въ лѣсу!

Сержантъ и солдаты притворились, будто ничего не слышатъ, а предатель, негодяй Туба, съ хохотомъ замѣтилъ:

— Сержантъ, эти коровы стоятъ моихъ; долго мы искали, зато ужъ добыли себѣ на славу!

Они, видишь ли, обѣгали всѣ деревни, обшарили всѣ конюшни, а обрушилась бѣда на насъ, несчастныхъ.

Марія-Роза, видя, что уводятъ нашихъ милыхъ коровушекъ, выращенныхъ и выхоленныхъ нами въ лѣсническомъ домикѣ, не могла удержать своихъ слезъ, а бабушка, закинувъ обѣ руки на свою сѣдую голову, причитывала:

— Ну, теперь мы пропали!.. Загубили они насъ совсѣмъ...

Господи, да что-жъ мы такое сдѣлали, что на насъ сыплются всѣ эти несчастія!

Я поддерживалъ ее подъ руку, уговаривая уйти въ домъ, но она продолжала:

— Фредерикъ, дайте вы мнѣ еще хоть минуточку поглядѣть на нашихъ бѣдныхъ коровушекъ. Милая ты моя бѣляночка... Милая ты моя красавица... не увижу я васъ болѣе!

Сердце разрывалось, смотря на нее; народъ убѣжалъ въ разныя стороны, стараясь не оборачиваться на рыдающую старуху. Вотъ до какой степени тяжело видѣть подобнаго рода беззаконія!

Однако, пришлось намъ вернуться въ наши убогія каморки и горевать тамъ однимъ; пришлось придумывать средства для существованія, такъ какъ у насъ отнято было послѣднее имущество.

XIII.

Ты знаешь, Жоржъ, что значитъ корова для нашего брата-крестьянина: съ коровой въ стойлѣ у тебя есть и молоко, и масло, и сыръ, все необходимое для жизни; одна корова—это довольство, двѣ—почти богатство. До сихъ поръ у насъ отъ нихъ всегда оставался скопъ на продажу, и мы выгадывали нѣсколько су, а теперь приходилось самимъ покупать масло и молоко и притомъ въ такое голодное время, когда непріятель кормился на нашъ счетъ. О! Какая ужасная пора!.. Наши потомки не въ состояніи будутъ и представить себѣ ничего подобнаго!

У насъ оставалось налицо пять или шесть тысячъ фунтовъ сѣна и картофель.

Икель, принимавшій живое участіе въ нашихъ горестяхъ, сказалъ мнѣ:

— Послушайте, капралъ, то, что я вамъ предсказалъ, сбывается. Нѣмцы до смерти на васъ злы за то, что вы отказались поступить къ нимъ на службу, и что нашъ нареченный зять присоединился къ французской арміи... Они бы рады были не только васъ выгнать отсюда, но совсѣмъ со свѣту сжить; но какъ имъ хочется разыграть роль великодушныхъ, правосудныхъ людей, то они васъ оберутъ до послѣдней нитки, чтобы выну-

дить уйти отсюда «добровольно», какъ они выражаются. Послушайтесь меня, сбудьте поскорѣе весь свой фуражъ, потому что не сегодня, такъ завтра они снова явятся сюда и все отберутъ на томъ основаніи, что у кого нѣтъ коровъ, тому нѣтъ надобности и въ сѣнѣ. Только вы, ради Бога, не разсказывайте, что я вамъ далъ этотъ совѣтъ!

Я самъ понималъ, что онъ говоритъ правду, и потому на слѣдующій же день мой сѣновалъ опустѣлъ: Гаспаръ, Дидрихъ, Гюно, Жанъ Аданъ, длинный Штаркъ, всѣ сосѣди явились вечеромъ и растаскали въ связкахъ весь мой фуражъ, а я такимъ образомъ набралъ себѣ нѣсколько франковъ про-запасъ. Штаркъ уступилъ мнѣ одну изъ своихъ козъ; теперь, по крайней мѣрѣ, бабушка имѣла чашку молока утромъ и вечеромъ, что поддерживало ея существованіе; но бѣдная старушка все-таки страшно ослабѣла послѣ перенесенныхъ ею потрясеній; она вся дрожала, какъ листъ, и не сходила съ постели; находясь въ постоянномъ забытьѣ, она, бывало, то бормочетъ молитвы, то говоритъ о своемъ мужѣ Брюа, о дѣдушкѣ Дюшенѣ, о всѣхъ старикахъ, которые приходили ей на память. Марія-Роза цѣлые дни просиживала у ея кровати и пряла, а ночью долго не ложилась, прислушиваясь къ ея прерывистому дыханью и стонамъ.

Я, сидя одинъ въ сосѣдней комнатѣ, у занесеннаго снѣгомъ окна, съ потухшей трубкой во рту, и размышляя о всѣхъ несправедливостяхъ, которыя повторялись каждую недѣлю, я начиналъ терять надежду! Да, грустно подумать, но натерпѣвшись столько горя, я невольно говорилъ себѣ, что между людьми есть своего рода бараны, гуси, индѣйки, предназначенные на съѣденье волкамъ, лисицамъ и ястребамъ.

Вѣсти изнутри Франціи приходили все дурныя.

Взводъ нѣмцевъ, явившихся изъ Вехема для реквизиціи моего сѣна, нашелъ сѣновалъ пустымъ; это ихъ взбѣсило; спрашиваютъ у меня, куда дѣлся фуражъ, я отвѣчаю: коровы дорожнаго надзирателя его съѣли.

Затѣмъ эти горланы зашли въ трактиръ и стали тамъ разсказывать, что французовъ поколотили, что тысячи ихъ труповъ остались на полѣ битвы, что ихъ отбросили отъ Орлеана и погонятъ далѣе, причемъ они хохотали и бахвалились. Мы не вѣрили и четвертой долѣ изъ того, что они говорили, однако, ихъ веселый видъ и наглый тонъ, съ которыми они отзывались о нашихъ

генералахъ, поневолѣ заставляли насъ думать, что, пожалуй, они не все лгали.

А о Жанѣ не было ни слуху, ни духу!.. Что съ нимъ сталось?.. Этотъ вопросъ сильно меня смущалъ. Я, конечно, не напоминалъ о немъ Маріи-Розѣ, но ея блѣдность показывала, что та же мысль преслѣдуетъ и ее.

Стоялъ декабрь. Съ нѣкоторыхъ поръ фальсбургская пушка что-то умолкла; носился слухъ, будто по ночамъ на крѣпостномъ валу мелькаютъ огни; мы спрашивали другъ друга, что это должно означать. Впослѣдствіи мы узнали, что тамъ сожигали порохъ, ломали оружіе, клепали пушки, потому что жизненные припасы приходили къ концу, почему оказывалось необходимымъ сдать крѣпость.

Это несчастіе совершилось 13 декабря послѣ шести бомбардировокъ и 120 дней осады. Половина города была разрушена; во время одной бомбардировки, 14 августа, 8.500 бомбъ разгромили нѣсколько улицъ. Наши несчастные новобранцы, наскоро завербованные въ солдаты изъ окрестныхъ деревень и собранные въ крѣпость во время страшныхъ жаровъ въ однихъ блузахъ и башмакахъ на босую ногу, выдержали эту суровую зиму въ стѣнахъ крѣпости, а потомъ были уведены среди зимы, какъ военноплѣнные, одни въ Раштадтъ, другіе въ Пруссію.

При этомъ извѣстіи отчаяніе распространилось вездѣ. Пока фальсбургская пушка палила, въ насъ поддерживалась надежда: мы по временамъ твердили: «Франція еще говоритъ!..» И невольно поднимали головы, но когда пушка умолкла, мы убѣдились, что у насъ водворились нѣмцы, что намъ слѣдуетъ притаиться, чтобы не навлечь на себя ихъ гнѣва.

Съ этого дня, Жоржъ, нашему горю не было болѣе мѣры. Къ довершенію бѣдствій болѣзнь бабушки усилилась. Разъ утромъ я вхожу къ ней въ комнату, а Марія-Роза мнѣ и шепчетъ:

— Отецъ, бабушкѣ-то вѣдь очень плохо... она совсѣмъ не спитъ... она задыхается!.. Не мѣшало бы сходить за докторомъ.

— Правда твоя, дитя мое, — отвѣчалъ я: — мы, кажется, слишкомъ долго откладывали.

Несмотря на то, что мнѣ страхъ какъ тяжело было видѣть древнія стѣны нашей крѣпости во власти непріятеля, я рѣшился итти въ Фальсбургъ за докторомъ.

Въ этотъ день погода стояла туманная, на улицахъ была слякоть. Я шелъ, опустя голову, по окраинѣ дороги и чувствовалъ въ головѣ ужасную пустоту; черныя думы меня преслѣдовали въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нашего унизительнаго положенія; я до того былъ убитъ, что отдалъ бы жизнь свою даромъ.

Когда, по выходѣ изъ лѣса, я остановился на Бигельбергской площадкѣ и въ трехъ километрахъ отъ себя увидѣлъ маленькій городокъ, точно подавленный сѣрымъ небомъ, съ обгорѣлыми домами, разрушенною церковью, срытыми валами, то все прошлое разомъ пронеслось въ моемъ воображеніи, и я, облокотясь на палку, задумался.

Сколько разъ въ теченіе 25 лѣтъ я хаживалъ сюда въ воскресные и въ праздничные дни съ моей покойной женой и дочерью помолиться у обѣдни или поглазѣть на ярмарочные бараки, а не то повидаться съ старыми товарищами; какъ я былъ тогда счастливъ, веселъ, воображая, что все такъ пойдетъ до скончанія вѣка! Мнѣ такъ живо представились мои исчезнувшія радости, мои умершіе друзья, приглашавшіе насъ, бывало, зайти къ нимъ въ маленькіе садики у подошвы гласиса, чтобы поподчивать смородиной или поднести букетъ цвѣтовъ! Сколько воспоминаній пронеслось передо мной!..

— О, какъ это время далеко! — воскликнулъ я. — Кто бы тогда могъ подумать, что мы, французы, дойдемъ до такого положенія, а мы, эльзасцы, согнемъ спину передъ нѣмцами!

У меня въ глазахъ помутилось, и я отправился далѣе, утѣшая себя мысленно, подобно всѣмъ несчастнымъ, разсужденіями такого рода:

— Ба, жизнь коротка!.. Скоро, Фредерикъ, все это забудется, и потому мужайся, тебѣ недолго придется страдать.

Мнѣ послышались веселые звуки трубы нашихъ солдатъ; но когда я увидалъ, что въ воротахъ крѣпости стоитъ прусскій пикетъ въ высокихъ сапогахъ, а ихъ часовой, съ ружьемъ на плечѣ, въ каскѣ на затылкѣ, расхаживаетъ гусинымъ шагомъ передъ караульней, то сейчасъ же понялъ, что ошибся.

Мой старый пріятель Томэ, городской таможенный приставъ, подалъ мнѣ знакъ зайти къ нему. Мы начали толковать о нашихъ бѣдствіяхъ; замѣтивъ, что я смотрю на проходившую че-

резъ мостъ роту пруссаковъ, вытянутыхъ въ струнку и вѣрно отбивающихъ тактъ ногами, онъ сказалъ мнѣ:

— Не глядите на нихъ, Фредерикъ; они въ восторгѣ, когда на нихъ смотрятъ: они воображаютъ, что ими любуются.

Я сейчасъ же отвернулся и, отдохнувъ, вошелъ въ городъ.

Нужно ли тебѣ описывать страшное разореніе бѣднаго Фальсбурга, этой въ былыя времена чистенькой крѣпости съ правильно выстроенными домиками, съ плацъ-парадомъ, имѣвшимъ такой веселый видъ въ дни смотровъ? Описывать ли разрушенныя теперь зданія, осыпавшіяся одна на другую стѣны, голыя трубы среди развалинъ, кабаки, наполненные нѣмцами, которые пили, ѣли, хохотали, между тѣмъ какъ толпы нашихъ, съ истощенными испуганными лицами, въ лохмотьяхъ, оборванные робко смотрѣли, какъ незваные гости насыщаются по милости огромнаго жалованья, взятаго изъ нашихъ же кармановъ? Нѣтъ, у меня сердце надрывается при одномъ воспоминаніи объ этомъ; притомъ всего и не передашь словами.

Дойдя до плацъ-парада, какъ разъ противъ церковной башни, еще сохранившейся, но съ растопленными колоколами, я услыхалъ изъ окна ратуши чей-то грубый голосъ:

— Heraus!

Это караульный сержантъ крикнулъ солдатамъ «вонъ», по случаю прибытія дежурнаго по карауламъ. Солдаты выскочили и выстроились во фронтъ. Было ровно полдень.

Я остановился въ унынiи передъ дверью кафе Вашеронъ. Множество бѣдняковъ безъ крова, безъ работы и безъ хлѣба ходили тутъ взадъ и впередъ, дрожа отъ холода и засунувъ по локоть руки въ карманы. Узнавъ отъ Томэ, что военный госпиталь и училище переполнены больными, я понялъ, что едва ли найдется врачъ, который согласится отправиться теперь въ Грауфталь къ умирающей бѣдной старухѣ. Тоска и сомнѣніе давили меня; я не зналъ, къ кому обратиться и что предпринять, какъ вдругъ старый нашъ пріятель Жакобъ Бауръ, первый торговецъ форелями въ долинѣ, крикнулъ сзади:

— Э, да это никакъ дядя Фредерикъ! Такъ вы еще живы?

Онъ жалъ мнѣ руку и казался такъ доволенъ встрѣчей со мной, что тронулъ меня.

— Да, живъ,—отвѣчалъ я.—по милости Божіей мы уцѣлѣли!.. Право, какъ нынче встрѣтишь кого-нибудь изъ старыхъ

знакомыхъ, такъ думаешь, что онъ изъ мертвыхъ воскресъ! Но, къ несчастью, бабушка-то у насъ плоха; въ этой сумятицѣ не знаю, можно ли найти доктора.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ доктору Симперлену, который жилъ въ первомъ этажѣ кафе Вашеронъ, говоря, что это человѣкъ ученый, преданный своему дѣлу и добрый французъ, и что онъ, вѣрно, не откажется итти со мной, несмотря на длинный путь и на множество дѣлъ въ городѣ въ такое горячее время.

Я поднялся наверхъ; докторъ Симперленъ садился за столъ и обѣщалъ пріѣхать тотчасъ послѣ обѣда.

Послѣ этого я съ болѣе спокойнымъ духомъ спустился въ общую залу кафе, чтобы въ ожиданіи доктора съѣсть кусокъ хлѣба и выпить стаканъ вина.

Зала была биткомъ набита ландверомъ: толстые буржуа въ мундирахъ, пивовары, архитекторы, фермеры, банкиры, содержатели гостиницъ—всѣ явились къ намъ въ край подъ командой прусскихъ начальниковъ.

У всѣхъ этихъ людей карманы были полны денегъ, и чтобы немного позабыть о непріятностяхъ походной жизни они уничтожали столько сосисекъ съ кислой капустой, ветчины и салата съ мозгами, сколько, бывало, наши старые служаки уничтожали водки. Одни изъ нихъ пили пиво, другіе шампанское или бургонское, смотря по достаткамъ; ѣли они обѣими руками, разѣвая ротъ до ушей, а носъ уткнувъ въ тарелку; духота стояла такая, что, не имѣя возможности по случаю дождливой погоды отворить окно, я вынужденъ былъ отъ времени до времени выходить на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Я сидѣлъ въ углу комнаты со своимъ стаканомъ вина, глядѣлъ на дымъ, поднимавшійся клубомъ къ потолку, на горничныхъ, бѣгавшихъ съ тарелками и стаканами, думалъ о больной бабушкѣ, о развалинахъ города, только что мною видѣнныхъ, и слушалъ нѣмцевъ, говорившихъ на непонятномъ для меня языкѣ; а въ это время на другомъ концѣ залы нѣсколько коренныхъ жителей Фальсбурга разсуждали объ основаніи въ ратушѣ конторы вспомоществованія, о дешевой кухнѣ для бѣдныхъ, учреждавшейся въ старыхъ кавалерійскихъ казармахъ, о вознагражденіи убытковъ, обѣщанномъ нѣмцами, на которое, впрочемъ, едва ли кто осмѣливался разсчитывать.

Время тянулось очень долго. Мнѣ, наконецъ, надоѣло слу-

шать, и я задумался о своемъ семейномъ горѣ, какъ вдругъ въ залѣ раздался громкій, дерзкій голосъ, оторвавшій меня отъ моихъ размышленій; смотрю—Туба, дорожный надзиратель изъ Бокберга, вмѣшался въ разговоръ фальсбургцевъ и, нахально стуча толстымъ кулакомъ по столу, кричитъ:

— Вамъ, городскимъ обывателямъ, хорошо толковать теперь о бѣдствіяхъ войны. Вы сидѣли за своими укрѣпленіями, и когда летали бомбы, вы прятались въ казематы! У васъ нечего было взять. Тѣ изъ васъ, у которыхъ дома сгорѣли, получатъ вознагражденіе вдвое противъ ихъ стоимости; старую, источенную червями мебель вы замѣните новой, и не одинъ только отроститъ себѣ брюхо послѣ войны и, потирая отъ удовольствія руки, скажетъ: «Меня войны сдѣлала добрымъ гражданиномъ: я заплатилъ всѣ свои долги и прослылъ еще храбрымъ воиномъ, потому что въ мой подвалъ попадали бомбы. Я принесу себя въ жертву, оставшись въ краѣ и начну задешево скупать имѣнія тѣхъ, которые уйдутъ, на деньги, полученныя мною въ вознагражденіе». Да, для такихъ людей война вещь пріятная; за крѣпкими стѣнами сидѣть безопасно... Но каково было, надо спросить, намъ, бѣднымъ крестьянамъ, которымъ пришлось кормить непріятеля, отводить ему квартиры, поставлять сѣно, солому, ячмень, овесъ, пшеницу и даже скотъ,—слышите ли, послѣднее наше достояніе!.. Вотъ хоть у меня, напримѣръ, отняли двухъ коровъ: съ кого мнѣ ихъ теперь требовать?..

Это было ужъ черезчуръ! Меня до такой степени взбѣсила наглость этого мошенника, что я не выдержалъ и крикнулъ ему съ своего мѣста:

— Ахъ, ты негодяй, хвастай больше своими страданіями и своимъ образцовымъ поведеніемъ во время нашихъ бѣдствій... Расписывай свои жертвы и прекрасный примѣръ, поданный твоими дочерьми... Разскажи этимъ господамъ, какъ ты бѣгалъ по околодку со взводомъ пѣмцевъ, которые дали тебѣ право выбрать лучшихъ коровъ у жителей долины и горы, взамѣнъ твоихъ одровъ... Ты укралъ у меня такимъ образомъ моихъ славныхъ швейцарскихъ коровъ, да еще недоволенъ. Ты смѣешь еще жаловаться и унижать этихъ честныхъ людей, исполнившихъ свой долгъ!

Припомнивъ, что этотъ мерзавецъ былъ причиной болѣзни

бабушки, я, по мѣрѣ того, какъ говорилъ, все болѣе и болѣе раздражался и, не имѣя силъ сладить съ собой, схватилъ обѣими руками палку и кинулся на него.

Къ счастью, булочникъ Фиксари, сидѣвшій рядомъ съ негодяемъ, во-время успѣлъ отпарировать мой ударъ стуломъ и крикнулъ мнѣ:

— Дядя Фредерикъ, о двухъ, что ли, вы головахъ?

Произошло страшное смятеніе; всѣ присутствующіе въ залѣ бросились насъ разнимать. А этотъ разбойникъ, спрятавшись за другихъ, сталъ мнѣ оттуда грозить кулакомъ и кричать:

— Старый чортъ! Ты мнѣ за это поплатишься... Нѣмцы не захотѣли тебя держать на службѣ... г. оберъ-ферстеръ выгналъ тебя... Ты бы и радъ былъ остаться на прежнемъ мѣстѣ, но тебя раскусили и заперли тебѣ передъ носомъ дверь. Вотъ ты и злишься... порочишь честныхъ людей; постой же, постой, ты попомнишь еще меня!..

Эта наглая ложь выводила меня изъ себя; шестерымъ человѣкамъ пришлось меня удерживать, иначе я добрался бы до него.

Кончилось бы тѣмъ, что я все бы перековеркалъ, если бы ландверъ не призвалъ на помощь военный патруль, который проходилъ мимо. Услыхавъ стукъ прикладовъ за дверью и увидавъ въ окно каски, я сѣлъ и все утихло.

Въ залу вошелъ капралъ; г-жа Вашеронъ подала ему изъ-за прилавка стаканъ вина, а онъ, видя, что шумъ прекратился, обтеръ себѣ усы, взялъ подъ козырекъ и удалился. Туба и я кидали издали другъ на друга свирѣпые взгляды и дрожали. Негодяй понималъ, что его поступокъ разнесется теперь по всему городу, и выходилъ изъ себя.

А я думалъ: «Попадись ты мнѣ только на дорогѣ, когда пойдешь въ Бигельбергъ: я раздѣлаюсь съ тобой по-своему и отомщу за нашу бѣдную бабушку».

Вѣроятно, и у него въ головѣ шевелились подобныя же мысли, потому что онъ наблюдалъ за мною исподлобья, съ своей скверной усмѣшкой на губахъ. Въ эту минуту на порогѣ залы показался докторъ Симперлепъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, что пора итти.

Я тотчасъ же расплатился за выпитое мною вино, и мы пустились въ Грауфталь.

Ты знаешь, Жоржъ, какъ дурная погода усиливаетъ

нашу грусть. Сверху сыпалась крупа; докторъ Симперленъ и я, мы долго шли молча другъ за другомъ, всячески стараясь обходить лужи, гдѣ можно было завязнуть по колѣна.

Когда мы прошли Бигельбергъ и вступили на болѣе крѣпкую лѣсную почву, я началъ разсказывать доктору о предложеніяхъ, сдѣланныхъ намъ оберъ-ферстеромъ, и объ отказѣ всѣхъ нашихъ полѣсовщиковъ, за исключеніемъ Жакоба Гешна; о нашемъ переселеніи изъ лѣсническаго домика въ трактиръ Икеля, что у подошвы скалъ, въ три холодныя каморки, гдѣ бабушка не переставала кашлять въ теченіе шести недѣль.

Онъ выслушалъ меня, понуривъ голову и, наконецъ, замѣтилъ, что какъ бы тяжело ни было разставаться съ своимъ домомъ, съ своимъ полемъ, лугомъ, деревьями, собственноручно посаженными, однако, не слѣдуетъ отступать передъ долгомъ; что онъ самъ собирается также уѣхать съ женой и дѣтьми, бросить практику, дававшую ему средства къ существованію въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пожертвуетъ всѣмъ, лишь бы только не быть вынужденнымъ служить нѣмцамъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы добрались въ третьемъ часу до нашего грауфтальскаго трактира и стали подниматься по узкой лѣстницѣ. Марія-Роза, услыхавъ наши шаги, отворила дверь и поспѣшила подать стулъ доктору.

Онъ внимательно осмотрѣлъ почернѣвшія балки потолка, крошечныя окна, небольшую печку и сказалъ:

— Да, тутъ очень тѣсно и темно для людей, привыкшихъ къ простору.

Онъ припомнилъ нашъ хорошенькій домикъ въ долинѣ, съ свѣтлыми окнами и бѣлыми стѣнами. Ахъ! Времена очень измѣнились! Отдохнувъ минуты двѣ, г. Симперленъ сказалъ:

— Ну, пойдемъ, взглянемъ на больную.

Мы всѣ вмѣстѣ вошли въ маленькую сосѣднюю комнату. Уже стемнѣло, пришлось засвѣтить лампу; докторъ нагнулся къ постели, посмотрѣлъ на больную старушку и сказалъ ей:

— Бабушка Анна, я проходилъ черезъ Грауфталь, и дядя Фредерикъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я зашелъ сюда; онъ говоритъ, что вы не совсѣмъ хорошо себя чувствуете.

Бабушка вдругъ проснулась, узнала его и отвѣтила:

— А, это вы, г. Симперленъ... Да, да... я страдала и страдаю до сихъ поръ... Дай Богъ, чтобы все скорѣе кончилось!

Она до того была желта, сморщена, худа, что, глядя на нее, думалось:

«Господи, и какъ это можетъ еще держаться наше бренное тѣло въ такомъ положеніи!»

Ея волосы, бывшіе до этого съ просѣдью, а теперь бѣлые, какъ ленъ, ввалившіяся щеки, сверкающіе впалые глаза, лобъ, изборожденный морщинами,—все это дѣлало ее почти неузнаваемой.

Докторъ началъ ее спрашивать; она очень хорошо отвѣчала на всѣ вопросы. Тогда онъ приложилъ ухо сначала къ ея груди, а потомъ къ спинѣ.

— Ну, бабушка, будьте покойны,—произнесъ докторъ съ улыбкой,—болѣзнь ваша совсѣмъ не опасна... Хе-хе-хе! Ваша простуда пройдетъ вмѣстѣ съ зимой; вамъ только нужно держать себя въ теплѣ да не хандрить. Богъ дастъ, вы опять вернетесь въ вашъ домикъ; обстоятельства, вѣрно, скоро перемѣнятся.

— Да, конечно, — отвѣтила старушка, глядя на насъ. —Я тоже надѣюсь, что дѣла поправятся, но года-то мои ужъ преклонные.

— Э, полноте, вы такъ хорошо сохранились, что не похожи на дряхлую старуху. Причина вашей болѣзни—сквозной вѣтеръ. Надо избѣгать сквозного вѣтра, мамзель Марія-Роза. Не падайте духомъ, бабушка.

Слова доктора, видимо, ободрили больную.

Когда мы вышли изъ комнаты, я спросилъ у г. Симперлена, какъ онъ находитъ старушку.

— Можно говорить откровенно при мамзель Маріѣ-Розѣ?— сказалъ онъ.

— Конечно, можно, — отвѣчалъ я; — дочь моя ходитъ за больной, такъ ей непремѣнно надо знать все. Если болѣзнь опасна, и мы должны будемъ потерять послѣднее дорогое для насъ существо, то лучше заранѣе объ этомъ узнать, чѣмъ испытать такое несчастіе неожиданно.

— Такъ я вамъ долженъ сказать, что старушка больна не столько отъ глубокой старости, сколько отъ огорченій, которыя подтачиваютъ ее. У нея есть какое-то горе на сердцѣ, и вотъ причина ея нервнаго кашля. Старайтесь ничѣмъ не тревожить ее, скрывайте отъ нея ваши непріятности... Будьте при ней ве-

селы. Говорите, что у васъ впереди много надеждъ... Улыбайтесь, когда она на васъ смотритъ... Если она начнетъ безпокоиться, увѣряйте ее, что ничего нѣтъ дурного... Не впускайте къ ней постороннихъ, чтобы тѣ не сообщили ей какихъ-нибудь печальныхъ извѣстій. Другихъ лекарствъ я не могу назначить.

Пока докторъ говорилъ, Марія-Роза, вѣрно отъ испуга, стала покашливать въ руку. Онъ вдругъ замолчалъ и, посмотрѣвъ на нее, спросилъ:

— А вы давно такъ кашляете, мадемуазель Роза?

— Нѣтъ, недавно,—отвѣчала она, вся покраснѣвъ.

Тогда онъ взялъ ее за руку, пощупалъ пульсъ и сказалъ:

— Вамъ нужно беречь свое здоровье, нужно лечиться; эта квартира вредна. Не бываетъ ли у васъ лихорадки по вечерамъ?

— Нѣтъ, докторъ.

— Тѣмъ лучше, но все-таки вамъ слѣдуетъ побольше обращать вниманія на себя и стараться отгонять черныя мысли.

Съ этими словами онъ взялъ свою шляпу съ моей кровати и палку изъ угла комнаты. Спускаясь съ лѣстницы онъ сказалъ мнѣ:

— Приходите завтра въ городъ и возьмите у аптекаря Ресба маленькую бутылочку съ каплями; давайте ихъ бабушкѣ по три, утромъ и вечеромъ, въ стаканѣ воды; это поможетъ ей противъ удушья; а дочку также берегите; она у васъ сильно измѣнилась; шесть мѣсяцевъ тому назадъ Марія-Роза была свѣжа и здорова, а теперь на нее страшно смотрѣть. Берегите ее!

— Господи!—мысленно говорилъ я себѣ въ отчаяньи.—Да какъ же ее уберечь?.. Если бы я могъ ей отдать мою жизнь, тогда дѣло другое; но какъ сбережешь человѣка, котораго подтачиваютъ страхъ, тоска и горе?..

Думая это, я готовъ былъ расплакаться, какъ дитя: г. Симперленъ замѣтилъ мое волненіе и, пожавъ мнѣ руку, произнесъ растроганнымъ тономъ:

— Дядя Фредерикъ, вѣдь и мы съ вами больны, страшно больны. Сердце у насъ разрывается, каждая мысль убиваетъ насъ; но мы—мужчины, мы должны быть тверды духомъ ради нашихъ близкихъ.

Я хотѣлъ было проводить доктора, по крайней мѣрѣ, до конца долины, потому что наступала уже ночь, но онъ воспротивился этому, говоря:

— Я знаю дорогу. Вернитесь, дядя Фредерикъ, и старайтесь казаться спокойнымъ въ присутствіи вашей тещи и дочери. Это необходимо.

Онъ ушелъ, а я поднялся къ себѣ.

Прошло два или три дня.

XIV.

Я сходилъ въ городъ къ аптекарю Реебу за лекарствомъ, прописаннымъ г. Симперленомъ; бабушка успокоилась, кашляла меньше; мы говорили ей только и мирѣ, о томъ, что Жанъ Мерленъ скоро вернется, и старушка наша начала понемногу поправляться; но вдругъ однажды утромъ два прусскихъ жандарма завернули въ трактиръ; такъ какъ этотъ народъ обыкновенно проходилъ мимо, не останавливаясь, то я нѣсколько удивился. Вслѣдъ затѣмъ дочь Икеля поднялась наверхъ и сказала, что меня спрашиваютъ.

Когда я сошелъ внизъ, то увидѣлъ посреди залы двухъ рослыхъ дѣтинъ въ ботфортахъ; ихъ каски почти касались потолка. Они спросили: не Фредерикомъ ли меня зовутъ и не служилъ ли я прежде капраломъ лѣсной стражи въ Томенталѣ? Я отвѣчалъ, что да; тогда одинъ изъ нихъ снялъ съ руки толстую перчатку, порылся въ своей дорожной сумкѣ и подалъ мнѣ письмо, которое я немедленно прочелъ.

Это былъ приказъ фальсбургскаго коменданта, чтобы я въ 24 часа оставилъ край!

Ты понимаешь, Жоржъ, какое впечатлѣніе произвела на меня эта бумага! Я поблѣднѣлъ и спросилъ, чѣмъ я могъ навлечь на себя такую страшную кару?

— Это до насъ не касается,—отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ жандармовъ.—Постарайтесь исполнить приказаніе, иначе примутъ другія мѣры.

Затѣмъ они опять сѣли на лошадей, а дядя Икель, оставшись наединѣ со мною и видя, до чего я пораженъ, самъ совершенно растерялся и воскликнулъ:

— Скажите, Бога ради, Фредерикъ, что вы такое сдѣлали? Вѣдь вы не какое-нибудь значительное лицо: я полагалъ, что о вашемъ существованіи въ нашей убогой деревушкѣ давнымъ-давно позабыли.

Я молчалъ; я былъ не въ состояніи ничего сообразить; я думалъ только объ отчаяніи моей несчастной старухи тещи и дочери, когда онѣ узнаютъ объ этомъ новомъ горѣ.

Впрочемъ, немного погодя я припомнилъ мои неосторожныя выраженія въ кафе Вашеронъ въ день моей ссоры съ Туба; дядя Икель, какъ только услышалъ это, сейчасъ же рѣшилъ, что Туба сдѣлалъ на меня доносъ, что мнѣ остается одно средство—бѣжать къ коменданту и умолять его дать небольшую отсрочку, во вниманіе къ опасной болѣзни старухи-тещи, которой за восемьдесятъ лѣтъ, и которая непремѣнно умретъ дорогой. Пославъ немедленно за школьнымъ учителемъ, Икель, какъ мэръ общины, далъ мнѣ форменный аттестатъ, гдѣ описалъ мои добрыя качества, мою хорошую репутацію, несчастное положеніе моей семьи,—словомъ, аттестовалъ меня какъ нельзя лучше; особенно онъ совѣтовалъ мнѣ зайти къ г. Симперлену за свидѣтельствомъ о болѣзни бабушки, надѣясь, что такого рода бумага, приложенная къ его аттестату, тронетъ коменданта, и тотъ согласится подождать, пока старуха будетъ въ состояніи перенести дорогу.

Въ смущеніи, не видя другого исхода, я сейчасъ же пустился въ дорогу.

Ни Марія-Роза, ни бабушка ничего не знали; у меня не достало бы духу сообщить имъ о новомъ ударѣ, насъ постигшемъ. Я могъ бы одинъ уйти подальше отъ нѣмцевъ, но разстаться съ моими... О! Я не смѣлъ даже и подумать объ этомъ!.

Около полудня я добрался до Фальсбурга въ невыразимо тревожномъ состояніи духа; всѣ перенесенныя нами до сихъ поръ бѣдствія пронеслись передъ моими глазами.

Я увидѣлся съ докторомъ; онъ далъ мнѣ свидѣтельство, которымъ удостовѣрялъ, что больная старуха до такой степени слаба и истощена, что не перенесетъ двухчасового пути.

— Вотъ сущая истина, — сказалъ онъ, подавая мнѣ бумагу.—Я могъ бы присовокупить, что вашъ отъѣздъ убьетъ ее, но коменданту до того дѣла нѣтъ, и если его не тронетъ то, что здѣсь написано, то, значитъ, все прочее будетъ совершенно безполезно.

Я отправился въ комендантскую, которая помѣщалась въ прежнемъ казенномъ домѣ, въ улицѣ Коллежъ. Тяжелѣе всего для меня было униженіе передъ людьми, которыхъ я ненавидѣлъ; я, старый французскій лѣсничій, старый слуга французскаго государства, съ сѣдиной въ головѣ, принужденъ вымали-

тать милость у жестокаго врага, гордаго своими побѣдами!.. Но ради бабушки, ради вдовы покойнаго Брюа я могъ все перенести!..

Длинный ординарецъ въ мундирѣ, съ рыжими усищами, заставилъ меня предолго ждать въ сѣняхъ: въ комендантской завтракали, и только въ первомъ часу мнѣ велѣли подняться наверхъ. Наверху меня остановилъ другой ординарецъ: наконецъ, получивъ разрѣшеніе войти въ довольно большую комнату, окнами въ арсенальный садъ, я стукнулъ въ дверь кабинета коменданта; тотъ крикнулъ, чтобы я вошелъ. Я увидѣлъ передъ собой здороваго мужчину съ краснымъ лицомъ, который ходилъ по комнатѣ въ дурномъ расположеніи духа, отдуваясь и напяливая на себя мундиръ. Я передалъ ему почтительнымъ тономъ свое положеніе и вручилъ оба свидѣтельства; онъ бросилъ ихъ на столъ, не взявъ на себя даже труда прочесть.

— Все это ни къ чему не поведетъ,—сказалъ онъ грубо.— На васъ указываютъ, какъ на человѣка опаснаго, какъ на заклятаго врага нѣмцевъ. Вы отговорили вашихъ подчиненныхъ поступить къ намъ на службу; вашъ зять отправился въ шайки вольныхъ стрѣлковъ. Вы хвастали въ одномъ трактирѣ, что не приняли предложеній цорнштадтскаго оберъ-ферстера; четвертой доли всего этого достаточно, чтобы заслужить изгнаніе.

Я заговорилъ о болѣзненномъ состояніи бабушки.

— Такъ что-жъ? Оставьте ее въ постели.—отвѣтилъ онъ.— Приказъ Kreissdirector'а касается только васъ.

Затѣмъ, не слушая меня болѣе, онъ ушелъ въ слѣдующую комнату, позвалъ лакея и захлопнулъ за собой дверь.

Я спустился внизъ совершенно разстроенный; послѣдняя надежда лопнула: мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ исполнить приказъ и объявить объ этомъ несчастіи дочери и бабушкѣ! Я заранѣе зналъ, какія будутъ послѣдствія. Опустивъ голову, ничего не видя, я вышелъ изъ воротъ крѣпости и перешелъ мостъ. Идя гласисомъ и Бигельбергомъ, а также въ продолженіе всего пути лѣсами и долинами, я находился въ какомъ-то безумномъ отчаяніи, говорилъ самъ съ собой, даже кричалъ...

— Проклятіе нало на насъ!.. Нѣтъ болѣе состраданія, стыда, угрызеній совѣсти!.. Осталась одна сила. Насъ могутъ теперь всѣхъ уничтожить! Развѣ они думаютъ о томъ, что ихъ жесто-

кое распоряженіе можетъ стоить жизни? Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе предложенія сыну покинуть мать на смертномъ одрѣ!..

Я шелъ, спотыкаясь. Мнѣ казалось, что лѣса, лощины, скалы полны старинныхъ разбойниковъ, тѣхъ Пандуровъ, о которыхъ я слышалъ въ дѣтствѣ; мнѣ казалось, что я слышу, какъ они поютъ вокругъ костровъ, дѣля между собою награбленную добычу; я припомнилъ всѣ ужасы, происходившіе передъ началомъ первой революціи.

Видъ граафтальскихъ домовъ заставилъ меня очнуться; я вздрогнулъ при мысли, что настала минута, когда я долженъ объявить моей дочери и бабушкѣ о моемъ изгнаніи изъ страны. Это было все равно, что самому произнести смертный приговоръ надъ существами, которыхъ я любилъ больше всего на свѣтѣ. Я укоротилъ шагъ, боясь притти слишкомъ скоро; но миновавъ первые дома, я вдругъ замѣтилъ, что Марія-Роза стоитъ въ темномъ коридорѣ трактира. Лишь только я взглянулъ на нее, какъ догадался, что ей все извѣстно.

— Ну, что, отецъ?—тихо спросила она съ порога.

— Да что,—отвѣтилъ я, стараясь казаться спокойнымъ:— мнѣ надо будетъ уйти... Но вы, вы можете остаться... вамъ позволено остаться...

Въ это время я услышалъ, какъ наверху застонала бабушка. Оказалось, что утромъ, передъ самымъ моимъ уходомъ изъ дому, Катль прибѣжала наверхъ и все разсказала моей дочери, а старуха услыхала.

Новость эта уже успѣла облетѣть всю деревню; около насъ собрались любопытные: тогда я, видя, что дѣло сдѣлано, разсказалъ громогласно, какъ меня принялъ прусскій комендантъ.

Толпа сосѣдей и сосѣдокъ внимательно слушали, окруживъ меня, но никто не произнесъ ни слова: всѣ боялись подвергнуться такой же участи.

Узнавъ мой голосъ, бабушка позвала меня:

— Фредерикъ!.. Фредерикъ!..

Меня въ потъ бросило при этомъ; однако, я побѣжалъ наверхъ, крича:

— Иду, бабушка, иду!.. Боже мой! Зачѣмъ такъ горевать? Вѣдь это только на время... Я возвращусь!.. Мнѣ не довѣряютъ...

конечно, несправедливо, но что-жъ дѣлать, бабушка: сила на ихъ сторонѣ!

— Ахъ,—воскликнула она:—вы уходите, Фредерикъ, бѣдный Жанъ также ушелъ... Я знала, что онъ отправился драться... И все знала... Я не увижу болѣе ни васъ, ни его...

— Отчего, бабушка, отчего? Черезъ нѣсколько недѣль я получу разрѣшеніе вернуться... Жанъ также вернется по окончаніи войны...

— Я не увижу васъ!—кричала она.

Ея рыданія все усиливались.

Нѣсколько человѣкъ любопытныхъ, даже жестокихъ въ своемъ любопытствѣ, поднялись одинъ за другимъ наверхъ и набились биткомъ въ трехъ нашихъ маленькихъ комнаткахъ; они сняли свои деревянные башмаки внизу лѣстницы и стояли, едва переводя духъ, изъ желанія все видѣть и все слышать; но когда увидѣли за большими сѣрыми занавѣсками бѣдную больную старуху, которая, рыдая, протягивала ко мнѣ руки,—всѣ попятились назадъ и убѣжали къ себѣ. Остались только длинный Штаркъ, дядя Икель и его дочь Катль.

— Бабушка Анна,—говорилъ Икель,—не мучьте себя горькими мыслями; Фредерикъ правъ... нужно быть благоразумнѣе... Какъ только заключатъ миръ, все придетъ въ прежній порядокъ. Вы дожили до восьмидесяти лѣтъ, а мнѣ скоро будетъ семьдесятъ... Что-жъ изъ этого? Я еще не теряю надежды опять увидѣться съ Жаномъ, дядей Фредерикомъ и со всѣми, кто ушелъ отъ насъ...

— Ахъ,—отвѣчала она:—я слишкомъ много страдала,—теперь все кончено!..

До самаго вечера она не переставала стонать.

Всегда мужественная Марія-Роза отпирала ящики и укладывала мои вещи, потому что нельзя было терять времени, завтра слѣдовало уходить. Она вытащила мое платье, мои лучшія рубашки, положила ихъ на столъ и спрашивала меня вполголоса, пока бабушка продолжала плакать:

— Ты это возьмешь, отецъ? А это?

— Дѣлай, какъ знаешь, дитя мое,—отвѣчалъ я ей.—У меня теперь голова не на мѣстѣ. Уложи только мой мундиръ, это главное.

Икель, зная, что времени терять нельзя, сказалъ, чтобы мы

не заботились объ ужинѣ и отужинали бы съ ними. Мы согласились.

Въ этотъ вечеръ, Жоржъ, мы поужинали почти молча. Наверху, при бабушкѣ, осталась Катль. Когда всѣ мои пожитки были уложены, мы легли спать пораньше.

Ты повѣришь, что я не сомкнулъ глазъ. Жалобы бабушки, затѣмъ собственныя размышленія, неизвѣстность, куда я дѣнусь, недостаточное количество денегъ, которыя я бралъ съ собой, оставляя все прочее на содержаніе семьи,—все это не давало мнѣ заснуть, несмотря на утомленіе. Передумывая сотни разъ въ теченіе этой длинной ночи, куда итти, что дѣлать, въ какую сторону направиться, къ кому обратиться, чтобы заработать свой хлѣбъ, я вспомнилъ о моемъ прежнемъ главномъ надсмотрщикѣ, г. д'Арансѣ, — отличномъ человѣкѣ, любившемъ меня всегда и даже оказывавшемъ мнѣ покровительство въ то время, когда я, много лѣтъ тому назадъ, находился подъ его начальствомъ; тогда я былъ простымъ полѣсовщикомъ. Я припомнилъ также, что говорили, будто онъ удалился въ Сенъ-Діэ; я надѣялся, что если, по счастію, застану его въ живыхъ, то онъ приметъ меня хорошо и поможетъ мнѣ. Эта мысль пришла мнѣ въ голову ужъ передъ утромъ: я нашелъ, что она хороша, и уснулъ послѣ того часа два.

Но на разсвѣтѣ я уже былъ на ногахъ. Приближалась страшная минута: бабушка услышала, что я всталъ съ постели, и позвала меня.

Марія-Роза также проснулась и приготовила завтракъ, а Икель принесъ бутылку вина.

Одѣвшись, я вошелъ въ комнату бабушки; я старался придать себѣ твердости, хотя зналъ, что не увижусь болѣе съ нею.

Она казалась спокойнѣе, позвала меня къ себѣ, обняла обѣими руками за шею и сказала:

— Сынъ мой... да, ты былъ всегда сыномъ для меня... добрымъ сыномъ... Благословляю себя, сынъ мой Фредерикъ! Желаю тебѣ счастія, котораго ты вполнѣ заслуживаешь! Но, увы! желанія, также какъ и благословенія бѣдняковъ, не всегда приносятъ пользу!.. Иначе ты бы не испытывалъ столько горестей, Фредерикъ!..

Она плакала, и я не могъ удержать своихъ слезъ. Марія-Роза тихонько рыдала, стоя у постели.

Бабушка не выпускала меня: я ей сказалъ:

— Послушайте, бабушка: ваше благословеніе и ваши ласковыя слова доставляютъ мнѣ такое же удовольствіе, какъ если бы вы одарили меня всѣми богатствами міра. Я утѣшаю себя надеждой, что мы скоро увидимся.

— Можетъ быть, мы увидимся въ другомъ мѣстѣ,—отвѣчала она,—но здѣсь, на землѣ, я прощаюсь съ тобою навсегда... Прощай, Фредерикъ... прощай!..

Она прижимала меня къ себѣ и цѣловала дрожащими губами; потомъ, освободивъ меня изъ своихъ объятій, она отвернула голову и, продолжая держать меня за руку, тихо повторяла:

— Прощай!

Я вышелъ отъ нея; силы начали измѣнять мнѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ я выпилъ стаканъ вина и положилъ въ карманъ корку хлѣба. Марія-Роза была тутъ же: я далъ ей знакъ тихонько спуститься за мной внизъ, чтобы до бабушки не донеслись наши рыданія въ минуту разлуки.

Итакъ, мы молча сошли въ нижнюю залу, гдѣ насъ ожидали дядя Икель съ прочими друзьями: Штаркомъ, который помогалъ мнѣ при выѣздѣ изъ лѣсническаго дома, съ Гюло и другими хорошими людьми.

Мы простились; въ коридорѣ я обнялъ Марію-Розу и пожелалъ ей въ глубинѣ души моей всего того, что только можно пожелать дочери, которую любишь болѣе своей жизни и уважаешь за добродѣтель, доброту, мужество. Вслѣдъ за тѣмъ, подхвативъ на палку свой узелъ, я удалился и ни разу не обернулся назадъ.

XV.

Длинна, Жоржъ, дорога изгнанія и трудны первые шаги по ней. Тотъ, кто сказалъ, что отечества не унесешь съ собой на подошвахъ сапогъ, зналъ хорошо, что такое человѣческія страданія.

А когда оставляешь за собой свое дитя и будто слышишь, какъ вдогонку тебѣ раздается бабушкинъ крикъ: «прощай!» когда подымешься на вершину горы, которая защищала тебя отъ вѣтровъ и закрывала своею тѣнью, и на послѣднемъ поворотѣ тропинки передъ спускомъ обернешься назадъ, взглянешь на

свою долину, свой домикъ, свой виноградникъ и подумаешь: Больше ты не увидишь ихъ!»—тогда, Жоржъ, невольно представится, что ноги твои приросли къ землѣ, что деревья протягиваютъ къ тебѣ свои объятія, что издали доносится до тебя дѣтскій плачъ, что бабушка именемъ Бога зоветъ тебя назадъ!

Да, все это я перечувствовалъ на вершинѣ горы Берлинтенъ, — до сихъ поръ не могу вспомнить о томъ безъ содроганія.

И какъ подумаешь, что люди подвергаютъ страданіямъ себѣ подобныхъ!.. Да проститъ имъ Творецъ Всемогущій въ день судъ, который рано или поздно наступитъ для всѣхъ!..

Наконецъ, я сдѣлалъ усиліе надъ собой и пошелъ далѣе.

По мѣрѣ того, какъ я подвигался, отъ меня медленно уходилъ назадъ дорогой моему сердцу край, съ его еловыми лѣсами и пильными заводами. О, какъ я страдалъ и сколько отдаленныхъ воспоминаній прошлаго воскресало въ моемъ умѣ!..

Погруженный въ мои мечты, полный отчаянія, я приближался къ Шенбургу, какъ вдругъ, при спускѣ со второго откоса горы, навстрѣчу мнѣ, шагахъ въ пятидесяти, вышелъ изъ лѣсу человѣкъ съ ружьемъ на перевязи. Его появленіе вывело меня изъ грустныхъ размышленій и я поднялъ голову. То былъ старый капралъ Гешъ, котораго нѣмцы переманили къ себѣ и который одинъ изъ всѣхъ насъ поступилъ къ нимъ на службу.

— Э,—произнесъ онъ съ удивленіемъ.— Да никакъ это вы, дядя Фредерикъ?

— Да,—отвѣчалъ я,—это я.

— Куда же это вы идете въ такую раннюю пору, съ узломъ за спинѣ?

— Иду, куда глаза глядятъ... Меня выгнали нѣмцы... пойдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ поискать работы.

Онъ поблѣднѣлъ. Я на минуту остановился, чтобы перевести духъ.

— Какъ,— сказалъ онъ:— васъ выгнали? Въ ваши годы? Выгнали стараго лѣсничаго, хорошаго начальника, честнаго человѣка, несдѣлавшаго никому зла?

— Да! Меня не хотѣли оставить въ этихъ мѣсахъ, дали двадцать четыре часа сроку, вотъ я и ушелъ...

— Ну, а Марія-Роза, а бабушка?

— Онѣ въ Грауфталѣ, у Икеля. Бабушка при смерти... ей тамъ похоронятъ безъ меня...

Геннъ опустилъ голову и глаза и пробормоталъ:

— Какое несчастіе!.. Какое несчастіе!..

Я вытеръ потъ съ лица и ничего не отвѣтилъ. Черезъ минуту онъ опять заговорилъ, кашлянулъ слегка и не смотря на меня:

— Ахъ, если бы у меня не было никого, кромѣ жены! Но вѣдь шестеро дѣтей... я имъ отецъ... не могъ же я допустить, чтобы они умерли съ голоду!.. Вы кой-что скопили, а у меня не оставалось и сантима...

Тогда, видя, что этотъ человѣкъ, занимающій мѣсто капрала нѣмецкой лѣсной стражи, какъ-будто извиняется передо мной, несчастнымъ изгнанникомъ, я не нашелся, что ему отвѣтить, и проговорилъ только:

— Боже мой!.. Что жъ дѣлать? У каждаго свое бремя... Однако, до свиданія.

Ему хотѣлось пожать мнѣ руку, но я отвернулся и ушелъ, думая про себя:

«Этотъ еще несчастнѣе тебя, Фредерикъ: горе его безмѣрно: онъ продалъ свою совѣсть непріятелю за кусокъ черстваго хлѣба. Ты, по крайней мѣрѣ, можешь смѣло взглянуть въ глаза всему свѣту; ты можешь, несмотря на свою бѣдность, сказать: я честно исполнилъ свой долгъ!—а онъ не смѣетъ даже посмотрѣть на своего стараго товарища, краснѣетъ, опускаетъ голову!..»

Поразмысливъ объ этомъ, я нѣсколько ободрился и нашелъ, что поступилъ, какъ повелѣвала мнѣ совѣсть. Это немного утѣшило меня. Что дѣлать? Человѣкъ всегда остается доволенъ, даже и въ томъ случаѣ, если изъ двухъ золъ выберетъ меньшее.

Вскорѣ эти мысли изгладились изъ моей головы и ихъ мѣсто заняли другія.

Надо тебѣ сказать, что во всѣхъ деревняхъ и во всѣхъ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ, чрезъ которыя я проходилъ, жители принимали меня хорошо; они знали, что я изгнанъ за любовь къ Франціи: женщины, стоя у порога своихъ домовъ съ дѣтьми на рукахъ, говорили мнѣ съ чувствомъ:

— Да сохранитъ васъ Господь!..

Въ маленькихъ трактирахъ Лютцельбурга, Дабо, Вина, гдѣ я остановился на пути, чтобы отдохнуть, съ меня ничего не хотѣли брать за угощенье. Стоило мнѣ только сказать: «Я ста-

рый лѣсной капралъ: нѣмцы выгнали меня за то, что я отказался поступить къ нимъ на службу».—всѣ оказывали мнѣ уваженіе.

Натурально, я не принималъ отъ нихъ ничего даромъ и платилъ за все, потому что въ эти времена тяжелыхъ реквизацій ни у кого не было избытка.

Все населеніе этого края принадлежало къ числу самыхъ горячихъ французскихъ патріотовъ, и чѣмъ болѣе я подвигался къ сторонѣ Верхнихъ Вогезовъ, тѣмъ чаще говорили о Гарибальди, Гамбетѣ, Шанзи и Федербѣ.

Въ Ширмекѣ, куда я пришелъ въ тотъ же день, въ восемь часовъ вечера, войдя въ трактиръ «Фельдебель», я увидѣлъ тамъ сборщика и комиссара, которые пили и курили, окруженные своими подчиненными, сидѣвшими, также какъ и они, за столомъ.

Всѣ они обернулись и посмотрѣли на меня испытующими глазами, когда я попросилъ ночлега на одну ночь.

Комиссаръ потребовалъ мои бумаги, прочелъ ихъ очень внимательно, осмотрѣлъ подписи и штемпеля и затѣмъ сказалъ:

— Все въ порядкѣ, но завтра чуть свѣтъ вы должны уйти.

Тогда трактирщикъ осмѣлился накормить и напоить меня, а такъ какъ весь трактиръ былъ занятъ нѣмецкими чиновниками, то меня провели въ гумно, гдѣ я и заснулъ на соломѣ. На дворѣ морозило; но рядомъ съ гумномъ находился хлѣвъ, поэтому мнѣ было тепло, да и усталость взяла свое, такъ что я спалъ хорошо. Сонъ—утѣшеніе несчастныхъ, Жоржъ; раздумывая о милосердіи Божіемъ, я тебѣ скажу, что Онъ ежедневно призываетъ насъ на нѣсколько часовъ къ Себѣ, чтобы дать намъ возможность позабыть наши горести.

На слѣдующій день уныніе смѣнилось во мнѣ чѣмъ-то въ родѣ спокойствія: я отправился въ путь бодрѣе прежняго и пошелъ по направленію къ Ротау черезъ равнину. Я вспомнилъ о Жанѣ Мерленѣ. Можетъ быть, и онъ слѣдовалъ по этой же дорогѣ, какъ самой краткой? Какое было бы счастіе, если бы мнѣ удалось узнать что-нибудь о немъ на этомъ пути и увѣдомить Марію-Розу и бабушку! Но нечего было и разсчитывать на это: въ послѣдніе три мѣсяца столько разнаго народу—и французовъ, и нѣмцевъ—прошло между Ротау и Провеншеромъ! Гдѣ тутъ запомнить, проходилъ ли тотъ или другой человѣкъ!

И, однако жъ, я разсчитывалъ на это. Подвигаясь впередъ

скорымъ шагомъ, я любовался на прекрасные лѣса этой гористой мѣстности, на громадныя ели, окаймлявшія дорогу и напоминавшія мнѣ ели Фальсберга, близъ Саверна; я не могъ равнодушно видѣть ихъ: онѣ представлялись мнѣ добрыми товарищами, которые, прежде чѣмъ сказать послѣднее прости, провожаютъ еще нѣсколько часовъ.

Движеніе, рѣзкій горный воздухъ, радушный пріемъ со стороны добрыхъ людей, надежда отыскать главнаго надсмотрщика д'Аранса и особенно твердое намѣреніе не падать духомъ и помнить, что мое бѣдное дитя и старуха-бабушка нуждаются во мнѣ,—все это оживляло меня, и я твердилъ себѣ на каждомъ шагу:

— Не робѣй, Фредерикъ!.. Не всѣ французы перемерли... можетъ быть, и для насъ наступятъ красные дни... Кто отчаяется, тотъ все теряетъ; маленькія птички, которыхъ зима выгоняетъ изъ гнѣздъ и которыя улетаютъ вдаль для добыванія себѣ въ пищу зеренъ и насѣкомыхъ, также страдаютъ; но съ весной онѣ возвращаются домой!.. Пусть онѣ служатъ тебѣ примѣромъ... Еще немного—и ты подымешься на площадку, а отъ Провеншера дорога все пойдетъ внизъ.

Такимъ образомъ, карабкаясь, цѣпляясь и ободряя себя, въ серединѣ дня, измученный, я добрался до Провеншера и остановился тутъ отдохнуть.

Я выпилъ добрый стаканъ вина въ трактирѣ «Двухъ-Ключей», гдѣ узналъ, что г. д'Арансъ попрежнему инспекторомъ водъ и лѣсовъ въ Сенъ-Діэ и что онъ командовалъ національной гвардіей во время послѣднихъ событій.

Это извѣстіе очень меня обрадовало: я ушелъ отсюда полный надеждъ, къ вечеру достигъ Сенъ-Маргериты, въ глубинѣ долины, и затѣмъ все прямо слѣдовалъ, вплоть до города, по національной дорогѣ, куда прибылъ до такой степени измученный, что едва держался на ногахъ.

Я остановился у перваго маленькаго трактира въ улицѣ предмѣстья Сенъ-Мартенъ; мнѣ посчастливилось найти тамъ постель, на которой я выспался еще лучше, чѣмъ въ пирмеской ригѣ.

Прусская труба разбудила меня на зарѣ: городъ былъ занятъ какимъ-то полкомъ; полковникъ квартировалъ въ домѣ епископа, прочіе офицеры и солдаты размѣстились у мѣстныхъ

обывателей; въ Сенъ-Діэ, какъ и вездѣ, реквизиціи сѣна, соломы, говядины, муки, водки, табаку и проч. шли своимъ порядкомъ.

Я вытащилъ изъ дорожной сумки чистую рубашку и натянулъ на себя мундиръ, вспомнивъ, что г. д'Арансъ всегда обращалъ большое вниманіе на наружную выправку своихъ подчиненныхъ. Характеръ не измѣняется, человѣкъ въ 50 лѣтъ остается такимъ же, какимъ былъ въ 20. Затѣмъ я спустился внизъ, въ общую залу, и справился объ адресѣ г. инспектора лѣсовъ.

Добрая старушка, тетка Ори, содержавшая это заведеніе, сказала мнѣ, что онъ живетъ на углу, у большого моста налѣво, если идти на станцію желѣзной дороги. Я немедленно туда отправился.

Погода стояла ясная и холодная; большая улица, ведущая отъ станціи къ собору, равно какъ горы, окружающія долину, были сплошь покрыты снѣгомъ. Вдали, передъ ратушей, нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ въ длинныхъ пальто сѣраго цвѣта и въ фуражкахъ тащили возъ съ припасами; три служанки черпали воду у красиваго фонтана Мерты. Вообще же на улицахъ было пусто, такъ какъ обыватели сидѣли взаперти по домамъ.

Передъ дверью дома г. инспектора я остановился минуты на двѣ въ раздумьи, и лишь только хотѣлъ подняться наверхъ, какъ увидалъ, что навстрѣчу мнѣ по лѣстницѣ спускается высокій, красивый мужчина въ гусарскихъ панталонахъ, затянутый въ сюртукъ, вродѣ венгерки, со шнурами и въ зеленой фуражкѣ съ серебрянымъ галуномъ, надѣтой немного на бекрень.

Это былъ г. д'Арансъ, попрежнему прямой, какъ струна, съ откинутыми назадъ плечами, съ каштановой бородой и свѣжимъ цвѣтомъ лица, какъ въ тридцать лѣтъ. Я его тотчасъ же узналъ. Не будь у него просѣди въ волосахъ, въ немъ не нашлось бы никакой перемѣны; но онъ меня не вдругъ узналъ и только послѣ того, какъ я напомнилъ ему о его бывшемъ подчиненномъ—полѣсовщикѣ Фредерикѣ, онъ воскликнулъ:

— Какъ, это вы, Фредерикъ! Ну, признаться сказать, не помолодѣли же мы съ вами!

Да, я дѣйствительно былъ уже не молодъ, а послѣдніе мѣсяцы еще болѣе состарили меня, что мнѣ самому было очень хорошо извѣстно.

Но дѣло въ томъ, что онъ обрадовался, увидавъ меня.

— Пойдемте наверхъ,—сказалъ онъ,—потолкуемъ на свободѣ.

Мы поднялись.

Онъ ввелъ меня сначала въ большую, темную контору с спущенными сторами, а оттуда въ свой кабинетъ, гдѣ пылал ркій огонь въ кафельной печкѣ, и, усадивъ на стулъ, долго бесѣдовалъ со мной о положеніи страны. Я разсказалъ ему, что мы вытерпѣли со времени нашествія нѣмцевъ; онъ слушалъ, стиснувъ губы, облокотясь локтемъ о письменный столъ, и, наконецъ, произнесъ:

— Да, это ужасно!.. Принести въ жертву столько честныхъ людей, погубить столько полезныхъ жизней... Мы жестоко искупаемъ наши ошибки; но придетъ чередъ и нѣмцевъ. Впрочемъ, теперь рѣчь не о томъ; вы, вѣроятно, находитесь въ стѣсненномъ положеніи и истощили всѣ свои средства?

Натурально, я передалъ ему всю правду; я сказалъ, что вынужденъ былъ оставить все на содержаніе дома и искать работы.

Тогда онъ отперъ спокойно одинъ ящикъ, говоря, что я имѣю права, наравнѣ съ прочими капралами Эльзаса, на полученіе жалованья за послѣднюю треть, что онъ выдастъ мнѣ его впередъ, а я возвращу впослѣдствіи.

Нѣтъ надобности описывать тебѣ мое удовольствіе при полученіи монетъ въ сто су въ минуту моей крайней нужды; я такъ былъ разстроганъ, что слезы выступили у меня изъ глазъ, и я не находилъ словъ для выраженія благодарности.

Онъ замѣтилъ все это по моему лицу, и когда я началъ благодарить его, онъ перебилъ меня:

— Хорошо... хорошо, Фредерикъ... Не будемъ говорить объ этомъ... Вы честный человѣкъ... Хорошій слуга отечества... Очень радъ, что могъ оказать вамъ услугу.

Но меня еще болѣе обрадовало другое обстоятельство: въ ту минуту, когда я всталъ, чтобы уйти, онъ спросилъ меня, правда ли, что многіе изъ полѣсовщиковъ нашей инспекціи отправились въ вогезскую армію?

Я вспомнилъ сейчасъ же о Жанѣ и подумалъ, что, можетъ быть, онъ имѣетъ о немъ какія-нибудь свѣдѣнія. Я ему назвалъ сначала длиннаго Керша и Дошадье и потомъ уже Жана

Мерлена, который ушелъ послѣ всѣхъ и, по всей вѣроятности, направился по одному пути со мной, черезъ Ширмекъ и Ротау.

— Высокій, здоровый дѣтина,— сказалъ онъ,— съ темными усами, бывшій конно-егерь, не такъ ли?

— Да, сударь,—отвѣчалъ я въ большомъ волненіи;—это мой зять.

— Ну, онъ прошелъ мимо насъ. Я ему помогъ и далъ нужныя указанія, какъ попасть въ Туръ. Если вы тревожитесь за него, то успокойтесь, онъ присоединился... онъ на мѣстѣ...

Мы спустились съ лѣстницы: въ дверяхъ г. д'Арансъ пожалъ мнѣ руку и пошелъ черезъ мостъ, а я направился къ станціи желѣзной дороги въ такомъ счастливомъ расположеніи духа, что и сказать не могу.

Я уже заранѣе видѣлъ радость Маріи-Розы, слышалъ заранѣе, какъ старушка-бабушка благодаритъ Бога за пріятную вѣсть; мнѣ казалось, что главныя наши несчастія прошли, что солнце опять выглянуло изъ-за тучъ. Я шелъ, полный веселыхъ мыслей, и когда вступилъ въ залу «Золотого Льва», то тетка Орн, взглянувъ на меня, воскликнула:

— Ахъ, мой любезнѣйшій, должно быть вамъ Богъ послалъ какое-нибудь счастіе!

— Да,— отвѣчалъ я, смѣясь:— я теперь не тотъ человѣкъ, какимъ былъ вчера вечеромъ и сегодня утромъ. Не все же намъ однимъ переносить разныя огорченія!

Тогда я разсказалъ ей все. Она глядѣла на меня съ большимъ участіемъ; но когда я попросилъ у ней бумаги, чтобы написать объ этомъ въ Грауфталь, она, сложивъ руки, начала уговаривать меня:

— Что вы? Какъ можно писать, что вашъ зять находится въ арміи и что г. д'Арансъ далъ ему на дорогу денегъ? Да вѣдь завтра же схватятъ и г. инспектора, и васъ, и вашу дочь! Вѣдь нѣмцы могутъ вскрыть ваше письмо. Оборони васъ Богъ отъ подобной неосторожности!

Понявъ, что она говоритъ правду, я вдругъ потерялъ всю свою веселость; едва хватило силъ написать къ Маріи-Розѣ, что я здоровъ и получилъ небольшое пособіе отъ своего прежняго начальника. Теперь мнѣ казалось, что и въ этихъ словахъ есть что-нибудь лишнее; я боялся, чтобы какая-нибудь точка или запятая не подали поводъ прогнать меня еще далѣе.

Боже мой, какое несчастіе не имѣть возможности послать хоть одно слово надежды и утѣшенія тѣмъ, кого любишь, особенно въ такія тяжелыя минуты!

Тутъ узналъ я, что многія письма не доходили по адресу, именно тѣ, гдѣ сообщались извѣстія, благопріятныя французамъ, за то очень акуратно передавались такія, гдѣ описывались новыя бѣдствія нашего отечества, а также лживыя свѣдѣнія о побѣдахъ, на другой день послѣ испытанныхъ непріятелемъ пораженій.

XVI.

Съ этого времени, не смѣя писать о многомъ и не имѣя извѣстій изъ дому, я велъ очень грустную жизнь.

Представь себѣ, Жоржъ, положеніе человѣка моихъ лѣтъ, одного среди незнакомыхъ людей, въ маленькой комнатѣ гостиницы, единственное занятіе котораго состоитъ въ мечтахъ и воспоминаніяхъ, а развлеченіе въ томъ, чтобы по цѣлымъ часамъ смотрѣть въ окно, какъ снѣгъ бьетъ въ стекла, или прислушиваться къ каждому звуку на дворѣ—къ проѣхавшей мимо телѣжкѣ, къ шагамъ нѣмецкаго обхода, къ лаю собаки, къ голосамъ спорящихъ между собою людей.

— Что дѣлается тамъ? Жива ли бабушка? А что Марія-Роза... Жанъ... всѣ прочіе?

А на сердцѣ камнемъ лежитъ тоска!

— Нѣтъ писемъ... тѣмъ лучше... въ случаѣ какого-нибудь несчастія, Марія-Роза написала бы мнѣ. Она не пишетъ... скверный знакъ! Можетъ быть, она больна!

И такимъ образомъ съ утра до вечера.

Иногда, услышавъ гулъ голосовъ въ общей залѣ, я сходилъ внизъ, чтобы узнать что-нибудь о войнѣ. Надежда, этотъ обманъ, который не покидаетъ насъ во всю жизнь, до такой степени пускаетъ глубоко корни въ нашей душѣ, что до самаго конца не перестаешь цѣпляться за нее.

Итакъ, я сходилъ внизъ и прислушивался тамъ, какъ люди разнаго сорта — купцы, крестьяне, лоденьщики — толковали о сраженіяхъ на сѣверѣ, на востокѣ, о перестрѣлкахъ, пожарахъ, контрибуціяхъ, заложникахъ и мало ли еще о чемъ!

Парижъ продолжалъ держаться; но въ сторонѣ Луары наши

молодыя войска принуждены были отступить, такъ какъ нѣмцевъ оказалось слишкомъ много. Они прибывали по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, у насъ же недоставало ни оружія, ни запасовъ. Эта армія новобранцевъ, составленная какъ ни попало, безъ начальника, безъ внутренней связи, безъ ружей, безъ провіанта, выдерживала жестокую войну и, конечно, рано или поздно должна была пасть подъ бремменемъ непосильныхъ трудовъ.

Объ этомъ говорилось въ бельгійскихъ и швейцарскихъ газетахъ, которыя иногда оставляли въ гостиницѣ проѣзжіе.

Бомбардированіе Бельфора продолжалось. Погода стояла ужасная; снѣгъ и сильные морозы смѣняли другъ друга.

Надо тебѣ сознаться, Жоржъ, что, испытавъ столько несчастій, я упалъ духомъ; меня тревожилъ всякій слухъ; я постоянно боялся услышать о какомъ-нибудь новомъ бѣдствіи; иногда случалось, что я выходилъ изъ себя отъ негодованія, забывалъ своихъ старыхъ ногахъ и порывался уйти, чтобы быть убитымъ въ рядахъ арміи.

Наконецъ, я получилъ письмо отъ дочери.

Бабушка умерла.

Марія-Роза собиралась ко мнѣ въ Сенъ-Діэ. Она поручала мнѣ нанять небольшую квартиру, намѣреваясь привезти съ собой нѣкоторую мебель, бѣлье, постели, все же остальное продать въ Грауфгалѣ передъ отъѣздомъ оттуда.

Она увѣдомляла меня также, что Штаркъ берется довезти ее въ своей повозкѣ черезъ Сарбургъ, Лоркенъ, Раонъ-л'Этанъ, что путешествіе ея продлится не менѣе трехъ дней и что мы увидимся въ концѣ недѣли.

Итакъ, бѣдная бабушка перестала страдать и лежала теперь рядомъ съ своей дочерью Катериной и съ мужемъ Брюа, котораго я такъ любилъ. Я думалъ: «вы счастливѣе меня: вы почиваете между своими предками, подъ сѣнью нашихъ горъ!»

Мысль, что я увижу дочь, поддержала меня. Я буду не одинъ; мы безъ большихъ расходовъ можемъ прожить до конца нашествія, а потомъ, когда вернется Жанъ и получитъ гдѣ-нибудь мѣсто, мы совьемъ себѣ гнѣздо въ глубинѣ лѣса; мнѣ дадутъ отставку, и, послѣ всѣхъ перенесенныхъ испытаній, я кончу свою жизнь мирно и тихо, окруженный внучатами.

Все это казалось мнѣ весьма естественнымъ.

Марія-Роза пріѣхала 5 января 1871 г.

Я нанялъ за 12 франковъ въ мѣсяцъ двѣ маленькія комнаты съ кухней во второмъ этажѣ сосѣдняго съ «Золотымъ Львомъ» дома, у садовника Мишеля,—добраго малаго, оказавшаго намъ впослѣдствіи большія услуги.

Марія-Роза хоть и писала, что пріѣдетъ, но не сказала, утромъ или вечеромъ, такъ что я долженъ былъ ждать ее каждый часъ.

Въ этотъ день было очень холодно.

Около полудня телѣга Штарка показалась въ концѣ улицы, нагруженная до верху мебелью и постелями.

На телѣгѣ сидѣла и Марія-Роза въ теплой мантильѣ своей матери; высокій угольщикъ велъ подъ уздцы своихъ лошадей.

Я спустился внизъ и побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу. Я обнялъ Штарка, остановившаго лошадей, потомъ дочь и шепнулъ ей:

— Я имѣю извѣстіе о Жанѣ... Онъ проходилъ черезъ Сенъ-Діэ... Г. д'Арансъ далъ ему возможность пробраться мимо нѣмецкихъ линій и достигнуть луарской арміи.

Она ничего не отвѣтила, но пока я говорилъ, прижала меня къ себѣ съ необыкновенной силой, и я чувствовалъ, какъ грудь ея подымалась.

Мы тронулись далѣе и шаговъ черезъ пятьдесятъ остановились у нашего жилища. Штаркъ повелъ своихъ лошадей въ конюшню «Золотого Льва», а мы вошли въ общую залу трактира; добрая тетка Ори дожидалась насъ, стоя на порогѣ двери, и сейчасъ же принесла Маріи-Розѣ чашку бульону, чтобы согрѣть ее, такъ какъ она очень озябла.

Въ этотъ же день мы съ Штаркомъ перетаскали наверхъ мебель. Къ четыремъ часамъ все уже стояло на своихъ мѣстахъ. Затопили печку; Марія-Роза была до такой степени утомлена, что едва подпялась на лѣстницу.

Я тотчасъ же замѣтилъ ея блѣдность и неестественный блескъ глазъ и удивился; но я приписалъ это продолжительной безсонницѣ, печали, безпокойству и преимущественно усталости отъ трехдневнаго путешествія на открытой телѣгѣ, въ холодную погоду. Я зналъ, что она крѣпкаго сложенія, что съ самаго дѣтства ни разу не была больна, поэтому утѣшалъ себя надеждой, что она оправится и при спокойной жизни, при моихъ заботахъ очень скоро расцвѣтетъ по прежнему.

Когда мы устроились въ двухъ нашихъ чистенькихъ комнаткахъ, въ печкѣ затрещалъ огонь, и Марія-Роза увидѣла, что старый шкапъ стоитъ на мѣстѣ, картины, бывшія еще въ лѣсническомъ домикѣ, развѣшаны по стѣнамъ, а стѣнные часы тикаютъ въ углу за дверью—она, казалось, осталась довольна и сказала мнѣ:

— Намъ хорошо будетъ здѣсь, отецъ; насъ никто не станетъ тревожить, и нѣмцы, вѣроятно, не погонятъ насъ дальше. Лишь бы только Жанъ вернулся скорѣе.

Она проговорила это хрипымъ голосомъ.

Она осмотрѣла кухню, которая выходила на дворъ; такъ какъ свѣтъ проникалъ въ нее изъ-за сосѣднихъ крышъ, то въ ней было нѣсколько темно,—однако, она и кухней осталась довольна.

Не успѣвъ еще запастись провизіей, я велѣлъ принести изъ трактира обѣдъ съ двумя бутылками вина.

Штаркъ не хотѣлъ ничего взять съ меня сверхъ дорожныхъ расходовъ. Онъ говорилъ, что въ это время года у него не было никакой работы въ лѣсу и что поэтому его лошади все равно такъ бы простояли на конюшнѣ; но отъ обѣда онъ не отказался, тѣмъ болѣе, что любилъ выпить стаканъ-другой хорошаго вина.

Марія-Роза разсказала мнѣ тогда въ подробности о смерти бѣдной бабушки: три дня и три ночи сряду она кричала въ бреду: «Брюа!.. Фредерикъ!.. Нѣмцы!.. Фредерикъ, не оставляй меня!.. Возьми меня съ собой!..» Наконецъ, Господь сжалился надъ нею и прибралъ ее; половина Грауфталя провожала ее по снѣгу до Дозенгейма, гдѣ ее похоронили рядомъ съ нашими.

Передавая этотъ грустный разсказъ, Марія-Роза не могла удержаться отъ слезъ: она останавливалась по временамъ, такъ какъ ее душилъ кашель; видя это, я сказалъ ей, чтобы она перестала, и что я не желаю слушать далѣе.

По окончаніи обѣда я поблагодарилъ Штарка за оказанную намъ услугу и прибавилъ, что въ несчастіи узнаются истинные друзья. Въ шесть часовъ онъ отправился въ обратный путь, хотя я и упрашивалъ его остаться. Я проводилъ его до конца улицы и просилъ передать нашу благодарность дядѣ Пкелю и его дочери за все, что они сдѣлали для насъ, а если ему случится быть близъ Фельсберга, то дойти къ Маргредель, раска-

зать ей, какъ мы устроились здѣсь, и въ особенности настаивать, чтобы она сообщала намъ все, что только услышитъ о Жанѣ.

Онъ обѣщалъ исполнить это, и мы разстались.

Я возвращался домой въ глубокомъ раздумьи: къ радости, что моя дочь находится при мнѣ, примѣшивалось безпокойство по поводу ея простуды, совсѣмъ лишившей ее голоса. Впрочемъ, какъ я уже говорилъ тебѣ, Жоржъ, я не имѣлъ тогда никакихъ серьезныхъ опасеній. Когда привыкнешь видѣть человѣка постоянно здоровымъ, то не придаешь такимъ случаямъ никакой особенной важности.

До конца зимы оставалось семь или восемь недѣль. Въ мартѣ солнышко начинаетъ уже пригрѣвать, значитъ, наступила весна: въ апрѣлѣ у насъ, подъ прикрытіемъ высокой сенъ-мартенской горы, зазеленѣютъ палисадники и луга. У нашихъ оконъ стояли два большіе ящика съ вьющимися растеніями; я заранѣе представлялъ себѣ, какъ эти растенія развернутся передъ стеклами и хоть нѣсколько напомнятъ намъ лѣсническій домъ.

Все это меня тѣшило, потому что отъ радости, что увидѣлся съ дочерью, я рисовалъ себѣ будущее въ розовомъ свѣтѣ; до прихода Жана я хотѣлъ жить только для дочери, заботясь какъ можно менѣе о томъ, что происходитъ въ арміи, хотя трудно, очень трудно достигнуть этого въ такое время, когда рѣшается участь отечества. Я далъ себѣ слово сообщать моей дочери только пріятныя вещи, напримѣръ, о побѣдахъ, если только будемъ одерживать ихъ, и скрывать мои тревоги насчетъ Жана, продолжительное молчаніе котораго возбуждало иногда во мнѣ мрачныя мысли.

Размышляя такимъ образомъ, я поднялся наверхъ. Наступила ночь; Марія-Роза засвѣтила лампу и ждала меня. Когда я вошелъ, она бросилась ко мнѣ на шею.

— Ахъ, отецъ,—проговорила она, — какое счастье снова жить вмѣстѣ!

— Да, да, дитя мое,—отвѣчалъ я;—а тамъ подойдутъ и тѣ, кто теперь вдали отъ насъ!.. Нужно только немножко потерпѣть... Долго это не можетъ тянуться, мы много выстрадали невинно... Ты теперь не совсѣмъ здорова... тебя утомило это путешествіе... но это скоро пройдетъ!.. Поди спать, дитя мое, отдохни.

Она ушла въ свою комнату, а я легъ, поблагодаривъ Бога за то, что Онъ возвратилъ мнѣ мою дочь.

XVII.

Такимъ образомъ, Жоржъ, послѣ потери мѣста, состоянія, пріобрѣтеннаго тридцатью годами труда, бережливости и честной службы, послѣ разлуки съ родиной, съ стариками родными и друзьями, у меня осталась въ утѣшеніе одна дочь,—добрая, мужественная дѣвушка, которая, видя сильный упадокъ моего духа, улыбалась мнѣ, несмотря на свои собственныя тревоги, горченія и страданія.

Я до сихъ поръ простить себѣ не могу, зачѣмъ я такъ явно выказывалъ передъ нею свое отчаяніе, зачѣмъ такъ запальчиво бранилъ въ ея присутствіи тѣхъ, кто довелъ насъ до этого положенія.

Но вѣдь легко смѣяться, когда человѣкъ всѣмъ доволенъ и сытъ, а каково ему, когда онъ на чужой сторонѣ и въ нуждѣ!

Мы жили, соблюдая самую строгую экономію. Марія-Роза смотрѣла за нашимъ маленькимъ хозяйствомъ, я же проводилъ иногда цѣлые часы, сидя около окна и размышляя обо всемъ случившемся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, о томъ, что я вынужденъ былъ покинуть родину, и мною овладѣвало такое негодованіе, что я вскакивалъ иногда съ мѣста, поднималъ руки къ небу и испускалъ дикій крикъ.

Марія-Роза была гораздо спокойнѣе меня; наше униженіе, нищета, бѣдствія родины точно такъ же терзали ея душу, какъ и мою, но она старалась скрыть отъ меня свои страданія. Одного только она не могла скрыть— своей сильной простуды, очень меня безпокоившей. Кашель, ея вмѣсто того, чтобы уменьшаться, какъ я разсчитывалъ, съ каждымъ днемъ усиливался. Въ особенности ночью, среди всеобщаго безмолвія, я не могъ равнодушно слышать эти сухіе, рѣзкіе, хриплые звуки, какъ-будто раздиравшіе ея грудь; я садился тогда на кровать и слушалъ, цѣпенѣя отъ ужаса.

Впрочемъ, по временамъ припадки кашля вдругъ утихали. Марія-Роза хорошо спала, и я тотчасъ же ободрялся, начиналъ перебирать въ умѣ всѣ безчисленныя бѣдствія, обрушившіяся на Францію, думалъ о страшномъ голодѣ въ Парижѣ, о поляхъ

битвъ, усѣянныхъ трупами, о госпиталяхъ, переполненныхъ ранеными, о пожарахъ, реквизиціяхъ и мысленно говорилъ себѣ, что наше положеніе еще сносно, пока у насъ есть дрова для топлива и немного хлѣба для поддержанія жизни... Да, наконецъ, мало ли какія невѣроятныя вещи совершаются во время войны? Развѣ мы сами когда-то не покорили всей Европы, а между тѣмъ это не помѣшало намъ подпасть, въ свою очередь, подъ иго враговъ!.. Развѣ не могло то же самое случится съ нѣмцами? Игроки всегда кончаютъ проигрышемъ.

Такого рода мысли постоянно вертѣлись у меня въ головѣ; разъ Марія-Роза говоритъ мнѣ:

— Вѣрь, отецъ, что дѣло такъ не кончится... Я въ прошедшую ночь видѣла сонъ, очень странный... Мнѣ представился Жанъ въ мундирѣ капрала лѣсной тражи; мы непремѣнно получимъ хорошія вѣсти!

Увы, хорошія вѣсти!.. Бѣдная дѣвочка!.. Ты имѣла полное право на эти золотыя грезы; ты могла мечтать, что Жанъ, въ капральскихъ галунахъ, съ улыбкой ведетъ тебя за руку, а ты, въ бѣломъ вѣнкѣ на головѣ, слѣдуешь за нимъ въ Грауфтальскую часовню, гдѣ васъ ожидаетъ старикъ священникъ для обряда вѣнчанія... Все это легко могло бы совершиться, но не всегда такъ бываетъ, какъ намъ хочется.

Каждый разъ, Жоржъ, когда во мнѣ пробуждается это воспоминаніе, кажется, что мое сердце готово разорваться на части. Я бы желалъ остановиться, но разъ давъ тебѣ обѣщаніе, дойду до конца.

Однажды я сидѣлъ передъ топившейся печкой; исхудалая, задумчивая, Марія-Роза пряла подлѣ меня: воображеніе рисовало передо мной картины прошлаго: лѣсническій домикъ, цвѣтущую весну на родинѣ, спокойную и меланхолическую осеннюю природу въ нашемъ краю, пѣсни дроздовъ, ропотъ рѣчки въ тростникахъ, старую бабушку, бѣднаго Каласа, рѣзваго Рато и двухъ нашихъ прекрасныхъ коровъ, глухо мычавшихъ, бывало, подъ тѣнью старинныхъ буковъ. Пока я сидѣлъ погруженный въ эти воспоминанія, въ нашей комнатѣ довольно долго только и слышны были однообразный звукъ прялки и тиканье стѣнныхъ часовъ. Вдругъ вдали раздались крики и пѣсни.

Марія-Роза въ испугѣ начала прислушиваться; я же, внезапно пробужденный отъ моихъ грезъ, вздрогнулъ, какъ чело-

вѣкъ, котораго разбудили отъ крѣпкаго сна. «Нѣмцы ликуютъ... слѣдовательно, съ нами случилось какое-нибудь новое несчастіе», вотъ что я подумалъ въ первую минуту, и я не ошибся.

Вскорѣ по улицамъ начали расхаживать группами солдаты, взявшись подъ руки и крича во все горло:

— Парижъ сдался!.. Да здравствуетъ германское отечество!

Я взглянулъ на Марію-Розу,—она была блѣдна, какъ мертвецъ, и не спускала съ меня своихъ блестящихъ глазъ. Затѣмъ мы отвернулись другъ отъ друга, чтобы не выказать овладѣвшаго нами волненія. Она тотчасъ же вышла въ кухню и я слышалъ, какъ она тамъ плакала.

Это былъ послѣдній ударъ, Жоржъ; оборвалась единственная нить нашего спасенія!

Толпы нѣмцевъ съ криками и пѣснями ходили мимо насъ вплоть до глубокой ночи; я сидѣлъ, понуривъ голову, и отъ времени до времени слушалъ съ отчаяніемъ въ душѣ, какъ моя дѣвочка надрывается отъ кашля за перегородкой кухни.

Часовъ въ семь Марія-Роза вошла съ лампой. Она хотѣла накрывать на столъ.

— Напрасно,—сказалъ я ей:—не ставь моего прибора... Я ѣсть не хочу.

— Да и я также,—произнесла она тихо.

— Ну, такъ пойдемъ спать... Постараемся забыть наше горе... Попробуемъ заснуть!

Я всталъ; мы обнялись, горько плача.

Страшная была эта ночь, Жоржъ!

Несмотря на усилія, употребляемыя Маріей-Розой, чтобы удержать свой кашель, она прокашляла вплоть до утра, такъ что я не имѣлъ возможности сомкнуть глазъ. Я рѣшился привести доктора, но такъ, чтобы не испугать дочь, и, размышляя, какой бы найти предлогъ чтобы завести съ нею объ этомъ рѣчь, я на зарѣ кой-какъ заснулъ.

Было ровно 8 часовъ, когда я проснулся и, одѣвшись, позвалъ Марію-Розу. Она ничего мнѣ не отвѣтила. Тогда я вошелъ къ ней въ комнату и увидѣлъ на наволочкѣ ея подушки кровавыя пятна; носовой платокъ, оставленный ею на ночномъ столикѣ, также былъ весь въ крови.

По всему моему тѣлу пробѣжала дрожь!.. Я вернулся въ свой уголъ, думая о томъ, что сейчасъ видѣлъ.

Этотъ день былъ базарный; Марія-Роза отправилась покупать нашу убогую провизію; она вернулась къ девяти часамъ, и до такой степени задохлась, что едва имѣла силы держать свою корзину. Когда она вошла, и я взглянулъ на нее, мнѣ невольно вспомнились блѣдныя лица тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, про которыхъ жители нашихъ долинъ говорили, что Богъ призываетъ ихъ къ себѣ, и что онѣ обыкновенно засыпаютъ навѣки съ первымъ снѣгомъ. Мысль эта поразила меня, я ужаснулся; но, сдѣлавъ усиліе, чтобы мой голосъ не дрожалъ, я замѣтилъ довольно спокойно:

— Послушай, Марія-Роза, всю эту ночь ты прокашляла, что меня очень тревожитъ.

— О, это ничего, отецъ,—отвѣчала она, покраснѣвъ,—право, ничего; съ первыми теплыми днями мой кашель пройдетъ.

— Положимъ такъ,—возразилъ я,—только я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока докторъ не скажетъ, что у тебя такое. Надо непремѣнно сходить за докторомъ.

Она смотрѣла на меня, сложивъ руки на корзинѣ, которую поставила на столъ, и, угадавъ, вѣроятно, по моему волненію, что я видѣлъ кровавыя пятна на ея платкѣ, тихо проговорила:

— Изволь, отецъ... для твоего спокойствія...

— Да,—сказалъ я,—лучше заранѣе принять мѣры; очень часто случается, что болѣзнь сначала ничтожная становится впослѣдствіи чрезвычайно опасной, если ею пренебрегутъ.

Вслѣдъ затѣмъ я вышелъ.

Внизу г. Мишель указалъ мнѣ на доктора Карьера, который жилъ въ улицѣ Мэріи. Я отправился къ нему.

Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ черными, живыми глазами и съ волосами съ просѣдью; онъ внимательно выслушалъ меня и спросилъ, не я ли бывшій капралъ лѣсной стражи, о которомъ ему говорилъ его пріятель г. д'Арансъ. Я отвѣчалъ, что это я, и онъ тотчасъ же послѣдовалъ за мной.

Минутъ черезъ двадцать мы пришли.

Докторъ долго разспрашивалъ Марію-Розу, какъ началась ея простуда, что она теперь чувствуетъ, не бываетъ ли съ нею по вечерамъ лихорадки, озноба, удушья.

Онъ такъ допрашивалъ, что она вынуждена была отвѣчать откровенно, и созналась, что уже болѣе мѣсяца она кашляетъ

кровью; говоря это, бѣдняжка смотрѣла на меня вся блѣдная, съ умоляющимъ видомъ, какъ будто извиняясь, что скрывала отъ меня такое несчастіе.

Ахъ, я отъ души все ей простилъ, но отчаянію моему не было границъ.

Послѣ того г. Карьеръ захотѣлъ изслѣдовать больную; выслушавъ ея дыханіе, онъ объявилъ, что худого ничего нѣтъ, и что онъ пропишетъ рецептъ.

Но когда мы вышли въ другую комнату и остались вдвоемъ, докторъ спросилъ меня, не было ли у насъ въ семьѣ кого-нибудь чахоточнаго, и когда я его завѣрилъ, что ни съ моей, ни съ жениной стороны никто никогда не страдалъ грудью, онъ замѣтилъ:

— Я вамъ вѣрю, дочь ваша прекрасно сложена; она сильная, красивая дѣвушка; но, вѣроятно, она когда-нибудь упала или ударилась обо что-нибудь, если могла дойти до такого положенія. Она, можетъ быть, скрываетъ это отъ васъ, но надо непремѣнно все узнать.

Я позвалъ опять Марію-Розу, и докторъ попросилъ ее припомнить, не упала ли она или не ушиблась ли нѣсколько недѣль тому назадъ, говоря, что онъ дастъ лекарство, сообразуясь съ ея отвѣтомъ.

Тогда Марія-Роза созналась, что въ тотъ день, когда Туба съ нѣмцами пришли отнимать у насъ коровъ, она схватилась за веревку, желая удержать корову, но или Туба, или кто-нибудь изъ нѣмцевъ—въ суматохѣ трудно было замѣтить—желая, вѣроятно, оттолкнуть ее, такъ крѣпко ударилъ ее между плечъ, что она упала на руки и въ ту же минуту почувствовала у себя во рту кровь; она скрыла это отъ меня изъ страха, чтобы я не надѣлалъ чего-нибудь въ запальчивости.

Теперь все стало ясно.

Я залился слезами, смотря на мою бѣдную дѣвочку, сдѣлавшуюся жертвой такого ужаснаго несчастія.

Она ушла къ себѣ.

Докторъ прописалъ рецептъ, и когда мы спускались съ лѣстницы, онъ сказалъ:

— Это очень серьезно!.. У васъ одна только дочь?

— Одна,—отвѣчалъ я.

Онъ крѣпко задумался.

— Мы сдѣлаемъ все, что возможно,—сказалъ онъ,—молодость такъ богата силами! Но старайтесь удалять отъ нея всякое волненіе.

Пока мы шли по улицѣ, докторъ повторялъ точно то же, что г. Симперленъ совѣтовалъ относительно бабушки; я все время молчалъ. Мнѣ казалось, что земля разверзается подъ моими ногами, и что я слышу оттуда крикъ:

— Мертвыхъ!.. Мертвыхъ!.. Подайте мнѣ мертвыхъ...

Я готовъ былъ лечь въ нее первый, закрыть глаза и отвѣтить ей:

— На тебѣ, бери меня и оставь въ покоѣ молодыхъ!.. Дай имъ подышать еще нѣсколько времени... Они не знаютъ, что жизнь—страшное несчастіе, но какъ скоро убѣдятся въ этомъ, они спокойнѣе разстанутся съ нею... Они все-таки придутъ къ тебѣ же!..

Размышляя такимъ образомъ, я зашелъ къ аптекарю, и онъ составилъ мнѣ по рецепту лѣкарство.

Я вернулся домой.

Марія-Роза стала принимать ежедневно, утромъ и вечеромъ, по одной ложкѣ лѣкарства, какъ было предписано. Я съ первыхъ же дней замѣтилъ, что это средство ей помогаетъ; голосъ ея сдѣлался чище, руки меньше горѣли, она улыбалась мнѣ, точно хотѣла сказать:

— Ты видишь, отецъ, это простая простуда... Не горюй!..

Невыразимая кротость сіяла въ ея глазахъ; она радовалась, что здоровье ея поправляется; надежда вскорѣ увидѣться съ Жаномъ увеличивала ея счастье. Конечно, я старался ободрять ее.

— Надняхъ мы непремѣнно получимъ отъ него извѣстіе,—говорилъ я въ такомъ случаѣ,—вотъ такой-то сосѣдъ также ждетъ письма отъ своего сына; теперь уже недолго... Во время войны почтовыя сношенія прекратились, письма лежали грудами въ почтовыхъ конторахъ... Нѣмцы хотѣли насъ обезкуражить... Но послѣ заключенія перемирія переписка пойдетъ попрежнему.

На лицѣ ея отразилось удовольствіе, когда она слушала эти утѣшительныя слова.

Я не пускалъ ее на рынокъ и сталъ ходить самъ, съ корзиной на рукѣ, закупать провизію; торговки хорошо знали меня.

— Это старый капралъ,—говорили онѣ; — у него хорошень-

кая дочь больна. Они живутъ вдвоемъ. Теперь онъ самъ ходитъ за покупками.

Никогда ни одна изъ нихъ не взяла съ меня лишняго за овощи.

Я ужъ больше не думалъ о дѣлахъ родины, а хлопоталъ объ одномъ—какъ бы спасти мою дочь: слухи о выборахъ, національное собраніе въ Бордо,—все это какъ будто до меня не касалось; у меня въ головѣ вертѣлась одна мысль:

— Только бы Марія-Роза осталась жива.

Такимъ образомъ прошелъ конецъ января, затѣмъ былъ заключенъ миръ; насъ всѣ покинули!

Сосѣди ежедневно получали извѣстія отъ своихъ сыновей, братьевъ и друзей; одни находились въ плѣну у нѣмцевъ, другіе квартировали внутри Франціи, но къ намъ не присылалось ни строчки.

Я каждое утро ходилъ на почту справляться, нѣтъ ли вѣсточки. Однажды почтмейстеръ сказалъ мнѣ:

— А-а!.. Это вы!.. Почтарь только-что ушелъ... Къ вамъ есть письмо.

Я бросился домой полный надежды; лишь только я переступилъ порогъ двери, смотрю—почтарь выходитъ изъ коридора и, смѣясь, кричитъ мнѣ:

— Торопитесь, дядя Фредерикъ; на этотъ разъ вы останетесь довольны: къ вамъ есть письмо изъ луарской арміи.

Я побѣжалъ по лѣстницѣ, перескакивая черезъ четыре ступеньки; сердце у меня страшно билось. Что-то мы узнаемъ? Прошло нѣсколько недѣль: мало ли что могло случиться? Можетъ быть, Жанъ на пути къ намъ? Можетъ быть, черезъ день... два... три онъ будетъ здѣсь?..

Не помня себя отъ волненія, я началъ шарить дрожащей рукой по двери, чтобы отыскать щеколду, и не находилъ ея; наконецъ, я толкнулъ дверь—смотрю, моя комната пуста.

Я сталъ звать:—Марія-Роза! Марія-Роза!

Нѣтъ отвѣта.

Отворяю дверь въ слѣдующую комнату, и что же?—моя бѣдная дѣвочка лежитъ распростертая на полу подлѣ своей кровати, блѣдная, какъ воскъ, съ полузакрытыми вѣками, съ кровавой пѣной на губахъ и съ судорожно сжатымъ въ рукахъ письмомъ. Я счелъ ее за мертвую, дико застоналъ, поднялъ ее и

положилъ на кровать. Растерявшись совершенно, я сталъ кричать, звать сосѣдей и, схвативъ письмо, поспѣшно пробѣжалъ его глазами.

Вотъ оно, Жоржъ! Читай вслухъ; я его знаю наизусть: но, все равно, я люблю переворачивать ножъ въ моей ранѣ; когда кровь сойдетъ, легче дѣлается.

«Милая моя Марія-Роза!

Прощай!.. Я тебя болѣе не увижу... осколкомъ бомбы мнѣ раздробило правую ногу... доктора сдѣлали мнѣ ампутацію... Я ее не переживу... Я слишкомъ долго лежалъ на землѣ... потерялъ много крови и теперь кончено... я долженъ умереть!.. О, Марія-Роза, милая Марія-Роза, чего бы я не далъ, чтобы посмотрѣть на тебя хоть одну минуту! Мнѣ легче бы, кажется, сдѣлалось!.. Лежа въ снѣгу, страшно страдая отъ раны, я думалъ только о тебѣ... Не забывай меня... вспоминай иногда о Жанѣ Мерленѣ... Бѣдная мать Маргредель!.. Бѣдный дядя Фредерикъ... бѣдный дядя Даніэль! Ты имъ скажешь.. О! Какъ бы мы всѣ были счастливы безъ этой войны!..»

Письмо оканчивалось на этомъ мѣстѣ. Внизу, какъ ты видишь, другой рукой подписано: «Жанъ Мерленъ, эльзасецъ. Отрядъ 21 корпуса. Силли-ле-Гильомъ, 26 января 1870 года».

Все это я разомъ окинулъ глазами и снова сталъ кричать, звать людей до тѣхъ поръ, пока въ изнеможеніи не упалъ въ кресло съ мыслью, что для меня все погибло: и дочь, и зять, и отечество... все! и что лучше бы мнѣ самому умереть.

Внизу услышали мои вопли; по лѣстницѣ кто-то поднялся.— кажется, дядя и тетка Мишель. Да, они; они же послали и за докторомъ. Я былъ точно помѣшанный, безъ признаковъ разума: въ ушахъ у меня звенѣло; мнѣ казалось, что я сплю и вижу страшный сонъ.

Долго спустя голосъ доктора Карьера заставилъ меня очнуться: я слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Уведите его... не нужно, чтобы онъ видѣлъ! Уведите его!

Меня подхватили подъ руки, но я пришелъ въ неистовство и сталъ кричать:

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы меня уводили... Я хочу остаться... это моя дочь! Вѣрно, у васъ нѣтъ дѣтей, если вы приказываете, чтобы меня увели! Я хочу ее спасти... да... хочу защитить ее!..

— Ну, не трогайте его, несчастнаго,— сказалъ докторъ и потомъ прибавилъ, обратясь ко мнѣ:—а вы не кричите, ваши вопли могутъ докапать ее.

Я упалъ назадъ въ кресло, лепеча:

— Не буду, слова больше не промолвлю. Позвольте мнѣ только при ней остаться, я буду спокоенъ.

Нѣсколько минутъ спустя г. Карьеръ вышелъ, давъ знать присутствующимъ, чтобы и они удалились.

Большая часть повиновалась, остались немногіе. Я смотрѣлъ, какъ они двигались, проходили мимо меня, приподнимали постель, подушку, перешептывались между собой. Наконецъ, все умолкло... Время шло... Явился священникъ съ причтомъ... пропѣлъ молитвы по-латыни... Это было послѣднее религіозное утѣшеніе. Женщины, стоя на колѣняхъ, вторили словамъ священника.

Затѣмъ все исчезло.

Было часовъ пять вечера. Кто-то зажегъ лампу. Я осторожно поднялся съ кресла и подошелъ къ постели.

Моя дочь, прекрасная, какъ ангелъ, лежала съ полузакрытыми глазами и еще дышала; я тихо позвалъ ее: «Марія-Роза!.. Марія-Роза!» и заплакалъ.

Мнѣ каждую секунду казалось, что вотъ-вотъ она на меня взглянетъ и произнесетъ:

— Отецъ!..

Но лицо ея оставалось неподвижно, на немъ только игралъ лучъ свѣта отъ лампы. Она не шевелилась. Нѣсколько часовъ сряду я прислушивался къ ея слабѣющему дыханію, смотрѣлъ на ея щеки и лобъ, которые становились все блѣднѣе и блѣднѣе. Наконецъ, она испустила вздохъ, ея наклоненная голова приподнялась, и тусклые голубые глаза медленно раскрылись.

Стоявшая подлѣ меня женщина взяла со стола небольшое зеркальце и поднесла къ ея рту: стекло не затуманилось,— Марія-Роза умерла.

Я не сказалъ ни слова, не испустилъ ни малѣйшаго стона и, какъ ребенокъ, повиновался, когда меня увели въ смежную комнату. Я сѣлъ въ уголъ, опершись руками о колѣни. Мои силы были разбиты.

Ну, вотъ тутъ и конецъ, Жоржъ!.. Я тебѣ все разсказалъ.

Нужно ли говорить о похоронахъ со свѣчами, о гробѣ, о клад-

бищѣ, о моемъ возвращеніи въ ту маленькую квартиру, гдѣ я жилъ вмѣстѣ съ Маріей-Розой, о моемъ отчаяніи, когда я увидѣлъ себя здѣсь совершенно одинокимъ, безъ родныхъ, безъ отечества, безъ надежды. Я думалъ: «Ты такъ и останешься одинъ... всегда... одинъ, пока тебя самого въ землю не зароютъ!..»

Нѣтъ! Лучше не распространяться о такихъ ужасахъ... Я и то уже довольно разсказалъ!

Упомяну только, что я былъ какъ помѣшанный; меня преслѣдовали дурныя мысли: я жаждалъ мести!

И не самъ я, Жоржъ, поддерживалъ въ себѣ эти преступныя мысли: во мнѣ говорило несчастное существо, отвергнутое небомъ и землею, у котораго вырвали по клочкамъ сердце и не оставили ему угла, гдѣ преклонить голову.

Я съ утра до ночи бродилъ по улицамъ, возбуждая всеобщую жалость; тетка Ори кормила меня. Я узналъ объ этомъ уже впослѣдствіи. Но тогда я только и думалъ, что о своей мести; сяду, бывало, за печкой въ трактирѣ, облокочусь локтями о колѣни, опущу на руки свою сѣдую голову, гляжу въ землю и бормочу про себя.

Одинъ Богъ знаетъ, сколько ненависти скопилось у меня въ душѣ!

Тетка Ори слышала все, что я бормоталъ, и, желая мнѣ добра, предупредила г. д'Арапса.

Однажды утромъ, когда я сидѣлъ одинъ въ общей залѣ, онъ пришелъ потолковать со мной; онъ напомнилъ мнѣ, какое всегда имѣлъ ко мнѣ уваженіе; сказалъ, что иначе обо мнѣ не отзывался, какъ о честномъ, добромъ служакѣ, усердномъ и добросовѣстномъ исполнителѣ своихъ обязанностей,—словомъ, какъ о человѣкѣ, на котораго можно вполнѣ положиться, и выразилъ надежду, что я до конца останусь такимъ. «Человѣкъ мужественный,—говорилъ г. д'Арапсъ,—не измѣняется ни въ счастьи, ни въ горѣ; честь и долгъ онъ ставитъ впереди всего: высшее для него утѣшеніе—возможность сказать себѣ: «Горе мое безмѣрно, это правда, но мужество меня не покинуло, меня подкрѣпляетъ чистая совѣсть; я заставлю даже враговъ своихъ сознаться, что судьба гнететъ меня несправедливо».

Онъ долго и строго говорилъ въ этомъ тонѣ, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ; я не могъ плакать даже на похоронахъ дочери, а теперь залился слезами.

Тогда онъ объявилъ, что мнѣ слѣдуетъ удалиться отсюда, такъ какъ встрѣчи съ нѣмцами раздражаютъ меня, что онъ дастъ мнѣ рекомендательное письмо къ одному своему пріятелю въ Парижѣ, и меня примутъ тамъ на службу или на желѣзной дорогѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что, получивъ чистую отставку, я могу жить, если не счастливо, то спокойно, вдали отъ всего того, что напоминало бы мнѣ ежеминутно о моихъ бѣдствіяхъ.

Я готовъ былъ исполнить каждое его приказаніе, Жоржъ, зная, что онъ желаетъ мнѣ добра.

И вотъ я уѣхалъ и третій годъ служу здѣсь смотрителемъ станціи восточной дороги.

Прибывъ въ Парижъ среди общаго смятенія послѣ осады, я имѣлъ прискорбіе быть свидѣтелемъ ужаснаго дѣла, воспоминаніе о которомъ увеличиваетъ мои страданія: французы дрались противъ французовъ... Великій городъ былъ въ пламени... а нѣмцы смотрѣли на него издали, повторяя съ радостью:

— Нѣтъ болѣе Парижа!.. Нѣтъ Парижа!..

Да, я былъ свидѣтелемъ всего этого! Я думалъ, что пришелъ нашъ конецъ, трепеталъ отъ ужаса и восклицалъ:

— Неужели Господь судилъ, чтобы Франція низверглась въ бездну?

Но, слава Всевышнему, все миновало. Осталось одно воспоминаніе: будемъ надѣяться, что оно никогда не изгладится.

Это еще не все. При исполненіи моихъ служебныхъ обязанностей мнѣ довелось видѣть, какъ ежедневно мимо меня двигались толпы эмигрантовъ, наши братья эльзасцы и лотарингцы; мужчины, женщины, дѣти, старики валили тысячами изъ родной стороны, чтобы добывать себѣ хлѣбъ въ Алжирѣ, въ Америкѣ, всюду.

Мои бѣдные соотечественники тотчасъ узнавали меня по типу лица и говорили:

— Это одинъ изъ нашихъ!

Глядя на нихъ, я чувствовалъ, что на меня какъ будто вѣетъ чѣмъ-то хорошимъ, роднымъ. Мы жали другъ другу руки. Я имъ указывалъ гостиницы, гдѣ подешевле, дѣлалъ разныя маленькія услуги, о которыхъ они, конечно, сохранятъ добрее воспоминаніе.

А вечеромъ, возвратясь въ свою мансарду и размышляя о

пронешедшемъ, я радовался, что еще могу приносить пользу на землѣ; это теперь мое единственное утѣшеніе, Жоржъ; въ подобныхъ случаяхъ я даже засыпалъ иногда слаще обыкновеннаго.

Въ другіе дни, когда погода стоитъ грустная, на дворѣ идетъ дождь, холодно, и на улицѣ попадется гробъ молодой дѣвушки съ бѣлымъ вѣнкомъ на крышкѣ, мрачныя думы снова одолѣваютъ меня!.. Вернувшись со службы, я накидываю плащъ и отправляюсь бѣгать по улицамъ, безъ всякой цѣли, среди толпы людей, занятыхъ своими дѣлами и не обращающихъ ни на кого вниманія. Я дѣлаю длинные концы, то къ тріумфальной аркѣ, то въ ботаническій садъ и возвращаюсь домой, изнемогая отъ усталости. Затѣмъ засыпаю, стараясь не думать о прекрасныхъ дняхъ прошлаго, потому что отъ такихъ воспоминаній у меня даже во снѣ сильнѣе бьется сердце, я вдругъ пробуждаюсь весь въ поту и кричу:

— Кончено!.. У тебя нѣтъ болѣе дочери... Ты одинъ на бѣломъ свѣтѣ!

Тутъ ужъ я не могу болѣе лежать, встаю, зажигаю лампу и отворяю окно, чтобы освѣжиться и притти въ себя.

Бывали ночи, когда мнѣ грезилось, будто я опять живу въ лѣсническомъ домикѣ съ Жаномъ и съ Маріей-Розой. Я ихъ вижу, какъ на яву... разговариваю съ ними... мы такъ счастливы! И вдругъ просыпаюсь... Однако, оставимъ лучше это; что прошло, того не вернешь!..

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ. Только одна мысль меня огорчаетъ: что меня похоронятъ не рядомъ со стариками, не рядомъ съ Жаномъ и дочерью. Разбросаютъ нашъ прахъ по разнымъ мѣстамъ!

Въ настоящую пору наплывъ эмигрантовъ уже начинаетъ ослабѣвать: почти всѣ нашли себѣ занятіе, женщинамъ и старикамъ дано убѣжище, дѣти обучаются въ школахъ.

Но эмиграція все-таки продолжается и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Эльзасъ останется присоединеннымъ къ Германіи: пожалуй, ему долго еще придется ждать, если мы будемъ продолжать ссориться между собой изъ-за интересовъ партій, вмѣсто того, чтобы сплотиться въ любви къ отечеству.

Но лучше не говорить объ этихъ распряхъ: слишкомъ грустная исторія!

Въ заключеніе моей скорбной повѣсти я желалъ бы тебѣ сказать, что въ минуты испытанныхъ мною несчастій я никогда не роптал на Превѣчнаго Творца; онъ правосуденъ, мы заслужили свои страданія.

Откуда всѣ наши бѣдствія? Они исходятъ отъ человѣка, который далъ клятву передъ Богомъ соблюдать законы, а самъ растоптал ихъ, который убивалъ тѣхъ, кто защищалъ законы, и сылалъ далеко, на острова, тысячи себѣ подобныхъ, боясь ихъ мужества и здраваго смысла. Но вѣдь мы сами же допустили этого человѣка, подавали за него свои голоса, да не одинъ, а двадцать разъ, и такимъ образомъ всѣ его злодѣянія сами на себя и взвалили. Мы откинули въ сторону правосудіе и честь. Мы разсуждали такъ:—«Все творится въ силу выгоды... Этотъ человѣкъ хитрый и дошлый... Онъ одержалъ верхъ... Надо его поддержать!»

И какъ вспомню я о томъ, что я подалъ голосъ за этого презрѣннаго, сознавая, что дѣлаю нехорошо, но боясь потерять мѣсто,—какъ вспомню объ этомъ, такъ и вскрикну:—«Прости тебя Богъ, Фредерикъ! Все ты теперь потерялъ: друзей, родныхъ, родину, все. Сознайся, что все это ты заслужилъ. Тебѣ не стыдно было поддержать человѣка, который причинилъ тысячамъ другихъ, такихъ же какъ ты честныхъ французовъ, такія же потери, какъ тебѣ... Ты подалъ голосъ за силу противъ правосудія; покорись же закону, который самъ принялъ. И заодно съ милліономъ другихъ ты далъ право этому человѣку начать войну, и онъ началъ ее!.. Онъ одурачилъ тебя и твою родину и твою семью, и твое имущество, и всѣхъ французовъ въ пользу своей династіи, ни о чемъ не заботясь, не принявъ никакихъ предосторожностей. И онъ потерпѣлъ неудачу... Расплачивайся и молчи!.. Не упрекай Провидѣніе за собственную глупость и несправедливость. Бей себя въ грудь и терпи за своей беззаконіе!

Вотъ какъ я думаю.

Другіе пусть поучаются моимъ примѣромъ. Пусть избираютъ въ представители честныхъ людей. Честность, безкорыстіе, патріотизмъ должны быть впереди всего прочаго. Очень дошлые люди часто нечестны, а черезчуръ смѣлые не боятся возставать противъ законовъ, и способны попирать ихъ, а на мѣсто ихъ ставить свою волю.

Лучше этого совѣта для французовъ и не придумать. Если

сли его примутъ, все пойдетъ похорошему, и мы возстановимъ наши границы: а если не примутъ, такъ и всѣ наши провинціи одну за другой постигнетъ участь эльзасцевъ и лотарингцевъ. Потомъ покаются, да ужъ поздно будетъ.

А что касается нѣмцевъ, они тоже пожнутъ, что посѣяли! Теперь-то они ликуютъ и чванятся: вся Европа трепещетъ передъ ними, а они, дураки, и рады! Но служить пугаломъ для всѣхъ — вещь опасная; мы горькимъ опытомъ узнали это, узнаютъ и они въ свой чередъ! Они считаютъ Бисмарка чуть не богомъ за то, что ему удались всѣ его затѣи. Они знать не хотятъ, что этотъ человѣкъ пускалъ въ ходъ нечестныя средства— хитрость, ложь, шпіонство, подкупъ, жестокость... Что строится на такомъ фундаментѣ, никогда прочно не бываетъ.

Но теперь нѣмцамъ хоть говори, хоть нѣтъ, ихъ все равно ничѣмъ не проймешь. Они упоены своими побѣдами и очувствуются только тогда, когда Европа, утомленная ихъ самодурствомъ и нахальствомъ, вся поднимется на нихъ и урезонитъ ихъ. Тогда-то доведется имъ признать, какъ и намъ самимъ довелось, что если Сила иной разъ и беретъ верхъ надъ Правомъ, то Правосудіе—вѣчно!..»

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

ИСТОРІЯ ПЛЕБИСЦИТА

Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей, сказавшихъ «да»

HISTORIE DU PLÉBISCITE

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

ИСТОРІЯ ПЛЕБИСЦИТА.

Разсказъ одного изъ 7.500.000 избирателей, сказавшихъ „да“

I.

Я пишу эту исторію для людей благоразумныхъ. Она составляетъ повѣсть моихъ собственныхъ заботъ и волненій, пережитыхъ мною во время послѣдней ужасной, роковой для насъ войны. Я пишу эту исторію съ тою цѣлью, чтобъ наши дѣти убѣдились, какъ много еще на свѣтѣ дурныхъ людей, и какъ мало можно вѣрить громкимъ фразамъ и словамъ; всѣхъ насъ, сельскихъ жителей, обманули самымъ недостойнымъ образомъ, съ нами сыграли дурную штуку подъ-префекты, префекты, ихъ начальники, патеры, офиціальныя газеты—однимъ словомъ, всѣ и каждый.

Могъ ли кто изъ насъ думать, что на свѣтѣ есть столько негодныхъ людей? Нѣтъ, мы не думали этого до тѣхъ поръ и не вѣрили, пока не убѣдились собственными глазами.

И какъ дорого мы поплатились за свое довѣріе! Намъ пришлось отдать наше сѣно, нашу солому, наше зерно, нашу муку, нашъ скотъ; но и этого было недостаточно. Они подъ конецъ отдали и насъ самихъ. Они сказали намъ: «Вы больше не французы, вы пруссаки! Мы взяли у васъ всѣхъ молодыхъ людей и послали ихъ на войну: они убиты или въ плѣну; теперь раздѣлывайтесь съ Бисмаркомъ, какъ хотите; это уже ваше, а не наше дѣло!»

Но слѣдуетъ разсказать все по порядку и хладнокровно; поэтому я начну съ самаго начала.

Прежде всего вамъ нужно знать, что я мельникъ въ селѣ Ротальнъ, въ долинѣ Метинга, въ Дозенгеймѣ, между Лотарингіей и Эльзасомъ. Ротальнъ большое, прекрасное селеніе въ сто двадцать домовъ; у насъ живетъ не мало людей съ вѣсомъ и положеніемъ въ свѣтѣ, какъ, напримѣръ, патеръ Даніель, учитель Адамъ Фиксъ, колесники, кузнецы, башмачники, портные, кабатчики, пивовары, торговцы яйцами, масломъ и живностью даже два еврея: Соломонъ Каннъ, разносчикъ, и Давидъ Герцъ, продавецъ скота.

Поэтому вы можете судить, какимъ благоденствіемъ наслаждалась наша деревня до войны; вѣдь извѣстно, чѣмъ богаче деревня, тѣмъ болѣе стекается въ нее чужестранцевъ; каждый находитъ себѣ работу и добываетъ кусокъ хлѣба. Намъ даже не приходилось посылать въ ближайшій городъ за говядиной; Давидъ время отъ времени билъ корову и продавалъ намъ мясо по фунтамъ въ воскресные и праздничные дни.

Я, Христіанъ Веберъ, никогда не выѣзжалъ изъ своей общины далѣе, чѣмъ на тридцать верстъ. Я получилъ свою мельницу въ наслѣдство отъ дѣда, Марселя Дежардена, француза изъ окрестностей Меца, который выстроилъ ее во время шведской войны, когда наше селеніе было еще ничтожной деревушкой. Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ я женился на Катеринѣ Амасъ, дочери стараго лѣсника, которая принесла съ собой въ приданое сто луидоровъ. У насъ двое дѣтей: дочь Гредель и сынъ Жакобъ.

Изъ близкихъ моихъ родныхъ я долженъ упомянуть еще о моемъ двоюродномъ братѣ Жоржѣ Веберѣ, который лѣтъ тридцать тому назадъ отправился на военномъ кораблѣ въ Гваделупу. Съ тѣхъ поръ онъ долго находился въ дѣйствительной службѣ морскимъ солдатомъ. Во время бомбардированія Сенъ-Жанъ-д'Улоа, онъ билъ сборъ на палубѣ «Бусоля»: онъ самъ мнѣ о томъ разсказывалъ сотни разъ. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ сержанты, вышелъ въ отставку, ходилъ въ сѣверную Америку для ловли трески, и въ Балтійское море на маленькомъ датскомъ суднѣ, нагруженномъ углемъ. Жоржъ употребилъ всѣ усилія, чтобы нажить себѣ состояніе. Въ 1850 году онъ пріѣхалъ въ Парижъ, поселился тамъ и открылъ фабрику

сничекъ на улицѣ Муфтаръ: онъ очень красивый, загорѣлый, высокаго роста человѣкъ, съ блестящими глазами, и потому неудивительно, что въ него вскорѣ влюбилась богатая, бездѣтная вдова Маріана Финкъ, содержавшая трактиръ по сосѣдству съ его фабрикой. Онъ женился на Маріанѣ и разбогатѣлъ. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ землю въ нашемъ околодкѣ черезъ посредство стряпчаго Фенгадо, которому исправно выплатилъ всѣ слѣдуемыя деньги. Наконецъ, онъ купилъ домъ въ нашемъ селеніи, продававшійся съ аукціона послѣ смерти стараго плотника Жозефа Бріу, и рѣшилъ перебраться къ намъ съ женою, чтобы открыть кабачекъ по проѣзжей дорогѣ въ Метинъ.

Эти событія случились въ прошломъ году, во время плебисцита. Жоржъ сперва пріѣхалъ къ намъ одинъ, безъ жены; онъ желалъ сперва устроить свой новый домъ, а жена уже пріѣхала на устроенное хозяйство.

Въ то время я былъ мэромъ и получилъ приказаніе отъ подъ-префекта заявить всѣмъ жителямъ селенія о плебисцитѣ и потребовать, чтобъ всѣ благонамѣренные люди подавали голосъ «да», если они желаютъ сохранить миръ, такъ какъ извѣстно было, что всѣ буяны въ странѣ, желая войны, намѣрены сказать: «нѣтъ».

Я въ точности исполнилъ полученное приказаніе, взялъ обѣщаніе отъ всѣхъ поселянъ явиться непремѣнно къ избирательному ящику, и даже послалъ сторожа Мартина Кошна въ самыя отдаленныя хижины въ горахъ, чтобы онъ оповѣстилъ и тамъ о плебисцитѣ и распоряженіи подъ-префекта.

Жоржъ пріѣхалъ наканунѣ плебисцита. Я принялъ его очень радушно, какъ слѣдуетъ принимать богатаго, бездѣтнаго родственника. Онъ, повидимому, былъ очень радъ насъ видѣть и находился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. День прошелъ очень благополучно, но на слѣдующій, услыхавъ, какъ мѣстный полицейскій объявлялъ на улицѣ о плебисцитѣ, онъ отправился въ пивную Рейбеля, гдѣ собралось много народа, и сталъ говорить тамъ противъ плебисцита.

Я въ это время находился въ мэріи и, украшенный моимъ офиціальнымъ знакомъ, принималъ избирательные листки. Вдругъ является мой помощникъ Пласьяръ и внѣ себя отъ негодованія объявляетъ, что нѣсколько мошенниковъ нарушаютъ порядокъ, а что одинъ изъ нихъ въ «Золотой кружкѣ» догово-

рился до того, что чуть не половина жителей деревни сговариваются убить его за его возмутительныя рѣчи.

Я тотчасъ побѣжалъ на мѣсто происшествія. Въ пивной торжественно возсѣдалъ Жоржъ и громко называлъ ослами всѣхъ присутствующихъ, утверждая, что плебисцитъ былъ въ пользу войны. Онъ говорилъ, что Наполеонъ III, его министры, префекты, генералы и епископы обманываютъ народъ, что они желаютъ войны и думаютъ теперь только о томъ, какъ бы получить съ народа какъ можно болѣе денегъ, чтобы было на что воевать, и т. д.

Уже издали я услышалъ эти страшныя слова и сказалъ самъ себѣ:

— Бѣдняга, вѣрно подпилъ.

Еслибъ Жоржъ не былъ моимъ двоюроднымъ братомъ и не могъ бы лишить моихъ дѣтей наслѣдства, я, конечно, немедленно арестовалъ бы его и отправилъ бы подъ карауломъ въ Сарбургъ; но, принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, я рѣшился мирно покончить непріятное дѣло. Расталкивая толпу, я громко воскликнулъ:

— Дайте дорогу, ребята!

Увидя перевязь мэра, всѣ разступились, и я подошелъ къ Жоржу, сидѣвшему за столомъ въ правомъ углу.

— Жоржъ, — сказалъ я торжественно, — зачѣмъ вы дѣлаете скандалъ?

На него также подѣйствовалъ мой офиціальный знакъ; онъ служилъ во флотѣ и зналъ, что мэръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и имѣетъ право арестовать всякаго, а при малѣйшемъ сопротивленіи, отправить его въ Сарбургъ или Нанси. Поэтому онъ тотчасъ успокоился и замолчалъ; впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ не былъ пьянъ и говорилъ безъ злобы и горечи, по сознанію долга, изъ жалости къ своимъ согражданамъ.

— Г. мэръ, заботьтесь о выборахъ, — сказалъ онъ спокойно,—смотрите, чтобъ мошенники, которыхъ вездѣ много, не сунули незамѣтно въ избирательный ящикъ груду листковъ съ надписью «да» вмѣсто «нѣтъ». Это часто случалось прежде! А обо мнѣ, пожалуйста не безпокойтесь. Въ офиціальной газетѣ сказано, что каждый свободенъ выражать свое мнѣніе и подавать голосъ за что угодно. Если мнѣ заткнутъ ротъ, то я буду протестовать въ газетахъ.

Боясь, чтобъ онъ не надѣлалъ еще худшаго скандала, я мягчайшимъ отвѣчалъ:

— Говорите, что угодно; мы не желаемъ ограничить, чѣмъ бы то ни было, свободы выборовъ; но вы, ребята, надѣюсь, знаете свое дѣло?

— Да, да!—воскликнула вся толпа, снимая шляпы.—Да, г. мэръ, мы не будемъ слушать пустой болтовни; пусть онъ говоритъ, хоть цѣлый день, намъ все равно.

И они всѣ отправились въ мэрію подавать голоса, оставивъ Жоржа одного въ пивной.

Патеръ Даніель на дорогѣ присоединился къ толпѣ и пошелъ впереди ея. Онъ утромъ проповѣдывалъ въ пользу плебисцита, и, дѣйствительно, въ нашемъ избирательномъ ящикѣ не оказалось ни одного «нѣтъ».

Еслибъ Жоржъ не владѣлъ прекраснымъ лугомъ близъ мельницы и большимъ участкомъ земли въ окрестностяхъ, онъ сталъ бы предметомъ всеобщаго презрѣнія, но богатый человѣкъ, только что купившій на чистыя деньги домъ, огородъ и садъ, можетъ говорить все, что ему угодно, особенно если его никто не слушаетъ, и всѣ поступаютъ прямо наперекоръ его совѣту.

Вотъ какимъ образомъ прошелъ у насъ плебисцитъ. Точно также дѣло обошлось почти повсюду въ нашемъ кантонѣ; въ Фальсбургѣ было вывѣшено много воззваній противъ плебисцита, и дерзость безпокойныхъ людей дошла до того, что они строго наблюдали за мэромъ и избирательнымъ ящикомъ,—и все же изъ тысячи пятисотъ избирателей, гражданскихъ и военныхъ, только тридцать два человѣка сказали: «нѣтъ».

Очевидно, все шло благополучно, и наше поведеніе должно было доставить полное удовольствіе г. подъ-префекту.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что мы нуждались въ шоссейной дорогѣ къ Ганжвилье, а также, что намъ обѣщали два колокола въ церковь и право кормить нашихъ свиней осенью желудями; кромѣ того, мы знали, что всѣ селенія, въ прежнее время подававшія голосъ противъ правительства, ничего не получали, а селенія, которыя выбирали указанныхъ имъ совѣтниковъ въ окружные и департаментскіе совѣты, могли всегда разсчитывать на небольшую сумму денегъ, выдаваемую сборщикомъ податей на мѣстныя потребности. Г. подъ-префектъ указалъ мнѣ на эти выгоды; и я, конечно, какъ исправный мэръ, передалъ его слова

моимъ подчиненнымъ. Наши депутаты, члены генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, были всѣ преданные слуги правительства. Этимъ путемъ мы пріобрѣли право на сборъ сухихъ листьевъ въ лѣсахъ и получили капиталъ на постройку общественныхъ прачешныхъ заведеній. Мы думали только о своей личной пользѣ и желали, чтобъ, вмѣсто насъ, другія селенія платили на содержаніе администраціи и на личныя затѣи Наполеона III. Такимъ образомъ, слова Жоржа объ общественныхъ интересахъ и о благосостояніи всей націи не производили на насъ никакого впечатлѣнія.

Я очень хорошо помню, что въ самый день плебисцита, когда всѣмъ уже было извѣстно, что мы подали голоса, какъ слѣдуетъ, и получимъ два колокола и шоссейную дорогу, у меня съ Жоржемъ послѣ ужина чуть не вышла большая ссора. Я, конечно, тогда же выгналъ бы его изъ дома, если бы не разсчитывалъ на богатое наслѣдство, которое онъ можетъ оставить моимъ дѣтямъ.

Мы сидѣли съ нимъ за столомъ и, покуривая трубки, распивали киршъ: моя жена и Гредель уже шли спать.

— Выслушайте меня, Христіанъ, — неожиданно сказалъ Жоржъ, — несмотря на все уваженіе, которое я къ вамъ питаю, какъ къ мэру, я долженъ сознаться, что въ вашей деревнѣ всѣ до одного мужчины просто гуси ланчатые. Счастье еще, что среди васъ поселился хоть одинъ благоразумный человѣкъ, какъ я.

Я обидѣлся и хотѣлъ отвѣчать, но онъ продолжалъ:

— Позвольте мнѣ кончить: если бы вы прожили нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, то смотрѣли бы на дѣла нѣсколько иначе: теперь же вы походите на гнѣздо голодныхъ, слѣпыхъ птенцовъ, которые, открывъ клювъ, громко требуютъ пищи отъ неба, а поселяне, услыхавъ этотъ крикъ, взлѣзаютъ на деревья и, свернувъ птенцамъ шеи, варятъ изъ нихъ супъ. Въ подобномъ же положеніи и вы находитесь. Вы вѣрите своимъ недоброжелателямъ и дозволяете имъ общипывать себя, сколько имъ угодно. Если бы вы выбирали настоящихъ людей въ депутаты и генеральные совѣтники, а не лицъ, указанныхъ вамъ префектурой, то въ вашемъ распоряженіи оставалась бы значительная часть тѣхъ денегъ, которыя собираютъ съ васъ сборщики податей. Тогда многіе изъ тѣхъ, которые такъ легко обогащаются на вашъ счетъ, не могли бы

этого дѣлать, не могли бы въ нѣсколько лѣтъ наживать громадныя состоянія. Тогда многіе пустомели и врали, которымъ до государственнаго переворота вы не повѣрили бы гроша, не были бы милліонерами, не катались бы въ роскошныхъ экипажахъ съ своими женами, дѣтьми, слугами и балетными танцовщицами. Префекты и подъ-префекты вамъ говорятъ: «Подавайте голоса, какъ слѣдуетъ, и мы вамъ дадимъ то, или другое: дорогу, школу, прачешную и т. д.». Но вѣдь, платя подати, вы имѣете право все это требовать, а вамъ жалуютъ изъ милости. Если бы большая часть денегъ, которыя съ васъ берутъ, оставалась бы у васъ въ общинѣ, вы сами могли бы устроить себѣ все необходимое. Что для васъ дѣлаетъ Наполеонъ? Ничего хорошаго. Въ каждые выборы онъ показываетъ вамъ, какъ приманку, ваши собственныя деньги, точно конфетку дѣтямъ, а потомъ, когда выборы кончены, онъ снова прячетъ деньги въ карманъ; игра вѣдь сыграна.

— Какъ можетъ онъ спрятать деньги въ карманъ?—сказалъ я съ негодованіемъ.—Развѣ не каждый годъ счеты представляются въ палату?

— Не хитрый вы человѣкъ, Христіанъ,—сказалъ онъ, пожимая плечами,—развѣ трудно представлять счеты въ палату? Столько-то за шасно, — которыхъ вовсе нѣтъ! Столько-то на военные припасы, — которыхъ никто никогда не видалъ! Столько-то на измѣненіе формы мундировъ, столько то на пенсіи и т. д. Развѣ депутаты разсматриваютъ счеты по существу? Кто повѣряетъ министерскіе бюджеты? Депутаты, на которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ вамъ указываетъ, и которыхъ вы безпрекословно выбираете, — себѣ на умѣ; они знаютъ, что если бы они вздумали посѣщать арсеналы и провѣрять счета, то Наполеонъ III выбросилъ бы ихъ изъ палаты на слѣдующихъ выборахъ. Все это комедія. Вчера, напримѣръ, проѣзжая черезъ Фальсбургъ, я взобрался на крѣпостной валъ и видѣлъ тамъ пушки временъ царя Ирода, на лафетахъ, изъѣденныхъ червями и подкрашенныхъ только для вида. А на ваши деньги эти самыя пушки переливаются каждые три или четыре года—на бумагѣ. О, бѣдный Христіанъ! Вы простакъ, и всѣ обитатели нашей деревни простаки. Но люди, которыхъ вы посылаете депутатами въ Парижъ, нечего сказать, хитрый народъ!

И онъ засмѣялся.

— А знаете ли вы, въ чемъ вы нуждаетесь?—продолжалъ онъ, такъ какъ я молчалъ, разсерженный его словами. — Вы нуждаетесь не въ здравомъ смыслѣ, не въ честности. Всѣ мы, поселяне, сохранили нѣкоторую долю здраваго смысла и честности. Кромѣ того, мы вѣримъ въ честность другихъ, и это доказываетъ, что мы сами хоть немного честны. Нѣтъ, вы нуждаетесь въ образованіи; вы просите колокола въ церковь, и вамъ дадутъ колокола, а ваша школа помѣщается въ несчастномъ сараѣ, и вашъ единственный учитель Адамъ Фиксъ не можетъ ничему учить дѣтей, такъ какъ онъ самъ ничего не знаетъ. Если бы вы вздумали просить настоящую, хорошую школу, то на это не нашлось бы денегъ въ казнѣ. У наполеоновскаго правительства денегъ никогда не бываетъ для хорошаго учителя, для большой просторной школьной комнаты съ деревянными скамейками и столами, книгами и картами, чертежами и грифельными досками. А почему? Потому что, будь у васъ хорошая школа— ваши дѣти умѣли бы читать, писать, считать; они были бы тогда въ состояніи провѣрять министерскіе счета; а этого-то именно Наполеонъ III и не желаетъ. Вы понимаете теперь, Христіанъ, отчего у васъ нѣтъ школы, и вы не получите ее, хотя вамъ даютъ деньги на колокола?

И онъ многозначительно взглянулъ на меня; потомъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ:

— А знаете вы, сколько стоятъ всѣ школы во Франціи? Я не говорю о большихъ школахъ, медицинской, юридической, химической, о коллегіяхъ и лицеяхъ, гдѣ воспитываются болѣе или менѣе состоятельные люди. Я говорю о первоначальныхъ школахъ для народа, въ которыхъ учатъ читать и писать; а всякій человѣкъ долженъ знать грамоту, ибо иначе онъ ничѣмъ не отличается отъ дикарей американскихъ лѣсовъ. Депутаты, которыхъ народъ посылаетъ въ Парижъ блюсти его интересы, и которые должны были бы, если они не плуты, исполнить свою обязанность въ отношеніи избирателей—эти депутаты назначали на народныя школы всего семьдесятъ пять милліоновъ. Государство даетъ десять милліоновъ, а остальная сумма приходится на долю департаментовъ и общинъ, отцовъ и матерей. Семьдесятъ пять милліоновъ франковъ для образованія народа въ такой странѣ, какъ Франція — слишкомъ мало. Соединенные Штаты расходуютъ въ шесть разъ больше. Зато нашъ военный бюджетъ

равняется пятистамъ милліонамъ; впрочемъ, эта сумма не была бы велика, если бы у насъ было пятьсотъ тысячъ солдатъ подъ ружьемъ, согласно разсчету стоимости въ день каждаго солдата; но для арміи въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ людей это слишкомъ много. Куда же дѣваются остальные двѣсти пятьдесятъ милліоновъ? Если бы они шли на постройку школъ, на плату хорошимъ учителямъ, на содержаніе престарѣлыхъ работниковъ, то я не имѣлъ бы ничего сказать, но они звенятъ въ карманахъ многихъ господъ чиновниковъ и патеровъ.

Я, наконецъ, усталъ слушать эти скучныя разглагольствія Жоржа и почувствовалъ страшную дремоту.

— Все это хорошо,—сказалъ я,—но уже поздно, и къ тому же ваши разсужденія не имѣютъ ничего общаго съ плебисцитомъ.

Съ этими словами я всталъ, но онъ меня удержалъ за руку.

— Поговоримъ еще,—произнесъ онъ,—дайте мнѣ докурить трубку. Вы говорите, что мои разсужденія не имѣютъ ничего общаго съ плебисцитомъ, но вѣдь плебисцитъ именно имѣетъ цѣлью продлить настоящее положеніе дѣлъ. Если нація полагаетъ, что все идетъ хорошо, что она можетъ даже платить еще болѣе податей, что многіе извѣстные чиновники недостаточно отъѣлись, что Наполеонъ III не довольно много накупилъ помѣстій въ чужихъ краяхъ, то пусть она скажетъ этимъ плебисцитамъ:—«Пожалуйста продолжайте, мы совершенно довольны». Вы этого желаете?

— Да,—отвѣчалъ я съ неудовольствіемъ,—я на все согласенъ, только чтобъ не было войны. Имперія—это миръ, я подаю голосъ за миръ.

— Вы правы, Христіанъ,—сказалъ Жоржъ, вставая и выколачивая свою трубку.—Жаль, что я купилъ домъ стараго Бріу; ужъ больно вы всѣ здѣсь глупы. Мнѣ васъ просто жаль.

— Пожалуйста не жалѣйте,—отвѣчалъ я съ сердцемъ,—я не глупѣе васъ.

— Какъ! Вы, мэръ Ротальна, имѣете ежедневныя сношенія съ подъ-префектомъ и вы вѣрите, что цѣль этого плебисцита утвердитъ миръ.

— Да, я вѣрю.

— Полноте. Развѣ у насъ въ настоящую минуту не миръ? Развѣ намъ нуженъ плебисцитъ, чтобъ поддержать его? Неужели вы думаете, что этимъ обойдешь нѣмцевъ? Наши поселяне под-

даются обману, ихъ надуваетъ и натеръ, и мэръ, и подъ-префектъ; но такими штуками не проведешь ни одного, даже простенькаго работника въ Парижѣ. Они знаютъ, что Наполеонъ III и министры хотятъ войны, что генералы и офицеры ея даже требуютъ. Миръ хорошъ для торговцевъ, ремесленниковъ и поселянъ, но офицерамъ надоѣло сидѣть въ однихъ чинахъ. Войско не отличается хорошимъ духомъ, оно требуетъ быстраго производства или вскорѣ разсердится не на шутку, особливо видя, что пруссаки у насъ подъ носомъ и безъ всякаго спроса забираютъ провинцію за провинціей. Вы этого не понимаете! Ну, идемъ спать.

Тутъ я началъ постигать, что Жоржъ многому научился въ Парижѣ, и что онъ зналъ политику лучше меня. Но это нисколько не уменьшило моего гнѣва: онъ цѣлый день только сердилъ и безпокоилъ меня, такъ что я невольно сказалъ себѣ: «съ такимъ буяномъ невозможно жить».

Моя жена, слышавшая сверху нашъ споръ, встрѣтила насъ на лѣстницѣ со свѣчкой и съ самой предупредительной улыбкой.

— Что, наговорились?—сказала она.— Вы, вѣрно, многое имѣли другъ другу поразсказать. Пожалуйте, Жоржъ, я васъ проведу въ вашу комнату. Вотъ она. Изъ окна виденъ лѣсъ, освѣщенный луною: а эта постель лучшая въ домѣ. Подъ подушкой вы найдете ночной колпакъ.

— Благодарствуйте, Катерина, благодарствуте, все отлично,—сказалъ Жоржъ.

— Надѣюсь, что вы хорошо уснете,— промолвила она, выходя изъ комнаты.

Возвратясь ко мнѣ, эта благоразумная, здравомыслящая женщина сказала:

— Христіанъ, зачѣмъ ты противорѣчишь Жоржу? О чемъ ты думаешь? Онъ богатый человѣкъ и можетъ намъ сдѣлать много добра. Какое намъ дѣло до плебисцита? Что онъ можетъ намъ принести? Смотри, въ другой разъ, что бы ни говорилъ Жоржъ, ты повторяй только: аминь. Помни, что у его жены есть родственники, и она захочетъ все состояніе передать имъ. Смотри же, не ссорься съ Жоржемъ. Большой лугъ близъ мельницы и фруктовый садъ на склонѣ горы—лакомый кусочекъ.

Я долженъ былъ сознаться, что она права, и рѣшился въ глубинѣ своего сердца никогда болѣе не противорѣчить Жоржу,

который могъ сдѣлать для насъ лично гораздо болѣе, чѣмъ Наполеонъ III, министры и всевозможныя власти; никто изъ этихъ особъ не думалъ о насъ, заботясь лишь о своихъ собственныхъ интересахъ; конечно, мы должны были слѣдовать ихъ примѣру, видя, какъ они благоденствовали въ своихъ золотыхъ мундирахъ на этомъ свѣтѣ.

Размышляя такимъ образомъ, я легъ въ постель и вскорѣ заснулъ.

II.

На слѣдующій день рано утромъ Жоржъ, я и мой сынъ Жакобъ, позавтракавъ наскоро, заложили двѣ телѣжки и отправились на Люцельбургскую станцію за женою Жоржа и багажемъ.

Еще живя въ Парижѣ, Жоржъ приказалъ выбѣлить старый домъ, купленный имъ въ нашей деревнѣ, выкрасить всѣ комнаты, перестлать полы и покрыть крышу новой черепицей. Послѣднія работы были исполнены при немъ. Когда же все было готово, Жоржъ написалъ женѣ, чтобъ она пріѣзжала со всѣми пожитками.

Итакъ, мы выѣхали изъ дома въ шесть часовъ утра: на дорогѣ мы встрѣчали толпы жителей Ганжевилье, Метинга и Вешама; всѣ распѣвали пѣсни и громко кричали: «Да здравствуетъ императоръ».

Повсюду избиратели сказали: «да» для поддержанія мира. Это былъ величайшій обманъ, когда-либо видѣнный на свѣтѣ: министры, префекты и правительственныя газеты такъ хитро объясняли плебисцитъ, что весь народъ былъ увѣренъ, что, говоря: «да», онъ дѣйствительно подастъ голосъ за миръ.

— Бѣдные простаки! — грустно сказалъ Жоржъ. — Какъ я васъ сожалѣю! Я никогда не думалъ, что вы такіе дураки и можете такъ легко повѣрить всякому пройдохѣ.

Подъ пройдохами можно было разумѣть все правительство, и, конечно, я пришелъ въ негодованіе, но благоразумный совѣтъ Катерины все еще звучалъ въ моихъ ушахъ, и я сказалъ самъ себѣ: «Держи языкъ за зубами, Христіанъ; это будетъ лучше».

По всей дорогѣ мы видѣли то же зрѣлище; солдаты 48-го полка, квартировавшаго въ Фальцбургѣ, были всѣ такъ веселы, словно они выиграли главный выигрышъ въ лотереѣ; полковой

командиръ объявилъ имъ, что всякій, кто не скажетъ: «да», не достоинъ называться французомъ. Всѣ поголовно сказали: «да», ибо хорошій солдатъ слѣпо повинуется приказанію своего начальника.

Миновавъ французскія ворота, мы достигли Люцельбурга въ ту самую минуту, какъ парижскій поѣздъ, высадивъ пассажировъ, исчезалъ со свистомъ въ Совершскомъ тунелѣ.

Жена Жоржа, съ которой я еще не былъ знакомъ, стояла на платформѣ подлѣ своего багажа; увидя Жоржа, она радостно воскликнула:

— А, вотъ и ты, Жоржъ, а это нашъ двоюродный братъ!

Она поцѣловала насъ отъ души, но во взглядѣ ея виднѣлось какое-то удивленіе; можетъ быть ее поразили наши блузы и большія черныя шляпы съ широкими полями. Но нѣтъ, это невѣроятно, ибо Маріана Финкъ была родомъ изъ Вислона въ Эльзасѣ, а всѣ эльзасцы съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, носили блузы и шляпы съ широкими полями. Скорѣе всего, проживъ тридцать лѣтъ въ Парижѣ кухаркой въ различныхъ трактирахъ и хозяйкой трактира, эта высокая худощавая женщина съ большими блестящими, какъ уголья, глазами, удивилась нѣсколько нашей простотѣ.

— Телѣжки готовы, жена! — воскликнулъ Жоржъ весело. — На большую мы навалимъ мебель, а на маленькую остальныя вещи. Ты сядешь впереди. Посмотри сюда, направо... это замокъ Люцельбургъ, а подлѣ хорошенькій, деревянный домикъ, покрытый виноградными лозами: тутъ живетъ Ферти, приготовляющій знаменитый фальсбурскій ликеръ.

Мы принялись тотчасъ укладывать на возы; къ двѣнадцати часамъ все было готово, и мы пустились въ обратный путь. Выѣзжая изъ Люцельбурга, мы встрѣтили громадный возъ съ углемъ, спускавшійся съ горы; подлѣ шелъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати или семнадцати и велъ лошадь подъ уздцы. Поравнявшись съ послѣднимъ домомъ Люцельбурга, этотъ мальчикъ безъ всякой причины ударилъ бичемъ пятилѣтняго ребенка, сидѣвшаго на порогѣ. Ребенокъ громко заревѣлъ.

— Зачѣмъ онъ ударилъ ребенка! — воскликнула жена Жоржа.

— Это угольщикъ нѣмецъ изъ Сарбрюкена, — отвѣчалъ Жоржъ, — онъ ударилъ ребенка потому, что ребенокъ французъ.

Тогда Маріана хотѣла соскочить съ телѣжки и собственноручно раздѣлаться съ нѣмцемъ, но мы ее остановили.

— Негодяй! Трусъ! Собака!—воскликнула она.—Что привязался къ ребенку? Бей меня, если смѣешь!

По всей вѣроятности, грубый юноша удовлетворилъ бы ея желанію, если бы не увидалъ насъ, готовыхъ за нее заступиться: поэтому въ отвѣтъ на ея приглашеніе онъ только стегнулъ свою лошадь и поспѣшно пошелъ къ мосту, безпрестанно оборачиваясь назадъ.

Я тогда думалъ, что Жоржъ преувеличивалъ, говоря, что нѣмецъ ударилъ ребенка изъ ненависти къ французамъ: но впослѣдствіи я убѣдился, что онъ былъ правъ, и что нѣмцы уже долгіе годы питали къ намъ злобу, поджидая удобнаго случая выместить ее на насъ.

— За все это мы должны быть благодарны нашему доброму человѣку,—сказалъ Жоржъ.—Нѣмцы думаютъ, что мы его сдѣлали императоромъ только для того, чтобъ начать дядюшкины штуки, поэтому на плебисцитъ они смотрятъ, какъ на объявленіе войны. Радость нашихъ подъ-префектовъ, мэровъ и патеровъ, однимъ словомъ, всѣхъ добрыхъ людей, для которыхъ ничего не значитъ несчастье ближняго, доказываетъ, что нѣмцы недалеки отъ истины.

— Да, это правда! — воскликнула его жена. - Но какая низость бить ребенка!

— Что объ этомъ говорить,—отвѣчалъ Жоржъ,—мы увидимъ вскорѣ дѣла и похуже, чего мы, впрочемъ, вполнѣ и заслуживаемъ нашимъ безуміемъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибался.

Разговаривая такимъ образомъ, мы доѣхали до дому.

Моя жена между тѣмъ приготовила обѣдъ, и послѣ общихъ привѣтствій мы усѣлись за столъ. Маріана была очень весела: по дорогѣ она уже видѣла свой новый домъ съ садомъ, въ которомъ яблони были въ полномъ цвѣту,—и домъ и садъ ей понравились. Мы оставили обѣ телѣжки у воротъ ихъ дома, и изъ нашего окна мы видѣли, какъ сосѣди съ любопытствомъ ходили вокругъ и удивлялись громаднымъ, тяжелымъ ящикамъ и множеству мебели. По всей вѣроятности, они говорили другъ другу, что Жоржъ Веберъ и его жена были богатые люди, достойные уваженія всего околодка. Я самъ, прежде чѣмъ увидѣлъ эти

большіе ящики, никогда не воображалъ, чтобъ они имѣли столько вещей.

Все это доказывало, что моя жена была вполнѣ права, убѣждая меня оказывать всевозможное уваженіе богатому родственнику; она сама всячески ухаживала за нимъ и просила нашу дочь, Гредель, слѣдовать ея примѣру. Что же касается Жакоба, то ему нечего было напоминать, онъ былъ вполнѣ благоразумный юноша и отлично понималъ, что слѣдовало дѣлать; объяснять ему не было надобности.

Послѣ обѣда мы всѣ отправились въ домъ Жоржа и стали распаковывать ящики, носить мебель, посуду и уставлять все въ комнатахъ; потомъ женщины разложили бѣлье по комодамъ и постлали постели, такъ что къ семи часамъ все было готово. Но наша работа не кончилась. Пока мы хлопотали въ домѣ, прибыли два большіе фургона изъ Барри въ Эльзасѣ, куда Жоржъ заѣзжалъ по дорогѣ въ Ротальпъ для закупки вина.

— Ну, друзья мои,—сказалъ Жоржъ, засучивая рукава,— теперь намъ предстоитъ самая трудная работа. Я всегда ковалъ желѣзо, пока оно горячо. Извозчики торопятся въ городъ, и потому прошу всякаго, кто желаетъ помочь намъ, перетащить бочки въ погребъ.

Эти слова были обращены къ сосѣдямъ, собравшимся вокругъ фургоновъ. Всѣ охотно принялись за работу, принесли фонари, отворили погребъ, положили доску отъ фургона на землю, и съ земли въ погребъ, и до одиннадцати часовъ мы только и дѣлали, что катали бочку за бочкой.

Никогда въ жизни я такъ усердно не работалъ! Наконецъ, все было готово. Жоржъ съ видимымъ удовольствіемъ осмотрѣлъ погребъ и, вскрывъ одну изъ бочекъ, налилъ полную кружку вина.

— Ну, работники, — весело сказалъ онъ, — пойдемте выпьемъ, а потомъ и спать.

Мы заперли погребъ и вошли въ домъ, гдѣ онъ насъ угостилъ виномъ вдоволь. Когда же пробило двѣнадцать часовъ, то мы всѣ разошлись по домамъ.

Въ продолженіе многихъ дней въ селеніи только и было толковъ, что о пріѣзжихъ парижанахъ! Разсказамъ не было конца; одни утверждали, что Жоржъ скупилъ весь навозъ у жандармовъ, другіе, что онъ подрядилъ рабочихъ устроить осенью дре-

нажъ на его землѣ: наконецъ, прошелъ слухъ, что онъ собирался строить конюшню, прачешную и винокурню и даже увеличивалъ свои погреба, и безъ того лучшіе во всемъ околодкѣ.

Судя по этимъ толкамъ, Жоржъ долженъ былъ имѣть громадное состояніе, тѣмъ болѣе, что и расплачивался онъ за все очень аккуратно. Если бы онъ не платилъ наличными деньгами архитектору, плотникамъ и каменщикамъ, то всѣ стали бы кричать, что онъ разоряется. Но онъ никому не оставался долженъ ни гроша, и нашъ стряпчій, встрѣчая Жоржа, всегда почтительно ему кланялся, называя его: «любезный г. Веберъ».

Одно только сердило Жоржа: онъ не получалъ никакого отвѣта изъ префектуры, куда онъ подалъ прошеніе о дозволеніи ему открыть кабачокъ подъ вывѣской «Ананасъ». Онъ даже писалъ три раза въ Сарбургъ, но все напрасно. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ останавливалъ меня на улицѣ и зазывалъ къ себѣ.

При этомъ онъ только и говорилъ, что о разрѣшеніи открыть кабачекъ: и даже разъ явился ко мнѣ въ мэрію для засвидѣтельствованія аттестатовъ объ его безупречномъ поведеніи. Эти аттестаты были посланы въ префектуру, но и затѣмъ отвѣта все-таки не получалось.

Однажды я подписывалъ отчетъ, составленный школьнымъ учителемъ, какъ вдругъ вошелъ въ комнату Жоржъ.

— Что новенькаго?—спросилъ онъ.

— Ничего. Я рѣшительно не понимаю, почему вы не получаете разрѣшенія.

— Хорошо, — сказалъ онъ, садясь къ моей конторкѣ,— дайте мнѣ бумаги, я напишу по-своему, и мы тогда увидимъ.

Онъ былъ блѣденъ отъ волненія и сталъ быстро писать, громко выговаривая каждое слово.

«Господинъ подъ-префектъ!

Я просилъ у васъ дозволенія открыть кабачекъ въ Ротальпѣ. Я даже имѣлъ честь написать вамъ три письма по этому предмету, а вы мнѣ не дали никакого отвѣта. Отвѣчайте, да или нѣтъ. Человѣкъ, получающій жалованье, и хорошее жалованье, долженъ исполнять свои обязанности.

Г. подъ-префектъ, имѣю честь вамъ кланяться.

Жоржъ Веберъ, отставной сержантъ.

При чтеніи этого письма, у меня волосы стали дыбом:

— Жоржъ,—сказалъ я,—не посылайте этого письма! Подъ-префектъ непремѣнно васъ арестуетъ.

— Фуй,—отвѣчалъ онъ,—вы, сельскіе жители, смотрите на этихъ людей, какъ на полу-боговъ, хотя они вамъ же обязаны своимъ существованіемъ. Страна имъ платитъ жалованье, за которое они должны исполнять свои обязанности и служить ей. Ну, Христіанъ, приложите вашу печать.

Тутъ, несмотря на всѣ совѣты жены не противорѣчить Жоржу, я сдѣлалъ ему возраженіе.

— Ради Бога,—вскричалъ я,—не просите этого! Если я исполню ваше желаніе, то, вы сами понимаете, вѣдь я непремѣнно потеряю мѣсто.

— Какое мѣсто?—отвѣчалъ онъ.—Мѣсто мэра, получающаго приказанія отъ подъ-префекта и префекта, дѣлающихъ все, что имъ повелѣваетъ нашъ честный человѣкъ! Я скорѣе бы пошелъ въ тряпичники, чѣмъ на такое мѣсто!

Школьный учитель, бывшій въ то время въ комнатѣ, какъ бы свалился съ облаковъ и съ ужасомъ посмотрѣлъ на Жоржа, какъ на сумасшедшаго.

Я сидѣлъ, какъ на угольяхъ, слыша подобныя слова въ мэріи: наконецъ, я собрался съ силами и сказалъ, что лучше я самъ отправлюсь въ Сарбургъ и тамъ похлопочу и получу разрѣшеніе.

— Хорошо, мы поѣдемъ вмѣстѣ,—отвѣчалъ Жоржъ.

Но я чувствовалъ, что если онъ будетъ говорить съ подъ-префектомъ этимъ же тономъ, то насъ обоихъ арестуютъ; поэтому я объявилъ, что поѣду одинъ, такъ какъ онъ могъ только стѣснить меня.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—но вы мнѣ передадите слово въ слово все, что вамъ скажетъ подъ-префектъ.

Съ этими словами онъ изорвалъ свое письмо и вышелъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода я провелъ самую безпокойную ночь. Жена продолжала повторять, что я долженъ отдавать предпочтеніе Жоржу передъ подъ-префектомъ, который только смѣялся надъ нами. Она увѣряла, что императоръ Наполеонъ III также имѣетъ двоюродныхъ братьевъ, которые желали бы ему наслѣдовать, и

что вообще всякій человѣкъ долженъ прежде всего соблюдать свои интересы.

На слѣдующій день я отправился въ Сарбургъ: въ головѣ моей теснились разнородныя мысли. «И зачѣмъ это Жоржъ пріѣхалъ къ намъ?—думалъ я.— Не лучше ли ему было оставаться въ Парижѣ и не тревожить нашего мирнаго селенія, въ которомъ всѣ платили исправно подати и подавали голоса на выборахъ такъ, какъ желала префектура. У насъ въ кабачкѣ никто не возвышалъ голоса, всѣ аккуратно ходили въ церковь къ обѣднѣ и вечернѣ, жандармы никогда не появлялись въ нашей деревнѣ болѣе одного раза въ недѣлю; что же касается до меня, то мнѣ всѣ оказывали полное уваженіе, и, передавая мои слова, честные люди всегда говорили: «Это истина. Это мнѣніе г. мэра».

Вотъ, въ какомъ положеніи находилось наше селеніе, и я даже теперь не знаю, какимъ способомъ удалось властямъ сдѣлать изъ насъ такихъ простаковъ, какими мы были. Въ концѣ концовъ, мы дорого за это поплатились, и наши дѣти, видя нашъ горестный примѣръ, должны научиться уму разуму.

Въ Сарбургѣ мнѣ пришлось прождать часа два, пока принялъ меня подъ-префектъ, который завтракалъ съ гг. членами окружнаго совѣта въ честь плебисцита. Пять или шесть сосѣднихъ мэровъ дожидались вмѣстѣ со мною. Мы видѣли, какъ по коридору носили бутылки вина и блюда съ рыбой и дичью, несмотря на то, что сезонъ охоты и рыбной ловли уже миновалъ. Мы также слышали, какъ гости громко смѣялись и весело разговаривали.

Наконецъ, г. подъ-префектъ вышелъ и, увидавъ насъ, сказалъ:

— А, это вы, господа, войдите въ присутствіе.

Мы вошли, и намъ пришлось еще дожидаться. Черезъ полчаса подъ-префектъ явился въ отличномъ расположеніи духа и разрѣшалъ все, что просили мэры. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— О, г. мэръ,—сказалъ онъ,—я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали. Вы желаете получить разрѣшеніе Жоржу Веберу на открытіе кабачка въ Ротальнѣ. Но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Жоржъ Веберъ республиканецъ; онъ рѣзко возставалъ противъ плебисцита, о чемъ вы должны были меня увѣдомить, но вы скрыли потому, что онъ вашъ двоюродный братъ. Дозволенія

открывать кабачки выдаются только людямъ преданнымъ существующему порядку,—только людямъ, которымъ можно поручить наблюденіе за всѣми посѣтителями, а не такимъ, за которыми еще надо наблюдать. Вы должны знать это и сами.

Тутъ я понялъ, что мой помощникъ, негодяй Пласьяръ, донесъ обо всемъ подъ-префекту. Этотъ противный старикъ только и дѣлалъ, что просилъ о мѣстѣ, пенсіи или орденѣ для себя и своихъ родственниковъ, постоянно распространяясь о своихъ заслугахъ, преданности династіи и правахъ. Эти права заключались въ тѣхъ доносахъ, которые онъ вѣчно дѣлалъ подъ-префекту; и, по правдѣ сказать, въ то время это было лучшимъ средствомъ для полученія повышенія.

Я былъ внѣ себя отъ негодованія, но не выразилъ его, а сказалъ только нѣсколько словъ въ пользу Жоржа, увѣряя подъ-префекта, что ему оклеветали моего родственника, что нельзя вѣрить всѣмъ слухамъ и т. д. Онъ зѣвнулъ и, услыхавъ веселый смѣхъ своихъ гостей въ саду, учтиво сказалъ:

— Г. мэръ, я вамъ далъ отвѣтъ. Къ тому же у васъ въ селеніи два кабачка; трехъ было бы слишкомъ много.

Послѣ этого мнѣ нечего было отвѣчать. Я поклонился и къ видимому его удовольствію вышелъ изъ комнаты.

Возвратясь въ Ротальпъ, я въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Жоржу и повторилъ ему слово въ слово отвѣтъ подъ-префекта. Вмѣсто того, чтобы выдти изъ себя отъ гнѣва, какъ я ожидалъ, Жоржъ выслушалъ меня очень спокойно. Жена его, напротивъ, начала жаловаться на судьбу, отзываясь самымъ непочтительнымъ образомъ о всѣхъ подъ-префектахъ. Самъ же Жоржъ отнесся къ дѣлу очень хладнокровно.

— Выслушайте меня, Христіанъ,—сказалъ онъ, спокойно покуривая трубку.—Во-первыхъ, я вамъ очень благодаренъ за всѣ ваши хлопоты. Все, что вы мнѣ передали теперь, я зналъ заранѣе, но все же хорошо, что вы привезли это извѣстіе. По крайней мѣрѣ я теперь знаю, что мнѣ остается дѣлать. Впрочемъ, я все же сожалѣю, что вы помѣшали мнѣ послать письмо къ подъ-префекту. Что же касается до моихъ намѣреній, то въ виду запрещенія мнѣ продавать вино въ розницу, я буду продавать его оптомъ. У меня уже есть запасъ бѣлаго вина, а завтра я отправлюсь въ Наиси, куплю легкую телѣжку и лошадь. Оттуда я поѣду въ Тіанкуръ, закуплю краснаго вина и возвращусь

домой. Потомъ я стану ѣздить по сосѣднимъ деревнямъ, продавая вино бочками и полубочками, смотря по состоятельности покупщиковъ. Такимъ образомъ, вмѣсто одного кабачка, у меня будетъ двадцать. Я постоянно буду переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Къ тому же, если бы у насъ было заведеніе, то Маріанѣ пришлось бы стряпать, а ей и безъ того будетъ достаточно дѣла.

— Конечно,—сказала она—и мнѣ уже надоѣло стряпать сосиски съ капустой въ парижскихъ трактирахъ.

— Теперь не придется болѣе кухарничать,—продолжалъ Жоржъ.—Ты будешь смотрѣть за уборкой хлѣба, за складкой сѣна въ стога, за сборомъ картофеля и фруктовъ; я же буду на своей маленькой лошадкѣ ѣздить изъ деревни въ деревню. Кромѣ того, мы будемъ получать наши проценты, и г. подъ-префектъ тогда увидитъ, что Жоржъ Веберъ можетъ торговать и безъ его разрѣшенія.

Тутъ я впервые узналъ, что у Жоржа были и капиталы кромѣ другого имущества, и я невольно согласился, что онъ былъ правъ, издѣваясь надъ всѣми подъ-префектами въ мірѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ не подумать, что несправедливо было отказывать въ дозволеніи содержать кабачекъ почтеннымъ лицамъ, когда это дозволеніе выдавалось такимъ людямъ, какъ Николь Рейтеръ и Жанъ Кресъ, которые были прозваны ихъ женами «лучшими потребителями», потому что они каждый вечеръ напивались до безчувствія. Съ другой стороны я видѣлъ, что дѣло для меня приняло счастливѣйшій оборотъ; если бы Жоржъ вздумалъ нарушать законъ, то мнѣ пришлось бы дѣйствовать противъ него и слѣдовательно поссориться съ нимъ; а теперь мнѣ не было до него никакого дѣла, такъ какъ оптовая торговля касалась только акцизнаго чиновника.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней у Жоржа явился шарабанъ, запряженный сильной пятилѣтней лошадью; потомъ пришли и вина изъ Тіанкура. Всѣ бочки были осторожно сложены въ погребъ, который теперь сталъ лучшимъ погребомъ въ околодкѣ, по качеству и разнообразію винъ. Наконецъ, Жоржъ съ моею помощью составилъ списокъ всѣхъ окрестныхъ кабатчиковъ съ обозначеніемъ, сколько кому вѣрить въ кредитъ, затѣмъ для управленія лошадью нанялъ здоровеннаго молодца, сына бочара Гриса, и открылъ торговлю.

Съ этого времени его видали въ Ротальпѣ только по утрамъ,

когда онъ нагружалъ свой шарабанъ, и по вечерамъ, когда онъ возвращался изъ своихъ поѣздокъ въ Савернъ или Фальсбургъ.

Дѣла его пошли отлично, и намъ, поселянамъ, оставалось только смотрѣть на него съ удивленіемъ и учиться; но мы обыкновенно считаемъ себя умнѣе всѣхъ, а отъ этого не разбогатѣешь.

Каждый вечеръ, возвращаясь домой, Жоржъ останавливался передъ мельницей и входилъ ко мнѣ, говоря:

— Здравствуйте, Христіанъ, какъ вы сегодня поживаете?

Мы усаживались съ нимъ въ гостиной и вступали въ разговоръ о цѣнѣ хлѣба, скота и другихъ предметовъ, интересныхъ нашему брату.

Изъ всего, что онъ видѣлъ во время своихъ поѣздокъ, Жоржа особенно удивляло громадное количество нѣмцевъ, которыхъ онъ встрѣчалъ повсюду и въ горахъ и долинахъ.

— Дровосѣки, бочары, пивовары, мѣдники, фотографы, подрядчики — всѣ нѣмцы,—говорилъ онъ.—Бьюсь о закладъ, Христіанъ, что и твой работникъ Францъ нѣмецъ.

— Да, онъ изъ великаго герцогства Баденскаго.

— Отчего это неповятное явленіе?—продолжалъ Жоржъ.— Какая тому причина?

— Они хорошіе работники,—отвѣчалъ я,—и берутъ вдвое дешевле.

— А наши? Куда они дѣваются?

— Это ужъ ихъ дѣло.

— А, вотъ то-то и есть! — произнесъ онъ.— Мы дѣлаемъ ужасную ошибку. Даже въ Парижѣ меня удивляла эта толпа нѣмцевъ: извозчиковъ, приказчиковъ, писарей, профессоровъ и т. д.: со времени Садовой ихъ число еще удвоилось. Чѣмъ болѣе они присоединяютъ къ себѣ новыхъ провинцій, тѣмъ большаго они хотятъ. Какая польза намъ быть французами, платить громадныя подати, отдавать дѣтей въ солдаты или откупаться, нести на себѣ всѣ государственные расходы, терпѣть оскорбленія отъ префектовъ, подъ-префектовъ, полицейскихъ и шпіоновъ, тогда какъ эти люди безъ всякихъ издержекъ и непріятностей, пользуются одинаковыми, а иногда и большими выгодами? Этотъ наплывъ пришельцевъ понижаетъ заработную плату и приноситъ пользу промышленникамъ, подрядчикамъ и вообще буржуазіи; для народа же это одно разореніе. Но что

думаютъ наши правители? Они должно быть просто съ ума сошли. Если это продолжится, то рабочіе перестанутъ думать о своемъ отечествѣ, какъ оно не думаетъ о нихъ; а нѣмцы, видимо покровительствуемые и ненавидящіе насъ, преспокойно насъ выживутъ изъ нашей же страны.

Такъ говорилъ Жоржъ, и я не зналъ, что ему отвѣчать.

Около этого времени у меня случилось семейное горе, которое, хотя и составляетъ частное дѣло, но я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Со времени прибытія въ наше селеніе Жоржа, моя дочь Гредель совершенно перестала заниматься хозяйствомъ, то есть стиркою бѣлья, уходомъ за коровами и т. д., а цѣлый божій день проводила у Маріаны, которая разсказывала ей съ утра до ночи о Парижѣ. Это поведеніе дочери, никогда не думавшей ни о комъ, кромѣ себя, конечно, меня очень огорчало, тѣмъ болѣе, что у нея былъ поклонникъ, а въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ спускать съ глазъ молодую дѣвушку. Этотъ поклонникъ былъ второстепенный приказчикъ въ каменоломнѣ въ Вильсбургѣ, Жанъ Батистъ Вернеръ, отставной артиллерійскій сержантъ. Нельзя было ничего сказать противъ этого молодого человѣка. Это былъ рослый, красивый мужчина со смѣлымъ, отважнымъ выраженіемъ лица и большими усами. Онъ исправно исполнялъ свои обязанности у собственника каменоломни Гейца; но онъ получалъ только три франка въ день, а человѣкъ, получающій три франка въ день, не могъ жениться на дочери Христіана Вебера.

Поэтому естественно, мы съ женой смотрѣли съ неудовольствіемъ на ухаживаніе Вернера, тѣмъ болѣе, что Гредель оказывала ему явное предпочтеніе. Мы, однако, не знали, какъ положить этому конецъ, какъ вдругъ сынъ хозяина каменоломни Матасъ Гейцъ попросилъ у меня офиціально руки Гредель. Это былъ видный молодой человѣкъ, здоровый, кровь съ молокомъ, красиво одѣвавшійся, однимъ словомъ, человѣкъ, котораго всякая благоразумная дѣвушка взяла бы въ мужья обѣими руками. Къ тому же онъ былъ старшій изъ пяти сыновей Гейца, и по смерти старика долженъ былъ получить отъ пятнадцати до двадцати тысячъ франковъ.

Такой женихъ былъ находка, и я, жена моя и Жакобъ тотчасъ ударили съ нимъ по рукамъ. Только жена заявила, что необходимо посовѣтоваться съ Жоржемъ и Маріаной.

Мы отправились къ нимъ и застали у нихъ Гредель, которая, услыхавъ, въ чемъ дѣло, залилась слезами и сказала, что скорѣй умретъ, чѣмъ пойдетъ замужъ за Матіаса Гейца. Вы можете себѣ представить мою злобу; жена моя тоже такъ вышла изъ себя, что хотѣла ударить непослушную дочь, но Жоржъ остановилъ ее и гнѣвно объявилъ, что мы не должны заставлять дочь насильно выходить замужъ, такъ какъ это былъ лучшій способъ сдѣлать ее несчастной на всю жизнь. Потомъ онъ отвелъ насъ въ сторону и сказалъ, что беретъ это дѣло на свою отвѣтственность, а такъ какъ для собранія справокъ ему необходимо время, то онъ просилъ, чтобы мы не давали окончательнаго отвѣта Гейцу въ продолженіе мѣсяца.

Мы на это согласились, и Гредель осталась на это время у Маріаны. Конечно, мнѣ было это очень непріятно, и я не разъ говорилъ себѣ: «Отецъ не можетъ отдать дочь кому хочетъ, вѣдь это ужасно!» Но съ Жоржемъ не слѣдовало ссориться, и мы съ женою безпрекословно терпѣли это горе.

Наконецъ, черезъ недѣлю, я отправился къ Жоржу, чтобъ узнать, какія онъ навелъ справки о молодомъ Гейцѣ.

— Дѣло въ томъ, Христіанъ, — сказалъ онъ прямо, — что Гредель влюблена въ другого.

— Въ кого?

— Въ Жана Батиста Вернера.

— Какъ! Въ приказчика Гейца, въ сына лѣсника Вернера, который всегда питался однимъ картофелемъ! Пусть онъ явится и попроситъ ея руки, я его спущу съ лѣстницы головой впередъ! Ахъ, ты, Господи! Вотъ еще наказаніе! Я никогда не ожидалъ этого отъ Гредель.

— Ну, ну, Христіанъ, будьте благоразумны.

— Но развѣ можно не сердиться? Она заслуживаетъ здоровой встрепки.

Я такъ разгорячился, что хотѣлъ раздѣлаться собственноручно съ непокорной дочерью. Но, къ счастью, она была въ саду, и Жоржъ меня удержалъ.

— Я навелъ справки, — сказалъ онъ. — Матіасъ Гейцъ — толстый дуракъ, который умѣетъ только играть въ карты, пить и носить пестрые жилеты съ золотыми цѣпочками. Онъ не способенъ ни на что и, конечно, проѣстъ и пропьетъ тѣ пятнадцать или двадцать тысячъ, которыя онъ получитъ отъ отца.

— Ну, а у другого-то ничего нѣтъ, хоть шаромъ покати.

— Другой, Жанъ Батистъ Вернеръ, хорошій человѣкъ; онъ всѣмъ заправляетъ у старика Гейца, который только собираетъ гроши. Къ тому же онъ служилъ въ арміи, былъ въ Алжирѣ и Мексикѣ. Я видѣлъ его аттестаты: они отличны. Я на вашемъ мѣстѣ отдалъ бы ему Гредель съ удовольствіемъ.

— Никогда!—воскликнулъ я, ударяя кулакомъ по столу.— Я лучше потоплю ее собственными руками.

— Ну, Христіанъ,—сказалъ онъ,—вы совершенно неправы, и я вамъ совѣтую подумать объ этомъ хорошенько. Покуда Гредель останется у насъ. Я за нее отвѣчаю. Вы же, пожалуй, стали бы обращаться съ нею дурно, а потомъ сами пожалѣли бы.

— Пускай ее остается сколько хочетъ, я ее знать не хочу!— воскликнулъ я и выбѣжалъ изъ комнаты.

Никогда въ жизни я не чувствовалъ такого гнѣва и горя и не скоро собрался я съ силами передать о всемъ слышанномъ женѣ.

Она сначала была очень поражена, но потомъ, оправившись, сказала:

— Ну, если Гредель не хочетъ выходить замужъ за молодого Матіаса, то тѣмъ лучше: мы сохранимъ свои сто луидоровъ и не будемъ нанимать чужой служанки, что всегда опасно.

— Хорошо, но какъ же мы объявимъ старику Гейцу, что Гредель отказала его сыну?

— Не безпокойся объ этомъ, Христіанъ,—отвѣчала она;— предоставь это мнѣ, а главное не будемъ ссориться съ Жоржемъ. Я скажу, что Гредель слишкомъ молода для замужества; это отличный предлогъ.

Я немного успокоился, но все же грустныя мысли наполняли мою голову, какъ вдругъ произошли неожиданныя, страшныя событія, отъ которыхъ я и многіе другіе посѣдѣли въ нѣсколько недѣль.

III.

Однажды утромъ секретарь подъ-префекта написалъ мнѣ, чтобы я тотчасъ явился въ Сарбургъ. Отъ времени до времени мы, мэры, получали приказанія являться въ подъ-префектуру съ донесеніемъ о томъ, что происходило въ нашемъ округѣ. И по-

этому, я подумалъ, что вѣрно дѣло идетъ о нашемъ земледѣльческомъ обществѣ, которое не выдавало еще наградъ, присужденныхъ нѣсколько недѣль тому назадъ за лучшихъ гусей и утокъ.

Правда, парижскія газеты въ послѣдніе три дня разсуждали о какомъ-то принцѣ Гогенцоллернскомъ, котораго будто бы избрали въ испанскіе короли; но какое дѣло было намъ, жителямъ Ротальца, Имлегена, Друлингена и Генридорфа, кто будетъ королемъ испанскимъ, принцъ Гогенцоллернскій или кто-нибудь другой?

Мнѣ и въ голову не могло притти, что именно по этому приключенію съ испанской короной меня вызываетъ къ себѣ подъ-префектъ. Я полагалъ, что меня приглашаютъ по какому-нибудь дѣлу, близко касавшемуся нашей деревни, быть можетъ, по поводу обѣщанныхъ намъ колоколовъ и дороги.

Взявъ свой посохъ, я спокойно и весело отправился въ Сарбургъ.

Но, къ величайшему моему удивленію, на главной улицѣ городка толпились нѣсколько мэровъ, полицейскихъ инспекторовъ и мировыхъ судей. Гостинница тетки Адлеръ и всѣ кабачки кишѣли народомъ. Очевидно, должно было произойти что-то необычайное, важное, какое-нибудь торжество въ родѣ, напримѣръ, того, которымъ мы привѣтствовали ея величество императрицу и императорскаго принца при проѣздѣ ихъ въ Пасси для празднованія дня присоединенія Лотарингіи къ Франціи.

Подойдя къ подъ-префектурѣ, я встрѣтилъ у дверей ея нѣсколькихъ сосѣднихъ мэровъ, разсуждавшихъ о цѣнахъ на хлѣбъ, о дороговизнѣ скота и т. д. Ихъ вызывали къ подъ-префекту по одиночкѣ.

Черезъ полчаса дошла очередь и до меня. Я вошелъ въ присутствіе со шляпой въ рукахъ. Тамъ сидѣли подъ-префектъ и его секретарь Жераръ, чинившій перо.

— Что у васъ новаго?— спросилъ меня подъ-префектъ.

— У насъ, г. подъ-префектъ? Ничего новаго. Засуха страшная, дождя не было уже шесть недѣль, картофель плохъ, а...

— Я не объ этомъ васъ спрашиваю, г. мэръ. Что у васъ думаютъ о принцѣ Гогенцоллернскомъ и объ испанскомъ престолѣ?

Я съ испугомъ почесалъ въ затылкѣ и подумалъ: «что ты на это отвѣтишь, Христіанъ Веберъ?»

— Какой духъ у васъ въ народѣ?—спросилъ подъ-префектъ.

«Духъ въ народѣ!?» Прошу покорно отвѣтить на такой мудреный вопросъ!

— Вотъ видите, г. подъ-префектъ, у насъ народъ неученый, газетъ не читаетъ.

— Но скажите, что у васъ думаютъ о войнѣ?

— О какой войнѣ?

— Ну, еслибъ у насъ была война съ Германіей, то былъ бы народъ этимъ доволенъ?

— Вы знаете, г. подъ-префектъ,—отвѣчалъ я, начиная понимать смыслъ его словъ,—что мы подали голоса за плебисцитъ, желая этимъ показать, что мы стоимъ на сторонѣ мира: каждый изъ насъ любитъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; мы требуемъ только работы и...

— Конечно, конечно, мы всѣ желаемъ мира. Его величество императоръ, ея величество императрица и всѣ ихъ приближенные любятъ миръ и не желаютъ войны. Но если графъ Бисмаркъ и король прусскій нападутъ на Францію?

— Въ такомъ случаѣ, г. подъ-префектъ, мы будемъ вынуждены защищаться, какъ умѣемъ: вилами, палками...

— Запишите эти слова, Жераръ,—сказалъ подъ-префектъ, пожимая мнѣ руку:—вы правы, г. мэръ: я былъ въ васъ вполнѣ увѣренъ, вы достойный человѣкъ.

Слезы невольно выступили у меня на глазахъ.

— Рѣшимость вашихъ согражданъ великолѣпна,—сказалъ подъ-префектъ, провожая меня до дверей.— Передайте имъ мои слова: скажите имъ, что мы желаемъ мира, что мы думаемъ только о мирѣ, что его величество императоръ и ихъ превосходительства министры жаждутъ лишь мира, но Франція не можетъ перенести дерзкихъ оскорбленій со стороны честолюбивой иноземной державы. Вдохните вашъ мужественный духъ во всѣхъ обитателей Ротальца. Хорошо, очень хорошо. До свиданія, г. мэръ.

Я вышелъ внѣ себя отъ удивленія.

«Однакожъ, гадкая штука, — думалъ я: — этотъ Бисмаркъ хочетъ на насъ итти войной!»

Я прямо отправился въ трактиръ тетки Адлеръ, гдѣ, какъ и

всегда, спросилъ хлѣба, сыра и бутылку бѣлаго вина. Зала была полна чиновнымъ людомъ: контролерами, сборщиками податей, мировыми судьями и т. д.: всѣ они громко говорили, что пруссаки намѣревались напасть на Францію, что они уже забрали половину Германіи и теперь намѣрены овладѣть другой, для чего возбуждали противъ насъ испанцевъ, какъ передъ Садовой возбудили Италію противъ Австріи. Всѣ присутствовавшіе тутъ мэры были того же мнѣнія: они единогласно отвѣчали подъ-префекту, что мы будемъ мужественно защищаться въ случаѣ чужеземнаго вторженія. Весь міръ знаетъ, что лотарингцы и эльзасцы никогда не отставали отъ другихъ своихъ соотечественниковъ въ защитѣ родной земли.

Я слушалъ молча всѣ эти разговоры и, кончивъ завтракъ, отправился домой.

Но не успѣлъ я далеко отойти отъ Сарбурга, какъ услыхалъ за собою стукъ колесъ. Я обернулся и, къ величайшему удовольствію, увидалъ Жоржа въ его шарабанѣ.

— Это вы, Христіанъ?—сказалъ онъ, останавливая лошадь.

— Да, я иду изъ Сарбурга и очень радъ васъ встрѣтить. Сегодня страшная жара и пыль.

— Ну, садитесь ко мнѣ,—сказалъ онъ.—У васъ сегодня большое собраніе: я видѣлъ, всѣ кабачки полны народомъ.

Я сѣлъ рядомъ съ нимъ, и мы поѣхали.

— Да,—отвѣчалъ я,—странное, непонятное дѣло! Вы никогда не отгадаете, зачѣмъ насъ призывали къ подъ-префекту.

— Зачѣмъ?

Я разсказалъ ему все, пылая негодованіемъ противъ наглаго Бисмарка, который хотѣлъ напасть на Францію и нарочно сочинилъ какого-то Гогенцоллернскаго принца, чтобъ довести дѣло до разрыва.

— Бѣдный Христіанъ, — сказалъ Жоржъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Подъ-префектъ правъ, называя васъ достойнымъ человѣкомъ, и всѣ остальные мэры, которыхъ я только что видѣлъ, тоже достойные люди. Но хотите знать мое мнѣніе о всей этой кутерьмѣ?

— Да, что вы думаете, Жоржъ?

— Я думаю, что правительство топитъ васъ, какъ стадо ословъ, куда ему вздумается. Подъ-префектъ представитъ докладъ префекту, префектъ министру внутреннихъ дѣлъ, Ше-

вандье-де-Вальдрому, организатору плебисцита, тому самому, который приказалъ вамъ говорить на выборахъ «да» для поддержанія мира; а этотъ министръ представитъ свой докладъ императору. Они всѣ знаютъ, что императоръ желаетъ войны, что она ему необходима для утвержденія своей династіи.

— Какъ, онъ хочетъ войны?

— Безъ сомнѣнія. Однакожъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры, сорокъ пять тысячъ солдатъ подали голоса противъ плебисцита. Армія, очевидно, отворачивается отъ династіи. Нѣтъ болѣе быстраго производства; дождь медалей, крестовъ и чиновъ, сыпавшійся сначала въ изобиліи, теперь изсякъ; офицеры въ мелкихъ чинахъ потеряли надежду на повышеніе, такъ какъ армія полна людьми, у которыхъ есть сильная рука въ Парижѣ,—полна воспитанниками іезуитскихъ коллегій, за которыхъ хлопочутъ разныя вліятельныя старушки, дѣлающія все, что прикажутъ имъ іезуиты. Генералы, дослужившіеся изъ солдатъ или безъ всякой протекціи, мало-по-малу исчезаютъ. Поэтому армія недовольна. Но война можетъ все исправить: нѣсколько побѣдъ снова возбудятъ въ арміи преданность къ правительству и уничтожатъ вліяніе республиканской партіи, которая въ послѣднее время подымаетъ голову и начинаетъ пользоваться довѣріемъ народа. Послѣ первой побѣды можно сослать нѣсколько тысячъ этихъ опасныхъ людей въ Ламбесу и Кайену, какъ послѣ второго декабря. Тогда іезуиты снова захватятъ въ свои руки школы, какъ при Карлѣ X, свѣтская власть папы будетъ возстановлена, Италія и Германія разъединены и бонапартовская династія утвердится во Франціи, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ. А тамъ они начнутъ сызнова и въ концѣ концовъ бонапартовская династія пуститъ глубокіе корни. Итакъ, война имъ необходима.

— Я васъ не понимаю,—отвѣчалъ я.—Вѣдь Бисмаркъ затѣваетъ войну, вѣдь онъ заварилъ всю эту кашу?

— Бисмаркъ, конечно, хорошо знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ; знаетъ объ этомъ даже каждый работникъ въ Парижѣ; только вы ничего не знаете. Вы вѣчно толкуете о картофелѣ и капустѣ и не думаете ни о чемъ другомъ. Васъ намѣренно держатъ въ невѣжествѣ. Вы, такъ сказать, навозъ второй имперіи, удобреніе, которымъ она утучняетъ свою почву. Бисмаркъ знаетъ, что нашъ честный человѣкъ нуждается въ войнѣ, чтобы

возстановить духъ арміи и заткнуть глотки всѣмъ, кто осмѣливается говорить объ экономіи, свободѣ, чести и правосудіи. Бисмаркъ знаетъ, что Пруссія никогда не будетъ такъ сильна, какъ въ настоящую минуту, потому что она занимаетъ три четверти Германіи, и противъ Франціи за нею пойдутъ всѣ безъ исключенія нѣмцы. Германія можетъ въ двѣ недѣли выставить милліонъ солдатъ, такъ что трое или четверо нѣмцевъ будутъ противъ одного француза; при такихъ благопріятныхъ условіяхъ не надо генія, война пойдетъ какъ по маслу, и побѣда заранѣе обезпечена.

— Но если вы знаете это, Жоржъ,—сказалъ я,—то вѣдь императоръ знаетъ также, и онъ будетъ стоять за миръ.

— Нѣтъ, онъ надѣется на свои митральезы, и къ тому же онъ думаетъ только о своей династіи, все же остальное для него вздоръ. Для утвержденія своей династіи онъ нарушилъ данную имъ передъ Богомъ и людьми присягу; онъ погубилъ тысячи честныхъ людей, защищавшихъ законъ; онъ обогатилъ многихъ плутовъ, поддерживавшихъ его; онъ развратилъ юношество; онъ унизилъ все, что достойно уваженія, и возвысилъ все, что заслуживаетъ презрѣнія. Всѣ, до которыхъ коснулась зараза, развращены до мозга костей. Вы, Христіанъ, конечно, не понимаете этого, но если бъ поняли, вы, вѣроятно, также дали бы настоящую цѣну существующему порядку, вы тогда убѣдились бы, что интересы Франціи приносятся въ жертву кучкѣ людей, которые никогда даже и не знали, что такое благо страны, а всегда думали и думаютъ только о самихъ себѣ и для самихъ себя.

Всю эту рѣчь Жоржъ произнесъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія. Я видѣлъ, что онъ былъ убѣжденъ до глубины души въ справедливости своего мнѣнія. По счастью, мы были на большой дорогѣ, вдали отъ людей и отъ жилья, и никто не могъ его слышать.

— Но Гогенцоллернъ?—сказалъ я, послѣ минутнаго молчанія.—Развѣ не принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій причина всей этой кутерьмы?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Жоржъ.—Если несчастія постигнутъ нашу страну, то въ этомъ будетъ виноватъ только одинъ нашъ честный человѣкъ. Еслибъ вы читали газеты, то вы знали бы, что испанцы хотѣли выбрать въ короли герцога Монпансье,

сына бывшаго короля Луи-Филиппа; этотъ выборъ могъ только принести намъ пользу, такъ какъ Монпансье естественный союзникъ Франціи; но это противорѣчило интересамъ бонапартовской династіи, и честный человѣкъ сталъ угрожать Испаніи; тогда испанцы выбрали вмѣсто Монпансье прусскаго принца, который не могъ бы удержаться на престолѣ одинъ, но за нимъ стоитъ милліонъ нѣмецкихъ штыковъ. Конечно, они сдѣлали этотъ выборъ на зло нашему честному человѣку, но имъ не къ чему было спрашивать его совѣта. Вѣдь Франція не спрашивала у Англіи, Испаніи или Германіи позволенія провозгласить республику или назначить императоромъ Луи-Бонапарта! Какое же право онъ имѣлъ вмѣшиваться? Нѣтъ, хотя дѣла приняли для насъ оборотъ непріятный, но испанцы правы: имъ не для чего безпокоиться объ интересахъ нашего честнаго человѣка и его достойнаго семейства. Теперь я уже потерялъ всякую надежду на миръ: нѣмцы толпами уходятъ отъ насъ—ихъ призываютъ въ полки: это дурной знакъ. Во всѣхъ селеніяхъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ, полученъ приказъ изъ Германіи, и эти славные молодцы, съ котомками за спиной, спѣшатъ на родину.

Я не повѣрилъ Жоржу, но, воротясь домой, первое, что я услыхалъ, было извѣстіе объ уходѣ моего работника Франца. Я очень удивился и позвалъ его къ себѣ въ комнату. Онъ тотчасъ явился съ котомкой за плечами.

— Вы уходите, Францъ?—сказалъ я.—Развѣ вамъ здѣсь нехорошо?

— Нѣтъ, г. Веберъ. Но я долженъ идти; я получилъ приказъ изъ своего полка.

— Такъ вы солдатъ?

— Да, въ ландверѣ. Мы въ Германіи всѣ солдаты.

— Но еслибъ вы пожелали остаться здѣсь, то кто бы могъ васъ отсюда вытащить?

— Это невозможно, г. Веберъ. Меня признали бы дезертиромъ, и мнѣ никогда нельзя бы было возвратиться домой. Къ тому же у меня отняли бы все мое имущество и раздѣлили бы между моими братьями и сестрами.

— А, это дѣло другое. Я теперь понимаю. Подождите, я вамъ сейчасъ дамъ аттестатъ.

И, дѣйствительно, написалъ ему отличный аттестатъ, такъ

какъ онъ былъ хорошій работникъ, заплатилъ ему все, что слѣдовало, и пожелалъ ему добраго пути.

Жоржъ былъ правъ: нѣмцы толпами уходили домой. Я никогда не думалъ, что у насъ ихъ такъ много; нѣкоторые обыкновенно выдавали себя за швейцарцевъ, другіе за люксембургцевъ, а третьи поселились между нами, казалось, навсегда, и никто не подозрѣвалъ, что имъ слѣдовало еще отслужить три года отечеству. Это переселеніе нѣмцевъ подало поводъ къ многимъ безпорядкамъ. Хозяева, у которыхъ они нанялись, хотѣли силою ихъ задержать; конечно, происходили драки; жандармы вмѣшивались въ ссору, и дѣла принимали дурной оборотъ.

Напрасно я старался увѣрить поселянъ моей мэріи, что императоръ желалъ мира; газеты нашей префектуры только и писали, что объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ намъ Пруссіей, о чрезмѣрномъ честолюбіи этой державы, о мести за Садову, о союзѣ съ католическими націями и всѣми государствами, поддерживавшими наше справедливое дѣло, и потому, естественно, съ каждымъ днемъ увеличивался воинственный азартъ нашего населенія. Азартнѣе и громче другихъ кричали разносчики, мелкіе торговцы и тѣ почтенные люди, которые, выйдя недавно изъ тюрьмы, всегда ищутъ работы и не находятъ иной, кромѣ воровства и грабежа: всѣ они съ страстнымъ ожесточеніемъ твердили, что честь Франціи оскорблена и можетъ быть возстановлена только войной съ Германіей.

При томъ многія парижскія газеты, какъ мы теперь знаемъ, подкупленныя правительствомъ, приходили къ намъ грудами и раздавались даромъ. Въ нихъ говорилось, что нашъ посланникъ Бенедетти отправился къ королю Вильгельму на воды въ Эмсъ, чтобы уговорить его не увлекать насъ въ войну, но король отвѣчалъ, что это не его дѣло; что Леопольдъ Гогенцоллерн скій спросилъ его совѣта только изъ личнаго уваженія къ нему, какъ старшему въ родѣ, и что онъ, какъ добрый родственникъ, не могъ посовѣтовать ему отказаться отъ неожиданнаго благополучія. Послѣ этого негодованію газетъ не было границъ. Всѣ въ одинъ голосъ кричали, что надо образумить нѣмцевъ.

Представьте себѣ положеніе мэра, который только два мѣсяца тому назадъ заставилъ всѣхъ поселянъ своей мэріи подать голосъ въ пользу плебисцита, обѣщая имъ миръ, и который теперь ясно видѣлъ, что его употребили орудіемъ для обмана на-

рода. Я не смѣлъ уже взглянуть въ лицо Жоржа, который тогда же предупредилъ меня объ обманѣ; но теперь я уже зналъ, что долженъ думать о почтенныхъ членахъ бонапартовскаго правительства.

Дѣла шли такъ дурно, что война была неизбѣжна, какъ вдругъ однажды утромъ мы узнаемъ, что Гогенцоллернъ отказался отъ испанской короны. Какое счастье! Конецъ раздору; мы снова можемъ дышать свободно. Въ этотъ счастливый день даже на лицѣ Жоржа сіяла веселая улыбка.

— Ну, ловко же поддѣли нѣмцы Наполеона III, его министровъ, префектовъ и подъ префектовъ!—сказалъ онъ, придя ко мнѣ на мельницу.—А они-то уже радовались, что все устроилось по ихъ желанію! Теперь ждите, господа, пока подвернется другой благопріятный случай. Нечего сказать, попались!

И мы оба весело смѣялись.

Человѣкъ двадцать пять почтенѣйшихъ гражданъ нашего селенія явились ко мнѣ въ мэрію и мы съ радостью поздравляли другъ друга. Всѣ были увѣрены, что его превосходительство Эмиль Оливье уже не въ состояніи будетъ разжечь войну, и что миръ сохранится вопреки желанія его, вопреки желанія Наполеона, вопреки желанія маршала Лебефа, объявившаго въ сенатѣ, что—мы готовы, пять разъ готовы, и во время кампаніи не будемъ нуждаться ни въ одной пуговкѣ для штиблетъ.

Мы превозносили Гогенцоллерна до небесъ за его благоразуміе; а такъ какъ были уже призваны резервы, то молодые люди съ радостью разсчитывали остаться дома.

Однимъ словомъ, мы рѣшили, что дѣло кончено, какъ вдругъ нашъ добрый человѣкъ и его почтенный министръ увѣдомили насъ, что мы слишкомъ рано начали радоваться. Повсюду распространилась вѣсть, что король Вильгельмъ прогналъ нашего посланника и сказалъ ему что-то столь ужасное насчетъ его величества Наполеона III, что никто не смѣлъ повторить его слова. Повидимому, его величество императоръ Наполеонъ не удовольствовался тѣмъ, что прусскій король отказалъ принцу Гогенцоллернскому въ своемъ дозволеніи принять испанскую корону; онъ приказалъ своему посланнику потребовать отъ прусскаго короля отказа навсегда отъ испанской короны за себя и за весь свой родъ; на это требованіе прусскій король, имѣющій

довольно вспыльчивый характеръ, отвѣчалъ какой-то рѣзкой выходкой противъ нашего честнаго человѣка.

Въ этотъ день пришли къ намъ парижскія газеты, и я съ жадностью сталъ читать отчетъ о великой борьбѣ въ законодательномъ собраніи между Тьеромъ, Гамбетой, Жюлемъ Фавромъ, Глэ-Бизуэномъ съ одной стороны и министрами съ другой. Защитники мира говорили великолѣпно, но это не помѣшало большинству, выбранному въ собраніе съ помощью самого правительства, объявить войну Германіи будто бы за оскорбительныя слова прусскаго короля.

Но что же сказалъ король? Его превосходительство Эмиль Оливье никогда не посмѣлъ повторить этихъ словъ. Жоржъ увѣрялъ меня, что прусскій король сказалъ только правду, хотя, можетъ быть, и непріятную; но теперь изъ донесеній посланника видно, что прусскій король ничего не сказалъ и что негодованіе Эмиля Оливье было только позорнымъ обманомъ, разсчитаннымъ на то, чтобъ заставить палату провозгласить войну,

Итакъ, вотъ начало нашихъ несчастій. Что касается меня, то я тогда уже не ожидалъ отъ войны ничего хорошаго. Перенеся столько горя, тяжело вспомнить, что мы всѣми своими несчастіями обязаны гг. Оливье, Лебефу, Бонапарту и другимъ имъ подобнымъ людямъ, которые въ настоящее время живутъ себѣ преспокойно въ своихъ дворцахъ въ Италіи, Швейцаріи и Англіи, тогда какъ столько несчастныхъ поплатились жизнью или потеряли состояніе, дѣтей, родителей, друзей, а мы, эльзасцы и лотарингцы, потеряли нѣчто большее, святѣйшее—мы потеряли наше отечество!

IV.

На слѣдующій день Жоржъ, который никогда ничего не видѣлъ въ розовомъ свѣтѣ, поѣхалъ въ Бельфоръ. Онъ заказалъ партію вина въ Дижонѣ и хотѣлъ остановить его отправку. Онъ уѣхалъ 22-го іюля и возвратился домой только черезъ пять дней, то есть 27-го, съ величайшимъ трудомъ исполнивъ свое намѣреніе.

Всѣ эти пять дней были для меня чрезвычайно тяжелыми днями; приказанія за приказаніями насчетъ сбора резервовъ, мобилей и отставныхъ солдатъ разсылались по всей странѣ;

жандармамъ не давали покоя. Правительственная газета увѣряла насъ, что вся нація пылала энтузіазмомъ и желала только какъ можно скорѣе начать войну. Какая нелѣпость! Неужели молодые люди, которые сидятъ спокойно дома, весело говорятъ самимъ себѣ: «Черезъ пять мѣсяцевъ мы уже не будемъ подлежать военной службѣ, можемъ жениться и мирно добывать свой кусокъ хлѣба»,—вдругъ могутъ безъ всякой причины почувствовать восторженную жажду убивать неизвѣстныхъ имъ людей, подвергая и свою жизнь ежеминутной опасности? Неужели такая безсмыслица возможна?

А нѣмцы! Никто насъ не увѣритъ, чтобъ для своего удовольствія явились къ намъ эти тысячи рабочихъ, лавочниковъ, фабрикантовъ и вообще добрыхъ гражданъ, которые жили мирно въ своихъ городахъ и селахъ! Кто станетъ утверждать, что всѣ эти люди для своей забавы выстроились въ боевые ряды передъ нашими пушками, зная, что за ними стоитъ офицеръ съ револьверомъ, готовый положить на мѣстѣ каждаго, кто попытается убѣжать? Неужели вы думаете, что во всемъ этомъ была для нихъ хоть тѣнь забавы? Нѣтъ, его превосходительство Эмиль Оливье былъ единственный человѣкъ, который, по его собственнымъ словамъ, выступалъ на войну «съ легкимъ сердцемъ». Онъ могъ безопасно показать свою спину, улепетывая послѣ того, какъ заварилъ кашу; ему нечего было бояться; и теперь онъ благоденствуетъ, наживъ въ самое короткое время большое состояніе. Но молодцы изъ нашихъ селеній: Матіасъ Гейцъ, Жанъ-Батистъ Вернеръ, мой сынъ Жакобъ и сотни другихъ шли на войну весьма неохотно и съ несравненно большимъ удовольствіемъ остались бы спокойно дома.

Впослѣдствіи, когда пришлось уже сражаться за свою родину, взглядъ на войну измѣнился; тогда всѣ шли сражаться по сознанію долга, не дожидаясь особыхъ повелѣній, но это было уже въ то время, когда сами повелители, Эмиль Оливье и его друзья, попрятались Богъ-вѣсть куда. Но мы бы сказали глупую ложь, еслибъ стали утверждать, что въ эту именно минуту, когда еще можно было предотвратить всѣ наши несчастія, мы восторженно шли на смерть, защищая толпу интригановъ и балаганныхъ героевъ, которыхъ мы тогда только что раскусили.

Увидавъ Жакоба въ блузѣ и съ узломъ въ рукахъ, я вздрогнулъ

— Ну, отецъ,—сказалъ онъ,—я иду; не забудьте черезъ полчаса закрыть плотину на мельницѣ; вода прибываетъ.

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ утѣшенія моему бѣдному мальчику, но голосъ у меня замеръ, а изъ другой комнаты доносились жалобные вопли жены. Право, если бъ его превосходительство Эмиль Оливье попался мнѣ въ руки въ эту минуту, кто знаетъ, можетъ быть, я, несмотря на свой миролюбивый характеръ, въ состояніи былъ бы убить его: такъ я былъ тогда взволнованъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Жакобъ удалился изъ родительскаго дома.

Молодые люди изъ Сарбурга, Шато-Салина и другихъ окрестныхъ мѣстностей въ числѣ тысячи пятисотъ или тысячи шестисотъ человѣкъ, были созваны въ Фальсбургъ, чтобъ замѣнить 84-й полкъ, который ожидалъ каждую минуту приказанія выступить въ походъ. Нѣкоторые офицеры жаловались на своего полкового командира, что онъ не сумѣлъ доставить своему полку передового поста въ арміи; они боялись, что опоздаютъ, они жаждали чиновъ, крестовъ, медалей. И неудивительно, война вѣдь была ихъ ремесломъ.

Но все, что я сказалъ объ энтузіазмѣ къ войнѣ, совершенно справедливо какъ въ отношеніи французовъ, такъ и нѣмцевъ; ни тѣ, ни другіе не желали убивать другъ друга. Бисмаркъ, а главное, нашъ честный человѣкъ, одни отвѣтственны за эту войну; на его голову преимущественно падетъ пролитая кровь.

Жоржъ возвратился изъ Бельфора 27-го іюня, вечеромъ. Я, какъ теперь, вижу его передъ собою; Гредель наканунѣ вернулась домой, и всѣ сидѣли за ужиномъ, когда онъ вошелъ въ комнату.

— А, это вы, Жоржъ?—воскликнулъ я.—Устроили вы ваши дѣла?

— Да, грѣхъ жаловаться,—сказалъ онъ, садясь.—Я успѣлъ отказать заказанную партію вина; но удалось мнѣ это сдѣлать только благодаря счастливому случаю. Какой безпорядокъ, какая суматоха по всей дорогѣ отъ Бельфора до Страсбурга! По желѣзнымъ дорогамъ привозятъ солдатъ, рекрутовъ, лошадей, пушки, порохъ, сухари, и все это сваливается въ груды. Нельзя узнать страны. Приказы и контръ-приказы быстро смѣняются одни другими. Телеграфъ уже не передаетъ депешъ, посылаемыхъ частными лицами, онъ занятъ исключительно разсылкой пра-

вительственныхъ распоряженій. Интенданты не могутъ найти своихъ магазиновъ, полковые командиры ищутъ свои полки, а генералы свои бригады и дивизіи. Армія нуждается въ соли, въ сахарѣ, кофе, мясѣ, сѣдлахъ и уздечкахъ, а ей присылаютъ карты Балтійскаго моря для кампаніи въ Вогезахъ! О!—прибавилъ Жоржъ, съ отчаяніемъ ломая себѣ руки.—Неужели мы до этого дожили—мы! мы! Теперь всѣ увидятъ, какъ дорого стоитъ намъ правительство второй имперіи, кровавымъ насиліемъ захватившее себѣ власть. Помяни мое слово, Христіанъ, насъ побьютъ! Пожалуй, въ арсеналахъ не найдется и ружей, хотя законодательное собраніе отпустило на заготовленіе ихъ сотни милліоновъ. Ты увидишь! Ты увидишь!

Говоря это, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а мы смотрѣли на него, разинувъ рты.

— Вотъ вамъ и геній нашего «честнаго человѣка»!—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе горячась.—Онъ всѣмъ руководитъ, онъ нашъ главнокомандующій. Отставной артиллерійскій капитанъ, съ которымъ я ѣхалъ изъ Шлештага въ Страссбургъ, говорилъ мнѣ, что вслѣдствіе дурной организаціи нашего войска мы не будемъ въ состояніи выставить болѣе 250.000 человѣкъ по всей нашей границѣ отъ Люксембурга до Швейцаріи, а нѣмцы, благодаря ихъ лучшей организаціи, могутъ выставить въ семь дней 600,000 человѣкъ, такъ что съ самаго начала нѣмцевъ будетъ вдвое противъ французовъ, и они задавятъ насъ массами, несмотря на всю храбрость нашихъ солдатъ. Этотъ опытный офицеръ, обладающій здравымъ смысломъ и путешествовавшій по Германіи, разсказывалъ мнѣ также, что прусская артиллерія дѣйствуетъ быстрѣе и на болѣе далекомъ разстояніи, чѣмъ наша, такъ что нѣмцы могутъ сбивать наши батареи и митральезы безъ всякаго для себя вреда Вѣрно, нашъ великій человѣкъ объ этомъ не подумалъ.

И Жоржъ сталъ громко смѣяться; мы молчали, и онъ снова продолжалъ:

— А непріятели, пруссаки, баварцы, баденцы, виртембергцы, по словамъ газеты «Courrier du Bas-Rhin», идутъ полками и дивизіями изъ Франкфурта и Мюнхена на Раштатъ, въ изобиліи снабженные пушками, боевыми снарядами и продовольствіемъ. Та же газета говоритъ, что непріятель кишитъ во всей странѣ отъ Карлсруэ до Бадена, что онъ взорвалъ кельнскій

мость и что у насъ мало войска въ Вейсенбургѣ. Но къ чему жаловаться? Нашъ главнокомандующій вѣрно знаетъ дѣло лучше, чѣмъ «Courrier du Bas-Rhin»; онъ ни отъ кого не намѣренъ принимать совѣтовъ. А знаешь, Христіанъ,—вдругъ воскликнулъ Жоржъ, перемѣнивъ тонъ:—я зашелъ къ тебѣ главное затѣмъ, чтобъ дать добрый совѣтъ!

— Какой?

— Спрячь свои деньги; по всему, что я видѣлъ, черезъ нѣсколько дней непріятель будетъ въ Эльзасѣ.

Представьте себѣ мое удивленіе при этихъ словахъ. Жоржъ никогда не шутилъ, говоря о серьезныхъ предметахъ, и его нельзя было назвать трусомъ; напротивъ, немного людей можно было найти смѣлѣе и храбрѣе его. Поэтому естественно, что моя жена и Гредель пришли въ ужасъ.

— Какъ, Жоржъ,—сказалъ я,—неужели ты думаешь, что это возможно?

— Выслушайте меня,—отвѣчалъ онъ.—Все возможно, когда съ одной стороны люди пустые, безъ образованія, здраваго смысла, осторожности и правильной системы, а съ другой—люди, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ подготовлявшіе этотъ роковой ударъ. Да, я увѣренъ, что черезъ двѣ недѣли нѣмцы будутъ въ Эльзасѣ. Наши горы ихъ задержатъ, а крѣпости: Бичъ, Пети-Пьеръ, Фальсбургъ и Лихтенбургъ, ретраншементы и рвы въ горныхъ проходахъ, всевозможныя засады, взорванные мосты и тупели желѣзныхъ дорогъ,—преградятъ имъ путь на три или на четыре мѣсяца до зимы; но, между тѣмъ, они разошлютъ по нашей странѣ отряды для рекогносцировокъ, которые станутъ забирать все: муку, зерно, сѣно, солому, мясо, скотъ, а главное, деньги. Война всего тяжелѣе отзовется на насъ. Мы, эльзасцы и лотарингцы, поплатимся за всѣхъ. Я изъѣздилъ всю страну и знаю въ чемъ дѣло. Повѣрь мнѣ, что тебѣ необходимо спрятать все, что ты имѣешь цѣннаго; я намѣренъ то же сдѣлать, и тогда, что бы ни случилось, мы съ тобою, по крайней мѣрѣ, не будемъ обвинять самихъ себя въ непредусмотрительности. Я не хотѣлъ пойти спать, не предупредивъ тебя объ этомъ. А теперь прощай, Христіанъ, прощайте всѣ.

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Моя жена и Гредель хотѣли тотчасъ же укладывать въ безопасное

мѣсто все наше имущество. Гредель съ того времени, какъ мысль о Манѣ-Батистѣ Верперѣ запала въ ея голову, только и думала, что о своемъ приданомъ. Она знала, что у насъ хранятся сто луидоровъ въ корзинкѣ на нижней полкѣ шкафа, и сказала сама себѣ: «это мое приданое». Эти деньги ее безпокоили болѣе всего на свѣтѣ, и она дошла до такой смѣлости, что хотѣла завладѣть ключами и хранить ихъ постоянно у себя, но съ ея матерью шутить было нельзя. Она каждую минуту кричала, бросая на дочь убійственные взгляды: «Смотри, что ты дѣлаешь, Гредель!» И такъ какъ Катерина не отличалась терпѣливымъ характеромъ, то мнѣ приходилось постоянно вмѣшиваться и возстановлять спокойствіе.

Но, несмотря на слова Жоржа, я не чувствовалъ большого страха. Конечно, нѣмцы были въ какихъ-нибудь шестнадцати миляхъ отъ насъ, и въ Нидербронѣ поселяне жаловались на слишкомъ большое количество квартирующихъ въ деревняхъ солдатъ, слѣдовательно, въ войскѣ не было недостатка; наконецъ, Макъ-Магонъ находился въ Страсбургѣ, а тюркосы, зуавы и африканскіе стеря двигались быстро къ границѣ. Поэтому, я уговаривалъ жену не торопиться, ибо Жоржъ всегда ненавидѣлъ Наполеона III, и все, что онъ говорилъ, вѣрно было преувеличено, а чтобъ убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ, я рѣшился поѣхать на базаръ въ Саверпъ, и если дѣйствительно дѣла дурны, то постараться поскорѣе продать всѣ наши запасы зерна и муки, вырученныя же за нихъ деньги зарыть въ землю вмѣстѣ съ другими сокровищами.

Моя жена ободрилась, и еслибъ у меня не было много заказовъ для булочниковъ нашего селенія, то я поѣхалъ бы въ Саверпъ на другой же день. Но, по несчастью, со времени удаленія Франца и Жакоба, мельница была на моихъ рукахъ, и я едва успѣвалъ исполнять всю работу.

Жакобъ также доставлялъ мнѣ безпокойство постоянными просьбами о присылкѣ денегъ. Почтальонъ Мишель, приносившій мнѣ отъ него вѣсточки, разсказывалъ, что мобили еще не выступили въ походъ, что они, отъ нечего дѣлать, съ утра до вечера шлялись по кабакамъ, что имъ не давали ни ружей, ни даже продовольствія. Этотъ безпорядокъ выводилъ меня изъ терпѣнія; если Наполеонъ отнимаетъ у насъ всѣхъ молодыхъ людей во время жатвы, то онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ кор-

мить ихъ, а не требовать, чтобъ ихъ содержали родители. Но все же я послалъ денегъ Жакобу, такъ какъ не умирать же ему было съ голоду. Однакожъ, было грустно посылать ему деньги, когда онъ ничего не дѣлалъ, а я на старости лѣтъ долженъ былъ таскать мѣшки, нагружать возы и смотрѣть за мельницей, ибо, кромѣ стараго, больного Донадье, нельзя было нанять ни одного работника. Въ виду всего этого, легко себѣ представить, въ какомъ мы находились безпокойномъ и затруднительномъ положеніи.

Другіе обитатели нашего селенія находились тоже не въ лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ я. Старики и старухи съ грустью думали о своихъ сыновьяхъ, запертыхъ въ городскихъ стѣнахъ; къ тому же у насъ появилась оспа и стала довольно сильно свирѣпствовать. Ничего нельзя было ни продать, ни переслать по желѣзной дорогѣ; срубленныя деревья, доски, каменья лежали грудами за недостаткомъ средствъ сообщенія. Подъ-префектъ постоянно побуждалъ меня отыскивать несчастныхъ трехъ или четырехъ отпускныхъ солдатъ, не явившихся по вызову въ городъ; розыскивая ихъ, я цѣлую недѣлю не могъ попасть въ Саверпъ.

Между тѣмъ, мы узнали, что Наполеонъ, наконецъ, выѣхалъ изъ Парижа въ армію, а черезъ пять или шесть дней разнеслась вѣсть о великой побѣдѣ подъ Саарбрюкеномъ, гдѣ митральезы страшно косили пруссаковъ, а маленькій принцъ собиралъ ядра на полѣ сраженія, «причемъ старые солдаты плакали отъ умиленія».

Получивъ эти извѣстія, наши поселяне обезумѣли отъ радости. Со всѣхъ сторонъ слышались крики: «да здравствуетъ императоръ!», а нашъ патеръ произнесъ проповѣдь, въ которой приглашалъ насъ къ поголовному истребленію еретиковъ пруссаковъ. Никогда не было видано подобнаго энтузіазма. Въ этотъ самый день, вечеромъ, послѣ окончанія работъ на мельницѣ, я вдругъ услышалъ вдали на большой дорогѣ торжественные звуки: «Aux armes, citoyens, formez vos bataillons».

Это былъ 84-й линейный полкъ. Онъ шелъ изъ Фальсбурга въ Мэцъ и поселяне, работавшіе на полѣ близъ дороги, разсказывали потомъ, что несчастные солдаты, съ ранцами за плечами, едва могли передвигаться отъ сильной жары, а жители Метинга угощали ихъ виномъ и водкой, причемъ солдаты говорили: «прощайте, долго здравствовать!», а офицеры жали всѣмъ руки при общихъ крикахъ «Да здравствуетъ императоръ!»

Да, эта саарбрюкенская побѣда измѣнила положеніе дѣлъ въ нашихъ селеніяхъ: любовь къ войнѣ начинала смѣнять недавнюю ненависть къ ней. Война всегда популярна, когда она успѣшна и обѣщаетъ распространить наши предѣлы на счетъ сосѣдей.

Въ девять часовъ вечера я отправился къ Жоржу, чтобы посовѣтовать ему вести себя какъ можно осторожнѣе, такъ какъ одно слово противъ наполеоновской династіи послѣ такой великой побѣды могло его погубить.

— Благодарствуй, Христіанъ,—отвѣчалъ онъ,—я уже читалъ депешу; знаю, что нѣсколько храбрыхъ людей убито, знаю также, что юный принцъ достойно представленъ арміи, знаю, что этотъ бѣдный слабый мальчикъ подбиралъ ядра на полѣ сраженія. Ну, что жъ, за это его, пожалуй, можно назвать храбрымъ наслѣдникомъ своего знаменитаго дяди, страшнаго побѣдителя подъ Іеной и Аустерлицомъ! Одинъ только офицеръ убитъ, это конечно, немного. Знаешь ли, Христіанъ, о чемъ я сейчасъ думалъ: что бы было, еслибъ юный принцъ получилъ хотя легкую царапину? Какой бы гамъ подняли всѣ газеты, сколько бы появилось въ нихъ воззваній о мести, и мы съ тобой были бы обязаны призывать всѣ громы на головы пруссаковъ. Для Наполеона, пожалуй, было бы выгоднѣе еслибъ его сынъ получилъ легкую контузію...

— Тише, тише,—сказалъ я, закрывая окно.—Жоржъ, держи языкъ за зубами; не выдавай себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ Пласіару и жандармамъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—враги Наполеоновской династіи во Франціи теперь находятся въ большей опасности, чѣмъ прежде. Если война будетъ успѣшна, имъ зададутъ трезвону. Я это знаю, но все же благодарю тебя за предупрежденіе.

Вотъ все, что онъ сказалъ мнѣ въ тотъ день, и я, возвратясь домой, долго обдумывалъ его слова.

Слѣдующій день былъ базарный, и я отправился въ Саверн съ двумя возами муки, которые и продалъ по хорошей цѣнѣ. Во всемъ городѣ было замѣтно то суетливое движеніе, о которомъ говорилъ Жоржъ; всюду на желѣзной дорогѣ попадались митральезы, пушки, ящики съ сухарями, и солдаты встрѣчались на каждомъ шагу. На главной улицѣ отъ замка до станціи желѣзной дороги была точно ярмарка хлѣба, сосисокъ и вина; всѣ

панерерывъ угощали солдатъ, особенно тюркосовъ, одѣтыхъ въ синія куртки, полотняныя шаровары и красныя фески.

Я прежде никогда не видалъ этихъ людей: желтоватая кожа ихъ лицъ, толстыя губы, большія бѣлки глазъ поразили меня, а замѣтивъ, какіе громадные шаги они дѣлали своими тонкими ногами, я невольно подумалъ, что нѣмцы найдутъ въ нихъ опасныхъ враговъ. Ихъ офицеры, съ большими саблями и остроконечными бородами, казались также великолѣпными воинами. У каждаго кабачка было привязано по нѣсколько легкихъ маленькихъ лошадокъ африканскихъ егерей. Никто ни въ чемъ не отказывалъ солдатамъ, и повсюду на улицахъ и въ трактирахъ говорили о лазаретахъ и пожертвованіяхъ въ пользу раненыхъ. Видя все это, я сказалъ себѣ, что слова Жоржа противорѣчили здравому смыслу, и что мы навѣрно одержимъ побѣду.

Пообѣдавъ въ трактирѣ «Волъ», въ два часа пополудни я отправился домой черезъ Фальсбургъ, чтобы повидаться съ Жакобомъ. Поднимаясь въ гору, я увидалъ на скатѣ, между деревьями, что-то блестящее, и вдругъ нѣсколько сотенъ кирасиръ выѣхали на дорогу. Они подвигались шагомъ по два въ рядъ: ихъ каски и латы блестѣли на солнцѣ и даже отражались на деревьяхъ, а шумъ лошадиныхъ копытъ напоминалъ грохотъ быстраго потока. Я посторонился, чтобъ дать имъ дорогу и полюбоваться великолѣпными солдатами, неподвижно сидѣвшими на коренастыхъ, сильныхъ лошадяхъ, съ холщевыми мѣшками, привѣшенными къ сѣдламъ, и палашами, брякавшими о шпоры. Они проходили мимо меня цѣлыхъ полчаса, и я думалъ, что не будетъ конца ихъ шествію. Однакожъ, тутъ было только два полка; другіе два уже стояли лагеремъ на гласисѣ Фальсбурга, куда я прибылъ къ пяти часамъ. Они разставляли пикеты и разводили огни; лошади ржали, а городскіе жители, мужчины, женщины и дѣти, глазѣли на нихъ съ удивленіемъ.

Я проѣхалъ далѣе, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ могучей силѣ нашей арміи и сожалѣя несчастныхъ нѣмцевъ, которымъ придется имѣть дѣло съ такими храбрыми молодцами. Въѣхавъ въ нѣмецкія ворота, я увидалъ офицеровъ, отыскивавшихъ себѣ квартиры, и мобилей въ блузахъ, стоявшихъ на часахъ. Въ это самое утро они получили ружья, а наканунѣ пріѣхалъ въ Фальсбургъ самъ подъ-префектъ Сарбурга для назначенія офицеровъ

національной гвардіи. Все это я узналъ въ пивной Вашерона, гдѣ и остановился.

Всѣ говорили о побѣдѣ при Саарбрюкенѣ, особливо кирасиры, которые осушали бутылки пива сотнями. Они казались очень веселыми и увѣряли, что война начинается снова на большую ногу, а слѣдовательно и на тяжелую кавалерію будетъ сильный запросъ. Пріятно было смотрѣть на ихъ загорѣлыя лица и красныя уши, пріятно было слушать, какъ они радовались скорой встрѣчѣ съ врагомъ.

Среди всей этой толпы народа, входящихъ и выходящихъ гражданъ и бѣгающихъ взадъ и впередъ слугъ, я тщетно искалъ Жакоба; наконецъ я призналъ одного юношу изъ нашего селенія, по имени Никола Мэсса, который взялся тотчасъ его отыскать. Дѣйствительно, чрезъ четверть часа явился Жакобъ.

Бѣдный мальчикъ бросился мнѣ на шею.

— Ну,—сказалъ я со слезами на глазахъ,—сядемъ и поговоримъ. Хорошо тебѣ?

— Я бы лучше желалъ остаться дома.

— Конечно, но это невозможно. Надо имѣть терпѣніе.

Я пригласилъ Мэсса выпить съ нами кружку пива, и оба юноши горько жаловались на то, что Матіасъ Гейцъ, сынъ, былъ сдѣланъ поручикомъ, хотя онъ ничего не смыслилъ въ военномъ дѣлѣ, и уже заказалъ офицерскій мундиръ съ золотымъ шитьемъ. Матіасъ былъ другъ Жакоба, но справедливость выше всего.

Это извѣстіе преисполнило меня негодованіемъ. Зачѣмъ Матіаса Гейца произвели въ офицеры? Онъ никогда ничему не учился въ школѣ, не могъ выработать ни гроша, а мой Жакобъ былъ отличный работникъ на мельницѣ.

Однако, я не сказалъ ни слова и только спросилъ, сдѣланъ ли офицеромъ Жанъ-Батистъ Вернеръ, который нѣсколько дней передъ тѣмъ поступилъ въ артиллерію національной гвардіи. Они гнѣвно отвѣчали, что Жанъ-Батистъ Вернеръ, несмотря на свои двѣ кампаніи, африканскую и мексиканскую, остался простымъ канонировъ, и что вообще кто зналъ что-нибудь, подобно Вернеру, тотъ оставался рядовымъ или много, если его производили въ сержанты. Все это доказывало, что Жоржъ былъ правъ, говоря, что насъ погонятъ на войну, какъ барановъ, и что наши начальники лишены всякаго здраваго смысла.

Разговаривая такимъ образомъ и смотря на постоянно вхо-

дившую и выходившую толпу, мы просидѣли до восьми часовъ, когда, проголодавшись, я спросилъ сосисекъ и салата. Не успѣли мы окончить свой ужинъ, какъ пробили зорю; кирасиры стали уходить въ свой лагерь, а офицеры по квартирамъ.

Вдругъ раздался звукъ трубы, и послышались крики: «на коней, на коней!»

Всѣ всполошились. Офицеры надѣли каски, прицѣпили палаши и побѣжали къ нѣмецкимъ воротамъ. Получена была депеша, но никто не зналъ ея содержанія, и всѣ спрашивали съ испугомъ другъ друга: «что случилось?»

Въ эту минуту въ пивную вошелъ полицейскій инспекторъ, который, вѣроятно, замѣтилъ мою телѣгу и громко закричалъ:

— Ворота запираютъ; кто не городской убирайтесь скорѣй!

Я поспѣшно обнялъ сына, пожалъ руку Никола и поскакалъ сломя голову къ французскимъ воротамъ. Подъемный мостъ уже поднимали, и я едва успѣлъ проскочить. Черезъ пять минутъ я уже ѣхалъ по дорогѣ въ Метингъ. На гласисѣ царствовала мертвая тишина; пикеты были сняты, и оба полка кирасировъ выступили по направленію въ Савернъ.

Я возвратился домой поздно. Въ селеніи уже всѣ спали; никто не подозрѣвалъ, что должно было случиться черезъ недѣлю.

V.

Во всю дорогу я все думалъ о кирасирахъ. Неожиданный приказъ выступить немедленно въ походъ былъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Вѣроятно, случилось что-нибудь нехорошее, думалъ я, и, убирая телѣгу въ сарай, вдругъ пришелъ къ тому убѣжденію, что наступила минута прятать деньги. Я выручилъ за муку въ Саверпѣ 1,600 франковъ, и, быть можетъ, тяжелый кошелекъ навелъ меня на эту мысль. Я теперь вспомнилъ о томъ, что Жоржъ говорилъ о пруссакахъ, и морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу.

Я тотчасъ тихонько прошелъ на верхъ и, разбудивъ жену, сказалъ:

— Вставай, Катерина!

— Что такое?

— Вставай, пора прятать деньги.

— Но что случилось?

— Ничего, не шуми, Гредель спитъ. Неси корзинку; положи въ нее твое сокровище, серьги и все, что у насъ есть цѣннаго. Слышишь! Я спущу воду изъ шлюза и закопаю все наше богатство глубоко въ землю.

Катерина стала одѣваться не говоря ни слова, а я пошелъ на мельницу. Отворивъ заднюю дверь, я прислушался. Въ селеніи царствовала мертвая тишина, такъ что можно было слышать даже шаги кошки. Мельница не работала, и вода была довольно высока. Я поднялъ шлюзы, и вода, клокоча и пѣнясь, потекла по руслу; но сосѣди привыкли къ этому шуму, и потому тишина въ селеніи нисколько не нарушалась.

Тогда я вернулся домой и опорожнилъ небольшой дубовой ящикъ, въ которомъ я держалъ молотокъ, клещи, буравъ и гвозди. Въ эту минуту сошла съ лѣстницы жена, держа въ рукахъ корзинку и зажженный фонарь. Я тотчасъ потушилъ его, подумавъ про себя: «Міръ не производилъ другой такой дуры».

— Все въ корзинкѣ?—спросилъ я.

— Да.

— Хорошо. Но я привезъ еще изъ Саверна 1,600 франковъ; я продалъ очень выгодно зерно и муку.

Я положилъ въ ящикъ отрубей, и мы аккуратно уложили въ него всѣ вещи, потомъ я заперъ его висячимъ замкомъ и вышелъ изъ дома вмѣстѣ съ женой. Шлюзъ былъ уже почти пустой; въ немъ оставалось не болѣе двухъ футовъ воды. Я отбросилъ нѣсколько каменьевъ, которые мѣшали стоку остальной воды, и сталъ рыть яму подъ самой плотиной.

Катерина стояла на верху часовымъ и время отъ времени произносила шепотомъ: «тише». Тогда мы внимательно прислушивались, но ничего не было слышно, кромѣ мяуканья кошки да плеска воды. И я продолжалъ свою работу. Еслибъ кто-нибудь помѣшалъ мнѣ, то, мнѣ кажется, въ эту минуту я въ состояніи былъ бы нанести ему крупную непріятность. По счастью никто не подвернулся, и къ двумъ часамъ утра я выкопалъ яму въ три или четыре фута глубины. На дно я положилъ ящикъ, покрылъ его землею, притопталъ ее, потомъ положилъ слой щебня, завалилъ большими камнями и все засыпалъ пескомъ. Когда, такимъ образомъ, работа была окончена, я вышелъ изъ шлюза и закрылъ плотину. Вода снова начала подниматься, и къ тремъ часамъ шлюзъ былъ почти полонъ, такъ что мельница могла дѣй-

ствовать. Никому не пришло бы въ голову, что подъ этимъ быстрымъ потокомъ на глубинѣ девяти футовъ отъ поверхности воды и трехъ футовъ отъ земли находился маленькій дубовый ящикъ, обитый желѣзомъ, съ хорошимъ висячимъ замкомъ, а въ ящикѣ четыре тысячи франковъ. Я внутренно посмѣялся, говоря себѣ: «Пусть теперь придутъ разбойники!»

Катерина также была очень довольна. Но около четырехъ часовъ, когда я ложился спать, вбѣжала въ комнату Гредель блѣдная, испуганная.

— Гдѣ деньги?—воскликнула она съ ужасомъ.

Увидавъ шкафъ открытымъ, а корзинку пустой, она вообразила, что ея приданое пропало; отъ страха волосы у нея поднялись дыбомъ.

— Не безпокойся,—сказалъ я, — деньги въ сохранномъ мѣстѣ.

— Гдѣ?

— Онѣ спрятаны.

— Гдѣ?

И она взглянула на меня, словно желая задушить, но Катерина спокойно сказала:

— Это не твое дѣло.

Тогда Гредель вышла изъ себя и сердито сказала, что если мы умремъ, она не будетъ знать, гдѣ найти свое приданое.

Это взбѣсило и меня въ свою очередь, и я воскликнулъ:

— Мы вовсе не собираемся умирать и нарочно будемъ долго жить, чтобъ помѣшать тебѣ и твоему Жану-Батисту воспользоваться нашимъ состояніемъ.

Съ этими словами я пошелъ спать, предоставляя Катеринѣ раздѣлываться съ Гредель, какъ она умѣетъ.

Молодая дѣвушка не унывала и перешарила весь домъ, мельницу и даже садъ, но, конечно, на настоящій слѣдъ не напала.

— Ты видишь,—говорила ей мать.—Какъ хорошо мы спрятали деньги; если ты не можешь найти, то и нѣмцы не найдутъ.

Я очень хорошо помню, что въ этотъ день, 5 августа, рано утромъ, мы съ Катериной видѣли, какъ Жоржъ проѣхалъ въ своемъ шарабанѣ по Дозенгеймской долинѣ, и намъ невольно пришло на мысль, зачѣмъ это онъ такъ рано выѣхалъ изъ дома? Селеніе мало-по-малу просыпалось, и поселяне принимались за работу, а я легъ спать; но часовъ въ восемь меня разбудила

Катерина, говоря, что пришелъ почтальонъ Миншель. Я сошелъ внизъ и увидалъ Миншеля, который, стоя у окна въ нашей чистой комнатѣ, перебиралъ свой мѣшокъ съ письмами. Миншель былъ очень озабоченъ и объяснилъ мнѣ, что въ городѣ ходятъ самые грустные слухи; говорятъ что подъ Вейсенбургомъ произошло большое сраженіе, и насъ побили. Правда, другіе увѣряютъ, что хотя мы и потеряли десять тысячъ человѣкъ, но нѣмцы лишились семнадцати тысячъ. Однакожъ, ничего не было извѣстно достовѣрнаго, такъ какъ никто не знаетъ даже, откуда пошли эти слухи. Одно только вѣрно, что комендантъ Фальсбурга Тальянъ объявилъ въ это утро, что жители обязаны запасаться провизіей на шесть недѣль, и, конечно, народъ заговорилъ: «Такъ намъ угрожаетъ осада? Такъ мы вернулись къ временамъ великаго отступленія и паденія перваго императора? Такъ это всегда будетъ кончаться одинаково?»

Моя жена, Гредель и я слушали Миншеля молча. Когда же онъ кончилъ, я спросилъ его:

— А вы, Миншель, что вы думаете обо всемъ этомъ?

— Г. мэръ,—отвѣчалъ онъ,—я простой почтальонъ и нуждаюсь въ своемъ мѣстѣ; если я лишусь моихъ пятисотъ франковъ въ годъ, что станется со моей женой и дѣтьми!

Я понялъ изъ его словъ, что онъ не предвидѣлъ ничего хорошаго. Онъ подалъ письмо отъ г. подъ-префекта, послѣднее, которое я получилъ отъ него; въ этомъ письмѣ мнѣ предписывалось обращать строгое вниманіе на ложные слухи, за которые, по приказанію префекта Подевена, виновныхъ слѣдовало подвергать жестокому наказанію.

Конечно, мы очень желали, чтобъ полученныя вѣсти оказались ложными, но въ то время, все, что было непріятно подъ-префектамъ, префектамъ, министрамъ и императору, выдавалось за ложное, а все, что имъ нравилось,—все, что помогало обманывать народъ, какъ напримѣръ, мирный плебисцитъ — было истиной!

Но я не стану болѣе говорить объ этомъ; мнѣ такъ тошно вспоминать о ихъ дѣлахъ.

Миншель ушелъ, и весь этотъ день въ нашемъ селеніи была сущая сумятица; мужчины уходили въ лѣсъ съ мѣшками и лопатами, женщины сторожили; у всѣхъ лица были озабоченныя, безпокойныя, и мнѣ сдавалось, что всѣ прятали и закапывали

въ землю изъ своего имущества все, что попадалось подъ руку и считалось цѣннымъ. Я очень сожалѣлъ, что не послушалъ Жоржа и не сталъ продавать муку за недѣлю ранѣе; но хлопоты по должности помѣшали мнѣ, и теперь у меня оставалось зерна по крайней мѣрѣ на четыре воза. Куда мнѣ было его спрятать? А также куда дѣвать скотъ, мебель, постели и разные хозяйственные запасы? Никогда нашъ народъ не забудетъ этихъ несчастныхъ дней, когда всѣ ежеминутно ждали непріятельскаго вторженія и со страхомъ говорили другъ другу: «Мы точно птица на вѣткѣ. Мы работали въ потѣ лица и отказывали себѣ во всемъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, чтобъ имѣть возможность пріобрѣсти и владѣть небольшою собственностью, а что станется съ нею завтра? А черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, мы, можетъ статься, будемъ умирать съ голоду. И въ тѣ несчастные дни дадутъ ли намъ какой-нибудь грошъ подъ залогъ нашей земли или дома? Кто намъ дастъ денегъ? И все это по чьей милости? По милости людей, обманувшихъ насъ самымъ недостойнымъ образомъ»!

О, если есть высшее правосудіе, какъ увѣренъ каждый человѣкъ, то эти ужасные люди дорого поплатятся за свои дѣла. Сколько несчастныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей встрѣтятъ ихъ въ день грознаго суда и потребуютъ удовлетворенія за всѣ перенесенныя страданія. Да, я въ этомъ увѣренъ! Но они, о, они ничему не вѣрятъ! Они знаютъ только свои выгоды и готовы у другихъ отнять все, лишь бы имъ было хорошо.

Весь этотъ день прошелъ въ безпокойствѣ и смущеніи. Мы ничего не знали о томъ, что дѣлалось, мы спрашивали проходившихъ чрезъ наше селеніе жителей Дозенгейма, Нейвиллера и болѣе отдаленныхъ мѣстечекъ, но они только отвѣчали:

— Будьте готовы, врагъ идетъ впередъ.

Между тѣмъ, мой помощникъ, дуракъ Пласіаръ, который въ продолженіе пятнадцати лѣтъ только и дѣлалъ, что писалъ доносы и просьбы о наградахъ себѣ и своимъ родственникамъ, явился ко мнѣ на мельницу и торжественно объявилъ:

— Г. мэръ, все идетъ отлично! Наши заманиваютъ непріятеля въ долину, и онъ попадется въ ловушку. Завтра мы получимъ извѣстіе, что всѣ нѣмцы истреблены до послѣдняго человѣка.

Муниципальные совѣтники Арнольдъ, Францъ Сепель и Батистъ Дида также посѣтили меня и громко увѣряли, что непрі-

ятеля необходимо истребить, поджечь Гагенаускій лѣсъ, изжарить въ немъ нѣмцевъ живьемъ и т. д., и т. д. У каждаго былъ свой планъ. Удивительно, до какого тупоумія могутъ доходить люди.

Но всего грустнѣе было открытіе, сдѣланное моею женою. Узнавъ отъ Мишеля о прокламаціи, вывѣшенной въ городѣ, она отправилась въ кладовую, чтобы послать кой-какую провизію Жакобу, и, къ ея ужасу, не оказалось двухъ лучшихъ окороковъ и колбасъ, копченыхъ шесть недѣль тому назадъ. Съ громкимъ крикомъ она сбѣжала съ лѣстницы, жалуясь, что въ домѣ были воры и что никому нельзя было довѣрять. Гредель слѣдовала за нею, крича еще громче матери, что, вѣрно, разбойникъ Францъ утащилъ провизію. Но Катерина гнѣвно отвѣчала, что она была въ ея кладовой послѣ ухода Франца, и все было въ порядкѣ. Тогда Гредель заявила свое предположеніе, что не взялъ-ли окорока Жакобъ.

— Это ложь!—воскликнула ея мать, выходя изъ себя.—Я бы видѣла, еслибъ онъ взялъ что-нибудь. И къ тому же Жакобъ никогда ничего не бралъ безъ спроса, онъ честный мальчикъ!

Шумъ мельницы былъ музыкальной мелодіей въ сравненіи съ этимъ крикомъ, и я едва не пустился отъ него въ бѣгство.

Часу въ седьмомъ возвратился и Жоржъ въ своемъ шарабанѣ. Онъ ѣздилъ въ Эльзасъ, и я немедленно побѣжалъ къ нему, чтобы разузнать, какія онъ привезъ новости.

— Это ты, Христіанъ?—сказалъ онъ, когда я вошелъ въ комнату.—Что твои деньги спрятаны?

— Да.

— Хорошо. Я слышалъ въ Брукевилье славныя вѣсти. Наши дѣла идутъ отлично! У насъ важные полководцы! Нечего сказать, ловкое начало, и если мы будемъ такъ продолжать, то конецъ будетъ блестящій.

Въ эту минуту его жена Маріана принесла изъ кухни холодной баранины, хлѣба и вина; Жоржъ сѣлъ за ужинъ и, пока ѣлъ, передалъ мнѣ все, что слышалъ во время своей поѣздки. Два пѣхотные полка, полкъ тюркосовъ, батальонъ егерей, полкъ легкой кавалеріи и три орудія были расположены внутри Вейсенбурга; наши солдаты спокойно купались въ рѣкѣ и мыли свое

бѣлье, не подозрѣвая, что передъ ними въ лѣсу скрывалось пятьдесятъ тысячъ нѣмцевъ; а вблизи, вправо, еще восемьдесятъ тысячъ человѣкъ ждали только удобнаго случая, чтобъ переправиться черезъ Рейнъ. Наши такимъ образомъ находились въ пасти волка, которому только стоило стиснуть зубы, чтобъ ихъ всѣхъ проглотить. Такъ и случилось. Нѣмцы напали врасплохъ на нашъ маленькій отрядъ; жестокая стычка произошла въ виноградникахъ, окружавшихъ Вейсенбургъ; у насъ было мало артиллеріи, тюркосы, егеря и пѣхота дрались, какъ львы, одинъ противъ шестерыхъ; они сначала даже отняли у непріятеля восемь орудій: но нѣмцы, постоянно получая свѣжія подкрѣпленія, подъ конецъ истребили весь нашъ отрядъ. Затѣмъ бомбардировали Вейсенбургъ и подожгли городъ; только немногимъ изъ нашихъ удалось отступить подъ прикрытіе лѣсовъ вокругъ Битча. Разсказывали вездѣ, что въ этой битвѣ убитъ одинъ изъ нашихъ генераловъ, и что отъ нѣсколькихъ селеній остались только однѣ развалины.

Извѣстіе объ этомъ пораженіи Жоржъ слышалъ въ Брюсвилье, куда въ тотъ же вечеръ прибыло нѣсколько кавалерійскихъ солдатъ. Народъ толковалъ о дезертирахъ, словно солдаты, побѣжденные непріятелемъ и уходящіе отъ него куда глаза глядятъ, безъ малѣйшаго знанія мѣстности, могутъ назваться дезертирами. Это одно изъ постыдныхъ явленій, которыя намъ впослѣдствіи пришлось часто видѣть. Многіе бездушные люди предпочитали скорѣе прогнать отъ дверей своихъ домовъ этихъ солдатъ, какъ дезертировъ, чѣмъ ихъ накормить и напоить:— это было дешевле и удобнѣе.

— Ну,—продолжалъ Жоржъ, — страсбургскій корпусъ и внутренняя армія, которые должны были бы уже находиться въ полномъ сборѣ и порядкѣ въ Гагенау, а въ сущности еще растянуты по желѣзнымъ дорогамъ до самого Люневиля, — теперь спѣшатъ навстрѣчу непріятелю. Четырнадцать кавалерійскихъ полковъ, преимущественно кирасиръ и конныхъ егерей, собраны въ Бруматѣ. Тамъ ожидаютъ сраженія. Макъ-Магонъ, съ главнымъ начальникомъ инженеровъ и другими штабными офицерами, находится на высотахъ Рейхсгофена для избранія боевой позиціи. Какъ только прибываютъ войска, ихъ тотчасъ же выстраиваютъ передъ Нидерброномъ. Я слышалъ это отъ людей, спасшихся бѣгствомъ съ женами, дѣтьми и пожитками. Они хо-

тѣли искать спасенія въ фортѣ Пети-Пьерръ, но, узнавъ, что тутъ находится только одна рота, отправились въ Страсбургъ. Я полагаю, что они правы. Большой городъ, какъ Страсбургъ, имѣетъ всегда больше средствъ къ защитѣ, чѣмъ маленькое укрѣпленіе, обнесенное палисадомъ для прикрытія пятидесяти человѣкъ его гарнизона.

Вотъ какія вѣсти привезъ Жоржъ, и моя первая мысль была тотчасъ бѣжать на мельницу, нагрузить мебелью два воза и отправиться, не теряя ни минуты, въ Фальсбургъ, но Жоржъ сказалъ мнѣ, что ворота Фальсбурга были уже заперты, и намъ пришлось бы дожидаться внѣ города до того времени, когда ихъ отворятъ; къ тому же онъ полагалъ, что я еще успѣю уѣхать и завтра.

По его мнѣнію, генеральное сраженіе не могло произойти ранѣе, какъ черезъ два или три дня, потому что нѣмцамъ придется переходить черезъ рѣку, а при этомъ переходѣ, безспорно, они должны встрѣтить сильное сопротивленіе съ нашей стороны. Конечно, пятидесятитысячный отрядъ, овладѣвшій Вейсенбургомъ, могъ спуститься по Зауеру, но нѣмцы тогда были бы почти въ одинаковомъ числѣ съ нами, а имъ несравненно выгоднѣе сразиться съ нами только тогда, когда ихъ будетъ трое противъ нашего одного. Жоржъ слышалъ разговоръ офицеровъ въ трактирѣ и полагалъ, на основаніи ихъ словъ, что всѣ войска подъ начальствомъ генерала де-Фальи, находившіяся близъ Мэца, поспѣютъ во-время для поддержанія Макъ-Магона. Я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, такъ какъ оно казалось совершенно естественнымъ и разумнымъ.

Такимъ образомъ, мы бесѣдовали до девяти часовъ. Къ этому времени подошла моя жена и Гредель; онѣ пришли къ Маріанѣ жаловаться другъ на друга по поводу пропажи окороковъ.

— Будьте благоразумны,—сказала имъ Маріана.—Что значатъ три окорока, Катерина, стоитъ ли объ этомъ тревожиться! Быть можетъ, дѣйствительно, ихъ взялъ Жакобъ. Лучше пусть полакомится ими вашъ мальчикъ, чѣмъ попадутъ они въ руки нѣмецкихъ уланъ.

Конечно, моя жена съ нею не согласилась. Въ десять часовъ Маріана сказала, что ея мужъ усталъ и ему пора отдыхать; тогда мы встали и ушли домой.

Въ продолженіе цѣлой ночи Катерина не давала мнѣ спать, непрестанно жалуясь на воровъ, которые хотѣли пустить насъ по-міру; изъ ея словъ я понялъ, что она подозрѣвала Гредель, которая, будто бы, отослала эти окорока съ Мишелемъ къ Жану-Батисту Вернеру. Я думалъ о совершенно другихъ предметахъ и очень обрадовался, когда моя жена утромъ ушла въ кухню, и мнѣ удалось уснуть часокъ спокойно.

На слѣдующій день въ нашемъ селеніи все было спокойно; всякій спряталъ свои сокровища, и мы боялись только одного, чтобъ изъ Фальсбурга не выслали фуражировъ для забора нашего скота. Всѣхъ дѣтей размѣстили часовыми въ различныхъ пунктахъ, и было рѣшено при малѣйшемъ признакѣ выступленія изъ Фальсбурга какого-нибудь военнаго отряда гнать весь скотъ въ сосѣдніе лѣса.

На дорогѣ изъ Фальсбурга ничего не было видно. Всѣ солдаты были отправлены изъ крѣпости на границу, а комендантъ Тальянъ не могъ же послать молодыхъ людей изъ нашего же селенія отгонять скотъ у ихъ отцовъ. Такимъ образомъ, весь день прошелъ довольно спокойно. Только около полудня дровосѣки изъ Крапенфельца пришли намъ сказать, что они слышали пушечную пальбу на высотахъ Фальберга, со стороны Эльзаса; но имъ никто не повѣрилъ.—«Это все выдумки, чтобъ насъ только даромъ пугать», говорили наши поселяне. И дѣйствительно, многіе любятъ для забавы пугать другихъ людей.

Наступилъ вечеръ, погода была теплая,—даже въ десять часовъ, я сидѣлъ на скамейкѣ передъ мельницей въ одной рубашкѣ. Время отъ времени темное облако заслоняло луну и давало надежду на скорый дождь, котораго мы уже давно ждали съ нетерпѣніемъ. Гредель мыла тарелки въ кухнѣ, а жена моя ходила взадъ и впередъ по комнатамъ, осматривая, не пропало ли изъ шкафовъ еще что-нибудь, кромѣ окороковъ; въ селеніи во всѣхъ домахъ закрывали окна и ставни; я уже собирался идти спать, какъ вдругъ въ лѣсу послышался какой-то странный гулъ; можно было думать, что это звуки отъ копытъ гдѣ-то далеко скачущихъ лошадей, или стукъ ѣхавшихъ телѣгъ, или, наконецъ, отдаленный свистъ вѣтра. Но что было это въ дѣйствительности? Моя жена и Гредель также вышли изъ дома и стали прислушиваться. Но въ эту минуту съ противоположнаго конца

селенія долетѣли до насъ крикъ и шумъ, такъ что наше вниманіе было отвлечено отъ странныхъ звуковъ въ лѣсу.

— Пьяницы въ «Золотой Кружкѣ»,—сказалъ я, обращаясь къ женѣ,—каждую ночь затѣваютъ ссоры. Надо положить конецъ этому позору, клеймящему весь околотокъ.

Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ на улицѣ, передъ мельницей, показалась толпа народа, оглашавшая воздухъ криками: «дезертиръ, дезертиръ!»

— Смотрите за лошадью! Не дайте ей уйти!—кричалъ мой помощникъ, Пласіаръ, громовымъ голосомъ.

Среди толпы шелъ высокорослый кирасиръ, котораго одинъ изъ поселянъ держалъ за руку, а другой за шиворотъ. Кирасиръ не оказывалъ никакого сопротивленія и шелъ спокойно; за нимъ слѣдовала его лошадь, прихрамывая и понуривъ голову; нашъ пастухъ велъ ее подъ уздцы.

— Г. мэръ,—произнесъ Пласіаръ, увидавъ меня,—я привелъ къ вамъ дезертира, одного изъ тѣхъ, которые бѣжали изъ-подъ Вейсенбурга и теперь скитаются по странѣ, набивая себѣ брюхо и пьянствуя насчетъ бѣдныхъ поселянъ. Онъ и теперь пьянъ. Я его самъ поймалъ.

— Заприте его въ конюшню!—воскликнула толпа. — Пошлите за жандармами! Сдѣлайте то, сдѣлайте другое и т. д., и т. д.

Я очень удивился, что такой здоровенный, рослый молодецъ въ каскѣ и латахъ, который могъ бы легко проложить себѣ дорогу черезъ всю эту толпу, велъ себя, какъ агнецъ. Въ эту минуту подошелъ Жоржъ, и мы оба не знали, что намъ дѣлать, такъ какъ кирасиръ и его лошадь стояли неподвижно, словно окаменѣлые.

Наконецъ, я почувствовалъ необходимость сказать что-нибудь и произнесъ:

— Войдите.

Пастухъ привязалъ лошадь къ сараю, и мы всѣ вошли въ нашу чистую комнату нижняго этажа, захлопнувъ дверь передъ носомъ толпы, которой не было никакого дѣла до настоящаго случая. Однако, она не уходила отъ мельницы, продолжая безъ умолка кричать: «Дезертиръ! Дезертиръ!» Мало-по-малу половина селенія поднялась на ноги и собралась у моего дома.

Войдя въ комнату, моя жена засвѣтила свѣчу, и мы увидали

передъ собою рослаго, сильнаго, широкоплечаго человѣка, съ длинными усами, громаднымъ палашомъ и латами, забрызганными кровью. Увидя это, а также окровавленную рану на его лицѣ, мы поняли, что онъ вовсе не дезертиръ, а что въ нашемъ сосѣдствѣ случилось нѣчто ужасное. Поэтому, когда Пласіаръ началъ снова разсказывать, какъ онъ поймалъ кирасира, прятавшагося въ его саду, Жоржъ воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Полноте, такой человѣкъ не станетъ прятаться! Еслибъ онъ захотѣлъ, то справился бы съ двадцатью такими, какъ вы, г. Пласіаръ.

При этихъ словахъ кирасиръ обернулся и взглянулъ на Жоржа, но не сказалъ ни слова. Онъ, казалось, находился въ какомъ-то столбнякѣ.

— Вы были въ сраженіи, мой другъ, не правда ли?—спросилъ Жоржъ ласково.

— Да.

— Такъ сегодня было сраженіе?

— Да.

— Гдѣ?

Кирасиръ указалъ по направленію къ Фальбергу и отвѣчалъ:

— Тамъ за горами.

— Въ Рейхсгофенѣ?

— Да, да, въ Рейхсгофенѣ.

— Онъ совершенно изнемогаетъ отъ усталости,—сказалъ Жоржъ,—Катерина, принесите вина.

Моя жена принесла бутылку вина и налила стаканъ, но кирасиръ не хотѣлъ пить; онъ устремилъ глаза въ землю, словно мерещилось ему что-то ужасное. Его слова и потерянный видъ преисполнили насъ страхомъ, и мы невольно поблѣднѣли.

— И что же,—спросилъ Жоржъ, — кирасиры ходили въ атаку?

— Да, всѣ.

— Гдѣ вашъ полкъ?

— Мой полкъ!—сказалъ солдатъ, поднимая голову. — Въ кустарникахъ, на полѣ, въ рѣкѣ.

— Какъ! Въ рѣкѣ?

— Да, нѣтъ болѣе кирасиръ:

— Нѣтъ болѣе кирасиръ!—воскликнулъ Жоржъ. — Нѣтъ болѣе цѣлыхъ шести полковъ?

— Да, все кончено! — произнесъ солдатъ глухимъ голосомъ.—Картечь скосила всѣхъ. Никто не уцѣлѣлъ!

— Вотъ видите!—воскликнулъ Пласіаръ. — Этотъ бродяга одинъ изъ тѣхъ негодяевъ, которые распространяютъ ложные слухи. Развѣ можно скосить шесть полковъ? Вы сами говорили, г. мэръ, что эти шесть полковъ могли сами одни разбить любого непріятеля.

Я ничего не отвѣчалъ, но холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

— Вы должны запереть его куда-нибудь и послать за жандармами,—продолжалъ Пласіаръ.—Таковы приказанія г. подъ-префекта.

Кирасиръ обтеръ рукавомъ кровь, струившуюся по его щекѣ; онъ, повидимому, ничего не слыхалъ, что говорилось вокругъ него. Передъ открытыми окнами комнаты толпились поселяне, слѣдившіе съ любопытствомъ за всѣмъ происходившимъ.

Жоржъ и я взглянули другъ на друга съ испугомъ.

— На васъ кровь,—сказалъ Жоржъ, указывая солдату на его латы.

— Да, — отвѣчалъ онъ, вздрогнувъ; — это кровь бѣлаго улана; я его убилъ.

— А эта рана на вашей щекѣ?

— Мнѣ нанесъ ее баварскій офицеръ рукояткой сабли. Я потерялъ сознаніе и ничего не видалъ, что происходило далѣе; лошадь унесла меня изъ рядовъ.

— Такъ у васъ дошло до рукопашной?

— Да, два раза; мы не могли дѣйствовать палашами, а, схватившись другъ съ другомъ, наносили удары рукоятками.

Пласіаръ снова хотѣлъ вмѣшаться въ разговоръ, но Жоржъ воскликнулъ внѣ себя отъ гнѣва:

— Молчи, подлецъ! Какъ тебѣ не стыдно оскорблять храбраго солдата, который проливалъ кровь за свою родину!

— Г. мэръ,—произнесъ Пласаіръ,—вы позволяете оскорблять меня въ вашемъ домѣ, когда я исполняю обязанность вашего помощника.

Мое положеніе было очень затруднительно, и Жоржъ хотѣлъ уже отвѣчать за меня, но въ эту минуту на улицѣ раздался

странный лошадиный топотъ, и роковой крикъ поразилъ наши сердца:

— Пруссаки! Пруссаки!

Мимо окопъ промчался отрядъ конныхъ солдатъ въ ужасномъ безпорядкѣ; онъ пронесся какъ молнія; толпа отскочила отъ оконъ; женщины огласили воздухъ воплями:

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Мы погибли!

Видя и слыша все это, я отъ ужаса какъ бы приросъ къ землѣ; но черезъ минуту воцарилось безмолвіе. Я обернулся: никого уже не было; мужчины, женщины, Пласіаръ, полицейскій сторожъ—всѣ исчезли. Въ комнатѣ оставались только моя жена, Гредель, Жоржъ, кирасиръ и я.

— Этотъ человѣкъ сказалъ намъ правду — произнесъ Жоржъ.—Сегодня произошло генеральное сраженіе, и мы разбиты. Только что промчавшіеся солдаты—первые бѣглецы съ поля битвы. Теперь нужнѣе всего спокойствіе и твердость; пусть всякій будетъ наготовѣ. Мы увидимъ страшныя дѣла. Вы можете идти, другъ мой, — прибавилъ онъ, обращаясь къ кирасиру,—но если вы желаете остаться...

— Нѣтъ, я не хочу попасть въ плѣнъ.

— Такъ пойдемте, я вамъ укажу дорогу.

Мы вышли всѣ на улицу. Лошадь стояла неподвижно у сарая; я помогъ кирасиру взобраться на нее, а Жоржъ сказалъ:

— Направо идетъ дорога въ Мэцъ, налѣво въ Фальсбургъ; достигнувъ Фальсбурга, возьмите направо, и вы будете на дорогѣ въ Парижъ.

Лошадь пошла шагомъ, еле передвигая ноги. Тутъ только мы замѣтили, что на одной изъ ея ногъ была сорвана кожа, и она потеряла много крови. Жоржъ пошелъ вслѣдъ за кирасиромъ, забывъ даже пожелать мнѣ доброй ночи. Впрочемъ, кто могъ теперь спать?

Въ продолженіе всей ночи я слышалъ по временамъ лошадиный топотъ, а на разсвѣтѣ, выйдя на шлюзъ, я былъ пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Повсюду виднѣлись конные солдаты группами по пяти, шести и десяти человѣкъ; они выскакивали изъ лѣсу, мяли кустарники, скакали черезъ поля, топча хлѣбъ, переправлялись вплавь черезъ рѣку и поднимались на противоположную гору. Одни исчезали, другіе появлялись. Имъ не было конца.

Въ шесть часовъ зазвонили въ колокола къ заутрени. Было воскресенье 7 августа 1870 года; погода была великолѣпная. Нашъ патеръ прошелъ по улицѣ въ церковь въ девять часовъ, но только нѣсколько старухъ присутствовали при богослуженіи.

Теперь началось безконечное шествіе побѣжденной арміи, отступавшей къ Сарбургу; такого страшнаго, грустнаго зрѣлища я никогда не видывалъ и во всю жизнь его не забуду. Сотни людей, въ которыхъ едва можно было узнать французовъ, двигались въ неописанномъ безпорядкѣ; кавалерія, пѣхота, кирасиры безъ кирасъ, кавалеристы пѣшкомъ, пѣхотинцы верхомъ, все это было перемѣшано. Эти безпорядочныя толпы, большею частью безоружныя, шли молча куда глаза глядѣли.

Меня особенно удивляло, что въ рядахъ отступавшей арміи не было ни одного офицера. Куда они всѣ подѣвались? Я не могъ разрѣшить этой загадки.

Теперь не слышно было пѣнія и криковъ: «да здравствуетъ императоръ!» «Въ Берлинъ! Въ Берлинъ!» На лицѣ каждаго солдата выражались только ужасъ и тупое отчаянье.

И это роковое зрѣлище міръ видитъ не въ послѣдній разъ; наши дѣти увидятъ то же и, можетъ быть, еще худшее, потому что между людьми есть волки, лисицы, коршуны. И это будетъ продолжаться сотни, тысячи разъ, пока коршуны, волки и лисицы не выведутся въ человѣческомъ обществѣ. А между тѣмъ они тоже люди вѣрующіе, лютеране и католики; многіе изъ нихъ, повидимому, люди вполнѣ достойные, почтенные!

Такъ возвращалась наша армія съ поля битвы подъ Рейхсгофеномъ; а нѣмцы слѣдовали за нею по пятамъ; они уже были въ Гагенау, въ Ингвиллерѣ, въ Буксвилье; они шли изъ Дозенгейма прямо на нашу долину. И вскорѣ намъ суждено было ихъ увидѣть!

VI.

Цѣлый день мы находились въ постоянномъ страхѣ: одна Гредель ничего не боялась и спокойно ходила взадъ и впередъ, принося намъ извѣстія изъ Ротальпа.

Многіе изъ жителей Ингвиллера, Нейвиллера и Дозенгейма проѣзжали черезъ наше селеніе въ телѣгахъ, нагруженныхъ мебелью, матрацами, бѣльемъ и т. д.; всѣ они скакали въ безпо-

рядкѣ, оглашая воздухъ криками, стегая лошадей и оборачиваясь ежеминутно, чтобъ убѣдиться, не слѣдуютъ ли за ними прусскіе улапы. Это было общее бѣгство, точно передъ какимъ-нибудь потопомъ. Несчастные потеряли головы и на всѣ наши разспросы твердили одно, что пруссаки забираютъ всѣхъ мальчиковъ пятнадцати и шестнадцатилѣтняго возраста и заставляютъ ихъ водить лошадей и носить багажъ.

Часовъ въ двѣнадцать прошли мимо насъ двое солдатъ; они были покрыты пылью, но шли съ ружьями въ рукахъ. Я позвалъ ихъ въ окно и угостилъ виномъ. Они служили въ 18-мъ пѣхотномъ полку, и, по ихъ словамъ, этотъ полкъ болѣе не существовалъ; всѣ до одного офицеры были убиты или ранены; ихъ полкъ, главнымъ образомъ, потерпѣлъ отъ своихъ же товарищей, солдатъ другого полка, которые, по ошибкѣ, стрѣляли въ нихъ довольно долго. Оба эти добрые ребята хотѣли поступить въ составъ гарнизона въ Пети-Пьеррѣ, но ихъ туда не приняли. Теперь они пробирались въ Фальсбургъ. Оба они были люди мужественные и не предавались отчаянію. Они разсказывали, что 5-й армейскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Фальи, стоявшій близъ Битча, могъ бы поспѣть во-время и рѣшить сраженіе въ нашу пользу. Отдохнувъ, они отправились въ путь, и мы пожелали имъ всякаго благополучія.

Въ семь часовъ къ намъ пришла Маріана. Ея мужъ отправился рано утромъ въ городъ, говоря, что у насъ въ селеніи нельзя ничего узнать о настоящемъ положеніи дѣлъ, что солдаты знаютъ только о томъ уголкѣ, въ которомъ они сами находились во время сраженія. Въ городѣ, пожалуй, можно узнать достовѣрно, оставалась ли намъ хоть какая-нибудь надежда, или же мы разбиты окончательно. Жоржъ долженъ былъ возвратиться къ обѣду, но до сихъ поръ еще не возвращался, и жена его сильно безпокоилась. Дурныя вѣсти продолжали приходить однѣ за другими; поселяне, бѣжавшіе изъ Нейвиллера, говорили, что пруссаки уже шли на Саверпъ и вездѣ производили реквизиціи. Всѣ бѣглецы спасались въ Дабо, въ горахъ; женщины, по привычкѣ перебирали четки и во время дороги, а мужчины, большіе пьяницы, размахивали палками и угрожали кулаками воображаемому непріятелю, что, однако, имъ не мѣшало ускорять шагъ. Одинъ изъ этихъ людей, на мой вопросъ— видѣлъ-ли онъ поле сраженія, отвѣчалъ, что мертвые лежали

грудами на поляхъ, какъ мѣшки съ мукой въ моей мельницѣ. Я ему, конечно, не повѣрилъ, предполагая, что онъ это выдумалъ или повторялъ выдумку другого.

Наступила ночь, и Маріана собралась итти домой, какъ вдругъ явился Жоржъ.

— Моя жена здѣсь, Христіанъ?—спросилъ онъ

— Да. Ты будешь съ нами ужинать?

— Нѣтъ, я уже поѣлъ, но что я видѣлъ! Право, отъ этого можно рехнуться.

— А что Жакобъ?—спросила моя жена.

— Жакобъ... онъ учится маршировать. Ему выдали третьяго дня ружье, а завтра ему придется сражаться.

Жоржъ сѣлъ къ окну, и пока мы ужинали, онъ разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ. Онъ прибылъ въ Фальсбургъ въ шесть часовъ утра чрезъ французскія ворота; нѣмецкія же, обращенныя къ Саверну, были заперты; передъ этими послѣдними воротами толпились бѣглецы, умоляя, чтобъ ихъ впустили; наконецъ, ворота отперли, и всѣ тюркосы, зуавы, пѣхотинцы, кавалеристы, солдаты, офицеры, генералы бросились безпорядочной массой въ городъ. Среди этой толпы, Жоржъ видѣлъ одно только знамя, окруженное шестьюдесятью солдатами 55-го пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ поручика. Всѣ остальные солдаты вошли въ страшномъ безпорядкѣ, безъ оружія, безъ тѣни дисциплины. Они потеряли всякое уваженіе къ своимъ начальникамъ, и простые солдаты дерзко садились въ трактирахъ за столъ рядомъ съ офицерами, не обращая на нихъ никакого вниманія и требуя себѣ пива или вина. Трактирная прислуга ухаживала за ними, боять непріятныхъ сценъ, а офицеры дѣлали видъ, что они ничего не замѣчаютъ. По словамъ Жоржа, видѣть это было крайне непріятно. Тутъ же Жоржъ узналъ, что не только простые офицеры, но даже генералы знали не болѣе солдатъ о дорогахъ, тропинкахъ, рѣкахъ и ручьяхъ страны, а солдаты, разумѣется, не имѣли никакого понятія о нашей странѣ. Солдаты даже не вѣдали, какъ пройти изъ Фальсбурга въ Страсбургъ по большой дорогѣ, что было извѣстно каждому восьмилѣтнему ребенку. Жоржъ самъ слышалъ, какъ одинъ штабный офицеръ спрашивалъ—открытый ли городъ Сарбургъ, а цѣлые батальоны останавливались на дорогѣ, не зная, туда ли они идутъ, куда слѣдовало

Впрочемъ, по словамъ Жоржа, мы сами, вѣроятно, въ состояніи будемъ повѣрить его слова завтра, такъ какъ несчастные солдаты вертѣлись все на одномъ мѣстѣ, не зная куда идти и кончали обыкновенно тѣмъ, что возвращались обратно усталые, изнуренные, и пруссакамъ оставалось только подбирать ихъ по дорогамъ.

Но посреди всей этой грустной сумятицы Жоржъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о шестидесяти солдатахъ 55-го полка, которые въ совершенномъ порядкѣ остановились на городской площади, водрузили свое знамя подъ сѣнью дерева и, по приказанію своего командира, поручика, уставили ружья въ козлы и улеглись преспокойно спать среди шумной толпы.

— А ихъ молодой командиръ,—продолжалъ Жоржъ,—сѣлъ за маленькій столикъ передъ кофейной и, вынувъ изъ кармана карту, сталъ ее основательно изучать. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на него; онъ напоминалъ мнѣ нашихъ морскихъ офицеровъ. Видно было, что онъ зналъ кое-что и, пока его солдаты спали, а спасенное знамя безопасно развѣвалось подъ сѣнью дерева, онъ оставался настороже и обдумывалъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Полковники, генералы прибывали испуганные, полные отчаянія, но этотъ поручикъ сидѣлъ неподвижно. Наконецъ, онъ свернулъ карту, положилъ ее въ карманъ и, возвратясь къ своимъ солдатамъ, легъ между ними и вскорѣ заснулъ. Вотъ этотъ такъ настоящій офицеръ! Но видно, немного у насъ такихъ, большинство же сущіе невѣжды, они-то и есть настоящіе виновники нашего пораженія; они не знаютъ, какъ нужно командовать солдатами; они никогда ничему не учились. Конечно, между артиллеристами и инженерами есть много людей способныхъ, но они спеціалисты, командующіе только своими отдѣльными частями, и обязаны повиноваться приказаніямъ высшихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ начальниковъ, хотя бы эти приказанія были безумны.

Но всего болѣе возбуждалъ гнѣвъ Жоржа тотъ фактъ, что высшее начальство надъ всѣмъ сосредоточивалось въ рукахъ Наполеона, и что ничего не смѣли дѣлать безъ приказанія изъ его главной квартиры; нельзя было подорвать моста или тунели, не испросивъ дозволенія Наполеона.

— И какая польза отъ всѣхъ этихъ депешъ и контръ-депешъ!—продолжалъ Жоржъ.—Впрочемъ, я надѣюсь, что нашъ

«честный человѣкъ» уже разрѣшилъ взорвать Аршевильерскій тунель, такъ какъ иначе пруссаки наводнятъ всю Францію и будутъ возить по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ своихъ солдатъ, орудія, снаряды и продовольствіе, тогда какъ наши несчастные солдаты будутъ таскаться пѣшкомъ и гибнуть, какъ мухи.

Отъ словъ Жоржа, наши опасенія еще болѣе возрасли.

Онъ увидалъ въ Фальсбургѣ нѣсколько орудій, успѣвшихъ спастись при общемъ бѣгствѣ; артиллерійскія лошади были до того изнурены, что казалось, будто онѣ прибыли изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Россіи. Несчастные бѣглецы располагались длинными рядами у крѣпостныхъ стѣнъ и спали, не обращая вниманія на то, что ихъ каждую минуту могли задавить. Двери и окна всѣхъ домовъ были открыты, и можно было видѣть вездѣ, въ коридорахъ, въ комнатахъ, на подъѣздахъ, на улицѣ, на дворѣ группы солдатъ поспѣшно набивавшихъ себѣ рты. Горожане отдавали имъ все, что имѣли. Бѣдняки плакали, что имъ нечѣмъ было подѣлиться съ своими братьями, такъ велико было всеобщее сожалѣніе къ несчастнымъ побѣжденнымъ; въ богатыхъ же домахъ стряпали съ утра до ночи, и одна группа солдатъ быстро замѣняла другую.

— Нечего сказать,—прибавилъ Жоржъ, — много еще на свѣтѣ есть добрыхъ людей! Вскорѣ бѣдные фальсбургцы будутъ осаждены и тогда имъ самимъ нечего будетъ ѣсть; ихъ шестинедѣльные запасы всѣ уже израсходованы. Въ сравненіи съ бѣдными горожанами, мы, поселяне, себялюбивыя чудовища!

Онъ устремилъ на насъ свой выразительный взглядъ, и мы ничего не отвѣчали. Я уже угналъ въ лѣсъ нашихъ коровъ вмѣстѣ съ деревенскимъ стадомъ и, вѣроятно, это ему было извѣстно.

Что дѣлать! Всѣмъ надо пить ѣсть, всѣ должны позаботиться о завтрашнемъ днѣ; тѣ, которые этого не дѣлаютъ, рано или поздно, должны раскаяться. Однако, какъ бы то ни было, Жоржъ былъ правъ, и горожане поступали благородно; но они тяжело за это заплатили во время осады Фальсбурга, когда въ послѣдніе четыре мѣсяца комендантъ раздавалъ все продовольствіе солдатамъ, отнимая у жителей заготовленные ими запасы.

Но всего болѣе оторчили насъ извѣстія, привезенныя Жоржемъ, о недавнемъ сраженіи. Жоржъ долго искалъ въ толпѣ кого-нибудь, кто могъ бы разсказать ему всѣ подробности. Наконецъ, онъ увидалъ стараго сержанта егерскаго полка, высоко-

рослаго, сухощаваго, съ раненой рукой и блестящими глазами.— Вотъ человѣкъ,—подумалъ онъ,—который разскажетъ мнѣ всю истину; онъ долженъ знать всю подноготную.

Жоржъ пригласилъ его въ трактиръ выпить стаканъ вина. Сержантъ пристально посмотрѣлъ на него и принялъ предложеніе. Они отправились въ «Городъ Базель», и за бутылкой мѣстнаго тіокурскаго вина, сержантъ разговорился, чему не мало, впрочемъ, способствовали сто су, подаренные ему Жоржемъ. По словамъ сержанта, наше пораженіе произошло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, оттого, что высоты направо не были нами заняты, и нѣмцы, расположившіеся на нихъ, могли легко обстрѣливать все поле сраженія; во-вторыхъ, прусская артиллерія была многочисленнѣе и лучше нашей; она осыпала наши ряды ядрами и картечью, причемъ чуть не каждый ихъ выстрѣлъ былъ такъ хорошо разсчитанъ, что попадалъ въ самую середину нашихъ рядовъ. Впослѣдствіи мы узнали, что вершины, о которыхъ говорилъ сержантъ, были Гунштедтскія. Далѣе сержантъ разсказалъ Жоржу, что 5-й корпусъ генерала де-Фальи, несмотря на всеобщее ожиданіе, не явился, и что хотя эта помощь не могла бы рѣшить побѣду въ нашу пользу, такъ какъ нѣмцевъ было трое или четверо противъ одного француза, но мы все же могли бы отступить въ порядкѣ на Саверн черезъ Нидербронъ.

Этотъ старый сержантъ былъ родомъ изъ Ньевра, и впослѣдствіи Жоржъ часто говорилъ мнѣ о немъ, увѣряя, что онъ зналъ военное дѣло лучше многихъ офицеровъ штаба Макъ-Магона, что онъ обладалъ здравымъ смысломъ, свѣтлымъ взглядомъ на вещи, и что, вообще, при извѣстной подготовкѣ, многіе подобные ему солдаты изъ низшихъ рядовъ французскаго общества могли бы выказать военный геній, тогда какъ наша увѣренность теперь, что хорошій танцоръ и актеръ (чѣмъ прославились нѣкоторые наши высшіе офицеры) легко можетъ сдѣлаться хорошимъ генераломъ,—непремѣнно насъ погубитъ.

Жоржъ въ этотъ вечеръ высказалъ много еще и другихъ вѣрныхъ мыслей, но наши опасенія о завтрашнемъ днѣ мѣшали намъ слушать его внимательно, и къ тому же самыя страшныя несчастія не могутъ лишить человѣка способности спать, а мы уже два дня не смыкали глазъ. Поэтому въ десять часовъ Жоржъ и его жена отправились домой, а мы съ Катериной пошли спать.

На другой день мнѣ предстояло совершить бракъ Христіана

Риши съ его двоюродной сестрой Лизбетой: свадьба была уже объявлена за недѣлю, а когда посланы приглашенія на подобное торжество, то его уже невозможно отложить. Мнѣ самому время было очень дорого, такъ какъ надо было свезти сѣно и солому въ лѣсъ для нашей скотины. Поэтому я послалъ за Пласіаромъ, но его нигдѣ нельзя было найти; онъ скрылся, какъ всѣ подобные ему чиновники второй имперіи, которые въ мирное время охотно получали жалованье и писали доносы, но обратились въ бѣгство въ ту минуту, когда имъ непремѣнно слѣдовало быть на своемъ мѣстѣ. Дѣлать нечего, мнѣ пришлось надѣть свой шарфъ и отправиться въ десять часовъ въ мэрію. Свадебная процессія меня уже ждала. Усѣвшись въ кресло, я началъ читать главу кодекса объ обязанностяхъ мужа и жены.

Вдругъ на улицѣ раздались крики: «пруссаки! пруссаки!» Одинъ изъ шаферовъ съ букетомъ розъ въ петлицѣ выбѣжалъ изъ залы, а Риши, невѣста и всѣ приглашенные бросились къ дверямъ: я и мой секретарь Адамъ Фоксъ остались на своихъ мѣстахъ. Черезъ минуту шаферъ возвратился, громко крича, что изъ Фальсбурга сдѣлана вылазка, чтобъ угнать изъ лѣса нашъ скотъ и взять изъ нашихъ домовъ все, что въ нихъ найдется. Услышавъ это страшное извѣстіе, я представилъ себѣ затруднительное положеніе моей жены и Гредель. Но мэру приходится всегда сохранять свое достоинство, и потому я громко воскликнулъ:

— Хотите вы жениться? Да или нѣтъ?

Они въ ту же минуту возвратились и отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Да.

— Ну, такъ вы женаты,—произнесъ я, и пока свидѣтели подписывали брачный договоръ, я побѣжалъ на мельницу.

По счастью, извѣстіе о вылазкѣ изъ Фальсбурга было несправедливо. Весь переполохъ произвелъ жандармъ, проскакавшій черезъ селеніе съ приказаніями отъ Макъ-Магона.

До семи часовъ вечера ничего не случилось новаго. Бѣглецы все еще проходили по направленію къ Фальсбургу, но не въ большомъ количествѣ; въ сумеркахъ же началось движеніе черезъ наше селеніе всего 5-го корпуса, подъ начальствомъ генерала де-Фальи. Эти 30.000 человѣкъ вмѣсто того, чтобы спуститься въ Эльзасъ, проходили по сю сторону горъ по направле-

нію въ Мэцъ. Они не думали защищать нашихъ горныхъ проходовъ, а искали спасенія въ бѣгствѣ въ Лотарингію.

Половина селенія высыпала на улицу и съ удивленіемъ смотрѣла на эту армію, двигавшуюся густой массой на Сарбургъ и Фенетранжъ. Мы полагали, что второе сраженіе будетъ дано подъ Саверномъ. Народъ собирался защищать Фальбергъ, Пахбергъ и всѣ другіе узкіе горные проходы, въ которыхъ нѣсколько десятковъ хорошихъ стрѣлковъ могли преградить дорогу цѣлымъ полкамъ; но видя, что эта тысячная армія безъ одного выстрѣла бросала насъ на волю судьбы, видя, что всѣ эти орудія, митральезы, пѣхота, кавалерія спѣшили уйти подалѣе отъ непріятеля—наши сердца обливались кровью. Никто не могъ постигнуть того, что съ нами дѣлали.

Одинъ бѣдный, истомленный солдатъ, лежа на травѣ, разсказалъ мнѣ, что ихъ послали изъ Битча въ Нидербронъ, изъ Нидеброна снова въ Битчъ, потомъ изъ Битча въ Петерсбахъ и Отвиллеръ по самымъ страшнымъ дорогамъ, и что теперь они были совершенно истомлены и не могли итти далѣе. Естественно, такія утомленныя войска не могли бороться съ свѣжей арміей, постоянно подкрѣпляемой резервами; они должны были понести пораженіе, не вступая даже въ бой. Да, недостатокъ знанія своей собственной страны составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ причинъ нашихъ бѣдствій.

Катерина, Гредель и я возвратились на мельницу внѣ себя отъ страха и безпокойства.

Въ эту ночь, послѣ двухмѣсячной засухи, пошелъ дождь и продолжался до утра.

Жена и Гредель отправились спать, но я не могъ сомкнуть глазъ и ходилъ взадъ и впередъ по мельницѣ, прислушиваясь къ шуму дождя, тяжелымъ раскатамъ артиллерійскихъ орудій и безостановочному топоту людей и лошадей. И они все шли, шли, шли, безъ остановки, безъ конца. Какое печальное зрѣлище, и какъ отъ глубины души я сожалѣлъ несчастныхъ солдатъ, усталыхъ, голодныхъ, принужденныхъ позорно отступать! По временамъ я отпиралъ окно и съ отчаяніемъ выглядывалъ на улицу. Густая масса людей двигалась пѣшкомъ, верхомъ, группами, отрядами, словно мрачныя тѣни, и среди этого неумолкаемаго топота, ржанія лошадей и проклятій, вырывавшихся, время отъ времени, изъ устъ несчастныхъ солдатъ, слышался вдали за три

или четыре мили отъ насъ свистъ паровозовъ, все еще ходившихъ взадъ и впередъ черезъ горные проходы.

Неожиданно замѣтивъ на стѣнѣ одну изъ тѣхъ картъ театра военныхъ дѣйствій, которыя правительство разослало повсюду три недѣли тому назадъ, и которыя представляли всѣ страны между Эльзасомъ и Россіей, я сорвалъ ее, скомкалъ въ рукахъ и выбросилъ въ окно. Вся постыдная комедія послѣднихъ мѣсяцевъ воскресла вдругъ въ моемъ умѣ. Эти прекрасныя карты были одною изъ сценъ этой роковой комедіи, также какъ заговоры, сочиненные полиціей, и объясненія подъ-префектовъ, побудившія насъ сказать «да», при голосованіи плебисцита. О, вы, гаеры и обманщики! Неужели вы недостаточно сдѣлали народъ несчастнымъ своей нелѣпой игрой!

А теперь вездѣ увѣряютъ, что эта игра начнется сызнова, что хотятъ вдѣть намъ въ носы желѣзныя кольца и вести на закланіе, какъ безсловесныхъ животныхъ, что многіе мошенники разсчитываютъ уладить свои мелкія дѣлишки и разжирѣть на нашъ счетъ! Неужели все это возможно! Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ Франція достойна всякаго презрѣнія, и если эти плуты успѣютъ въ своемъ позорномъ дѣлѣ, то честнымъ людямъ будетъ стыдно называться французами.

На-разсвѣтѣ я пошелъ поднять шлюзъ, такъ какъ проливной дождь переполнилъ запруду. Отставшіе бѣглецы еще виднѣлись тамъ и сямъ. Я взглянулъ по дорогѣ въ селеніе и увидалъ сосѣда Риттера, кабатчика, который съ фонаремъ выходилъ изъ сарая; за нимъ слѣдовалъ незнакомый мнѣ молодой человѣкъ въ сѣромъ пальто, узкихъ панталонахъ, съ кожаной сумкой черезъ плечо, въ маленькой войлочной шляпѣ и съ красной ленточкой въ петлицѣ.

Я тотчасъ узналъ въ немъ парижанина, потому что всѣ парижане походятъ другъ на друга, подобно тому какъ англичанъ трудно отличить одного отъ другого; любого изъ парижанъ можно узнать въ тысячной толпѣ. Я прислушался къ ихъ разговору.

— Такъ у васъ нѣтъ лошадей?—сказалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, сударь. Всѣ наши лошади въ лѣсу, и въ такое время мы не можемъ отлучиться изъ селенія.

— Но вѣдь двадцать франковъ за четыре часа ѣзды—хорошая цѣна.

— Да, въ обыкновенное время, а не теперь.

Я подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Вы куда, сударь, желаете ѣхать за двадцать франковъ?

— Въ Сарбургъ,—отвѣчалъ незнакомецъ, съ удивленіемъ взглянувъ на меня.

— Дайте тридцать, и я васъ свезу. Я мельникъ, и у меня есть лошади, но это единственныя во всемъ селѣ.

— Хорошо, закладывайте.

Меня соблазнили эти тридцать франковъ за четырехчасовую поѣздку, но все же я посовѣтовался съ женою; она согласилась со мной, что не слѣдовало упускать такого счастливаго случая, и я, выпивъ стаканъ вина и закусивъ кускомъ хлѣба, заложилъ пару моихъ добрыхъ сѣрыхъ лошадей въ легкую телѣжку. Парижанинъ уже ждалъ меня съ кожанымъ чемоданомъ въ рукахъ. Я бросилъ въ телѣжку охапку соломы, и онъ усѣлся рядомъ со мною.

Мы поѣхали крупной рысью, и незнакомецъ тотчасъ разговорился со мною. Сначала онъ спросилъ, что дѣлается въ нашей странѣ, и я разсказалъ ему все съ самаго начала. Потомъ онъ, въ свою очередь, сообщилъ мнѣ многое, что было еще намъ неизвѣстно. Онъ писалъ въ газетахъ и былъ въ числѣ тѣхъ журналистовъ, которые послѣдовали за Наполеономъ для прославленія его побѣдъ. Этотъ журналистъ теперь ѣхалъ изъ Мэца: по его словамъ, генералъ Фроссаръ проигралъ большое сраженіе подъ Форбахомъ по своей собственной винѣ: занятый игрою на биллярдѣ, онъ вовсе не выѣхалъ на поле сраженія.

Конечно, я не повѣрилъ этому извѣстію, оно было слишкомъ невѣроятно, но парижанинъ увѣрялъ, что это правда, и его слова были подтверждены очень многими свидѣтельствами.

— Пруссаки,—продолжалъ онъ,—прорвали нашъ центръ, и я едва спасся при общей сумятицѣ; уланы преслѣдовали насъ до мѣстечка, по имени, кажется, Друлингенъ.

— Друлингенъ отъ насъ всего въ четырехъ миляхъ!—воскликнулъ я.—Неужели нѣмцы теперь тамъ?

— Они тамъ были, но вскорѣ отошли къ своей главной арміи, которая идетъ на Туль. Я надѣялся поправить впечатлѣнія разсказомъ о нашихъ побѣдахъ въ Эльзасѣ; но, по несчастью, въ Друлингенѣ же я узналъ о пораженіи подъ Рейхсгофеномъ, а бѣгущіе со всѣхъ сторонъ поселяне убѣдили меня, что

насъ бьютъ по всей линіи. Безспорно, у пруссаковъ сильная армія, очень сильная. Но императоръ все устроитъ съ Бисмаркомъ. Они уже поладили: пруссаки возьмутъ Эльзасъ, намъ дадутъ взамѣнъ Бельгію; мы заплатимъ всѣ военные расходы, и дѣла пойдутъ по-старому. Только его величество нездоровъ, и ему необходимъ отдыхъ; у насъ вскорѣ будетъ Наполеонъ IV подъ регентствомъ ея величества, императрицы. Французы очень любятъ перемѣны.

Такъ говорилъ журналистъ, получившій орденъ Богъ знаетъ за что. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы безопасно достичь Сарбурга, сѣсть въ вагонъ и послать письмо въ редакцію своей газеты: до всего остального ему не было никакого дѣла.

Хорошо, что я взялъ двухъ лошадей, потому что дождикъ все продолжался, и дорога была очень тяжела. Вскорѣ мы достигли аріергарда корпуса де-Фальи; орудія, пороховые ящики и солдаты совершенно запружали дорогу, такъ что мнѣ пришлось ѣхать полемъ, гдѣ колеса вязли по ступицу. Близъ Сарбурга мы увидали слѣва аріергардъ разбитой арміи тюркосовъ, зуавовъ и длинные ряды пушекъ Макъ-Магона; такимъ образомъ, мы находились между двумя разбитыми арміями, такъ какъ войска де-Фальи, по ихъ безпорядочному, отчаянному виду, казались также разбитыми. Всѣ видѣвшіе то, что я разсказываю, могутъ подтвердить истину моихъ словъ, какъ бы невѣроятны они ни казались.

Наконецъ мы прибыли на Сарбургскую станцію, и парижанинъ уплатилъ мнѣ тридцать франковъ, вполнѣ заслуженные моими уставшими лошадьми. Семейства всѣхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ отправлялись въ Парижъ, и вы можете себѣ вообразить, какъ радъ былъ офиціальный журналистъ этому поѣзду. По счастью, у него былъ открытый листъ, а то ему пришлось бы остаться, подобно многимъ другимъ, которые теперь громко хвалятся, что они дали твердый отпоръ непріятелю.

Я поспѣшно отправился домой самымъ ближайшимъ путемъ и достигъ Ротальца въ двѣнадцать часовъ. Въ горахъ слышались пушечные выстрѣлы, и толпы поселянъ взбирались на пригорокъ передъ церковью, чтобъ лучше слышать отдаленные раскаты артиллеріи. Жоржъ сидѣлъ у окна и, куря трубку, смотрѣлъ на бѣгавшихъ взадъ и впередъ сосѣдей.

— Что это такое?—спросилъ я, останавливаясь у дверей его дома.

— Ничего,—отвѣчалъ онъ.—Пруссаки атаковали маленькій фортъ Лихтенбергъ. Но ты откуда?

— Изъ Сарбурга.

И я разсказалъ ему все, что слышалъ отъ парижанина.

— Ну, теперь все ясно!—воскликнулъ Жоржъ.—Я никакъ не могъ понять, зачѣмъ 5-й корпусъ отступилъ въ Лотарингію, не попробовавъ даже защитить наши горные проходы, что такъ легко; мнѣ казалось это слишкомъ низкой трусостью. Но если Фроссаръ разбитъ при Форбахѣ, то дѣло объясняется. Пруссаки обошли нашъ флангъ, и де-Фальи боится попасть въ ловушку между двумя побѣдоносными арміями. Ему, однако, надо торопиться; торговецъ скотомъ. Давидъ, только-что говорилъ мнѣ, что видѣлъ уланъ за Фенестранжемъ. Линія Вогезовъ отдана безъ боя непріятелю, и этимъ пораженіемъ мы обязаны Фроссару, наставнику императорскаго принца!

Въ эту минуту по улицѣ мимо оконъ прошелъ школьный учитель, Адамъ Фиксъ съ женою и крикнулъ намъ, что, кажется, около Битча происходитъ новая битва. Мы съ Жоржемъ стали прислушиваться, и вдали можно было различить гулъ тяжелыхъ орудій и другіе, не столь громкіе, выстрѣлы.

— Глухіе раскаты,—сказалъ Жоржъ,—это выстрѣлы изъ большихъ крѣпостныхъ орудій, а выстрѣлы послабѣе принадлежатъ прусской легкой артиллеріи. Въ эту минуту германская армія, побѣдивъ насъ въ Эльзасѣ, идетъ изъ Верта въ Сиветлеръ для соединенія съ арміей, идущей на Мэцъ; нѣмцы теперь въ шести миляхъ отъ насъ и проходятъ подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій. Завтра ихъ авангардъ пройдетъ мимо насъ. Тяжело быть побѣжденными по милости какихъ-нибудь олуховъ, но будемъ утѣшать себя хоть тѣмъ, что виновники нашихъ бѣдствій получатъ достойное наказаніе.

Съ этими словами онъ снова принялся за свою трубку, а я поѣхалъ домой. Я заработалъ тридцать франковъ въ шесть часовъ, но теперь было не до радости. Моя жена и Гредель тоже пошли на пригорокъ слушать пушечные выстрѣлы; полъ-селенія собралось тамъ, и вдругъ я увидѣлъ Пласіара, который пропадалъ уже второй день.

— Слышите, г. мэръ!—воскликнулъ онъ.—Слышите, вблизи

идетъ битва! Это король Викторъ-Эммануилъ идетъ къ намъ на помощь съ полутораста-тысячной арміей

Это ужъ было слишкомъ, и я, не вытерпѣвъ, закричалъ:

— Г. Пласіаръ, если вы думаете, что я дуракъ, то вы ошибаетесь, если же вы сами дуракъ, то лучше молчите. Довольно обманывать бѣдныхъ людей ложными извѣстіями, какъ вы дѣлаете уже восемнадцать лѣтъ. Теперь время не то: ужъ вы не получите даровою свидѣтельства на торговлю табакомъ. Вы можете теперь изъ любви ко лжи, но мнѣ надоѣли ваши низкія штуки. Я теперь ясно вижу, въ чемъ дѣло. Насъ ограбили въ конецъ такіе молодцы, какъ вы, и теперь намъ приходится платить за васъ своей шкурой, хотя мы ничѣмъ не пользовались. Если пруссаки сдѣлаются нашими господами и станутъ раздавать мѣста и жалованья—вы, конечно, сдѣлаетесь ихъ вѣрнымъ слугою, будете писать доносы на патріотовъ и заставлять народъ подавать голоса въ пользу плебисцитовъ Бисмарка! Какое вамъ дѣло, кто вы такой: французъ или нѣмецъ! Вашъ истинный господинъ тотъ, кто вамъ платитъ!

Говоря это, я чувствовалъ, что злоба душитъ меня, и я прибавилъ въ азартомъ:

— Погодите, г. помощникъ, вотъ я сейчасъ выйду, и мы съ вами поговоримъ!

Но едва я вышелъ за дверь, какъ Пласіаръ уже исчезъ за угломъ.

VII.

Въ этотъ день мы подверглись и другимъ тревогамъ.

Часа въ два, стоя у мельницы, я услышалъ въ долинѣ словно барабанный бой. Все селеніе было въ отчаяніи; только и слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Пруссаки идутъ!

Изъ каждаго дома выбѣгали сосѣди, смотрѣли, прислушивались; мальчишки спасались въ лѣсъ, матери оглашали воздухъ безпомощными криками. Нѣкоторые изъ мужчинъ потрусливѣе также уходили въ лѣсъ, унося подъ мышкой ломти хлѣба; женщины звали назадъ бѣглецовъ и кричали, что хотятъ слѣдовать за ними. Пока я смотрѣлъ на это грустное зрѣлище, на дорогѣ

неожиданно показались двѣ телѣги, которыя неслись въ мою прыть изъ грауфтальской долины.

Шумъ этихъ телѣгъ я принялъ за отдаленный барабанный бой. Недѣлю спустя я не сдѣлалъ бы этой ошибки, такъ какъ нѣмцы являются всегда безмолвно; они не кричатъ, не трубятъ, и вы не успѣете опомниться, какъ васъ уже окружили какихъ-нибудь 20,000 человѣкъ.

Изъ обѣихъ телѣгъ доносились громкіе крики, сливаніе всѣхъ радавался женскій голосъ:

— Пруссаки за лѣсопилкою!—кричала женщина.

Въ ста шагахъ отъ мельницы телѣги поѣхали тише, и я узналъ Димера, нашего муниципальнаго совѣтника, который правилъ лошадью.

— Димеръ, — воскликнулъ я, — постойте! Что у васъ дѣлается?

— Пруссаки идутъ, г. мэръ,—отвѣчалъ онъ.

— Боже мой! Если ужъ они должны прити, то немного ранѣе или позднѣе, все равно. Войдите на минутку.

Димеръ соскочилъ съ телѣги и разсказалъ мнѣ, что утромъ онъ отправился въ домъ доментальскаго лѣсничаго за женою и дочерьми, которыя гостили тамъ у родственниковъ, и на обратномъ пути увидалъ въ маленькой Фишбахельской долинѣ пруссаковъ, которые, поставивъ ружья въ козлы, готовили себѣ кушанье.

Вотъ все, что онъ видѣлъ. Онъ ударился вскачь, чтобъ избѣжать встрѣчи съ нашими врагами.

Вскорѣ подошли дровосѣки и увѣряли, что Димеръ ошибся, и видѣнные имъ солдаты были французы, а не пруссаки; за ними явились новые бѣглецы; они стали снова увѣрять, что это дѣйствительно пруссаки, и такъ далѣе, до самаго вечера.

Часовъ въ пять черезъ наше селеніе прошелъ послѣдній французскій солдатъ; у этого бѣднаго старика нога была ранена и обвязана платкомъ. Присѣвъ на скамейку подлѣ моего дома, онъ попросилъ Христа-ради кусокъ хлѣба и стаканъ воды. Я приказалъ Гредель принести хлѣба и вина, что она охотно исполнила. Бѣдный солдатъ сильно страдалъ; у него въ ногѣ сидѣли пуля, и открытая рана, которую онъ не умѣлъ самъ перевязать, какъ слѣдуетъ, издавала гнойный смрадъ. Въ такомъ положеніи несчастный притащился къ намъ изъ Верта.

Онъ не ѣлъ тридцать шесть часовъ и разсказалъ намъ, что его полковникъ, падая мертвымъ, воскликнулъ:

— Друзья мои, нами дурно командуютъ! Намъ нужны другіе, болѣе честные генералы!

Боясь, чтобъ больная нога не окоченѣла, онъ отдохнулъ только нѣсколько минутъ и побрелъ въ Фальсбургъ.

Это былъ послѣдній французскій солдатъ, котораго я видѣлъ послѣ Рейхсгофенской битвы.

Около полуночи до насъ дошла вѣсть, что грауфтальскіе поселяне нашли въ долинѣ брошенную пушку, а часа черезъ два во время ужина вбѣжала къ намъ сосѣдка Катель.

— Пруссаки у вашихъ дверей!—сказала она.

Я вышелъ: десять или двѣнадцать уланъ стояли на дорогѣ и, куря свои деревянныя трубочки, поили лошадей у мельничной запруды.

Представьте себѣ мое удивленіе, особливо когда одинъ изъ уланъ привѣтствовалъ меня на противномъ прусско-нѣмецкомъ нарѣчіи:

— Здравствуйте, г. мэръ! Я надѣюсь, вы хорошо поживаете съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть.

Онъ былъ начальникомъ отряда. Моя жена и Гредель смотрѣли на него изъ полуотворенной двери.

— А-а!—продолжалъ онъ, видя, что я ему не отвѣчалъ.— Г-жа Гредель! Вы все такая же хорошенькая и веселая! Я помню, вы всегда пѣвали утромъ и вечеромъ, работая въ саду.

Тогда Гредель, у которой было чудесное зрѣніе, воскликнула:

— Э-ге! Это тотъ мошенникъ, который приходилъ снимать виды нашихъ окрестностей съ маленькимъ ящикомъ на трехъ длинныхъ ножкахъ.

Послѣ словъ Гредель, несмотря на темноту, я узналъ въ уланѣ одного изъ тѣхъ нѣмецкихъ фотографовъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сновали по нашей странѣ и снимали портреты съ поселянъ. Его звали Отто Крель; онъ былъ высокаго роста, худощавый, блѣдный, съ длиннымъ носомъ и, отпуская комплименты, всегда моргалъ лѣвымъ глазомъ. Ахъ, мошенникъ! Это былъ онъ,—уланскій офицеръ.

— Такъ точно, г-жа Гредель,—отвѣчалъ онъ, сидя неподвижно на своей громадной лошади:—это я! Вы были бы от-

личнымъ жандармомъ; тотчасъ признавали бы честнаго человѣка и мошенника.

И онъ захохоталъ.

— Говорите яснѣе,—отвѣчала Гредель,—я не понимаю вашего ломанаго языка.

— Однако, вы понимали Жана-Батиста Вернера,—замѣтилъ улапъ.—А какъ здоровье милѣйшаго Жана-Батиста? Онъ все такой же весельчакъ, какъ и тогда? А вы попрежнему носите на сердцѣ его портретъ? Знаете, тотъ, который я три раза передѣлывалъ, такъ какъ вы все находили его недостаточно красивымъ.

При этихъ словахъ Гредель убѣжала на мельницу, а жена моя вошла въ домъ.

Тогда шутникъ обратился ко мнѣ:

— Я очень радъ васъ видѣть, г. мэръ. Я прежде всего хотѣлъ вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе, а потомъ у меня есть къ вамъ маленькое дѣльце.

Я былъ слишкомъ озлобленъ, чтобъ отвѣчать, и онъ продолжалъ:

— У васъ еще прекрасныя швейцарскія коровы и двадцать пять барановъ, которые у васъ были въ прошломъ году?

Я тотчасъ понялъ, чего хотѣлъ разбойникъ, и воскликнулъ:

— У насъ ничего нѣтъ въ деревнѣ: мы совершенно разорены и не можемъ ничего вамъ доставить.

— Ну, ну, не сердитесь, г. Веберъ. Я снималъ вашъ портретъ въ красномъ жилетѣ и длинномъ сюртукѣ; я васъ знаю, вы отличный человѣкъ! Мнѣ приказано васъ предупредить, что завтра утромъ къ вамъ явится 15,000 человѣкъ; они любятъ хорошую говядину и баранину и не пренебрегаютъ бѣлымъ хлѣбомъ, эльзасскимъ виномъ, кофе, французскими сигарами и овощами. Вотъ списокъ всего, что имъ нужно. Приготовьтесь, заблаговременно встрѣтить ихъ какъ слѣдуетъ. Иначе, г. мэръ, они сами возьмутъ вашихъ коровъ, которыхъ вы угнали въ Бихельбергскій лѣсъ, ваши мѣшки съ хлѣбомъ, ваше вино, это отличное бѣлое риксвирское вино—они возьмутъ все и потомъ сожгутъ вашъ домъ. Послушайтесь меня, примите ихъ какъ братьевъ нѣмцевъ, которые пришли васъ освободить отъ французскаго рабства: вѣдь вы нѣмцы въ этой странѣ, г. Веберъ. Приготовьте же сами реквизиціи; самъ всегда устроишь дѣло

экономнѣе, чѣмъ другіе. Я вамъ это говорю изъ дружбы, помня отличный обѣдъ, которымъ вы меня угощали въ прошломъ году, а теперь прощайте.

Онъ обернулся къ своимъ товарищамъ, и они медленно направились къ Берлингенскимъ высотамъ, налѣво отъ нашего селенія.

Не заходя даже въ домъ, я тотчасъ побѣжалъ къ Жоржу, чтобы разсказать ему о случившемся. Онъ только что ложился спать.

— Ну, въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

Я взволнованнымъ голосомъ передалъ ему требованіе нѣмцевъ. Онъ вмѣстѣ съ Маріаной выслушалъ меня очень внимательно и, подумавъ минуту, сказалъ:

— Христіанъ, сила всегда сила! Если мимо насъ должны пройти 15,000 человѣкъ, то 15,000 пройдутъ черезъ Метингъ, 15,000 черезъ Катръ-Ванъ, 15,000 черезъ Люцельбургъ и такъ далѣе. Непріятель ворвался въ нашу страну! Фальсбургъ будетъ осажденъ, и если мы только пикнемъ, то насъ задушатъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ крикнуть. Что жъ дѣлать? Это война. Кто проиграетъ, тотъ и платитъ. Честные люди, грабившіе насъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, проиграли дѣло за насъ, а мы теперь будемъ платить за нихъ. Это ясно! Однако, если платишь съ явнымъ неудовольствіемъ, то съ тебя требуютъ болѣе, а если не очень хмуришься, то тебя грабятъ не столь безжалостно, а съ нѣкоторой учтивостью. Я видалъ въ моихъ походахъ подобные примѣры. Поэтому вотъ что я тебѣ совѣтую въ твоихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ всѣхъ насъ. Прежде всего, верни своихъ коровъ изъ Бихельбергскаго лѣса, а потомъ прикажи Давиду Герцу отвести двухъ изъ нихъ на бойню: когда придутъ пруссаки, то пусть онъ покажетъ имъ коровъ, убьетъ ихъ и разрубитъ на куски. Этого количества мяса ровно достанетъ на супъ для 15,000 человѣкъ, а если не хватитъ, то пришли ко мнѣ за моей лучшей коровой. Всѣ въ селеніи будутъ довольны и скажутъ:—«Мэръ и его двоюродный братъ приносятъ жертвы для общины». Это отлично! Потомъ, начавъ съ насъ и отнявъ предлогъ къ ропоту, ты прикажи отобрать быка у Пласіара, корову у Жана-Адама, другую у Димера и такъ далѣе, соразмѣрно требованіямъ нѣмцевъ, до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ всѣ быки, коровы, свиньи, бараны и козы. То же

самое ты сдѣлаешь и относительно хлѣба, муки, овощей и вина, начиная съ себя и меня. Это очень грустно и тяжело; но его величество Бонапартъ, его министры, родственники и друзья проиграли наше сѣно, нашу солому, наши деньги, наши поля, наши дома, нашихъ дѣтей и насъ самихъ. Они играли глупо, не интересуясь ставкой, такъ какъ они убрали свои денежки въ Швейцарію, Италію и Англію и рисковали только тѣмъ громаднымъ стадомъ, которое они привыкли стричь и которое называется народомъ. Да, бѣдный Христіанъ, это стадо — мы, поселяне. Еслибъ я былъ помоложе и могъ нести военную службу, какъ въ тридцать лѣтъ, то я поступилъ бы въ полкъ; но теперь мы съ тобою можемъ только преклонять головы съ ярой злобой въ сердцѣ и ждать, пока нація образумится и выберетъ другихъ начальниковъ для битвы съ врагами.

Этотъ совѣтъ Жоржа мнѣ показался самымъ разумнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, и я тотчасъ послалъ пастуха за моими коровами въ Бихельбергъ. Я велѣлъ ему сказать всѣмъ, что если они не пригонятъ обратно свой скотъ въ селеніе, то пруссаки пойдутъ за нимъ въ лѣсъ, такъ какъ они знаютъ всѣ дороги въ нашей странѣ лучше насъ самихъ, и что тогда они отберутъ скотъ прежде всего у тѣхъ, которые не хотѣли добровольно повиноваться.

Моя жена и Гредель слышали эти слова и подняли крикъ, что я сошелъ съ ума, но я былъ благоразумнѣе ихъ и слѣдовалъ совѣту Жоржа, который никогда меня не обманывалъ.

Въ эту ночь, съ 9-го на 10-е августа, маленькій фортъ Лихтенбергъ, защищенный лишь нѣсколькими ветеранами безъ оружія и снарядовъ, сдался пруссакамъ; Макъ-Магонъ удалился изъ Сарбурга съ остатками своей арміи, не взорвавъ Аршвильерскаго тунеля, потому что не было получено приказанія свыше; нѣмцы, сосредоточившись въ Саверпѣ, отправили прежде всего уланъ въ Люцельбургскую долину для освидѣтельствованія желѣзной дороги, которую, какъ они полагали, французы непремѣнно разорятъ, потомъ пустили въ тунель одинъ паровозъ, наконецъ поѣздъ, нагруженный камнями, и очень изумились, что путь въ Лотарингію былъ имъ открытъ, что пока Макъ-Магонъ уходилъ пѣшкомъ, они могли его преслѣдовать въ вагонахъ и посылать прямо къ Парижу свои пушки, лошадей, людей и

продовольствіе, которое они могли получить въ Эльзасѣ путемъ реквизицій.

Все это мы узнали впослѣдствіи.

Въ ту же самую ночь нѣмцы возвели первыя батареи у Катръ-Вана противъ Фальсбурга, который они обошли съ другой стороны по прекрасной фальбергской дорогѣ, проведенной, повидимому, нарочно для нихъ. Они не теряли время, осматривали все, наблюдали за всѣмъ и оставались довольны.

Эта ночь прошла спокойно; у нихъ было слишкомъ много дѣла, чтобъ безпокоиться о нашихъ бѣдныхъ, маленькихъ селеніяхъ. Зная очень хорошо, что мы не могли ни уйти, ни защищаться, такъ какъ вся наша молодежь была въ городѣ, и мы не имѣли ни оружія, ни снарядовъ, они считали насъ только своими поставщиками въ случаѣ надобности.

Многіе говорили и многіе вѣрятъ до сихъ поръ, что насъ отдали нѣмцамъ взамѣнъ Бельгіи, такъ какъ Эльзасъ, по мнѣнію императора, былъ страной нѣмецкой и лютеранской, а Бельгія— страной французской и католической. Но Жоржъ всегда считалъ ложными эти предположенія и увѣрялъ, что всѣ наши бѣдствія происходили только отъ дурного правительства и главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которые, подъ предлогомъ поддержать династію, наполняли карманы, назначали себѣ большіе пенсіи, обогащались игрой на биржѣ и дешево дѣлались великими людьми, а также отъ глупости народа, который нарочно держали въ невѣжествѣ для безмолвной санкціи всѣхъ мошенничествъ и злоупотребленій. Я вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Жоржа. Правительственныя злоупотребленія, лишая страну сильной, многочисленной арміи, способной защитить ея предѣлы и лишая ту армію, которая существовала, оружія, снарядовъ и продовольствія—вотъ, кажется, достаточная причина всѣхъ нашихъ униженій и бѣдствій.

По моему приказанію, наше стадо возвратилось изъ Бихельберга и двѣ мои лучшія коровы дожидались на скотномъ дворѣ чести быть первой реквизиціей пруссаковъ. Всѣ жители селенія громко одобряли мои распоряженія, не подозрѣвая, что ихъ очередь также придетъ.

Время шло, и уже многіе стали думать, что дѣло обойдется мирно, какъ вдругъ эскадронъ уланъ и эскадронъ гусаръ показались въ концѣ долины. Впереди, въ видѣ авангарда, выступ-

нали нѣсколько уланъ: этотъ порядокъ и впослѣдствіи всегда строго наблюдался; въ трехъ стахъ шагахъ отъ каждаго отряда ѣхали два улана, держа пистолеты въ рукахъ и останавливаясь отъ времени до времени для рекогносцировки мѣстности.

Всѣ мы, мужчины, женщины и дѣти, смотрѣли изъ оконъ и дверей на этихъ солдатъ, которые шли съ цѣлью насъ поглотить, разорить и уничтожить. Это словно наступалъ на насъ Плебисцитъ, вооруженный пистолетами, саблями, штыками и пушками.

Кавалерія растянулась по высотамъ отъ Берлингена до Грауфталя, Вехема, Миттельброна и далѣе; потомъ появились и пѣхотные полки съ развѣвающимися черно-бѣлыми знаменами.

Мы смотрѣли на все это молча, неподвижно. Офицеры, въ остроконечныхъ каскахъ, скакали взадъ и впередъ, развозя приказанія. Патеръ Даніэль выглядывалъ изъ окна своего дома, а сосѣдка Катель кричала:

Господи! Мы никогда не думали, что на свѣтѣ столько еретиковъ!

Вотъ въ какомъ невѣжествѣ держали народъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, внушая ему, что онъ одинъ на свѣтѣ, что насъ тысяча противъ одного чужестранца, и что наша религія всемірная. Какое безуміе, поддерживаемое ложью! Отличное мнѣніе о себѣ сдѣлало ли насъ сильнѣе, могущественнѣе! Но лицемѣры всегда умѣютъ выйти сухи изъ воды; они удаляются съ полными карманами, а дураковъ оставляютъ тонуть въ болотѣ.

Имѣя въ виду шпіоновъ, достопочтенные отцы іезуиты должны были предупреждать насъ о силѣ еретиковъ и не оставлять насъ до конца въ убѣжденіи, что мы единственные повелители всей земли. Но они говорили себѣ:

— Эти дураки французы будутъ рѣзаться для нашей пользы; если они побѣдятъ, то сила еретиковъ будетъ уничтожена; если же они потерпятъ пораженіе, то пруссаки приведутъ съ собой Генриха V, какъ союзники Людовика XVIII; во всякомъ случаѣ, намъ будетъ раздолье; святой отецъ будетъ признанъ непогрѣшимымъ, и мы станемъ управлять его именемъ.

Все это теперь такъ ясно, что даже совѣстно повторять подобныя, всѣмъ извѣстныя, истины.

Мало-по-малу кавалерія расположилась на высотахъ за холмами, а пѣхота наводнила долины.

До насъ долетали команда офицеровъ, ржаніе лошадей и тяжелые шаги пѣхоты, выступавшей мѣрно, правильно, въ тактъ. Ахъ, еслибъ наши офицеры были бы такъ же образованы, а наши солдаты отличались бы такой же дисциплиной, какъ нѣмцы, то Лотарингія и Эльзасъ все еще оставались бы французскими!

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что хорошій патріотъ не долженъ говорить ничего подобнаго: но къ чему скрывать истину? Она отъ этого не перестанетъ быть истиной. Я именно для того и говорю, чтобъ заставить людей ясно взглянуть на дѣло: если мы желаемъ возвратить себѣ то, что потеряли, то должны все измѣнить: наши офицеры должны сдѣлаться учеными, наши солдаты научиться дисциплинѣ, наши интенданты и чиновники должны доставлять исправно снаряды, амуницію и продовольствіе, или, въ противномъ случаѣ, ихъ слѣдуетъ разстрѣливать: жизнь честнаго и мужественнаго народа стоитъ жизни мошенниковъ, благодаря невѣжеству, лѣни и корыстолюбію которыхъ мы лишились двухъ провинцій.

Намъ нужна громадная армія, армія народная, какъ въ Германіи, а для этого необходимо, чтобъ всѣ служили: способные къ военной службѣ—въ дѣйствующей арміи, хромые и горбатые—въ штабахъ; необходимо, чтобъ военнымъ дозволили носить очки, которыя ни мало не мѣшаютъ сражаться и чтобъ богатые наравнѣ съ бѣдными шли въ огонь... Иначе насъ будутъ постоянно бить, разорять и уничтожать.

А главное, какъ говорилъ Жоржъ, необходимо, чтобъ во главѣ націи стоялъ человѣкъ честный, опытный, для котораго честь народа выше своего личнаго интереса и которому всѣ повинуются, зная, что онъ никогда не терялъ довѣрія къ себѣ въ самыя трудныя, опасныя минуты.

Но мы еще далеки отъ этого; и смотря на гордыя лица тѣхъ, которые возвращаются изъ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи и болѣе отдаленныхъ странъ, право, подумаешь, что они одержали великія побѣды, и отечество должно встрѣчать ихъ, какъ своихъ спасителей.

Что касается до меня, я буду продолжать исторію моего селенія и хитеръ будетъ тотъ, кто, какъ бы онъ ни прикидывался честнымъ человѣкомъ, сумѣетъ еще разъ обмануть меня!

Размѣстивъ пѣхоту, нѣмцы поставили два или три орудія на высотахъ Вехема позади холмовъ. Тутъ мысль о Жакобѣ и о

другихъ молодцахъ, которыхъ нѣмцы намѣревались бомбардировать, пришла намъ въ голову, и жена моя залилась слезами. Гредель, думая о своемъ Жанѣ-Батистѣ, словно рехнулась, и если бъ по несчастью въ домѣ было ружье, я увѣренъ, она была бы въ состояніи стрѣлять въ пруссаковъ, которые за это истребили бы всѣхъ насъ. Она ходила взадъ и впередъ по лѣстницѣ и комнатамъ, высовывалась въ окно и на восклицаніе одного изъ солдатъ: «Какая красавица!», она рѣзко отвѣчала: «Будьте всегда десятеро противъ одного, а то вамъ придется плохо!»

Я съ испугомъ бросился къ ней и старался уговорить ее держать языкъ за зубами, если она не хотѣла погибели всего нашего селенія; но она дерзко отвѣчала:

— А мнѣ какое дѣло, пускай здѣсь все жгутъ, тѣмъ лучше! Я желала бы быть теперь въ городѣ, а не здѣсь, среди этихъ злодѣевъ!

Я поскорѣе отошелъ отъ нея, боясь услышать еще больше.

Дождь продолжался; пруссаки шли по прежнему полками и эскадронами. Болѣе сорока тысячъ человѣкъ находилось въ долинѣ; одни смыкались въ ряды на поляхъ и лугахъ, уничтожая траву и картофель, другіе продолжали путь; колеса пушекъ, снарядныхъ ящиковъ и багажныхъ фургоновъ уходили въ песокъ, но добрыя лошади мгновенно ихъ вытаскивали и ввозили на высоты.

Когда физическая сила все и самъ чувствуешь свою слабость, то надо молчать!

Распространился слухъ, что послѣ полудня нѣмцы будутъ атаковать Фальсбургъ. Наши бѣдные мобили и шестьдесятъ рекрутовъ, поступившихъ въ артиллерійскую прислугу, должны были, повидимому, выдержать сильную бомбардировку. Видя, какое громадное количество ядеръ везли въ Вехемъ, мы и только восклицали:

— Бѣдный городъ!.. Бѣдные граждане!.. Бѣдныя женщины!.. Бѣдныя дѣти!..

Дождь усиливался; ручей разливалъ свои воды по всей Грауфтальской долинѣ. Тогда офицеры явились въ наше селеніе отыскивать себѣ пристанища; многіе, преимущественно гусары, вошли въ домъ Жоржа. Около этого же времени на мельницу явился какой-то господинъ въ круглой шляпѣ, въ черныхъ панталонахъ и въ такомъ же плащѣ.

— Вы господинъ мэръ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Хорошо. Я пасторъ при арміи и поселюсь у васъ.

Я былъ этому очень радъ, такъ какъ лучше имѣть гостемъ одного пастора, чѣмъ двѣнадцать и шестнадцать буяновъ; но не успѣлъ онъ произнести своихъ послѣднихъ словъ, какъ явился стрѣлковый офицеръ, громко крича:

— Командиръ здѣсь остановится!

Хорошо! Мнѣ нечего было отвѣчать.

Ефрейторъ, слѣдовавшій за офицеромъ, сошелъ съ лошади и осмотрѣлъ конюшню и сарай.

— Выведите все это отсюда,—сказалъ онъ.

— Какъ, вывести моихъ лошадей и скотъ?

— Да, и скорѣй. У командира двѣнадцать лошадей, для которыхъ необходимо хорошее помѣщеніе.

Я хотѣлъ отвѣчать, но офицеръ началъ кричать и браниться, угрожая тотчасъ свести всю мою скотину на бойню, если я не исполню немедленно его приказанія. Дѣлать было нечего; я очистилъ конюшню, но сердце мое было полно грусти и отчаянія.

Гредель видѣла все это изъ окна и, сойдя внизъ, сказала офицеру съ страшной злобой:

— Вы, должно быть, человѣкъ безъ чести, если обращаетесь такъ грубо съ безпомощнымъ старикомъ.

Отъ страха волосы встали у меня дыбомъ, но офицеръ ничего не отвѣчалъ и тотчасъ удалился.

Тогда пасторъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Вы будете имѣть честь принимать у себя въ домѣ командующаго генерала, котораго вы должны называть ваша милость.

Я невольно подумалъ:

— Чортъ бы побралъ всѣхъ генераловъ. Провалились бы вы всѣ, нѣмцы, сквозь землю! Вы несчастная раса, созданная только на горе человѣчества!

Я, конечно, это только подумалъ, а не высказалъ. За два дня передъ тѣмъ пруссаки разстрѣляли нѣсколько человѣкъ въ горахъ, и носились слухи, что они повѣсили Богъ знаетъ за что одиннадцать Гунштетскихъ поселянъ, отцовъ семействъ. Подобныя вѣсти дѣлаютъ васъ осторожными.

Пока я размышлялъ о нашихъ бѣдствіяхъ, къ мельницѣ подъ-

ѣхалъ его свѣтлость съ адъютантами и прислугой. Они соскакиваютъ съ лошадей, входятъ въ домъ, вѣшаютъ на стѣну свою мокрую одежду и располагаются въ кухнѣ. Жена моя спасается наверхъ, а я прижимаюсь въ уголокъ за печкой. Мы теперь рѣшительно ничего не имѣли своего собственнаго!

Командиръ былъ очень высокаго роста и едва могъ войти въ мою дверь. Онъ былъ красивый мужчина, также какъ его адъютанты, полковникъ Эклофштейнъ и баронъ Энгель. По росту и аппетиту трудно было бы найти имъ равныхъ. Они нисколько не стѣснялись моимъ присутствіемъ, ходили по всѣмъ комнатамъ, смѣялись и болтали, не обращая на меня никакого вниманія, точно я былъ въ ихъ домѣ, а не они въ моемъ.

Съ минуты ихъ прибытія до ухода огонь на кухнѣ не потухалъ; мои дрова пылали; кастрюли, чугуны и вертѣла были въ постоянномъ употребленіи; моихъ куръ, утокъ и гусей ловили, убивали, потрошили и жарили; изъ говядины дѣлали бифштексы. Потомъ открывали мои шкафы, брали скатерти, стаканы и отыскивали бутылки съ виномъ въ погребѣ.

Все, что изготовляли на кухнѣ, подавали командиру и офицерамъ; между тѣмъ двери и окна моихъ комнатъ оставались открытыми и дождь свободно въ нихъ проникалъ; ординарцы постоянно пріѣзжали верхомъ и, получивъ приказанія, удалялись. Около шести часовъ началась канонада, у Катръ-Вана: два городскіе бастіона, арсенальный и пекарный, отвѣчали такимъ же огнемъ.

Эта была бомбардировка 10 августа, въ продолженіе которой сожгли домъ Тибо. Намъ суждено было видѣть и слышать много подобныхъ канонадъ, но, услыхавъ теперь впервые громовые раскаты артиллерійскихъ орудій въ нашей мирной долинѣ, мы невольно дрожали отъ страха.

Каждый разъ, какъ раздавался громкій гулъ нашихъ крѣпостныхъ пушекъ, Гредель восклицала:

— Вонъ наши палятъ!.. Мы еще не умерли!.. Слышите?

Я всѣми силами старался ее успокоить, и на вопросы его свѣтлости: «Что такое?», я поспѣшно отвѣчалъ:

— Ничего, это моя дочь; она сумасшедшая.

Въ семь часовъ пальба прекратилась.

За нѣсколько минутъ передъ этимъ баронъ Энгель вышелъ отъ его свѣтлости и, возвратясь, объявилъ, что въ городъ отпра-

вленъ парламентеръ съ требованіемъ немедленной сдачи: а въ случаѣ отказа бомбардировка должна была снова начаться.

Потомъ наступила тишина. Его свѣтлость обѣдалъ.

Вдругъ прискакалъ гусарскій генералъ: на взглядъ онъ былъ просто чудовище, съ плоскимъ лбомъ, косыми глазами и рыжими волосами. Командиръ протягиваетъ ему руку. Они здороваются, смѣются и продолжаютъ обѣдъ. Гусарскій генералъ разсказываетъ, что онъ взялъ палатку Макъ-Магона, съ великолѣпными зеркалами, фарфоровой посудой, женскими шляпками и кринолинами. Онъ смѣялся, раскрывая ротъ до ушей, а командиръ съ улыбкой замѣтилъ, что Макъ-Магонъ, вѣроятно, хотѣлъ доставить зрѣлище побѣды какой-нибудь великосвѣтской парижской красавицѣ. Не можетъ быть, чтобъ это была правда, но гусаръ лгалъ, не краснѣя.

Этотъ генералъ, котораго имени я не припомню, хотя слышалъ его нѣсколько разъ, разсказывалъ далѣе, что, проходя по Эльзасгаузенскому лѣсу, онъ случайно напалъ на селеніе Гундерстофенъ, гдѣ находилось нѣсколько ротъ французской пѣхоты, и истребилъ ихъ до послѣдняго человѣка, причемъ нѣмцы не потеряли ни одного солдата. Разсказавъ этотъ подвигъ, онъ захохоталъ во все горло, говоря, что военное ремесло даетъ, однако, прекрасныя минуты, и этотъ случай составляетъ одно изъ его лучшихъ воспоминаній

— И это христіане!—думалъ я, сидя за печкой.—Да они хуже волковъ.

Они продолжали разговаривать: наконецъ, явился молодой офицеръ съ извѣстіемъ, что фальсбургцы не хотятъ сдаваться, и потому городъ будутъ тотчасъ бомбардировать зажигательными снарядами съ цѣлью произвести въ немъ пожары.

Я не могъ болѣе сидѣть и слушать подобныхъ ужасовъ; Гредель и моя жена заперлась на верху въ своей комнатѣ, а я вышелъ, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, а не тѣмъ, которымъ дышали наши губители.

Дождь продолжался; но мнѣ хотѣлось освѣжиться, и я даже съ удовольствіемъ бросился бы въ рѣку.

Полки все тянулись попрежнему. Бѣлые кирасиры тѣснились въ долинѣ вокругъ Метинга, а другіе полки массами шли къ Сарбургу: штыки и каски блестѣли, несмотря на дождь.

Легко было понять, что наша несчастная армія въ двѣсти тысячъ человѣкъ не могла противостоять такому наплыву человѣческихъ массъ.

Но гдѣ же были остальные триста тысячъ человѣкъ, содержаніе которымъ мы отпускали въ продолженіе столькихъ лѣтъ? Они находились въ отчетѣ военнаго министра законодательному собранію, а деньги, отпущенныя на ихъ обмундировку и вооруженіе, были въ Лондонѣ, на частномъ счету Бонапарта. Онъ сдѣлалъ экономію, «честный человѣкъ!»

Всѣ эти безчисленные нѣмцы, расположившіеся въ нашей долинѣ подъ дождемъ, начинали рубить фруктовыя деревья на дрова; со всѣхъ сторонъ падали наши великолѣпныя яблони и грушевыя деревья, еще покрытыя плодами; ихъ обдирали, рубили на куски и зажигали такими громадными кострами, что дождь не могъ потушить огня. Вся долина освѣщалась этими ужасными маяками.

Какая неоцѣнимая потеря для страны! Съ 1814 года, потребовалась 56 лѣтъ, чтобъ ихъ взлелѣять; они теперь были въ полной силѣ, и наши дѣти ранѣе пятидесяти лѣтъ не увидятъ подобныхъ красавцевъ! Наши селенія обнажены и всѣ деревья истреблены, уничтожены!

Это печальное зрѣлище наполнило мое сердце отчаяніемъ, и, отвернувшись, я пошелъ къ Жоржу, надѣясь услыхать отъ него хоть нѣсколько словъ утѣшенія.

Домъ Жоржа былъ полонъ народа: Маріана, женщина рѣшительная и смѣлая, стряпала для незванныхъ гостей, въ числѣ которыхъ были ихъ два старые парижскіе пріятеля: еврей, учившійся въ Парижѣ садоводству, и нѣмецъ сѣдельщикъ; оба они теперь были мрачны, словно ихъ мучила совѣсть. Остальные посѣтители, наполнявшіе домъ и аллею передъ домомъ, курили трубки и дожидались похлебки изъ говядины и картофеля, которая варилась въ большомъ котлѣ. Хотя обыкновенно этотъ котелъ былъ предназначенъ для бѣлья, но теперь не въ чемъ другомъ было готовить для такого громаднаго количества народа.

Каждый солдатъ имѣлъ подъ мышкой кусокъ говядины, ломоть хлѣба, бутылку вина и даже порядочное количество молотаго кофе; у нѣкоторыхъ виднѣлись въ карманахъ кочаны капусты, лукъ, рѣпа. Солдаты эти были гусары.

Въ большой залѣ находились офицеры, только что возвра-

тившіеся съ рекогносцировки. Ихъ тяжелые сапоги и звонкія шпоры громко слышались на лѣстницѣ и въ верхнихъ комнатахъ.

Я вошелъ въ заднюю дверь, такъ какъ аллея была слишкомъ загромождена. Жоржъ увидалъ меня черезъ массу касокъ и воскликнулъ:

— Христіанъ, останься на улицѣ, здѣсь душно, я выйду къ тебѣ!

Ему дали дорогу, какъ хозяину, и мы пошли съ нимъ въ садъ.

— Ну,—сказалъ онъ, закуривая трубку,—что у васъ дѣлается?

Я разсказалъ ему все.

— Я принималъ гусарскаго генерала еще вчера вечеромъ,—произнесъ онъ, когда я кончилъ.—Послѣ ухода уланъ, часовъ въ одиннадцать я услыхалъ стукъ въ ставни. Я выглянулъ... два эскадрона гусаръ окружаютъ домъ. Спастись было некуда.—«Отворите!» кричали извнѣ. Я повиновался. Первый вошелъ генералъ, который только что отправился къ тебѣ.

— Вы одни?—спросилъ онъ, держа въ правой рукѣ пистолетъ и осматриваясь по сторонамъ.

— Да, одинъ съ женою.

— Хорошо.

Онъ обернулся и крикнулъ своего адъютанта. Три или четыре солдата вошли въ комнату и по его приказанію вынесли столъ и стулья въ кухню. Тогда генералъ разложилъ на полу огромную карту и, снявъ сапоги, легъ на нее.

— Такой-то, такой-то, такой-то!—кричитъ онъ во все горло.

— Здѣсь, генералъ.

И шесть или семь офицеровъ входятъ въ комнату и вынимаютъ изъ кармана маленькія карты.

— Такой-то, знаете вы дорогу въ Метингъ?

— Да, генералъ.

— А изъ Метинга въ Сарбургъ?

— Да, генералъ.

— Называйте мѣста.

И офицеръ началъ быстро называть селенія, фермы, ручьи, мосты, лѣса, дороги и даже тропинки. Генералъ все время слѣдилъ пальцемъ по картѣ.

— Хорошо!—сказалъ онъ.—Возьмите двадцать человѣкъ

и сдѣлайте рекогносцировку до Сенъ-Жана. Если встрѣтите сопротивленіе, увѣдомьте меня. Ну, живѣй!

Офицеръ вышелъ, а генералъ позвалъ другого.

— Здѣсь, генералъ.

— Вы знаете дорогу въ Ликстеймъ?

— Да, генералъ.

И та же исторія повторилась. Черезъ полчаса онъ разослалъ всѣхъ своихъ офицеровъ, по различнымъ направленіямъ: къ Сарбургу, къ Ликстейму, къ Дамерингену, къ Люцельбургу, къ Фенстранжу и т. д. Когда всѣ они уѣхали и при немъ осталось не болѣе двадцати или тридцати солдатъ, онъ всталъ и сказалъ мнѣ:

— Дайте мнѣ хорошую постель, а завтра къ семи часамъ утра приготовьте сытный завтракъ. Всѣ офицеры, которыхъ вы только что видѣли, будутъ завтракать у меня; аппетитъ послѣ экспедиціи у нихъ будетъ отличный. У васъ хорошая провизія и вино, а жена ваша, я знаю, прекрасная кухарка. Я желаю, чтобъ все было отлично. Понимаете?

Я ничего не отвѣчалъ и пошелъ къ женѣ, но она уже все слышала изъ кухни и громко воскликнула:

— Хорошо, все будетъ исполнено! Дѣлать нечего, они сильнѣе насъ.

Конечно, генералъ слышалъ ея слова, но ему было все равно, только бы исполнялись его приказанія. Моя жена проводила его наверхъ и указала ему на свою постель. Онъ осмотрѣлъ всѣ шкафы, заглянулъ подъ кровать, отворилъ окно и, убѣдившись, что часовые стоятъ на своихъ мѣстахъ, легъ въ постель.

До утра все было спокойно. Когда офицеры возвратились, то генералъ выслушалъ ихъ докладъ и послалъ тотчасъ же остававшихся при немъ солдатъ въ Дозенгеймъ. Черезъ два часа эти гусары возвратились съ авангардомъ нѣмецкой арміи. Рекогносцировка, произведенная генераломъ, доказала, что всѣ горные проходы оставлены французами, и нѣмцы могутъ свободно войти въ Лотарингію; что Макъ-Магонъ и Фальи удалились съ остатками своихъ армій и въ этой мѣстности не предвидѣлось болѣе сраженій.

Вотъ все, что разсказалъ мнѣ Жоржъ, покуривая трубку.

Дверь изъ кухни была теперь отворена, и мы видѣли тѣс-

пившихся въ ней нѣмцевъ въ каскахъ, мокрой одеждѣ и съ кусками мяса подъ мышками. По мѣрѣ того, какъ готовилось кушанье, Маріана выдавала бульонъ, говядину и овощи подходившимъ солдатамъ съ различной посудой; они тотчасъ удалялись, и ихъ мѣста занимали другіе. Я никогда не видывалъ столько говядины и такой свѣжей; одного подобнаго куска было бы достаточно на четырехъ или пятерыхъ французовъ.

Какъ грустно было думать, что наши солдаты такъ страдали отъ голода въ своей собственной странѣ, тогда какъ враги набивали себѣ желудки нашимъ добромъ! Мы съ Жоржемъ думали объ одномъ и томъ же.

— Да, нѣмцы устроились лучше насъ!—сказалъ онъ.—Это мясо не здѣшнее, ибо они еще не дѣлали реквизицій: оно идетъ по желѣзной дорогѣ; я видѣлъ, какъ сегодня выгружали провизію изъ вагоновъ. Вмѣстѣ съ мясомъ привезли для офицеровъ громадныя колбасы и прочіе неизвѣстные мнѣ съѣдобные припасы; и все это отличное: только хлѣбъ у нихъ черный, но они ѣдятъ его съ удовольствіемъ. Ихъ интендантскіе чиновники не такіе блестящіе, какъ наши, они не умѣютъ выводить такихъ блестящихъ итоговъ, но солдаты ихъ имѣютъ мясо, хлѣбъ, вино, кофе, а наши умираютъ съ голода, какъ мы сами видѣли. Еслибъ они получали хоть половину нѣмецкихъ рационовъ, то поселяне не жаловались бы на нихъ, какъ въ Нидербронѣ; а они, напротивъ, кормили бы несчастныхъ остатками своей пищи.

Около одиннадцати часовъ вечера я возвратился домой, болѣе спокойный, чѣмъ утромъ. Часовые меня уже знали. Командиръ, оба его адъютанта и пасторъ спали. Они расположились на нашихъ постеляхъ, а прислуга ихъ разлеглась на соломѣ въ сараѣ. Что касается меня, то я рѣшительно не зналъ, гдѣ мнѣ лечь. Однако, несмотря на это, я немного успокоился и, обдумывая слова Жоржа, говорилъ себѣ: «Если нѣмцы получаютъ продовольствіе по желѣзной дорогѣ, то не все еще потеряно. Мы сохранимъ свой скотъ, и къ тому же нѣмцы уйдутъ отъ насъ далѣе».

Размышляя такимъ образомъ, я пошелъ на мельницу, легъ на мѣшки съ мукою и вскорѣ заснулъ.

Но на другой день оказалось, что Жоржъ ошибся, и что продовольствіе не получалось нѣмцами по желѣзной дорогѣ. Каждую минуту ко мнѣ приходили поселяне съ жалобами на прус-

саковъ, точно я былъ отвѣтственнымъ лицомъ за ихъ грабежъ.

— Г. мэръ, у меня взяли горшокъ съ саломъ,—говорилъ одинъ.

— Г. мэръ, у меня утащили сапоги изъ-подъ кровати,—говорилъ другой.

— Г. мэръ, мое все сѣно нѣмцы скормили своимъ лошадямъ,—говорилъ третій.—Чѣмъ я буду кормить свою корову?

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Оказывалось, по ихъ словамъ, что нѣмцы поступали самымъ безцеремоннымъ образомъ и, по праву побѣдителя, брали все безъ зазрѣнія совѣсти.

Эти жалобы меня такъ взорвали, что я рѣшился сказать обо всемъ командиру. Онъ выслушалъ меня очень любезно и сказалъ, что сожалѣетъ о случившемся, но французская пословица «A la guerre comme à la guerre» относится столько же къ поселянамъ, сколько и къ солдатамъ.

Однако, все это было бы ничего, еслибъ не начались реквизиціи. Ко мнѣ пришли квартирмейстеры для переговоровъ. На всѣ мои увѣренія, что мы люди бѣдные, разоренные, они отвѣчали:

— Хорошо, хорошо, устройте дѣло, какъ знаете; намъ необходимо столько-то тысячъ копенъ сѣна, столько-то мѣръ овса и ячменя, столько-то четвериковъ муки, столько-то пудовъ мяса—все равно, какого: говядины или баранины, но перваго сорта. Если же вы не поставите намъ этихъ припасовъ, г. мэръ, мы сожжемъ ваше селеніе.

Главнокомандующій, вмѣстѣ съ своими офицерами, отправился въ нѣмецкій лагерь подъ Фальсбургомъ, и я оставался одинъ, безпомощный, беззащитный. Я хотѣлъ ударить въ набатъ для созванія муниципальнаго совѣта, но колокольный звонъ былъ запрещенъ; тогда я послалъ на домъ къ каждому муниципальному совѣтнику, приглашая ихъ собраться, но никто не двинулся съ мѣста: они полагали, что, оставаясь дома, они отнимутъ у нѣмцевъ возможность дѣлать поборы съ селенія.

Находясь въ такой крайности, я приказалъ Мартину Копу, при барабанномъ боѣ, прочесть списокъ требуемыхъ реквизицій. При этомъ я просилъ, чтобы всѣ благоразумные люди поспѣшили исполнить эти требованія къ одиннадцати часамъ

утра, если они не желаютъ, чтобы нѣмцы съ двухъ концовъ подожгли наше селеніе.

Не успѣлъ Копъ прочесть это объявленіе, какъ уже каждый поселянинъ торопился нести въ мэрію все, что имѣлъ.

Квартирмейстеры забрали все—между прочимъ мою лучшую корову—и дали мнѣ росписку въ полученіи всѣхъ этихъ припасовъ.

Негодованіе жителей нашего селенія было безгранично.

Благодаря чрезмѣрнымъ реквизиціямъ, которыя брали нѣмцы въ первые дни ихъ нашествія, во всемъ нашемъ околодкѣ нельзя было бы найти ни одного фунта солонины, а о свѣжей говядинѣ нечего было и говорить. Однако, когда нѣмцы рѣшительно настаивали на своихъ требованіяхъ—все находилось въ изобиліи. На французовъ болѣе всего дѣйствовала угроза сжечь до тла селенія. Вездѣ ходили самые страшные разсказы о дѣйствіяхъ нѣмцевъ въ Эльзасѣ, и неудивительно, что ихъ считали способными исполнить жестокую угрозу.

Собравъ реквизиціи, пруссаки сняли свой лагерь и объявили намъ, что ихъ мѣсто займутъ другіе. Я слышалъ, какъ баронъ Энгель послалъ эстафету въ Сарбургъ съ приказаніемъ приготовить шесть тысячъ раціоновъ хлѣба и кофе. Теперь я понялъ, что мы должны были кормить всю нѣмецкую армію до конца кампаніи, и нѣмецкое интендантство перестало мнѣ казаться великолѣпнымъ учрежденіемъ.

Не успѣлъ еще уѣхать командиръ съ своей свитой, какъ явился гусарскій капитанъ Коломбъ съ шестью солдатами и, спустя немного, адъютантъ, какой-то графъ, съ тремя солдатами. Они пріѣхали изъ Саверна, совершенно мокрые и голодные.

Я объяснилъ имъ, что у насъ все взято и намъ нечѣмъ было жить самимъ, но они не хотѣли этому вѣрить, и моя жена должна была собрать всѣ крохи и кое-какъ приготовила обѣдъ.

За столомъ эти офицеры разсказали намъ, что послѣ битвы подъ Бертомъ нѣмцы повѣсили одиннадцать поселянъ въ Бопиготѣ. Наши постояльцы также сказали намъ, что на другой день придетъ поѣздъ желѣзной дороги, на которомъ везутъ провіантъ. Это дѣйствительно сбылось, но, по несчастью, поѣздъ не остановился и прошелъ далѣе, въ Сарбургъ.

Фальсбургскія крѣпостныя орудія сбили прусскія батареи,

воздвигнутыя въ Катръ-Ванѣ. Значительное количество больныхъ и раненыхъ было отправлено въ большой саверпскій госпиталь, нѣкоторыхъ же положили въ домѣ, занимаемомъ школой, въ селеніи Пфальсвееръ. Пруссаки сердились на свою неудачу; они, казалось, не хотѣли допустить мысли, что мы должны и можемъ защитить себя; всякое сопротивленіе съ нашей стороны казалось имъ чуть не преступленіемъ, нарушающимъ ихъ право повелѣвать нами, какъ народомъ рабовъ. Я постоянно слышалъ отъ нихъ подобныя жалобы, но считали-ли они насъ за скотовъ или сами въ этомъ случаѣ были достойны уподобиться скотамъ—я не знаю, но полагаю, что одинаково, какъ они, такъ и наши, очень часто не заслуживали чести называться людьми.

Послѣ поѣзда съ продовольствіемъ, который былъ такъ великъ, что тянулся два часа, стали проходить мимо нашего селенія безконечное количество пушекъ и зарядныхъ ящиковъ; никогда мы не слыхивали такого страшнаго шума: онъ походилъ на клокочущій по горамъ бурный потокъ.

Теперь шелъ мимо насъ 11-й нѣмецкій корпусъ. Всего такихъ корпусовъ у нѣмцевъ было двѣнадцать; въ каждомъ корпусѣ считалось въ строю восемьдесятъ или девяносто тысячъ человѣкъ.

Мы рѣшительно ничего не знали о положеніи нашихъ войскъ, нашихъ друзей и родственниковъ въ городѣ: мы находились словно на островѣ, среди бушующаго наводненія пруссаковъ, саксонцевъ, баварцевъ, виртембергцевъ и баденцевъ, которые все шли, шли безъ конца.

Повидимому, реквизицій, взятыхъ накапунѣ, и громаднаго поѣзда съ продовольствіемъ было слишкомъ недостаточно для нѣмцевъ; они не хотѣли уже болѣе обращаться къ мэру, и послѣ отъѣзда останавливавшихся у насъ офицеровъ, въ семь часовъ утра, въ селеніи поднялся страшный крикъ: пруссаки разомъ хотѣли захватить все наше стадо. Но на этотъ разъ они дурно взялись за дѣло: они не окружили со всѣхъ сторонъ дома, и поселяне успѣли угнать скотину въ заднія ворота, а оттуда, по горнымъ откосамъ, въ лѣсъ, такъ что нѣмцамъ не досталось почти ничего.

Съ этой минуты, несмотря на всѣ угрозы непріятеля, нашъ скотъ оставался въ лѣсу на горныхъ вершинахъ; около этого

же времени стали распространяться слухи, что въ горахъ бродятъ французскіе партизаны: одни увѣряли, что это тюркосы, спасшіеся изъ-подъ Верта; другіе же—что это вольные стрѣлки. Во всякомъ случаѣ пруссаки перестали ходить небольшими отрядами по уединеннымъ тропинкамъ, и, вѣроятно, по этой причинѣ они не преслѣдовали нашъ скотъ въ Крапенфельцѣ.

На другой день, 13 августа, въ нѣмецкомъ лагерѣ близъ Вехема произошло движеніе. Старикъ прусскій принцъ, извѣстный своимъ продолговатымъ носомъ и выдающимся подбородкомъ, человѣкъ энергичный и почти никогда не сходившій съ лошади, былъ въ Метингѣ; носился слухъ, что вскорѣ начнется страшная бомбардировка Фальсбурга, такъ какъ шестьдесятъ орудій уже выставили у вехемской мельницы и насыпали земляной валъ для прикрытія этой батареи.

Въ этотъ день, когда я всего менѣе ожидалъ незваныхъ гостей, явились снова квартирмейстеры за реквизиціями. Я объявилъ, что весь нашъ скотъ разбрелся по лѣсу, по ихъ собственной винѣ: они хотѣли забрать все разомъ и теперь ничего не получатъ.

На мои справедливыя замѣчанія они отвѣчали угрозами. Тогда я воскликнулъ:

— Берите меня!.. Ѣшьте меня!.. Я старикъ—отъ меня не растолстѣете!..

Однако, слыша ихъ обычныя угрозы сжечь селеніе, я велѣлъ объявить всѣмъ жителямъ, что пруссаки требуютъ тысячу мѣръ овса и ячменя и три тысячи квинталовъ соломы и сѣна; если же къ двѣнадцати часамъ все это не будетъ приготовлено—они безъ всякаго милосердія сожгутъ наши дома.

И теперь, какъ въ первый разъ, устрашенные жители принесли на площадь все, что требовалось. Нѣмцы нашли вѣрное средство заставить людей отдать все, до послѣдняго зерна: Огонь, огонь! — вотъ могучее средство, которымъ держали насъ постоянно въ страхѣ. Намъ постоянно мерещился страшный призракъ Содома и Гоморы, истребленныхъ въ древности огнемъ за ихъ великія нечестія. Но тѣ города были наказаны самимъ Богомъ. Нѣмцы же страшали насъ для насыщенія своей жадности.

Конечно, за свою глупость, мы тоже заслуживали строгой кары, однакожъ, насъ не оставляла надежда, что народъ не

всегда будетъ глухимъ, и что Богъ взмилуется надъ нами. Я говорю не о Богѣ іезуитовъ, но о томъ Богѣ, Котораго мы сознаемъ въ глубинѣ нашего сердца, который побуждаетъ насъ проливать слезы сожалѣнія о беззаконно-убитыхъ нашихъ братьяхъ. Объ этомъ Богѣ я говорю и къ Нему я взываю: «Господи! Взгляни на насъ, претерпѣвшихъ столько страданій! Заслужили ли мы ихъ, виновны ли мы въ нашемъ невѣжествѣ? И если виновны, то покарай насъ! Но если другіе въ этомъ виноваты, если они намъ не дали школъ, если они не учили насъ тому, что мы должны были знать, если они обманывали насъ, пользуясь нашимъ довѣріемъ, то, Милосердный Боже! прости насъ и отдай намъ нашу родину, нашъ милый Эльзасъ, нашу дорогую Лотарингію! Не допусти, чтобъ насъ предали нашимъ врагамъ! Боже милосердный, мы виновны, очень виновны, что повѣрили Бонапарту, который измѣнилъ торжественной клятвѣ, данной Тебѣ, и его министрамъ, которые, обѣщавъ намъ миръ, начали войну съ «легкимъ сердцемъ» и потомъ бѣжали, набивъ себѣ карманы. Но все же мы, эльзасцы и лотарингцы, вѣрнѣйшіе сыны нашей Франціи, и мы не заслуживаемъ, чтобы насъ отдали на волю побѣдителя, нѣмца. О, Боже милосердный, спаси насъ отъ такого позора!..»

При воспоминаніи о всѣхъ страданіяхъ и униженіяхъ, перенесенныхъ нами, сердце мое обливалось кровью, и на глазахъ выступали слезы.

Успокоенный этими слезами, я стану продолжать свой разсказъ, помня всегда, что расказываю истинную исторію, которая отчасти извѣстна теперь всѣмъ, а многіе сами были свидѣтелями описываемыхъ мною событій.

Въ тотъ же день вечеромъ, нѣсколько эльзасцевъ въ телѣгахъ возвращались домой изъ Люневиля чрезъ наше селеніе. Они возили пруссаковъ; лошади ихъ были только кожа да кости; а сами поселяне блѣдные, желтые, едва держались на ногахъ отъ голода, а также отъ полученныхъ побоевъ. Во всю дорогу имъ не дали даже одного раціона хлѣба: нѣмцы все съѣдали сами. На глазахъ нѣмцевъ могли падать люди, несшіе ихъ же багажъ,—падать отъ изнеможенія и голода, и ни одинъ изъ нихъ не подалъ бы несчастнымъ стакана воды, потому что эти изнемогшіе были французы, и если бы съ этими бѣдняками

не дѣлились послѣдней крохой сами бѣдствующіе лотарингцы, они всѣ перемерли бы отъ голода.

Все это истинная правда, и мы сами впослѣдствіи убѣдились въ этомъ горькимъ опытомъ.

Послѣ проѣзда этихъ несчастныхъ, для которыхъ я съ трудомъ нашелъ хлѣба, такъ какъ нѣмцы три дня тому назадъ взяли у насъ прямо изъ печи двадцать семь хлѣбовъ, прискакали съ шумомъ и трескомъ два нѣмецкіе адъютанта. Первый объявилъ, что за нимъ ѣдетъ полковникъ, второй, что за нимъ слѣдуетъ генералъ.

На мою долю выпала честь принимать полкового командира какого-то силезскаго гренадерскаго полка, кромѣ того и самъ генералъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и поужиналъ у меня. Мои нежданные гости объявили намъ, что на другой день начнется серьезная бомбардировка Фальсбурга. Эти почтенныя особы были, должно быть, слишкомъ наивны, если могли полагать, что это извѣстіе принесетъ большое удовольствіе мнѣ, моей женѣ и дочери.

Вмѣстѣ съ полковникомъ прибыло знамя его полка и было поставлено въ его комнатѣ. Этотъ полкъ пришелъ прямо съ австрійской границы, гдѣ онъ дожидался объявленія нейтралитета тамошними добрыми католиками, чтобъ присоединиться къ нѣмецкой арміи, уже пожинавшей лавры всякаго рода. Я узналъ эти подробности изъ разговора моихъ гостей.

Эта ночь была для насъ очень безпокойная. Офицеры, одинъ за другимъ, требовали отъ насъ разныхъ услугъ. Моя жена должна была стряпать для каждаго изъ нихъ, подавать имъ кушанье и вообще прислуживать; Гредель, несмотря на свою ненависть къ нѣмцамъ, блѣдная, стиснувъ зубы, помогала своей матери. Генералъ и полковникъ ужинали въ девять часовъ, адъютантъ въ десять и такъ далѣе въ продолженіе всей ночи; они не обращали никакого вниманія на усталость бѣдныхъ женщинъ и были очень веселы. Особенно они смѣялись надъ патеромъ Вальсбурга, у котораго они провели прошлую ночь. Онъ увѣрялъ ихъ, что причина несчастья Наполеона заключалась въ отозваніи французскихъ войскъ изъ Рима, такъ какъ всякій, «кто проглотитъ папу, подавится».

Нѣмцамъ, повидимому, очень нравилась эта острота, и они

громко хохотали, но я подумалъ, что отъ дурака нечего и ожидать другого, кромѣ глупости.

Наконецъ, я заснулъ сидя. Но едва разсвѣло, какъ во всемъ домѣ раздались звяканье шпоръ и крики адъютанта:

— Иди же, скотина! Иди, дуракъ, оселъ, свинья! Придешь ли ты болванъ!

Такъ обращался онъ съ своимъ слугой. Вообще мнѣ нерѣдко случалось видѣть подобное же обращеніе нѣмецкихъ офицеровъ съ своими слугами, и они, кажется, надѣятся, что и мы станемъ сносить подобное же обращеніе и за свою покорность и смиреніе удостоимся быть причисленными къ добродѣтельной нѣмецкой націи.

Полковникъ позавтракалъ въ пять часовъ утра, и полкъ выступилъ въ походъ. Часовъ въ семь утра началась страшная бомбардировка. Шестьдесятъ орудій, поставленныхъ въ Вехемѣ, разомъ открыли огонь. Фальсбургъ тотчасъ отвѣчалъ, но въ половинѣ восьмого надъ городомъ показался черный столбъ дыма. Большія крѣпостныя орудія продолжали канонаду съ новой силой; ядра свистѣли, бомбы лопались на горныхъ откосахъ, а громовые раскаты Вильшбергскаго бастіона доносились, благодаря горному эху, до отдаленнѣйшихъ мѣстъ Эльзаса.

Моя жена и Гредель молча смотрѣли другъ на друга, а я ходилъ взадъ и впередъ, поникнувъ головой и думая о Жакобѣ и тѣхъ бѣдныхъ труженикахъ, у которыхъ теперь погибло ихъ имущество, нажитое пятидесятилѣтними трудами и лишеніями.

Въ десять часовъ я вышелъ изъ дома; столбъ дыма распространялся все болѣе и болѣе по направленію къ церкви и госпиталю; этотъ дымъ казался громаднымъ, чернымъ знаменемъ, которое то опускалось на землю, то возвышалось къ небу.

Эскадронъ кирасиръ, а за нимъ эскадронъ гусаръ проскакали мимо селенія по дорогѣ въ Метингъ, гдѣ находилась главная квартира прусскаго принца.

Ядра изъ шестидесяти нѣмецкихъ орудій падали по прежнему въ городъ, увеличивая столбъ дыма, а французскія бомбы перелетали чрезъ прусскія батареи и лопались въ открытомъ полѣ. Также доносился глухой гулъ люцельбургскихъ орудій, отъ которыхъ, вѣроятно, дрожалъ старый замокъ.

Въ то время, какъ шла бомбардировка Фальсбурга, и нѣмецкіе начальники смотрѣли въ походные телескопы на пожаръ го-

рода, шайки мародеровъ бѣгали изъ дома въ домъ, угрожая бѣднымъ женщинамъ штыками и требуя вина, водки, масла, яицъ, сыра и всего, что только они надѣялись найти. Если у васъ былъ улей, то они требовали меда, если птичникъ—то куръ и яицъ. Они брали, тащили, отнимали все. Они совершали и другіе ужасы, о которыхъ нельзя говорить.

И такіе люди хвастались добрыми, старыми нѣмецкими обычаями! И послѣ этого они ставятъ намъ въ укоръ тюркосовъ, которые казались невинными агнцами въ сравненіи съ этими неопрятными, грязными, обжорливыми мародерами, зараженными постыдными болѣзнями, до сихъ поръ оскверняющими наши больницы.

Явившись къ намъ въ домъ, эти разбойники встрѣтили неожиданный отпоръ; я стоялъ въ дверяхъ съ вилами, а за мною Гредель съ топоромъ. Не имѣя письменнаго разрѣшенія на грабежъ и боясь, что намъ помогутъ сосѣди, они молча пошли далѣе. Но часовъ въ одиннадцать пришелъ офицеръ съ маркитантомъ и просилъ уступить ему нѣсколько ведеръ вина, обѣщая мнѣ исправно заплатить. Это, конечно, была учтивая форма реквизиціи: можно ли отказать въ кредитѣ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится ваша жизнь! Дѣлать было нечего: я провелъ ихъ въ погребъ, и маркитантъ налилъ себѣ два боченка вина.

Спустя нѣсколько времени возвратился полковникъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ; не слѣзая съ лошади, онъ потребовалъ только кусокъ хлѣба и стаканъ вина, что моя жена тотчасъ ему и подала. Не успѣлъ онъ еще удалиться, какъ маркитантъ снова явился за виномъ, но на этотъ разъ съ фельдфебелемъ, который клялся, что въ тотъ же вечеръ деньги будутъ уплачены. Они опорожнили мою бочку и ушли совершенно довольные собою.

Между тѣмъ, канонада продолжалась, и столбъ дыма становился больше и гуще. Бомбы изъ Фальсбурга лопались надъ Берлингенской долиной. Въ четыре часа половина города была въ огнѣ, въ пять пожаръ распространился далѣе, и каменная колокольня собора возвышалась обнаженной, черной массой: балки и крыша сгорѣли, колокола расплавились. Въ шесть часовъ, стоя у дверей нашихъ домовъ, мы съ ужасомъ увидали, какъ пламя огненными языками взвилось къ небу надъ столбомъ дыма.

Канонада замолкла. Нѣмцы послали парламентера предложить коменданту сдать крѣпость, но наши молодцы и вообще всѣ жители Фальсбурга не принадлежали къ тѣмъ людямъ, которые сдаются; чѣмъ болѣе жгли домовъ, тѣмъ менѣе оставалось имущества, стоющаго спасенія; къ тому же, по счастью, въ Фальсбургѣ оставалась вся мука, которую до Рейхсгофенской битвы хотѣли послать въ Мэцъ. Такимъ образомъ продовольствія должно было хватить надолго. Могъ оказаться только недостатокъ въ мясѣ и соли. Послѣднее обстоятельство непонятно, такъ какъ простой разсудокъ говоритъ, что каждый благоразумный комендантъ крѣпости обязанъ бы имѣть во всякое время запасъ соли на десять лѣтъ. Соль не дорога, не портится, и черезъ сто лѣтъ не теряетъ своей силы. Но наши интендантскіе чиновники были слишкомъ почтенные, просвѣщенные люди, чтобы могли послушать совѣта какого-нибудь простого, бѣднаго мельника. Извѣстно, что въ послѣдніе два мѣсяца осады фальсбургцы болѣе всего страдали отъ недостатка соли.

Ночью возвратился парламентеръ, и мы узнали, что комендантъ отказался сдать крѣпость.

Канонада снова возобновилась, и прусскія ядра убили нѣсколькихъ несчастныхъ женщинъ и дѣтей, вышедшихъ на улицы изъ казематовъ. Но вскорѣ огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ. Было десять часовъ. Мертвая тишина, воцарившаяся послѣ такого страшнаго шума, невольно поражала насъ. Я стоялъ въ дверяхъ, какъ вдругъ увидалъ передъ собою Жоржа.

— У тебя никого нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Никого.

Мы вошли въ комнату, гдѣ сидѣли Гредель и моя жена.

— Ну,—сказалъ онъ, смѣясь:—наши молодцы не сдаются; комендантъ храбрый человѣкъ.

— Да,—замѣтила моя жена:—но что теперь дѣлаетъ бѣдный Жакобъ?

— Онъ здоровехонекъ, — отвѣчалъ Жоржъ. — Въ Сенъ-Жанъ-Улоа мнѣ привелось видѣть бомбардировку почище этой: у нѣмцевъ ядра шести и двѣнадцати-фунтовыя, а у насъ были шестидесяти-фунтовыя. Въ концѣ концовъ, убиваютъ или ранятъ не болѣе одного изъ тридцати или сорока человѣкъ. Будьте спокойны, я вамъ отвѣчаю, что наши молодцы цѣлы и невредимы, тѣмъ болѣе, что лучшее мѣсто всегда крѣпостной валъ.

Онъ усѣлся и закурилъ трубку. Пожаръ въ городѣ былъ до того великъ, что зарево освѣщало наши окна, которыя отсвѣчивались на занавѣскахъ кровати.

— Хорошо горитъ,—продолжалъ Жоржъ,—хотя имъ должно быть тамъ жарко. Но какое несчастье, что не взорванъ Аршвильерскій туннель, и что это величество не приказалъ поднести спички къ готовой уже минѣ! Какое несчастье для Франціи, что во главѣ ея стоитъ теперь такой неспособный человѣкъ! Городъ держится, и еслибъ туннель былъ взорванъ, то нѣмцамъ пришлось бы правильно осаждать Фальсбургъ. Бомбардировка тутъ не повела бы ни къ чему, а надо было бы вести траншеи и два или три раза ходить на приступъ. Такимъ образомъ они остановились бы здѣсь недѣли на три, а въ это время страна успѣла бы оправиться. Я знаю, что пруссаки имѣютъ другую дорогу, черезъ Форбахъ, но тамъ находится Туль. И къ тому же какая разница итти пѣшкомъ и тащить за собою орудія, снаряды, продовольствіе, или имѣть въ рукахъ желѣзную дорогу, по которой можно везти все спокойно безъ конвоя и опасенія неожиданныхъ нападеній. Да, большое несчастье имѣть повелителемъ такого человѣка, какъ нашъ Бонапартъ.

— Пусть себѣ нѣмцы идутъ далѣе,—замѣтила моя жена.— Это будетъ лучше для насъ.

— Вы говорите, какъ настоящая женщина, — отвѣчалъ Жоржъ.—Конечно, мы несемъ большія потери, но неужели вы думаете, что Франція намъ за это не заплатитъ? Неужели мы всегда будемъ имѣть депутатовъ глупцовъ или плутовъ? Если намъ ничего не заплатятъ, то кто же послѣ этого станетъ защищать родину? Тогда всѣ принимали бы непріятеля съ распростертыми объятіями, и Франція, дѣйствительно, погибла бы! Бросьте же, Катерина, эти мысли и будьте увѣрены, что нашъ интересъ тѣсно связанъ съ интересомъ всей націи. Ахъ, еслибъ только былъ взорванъ туннель, то нѣмцы запѣли бы другую пѣсню!

Жоржъ замолчалъ и устремилъ свой взглядъ на несчастный городъ, походившій на огненное море. Изъ двухсотъ городскихъ домовъ горѣло, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ и церковь. Благодаря разстоянію, никакіе звуки до насъ не долетали, а лишь доходилъ отблескъ зарева, который нѣсколько блѣднѣлъ подъ лучами серебристой луны, спокойно, величаво смотрящей на

преступленія людей съ самаго сотворенія міра. Жоржъ долго глядѣлъ, насупивъ брови, потомъ онъ ушелъ, не прибавивъ ни слова.

Мы не ложились въ продолженіе всей ночи; вообще, въ цѣломъ селеніи никому не спалось; у каждаго былъ въ Фальсбургѣ сынъ, братъ или другъ.

На слѣдующій день 15 августа, когда разсѣялся утренній туманъ, мы увидали, что облако дыма все еще поднималось къ небу, но не столь густое и обширное. Нѣмецкая армія продолжала свой путь по направленію къ Нанси. Поручикъ, обѣщавшій заплатить мнѣ за вино, ушелъ вмѣстѣ съ другими, не сказавъ мнѣ ни слова. Если всѣ нѣмецкіе офицеры походятъ на него, то я никому не совѣтую отпускать имъ что-нибудь на-слово.

Послѣ ухода этой второй арміи, въ слѣдующіе дни, въ воскресенье и понедѣльникъ, продолжали итти мимо нашего селенія кавалерійскіе полки: драгуны, уланы, гусары, черные, зеленые, коричневые. Они всѣ шли по нашей долинѣ, направляясь въ сердце Франціи.

Однако, отряды пѣхоты и артиллеріи оставались вокругъ Фальсбурга, въ Вехемѣ, въ Вальшбергѣ, въ Бишельбергѣ, въ Катръ-Ванѣ и такъ далѣе. Носился слухъ, что они вскорѣ получатъ большія орудія для правильной осады, но теперь они имѣли только достаточную силу для охраненія желѣзной дороги Аршвильерскаго тунеля и съ нашей стороны Грауфтальскаго прохода.

Пока кавалерія шла по нашей долинѣ, багажъ, продовольствіе и снаряды тянулись по Люнельбургской.

Съ этого времени мы уже видали только незначительныя бомбардировки, и гарнизонъ Фальсбурга могъ бы дѣлать успѣшныя вылазки, такъ какъ мы съ большимъ бы удовольствіемъ отдали свою скотину французскимъ солдатамъ, чѣмъ нѣмецкимъ, изводившимъ насъ своими реквизиціями.

Да, эти реквизиціи тяготили насъ всего болѣе. Семь или восемь тысячъ нѣмцевъ, осаждавшихъ городъ, жили совершенно на нашъ счетъ. Впрочемъ, впослѣдствіи, во время осады Мэца, намъ суждено было перенести еще большія бѣдствія.

VIII.

Спустя нѣсколько дней послѣ прохода послѣднихъ эскадроновъ гусаръ, мы узнали однажды утромъ, что фальсбургцы сдѣлали вылазку для похищенія бишельбургскаго скота. Въ эту ночь они могли бы захватить въ плѣнъ весь нѣмецкій гарнизонъ селенія, но офицеръ, командовавшій отрядомъ, не отличался военными способностями. Вмѣсто того, чтобы подойти тихо, онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ въ двухстахъ шагахъ отъ непріятельскихъ аванпостовъ, чтобы запугать пруссаковъ. Нѣмцы, конечно, поспѣшно вскочили съ постелей и стремительно бѣжали, стрѣляя по нашимъ, а поселяне живо угнали свои стада въ лѣсъ.

Изъ этого видно, какъ наши офицеры вели войну.

— Офицеры 1814 года,—говорилъ нашъ старый лѣсничій Мартинъ Копъ,—поступали иначе; они всегда возвращались въ городъ съ быками, коровами и плѣнными.

Когда говорили про это Жоржу, онъ только пожималъ плечами.

Всего обиднѣе было, что пруссаки смѣялись надъ нами, бѣдняками, называя насъ «la grande nation». Однакожъ, вина была не наша, если половина нашихъ офицеровъ, вышедшихъ изъ школы іезуитовъ, не знали своего дѣла. Еслибъ нашихъ дѣтей учили военнымъ пріемамъ; еслибъ у насъ въ военной службѣ должны были служить всѣ, какъ въ Германіи, и еслибъ каждый занималъ мѣсто, соотвѣтствующее его знаніямъ и мужеству, я думаю, пруссакамъ не пришлось бы такъ часто смѣяться надъ «la grande nation».

Впрочемъ, это была единственная вылазка въ продолженіе всей осады. Комендантъ Тальянъ, человѣкъ смѣтливый, вѣроятно, понялъ, что съ такими неспособными офицерами и солдатами, не знавшими военнаго дѣла, лучше оставаться за стѣнами крѣпости и не ѣсть мяса.

Около этого времени офицеръ, командовавшій отрядомъ ландвера въ Вехемѣ, самый ужасный пьяница и буянъ, какого мы когда-либо видали въ нашей странѣ, впервые посѣтилъ меня въ сопровожденіи человѣкъ пятнадцати солдатъ съ ружьями.

Онъ пришелъ за реквизиціей: за тремя стами караваями хлѣба и соразмѣрнымъ количествомъ сѣна, соломы и овса.

Онъ прямо вошелъ на мельницу, крича:

— Здравствуйте, г. мэръ!

Увидавъ штыки у дверей, я смутился.

— Я принесъ,— сказалъ поручикъ,— прокламацію его величества, прусскаго короля. Прочтите!

И я прочелъ слѣдующее:

«Мы, Вильгельмъ, король Пруссіи, объявляемъ жителямъ французской территоріи, что императоръ Наполеонъ III, напавъ на сушѣ и на морѣ на нѣмецкую націю, которая желала и желаетъ всегда жить въ мирѣ съ французскимъ народомъ, вынудилъ насъ принять начальство надъ нашей арміей и вслѣдствіе событій войны, переступить черезъ границы Франціи; но я воюю съ солдатами, а не съ французскими гражданами, которые будутъ пользоваться совершенной безопасностью, личной и имущественной, пока сами не вынудятъ меня враждебными дѣйствіями противъ нѣмецкихъ войскъ лишить ихъ моего покровительства»

— Вы эту прокламацію прибейте у вашихъ воротъ,— сказалъ мнѣ поручикъ,— у мэріи и у церкви. Гм! Это васъ радуетъ?

— Конечно,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, мы друзья,— замѣтилъ онъ,— а друзья должны помогать другъ другу. Ну, ребята, входите!— крикнулъ онъ своимъ солдатамъ, смѣясь.—Здѣсь вы какъ дома; вамъ не будетъ отказа ни въ чемъ. Войдите!

И вотъ эти головорѣзы безцеремонно вошли на мельницу, изъ мельницы перешли въ кухню, изъ кухни въ домъ, а потомъ отправились на погребъ.

Моя жена и Гредель убѣжали

Начался положительный грабежъ моихъ съѣстныхъ припасовъ. Все выбрали изъ моей печи; открыли мою послѣднюю бочку вина; отворили мой шкафъ, обшарили и обнюхали все. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ солдатъ выдернулъ свѣчу изъ подсвѣчника и сунулъ ее за сапогъ.

Вдругъ заблеяли овцы.

— Э,—закричалъ поручикъ,—бараны!.. Намъ нужны бараны!

И грабители пошли въ хлѣвъ за моими овцами.

Когда все было опустошено, этотъ офицеръ, этотъ храбрый нѣмецъ вручилъ мнѣ реквизиціонный списокъ, говоря:

— Вотъ, что намъ надо! Вы мнѣ доставите все это нынче же вечеромъ въ Вехемъ. Иначе, мы будемъ вынуждены опять притти сами, вы понимаете, г. мэръ? До свиданія, г. мэръ, до свиданія!

Онъ мнѣ протянулъ руку въ толстой перчаткѣ, проклятый разбойникъ! Я повернулся къ нему спиной, онъ сдѣлалъ видъ что не замѣчаетъ и вышелъ со своими молодцами, навьюченными, какъ мулы.

Отъ меня они пошли къ нѣсколькимъ сосѣдямъ: къ Жоржу, къ патеру Даніэлю и другимъ, и до того награбили всевозможныхъ вещей, что, наконецъ, потребовали телѣгу и двухъ лошадей, потому что имъ самимъ уже невозможно было нести всю поживу.

Война — истинная школа грабежа; послѣ двадцати лѣтъ войны, родъ человѣческій могъ бы превратиться въ одну общую шайку мародеровъ.

Быть можетъ, насъ это и ожидаетъ; я помню, какъ старый школьный учитель въ Брукевилье говорилъ намъ, что существовали народы могущественнѣе насъ, и которые могли бы благоденствовать еще долго, увеличивая свое благосостояніе торговлей и промышленностью, но они истребили себя войною, и ихъ страны превратились въ пустыню.

Вотъ что намъ угрожаетъ, и что я боюсь увидать до своей смерти, если люди, подобные Бонапарту, всегда нуждающіеся въ войнѣ для своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, будутъ руководить судьбами народовъ.

Я не могу теперь припомнить имени поручика, о которомъ я упоминалъ, но мнѣ стоитъ только сказать, что онъ ходилъ изъ селенія въ селеніе, изъ кабака въ кабакъ, вливалъ въ себя вино, пиво, водку, какъ въ бочку, горланилъ пѣсни, какъ быкъ, съ чувствомъ говорилъ о птичкахъ, забиралъ направо и налѣво все, что попадалось подъ руку, и возвращался въ два или три часа утра до того пьянымъ, что становилось непостижимымъ, какъ человѣческое существо въ этомъ положеніи могло еще держаться на лошади... Да, мнѣ стоитъ только это сказать, чтобъ всѣ наши сосѣди признали это животное, повидимому, лишенное всякихъ человѣческихъ чувствъ.

По отъѣздѣ принцевъ, герцоговъ, бароновъ, офицеры ландвера, квартировавшіе въ Вильшбергѣ, въ Катръ-Ванѣ, въ Митль-

бронѣ и въ другихъ сосѣднихъ деревняхъ, считали себя повелителями нашей страны. Ежедневно приходили вѣсти о новыхъ продѣлкахъ, совершенныхъ ими надъ беззащитными жителями. У насъ ходили слухи, что въ Митльбронѣ они даже разстрѣляли бѣднаго идіота, который бѣгалъ босикомъ по лѣсамъ въ продолженіе десяти лѣтъ, не дѣлая никому вреда; въ Вальшбергѣ они раздѣли до гола бѣднаго мальчика, который, по несчастью, подошелъ къ ихъ батареямъ, и офицеръ собственноручно избилъ его до крови; въ КатрьВанѣ они вытащили изъ погреба двухъ бѣдныхъ стариковъ и выставили ихъ на холодъ и дождь въ продолженіе двухъ дней и двухъ ночей, угрожая смертью, если они тронутся съ мѣста. Эти ландверцы забирали воловъ, барановъ, сѣно, солому, ломали мебель, выбивали стекла въ окнахъ, и это случалось ежедневно безъ причинъ, изъ одного удовольствія все уничтожать.

Иногда они тѣшились, угрожая патерамъ или мэрамъ, что заставятъ ихъ гнать похищенный скотъ. А такъ какъ у насъ нѣмцы слыли всегда за великихъ ученыхъ, то я считаю долгомъ заявить, что въ томъ ландверѣ, который квартировалъ у насъ, я никогда не видывалъ ни офицера, ни солдата съ книгою въ рукахъ. Жоржъ основательно говорилъ, что вся ихъ наука заключается въ солдатскомъ ремеслѣ: знаніе картъ для офицеровъ и дисциплина для солдатъ. Ни о чемъ другомъ они не хотѣли и помыслить.

Молодые люди изъ нѣмцевъ, занимающіеся торговлей, путешествуютъ, учатся у иностранцевъ: они отличные, дешевые работники и никогда не ссорятся съ своими хозяевами, но при первомъ призывѣ они возвращаются во-свояси, чтобы стрѣлять по своимъ прежнимъ товарищамъ и хозяевамъ за хлѣбъ, который они ѣли въ теченіе многихъ лѣтъ.

Чрезвычайно странныя понятія приходилось намъ выслушивать отъ нашихъ постояльцевъ; могло показаться, что они не понимаютъ, что у каждаго человѣка есть честь, будь онъ сынъ дворянина, купца или рабочаго, все равно. Они выражали такое мнѣніе, что чѣмъ у человѣка меньше сознанія чести, тѣмъ онъ лучшій солдатъ; требуется только, чтобъ онъ безпрекословно повиновался. Разумѣется, сынъ банкира или богатаго купца, если онъ солдатъ—повинуется, какъ и всѣ. Въ ихъ арміи, дѣйствительно, царствуетъ удивительная дисциплина, этого отрицать

нельзя. Жоржъ говорилъ, что ихъ главнокомандующимъ легче командовать ста тысячами человѣкъ, чѣмъ нашимъ десятью тысячами и что для этого отъ нихъ требуется гораздо меньше знанія. Еще бы! Надо только умѣть направить машину, а машина, извѣстно, дѣлаетъ все безпрекословно: умъ, разсудокъ, доброе сердце ей вовсе не нужны.

Эти мысли пришли мнѣ въ голову при размышленіи о всемъ, что я видѣлъ съ начала этой кампаніи, и вотъ почему я говорю, что дисциплина необходима для того, чтобъ впослѣдствіи снова начать игру: только, такъ какъ французы понимаютъ честь, то имъ надо растолковать, что человѣкъ, не признающій дисциплины, погрѣшаетъ противъ чести и измѣняетъ своей родинѣ. Тогда у насъ будетъ настоящая дисциплина; намъ можно будетъ двинуть большія массы войскъ, и мы побьемъ нѣмцевъ, какъ уже сто разъ ихъ били.

Этимъ принципамъ должны учить во всѣхъ школахъ, а школъ должно быть несчетное множество. Во главѣ катехизиса, правъ и обязанностей гражданина слѣдуетъ поставить: «Первая добродѣтель гражданина подъ ружьемъ,—повиноваться: тотъ, кто не повинуется—подлецъ; онъ измѣняетъ своей родинѣ».

Вотъ, что я думаю, а теперь я продолжаю свой разсказъ.

Послѣ прихода нѣмецкихъ войскъ, наша несчастная страна точно была замуравлена и обречена молчанію: войскамъ, осаждающимъ Фальсбургъ, и тѣмъ отрядамъ, которые съ снарядами, запасами и стадами еще проходили по нашей долинѣ, было приказано хранить молчаніе, невольно возбудившее въ насъ ужасъ: мы не получали болѣе ни газетъ, ни писемъ, ни малѣйшаго извѣстія изъ провинцій. Мы слышали выстрѣлы нѣмцевъ, бомбардировавшихъ Страсбургъ, когда вѣтеръ дулъ съ Рейна; тамъ все горѣло! Но такъ какъ никто не смѣлъ переходить съ мѣста на мѣсто въ виду непріятельскихъ постовъ, разставленныхъ вездѣ, то мы болѣе ничего не знали: горе насъ убивало! Всѣ бросали работу. Зачѣмъ работать, когда самые трудолюбивые, самые отважные, самые разсчетливые видѣли плодъ своихъ трудовъ, истребленный мародерами.

Многіе начинали жалѣть, что исполняли свой долгъ въ отношеніи своихъ дѣтей, что отказывали себѣ во всемъ, чтобъ въ концѣ концовъ все отдать чужестраннымъ пришельцамъ.

Конечно, каждый могъ сказать себѣ: «Да существуетъ ли

правосудіе на этомъ свѣтѣ? Не дураки ли: честный человѣкъ, хорошая мать семейства, добрыя дѣти! Не лучше ли отбросить всякое стѣсненіе и хватать все, что попадаетъ подъ руку. Развѣ не лицемѣры тѣ, которые намъ проповѣдовали религію и состраданіе къ ближнему? Надо быть сильнѣйшимъ... Ну такъ будемъ сильнѣйшими; будемъ попирать ногами нашихъ ближнихъ, которые намъ никогда не вредили; будемъ шпіонствовать, обманывать, красть, грабить, и если сила будетъ на нашей сторонѣ, то всегда мы будемъ правы».

Вотъ списокъ реквизицій, которыя собирали даже съ самой нищенской хижины, для каждаго пруссака, помѣщеннаго въ ней; поэтому, пусть судятъ о нашемъ разореніи.

«Каждому человѣку, квартирующему у васъ, вы должны ежедневно доставлять: семьсотъ пятьдесятъ граммъ хлѣба, пятьсотъ граммъ мяса, двѣсти пятьдесятъ граммъ кофе, шестьдесятъ граммъ табаку или пять сигаръ, полъ-кружки вина или кружку пива, или рюмку водки. Кромѣ этого, на каждую лошадь двадцать фунтовъ овса, пять сѣна и два съ половиною соломы».

Всякій скажетъ:

«Какъ могли несчастные поселяне доставить все это? Это невозможно!»

Такъ нѣтъ же! Нѣмцы сдѣлали это воможнымъ. И вотъ какъ: они обходили всѣ фермы до послѣдней, тащили изъ нихъ солому, сѣно, все; въ одной уводили скотъ; въ другой забирали зерно; въ третьей брали вино, водку, пиво; въ четвертой собирали контрибуцію деньгами. Каждый отдавалъ, что имѣлъ, такъ что къ концу кампаніи мы остались нищими.

Да, нечего сказать, хорошо мы жили до войны: мы были богаты, не сознавая этого. Никогда я не повѣрилъ бы, что въ нашей странѣ было такое множество сѣна и скота!

Намъ выдали подъ конецъ облигаціи, когда три четверти всего нашего достоянія было уничтожено; и теперь, кажется, хотятъ насъ вознаградить за понесенные убытки; но черезъ тридцать лѣтъ, если миръ продолжится тридцать лѣтъ, наше селеніе не будетъ обладать тѣмъ, чѣмъ оно обладало въ прошломъ году.

Подавайте, подавайте голоса въ пользу плебисцитовъ для сохраненія мира, бѣдняки поселяне! Подавайте голоса въ пользу облигацій за солому, сѣно, мясо, въ пользу отдачи пруссакамъ милліардовъ и провинцій! Вамъ обѣщаетъ миръ «честный че-

ловѣкъ, который нарушилъ свою клятву; вѣрьте его слову. Каждый разъ, какъ я объ этомъ думаю, у меня волосы становятся дыбомъ.

А тѣ, которые были противъ плебисцита, тоже поплатились. Какъ они должны негодовать на нашу глупость и желать насъ просвѣтить.

Представьте себѣ положеніе моей жены и дочери при видѣ нашего разоренія, такъ какъ женщины еще болѣе мужчинъ дорожатъ накопленнымъ добромъ; къ тому же моя жена думала только о Жакобѣ, а Гредель о Жанъ-Батистѣ.

Жоржъ это зналъ и не разъ старался получить какія-нибудь извѣстія о немъ. Нѣсколько тюркосовъ, избѣгнувшихъ смерти при Фрешвиллерѣ, оставались въ городѣ и ежедневно дѣлали вылазки, чтобъ пострѣлять въ нѣмцевъ. Съ другой стороны, такъ какъ нападеніе на городъ случилось неожиданно, то не успѣли срубить деревъ и снести заборы, лачужки и памятники на кладбищѣ. Теперь эта работа началась, и уничтожали все безъ милосердія на пушечный выстрѣлъ.

Жоржъ хотѣлъ добраться до этихъ работниковъ, но невозможно было пройти чрезъ непріятельскіе посты. Наконецъ, онъ получилъ извѣстіе, но такимъ путемъ, что стыдно сознаться,— черезъ Мари Гопсалопъ, женщину распутнаго поведенія, которую нѣмецкіе часовые пропускали за извѣстное вознагражденіе.

Эта почтенная особа передала намъ, что Жоржъ былъ здоровъ, и, вѣроятно, она принесла добрую вѣсточку Гредель, потому что на слѣдующій день Гредель заговорила снова о своемъ приданомъ и хотѣла непремѣнно знать, куда мы его спрятали. Я ей сказалъ, что оно спрятано въ лѣсу, подъ деревомъ. Тогда она боялась, не открыли бы его пруссаки, шарившіе вездѣ: у нихъ были точные списки всего, что находилось въ каждомъ домѣ, они, напримѣръ, обшарили погреба, отыскивая старыя вина, у Матиса на пильномъ заводѣ и у Франца Сепеля въ Метингѣ. Ничто отъ нихъ не ускользало, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ имъ доставляли наши же бывшіе слуги-нѣмцы, которые унесли съ собою списки количества скота, сѣна, зерна, вина и всего, что находилось въ каждомъ домѣ! Нѣмцы чрезвычайно способны для подобной работы,—это у нихъ въ натурѣ. Пусть американцы, русскіе, и всѣ народы, которые еще терпятъ у

себя нѣмцевъ, подумаютъ объ этомъ: впослѣдствіи они могутъ дорого поплатиться за свою неосторожность! Я ничего не выдумываю, я не говорю ничего излишняго, нашъ примѣръ на глазахъ у всѣхъ... пусть онъ каждому послужитъ на пользу!

Итакъ, Гредель боялась за нашъ кладъ. Я ей сказалъ, что ходилъ на мѣсто, гдѣ онъ спрятанъ, и что вокругъ земля невзрыта.

Но, успокоивъ ее, я самъ скоро подвергся еще сильнѣйшему страху.

Однажды, въ воскресенье вечеромъ, человѣкъ тридцать пруссаковъ, подъ предводительствомъ ихъ знаменитаго поручика, явились на мельницу и, стуча прикладами ружей, требовали вина и водки.

Я имъ подалъ ключи отъ погреба.

— Нѣтъ, не проведешь!—сказалъ поручикъ.—Вы прошлый мѣсяцъ получили тысячу шестьсотъ франковъ въ Саверпѣ, гдѣ они?

Я тотчасъ догадался, что меня предали: это было дѣло Плаціара или другого мошенника, такъ какъ доносы уже начались. Всѣ тѣ, которые впослѣдствіи объявили себя за нѣмцевъ, занимались уже этимъ ремесломъ!

Отпираться было невозможно и я сказалъ:

— Да это правда! Но я самъ былъ долженъ въ Фальсбургѣ и уплатилъ долгъ, а остальныя деньги отдалъ на храненіе нотаріусу Филодо.

— А гдѣ этотъ нотаріусъ?

— Въ городѣ! Вамъ извѣстны шестьдесятъ большихъ пушекъ, которыя его охраняютъ.

Раздосадованный поручикъ сталъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Старая лиса, я вамъ не вѣрю!—воскликнулъ онъ.—Вы гдѣ-нибудь спрятали ваши деньги. Вы должны доставить намъ денежную контрибуцію.

— Я представлю, какъ всѣ, мою контрибуцію на шесть человѣкъ. Вотъ мое сѣно, моя рожь, моя солома, моя мука; покуда есть—берите; когда болѣе не будетъ, вы возьмете у другихъ. Вы можете убивать людей, жечь города и селенія, но вы не можете брать деньги у тѣхъ, которые ихъ не имѣютъ.

Онъ на меня злобно посмотрѣлъ; одинъ изъ солдатъ схватилъ меня за воротъ, крича во все горло:

— Ты намъ покажешь свой кладъ, старый плутъ!

Его товарищи повлекли меня вонъ изъ комнаты; моя жена прибѣжала, крича и рыдая, а Гредель, размахивая киркой, воскликнула:

— Безсовѣстные!.. У васъ нѣтъ сердца!.. Черти!..

Она хотѣла на нихъ броситься, но я ей закричалъ:

— Ступай прочь!

Въ ту же минуту я разстегнулъ жилетъ и сказалъ солдату, который направилъ штыкомъ мнѣ въ грудь:

— Ну, коли, мерзавецъ, скорѣй конецъ!

Вѣроятно, выраженіе моего лица ихъ очень поразило, такъ какъ поручикъ, который со своей шайкой разорялъ нашу страну, воскликнулъ:

— Ну, не троньте г. мэра: когда мы овладѣемъ городомъ, то найдемъ его деньги у нотаріуса. Въ путь, ребята, въ путь!.. Пойдемъ далѣе искать наживы!.. Деньги намъ необходимы, и мы ихъ добудемъ. До свиданія, г. мэръ, не сердитесь.

Онъ смѣялся. Я же былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и возвратился домой дрожа всѣмъ тѣломъ.

Отъ этого испуга я даже заболѣлъ.

У многихъ нѣмцевъ сдѣлались кровавые поносы отъ сильнаго обжорства. Они пожирали: медъ, масло, сыръ, незрѣлые фрукты, говядину, баранину—все безъ различія. Въ Перальсверѣ они пили уксусъ за вино. Я не знаю, чѣмъ они питаются въ своей странѣ, но жадность этихъ людей заставляетъ думать, что они дома живутъ на водѣ и картофелѣ.

Наверху Метинга была дорога, которая заражала всю страну. Сколько ни возили туда соломы—зловоніе повсюду распространялось. Наконецъ, надо было нарядить поголовно всѣхъ поселянъ для очищенія воздуха отъ смрада, а также для уборки лошадиныхъ труповъ и внутренностей убитой скотины; для нѣмцевъ было все равно: пусть себѣ гніетъ! Намъ, впрочемъ, помогли птицы. Въ этотъ годъ вороны прилетѣли рано и тучами опустились на долину. Безъ этой помощи Господней намъ не миновать бы чумы.

Я не говорю о другихъ притѣсненіяхъ, которыя мы выносили отъ нѣмцевъ: они, напримѣръ, заставляли насъ рубить деревья

въ лѣсу, распиливать на дрова и свозить въ ихъ лагерь; они угрожали поселянамъ заставить ихъ вести траншеи, и этимъ средствомъ вынуждали цѣлыя селенія спасаться бѣгствомъ, тогда какъ ландверъ, пользуясь отсутствіемъ поселянъ, грабилъ ихъ незащищенныя жилища,—они дозволяли себѣ тысячи другихъ постыдныхъ дѣйствій, между прочимъ оскорбляя самыя церкви, что приводило въ отчаяніе всѣхъ честныхъ людей, протестантовъ, католиковъ, евреевъ, и доказывало, что эти люди ничего не уважали, что они считали удовольствіемъ унижать душу человѣка въ самыхъ ея высокихъ, священныхъ стремленіяхъ. Даже для людей и нерелигіозныхъ церковь, храмъ, синагога—мѣста уважаемыя; сюда насъ приносила мать, испрашивая Божіе благословеніе; тутъ мы призывали Творца въ свидѣтели нашей любви къ подругѣ нашей жизни; и сюда мы приносили отца и мать по окончаніи ихъ земныхъ страданій... Такъ вотъ до какого безстыдства осмѣлились дойти нѣмцы... За это въ особенности мы ихъ будемъ проклинать изъ рода въ родъ, и никогда съ ними не помиримся.

Между тѣмъ разные слухи носились по странѣ. Однажды Жоржъ привезъ извѣстіе отъ сарбургскаго трактирщика, что произошло большое сраженіе подъ Мэцомъ, и что мы одержали побѣду; но что Наполеонъ, не зная, куда дѣться, только всѣмъ мѣшалъ, и метался, то направо, то налѣво, требуя себѣ конвоя въ три и четыре тысячи человѣкъ; наконецъ, его вовсе удалили изъ арміи и отправили въ Верденъ, такъ какъ онъ не смѣлъ вернуться въ Парижъ, гдѣ народное негодованіе противъ его династіи росло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

— Теперь,—сказалъ Жоржъ.—Базэнъ стоитъ во главѣ нашей лучшей арміи. Грустно, что судьба родины ввѣрена человѣку, который достойно прославился въ Мексикѣ, и что у насъ военнымъ министромъ старикъ Монтобанъ, отличившійся въ Китаѣ и въ дѣлѣ Дуано въ Африкѣ. Да, вотъ три молодца, способные понимать другъ друга: Бонапартъ, Базэнъ и Паликао. Все же станемъ надѣяться, вѣдь надежда ничего не стоитъ.

Такимъ образомъ мы дожили до конца августа.

Но 1-го сентября, часовъ въ десять вечера, когда всѣ уже спали въ селеніи, послышалась пальба изъ Фальсбурга: это гремѣли большія пушки съ Вильшбергскаго бастіона и ст бастіона пѣхотной казармы; наши хижины дрожали. Всѣ вскочили и за-

жали огонь. При каждомъ выстрѣлѣ наши окна дребезжали. Я вышелъ на улицу. Множество другихъ поселянъ, мужчинъ и женщинъ, слушали и смотрѣли. Ночь была темная, и красное зарево съ двухъ бастіоновъ поминутно освѣщало всю окрестную страну. Тогда мною овладѣло непреоборимое любопытство. Я хотѣлъ знать, что случилось, и, несмотря на всѣ увѣщанія моей жены, отправился съ тремя или четырьмя сосѣдями въ Берлингенъ. По мѣрѣ того, какъ мы между кустарниками поднимались въ гору, канонада становилась все оглушительнѣе; на вершинѣ до насъ сталъ доноситься говоръ и шумъ: жители Берлингена бѣжали въ лѣсъ; двѣ гранаты попали въ селеніе; съ этой-то возвышенности я увидалъ дѣйствіе бомбъ и гранатъ, которыя летѣли на насъ, шипя и пыхтя, какъ паровозы, и съ такимъ страшнымъ шумомъ, что мы безсознательно пятились назадъ.

Въ то же время послышался стукъ скачущихъ телѣгъ изъ Капръ-Вана по дорогѣ въ Вильшбергъ. Это, вѣроятно, былъ обозъ съ продовольствіемъ и военными снарядами, который фальсбургцы замѣтили издалека; луна, однакожъ, не свѣтила, но у молодыхъ людей зрѣніе хорошее.

Послѣ этого мы отправились домой, и вдругъ я увидалъ Жорка.

— Здравствуй, Христіанъ, — сказалъ онъ. — Ну, что скажешь?

— Я скажу, что люди выдумали ужасные снаряды для уничтоженія другъ друга.

— Да, но это еще ничего, Христіанъ: это еще только начало: черезъ годъ или два миръ будетъ заключенъ между прусскимъ королемъ и Франціей; но вѣчная ненависть останется между двумя народами,—ненависть справедливая, ужасная, непримиримая. Что мы требовали отъ нѣмцевъ?—Ничего. Развѣ мы желали присвоенія одной изъ ихъ провинцій?—Нѣтъ. Большая часть французовъ объ этомъ не думали. Развѣ мы завидовали ихъ славѣ? —Нѣтъ! Славы военной у насъ было въ волю... Слѣдовательно нѣмцамъ не было никакой выгоды смотрѣть на насъ, какъ на враговъ. И что же! Пока мы испытывали на себѣ принципъ всеобщей подачи голосовъ, принципъ прекрасный, справедливый, но очень опасный для народа невѣжественнаго, такъ какъ онъ поставилъ во главѣ правленія такого человѣка, какъ Бонапартъ,—эти добрые христіане воспользовались нашею сла-

бостью, чтобъ нанести намъ ударъ, который они подготовляли въ продолженіе пятидесяти четырехъ лѣтъ. Имъ удалось. Но горе намъ! Горе имъ! Горе всему человѣчеству! Эта война прольетъ больше крови и слезъ, чѣмъ Цинзель катитъ водъ.

Такъ говорилъ Жоржъ, и по несчастію я впослѣдствіи убѣдился, что его слова справедливы; бывшіе далеко отъ непріятеля—теперь близки къ нему, а тѣ, которые дальше, будутъ вынуждены вмѣшаться въ борьбу. Пусть жители Юга знаютъ, что они также французы, какъ мы, и если они не хотятъ согнуть выю подъ ярмомъ нѣмцевъ, пусть они возстанутъ во-время. Послѣ Лотарингіи очередь Шампани, послѣ Эльзаса—Франшъ-Конте и Бургундіи; это тоже страны не бѣдныя, занимающіяся виноделіемъ, а нѣмцы любятъ хорошія вина! Люди дальнозоркіе давно насъ предупреждали, что нѣмцы острятъ зубы на Эльзасъ и Лотарингію; мы не хотѣли этому вѣрить; теперь эти самые люди намъ говорятъ: «Нѣмцы желаютъ захватить всю Францію! Будьте наготовѣ!.. Времена Бурбоновъ, поддерживаемыхъ іезуитами, и времена Бонапартовъ, поддерживаемыхъ полицейскими шпіонами, прошли навѣки! Соединимся во имя республики, или нѣмцы насъ съѣдятъ!» Я думаю, что слѣдуетъ слушать надежныя предостереженія.

На слѣдующій день послѣ этой сильной стрѣльбы въ Фальсбургѣ мы узнали, что нѣсколько телѣгъ было ограблено въ окрестностяхъ Берлингена. Тогда прусскій маіоръ объявилъ, что община отвѣтственна за понесенные нѣмцами убытки, и что ей придется уплатить пятьсотъ франковъ. Увы! Гдѣ было ихъ взять послѣ расхищенія?

По счастію, берлингенскій мэръ успѣлъ открыть, что часовые, приставленные для надзора при обозѣ, сами все похитили, чтобъ раздарить развратнымъ женщинамъ, наводнявшимъ лагерь, и общія контрибуціи продолжались, какъ прежде.

Въ первые дни сентября погода стояла прекрасная; и я никогда не забуду, что овесъ, сыпавшійся съ прусскихъ обозовъ, пускалъ ростки, такъ что на всемъ пути нѣмецкихъ обозовъ зеленый слѣдъ тянулся отъ Баваріи до сердца Франціи. И за разсыпавшійся овесъ платили мы, такъ какъ мы всегда должны были пополнять пропавшіе или украденные предметы; пруссаки, конечно, слишкомъ честны, чтобы утаить или украсть что-нибудь!

Въ это спокойное время по ночамъ мы слышали также бомбардированіе Страсбурга. Послѣ полуночи, когда все селеніе спало и всюду царствовало спокойствіе, пушечные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ; на одну цитадель ежеминутно падало пять гранатъ и одна бомба. Иногда огонь усиливался: грохотъ былъ ужасный, и земля дрожала; раздавались глухіе удары, точно они выходили изъ могилы.

И это продолжалось сорокъ два дня и сорокъ двѣ ночи безостановочно. Новый храмъ, библіотека, театръ и сотни домовъ были преданы пламени; соборъ былъ весь пронизанъ выстрѣлами, и даже желѣзный крестъ снесенъ ядромъ. Несчастные жители Страсбурга жадно устремляли свои взоры на Западъ, но никто не шелъ къ нимъ на помощь. Люди, разсказывавшіе намъ это впослѣдствіи, не могли удерживаться отъ слезъ.

О Мэцѣ мы ничего не знали; доходили до насъ слухи о сраженіяхъ и стычкахъ въ Лотарингіи, но эти слухи были недостовѣрны. Нѣмцы попрежнему хранили безмолвіе.

Однажды вечеромъ они начали громко кричать ура по всей линіи отъ Вехема до Бихельберга, отъ Бихельберга до Катръ-Вана. Жоржъ и его жена прибѣжали къ намъ блѣдные, встревоженные:

— Ну, слышали вы про депешу?

— Нѣтъ, что такое?

— «Честный человѣкъ» сдался въ Седанѣ съ восьмьюдесятью тысячами французовъ. Съ сотворенія міра ничего не случалось подобнаго! Онъ вручилъ прусскому королю свою шпагу—знаменитую шпагу 2-го декабря! Онъ болѣе думалъ о своихъ фургонахъ, чѣмъ о чести своего имени, чѣмъ о чести Франціи. Ахъ, измѣнникъ! Онъ обманулъ меня даже въ этомъ отношеніи: я считалъ его, по крайней мѣрѣ, храбрымъ!

Жоржъ выходилъ изъ себя.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—какъ все это должно было кончиться! Его настоящая собственная армія состояла изъ десяти или пятнадцати тысячъ людей второго декабря, поставленныхъ полицейской префектурой со свинцовыми кистенями для умерщвленія защитниковъ закона. Онъ считалъ себя способнымъ вести французскую армію, какъ водилъ своихъ головорѣзовъ, онъ и завелъ ее въ трущобу; и тутъ, несмотря на храбрость нашихъ солдатъ, сдалъ ихъ прусскому королю. Взамѣнъ чего?—Мы это

узнаемъ позже. Наши бѣдные солдаты не хотѣли сдаться, предпочитая умереть съ оружіемъ въ рукахъ, но Бонапартъ три раза приказывалъ поднять бѣлый флагъ.

Такъ говорилъ Жоржъ; а мы, ни живы ни мертвы, слушали радостные крики, раздававшіеся на улицѣ.

Пруссаки отправили парламентера въ городъ. Новый ландверъ, который съ нѣкоторыхъ поръ замѣнялъ у насъ линейные полки и состоялъ изъ людей пожилыхъ, серьезныхъ отцомъ семействъ, болѣе преданныхъ миру, чѣмъ славѣ, полагалъ, что все было кончено, что прусскій король сдержитъ свое слово и не будетъ продолжать противъ націи войну, начатую противъ Бонапарта, и потому Фальсбургъ сдается.

Но комендантъ Тальянъ отвѣчалъ парламентеру, что ворота Фальсбурга отворятся только по полученіи письменнаго приказа французскаго императора, и что хотя Наполеонъ и отдалъ свою шпагу, но Тальянъ не оставитъ своего поста и будетъ всегда наготовѣ.

Парламентеръ возвратился, и радость ландвера немного утихла.

Въ это время я былъ свидѣтелемъ одной сцены, воспоминаніе о которой до сихъ поръ меня радуетъ.

Однажды я пошелъ въ Саверинъ по фальсбургской дорогѣ, позади нѣмецкихъ постовъ, въ надеждѣ узнать новости. Къ тому же мнѣ тамъ приходилось получать кое-какія деньги, надобность въ которыхъ ежедневно усиливалась.

Около пяти часовъ вечера я возвращался домой; погода была хорошая, я устроилъ мои дѣла успѣшно и вошелъ въ кабачокъ въ Тензѣ выпить стаканъ вина. Въ небольшой комнатѣ человѣкъ десять баварцевъ пили и спорили съ такимъ же количествомъ пруссаковъ, сидѣвшихъ вокругъ сосновыхъ столовъ; они, вѣроятно, только что возвратились съ мародерства и, положивъ каски на окна, утешались вдали отъ офицеровъ.

Одинъ баварецъ кричалъ:

— Насъ, только насъ однихъ всегда суютъ впередъ! Намъ принадлежитъ слава побѣды при Вертѣ; безъ насъ васъ побили бы!.. Мы же взяли императора и его армію. А вы только стоите позади и присвоиваете себѣ славу и прибыль.

— Гм!—отвѣчалъ пруссакъ.—Что же бы вы то стали дѣлать безъ насъ? Кто у васъ генералы? Назовите хоть одного!

Вы въ авангардѣ, это правда, и подставляете свои лбы; но кто вами командуетъ? Наслѣдный принцъ прусскій, нашъ старый генералъ Мольтке и его величество король Вильгельмъ!.. Что-жъ вы болтаете про свои подвиги? Побѣды принадлежатъ начальникамъ; хотя бы васъ изрубили всѣхъ до послѣдняго, кому какое до этого дѣло? Развѣ архитекторъ обязанъ своей славой матеріаламъ, которые онъ употребляетъ при постройкѣ? Развѣ заступы, кирки и лопаты орудія побѣдъ?

— Какъ заступы!—заревѣлъ баварецъ.—Развѣ вы насъ принимаете за заступы?

— Да!—воскликнули пруссаки, ударяя дерзко по столу.

Тутъ полетѣли бутылки, кружки, стаканы, и я едва успѣлъ выбѣжать.

«Однако, думалъ я, смѣясь,—эти бѣдные баварцы правы: ихъ бьютъ, а другіе получаютъ славу. Хитеръ Бисмаркъ, что сумѣлъ навязать имъ такую роль,—умно! И говорятъ, еще, что іезуиты руководятъ королемъ баварскимъ!..»

Это происходило около 8-го или 10-го сентября. Тогда носились слухи, что въ Парижѣ провозгласили республику, что императрица, принцесса Матильда, Палікао и всѣ прочіе бѣжали, что учреждено правительство національной обороны, и что всѣ французы отъ двадцати до сорока лѣтъ призваны подъ ружье. Но изъ всего этого достовѣрно было только бомбардированіе Страсбурга и битвы вокругъ Мэца. Чтобы быть справедливымъ, надо сказать, что многіе тогда находили поведеніе Базэна великолѣпнымъ и на него смотрѣли какъ на спасителя Франціи. Полагали, что онъ удерживаетъ всѣ арміи нѣмцевъ и неожиданно, пробившись сквозь ихъ ряды, освободитъ Туль, Фальсбургъ, Битчъ, Страсбургъ и уничтожитъ враговъ.

Въ это время Жоржъ говорилъ мнѣ не разъ:

Наша очередь скоро придетъ! Всѣмъ надо будетъ идти въ солдаты. Я ужъ обо всемъ подумалъ: все готово—ружье и патроны. Ты прикажешь ударить въ набатъ, какъ только мы услышимъ пушечную пальбу по направленію къ Сарреґемину и Фенетранжу; мы поставимъ нѣмцевъ между двухъ огней.

Онъ мнѣ это говорилъ, когда мы были одни, и я съ радостью его слушалъ, но вообще слѣдовало быть очень осторожнымъ, такъ какъ число солдатъ ландвера прибавлялось ежедневно. Они приходили къ намъ, садились подлѣ печки и курили свои

длинныя фаянсовыя трубки, поникнувъ головою, озабоченные. Такъ какъ нѣкоторые понимали французскій языкъ, не сознаваясь въ этомъ, то мы остерегались говорить при нихъ, и каждый хранилъ свои мысли про себя. Всѣми этими ландверами Бадена, Вюртемберга, Баваріи командовали прусскіе офицеры, такъ что пруссаки доставляли офицеровъ, а другіе нѣмцы солдатъ; такимъ образомъ нѣмцевъ учили повиновенію своимъ истиннымъ повелителямъ. Господь Богъ создалъ пруссаковъ, чтобъ повелѣвать, а другихъ нѣмцевъ, чтобъ повиноваться.

Этимъ способомъ они одержали побѣду; и теперь этотъ порядокъ долженъ оставаться на вѣки, потому что эльзасцы и лотарингцы могутъ взбунтоваться, и Франція можетъ оправиться.

Да, всѣ эти добрые солдаты ландвера останутся солдатами изъ поколѣнія въ поколѣніе: а чѣмъ болѣе они одержатъ побѣдъ, тѣмъ болѣе пруссаки будутъ ихъ угнетать.

Одно ихъ очень безпокоило: въ Вогезахъ начинались волненія и поговаривали о вольныхъ стрѣлкахъ, о возстаніяхъ деревень близъ Эпиналя. Эти слухи, конечно, возбуждали наши надежды. Солдаты ландвера принимали вольныхъ стрѣлковъ за разбойниковъ, убивавшихъ изъ-за угла честныхъ отцовъ семействъ и грабившихъ обозы. Нѣмцы собирались ихъ вѣшать, а мы думали:

«Если-бъ пришло къ намъ только нѣсколько вольныхъ стрѣлковъ съ порохомъ и ружьями, то мы присоединились бы къ нимъ, въ надеждѣ избавиться отъ своего ига».

Чѣмъ болѣе говорили объ этихъ вольныхъ стрѣлкахъ, тѣмъ сильнѣе воскресала въ насъ надежда и тѣмъ болѣе насъ тяготили реквизиціи.

Грабежъ убавился, но все еще продолжался. Когда наши ладверцы, то есть тѣ, которыхъ мы были принуждены содержать и кормить, ходили въ траншеи вокругъ Фальсбурга, то другіе приходили шайками изъ сосѣднихъ селеній, крича, ругаясь, требуя быковъ, барановъ, ветчины! И когда они успѣвали достаточно напугать женщинъ, они уже довольствовались яйцами, сыромъ, лукомъ и проч.

Наши ландверцы, безъ сомнѣнія, поступали такъ же въ другихъ мѣстахъ, потому что въ ихъ супѣ овощей всегда было въ изобиліи. И всѣ эти добрые отцы семействъ дѣлили все по-братски съ гнусными созданіями, слѣдовавшими за ними!.. Иначе

и быть не могло. Требуется время, чтобъ изъ животнаго сдѣлать человѣка, а достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны, чтобъ привести человѣка въ первобытное состояніе.

X.

29 сентября прусскій вагенмейстеръ *) принесъ мнѣ для обнародованія нѣсколько прокламацій. Въ нихъ объявлялось, что мы причислены къ департаменту Мозеля и подчинены прусскому префекту, графу Генкелю Доннемарку, который, съ своей стороны, подчиненъ генералъ-губернатору Эльзаса и Лотарингіи, графу Бисмарку-Болену, имѣвшему временную резиденцію въ Гагенау.

Не могу выразить, какъ сильно меня раздражило такое приказаніе. Солдаты ландвера доставили намъ наканунѣ извѣстіе о капитуляціи Страсбурга; я былъ измученъ до крайности возложеннымъ на меня сборомъ реквизицій, а потому смѣло объявилъ, что отказываюсь обнародовать прокламаціи, противныя моей совѣсти, такъ какъ я продолжаю считать себя за француза, и нельзя требовать, чтобы честный патріотъ бралъ на себя такое порученіе.

Вагенмейстеръ, повидимому, удивился моимъ словамъ. Это былъ плотный мужчина съ густыми черными усами и съ глазами на выкатъ.

— Не угодно ли вамъ написать то, что вы сказали, г. мэръ?—произнесъ онъ.

— Отчего же нѣтъ? Я измученъ всѣми вашими притѣсненіями. Назначьте на мое мѣсто вашего пріятеля, г. Пласіара: я вамъ буду очень благодаренъ. Пусть онъ собираетъ всѣ реквизиціи, которыя я считаю просто грабежемъ.

— Хорошо, запишите и это,—сказалъ онъ.—Я исполняю данныя мнѣ приказанія: до остального мнѣ дѣла нѣтъ.

Тогда, не размышляя ни минуты, я открылъ бюро и написалъ, что Христіану Веберу, мэру Ротальпа, совѣсть не дозволяетъ признать Бисмарка-Болена губернаторомъ французской провинціи, и что онъ положительно отказывается объявлять во всеобщее свѣдѣніе нѣмецкія прокламаціи. Я подписалъ мое имя

*) Офицеръ—начальникъ обоза; также военноплѣнный почтальонъ.

и выставилъ число—29 сентября 1870 г.; это была величайшая глупость, которую я сдѣлалъ въ моей жизни; она стоила мнѣ дорого.

Вагенмейстеръ взялъ отъ меня бумагу, положилъ въ карманъ и вышелъ. Черезъ два или три часа я немного одумался, началъ раскаяваться въ томъ, что сдѣлалъ, и съ удовольствіемъ взялъ бы эту бумагу назадъ.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, я пошелъ къ Жоржу, чтобъ разсказать ему все, что случилось; онъ былъ совершенно доволенъ моимъ поступкомъ.

— Отлично, Христіанъ,—сказалъ онъ.—Теперь твое положеніе ясно. Меня часто огорчало, что ты, для охраненія общихъ интересовъ и для избѣжанія грабежа, былъ вынужденъ выдавать пруссакамъ записки на полученіе провіанта. Народъ такъ безразсуденъ, что, видя подпись мэра, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за все. Теперь ты сложилъ съ себя это бремя; ты не могъ взять на себя сборъ реквизицій отъ имени Генкеля-Доннемарка, самозванца префекта Мозеля; пусть кто-нибудь другой возьмется за это: пруссаки всегда найдутъ измѣнника для такой роли.

Одобреніе моего двоюроднаго брата утѣшило меня, и я хотѣлъ идти домой; но въ эту минуту тотъ самый вагенмейстеръ, которому я вручилъ утромъ мой отказъ, вошелъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ солдатъ ландвера.

— Это къ вамъ,—сказалъ онъ, подавая мнѣ записку, которую я прочелъ вслухъ:

«Христіанъ Веберъ, мельникъ, и Жоржъ Веберъ, винный торговецъ, живущіе въ деревнѣ Ротальпъ, обязываются доставить завтра въ Друлингенъ четыре тысячи килограммовъ сѣна и десять тысячъ килограммовъ соломы. По приказанію высшаго начальства—Флегель».

— Хорошо,—отвѣчалъ я спокойно, не желая выказать передъ врагами моего негодованія на такую тяжелую реквизицію.—Очень хорошо, я привезу сѣно и солому въ Друлингенъ.

— Вы привезете ихъ сами, — грубо сказалъ вагенмейстеръ.—Всѣ лошади и всѣ телѣги въ деревнѣ уже были вытребованы для реквизиціи: но вы слишкомъ часто забывали про тѣ, которыя принадлежатъ вамъ.

— Я могу доказать, что мои лошади и мои телѣги были

чаще въ работѣ, чѣмъ чьи-либо,—возразилъ я съ возрастающимъ гнѣвомъ.—Вотъ ваши росписки; я надѣюсь, что вы отъ нихъ не откажетесь.

— Хорошо, это все равно, — сказалъ онъ.—Лошади, телѣги, сѣно и солома должны быть доставлены; это ясно.

— Совершенно ясно,—замѣтилъ Жоржъ. — Кто сильнѣе, тотъ и приказываетъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ вагенмейстеръ.

Когда онъ вышелъ съ своими солдатами, Жоржъ спокойно сказалъ:

— Вотъ что значитъ война! Нечего горячиться. Можетъ быть, теперь наступитъ и нашъ чередъ, такъ какъ честный человѣкъ не командуетъ болѣе нашими арміями. Между тѣмъ, если мы не желаемъ лишиться нашихъ лошадей и телѣгъ, то всего лучше приготовить все требуемое сегодня вечеромъ, а завтра рано утромъ отправиться въ путь. Мы воротимся къ семи часамъ, къ ужину. Отъ насъ больше сѣна и соломы не получатъ, такъ какъ мы отдадимъ послѣднее.

Я едва сдерживалъ свой гнѣвъ; но такъ какъ Жоржъ, подавая мнѣ примѣръ, сталъ снимать сюртукъ и надѣвать блузу, то и я пошелъ разбудить старика Офрана, чтобъ вмѣстѣ нагружать телѣги.

Жена моя и Гредель ждали меня у дверей, потому что вагенмейстеръ съ солдатами, идя къ Жоржу, заходилъ на мельницу; онѣ дрожали отъ страха. Я сказалъ имъ, чтобъ онѣ не безпокоились, такъ какъ мнѣ надо было только свезти сѣно и солому въ Друлингенъ, гдѣ мнѣ выдадутъ квитанцію, по которой я получу впослѣдствіи деньги.

Повѣрили ли онѣ этому или нѣтъ—я не знаю, но онѣ преспокойно вошли въ домъ.

Я зажегъ фонарь. Офранъ влѣзъ на сѣновалъ и сталъ бросать сѣно, которое я принималъ на вилу.

Къ двумъ часамъ утра двѣ телѣги были нагружены; я далъ корму лошадямъ и отдохнулъ нѣсколько минутъ.

Въ пять часовъ я услышалъ голосъ Жоржа: «Христіанъ, я здѣсь!»

Я всталъ, надѣлъ шляпу и блузу, отперъ конюшню, заложилъ лошадей, и мы отправились, въ надеждѣ, что вечеромъ вернемся домой.

Во всѣхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, передъ хижинами сидѣли солдаты ландвера, оборванные, съ заплатами на колѣняхъ, съ разстрепанными бородами и курили трубки; между тѣмъ кавалерія и пѣхота ходили по всѣмъ направленіямъ.

Солдатамъ, которые оставались въ деревняхъ держать гарнизонъ, приказано было отдавать другимъ новые сапоги, а самимъ носить старые.

Офицеры, верхомъ, въ низенькихъ, плоскихъ фуражкахъ, надвинутыхъ на носъ, мчались какъ вѣтеръ по тропинкамъ, пролегавшимъ подлѣ большой дороги. На заднихъ дворахъ старыхъ гостинницъ, встрѣчавшихся на пути, виднѣлись навозныя груды съ внутренностями и шкурами животныхъ, которыя также висѣли на рѣшеткахъ галлерей, гдѣ обыкновенно вѣшали бѣлье для просушки. Горе, невыразимое горе и безпокойный страхъ читались на лицахъ всѣхъ жителей.

Одни нѣмцы лоснились отъ жиру въ своихъ изорванныхъ сапогахъ; у нихъ былъ хорошій бѣлый хлѣбъ, хорошее красное вино, хорошее мясо и хорошій табакъ или сигары: они катались, какъ сыръ въ маслѣ.

Въ былое время эти люди горько жаловались на наши вторженія въ ихъ страну: но они забывали, что они первые показали намъ примѣръ. Однако, они были правы. Въ послѣднее время первой имперіи французы сражались только ради одного человѣка: но въ 1814 и 1815 годахъ нѣмцы два раза отомстили намъ и потомъ втеченіе пятидесяти лѣтъ они всегда обходились съ нами дружески и мы, съ нашей стороны, принимали ихъ какъ братьевъ: ни мы не питали къ нимъ вражды, ни они къ намъ; миръ смягчилъ наши нравы. Мы желали имъ счастья такъ же, какъ самимъ себѣ, потому что народы тогда только дѣйствительно счастливы, когда ихъ сосѣди благоденствуютъ; тогда торговля и промышленность процвѣтаютъ. Таково было наше положеніе! Мы не говорили болѣе о нашихъ побѣдахъ, но о нашихъ пораженіяхъ, отдавая полную справедливость ихъ храбрости и патріотизму; мы признавали свои ошибки; они тоже, казалось, сознавали свои заблужденія и разсуждали о братствѣ. Мы вѣрили ихъ искренности, ихъ честности и откровенности: мы, въ самомъ дѣлѣ, полюбили ихъ.

Теперь между нами возникла ненависть. Кто въ этомъ виновать?

Прежде всего наша глупость, наше невѣжество. Мы всѣ думали, что плебисцитъ былъ въ пользу мира; министры, префекты, подъ-префекты, мировые судьи, полицейскіе комиссары—всѣ агенты правительства увѣряли насъ въ этомъ. Бонапартъ воспользовался нашимъ довѣріемъ и объявилъ войну. Но нѣмцы были рады войнѣ: они втайнѣ намъ завидовали и насъ ненавидѣли; они долго наблюдали за нами и изучали насъ; они вѣчно обучались военному дѣлу и переносили всевозможныя тяготы, чтобъ сдѣлаться сильнѣе насъ, и искали случая начать войну по нашему вызову для того, чтобы въ глазахъ Европы вина легла на насъ.

Испанскій вопросъ былъ ничто иное, какъ силки, разставленныя Бисмаркомъ Бонапарту. Нѣмцы говорили другъ другу: «у насъ милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ; насъ четверо противъ одного француза. Воспользуемся случаемъ! Если французское правительство вздумаетъ организовать и обучать мобилей — все можетъ быть потеряно... Скорѣй! Скорѣй!»

Таковы были искренность, честность и братство нѣмцевъ!

Наши олухи попали въ западню. Нѣмцы одолѣли насъ числомъ. Теперь мы въ ихъ рукахъ: они хозяева нашей страны: мы выплачиваемъ имъ милліарды! И теперь они, какъ прежде, входятъ толпами въ наши города и селенія, улыбаются намъ и говорятъ, протягивая руку: «Какъ вы теперь поживаете! Что подѣлывали все это время? Какъ! Вы не узнаете меня? Зачѣмъ вы смотрите такъ сердито! А въ самомъ дѣлѣ мы этого не заслужили! Вѣдь мы друзья, такіе добрые, старые друзья! Ну теперь дайте мнѣ маленькій заказъ и не будемъ больше думать объ этой несчастной войнѣ».

Однакожъ, пора отвернуться отъ этого зрѣлища: оно слишкомъ гадко.

Въ ихъ оправданіе (а оправданія должно искать всегда и для всѣхъ) я говорю, что человѣкъ не можетъ быть такъ испорченъ отъ природы и должны быть причины такого недостатка природнаго самоуваженія; дѣло въ томъ, что нѣмцы слишкомъ пріучены къ дисциплинѣ и должны исполнять роль птицъ, кото-

рыя, пойманныя птицеловомъ въ сѣтку, поютъ и чирикаютъ, чтобъ приманить другихъ:

«А какъ здѣсь хорошо! Какъ сладко здѣсь, въ Старой Германіи! Какая честь сражаться и умирать за нѣмецкое отечество! Нѣмецъ самый передовой человѣкъ въ мірѣ».

Да, да! Добрые ребята! Мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Этой пѣснѣ васъ научили еще въ вашихъ школахъ. Ваши учителя убаюкивали васъ ничего не значущими фразами о нѣмецкомъ человѣкѣ, о нѣмецкомъ отечествѣ, о нѣмецкомъ небѣ, о нѣмецкомъ Рейнѣ, а если вы иногда начинали пѣть фальшиво, то всегда находились дѣйствительныя средства заставить васъ вытягивать ноту въ тонъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Говорите сколько угодно: жители Эльзаса и Лотарингіи никогда не будутъ пѣть по вашему—они научились другимъ мотивамъ.

Но все это не помѣшало мнѣ съ Жоржемъ попасться въ руки нѣмцевъ и сознавать, что при малѣйшемъ сопротивленіи намъ свернутъ шеи, какъ цыплятамъ. Поэтому мы рѣшились сохранять наружное спокойствіе, хотя на каждомъ шагу видѣли слѣды опустошенія, еще усилившагося въ послѣднее время отъ скотскаго надежа. Въ Лорѣ, въ Отвиллерѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ эта страшная зараза, самая пагубная для крестьянъ, начинала уже свои опустошенія; и пруссаки, которые ѣдятъ мяса вчетверо болѣе насъ когда оно достается даромъ—начинали опасаться, что скоро почувствуютъ въ немъ недостатокъ.

Ихъ ветеринары прибѣгали только къ одному средству: когда животное занемогало и отказывалось отъ пищи, они убивали его и зарывали вмѣстѣ съ шкурой и съ рогами на шесть футовъ въ землю. Это не было хитрѣе бомбардированія города для побужденія его къ сдачѣ или истребленія пожаромъ деревень для побужденія жителей платить реквизиціи! Но въ то время это средство достигало цѣли.

Нѣмцы въ эту войну познакомили насъ съ своими лучшими изобрѣтеніями! Они размышляли надъ ними много лѣтъ, въ то время, какъ наши наставники и наши газеты разсказывали намъ, что они проводятъ время въ размышленіяхъ о философіи и о другихъ предметахъ, даже непонятныхъ французу.

Часовъ въ одиннадцать мы были въ Друмпшенѣ, гдѣ нашли

одинъ силезскій батальонъ, готовый выступить къ Мэцу. Повидимому, вслѣдъ за нами должна была прибыть кавалерія. Реквизиціи такъ истощили всѣ запасы окрестной страны, что наше сѣно и солома были немедленно сложены въ сарай, находившійся на концѣ деревни, въ чемъ маіоръ и далъ намъ квитанцію. Это былъ пруссакъ съ сѣдой бородой: онъ разсматривалъ насъ, нахмуривъ брови,—точно старый жандармъ, изучающій ваши примѣты.

Послѣ этого Жоржъ и я думали немедленно возвратиться домой, но, посмотрѣвъ въ окно, увидѣли, что на наши телѣги укладывали багажъ батальона. Тогда я вышелъ и закричалъ: «Стой! Эти телѣги наши! Мы привезли на нихъ сѣно и солому».

Стоявшій у дверей начальникъ силезскаго батальона, человѣкъ дюжій, суровый и съ виду нелюбезный, тотчасъ повернулъ голову и спокойно сказалъ солдатамъ, оставившимъ работу: «продолжайте».

— Но, капитанъ,—воскликнулъ я,—вотъ моя квитанція, полученная отъ маіора!

— Это до меня не касается,—отвѣчалъ онъ, входя въ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ для офицеровъ.

Мы остались на улицѣ, полные негодованія, которому вы легко повѣрите. Солдаты смѣялись. Я едва не бросился на нихъ съ моимъ кнутомъ; но нѣсколько часовыхъ, расхаживавшихъ назадъ и впередъ съ ружьями, конечно, закололи бы меня штыками. Я поблѣднѣлъ, отвернулся и пошелъ въ трактиръ Финка, куда Жоржъ отправился уже прежде меня. Маленькая зала была полна солдатъ, которые ѣли и пили, какъ могутъ ѣсть и пить только одни пруссаки.

Эта картина заставила насъ выйти вонъ; тогда Жоржъ, стоя у двери, сказалъ мнѣ: «наши жены будутъ безпокоиться; не послать ли къ нимъ кого-нибудь съ вѣсточкой о насъ?»

Но всѣ наши поиски были напрасны: мы никого не нашли.

Офицерскіе кони, разнузданные, спокойно жевали кормъ, между тѣмъ какъ наши измученныя лошади оставались безъ корму.

— Эй!—закричалъ я фельдфебелю, который распоряжался нагрузкой телѣгъ.—Надѣюсь, что вы не уѣдете, не покормивъ нашихъ лошадей?

— Если у васъ есть деньги,—сказалъ онъ, смѣясь, то вы можете дать имъ сѣна и даже овса сколько хотите. Вотъ передъ вами вывѣска: здѣсь продаютъ сѣно и овесъ.

Въ эту минуту во мнѣ закипѣла такая ненависть къ нѣмцамъ, которую я не въ состояніи буду заглушить всю мою жизнь.

— Пойдемъ! —закричалъ Жоржъ, и, замѣтивъ, что я сильно взволнованъ, взялъ меня за руку.

Мы вошли въ гостиницу «Гнѣдой Конь», которая кишѣла также народомъ, но была шире и выше. Мы дали корму нашимъ лошадямъ; потомъ, усѣвшись поодаль, съѣли по куску хлѣба и выпили по стакану вина, наблюдая въ окно за движеніемъ войскъ. Потомъ я отправился напоить нашихъ лошадей, такъ какъ былъ увѣренъ, что нѣмцы никогда объ этомъ не позаботятся.

Жоржъ подозвалъ къ себѣ маленькаго разносчика Фриделя, проходившаго мимо съ своей корзинкой, и просилъ его увѣдомить нашихъ женъ, что мы не воротимся домой до завтрашняго утра, потому что должны продолжать путь до Сарреграмина. Фридель обѣщалъ исполнить наше порученіе и пошелъ далѣе.

Въ эту минуту раздалась команда офицера; батальонъ готовъ былъ выступить. Мы едва успѣли расплатиться и схватить подъ уздцы нашихъ лошадей.

Погода стояла прекрасная, осенняя; было не слишкомъ жарко, не слишкомъ холодно. Сравнивая впослѣдствіи нѣмцевъ съ нашими солдатами въ отношеніи ходьбы, я часто думалъ, что они никогда не дошли бы до Парижа, еслибъ не наши желѣзныя дороги. Ихъ пѣхота такъ же тяжела на подъемъ, какъ кавалерія легка. Они всѣ косолапые и не могутъ много ходить. Когда они бѣгутъ, ихъ тяжелые сапоги производятъ ужасный шумъ; можетъ быть, поэтому они ихъ и носятъ, надѣясь пугать непріятеля. У нихъ одинъ взводъ дѣлаетъ больше шуму, чѣмъ у насъ цѣлый полкъ. Но они скоро потѣютъ, и величайшее для нихъ наслажденіе взобраться на телѣгу.

Къ вечеру, часамъ къ пяти, лишь только мы прошли около трехъ миль отъ Друлингена, какъ вдругъ командиръ приказалъ батальону свернуть налѣво, на проселочную дорогу, для того ли, чтобъ избѣжать разоренныхъ селеній, или по какой другой причинѣ - не могу сказать.

Видя это, я въ величайшемъ безпокойствѣ подбѣжалъ къ командиру.

— Ради Бога, капитанъ,—сказалъ я,—развѣ вы не хотите идти въ Саррегеминъ? Мы отцы семействъ; у насъ есть жены и дѣти! Вы обѣщали, что въ Саррегеминѣ намъ дозволятъ выгрузить наши телѣги и воротиться домой.

Жоржъ также шелъ жаловаться; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ дойти до насъ, командиръ закричалъ грозно:

— Воротитесь къ вашимъ телѣгамъ или я расправлюсь съ вами на основаніи военныхъ законовъ. Ну, поворачивайтесь.

Мы съ поникшими головами воротились назадъ и взяли за поводья нашихъ лошадей. Три часа спустя, при наступленіи ночи мы пришли въ бѣдную деревушку, гдѣ увидали множество маленькихъ крестовъ вдоль дороги, и гдѣ жители не могли ничего намъ дать, такъ какъ сами страдали отъ голода.

Не успѣли мы остановиться, какъ подошелъ, сопровождаемый гусарами, обозъ съ хлѣбомъ, говядиной и виномъ. Безъ сомнѣнія, онъ шелъ изъ Альберстрофа. Каждый солдатъ получилъ свою порцію, но намъ не досталось даже ни луковицы, ни кусочка хлѣба, ничего, ни намъ, ни нашимъ лошадямъ.

Эту ночь Жоржъ и я провели одни подъ кровомъ необитаемой мельницы, въ то время какъ нѣмцы заняли всѣ дома и овины, а часовые съ ружьями ходили вокругъ нашихъ телѣгъ; мы начали размышлять о томъ, что намъ дѣлать.

Жоржъ предчувствуя тѣ страданія, которыя насъ ожидали въ будущемъ, хотѣлъ отправиться тотчасъ домой, оставя лошадей и телѣги; но я не могъ согласиться на это. Покинуть пару моихъ сѣрыхъ коней, которыхъ я выкормилъ и выростилъ въ моемъ собственномъ огородѣ позади мельницы! Это невозможно!

— Послушай,—сказалъ Жоржъ,—вспомни объ эльзасцахъ, которые проходили мимо нашего селенія въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль; они точно вышли изъ могилъ; они никогда не получали ни малѣйшаго рацiона. Ихъ довели бы до Парижа, если бъ они не убѣжали. Ты видишь, что нѣмцы не хотятъ ничего знать. Имъ овладѣла ненависть къ французамъ, и они стали безчувственны, какъ желѣзо; ихъ старались возстановить противъ насъ еще въ школахъ и они желали бы истребить насъ всѣхъ до послѣдняго. Всего благоразумнѣе отъ нихъ ничего не

ждать. У меня въ карманѣ только шесть франковъ: а у тебя сколько?

— Восемь ливровъ и десять су.

— Съ этимъ, Христіанъ, мы далеко не уйдемъ. Чѣмъ ближе къ Мэцу, тѣмъ страна будетъ болѣе раззорена. Еслибъ мы могли написать домой съ просьбой, чтобъ намъ прислали денегъ! Но ты видишь, что ихъ часовые стоятъ на каждой дорогѣ, на каждомъ перекресткѣ: они не дозволяютъ проходить пѣшеходамъ, не дозволяютъ переносить письма и извѣстія. Повѣрь мнѣ, лучше всего бѣжать.

Всѣ эти прекрасные доводы были безполезны. Я думалъ, что, можетъ быть, въ слѣдующей деревнѣ найдутся для реквизиціи другія лошади и другія телѣги и намъ дозволятъ спокойно воротиться домой. Это было бы естественно и справедливо.

Жоржъ, видя, что не можетъ поколебать моей рѣшимости, легъ на скамью и заснулъ: но я не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующій день въ шесть часовъ мы должны были снова пуститься въ путь; силезцы, съ запасомъ свѣжихъ силъ, а мы съ пустыми желудками.

Мы шли по направленію къ Гросъ-Тенкину. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ менѣе была мнѣ знакома окружающая мѣстность. Это была страна, окружающая Мэцъ, и извѣстная подъ названіемъ Мессина,—древній французскій округъ; между-тѣмъ страданія наши увеличивались съ каждымъ переходомъ. Нѣмцы продолжали получать все, что имъ требовалось, а въ отношеніи насъ они заботились только объ одномъ, чтобъ мы не ушли

Положеніе наше было ужасно, деньги приходили къ концу, не смотря на всю нашу бережливость; кромѣ того, офицеръ угадывая по нашей наружности, что мы замышляемъ бѣгство, совершенно безцеремонно сказалъ при насъ часовымъ: «если эти люди свернутъ съ дороги, стрѣляйте въ нихъ».

Среди эскадроновъ и полковъ, которые безпрестанно попадались намъ по дорогѣ, мы видѣли много людей, которые находились точно въ такомъ же положеніи, какъ мы. Мы не могли смотрѣть другъ на друга безъ слезъ.

Жоржъ не падалъ духомъ, и даже по временамъ казался веселымъ, обращаясь къ солдатамъ съ просьбой дать ему огня, чтобъ закурить трубку или распѣвая матросскія пѣсни, смѣшив-

пия прусскихъ офицеровъ. Они говорили: «вотъ это настоящій французъ: онъ все видитъ въ розовомъ свѣтѣ».

Я не могъ понять такого настроенія духа и спрашивалъ себя, не рехнулся ли Жоржъ? Но меня огорчало еще болѣе несчастное положеніе моихъ прекрасныхъ лошадей, гладкошерстыхъ, умныхъ, неутомимыхъ, лучшихъ въ деревнѣ. Что съ ними теперь стало? Просто жалость!.. Проходя вдоль изгородей по краямъ дороги, я иногда собиралъ для нихъ травы; сначала онѣ смотрѣли на нее съ удивленіемъ, а потомъ встряхнувъ головой, жадно жевали. Бѣдныя животныя видимо чахли и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе худѣли. Я думалъ также о женѣ моей и о Гредель, объ ихъ безпокойствѣ, о томъ, что онѣ дѣлаютъ, что будетъ съ мельницей и съ нашей деревней, что станутъ говорить, когда узнаютъ, что мэръ пропалъ, что подумаетъ объ этомъ Жакобъ.—всѣ эти мысли терзали меня и я совершенно упалъ духомъ.

Но самое страшное униженіе, котораго я никогда не забуду, случилось подлѣ Мэца. Втеченіе двухъ или трехъ недѣль не происходило болѣе сраженій; городъ и армія Базэна были окружены огромными земляными окопами, на которыхъ пруссаки поставили пушки. Мы могли видѣть ихъ издали; мы также проходили мимо многихъ мѣстъ, гдѣ земля была недавно вскопана, и Жоржъ говорилъ, что это ямы, въ которыхъ сложены сотнями убитые. Нѣсколько обгорѣлыхъ и пострадавшихъ отъ бомбардированія деревень, фермъ и замковъ виднѣлись неподалеку. Сражаться перестали, но распространялись слухи о приближеніи вольныхъ стрѣлковъ, и это, повидимому, безпокоило силезцевъ.

Наконецъ, на десятый день, послѣ выступленія изъ Ротальна, мы прибыли въ три часа въ большую деревню на Мозелѣ; здѣсь батальонъ остановился для отдыха. Нѣсколько отрядовъ нашего батальона уже пополнили убыли въ другихъ батальонахъ, такъ что у насъ осталась только третья часть людей, выступившихъ изъ Друлингена.

Видя, что провіантъ былъ уже розданъ, что офицерскія лошади накормлены и что ихъ начинали уже взнуздывать, я подобралъ нѣсколько пригоршней сѣна и соломы, лежавшихъ на землѣ,—съ цѣлію дать ихъ моимъ лошадямъ. Замѣтимъ это,

дежурный унтеръ-офицеръ, подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за шиворотъ и ударилъ меня.

— Ахъ ты старый негодяй! Такъ-то ты кормишь твоихъ лошадей!—вскричалъ онъ.

Я былъ внѣ себя отъ гнѣва и уже поднялъ мой кнутъ, чтобъ ударить обидчика, какъ вдругъ Жоржъ бросился ко мнѣ и закричалъ:

— Христіанъ! Что ты дѣлаешь?

Онъ вырвалъ у меня кнутъ и началъ извиняться за меня передъ пруссакомъ, говоря, что я поступилъ сгоряча, что я считалъ дозволеннымъ собирать валявшееся сѣно, что нужно принять въ соображеніе голодъ лошадей, слѣдовавшихъ все время за батальономъ и проч.

Пруссакъ слушалъ, вытянувшись во весь ростъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ;—на этотъ разъ я ему спущу; но если онъ повторитъ свои штуки, то ему будетъ плохо.

Тогда я пошелъ въ конюшню и пролежалъ не шевелясь тамъ нѣсколько часовъ.

Батальонъ долженъ былъ снова выступить въ походъ. Жоржъ повсюду искалъ меня и, наконецъ, нашелъ. Я всталъ и вышелъ, но когда увидѣлъ солдатъ, выстроившихся въ линію, когда увидѣлъ ихъ ружья и каски, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ; мнѣ захотѣлось умереть.

Жоржъ не говорилъ ни слова и мы двинулись впередъ; но съ этой минуты я рѣшился бѣжать во что бы то ни стало, бросивъ лошадей и телѣги.

Въ тотъ же вечеръ случилось необыкновенное происшествіе: намъ дали немного соломы! Мы лежали на открытомъ воздухѣ, подъ нашими телѣгами, потому что деревня, въ которую мы только что прибыли, была набита солдатами. У меня оставалось только двѣнадцать су, а у Жоржа двадцать или тридцать. Онъ купилъ немного хлѣба и водки, въ которой мы намочили хлѣбъ; такимъ образомъ мы кое-какъ поддерживали въ себѣ жизненныя силы.

Каждый разъ какъ унтеръ-офицеръ, прибившій меня, проходилъ мимо, я судорожно схватывался за ножъ, бывшій у меня въ карманѣ и говорилъ самъ себѣ: неужели эльзасецъ, старый эльзасецъ не отомститъ за оскорбленіе? Допустимо ли, чтобъ эльзасцевъ били тѣ самые нѣмцы, которыхъ мы колотили сотню

разъ въ былое время и которые обыкновенно бѣгали отъ насъ, какъ зайцы.

Жоржъ, догадываясь по выраженію моего лица о томъ, что я думалъ, сказалъ мнѣ:

— Послушай Христіанъ! Не огорчайся. Полученные тобой удары, точно такъ какъ требованія хлѣба, муки, сѣна, мяса и прочаго, только слѣдствіе плебисцита. Вы подавали голоса въ пользу всего этого: нѣмцы нисколько не виноваты! Они грубы и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ бить другихъ,—это совершенная правда, но что же дѣлать? По грубости ихъ нравовъ побои не производятъ на нихъ того же дѣйствія, какъ на насъ: они дѣйствуютъ на нихъ только наружно, но не болѣе! И такъ не унывай; этотъ дикій унтеръ-офицеръ можетъ быть и не думалъ, что онъ наноситъ тебѣ тяжкое оскорбленіе, и по своей чувствительности судилъ о твоей.

Но вмѣсто того, чтобъ успокоить меня, Жоржъ только болѣе возбудилъ мое негодованіе, въ особенности передавъ слышанное отъ нѣмцевъ извѣстіе, что къ Наполеону присланъ изъ Берлина поваръ съ королевской кухни, чтобъ готовить ему вкусныя кушанья, и оркестръ, чтобъ забавлять его музыкой.

Это извѣстіе взволновало меня до крайности. Я легъ подъ свою телѣгу и всю ночь видѣлъ дурные сны.

Мы все надѣялись, что когда-нибудь дойдемъ до желѣзной дороги, что остатки батальона сядутъ въ вагоны, а насъ отошлютъ домой; но къ несчастію наши солдаты были назначены для того, чтобъ пополнять убыль въ другихъ батальонахъ; и хотя отряды посылались направо и налѣво, но всегда оставалось довольно солдатъ, чтобъ сторожить насъ и помѣшать нашему бѣгству.

Мы ни разу не мѣняли бѣлья въ теченіе двухъ недѣль; ни разу не снимали обуви, потому что знали, что трудно будетъ ее снова надѣть; десятки разъ мы были промочены дождемъ и высушены солнцемъ; мы выносили голодъ и всевозможныя страданія; но ни Жоржъ, ни я не страдали кровавымъ поносомъ, какъ нѣмцы; самая скудная пища еще поддерживала наши силы; но ветчина, свѣжая говядина, фрукты, сырыя овощи, пожирались нѣмцами безъ всякаго разбора и производили на нихъ страшное дѣйствіе; никакой опытъ не могъ научить ихъ быть благоразум-

нѣе: ихъ природная жадность не дозволяла имъ быть осторожными.

Въ довершеніе нашихъ бѣдствій, офицеры нашего батальона стали поговаривать о походѣ на Парижъ.

Пруссаки знали мѣсяцъ тому назадъ, что Базэнъ не выйдетъ болѣе изъ своего лагеря и сдастся, какъ только исчезнутъ всѣ запасы въ Мэцѣ; они говорили это открыто и считали маршала Базэна лучшимъ изъ нашихъ генераловъ: они выхваляли его за блестящіе подвиги. Однимъ только они были недовольны,—зачѣмъ онъ не заперся ранѣе, потому что въ такомъ случаѣ конецъ пришелъ бы скорѣе. Они жалѣли также Бонапарта и утверждали, что мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ посадить его снова на престолъ.

Жоржъ и я слышали такіе разговоры сотни разъ въ гостиницахъ и трактирахъ. Французскіе трактирщики сажали насъ за печкой и иногда давали намъ изъ сожалѣнія остатки супа, иначе мы погибли бы отъ голода. Они шопотомъ спрашивали у насъ, что говорятъ нѣмцы, а когда мы передавали имъ слышанные разговоры, то бѣдняки восклицали: «Въ самомъ дѣлѣ, какъ пруссаки насъ любятъ! Конечно, они должны быть внимательны къ тѣмъ, которые сами сдались въ плѣнъ. Каждый подвигъ долженъ быть вознагражденъ».

Это говорилъ намъ одинъ изъ лотарингскихъ трактирщиковъ; онъ первый разсказалъ намъ, что Гамбетта поднялся изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, что онъ находится теперь въ Турѣ вмѣстѣ съ Гле-Бизуэномъ и многими другими для того, чтобъ собрать могущественную армію за Луарой. Въ этихъ мѣстахъ получались бельгійскія газеты и каждый разъ, когда до насъ доходила хорошая вѣсть, то мы пріободрялись. Мимо насъ провозили множество провіанту и запасовъ: проходили огромныя стада барановъ и быковъ: везли ящики съ колбасами, бочонки съ хлѣбомъ, виномъ и мукою: иногда проходили и полки. Поѣзда, отправлявшіеся къ востоку, везли массы раненыхъ, которые лежали въ вагонахъ на матрасахъ, расположенныхъ горизонтально одни надъ другими: у каждаго окна видны были ихъ блѣдныя лица, искавшія свѣжаго воздуха и прохлады. Ихъ сопровождали нѣмецкіе доктора съ красными крестами на рукавѣ; а въ каждой деревнѣ были устроены больницы.

Начались сильные дожди и первые морозы. Носились тысячи

слуховъ о большихъ битвахъ подъ стѣнами Парижа. Пруссаки были особенно сердиты на Гамбетту. «Этотъ разбойникъ Гамбетта»! какъ они его называли, мѣшалъ имъ заключить миръ и снова посадить Бонапарта на французскій престолъ. Никогда не случалось мнѣ видѣть людей, которые бы такъ бѣсились противъ непріятеля за то, что онъ не хочетъ сдаться въ плѣнъ. Офицеры и солдаты только и говорили:

— Этотъ Гамбетта причина всѣхъ бѣдствій. Его вольные стрѣлки достойны висѣлицы. Безъ него, миръ былъ бы заключенъ. Мы уже получили бы Эльзасъ и Лотарингію, а Наполеонъ, во главѣ мэцской арміи, былъ бы теперь на пути къ Парижу для возстановленія порядка.

Каждый разъ, какъ проходилъ поѣздъ съ ранеными, ихъ негодованіе увеличивалось. Они находили, что совершенно естественно истреблять наши жилища, разорять страну, разстрѣливать насъ; но съ нашей стороны было низко защищаться! Трудно представить себѣ большее лицемѣріе. Вѣдь они не могли вѣрить тому, что говорили; имъ нужно было убѣдить насъ, что мы защищали дурное дѣло; но какое же дѣло могло быть святѣе и славнѣе защиты отечества?

Безъ сомнѣнія, каждый французъ отъ стараго до малаго,—и въ особенности женщины,—молились за успѣхъ Гамбетты и не одна слеза пролилась отъ восторга при мысли, что онъ, быть можетъ, спасетъ насъ. Толпы молодыхъ людей покидали семейства, чтобъ присоединиться къ нему; тогда нѣмцы накладывали на ихъ родственниковъ контрибуцію въ пятьдесятъ франковъ за каждый день. Они разоряли ихъ; однако же, это не помѣшало другимъ поступать такъ же.

Нѣмцы грозили казнью всякому, кто помогалъ этому, какъ они называли, бѣгству волонтеровъ, давая имъ деньги, служа имъ путеводителями, или какимъ-нибудь другимъ способомъ. Всякое средство казалось нѣмцамъ хорошо, лишь бы заставить насъ покориться; и они прибѣгали къ оружію всего неохотнѣе, потому что въ сраженіяхъ приходилось терять людей.

Мы провели три дня въ деревнѣ Жамецъ на дорогѣ къ Мопмеди. Это было въ послѣдней половинѣ октября: дождь постоянно лилъ; Жоржа и меня приняла къ себѣ одна старая женщина, высокая, худая: звали ее Маріапой; ея сынъ служилъ въ Мэцѣ. У нея былъ маленькій домикъ съ чердакомъ, на который

взбирались по лѣстницѣ, а позади дома небольшой садъ, совершенно разоренный. Нѣсколько пучковъ луку, немного гороху и бобовъ,—вотъ все, что у нея было! Они ничего не скрывала, но когда нѣмцы приходили къ ней за чѣмъ-нибудь, она притворялась глухой и ничего не отвѣчала. Ея нищета, разбитыя окна, полуразвалившіяся стѣны и маленькій настежь открытый шкафъ скоро убѣдили солдатъ, что здѣсь они ничего не найдутъ.

Эта бѣдная женщина замѣтила, въ какомъ мы грустномъ положеніи; она пригласила насъ войти, разспросила откуда мы, и мы разсказали ей про наши несчастія. Она сказала намъ, что у нея осталось на чердакѣ нѣсколько пучковъ сѣна, и что мы можемъ взять ихъ, потому что они ей не нужны, такъ какъ нѣмцы съѣли ея корову.

Мы влѣзли на чердакъ, чтобъ провести тамъ ночь, и втащили за собою лѣстницу, прислушиваясь къ дождю, который барабанилъ по черепицамъ.

У Жоржа оставалось только десять су, а у меня ничего; третій день уже лежали мы на чердакѣ, какъ вдругъ около двухъ часовъ раздался звукъ трубы. Что-нибудь случилось: вѣрно пришло новое распоряженіе.

Мы прислушивались со вниманіемъ. Слышна была бѣготня: ружейные приклады звенѣли о мостовую; солдаты собирались и во всѣхъ направленіяхъ раздавались крики:

— Возницы! Возницы! Гдѣ они?

— Отыскать ихъ! кричалъ командиръ. — Разстрѣлять этихъ бродягъ!

Мы не пошевелились.

Вдругъ дверь внизу отворилась. Нѣмцы спросили по-нѣмецки и по-французски: «Гдѣ возницы, наши эльзасскіе возницы?».

Старуха не отвѣчала ни слова; она только покачала головой и казалась глухою, какъ столбъ. Наконецъ, они выбѣжали вонъ. Они, кажется, замѣтили отверстіе, служащее входомъ на чердакъ, но вѣрно не имѣли времени отыскивать лѣстницы; какъ бы то ни было, черезъ минуту мы услышали шаги людей, идущихъ по грязи, щелканье бичей и стукъ колесъ.

Вскорѣ все замолко. Батальонъ ушелъ.

Только спустя полчаса, добрая старушка стала звать насъ снизу.

— Вы можете сойти,—говорила она,—они ушли.

И мы сошли.

Бѣдная женщина сказала намъ, смѣясь отъ всего сердца:

— Теперь вы въ безопасности! Только не теряйте времени; можетъ притти приказаніе отыскать васъ. Но прежде покушайте.

Она вынула изъ шкафа полную миску супа изъ бобовъ, который она обыкновенно варила на три или на четыре дня и потомъ разогрѣвала.

— Ѣшьте все; не заботьтесь обо мнѣ! У меня еще остались бобы.

Упрашивать насъ было излишне; черезъ нѣсколько минутъ миска была пуста.

Добрая женщина, казалось, была этимъ очень довольна, а Жоржъ сказалъ ей:

— Мы такъ не ѣли уже цѣлую недѣлю.

— Тѣмъ лучше! Я очень рада, что могла услужить вамъ! А теперь ступайте. Я дала бы вамъ съ радостью денегъ, но у меня ихъ нѣтъ.

— Вы спасли намъ жизнь,—сказалъ я.—Молю Бога, чтобъ вы могли вскорѣ увидѣть вашего сына! Но у меня есть до васъ просьба.

— Какая?

— Позвольте поцѣловать васъ.

— Ахъ, съ большимъ удовольствіемъ, мой бѣдный эльзасецъ, отъ всего сердца! Теперь я некрасива, не то, что прежде, въ былое время, но это все равно.

И мы поцѣловали ее, какъ поцѣловали бы родную мать.

Когда мы вышли за ворота, начинало свѣтать.

— Передъ вами лежитъ дорога въ Дюнъ-на-Маасѣ,—сказала она,—но не ходите туда; это дорога, по которой пошли нѣмцы; нѣтъ сомнѣнія, что ихъ командиръ далъ въ ближней деревнѣ приказаніе задержать васъ. Но вотъ дорога въ Мэцъ чрезъ Дамвилье и Этанъ,—идите по ней. Если васъ остановятъ, скажите, что ваши лошади пали отъ изнеможенія и что васъ отпустили.

У этой бѣдной старушки было много здраваго смысла. Мы пожали еще разъ ея руку со слезами на глазахъ и отправились въ путь по той дорогѣ, которую она намъ указала.

Мнѣ было бы очень трудно назвать всѣ деревни, чрезъ которыя мы проходили между Жамецомъ и Ротальномъ. Вся страна между Мэцомъ, Монмеди и Верденомъ кишѣла нѣмцами, кавалеріей и пѣхотой. Линейныя войска и въ особенности артиллерія стояли ближе къ крѣпостямъ; остальныя войска и массы ландвера занимали всѣ селенія и собирали повсюду реквизаціи.

Находясь въ маленькой деревнѣ между Жамецомъ и Дамвильє, мы услышали направо отъ насъ сильную ружейную пальбу вдоль дороги; тогда Жоржъ сказалъ мнѣ:

— Это нашъ батальонъ сражается. Я желаю только, чтобъ пуля пронзила храбраго командира, который хотѣлъ разстрѣлять насъ, а также и твоего унтеръ-офицера.

Деревенскіе жители, стоя у воротъ, говорили: «Это вольные стрѣлки». Радость засвѣтилась на всѣхъ лицахъ, особенно когда какой-то старикъ прибѣжалъ по тропинкѣ, ведущей черезъ кладбище, крича: «Ѣдутъ двѣ телѣги съ ранеными,—двѣ большія эльзасскія телѣги; ихъ сопровождаютъ гусары!»

Мы только что остановились у мелочной лавочки на площади и разспрашивали хозяйку, нѣтъ ли вблизи часовщика, потому что Жоржъ хотѣлъ продать свои часы, которые онъ скрывалъ подъ рубашкой съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Друлингенъ,—а хозяйка, сходя съ лѣстницы, указывала намъ куда итти,—какъ вдругъ старикъ сталъ кричать:—«Вотъ эльзасскія телѣги!»

Немедленно мы бросились бѣжать къ другому концу деревни; но подлѣ маленькой рѣчки, которой названіе не могу припомнить, мы увидѣли изъ-за группы обстриженныхъ ивъ блескъ касокъ; это заставило насъ повернуть вдоль рѣчки, которая разлилась отъ большихъ дождей. Такимъ образомъ мы прошли значительное разстояніе, идя иногда въ водѣ по колѣна.

Прошло полчаса и, выбравшись изъ камышей, мы завидѣли налѣво отъ насъ на холмѣ колокольню другого селенія, какъ вдругъ мы были остановлены крикомъ: «Wer da?», раздавшимся изъ покинутой хижины, находившейся въ двухъ или трехъ шагахъ отъ деревни. Въ ту же минуту солдатъ ландвера вышелъ изъ пустой хижины съ ружьемъ, наведеннымъ на насъ.

Жоржъ, не видя иного средства спасенія, отвѣчалъ:

— Gut Freund!

— Стой! — вскричалъ нѣмецъ!—Не шевелитесь, или я выстрѣлю!

Мы, конечно, остановились, и только черезъ десять минутъ пришелъ пикетъ изъ деревни для смѣны часового и повелъ насъ, какъ бродягъ, къ дому мэра. Тамъ капитанъ ландвера подробно разспрашивалъ насъ о томъ, кто мы, откуда пришли, куда идемъ и почему не имѣемъ паспортовъ.

Мы говорили, что лошади наши пали отъ чрезмѣрной работы и что намъ велѣно воротиться домой, но онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Но когда Жоржъ сталъ просить у него денегъ для того, чтобы мы могли продолжать наше путешествіе, онъ воскликнулъ:

— Убирайтесь къ чорту, канальи! Развѣ я обязанъ снабжать васъ провіантомъ и раціонами! Ступайте и не заходите сюда другой разъ, а то будетъ худо!

Мы вышли очень довольные.

Сойдя съ лѣстницы, Жоржъ сталъ размышлять, не пойти ли опять наверхъ и попросить, чтобы намъ дали паспорты; но я такъ боялся, чтобъ капитанъ не измѣнилъ своего намѣренія, что принудилъ Жоржа уйти поскорѣе изъ этого селенія. Мы отправились въ путь и безъ всякихъ несчастныхъ приключеній достигли Этена. Здѣсь Жоржъ продалъ свои золотые часы и цѣпочку за шестьдесятъ пять франковъ, взявъ, впрочемъ, съ часовщика обѣщаніе, что если онъ возвратитъ ему эти деньги къ концу мѣсяца, то часы и цѣпочка будутъ ему возвращены. Тогда, взявъ меня за руку, онъ воскликнулъ:

— Ну, Христіанъ, пойдемъ; мы долго постились, надо и попировать!

Пройдя сотню шаговъ, мы вошли въ одну изъ тѣхъ маленькихъ гостиницъ, въ которыхъ можно имѣть ночлегъ за нѣсколько су.

Люди, сидѣвшіе въ небольшой темной комнатѣ гостиницы, не походили на господъ; они были въ шляпахъ, надѣтыхъ на бекрень и съ разстегнутыми рубашками и пили вино; но, видя нашу изорванную одежду, грязное бѣлье, которое мы не перемѣняли три недѣли, наши растрепанныя бороды, засаленныя, скомканныя шляпы, полинявшія отъ дождя и солнца, они приняли насъ за вожаковъ медвѣдей.

Хозяйка, толстая женщина, спросила насъ, что мы желаемъ.

— Дайте намъ самаго лучшаго супу, хорошій кусокъ говядины, бутылку хорошаго вина и хлѣба,—сказалъ Жоржъ.

Толстая женщина смотрѣла на насъ, прищуривъ глаза и не двигаясь съ мѣста, какъ будто желая сказать: «Все есть самое лучшее! Но кто же будетъ платить?»

Жоржъ показалъ ей пятифранковую монету, и она тотчасъ отвѣтила, улыбаясь:

— Господа, сейчасъ все будетъ подано.

Вокругъ насъ стали говорить:—«Они эльзасцы! Они нѣмцы! Они то, они это!»

Но мы ни на кого не обращали вниманія; мы усѣлись, положивъ локти на столъ, а когда явился супъ въ огромной мискѣ, то нельзя было не замѣтить, что у насъ былъ очень хорошій аппетитъ; что же касается до куска говядины, то это былъ настоящій прусскій кусокъ, но онъ исчезъ въ одно мгновеніе, несмотря на то, что вѣсилъ два фунта и былъ окруженъ картофелемъ и другими овощами. Потомъ, когда опорожнилась первая бутылка вина, Жоржъ спросилъ другую; наши глаза начинали лучше видѣть; намъ все представлялось въ другомъ свѣтѣ; когда же одинъ изъ присутствующихъ попробовалъ повторить, что мы нѣмцы, то Жоржъ рѣзко закричалъ:

— Кто говоритъ, что мы нѣмцы? Выходи, если не боишься.. Мы—нѣмцы?

Онъ поднялъ бутылку и разбилъ ее объ столъ въ мелкіе куски. Я видѣлъ, что онъ вышелъ изъ себя, и закричалъ:

— Жоржъ, ради Бога перестань: иначе насъ арестуютъ!

Но всѣ присутствующіе были одного съ нимъ мнѣнія.

— Это мерзко!—воскликнулъ Жоржъ.—Пусть тотъ, кто сказалъ, что мы нѣмцы, выйдетъ впередъ, мы съ нимъ посчитаемся: пусть онъ выбираетъ саблю, шпагу или что захочетъ; мнѣ все равно!

Тогда одинъ изъ разговаривавшихъ, молодой человѣкъ, всталъ и произнесъ:

— Простите меня, я прошу извиненія; я думалъ...

— Вы не имѣли права думать,—перебилъ Жоржъ.—Такихъ вещей не должно говорить. Мы эльзасцы, настоящіе французы, но люди пожилые. Сынъ моего товарища въ Фальсбургѣ, въ мобиляхъ, а я самъ служилъ во флотѣ. Нѣмцы схватили насъ и увели силой; мы лишились нашихъ лошадей и нашихъ телѣгъ и

теперь, придя сюда, получаемъ оскорбленія отъ нашихъ же соотечественниковъ за то, что мы сказали нѣсколько словъ по-эльзасски; развѣ бретонцы не говорятъ между собой по бретонски, а жители Прованса по-правансальски?

— Я прошу у васъ извиненія, — повторилъ молодой человѣкъ.—Я былъ не правъ,—я сознаю это. Вы хорошіе французы

— Я извиняю васъ,—сказалъ Жоржъ, смотря на него пристально:—но сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Хорошо, идите же туда, гдѣ ваше мѣсто, и докажите, что вы такой же хорошій французъ, какъ и мы. Въ Эльзасѣ вы не найдете ни одного молодого человѣка. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Всѣ слушали со вниманіемъ. Молодой человѣкъ молча вышелъ, но когда Жоржъ спросилъ еще бутылку, то хозяйка шепнула ему:

— Вы хорошіе французы; но вы говорили при постороннихъ людяхъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю. Лучше уходите.

Жоржъ тотчасъ пришелъ въ себя; онъ положилъ на столъ пятифранковую монету, хозяйка дала ему два франка и пятьдесятъ сантимовъ сдачи, и мы вышли.

— Пойдемъ скорѣе,—сказалъ Жоржъ:—гнѣвъ можетъ отнять у человѣка разсудокъ.

И мы пошли по маленькой улицѣ, потомъ по другой, пока не очутились въ открытомъ полѣ. Ночь приближалась; еслибъ мы снова попались въ руки нѣмцамъ, то намъ было бы хуже прежняго, и потому въ эту ночь и на слѣдующій день мы не рѣшались даже входить въ селенія изъ страха быть схваченными и отосланными въ нашъ батальонъ.

Наконецъ, вечеромъ второго дня усталость заставила насъ зайти въ городъ. По времени года было очень холодно; но мы такъ привыкли къ лишеніямъ, что уснули у забора на рогожѣ, какъ въ покойной постели. Вставши утромъ съ зарей, мы замѣтили, что покрыты инеемъ, а Жоржъ, вглядываясь въ даль, спросилъ:

— Христіанъ, узнаешь ли ты эту мѣстность?

Я осмотрѣлся вокругъ себя.

— Да это Шато-Салинь,—отвѣчалъ я.

Теперь намъ нечего было болѣе опасаться. Въ Шато-Салинѣ

жилъ нашъ старый родственникъ Дежарденъ, первый красильщикъ во всей провинціи. Мой дѣдъ и дѣдъ Дежардена женились передъ первой революціей на двухъ родныхъ сестрахъ. Хотя Дежарденъ былъ лютеранинъ и даже кальвинистъ, а мы католики, но, несмотря на это, мы любили другъ друга, какъ близкіе родные.

X.

Мы постучались въ дверь къ Жаку Дежардену въ семь часовъ утра; онъ только что всталъ и пилъ кофе съ женою и внучатами.

Увидя насъ, Дежарденъ разинулъ ротъ отъ удивленія, а жена и дѣти со страхомъ вскочили, какъ бы желая бѣжать за помощью. Но я спокойно сказалъ:

— Здравствуйте, Дежарденъ, это мы.

— Господи! Христіанъ и Жоржъ Веберъ!—воскликнулъ Дежарденъ.—Что случилось?

— Да, это мы,—сказалъ Жоржъ;—вотъ до какого положенія насъ довели пруссаки!

— Пруссаки! Ахъ они разбойники! — произнесъ Дежарденъ.—Сбѣгай, Лиза, къ мяснику за котлетами и захвати по дорогѣ вина. Бѣдные! Вамъ надо переодѣться.

— Еще бы,—отвѣчалъ Жоржъ.—Также и побриться.

— Ну такъ, пока готовятъ завтракъ, вы перемѣните платье; вы надѣнете мое, а ваше выстираютъ. Господи! Можно ли дойти до такого положенія!

И онъ повелъ насъ въ большую, прекрасную комнату верхняго этажа. Вслѣдъ за нами его жена принесла воды.

— Вы надѣньте также мои чулки и башмаки,—сказалъ Дежарденъ.—Вотъ и бритвы... О, эти нѣмцы до чего они довели васъ, порядочныхъ людей! Къ тому же Христіанъ еще и мэръ!

Мы стали раздѣваться; увидя наши носки и рубашки, старикъ Дежарденъ, добрѣйшій изъ людей, воскликнулъ, грустно вздыхая:

— Бѣдные люди! Что вы должны были вынести!

Умывшись, мы надѣли чистое бѣлье, и я не могу выразить, съ какимъ удовольствіемъ я почувствовалъ на себѣ свѣжее полотно.

Потомъ я принялся за бритье, а Жоржъ сталъ разсказывать Дежардену всѣ наши несчастія.

— Какъ!—восклицалъ старикъ, при каждомъ словѣ.—Они дошли до этого? Бываютъ же на свѣтѣ такіе безсовѣстные люди, какъ этотъ маіоръ, или унтеръ-офицеръ! Видано ли было прежде что-либо подобное!

Выбривъ себѣ лицо до самыхъ ушей, я передалъ бритву Жоржу и надѣлъ съ удовольствіемъ башмаки, панталоны и блузу Дежардена, который былъ почти одинаковаго роста со мною. Послѣ меня одѣлся Жоржъ; вскорѣ служанка постучала въ дверь, говоря, что завтракъ готовъ, и мы пошли внизъ.

Жена Дежардена и дѣти бросились насъ обнимать; когда мы переступили ихъ порогъ часъ тому назадъ, они не рѣшились къ намъ подойти и теперь имъ было совѣстно, что они такъ дурно насъ приняли. Но это съ ихъ стороны было совершенно естественно, и мы ни мало на нихъ не сердились.

Нечего говорить, что мы позавтракали съ большимъ аппетитомъ. Жоржъ снова разсказалъ исторію нашихъ горестныхъ похожденій Лизѣ и дѣтямъ, которыя безпрестанно прерывали его восклицаніями:

— Быть не можетъ! О, какія страданія вы испытали и какъ вы должны радоваться, что, наконецъ, спаслись бѣгствомъ!

Когда Жоржъ окончилъ свой разсказъ, Лиза объявила, что во всемъ виноваты іезуиты, котрые сначала намѣренно распускали дурные слухи о протестантахъ, а теперь, послѣ прусскихъ побѣдъ, вопятъ противъ Гамбеты и Гарибальди. Она увѣряла, что іезуиты подбили императора объявить войну, разсчитывая во всякомъ случаѣ извлечь изъ нея для себя выгоду; еслибъ французы побѣдили, іезуиты уничтожили бы протестантство во Франціи; въ случаѣ же пораженія французовъ іезуиты думаютъ посадить на престолъ Шамбора и возстановить папу въ Церковной области.

Такъ говорила Лиза, жена Дежардена, женщина сѣдая, видѣвшая свѣтъ и любившая поговорить обо всемъ.

Но Жоржъ, выпивъ стаканъ вина, отвѣчалъ ей, что настоящая причина всѣхъ нашихъ бѣдствій—армія, которая знать не хотѣла французскаго народа, а думала только о своемъ Бонапартѣ, такъ какъ онъ раздавалъ ей чины, ордена и пенсіоны. Очевидно, интересы подобной арміи должны противорѣчить ин-

тересамъ народа, такъ какъ армія нуждается въ войнѣ для полученія наградъ, а народъ нуждается въ мирѣ для того, чтобъ работать, кормить семейство и воспитывать дѣтей.

Дежарденъ согласился съ мнѣніемъ Жоржа, и когда подали кофе и мы закурили трубки, онъ разсказалъ намъ послѣднія новости.

Дежарденъ, какъ всѣ кальвинисты, имѣлъ много книгъ и получалъ много газетъ: «Indépendance Belge» и газеты, издающіяся въ Кельнѣ, Франкфуртѣ, Бернѣ, Женевѣ и пр. Имѣя пятидесятилѣтняго сына, онъ болѣе не занимался торговлей, а все свое время посвящалъ чтенію. Поэтому онъ былъ человѣкъ болѣе насъ образованый, и мы могли вѣрить ему на слово. Отъ него мы узнали о славной защитѣ Шатодена, о прибытіи Гарибальди въ Марсель, о назначеніи его главнокомандующимъ вогезской арміи, о походѣ баварцевъ фонъ-деръ-Тана на Луару и о прибытіи вольныхъ стрѣлковъ въ наши горы со стороны Эпиналя и Раонъ-Летапа. Онъ прочелъ намъ прекрасную прокламацію Гамбеты къ французскому народу, въ которой изложены были рѣшимость парижанъ сражаться до послѣдней капли крови, неисчерпаемыя средства защиты Парижа, организація національной гвардіи, единство всѣхъ гражданъ въ эту трудную минуту и количество продовольствія, запасеннаго на нѣсколько мѣсяцевъ, что должно было успокоить провинціи и побудить ихъ послѣдовать примѣру Парижа.

Я помню, что всего болѣе поразило насъ и тронуло до глубины души слѣдующее мѣсто этой прокламаціи:

«Граждане департаментовъ! Положеніе нашего отечества налагаетъ на васъ тяжелыя обязанности: первая ваша обязанность не думать ни о чемъ, кромѣ, какъ о войнѣ; вторая обязанность братски признавать до заключенія мира республиканскую власть, плодъ права и необходимости. У васъ должна быть одна забота—вырвать Францію изъ той бездны, въ которую ее ввергнула вторая имперія. Въ людяхъ нѣтъ недостатка, но у насъ не достаетъ твердой рѣшимости, опредѣленнаго плана дѣйствій и твердаго его исполненія; послѣ постыдной сдачи Седана чувствуется недостатокъ въ оружіи. Все оружіе и снаряды, какіе у насъ были, отправлены въ Седанъ, Мэцъ и Страсбургъ; повидимому, виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій, погибая, хотѣлъ отнять у насъ всѣ средства къ спасенію».

— Онъ на это способенъ!—воскликнулъ Жоржъ.—И я увѣренъ, что честный человѣкъ подготвилъ себѣ это средство отступленія въ Пруссію.

«Теперь, продолжалъ читать Дежарденъ, — благодаря содѣйствію спеціалистовъ, заключены торговыя сдѣлки для покупки ружей на рынкахъ всего міра. Привезти во Францію оружіе, купленное такимъ образомъ, очень трудно, но и эта преграда побѣждена. Обмундированіе солдатъ идетъ успѣшно: увеличено число мастерскихъ и закуплены матеріалы; нѣтъ недостатка ни въ рабочихъ рукахъ, ни въ усердіи, ни въ деньгахъ. Необходимо, наконецъ, примѣнить всѣ наши громадныя производительныя силы, вывести изъ дремоты деревенское населеніе и распространить повсюду партизанскіе отряды. Возстанемъ же всѣ поголовно и лучше умремъ, чѣмъ дозволимъ позорное расчлененіе нашего отечества!»

— Слава Богу!—воскликнулъ Жоржъ, приходившій все въ большій и большій восторгъ отъ каждаго слова прокламаціи.— Вотъ это называется говорить! Разъ, что ударили въ набатъ, все пойдетъ хорошо! Наши юноши возстанутъ поголовно. Нужна побѣда, только одна побѣда, чтобы вся Франція взялась за оружіе; на нѣмцевъ нападутъ со всѣхъ сторонъ, и ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не уйдетъ во свояси!

Дежарденъ ничего не отвѣчалъ и молча свернулъ газету.

— Вы, Дежарденъ, не питаете такихъ же надеждъ, какъ Жоржъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, Христіанъ,—отвѣчалъ онъ, подумавъ немного и понюхавъ табаку.—Я не надѣюсь на хорошій исходъ дѣла, но я боюсь не нѣмцевъ: они взяли Страсбургъ, черезъ нѣсколько времени они возьмутъ Мэцъ, благодаря измѣнѣ или голоду. Это уже давно устроенное дѣло. Они осаждаютъ Верденъ; Суассонъ въ ихъ рукахъ; они окружаютъ Парижъ и идутъ на Орлеанъ. Однако, несмотря на все это, я боюсь не ихъ.

— Кого же?—спросилъ Жоржъ.

— Франція такъ сильна, такъ храбра, такъ богата, такъ умна, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она изгнала бы изъ своихъ предѣловъ дерзкихъ пришельцевъ. Но меня пугаютъ внутренніе враги.

— Но вездѣ тихо,—сказалъ я.

— Потому что вездѣ тихо, нѣмцы и дошли до Луары,—про-

должалъ Дежарденъ, устремляя на меня свои быстрые блестящіе глаза.—Еслибъ дѣло шло о возстановленіи Шамбора, Луи-Филиппа II, или даже Бонапарта IV, то поднялись бы на ноги всѣ члены департаментскихъ и окружныхъ совѣтовъ, всѣ префекты, подъ-префекты, мировые судьи, полицейскіе комиссары, сборщики податей, сельскіе стражи, мэры и ихъ помощники. Рѣшительно все равно кто бы изъ трехъ ни одержалъ верхъ, дѣло только въ томъ, что былъ бы человѣкъ, раздающій мѣста, кресты, награды. Для такого человѣка всѣ власти подняли бы страну, вооружили бы тысячи поселянъ, стали бы пѣть марсельезу и кричать, что отечество въ опасности. Епископы, патеры и причетники стали бы проповѣдывать крестовый походъ; Франція отбросила бы нѣмцевъ въ отдаленнѣйшій конецъ Пруссіи; оружіе, продовольствіе, люди, все бы нашлось въ одину минуту. Но такъ какъ провозглашена республика, а республика требуетъ отдѣленія церкви отъ государства, дарового воспитанія и обязательной военной службы, требуетъ, чтобъ дуракъ, только по тому, что онъ знатенъ или богатъ, не бралъ верхъ надъ человѣкомъ способнымъ и чтобъ, такимъ образомъ, истинное достоинство было все, а интрига—ничего, то поэтому пусть лучше распадется Франція, чѣмъ удержится республика. Выгодныя мѣста сенаторовъ, пэровъ, префектовъ, камергеровъ, шталмейстеровъ, сборщиковъ податей, маршаловъ, офиціальныхъ депутатовъ и епископовъ, будутъ уничтожены при республикѣ. Нѣтъ, лучше нѣмцы, чѣмъ республика, если они дадутъ обязательство сохранить всѣ доходныя мѣста! Да, для нашихъ честолюбцевъ и корыстолюбцевъ хорошія мѣста, хорошія жалованія—составляютъ отечество. Не впервые во Франціи разсчитываютъ на нѣмцевъ для возстановленія такъ называемаго порядка. Марія-Антуанета уже однажды уступала Эльзасъ. Въ тѣ времена любители выгодныхъ мѣстъ, слѣпые эгоисты, думавшіе только о своей выгодѣ и считавшіе народъ предопредѣленной жертвой, назывались дворянами, а теперь—это буржуа, воспитанные іезуитами. Но тогда предводители республики, твердо рѣшившись доставить ей побѣду, не оставили во главѣ арміи генераловъ Людовика XVI. И они поступали вполнѣ разумно. Они ввели республиканскіе муниципалитеты во всѣхъ общинахъ, дали начальство надъ всѣми войсками республиканскимъ генераламъ, захватили реакціонеровъ и послѣ изгнанія нѣмцевъ, предали суду тѣхъ, ко-

торые ихъ призвали—и Франція была спасена. Точно то же случилось бы и теперь, несмотря на всѣ воинственныя приготовленія Германіи, несмотря на Бонапарта, который подъ Седаномъ, видя погибель своей династіи, предалъ въ руки враговъ нашу послѣднюю армію, чтобы отнять у республики всякую возможность одержать побѣду. Да, несмотря на его измѣну, мы могли бы еще побить нѣмцевъ, еслибъ дѣлами не управляли эгоисты, но они вездѣ одерживаютъ верхъ. Въ Парижѣ они наполняютъ штабы арміи и національной гвардіи, въ департаментахъ они составляютъ тѣ знаменитые генеральные совѣты, изъ среды которыхъ выбраны были присяжные, оправдавшіе Пьера Бонапарта, и которые навѣрно присудили бы Гембету къ смерти, еслибъ его предали ихъ суду. Вмѣсто того, чтобъ помогать этому благородному патріоту спасти Францію, они подставляютъ ему ножку, потому что ненавидятъ его; они изобрѣтаютъ всевозможныя преграды, мѣшаютъ ему набирать солдатъ и охлаждаютъ энтузіазмъ народа. Просмотрите нѣмецкія газеты, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ; онѣ нещадно бранятъ Гамбету и расточаютъ похвалы генеральнымъ совѣтамъ.

— Такъ что же, намъ сдаться!—воскликнулъ Жоржъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дежарденъ.—Хотя мы убѣждены, что насъ побѣдятъ, но надо доказать, что мы все еще та же великая раса, что корни не высохли и величественное древо снова позеленѣетъ и дастъ плодъ. Если бы мы безмолвно пали отъ позорнаго седанскаго удара, то вся Европа, весь міръ сталъ бы насъ презирать. Но съ тѣхъ поръ нація возстала, несмотря на то, что не было ни солдатъ, ни пушекъ, ни ружей, ни снарядовъ, ни продовольствія. Удивительно, право, какъ нація, взятая врасплохъ и вѣроломно преданная въ руки непріятеля, все же защищается. Достаточно было одного честнаго, благороднаго человѣка, чтобы воскресить въ ней увѣренность въ себѣ. Какой другой народъ на свѣтѣ былъ бы на это способенъ? Поэтому я полагаю, что необходимо бороться до конца и заставить нѣмцевъ постыдиться своей побѣды. Они готовились пятьдесятъ лѣтъ, они высматривали у насъ все во время мира, они подъ дружеской личиной скрывали свою ненависть, они изучили на свободѣ нашу страну и свои средства, они выставили въ началѣ войны 600.000 солдатъ противъ 220.000. Лучшія ихъ войска будутъ теперь сражаться съ нашими рекрутами шестеро

противъ одного; они, конечно, безъ стыда скажутъ: «Мы побѣдили Францію, мы la grande nation!»

— Все это возможно,—отвѣчалъ Жоржъ;—но мы можемъ вѣдь одержать побѣду, а одна побѣда измѣнитъ все; мы ободримся и станемъ дѣйствовать съ новыми силами, а ландверъ, состоящій преимущественно изъ отцовъ семействъ, конечно, уже давно желаетъ возвратиться домой.

— Господи!—произнесъ Дежарденъ.—Да развѣ у солдатъ ландвера станутъ спрашивать совѣта? Они идутъ куда и когда имъ велятъ, ими ворочаютъ, какъ машиной, которая своей тяжестью должна давить насъ.

Тогда Дежарденъ разсказалъ намъ, что, посѣтивъ въ 1848 г. по торговымъ дѣламъ Германію, онъ убѣдился, что нѣмцы питали къ вамъ злобу и зависть, что въ ихъ школахъ учили ненавидѣть французовъ, что они считали себя гораздо выше насъ, потому что ихъ религія простая, естественная, а наша съ непонятнымъ для молящихся пѣніемъ на латинскомъ языкѣ и излишними театральными церемоніями, только развивала суевѣріе; эти недостатки наши, по ихъ мнѣнію, доказывали, что мы раса низшаго разряда, въ родѣ негровъ, которые татуируютъ свои лица и носятъ кольца въ носу. Своихъ женъ нѣмцы также считали болѣе достойными женщинами, чѣмъ вашихъ, приписывая это также превосходству своей религіи, которая удерживаетъ женщинъ въ семействѣ, тогда какъ наша, напротивъ, удаляетъ ихъ изъ семейства подъ предлогомъ различныхъ обрядовъ.

Дежарденъ даже не разъ спорилъ объ этомъ предметѣ съ нѣмецкими школьными учителями, такъ какъ онъ не могъ перенести, чтобы кто-нибудь смѣлъ открыто высказывать презрѣніе къ французскимъ женщинамъ, въ числѣ которыхъ были Іоанна д'Аркъ и другія героини, поразительное величіе которыхъ было рѣшительно непонятно нѣмцамъ.

По его словамъ нѣмцы и особливо пруссаки считали насъ, эльзасцевъ и лотарингцевъ, изгнанниками изъ общаго отечества, несчастными жертвами низшей расы, духовенство которой держало насъ въ невѣжествѣ.

Слыша это, Жоржъ вышелъ изъ себя и воскликнулъ, что мы умнѣе и благоразумнѣе всѣхъ нѣмцевъ, взятыхъ вмѣстѣ.

— Да, я раздѣляю ваше мнѣніе,—отвѣчалъ Дежарденъ,—но только слѣдуетъ доказать это на дѣлѣ, слѣдуетъ вездѣ от-

крыть школы, такъ, чтобъ каждый французъ умѣлъ читать и писать, а этого именно и не хотятъ эгоисты, любители доходныхъ мѣстъ, воспитанные въ школѣ второй имперіи. Еслибъ нашъ народъ былъ образованный, то мы знали бы, что дѣлалось по ту сторону Рейна, у насъ была бы народная армія, хорошіе генералы, честное интендантство, просвѣщенные, добросовѣстные депутаты; у насъ было бы все, въ чемъ теперь мы терпимъ недостатокъ; мы не дали бы права Бонапарту объявлять войну и заключать миръ, мы не напали бы безъ всякой причины на нѣмцевъ и нѣмцы, видя, что мы готовы ихъ отразить, никогда не напали бы на насъ. Всѣ наши пораженія, внутренніе безпорядки и революціи, междоусобная рѣзня на улицахъ, ненависть одного класса къ другому—все это происходитъ отъ невѣжества; а это страшное невѣжество въ свою очередь происходитъ отъ того, что нами въ продолженіе семидесяти лѣтъ постоянно управляютъ лишь эгоисты. Зравый смыслъ, справедливость, патріотизмъ побуждали ихъ образовать народъ; но они предпочли, соединясь съ іезуитами, поддерживать народъ въ скотскомъ невѣжествѣ. Это величайшее вѣроломство и преступнѣйшая измѣна.

Жоржъ, который уже давно раздѣлялъ эти мнѣнія, не имѣлъ ничего возразить, но только упорно повторялъ, что одна побѣда могла еще все спасти.

— Наши силы слишкомъ незначительны,—отвѣчалъ Дежарденъ, качая головой.—Гамбета не имѣлъ еще довольно времени, чтобъ организовать армію, а еслибъ ему это и удалось, то измѣнники тотчасъ отдадутъ Мэцъ нѣмцамъ, которые отрядятъ вторую армію принца Фридриха-Карла на Луару для того, чтобъ помѣщать нашимъ войскамъ снять осаду Парижа, такъ какъ тогда дѣствительно все было бы спасено. Но этому не бывать. Съ тѣхъ поръ, какъ наши генералы стали свободно выѣзжать изъ Мэца и ѣздить въ Англію къ императрицѣ, я понялъ, что все потеряно. Къ тому же средства Пруссіи громадны. Мало того, 300.000 русскихъ, которые, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, готовы итти на Константинополь, въ сущности ждутъ только приглашенія прусскаго короля, чтобъ явиться сюда на помощь нѣмцамъ, если послѣднимъ будетъ недостаточно своихъ 1.200.000 солдатъ для покоренія Франціи. Дѣло въ томъ, что Европа не желаетъ, чтобъ во Франціи существовала республика.

Если республика удержится у насъ, то наступитъ для нашей страны время продолжительнаго мира и будетъ трудно для честолюбивыхъ эгоистовъ и солдатъ по ремеслу составлять себѣ карьеру; тогда утвердится періодъ процвѣтанія промышленности, торговли, науки и искусства. Только знаніе и истинная способность могутъ тогда разсчитывать на успѣхъ. А затѣмъ можно бы было съ большей вѣроятностью разсчитывать, что идея вѣчнаго мира въ человѣчествѣ получитъ осуществленіе, а о военномъ искусствѣ позабудутъ и черезъ какихъ-нибудь сто лѣтъ, пожалуй, никто не станетъ вѣрить, что подобное искусство могло когда-нибудь существовать.

Потомъ Дежарденъ разсказалъ намъ, что еще въ 1830 году, когда ему пришлось быть въ окрестностяхъ Солингена для покупки товаровъ, онъ замѣтилъ, какъ пруссаки только и думали что о войнѣ съ нами. Съ того времени они постоянно содержали на военной ногѣ 450.000 человѣкъ. Впослѣдствіи присоединеніе сѣверной Германіи, Баваріи, Вюртемберга и Бадена увеличило ихъ армію до 1.000.000, не считая ландштурма, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ стариковъ; но они всѣ служили въ военной службѣ и умѣютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ ружья и заряжать пушку.

— Вотъ какого врага привелъ на Францію Бонапартъ,— продолжалъ Дежарденъ,—и вотъ противъ какой державы пытается Гамбета выставить свою новую армію молодыхъ рекрутъ, никогда не служившихъ въ военной службѣ. Признаюсь, я не питаю большой надежды. Дай Богъ, чтобъ я ошибся, но я боюсь, что Эльзасъ и Лотарингія будутъ временно поглощены Германіей. Война продолжится еще нѣсколько времени. Произойдетъ еще нѣсколько измѣнъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ страданій, господа бывшіе министры, бывшіе офиціальные депутаты, бывшіе префекты и всевозможные чиновники, однимъ словомъ, всѣ эгоисты соберутся и скажутъ: «Уладимъ дѣло съ Бисмаркомъ. Заключимъ миръ цѣною Эльзаса и Лотарингіи и возстановимъ короля, который дастъ намъ хорошія доходныя мѣста. Франція всегда будетъ достаточно богата, чтобъ платить намъ жалованье».

Такъ говорилъ Дежарденъ, и Жоржъ, выйдя изъ себя, воскликнулъ:

— Я не могу понять, почему англичане не вступились за

пасъ, почему они позволяютъ пруссакамъ такъ увеличивать свою власть!

— Англичане теперь не тѣ, что были,—сказалъ Дежарденъ, улыбаясь.—Они также слишкомъ разбогатѣли и слишкомъ стали заботиться о своихъ личныхъ интересахъ; ихъ государственные люди не смотрятъ теперь въ даль, какъ Питтъ и Чатамъ, а довольствуются тѣмъ, чтобъ дѣла шли успѣшно изо дня въ день, не думая о величіи своего отечества и о благѣ будущихъ поколѣній.

— Все равно,—отвѣчалъ Жоржъ,—если бы вы побывали на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, если бы вы видѣли, какой великой морской державой можетъ сдѣлаться въ нѣсколько лѣтъ сѣверная Германія со своей береговой линіей, въ сто шестьдесятъ миль протяженія, съ портами: Данцигомъ, Штетиномъ, Гамбургомъ и Бременомъ, куда лучшія европейскія рѣки приносятъ произведенія центральной Европы и сырые продукты изъ Германіи, Польши и Россіи, если бы вы видѣли постоянное увеличеніе числа моряковъ и торговцевъ въ сѣверной Германіи, то вы — я увѣренъ — были бы сильно озадачены равнодушіемъ англичанъ. Ослѣпли они? Или пристрастіе къ лютеранской вѣрѣ и ненависть къ латинской расѣ помрачили ихъ разсудокъ? Я не знаю, но должны они понять, что если король Вильгельмъ и Бисмаркъ хотятъ завладѣть Эльзасомъ и Лотарингіей, то этого они добиваются не въ виду красоты эльзасцевъ и лотарингцевъ, а для того, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ Рейнъ на всемъ его протяженіи, отъ истоковъ нѣмецкихъ кантоновъ Швейцаріи до устья у Роттердама. Владѣя этой великой рѣкой, они будутъ имѣть въ своихъ рукахъ всю торговлю нашихъ промышленныхъ странъ; они будутъ снабжать голландскія колоніи нашими произведеніями и, такимъ образомъ, станутъ первой морской націей континента. Чтобы нанести безопасно свой послѣдній ударъ, они допустятъ русскихъ войти въ Константинополь, а сами преспокойно займутъ Голландію, какъ въ 1866 году заняли Ганноверъ, а намъ предложатъ Бельгію, если мы согласимся сохранить нейтралитетъ. Это все совершенно просто и ясно.

— Конечно,—сказалъ Дежарденъ.—Я также увѣренъ, что народы дорого платятъ за всѣ свои проступки, подобно всякому отдѣльному человѣку. Англичане поплатятся такъ же дорого, какъ и мы. И нѣмцы въ свою очередь, устрашивъ Европу и Аме-

рику своимъ честолюбіемъ, дорого искупитъ свои жестокости и вѣроломство. Богъ правосуденъ. Но пока настанетъ этотъ день, мы теперь находимся въ тискахъ, и всѣ наши слова ни къ чему не послужатъ.

Этотъ разговоръ между Жоржемъ и Дежарденомъ продолжался довольно долго, но я уже передалъ его главныя черты.

XI.

Мы остались у Дежардена цѣлый день. Жена его отдала вымыть наше бѣлье и платье, а также высушила на плитѣ наши башмаки, наполнивъ ихъ прежде золой; на слѣдующее утро мы простились съ добрыми родственниками и отъ души поблагодарили ихъ.

Мы съ нетерпѣніемъ жаждали возвратиться домой; мы не имѣли никакихъ извѣстій оттуда уже цѣлый мѣсяцъ и очень безпокоились о нашихъ женахъ, которыя, вѣроятно, считали насъ погибшими.

Погода была сырая, и можно было предугадывать, что зима будетъ стоять суровая.

Въ Дьезѣ разсказывали, что Базэнъ сдалъ Мэцъ со всею арміей, знаменами, пушками, ружьями, снарядами. Прусскіе офицеры въ гостиницѣ, въ которой мы остановились, пили шампанское; они смѣялись; Жоржъ былъ блѣденъ, а на моей душѣ лежалъ камень.

Тутъ были также евреи маркитанты, слѣдовавшіе за нѣмецкой арміей съ телѣгами, которыя они нагружали стѣнными часами, кастрюлями, бѣльемъ, мебелью и другими вещами, покупаемыми у солдатъ, захватывавшихъ эти вещи въ нашихъ домахъ. Маркитанты разсказывали, что въ окрестностяхъ Мэца можно было чрезвычайно дешево купить лошадей, даже лучшей арабской крови кони продавались за сто су каждый, но никто не покупалъ ихъ за недостаткомъ фуража; эти несчастныя ѣли другъ друга и даже грызли деревья, къ которымъ ихъ привязывали. Далѣе маркитанты разсказывали, что плѣнные французы падали по дорогѣ отъ изнеможенія и голода, что пруссаки принимали ихъ за пьяныхъ, что жители Мэца, узнавъ о капитуляціи, хотѣли убить Базэна, но у него всегда передъ домомъ стояли

три митральезы, и притомъ онъ скрылся наканунѣ того дня, когда была объявлена постыдная капитуляція.

Все это казалось намъ невѣроятнымъ, невозможнымъ! Можно ли было повѣрить, чтобы Мэцъ могъ быть сданъ безусловно, на волю побѣдителя,—Мэцъ, укрѣпленнѣйшій городъ Франціи, защищаемый арміей въ полтораста тысячъ человѣкъ, послѣдними военными силами, которыми могла располагать Франція послѣ Седана!

И, однако же, эта была горькая правда! Что бы ни говорили, какъ бы ни объясняли это ужасное для Франціи несчастье — невѣжествомъ и глупостью военачальниковъ, у меня изъ головы никогда не выбьютъ убѣжденія, что «честный человѣкъ» распоряжался до конца, и что Базэнъ дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Къ тому же извѣстно, что Базэнъ отправился прямо изъ Мэца въ Вильгельмсгее, гдѣ была такая отличная кухня. Тамъ доблестный маршалъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ отдохнули отъ всѣхъ тревогъ, поджидая случая начать кампанію, въ родѣ 2 декабря, когда арестовывали мирныхъ людей, спокойно спавшихъ съ твердой увѣренностью, что избранникъ народа не будетъ клятвопреступникомъ, а также не станетъ затѣвать экспедиціи, въ родѣ мексиканской, во время которой французы бросили тѣхъ, кого защищать они торжественно клялись. Для подобныхъ подвиговъ и Бонапартъ и Базэнъ оба молодцы, и если народъ будетъ попрежнему питать къ нимъ довѣріе, какъ увѣряютъ нѣкоторые, то въ одинъ прекрасный день, они снова начнутъ старую исторію и овладѣютъ государственной казной. Они опять станутъ раздавать своимъ пріятелямъ и клевретамъ кресты и пенсіоны, а чрезъ нѣсколько лѣтъ Бисмаркъ найдетъ, что нѣмцы имѣютъ право на Шампань и Бургундію.

Впрочемъ, въ послѣднія двадцать лѣтъ мы видѣли столько странныхъ, непостижимыхъ событій, что должны допустить, что все возможно.

Въ Фенетранжѣ мы остановились только на два часа; тамъ еще никто не зналъ грустной вѣсти.

Въ шесть часовъ вечера мы прибыли на Метингскую возвышенность близъ фермы Дана и увидали на сѣромъ горизонтѣ въ двухъ миляхъ отъ насъ Фальсбургъ съ его валами, церковью

и сожженными домами, а также земляныя укрѣпленія, за которыми укрывались нѣмцы со своими пушками.

Повсюду царила тишина; не слышно было ни одного выстрѣла. Это была блокада. Голодъ тихо, безмолвно производилъ то, чего не смогла произвести шумная бомбардировка.

Тогда, поникнувъ головой, мы прошли черезъ лѣсъ, усѣянный сухими листьями, и, наконецъ, увидали передъ собою за огородами и полями нашъ родной Ротальпъ. Онъ также казался мертвымъ; реквизиціи его совершенно разорили, а зима покрыла бѣлымъ саваномъ.

Мельница работала, и это меня очень удивило.

Мы съ Жоржемъ молча пожали другъ другу руки, и каждый поспѣшилъ домой.

Прусскіе солдаты выгружали передъ моимъ сараемъ возъ пшеницы, и я съ ужасомъ подумалъ:

— Неужели эти злодѣи прогнали мою жену и дочь?

По счастью, въ эту минуту Катерина выбѣжала изъ дверей и, протягивая ко мнѣ руки, воскликнула:

— Это ты, Христіанъ! Господи! Сколько безъ тебя мы выстрадали!

И она бросилась ко мнѣ на шею, заливаясь слезами. Потомъ прибѣжала Гредель, и мы долго оставались въ объятіяхъ другъ друга.

Окружавшіе насъ пруссаки молча смотрѣли на эту трогательную сцену. Нѣкоторые изъ нашихъ сосѣдей въ это время твердили:

— Нашъ старый мэръ возвратился!

Мы вошли въ верхнюю комнату. Я сѣлъ противъ кровати и съ любовью смотрѣлъ на старыя стѣны, почернѣвшій потолокъ, полинявшія занавѣси, на вербу въ углу надъ кроватью, маленькія окна, на добрую мою жену и на злую, но милую моему сердцу дочь. Все имѣло для меня какъ бы новую прелесть.

— Слава Богу, мы еще не умерли, и если бы я могъ теперь обнять Жакоба, то былъ бы совершенно счастливъ!

Жена моя, закрывъ лицо передникомъ, молча плакала. Гредель, стоя посреди комнаты, смотрѣла на меня. Наконецъ, она спросила:

— А гдѣ лошади и телѣги?

— Тамъ... близъ Монмеди,—отвѣчалъ я.

— А Жоржъ?

— Онъ пошелъ къ женѣ... Мы все бросили и спаслись бѣгствомъ. Мы были слишкомъ несчастны! Нѣмцы морили насъ голодомъ.

— Они съ вами, конечно, дурно обходились!

— Да, они меня били.

— Били! Васъ?

— Да, они меня дергали за бороду и дали нѣсколько пощечинъ.

При этихъ словахъ Гредель какъ бы обезумѣла, открыла окно и, грозя кулаками нѣмцамъ, воскликнула:

— О, разбойники, вы побили моего отца, лучшаго изъ людей!

И только тогда она стала меня цѣловать, заливаясь слезами.

— Они за все это заплатятъ, за все!—бормотала она.

Я былъ тронутъ.

Успокоившись, жена моя разсказала все, что онѣ перенесли во время моего отсутствія: съ одной стороны, онѣ безпокоились обо мнѣ, не имѣя никакихъ извѣстій послѣ той вѣсточки, которую имъ принесъ разносчикъ, а съ другой,—Пласіаръ, назначенный вмѣсто меня мэромъ, накладывалъ на мой домъ страшныя реквизиціи, говоря, что я республиканецъ.

Что же касается до него, то онъ теперь водилъ дружбу съ пруссаками, приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать, пожималъ имъ руки, не говорилъ съ ними иначе, какъ на прусско-нѣмецкомъ нарѣчіи. Вѣрный слуга чиновниковъ второй имперіи, онъ былъ теперь столь же вѣрнымъ слугою чиновниковъ короля Вильгельма. Вмѣсто того, чтобы писать въ Парижъ и вымаливать себѣ награды, онъ обращался за этимъ къ Бисмарку-Балену, и ему уже обѣщали доходное мѣсто, а также его сыновьямъ и зятю.

Все это меня нисколько не удивило, я напередъ зналъ, что такъ случится.

Но я видѣлъ съ особымъ удовольствіемъ, что мельничный шлюзъ полонъ воды, а слѣдовательно и ларецъ съ деньгами былъ цѣлъ. Когда Гредель вышла похлопотать объ ужинѣ, я тотчасъ спросилъ Катерину о нашемъ сокровищѣ. Она отвѣчала, что все обстоитъ благополучно, и что вода ни разу не понизилась, хотя

бы на вершокъ. Тогда я успокоился и возблагодарилъ Бога, что Онъ избавилъ насъ отъ совершеннаго разоренія.

Въ послѣднія двѣ недѣли нѣмцы сами пекли себѣ хлѣбъ и мололи муку у насъ на мельницѣ, конечно, не платя за это ничего.

Жители Ротальпа не знали, что дѣлать, такъ какъ рѣшительно нечѣмъ было питаться. По счастью, нѣмцы вскорѣ привыкли къ нашему бѣлому хлѣбу и съ радостью давали за него часть своего раціона мяса, которое имъ попрежнему отпускалось въ изобиліи. Они также съ удовольствіемъ мѣняли баранину на цыплятъ и утокъ, такъ надоѣло имъ мясо барановъ и быковъ. Катерина сдѣлала нѣсколько такихъ выгодныхъ мѣнъ. Правда, у насъ оставалась еще корова въ Крапенфельскомъ лѣсу, но надо было каждый день ходить въ лѣсъ кормить ее и потомъ, подоивъ, нести молоко домой.

Гредель, отличавшаяся наибольшей смѣлостью, приняла эту обязанность на себя и ходила ежедневно въ лѣсъ съ своей киркой въ рукахъ. Она разсказала мнѣ со смѣхомъ, что однажды пьяный нѣмецъ оскорбилъ ее и хотѣлъ за нею послѣдовать въ лѣсъ, но она нанесла ему такой ударъ киркой, что онъ чуть живой скатился съ берега въ ручей.

Она нисколько не боялась нѣмцевъ, а напротивъ, солдаты ландвера, здоровенные, бородатые молодцы, боялись ее, какъ огня; и она командовала ими, какъ слугами:

— Сдѣлайте это! Сдѣлайте то!—кричала она поминутно.— Смажьте саломъ мои башмаки, да смотрите, не съѣшьте сало, какъ ваши товарищи въ Метингѣ. А то берегитесь! Не смѣйте входить въ кухню прямо изъ конюшни, вы и безъ того пахнете не особенно пріятно. Вы слишкомъ грязны... а, кажется, воды кругомъ довольно. Какъ вамъ не стыдно! Ступайте на ручей и вымойтесь!

И они безпрекословно ей повиновались.

Она имъ запретила также входить въ верхній этажъ.

— Я тамъ живу!—говорила она.—Это моя комната! И первый, кто осмѣлится войти въ нее, поплатится головой.

И никто не смѣлъ ее ослушаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ назначили къ намъ нѣмецкаго губернатора Бисмарка-Балена, нѣмецкимъ солдатамъ было, вѣроятно,

приказано обходиться съ нами мягче и обѣщать за все вознагражденіе. Офицеръ, жившій въ нашемъ селѣ, попрежнему пьянствовалъ съ утра до вечера и съ вечера до утра, но называлъ насъ уже не «каналь»ми, мерзавцами», а «добрыми нѣмцами, милыми братьями эльзасцами и лотарингцами». При этомъ онъ сулилъ намъ всевозможное благополучіе, какъ только мы станемъ жить подъ сѣнью старыхъ законовъ нашей общей родины.

Поговаривали уже о томъ, что всѣмъ французскимъ школьнымъ учителямъ будетъ отказано, и мы начинали понимать пагубное нерадѣніе нашего правительства о народномъ образованіи. Половина насъ, несчастныхъ поселянъ, не знала ни слова по-французски; въ продолженіе двухсотъ лѣтъ насъ оставляли въ грубомъ невѣжествѣ. Теперь нѣмцы принялись за насъ и учатъ, что французы наши кровные враги, что насъ нарочно держали въ невѣжествѣ для того, чтобы жить на нашъ счетъ и въ случаѣ надобности защищаться нашими спинами. Многіе ли изъ насъ въ состояніи будутъ опровергнуть эти нѣмецкія выходки? И развѣ все не говоритъ противъ насъ? Если нѣмцы дадутъ нашимъ поселянамъ то образованіе, въ которомъ отказывали имъ всѣ наши правительства, то не будутъ ли эти люди имѣть полное основаніе привязаться къ своему новому отечеству?

Пусть это послужитъ урокомъ для Франціи, пусть она знаетъ, что любовь къ отечеству основана только на сознаніи приносимыхъ имъ благодѣяній, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ даровое воспитаніе дѣтей.

Нѣмцы, измѣнивъ свое обращеніе съ нами и стараясь насъ переманить на свою сторону, теперь жили по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ домѣ. Это были солдаты ландвера, которые только и думали, что о своихъ женахъ и дѣтяхъ, желали скорѣйшаго окончанія войны и боялись появленія вольныхъ стрѣлковъ.

По слухамъ Гарибальди и его два сына должны были явиться къ намъ; и часто Жоржъ, указывая на покрытыя снѣгомъ вершины Донона и Шнеберга говорилъ:

— Тамъ, наверху, дерутся. Ахъ, Христіанъ, еслибъ мы были молоды, какого трезвону мы задали бы нѣмцамъ въ нашихъ горныхъ ущельяхъ!

Всего болѣе насъ огорчали извѣстія, что въ городѣ свирѣпствовали голодъ и оспа. Болѣе трехсотъ больныхъ изъ тысячи пятисотъ жителей наполняли школу, превращенную теперь въ больницу. Большой недостатокъ чувствовался въ соли, мясѣ и табакѣ. Парламентеры, постоянно сновавшіе взадъ и впередъ по люцельбургской дорогѣ, сообщали намъ, что Фальсбургъ не можетъ долго продержаться.

Распространились слухи, что осадная артиллерія изъ-подъ Страсбурга и Мэца, послѣ сдачи этихъ крѣпостей, будетъ переведена къ намъ, но нѣмецкій офицеръ, квартировавшій у патера Даніеля, заявилъ, что не стоитъ для Фальсбурга прибѣгать къ такой мѣрѣ, что новая бомбардировка обошлась бы въ три милліона нѣмцамъ, а потому гораздо лучше оставить фальсбургцевъ умереть своей собственной смертью, подобно тому, какъ лампа гаснетъ за недостаткомъ масла.

Говоря это, офицеръ надѣвалъ на себя личину человѣколюбія и постоянно повторялъ, что слѣдовало жалѣть человѣческую кровь и военные снаряды.

Что дѣлалъ Жакобъ среди всѣхъ этихъ ужасовъ? А Жанъ-Батистъ Верперъ? Я долженъ упомянуть о немъ, потому что Гредель при мысли объ его страданіяхъ становилась какимъ-то дикимъ звѣремъ, бѣшеной тигрицей, и въ эти минуты я искренно восхищался терпѣніемъ солдатъ ландвера. Когда въ эти минуты кто-нибудь изъ нихъ обращался къ ней съ просьбой, она указывала ему на дверь:

— Вонъ! Вонъ!—кричала она.—Вамъ здѣсь не мѣсто!

Она вслухъ выражала желаніе, чтобъ всѣхъ нѣмцевъ изрубили до послѣдняго, и прибавляла саркастически:

— Ступайте, атакуйте городъ!.. Идите на приступъ!.. Вы не смѣете... вы бережете свою шкуру; вы предпочитаете, спрятавшись за ваши земляные окопы, морить народъ голодомъ, бомбардировать женщинъ и дѣтей и жечь дома несчастныхъ! Надо быть просто трусомъ, чтобъ такъ поступать! Еслибъ мы были внѣ крѣпости, а вы внутри, наши солдаты уже десять разъ взобрались бы на стѣны; но вы люди осторожные, вы не рискуете своей шкурой.

Нѣмцы слушали ее молча, покуривая трубки, и не обращали никакого вниманія на ея слова.

Однажды эти люди, столь спокойные и тихіе, выказали, впрочемъ, энергичное негодованіе, но не противъ Гредель, а противъ своихъ собственныхъ начальниковъ.

Это случилось черезъ нѣсколько времени послѣ взятія Мэца; было очень холодно, снѣгъ падалъ хлопьями, и наши ландверцы, возвратясь изъ караула, грѣлись у печки. Въ эту минуту, конечно, они думали только о томъ, какъ бы хорошенько поѣсть и выпить; но вдругъ раздался громкій звукъ трубы.

Полученъ былъ приказъ о немедленномъ выступленіи и походѣ въ Орлеанъ.

Надо было видѣть, какъ вытянулись лица всѣхъ этихъ людей; они стали громко кричать, что они составляютъ линдверъ, и ихъ нельзя выводить изъ предѣловъ нѣмецкихъ провинцій. Я думаю, что пятьдесятъ французскихъ солдатъ могли бы въ эту минуту заставить ихъ положить оружіе, и они охотно сдались бы, чтобъ только остаться въ нашей странѣ.

Но явился ихъ капитанъ и вскорѣ водворилъ порядокъ.

— Маршъ!—скомандовалъ онъ, и вскорѣ наши постояльцы выстроились передъ мельницей, и весь отрядъ, человѣкъ въ триста или четыреста, отправился по направленію къ Митльброну.

— Слава Богу, что избавились отъ нихъ!—восклицали жители вслѣдъ удаляющимся нѣмцамъ.

Мы надѣялись, что теперь снимутъ осаду Фальсбурга, и мы готовили корзинки и узлы для нашихъ дѣтей. Гредель, которая уже болѣе не скрывала своихъ чувствъ къ Жану-Батисту, приготовила также большую корзинку. Вообще всѣ мы были въ большихъ хлопотахъ.

Но откуда пришелъ этотъ приказъ о походѣ въ Орлеанъ? И что онъ означалъ?

Сидя у дверей моего дома, я задавалъ себѣ эти вопросы, какъ вдругъ подошла ко мнѣ Маріана и произнесла вполголоса:

— Мы одержали большую побѣду и нѣмцы изъ подъ Мэца, всѣ стягиваются на Луару.

— Откуда вы это знаете, Маріана?

— Отъ англичанина, остановившагося у насъ.

— А гдѣ происходило сраженіе?

— Дайте припомнить; да, при Кулемье, близъ Орлеана. Нѣмцы совершенно разбиты. Ихъ офицеры являются съ солда-

тами въ мэріи и сдаются, боясь быть избитыми до послѣдняго человѣка.

Я не сталъ болѣе ее слушать, а побѣжалъ къ Жоржу, горя нетерпѣніемъ увидать англичанина и узнать отъ него новости.

Когда я вошелъ въ комнату, Жоржъ сидѣлъ за столомъ съ иностранцемъ; они, повидимому, только-что окончили завтракать и были веселы.

— Вотъ мой родственникъ, бывшій мэръ нашего селенія,— сказалъ Жоржъ, представляя меня.

Англичанинъ обернулся. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, высокаго роста, сухощавый, съ горбатымъ носомъ, блестящими, карими глазами, безъ бороды и усовъ; на немъ было длинное, сѣрое пальто.

— А,—сказалъ онъ, говоря въ носъ и сквозь зубы, какъ всѣ англичане:—вы были мэромъ?

— Да.

— И вы отказались обнародовать прокламаціи губернатора Бисмарка-Балена?

— Да.

— Хорошо, очень хорошо!

Я сѣлъ. Англичанинъ, безъ всякаго вступленія или объясненія, предложилъ мнѣ восемь или десять вопросовъ: о реквизиціяхъ, о количествѣ телѣгъ и лошадей, забранныхъ нѣмцами, о числѣ всѣхъ нѣмцевъ, вошедшихъ въ предѣлы Франціи, о числѣ остающихся въ ней доселѣ, о томъ, что мы думаемъ о нѣмцахъ, поладимъ ли мы когда-нибудь съ ними или лучше желаемъ остаться французами, или сдѣлаться нейтральнымъ государствомъ, какъ Швейцарія?

Всѣ эти вопросы были у него готовы, и онъ, не задумываясь, предлагалъ ихъ, а я отвѣчалъ, не размышляя о томъ, какъ странны были подобные вопросы.

Во время нашего разговора Жоржъ молча улыбался, а когда мы кончили, онъ произнесъ:

— Ну, милордъ, у васъ теперь статья готова?

— Да, да,—отвѣчалъ англичанинъ, смѣясь.

Мы выпили втроемъ бутылку хорошаго вина, которую Жоржъ принесъ изъ какого-то тайнаго хранилища.

— Славное вино,—сказалъ англичанинъ.—Выходитъ, что пруссаки забрали у васъ еще не все?

— Да, они не все нашли; у насъ есть потаенные уголки.

— А! Да, да, я понимаю.

Жоржъ въ свою очередь хотѣлъ заставить говорить англичанина, но онъ не такъ легко отвѣчалъ, какъ мы, и, прежде чѣмъ сказать да или нѣтъ, нѣсколько минутъ обдумывалъ свой отвѣтъ.

Жоржъ узналъ радостныя новости не отъ него, а изъ газетъ, которыя англичанинъ наканунѣ, ложась спать, оставилъ на столѣ. Жоржъ научился англійскому языку во время своихъ путешествій и съ жадностью прочелъ всѣ газеты. Кромѣ извѣстій о битвѣ при Куломье, онъ узналъ изъ нихъ много и другихъ новостей. Такъ, онъ прочелъ о сформированіи сѣверной арміи генераломъ Бурбаки, о походѣ нѣмцевъ на Дижонъ, о великолѣпномъ протестѣ Гамбетты въ отвѣтъ на обвиненіе, что онъ приписываетъ всѣ наши несчастья арміи, а не ея начальникамъ, а главное—о декларации князя Горчакова, «что русскій императоръ не признаетъ болѣе трактата, обязывающаго Россію имѣть на Черномъ морѣ не болѣе извѣстнаго числа большихъ кораблей».

Англичанинъ отмѣчалъ поля послѣдней статьи красными крестами, что, по словамъ Жоржа, означало: важное дѣло.

Лошадь англичанина отдыхала въ конюшнѣ, и мы всѣ вмѣстѣ пошли ее посмотрѣть: это былъ большой, рыжій конь, который долженъ былъ отличаться быстротою оленя.

Если я привожу всѣ эти подробости, то лишь потому, что впослѣдствіи мы видали много подобныхъ англичанъ—мужчинъ и женщинъ, которые отличались такимъ же любопытствомъ и предлагали намъ такіе же вопросы, нѣкоторые для составленія статей, а другіе для удовлетворенія своей собственной любознательности.

Жоржъ увѣрялъ меня, что англійскіе писатели газетныхъ статей старались честно заслужить получаемое ими богатое содержаніе; они отправлялись за сотни миль, чтобы узнать новости у самаго ихъ источника, и считали бы воровствомъ описывать то, чего они сами не видали и не слыхали; впрочемъ, всякій обманъ могъ открыться, и они потеряли бы репутацію въ своей странѣ.

Я вѣрю ему и желаю, чтобы и Франція имѣла подобныхъ искателей новостей. Тогда наши газеты, вмѣсто безконечныхъ, пустыхъ, неприносящихъ никому пользы разсужденій, наполнялись бы положительными свѣдѣніями, которыя содѣйствовали

бы распространенію между нами здраваго смысла и полезныхъ знаній.

Мы надѣялись, что навсегда отдѣлаемся отъ ландверцевъ, но они вскорѣ возвратились, получивъ новое приказаніе.

Жоржъ, проводивъ англичанина до Сарбурга и возвратясь къ намъ, молча усѣлся у печки. Я никогда не видалъ его такимъ грустнымъ и потому спросилъ, не услыхалъ ли онъ о какомъ-нибудь печальномъ событіи.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я не слыхалъ ничего новаго, но возвращеніе ландвера ясно доказываетъ, что нѣмецкая армія изъ-подъ Мэца явилась во-время, чтобъ помѣшать нашимъ войскамъ освободить Парижъ, послѣ побѣды при Куломье.

Вмѣстѣ съ этимъ, онъ изливалъ всю свою злобу на неспособныхъ Дюмурье и Пишегрю, которые измѣняли отечеству, ради интересовъ династіи клятвопреступниковъ.

— Еще недѣля или двѣ,—восклицалъ онъ,—и мы были бы спасены!

Съ этими словами онъ ударилъ изо всей силы кулакомъ по столу и едва не заплакалъ.

Потомъ чувствуя, что онъ не въ силахъ болѣе себя сдерживать, Жоржъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и большими шагами направился домой.

Былъ конецъ ноября; холодъ усиливался; поля и деревья покрывались инеемъ.

Мы должны были не только отдавать ландверцамъ все, что имѣли, но и работать на нихъ, именно, рубить лѣсъ и привозить его въ селеніе. Я нанималъ Офрана для исполненія этой повинности; это былъ еще лишній расходъ, а мы и то уже были совершенно разорены.

Конечно, солдаты ландвера, разгнѣванные нашей радостью, при ихъ уходѣ, теперь уже болѣе насъ не жалѣли и безъ надзора офицеровъ избили бы насъ всѣхъ до смерти. Они съ величайшей радостью сообщали намъ каждое дурное извѣстіе и восклицали съ грубымъ смѣхомъ:

— Ну, еще пораженіе! Надо утекать изъ Орлеана! Надо уходить изъ Шампаньи. Дѣло идетъ хорошо. Ну, вы поворачивайтесь, готовъ ли супъ? Хорошія вѣсти усиливаютъ аппетитъ!

— Молчите вы, подлецы!—восклицала Гредель.—Мы не вѣримъ вашей лжи.

— И не вѣрьте,—отвѣчали они, смѣясь.—Намъ какое дѣло, намъ лишь бы упрятать васъ въ мѣшокъ, тогда вы повѣрите! Только, смотрите, не шевелиться, а то мы васъ пришибемъ, какъ ошпаренную кошку. А-а! Вы смѣетесь и свищите, когда мы уходимъ... погодите, придутъ другіе. Тогда вы будете о насъ сожалѣть, госпожа Гредель, и скажете не разъ: «Ахъ, еслибъ у насъ были наши добрые ландверцы». Но тогда будетъ поздно.

Меня часто удивляетъ, какъ не пришла въ голову Гредель мысль отравить нашихъ постояльцевъ; по счастью, теперь мухоморы уже не росли, и къ тому же мы должны были варить свой супъ въ одной съ ними кастрюлѣ; а то осторожные нѣмцы возымѣли бы подозрѣніе и заставили бы насъ отвѣдывать ихъ пищу, какъ они это дѣлали въ Катръ-Ванѣ, въ Баракѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Между тѣмъ нѣмцы все болѣе и болѣе стягивали свой желѣзный поясъ вокругъ города; на всѣхъ дорогахъ стояли пушки, и нѣмцы такъ навострились, что стрѣляли въ самую темную ночь.

Снѣгъ падалъ хлопьями, покрывая всю страну бѣлымъ саваномъ; часто въ полночь раздавались пушечные выстрѣлы, и на улицахъ поднимался крикъ:

— Вылазка! Вылазка!

Всѣ жители селенія, державшіе свой скотъ, должны были по приказанію новаго мэра Пласіара угнать этотъ скотъ въ горы, чтобы французскіе отряды, достигнувъ до насъ, не могли его перехватить.

О, мошенникъ Пласіаръ, знаменитый столбъ второй имперіи, до какихъ подлостей онъ ни унижался, чтобъ заслужить милости пруссаковъ!

Грустно думать, что подобные люди иногда умираютъ спокойно въ своихъ постеляхъ.

XII.

Въ концѣ ноября случилось необыкновенное событіе, о которомъ я долженъ разсказать.

Послѣ того, какъ выпалъ первый снѣгъ, наши ландверцы устроили за своими пушками большія землянки, открытыя къ югу и закрытыя къ сѣверу. Защищенные такимъ образомъ отъ

сѣвернаго вѣтра, нѣмцы разводили въ этихъ землянкахъ огни и отдыхали, ожидая каждый своей очереди идти на часы; смѣна часовыхъ происходила каждый часъ.

Около этого времени, они получили изъ своего отечества большіе ящики съ теплой одеждой, одѣялами, шинелями, фуфайками и шерстяными чулками. Они называли это «дарами любви».

Однажды ночью, часовъ въ одиннадцать, зная, что наши ландверцы ушли въ караулъ и не возвратятся ранѣе слѣдующаго утра, я вышелъ, чтобъ запереть калитку, выходившую на поле. Ночь была не лунная, но снѣгъ блестѣлъ между черными абрисами деревъ и подъ большимъ грушевымъ деревомъ въ моемъ огородѣ я вдругъ увидалъ... чтобы вы думали? Тюркоса въ маленькой красной фескѣ и синей курткѣ съ галунами. Онъ прислушивался, облокотясь на ружье; глаза его блестѣли, какъ у кошки. Услыхавъ скрипъ двери, онъ быстро обернулся.

При видѣ французскаго солдата, одного изъ защитниковъ Фальсбурга, мое сердце тревожно забилось и, бросивъ быстрый взглядъ по сторонамъ, изъ боязни сосѣдей, я махнулъ ему рукой.

Въ селеніи всѣ спали и нигдѣ не было видно свѣта.

Тюркосъ въ нѣсколько скачковъ очутился подлѣ меня. Я поспѣшно затворилъ калитку и спросилъ:

— Вѣрный французъ?

Онъ молча пожалъ мнѣ руку, и я повелъ его въ комнату нижняго этажа, гдѣ еще сидѣли моя жена и Гредель.

Представьте себѣ ихъ удивленіе!

— Вотъ настоящій тюркосъ,—сказалъ я:—онъ прямо изъ города и разскажетъ намъ всѣ новости.

Тюркосъ былъ чрезвычайно красивъ; брюнетъ съ черными глазами, маленькой бородкой и бѣлыми зубами. Я никогда не видывалъ человѣка красивѣе его. Ружье, которое онъ держалъ въ рукахъ, было обрызгано кровью, не только штыкъ, но и самое дуло.

Онъ обрадовался пылающему въ каминѣ огню и, усѣвшись на мѣсто, уступленное ему Гредель, съ благодарностью кивалъ головою, говоря:

— Да, да, вѣрный французъ.

Я спросилъ его, не хочетъ ли онъ чего-нибудь поѣсть; онъ

отвѣчалъ да, и моя жена тотчасъ принесла изъ кухни большую чашку супа, приготовленнаго для ландверцевъ. Онъ съ удовольствіемъ съѣлъ все, но когда Катерина подала ему кусокъ говядины, онъ даже не отвѣдалъ его, а спряталъ въ свой ранецъ; кромѣ того онъ попросилъ соли и табаку, которые Гредель и поспѣшила ему принести.

Онъ обращался съ нами, какъ всѣ тюркосы, очень фамильярно, говорилъ намъ ты, и хотѣлъ даже поцѣловать руку Гредель. Она покраснѣла и, нимало не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, спросила, не знаетъ ли онъ Жана-Батиста Вернера, пушкаря на батареѣ Мерэ?

— Жанъ-Батистъ?—произнесъ тюркосъ. — На третьемъ бастіонѣ, бывшій алжирскій пушкарь... Какъ же, я его знаю... Добрый малый, храбрый французъ!..

— Онъ не раненъ?

— Нѣтъ.

— Онъ здоровъ?

— Да.

Тогда Гредель стала плакать, закрывая лицо передникомъ, а Катерина спросила тюркоса, не знаетъ ли онъ Жакоба Вернера солдата 3-й роты мобилей. Тюркосъ не зналъ нашего Жакоба, но успокоилъ насъ извѣстіемъ, что мобили потеряли очень мало людей. Потомъ онъ разсказалъ намъ, что одинъ капитанъ мобилей, по фамиліи Серберъ, посланный парламентеромъ въ Люцельбургъ, воспользовался этимъ случаемъ и дезертировалъ: но нѣмецкій генералъ не хотѣлъ его принять—такъ возмутителенъ показался ему поступокъ этого офицера — и Серберъ уѣхалъ плѣннымъ въ Германію. Эта новость меня нисколько не удивила. Я зналъ Сербера; онъ былъ мэромъ въ Нидервиллерѣ въ четырехъ миляхъ отъ насъ и всегда считался болѣе бонапартистомъ, чѣмъ самъ Бонапартъ.

Пока тюркосъ разсказывалъ намъ этотъ грустный эпизодъ, Гредель вышла изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ грудой разной провизіи. Она взяла весь мой табакъ и просила тюркоса отнести его Жану-Батисту и Жакобу. Она не смѣла сказать при мнѣ, что посылала провизію одному Жану-Батисту, а потому говорила, отдавая каждую вещь: «это обоимъ». Тюркосъ обѣщалъ передать все по назначенію и тогда Гредель дала и на его долю всего по немногу, но онъ преиму-

щественно просилъ соли, которой, по счастью, у насъ было довольно, такъ что мы могли набить ею весь его ранецъ.

Между тѣмъ моя жена стояла въ аллеѣ часовымъ; по счастью, все было тихо, и мы преспокойно проговорили съ тюркосомъ, по крайней мѣрѣ, съ часъ.

Изъ его разсказовъ мы узнали, что въ городѣ было много больныхъ, что чувствовался большой недостатокъ въ мясѣ, соли и табакѣ, и что всѣ чрезвычайно скучали, не получая никакихъ извѣстій о внѣшнихъ событіяхъ.

Около часа ночи поднялся вѣтеръ и наша дверь постоянно скрипѣла, такъ что мы боялись каждую минуту увидать возвратившихся ландверцевъ; понявъ это, тюркосъ объяснилъ намъ знакомъ, что ему пора идти. Мы очень желали его удержать, но опасность была слишкомъ велика, чтобы настаивать; онъ взялъ свое ружье, поцѣловалъ на прощанье руку моей жены и, указывая на свой ранецъ, сказалъ:

— Это для Жакоба и Жана-Батиста.

Я проводилъ его въ огородъ. Погода была ужасная, снѣжная вьюга мела, но тюркосъ зналъ дорогу и въ одну минуту очутился у изгороди и перескочилъ черезъ нее. Еще мгновеніе и онъ исчезъ изъ вида. Я долго прислушивался; сторожевые огни ландверцевъ мелькали на горномъ скатѣ, часовые перекликались во мракѣ ночи и неслышно было ни одного выстрѣла.

Я возвратился домой; моя жена и Гредель казались очень довольными, и мы всѣ отправились спать въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

На другое утро мы узнали, что два ландверца были убиты въ ночь, одинъ близъ Дамской аллеи, между городомъ и Катръ-Ваномъ, а другой въ ущельѣ Фике. Эти несчастные отцы семействъ, вѣроятно, попались нашему тюркосу.

Какая страшная вещь война! Нѣмцы потеряли болѣе людей, чѣмъ мы, но надо быть варваромъ, чтобъ этому радоваться.

Теперь, если вы спросите мое мнѣніе о тюркосахъ, противъ которыхъ нѣмцы столько кричали, то я скажу, что это храбрые и честные люди. Жакобъ и Жанъ-Батистъ получили все, что мы имъ послали: этотъ тюркосъ лучше держалъ свое слово, чѣмъ нѣмецкіе поручикъ и фельдфебель, которые обѣщали заплатить за взятое у меня вино и не заплатили.

Конечно, между тюркосами встрѣчаются мошенники, но

большая часть изъ нихъ люди честные и религіозные; всѣ знавшіе ихъ въ Фальсбургѣ уважаютъ ихъ, какъ истинно благородныхъ людей. Они ни у кого ничего не украли; они не оскорбили ни одной женщины. Если бъ имъ пришлось перейти Рейнъ, то, конечно, они стали бы захватывать куръ и утокъ; это дѣлаютъ всѣ солдаты въ непріятельской землѣ; ландверцы позволяли себѣ и не такія шутки. Но тюркосамъ никогда не пришло бы въ голову пригласить съ собою шайки евреевъ, какъ дѣлали нѣкоторые нѣмцы и продавать имъ огульно мебель, часы, которые они захватывали въ видѣ штрафовъ и реквизицій.

Посѣщеніе тюркоса было для насъ большимъ утѣшеніемъ и нѣсколько дней къ ряду мы съ женой и Гредель только и говорили, что о немъ; но потомъ печальныя мысли снова взяли верхъ и все пошло по старому.

Невозможно представить себѣ, какая грусть и какое отчаянье овладѣваетъ вами, когда день проходитъ за днемъ, недѣля за недѣлей, а вокругъ васъ все враги, и вы не имѣете ни малѣйшаго извѣстія о томъ, что дѣлается въ остальной странѣ. Тогда только чувствуешь, какъ дорога она, эта страна. Нѣмцы думаютъ отторгнуть насъ отъ родины, преграждая намъ всякія съ ней сношенія, но они зло ошибаются; чѣмъ менѣе говоришь о родинѣ, тѣмъ болѣе о ней думаешь, а негодованіе, отвращеніе, ненависть противъ насилія и несправедливости только усиливаются съ каждымъ днемъ. Вы не можете смотрѣть безъ ужаса на тѣхъ, которые заставили васъ такъ ужасно страдать; и время тутъ ничего не значитъ, напротивъ, оно только глубже и глубже растравляетъ раны, одно проклятіе присоединяется къ другому, ненависть накипаетъ и ждешь только случая, чтобъ разомъ отомстить за все.

Къ тому же, эльзасцы и лотарингцы народъ храбрый, и самыя громкія слова не заставятъ ихъ забыть, какъ съ ними обращались нѣмцы, напавъ на нихъ безоружныхъ и врасплохъ; мы сочли бы себя совсѣмъ дрянью, еслибъ не надѣялись отомстить. Я, Христіанъ Веберъ, говорю это вполнѣ сознательно и ни одинъ честный человѣкъ не осудитъ меня; только злодѣи вѣрятъ, что беззаконіе вѣчно, а мы знаемъ, что надъ нами Богъ, который воспрещаетъ намъ вѣрить, чтобъ возмутительныя преступленія одерживали верхъ надъ правомъ и истиной.

Но возвратимся къ нашей исторіи. Жоржъ прочелъ въ газе-

тахъ англичанина, что «Indépendance Begle» и «Journal de Gèneve» издаются въ двойномъ и тройномъ количествѣ экземпляровъ со времени войны, потому что онѣ замѣняютъ всѣ газеты, которыя въ прежнее время получались изъ Парижа; не теряя времени, онъ написалъ въ Брюссель, чтобъ абонироваться на «Indépendance». Прошла недѣля и, не получая отвѣта, онъ написалъ вторично и вложилъ въ конвертъ деньги, прусскими билетами, такъ какъ мы не видали уже другихъ денегъ, кромѣ прусскихъ ассигнацій, которыми ландверъ платилъ за то, чего не имѣлъ права брать отъ насъ даромъ. Эти ассигнаціи намъ не внушали большого довѣрія, но надо было попытать счастье.

Черезъ нѣсколько дней газеты прибыли. Это были первыя газеты, которыя мы видѣли впродолженіе трехъ мѣсяцевъ и каждый пойметъ съ какою радостью Жоржъ пришелъ ко мнѣ, чтобы сообщить эту добрую вѣсть.

Съ этого дня, каждый вечеръ, я ходилъ слушать, какъ Жоржъ читалъ газеты. Но мы долго ничего не понимали; на каждой строчкѣ мы встрѣчали новыя имена: Шанзи командовалъ луарской арміей, Фэдербъ сѣверной,—и эти два человѣка, почти безъ солдатъ, съ одними мобилями и волонтерами, держались противъ нѣмцевъ, и даже брали иногда надъ ними верхъ, тогда какъ маршаловъ имперіи, командовавшихъ лучшими нашими войсками разбили и уничтожили въ три недѣли. Это доказываетъ, что побѣда въ половину зависитъ отъ полководца.

Изъ всѣхъ старыхъ генераловъ остался только одинъ Бурбаки; что касается Гарибальди, то мы о немъ знали и уже давно по безпокойству ландверцевъ догадывались, что онъ приближается къ нашимъ горамъ со стороны Бельфора. На немъ сосредоточивались всѣ наши надежды и даже всѣ мальчишки нашихъ селеній собирались поступить въ его войска волонтерами.

Мы также узнали изъ газетъ, что правительство было раздѣлено между Туромъ и Парижемъ, что Гамбетта, какъ военный министръ, несъ на себѣ все бремя національной обороны. Онъ поспѣвалъ всюду и вездѣ поддерживалъ тѣхъ, которые теряли бодрость; онъ между прочимъ учредилъ главную школу обученія молодыхъ солдатъ въ Тулузѣ. Съ другой стороны пруссаки продолжали еще съ большей энергіей свои подвиги въ занятыхъ ими мѣстностяхъ; такъ, отрядъ нѣмцевъ окружилъ Не-

муръ за то, что наканунѣ нѣсколько вольныхъ стрѣлковъ захватили врасплохъ уланъ, и при звукахъ музыки зажегъ городъ, при чемъ заставилъ членовъ мѣстнаго комитета защиты любоваться пожаромъ; Бисмаркъ арестовалъ нѣсколькихъ мирныхъ гражданъ въ видѣ заложниковъ въ возмездіе за тѣ нѣмецкіе корабли, которые французскій флотъ забиралъ въ сѣверномъ морѣ; когда Ричіоти Гарибальди разбилъ пруссаковъ при Шатильонѣ на Сенѣ, то нѣмцы предали грабежу ни въ чемъ невиноватый городъ и взяли съ него контрибуцію въ милліонъ франковъ. Всѣ эти и многіе другіе подвиги нѣмцевъ доказывали, что въ ихъ глазахъ война была средствомъ обогатиться на счетъ мирныхъ жителей.

Въ Сенъ-Кантенѣ одинъ изъ нѣмецкихъ начальниковъ, полковникъ фонъ-Кальденъ объявилъ жителямъ, что за всякій выстрѣлъ въ нѣмецкаго солдата будетъ разстрѣляно шесть гражданъ. Вездѣ нѣмцы поступали немилосердно; ихъ поборы и реквизиціи разоряли край, и вся страна, гдѣ прошли наши побѣдители, представляла видъ бѣдности и запустѣнія.

Читая эти извѣстія, Жоржъ обыкновенно замѣчалъ, что нѣмцы не далеко ушли въ своемъ развитіи, что образованіе дѣйствительно сдерживало ихъ страсти въ мирное время, но что во время войны всѣ ихъ недостатки выступали наружу, и ничто не могло уже сдерживать въ нихъ хищныхъ инстинктовъ.

Изъ этихъ же газетъ мы узнали о капитуляціи Тіонвиля, послѣ страшной бомбардировки, во время которой пруссаки отказали выпустить изъ города женщинъ и дѣтей, о первыхъ стычкахъ Фэдерба на сѣверѣ съ Мантейфелемъ, и о сраженіяхъ Шанзи съ Фридрихомъ-Карломъ близъ Орлеана. Несмотря на малочисленность и неопытность нашихъ войскъ, мы часто одерживали верхъ.

Эти вѣсти воскресили въ насъ надежду. Но, увы! Роковой ударъ грянулъ надъ нашими головами; Фальсбургъ, доведенный голодомъ до отчаянья, долженъ былъ сдаться послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады.

О, мой старый, родной Фальсбургъ! Какъ грустно сжалось наше сердце, когда вечеромъ 9-го декабря мы услыхали жалостные выстрѣлы твоихъ пушекъ, которыя какъ бы звали

Францію на помощь. О, какъ мы страдали и горько плакали въ эту минуту.

— Теперь все кончено!—сказалъ Жоржъ.—Они зовутъ на помощь нашу Францію, нашу дорогую Францію, но она не можетъ притти! Такъ корабль, погибающій въ открытомъ морѣ, проситъ помощи отчаянными выстрѣлами, но никто не слышитъ, и корабль исчезаетъ въ волнахъ.

О, мой старый, родной городъ, въ который мы ѣздили на рынокъ и гдѣ всегда видали нашихъ солдатъ, нашихъ веселыхъ французовъ, неужели теперь за твоими стѣнами будутъ вѣчно мрачные нѣмцы! Итакъ, все кончено... Нашу землю будутъ попирать не ея сыны, и люди невѣдомые ей скажутъ:—«Мы тебя охраняемъ! Мы твои повелители!»

Нѣтъ это невозможно! Ты снова будешь французской, старая крѣпость Вобана, «разсадникъ храбрецовъ», какъ называлъ тебя первый Бонапартъ. Дай вырости нашимъ дѣтямъ, и они освободятъ тебя отъ пришельцевъ, которые хотятъ тебя онѣмечить!

Но въ этотъ грустный день наши сердца обливались кровью и мы прятались въ самые отдаленные уголки дома, чтобъ не слышать печальныхъ выстрѣловъ.

— О, нашъ бѣдный городъ!—восклицали мы.—Мы не можемъ тебѣ помочь, но еслибъ тебѣ нужна была наша жизнь, мы съ радостью отдали бы ее.

Да, я никогда не ощущалъ такого страшнаго чувства, какъ въ эти роковыя минуты. Мысль увидѣть Жакоба не могла меня утѣшить, и сама Гредель, блѣдная, считала выстрѣлы, произнося со слезами:

— Все кончено!

На другой день всѣ дороги, ведущія къ Фальсбургу, кишѣли нѣмецкими офицерами, скакавшими взадъ и впередъ; слухи носились, что нѣмцы вечеромъ вступятъ въ городъ. Мы всѣ приготовляли узлы съ провизіей для нашихъ дѣтей и родственниковъ, не зная навѣрное, застанемъ ли ихъ въ живыхъ.

Утромъ 11 декабря, мы отправились въ путь; нѣмецкіе часовые въ Вехемѣ получили приказаніе пропускать пѣшеходовъ.

Фальсбургъ съ своими 1,500 мобилями и 60 артиллеристами не капитулировалъ; онъ не выдалъ своихъ орудій, ружей, сна-

редовъ и даже знаменъ, какъ Базэнъ въ Мэцѣ. Комендантъ Тальенъ не сказалъ своему гарнизону: — «Для славы арміи избѣгнемъ великаго нарушенія дисциплины, какъ, напримѣръ, уничтоженія оружія и снарядовъ, такъ какъ, по военнымъ обычаямъ, крѣпости и оружіе возвратятся Франціи по заключеніи мира». Нѣтъ, онъ, напротивъ, приказалъ уничтожить все, что только могло годиться нѣмцамъ; онъ велѣлъ затопить порохъ, заклепать орудія, сломать ружья, сжечь всѣ кровати и постели въ казармахъ, и когда все это было исполнено, онъ послалъ сказать нѣмецкому генералу:

— Мнѣ нечего ѣсть!.. Завтра я отворю городскія ворота!.. Дѣлайте со мною, что хотите!

Нѣмцы забѣгали: одни смѣялись, другіе съ изумленіемъ смотрѣли на крѣпость, которая доставалась имъ безъ боя. Впрочемъ, они брали почти всѣ города безъ боя; они бомбардировали бѣдныхъ жителей, вмѣсто того, чтобъ ходить на приступъ; они морили голодомъ жителей и могутъ похвалиться, что сожгли болѣе городовъ и селеній и уничтожили болѣе женщинъ и дѣтей въ одну кампанію, чѣмъ остальные европейскіе народы въ продолженіе всѣхъ войнъ со времени революціи.

И, однако, эти люди очень религіозны и поютъ гимны со слезами на глазахъ. Послѣ каждой бомбардировки, послѣ каждой рѣзни, когда женщины, дѣти, старики оплакиваютъ свои разоренныя, сожженныя жилища, когда на полѣ битвы, усѣянномъ трупами, раздаются жалобные стоны тысячъ раненыхъ они молятся. Война извращаетъ человѣческія понятія и огрубляетъ чувства людей до того, что они перестаютъ отличать справедливость отъ беззаконія и теряютъ чувство человѣколюбія и жалости. Во время войны люди всегда прибѣгаютъ къ изліяніямъ, но эта война представляла примѣры такихъ изліяніяхъ, о которыхъ даже и не подозрѣвали въ прежнее время.

Итакъ, 11-го декабря, рано утромъ, моя жена, Гредель, Жоржъ, Маріана и я, замкнувъ на ключъ наши дома, отправились на свиданіе съ нашими дѣтьми и друзьями, если они только были въ живыхъ.

Снѣгъ таялъ, и густой туманъ заволакивалъ всю окрестность мы шли молча, другъ за другомъ; впервые мы видѣли нѣмецкіе бараки передъ Вехемомъ, у фермы Герберстофа и Арбръ-Вера.

Всюду виднѣлись слѣды опустошенія. Передъ стѣнами крѣ-

ности все было снесено: сады, огороды, изгороди, деревья: только разстилалась обнаженная, покрытая снѣгомъ равнина, а вдали возвышались полуразрушенныя стѣны несчастнаго города.

Мы шли среди большой толпы жителей сосѣднихъ селеній: старики, женщины, дѣти спѣшили узнать о судьбѣ дорогихъ имъ людей.

Такимъ образомъ, мы дошли до французскихъ воротъ; онѣ были отворены, и нигдѣ не было видно часовыхъ. Едва мы вошли въ городъ, какъ грустное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ: всѣ дома разрушены, улицы загромождены развалинами; тутъ виситъ на воздухѣ рама, тамъ торчитъ труба, далѣе уединенно высится нѣсколько ступеней обвалившейся лѣстницы. Всюду видны слѣды нѣмецкихъ ядеръ и бомбъ.

Господи, неужели подобное опустошеніе — совершившійся фактъ? Да, увы! Это былъ не сонъ, а горькая дѣйствительность!

Было очень холодно. Жители Фальсбурга, блѣдные, изнуренные, встрѣчали насъ и молча пожимали намъ руки.

— Вы очень страдали? — спрашиваемъ мы вполголоса.

— Да.

И болѣе ничего. Этого было достаточно: мы понимали другъ друга. Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ зрѣлище становилось ужаснѣе. Мы, то есть, Катерина и я, искали Жакоба, а Гредель, конечно, жаждала увидѣть Жана-Батиста.

Мимо насъ проходили несчастные мобили, которыхъ едва можно было узнать. Несмотря на страшный холодъ, на нихъ была лѣтняя одежда: полотняныя блузы и шаровары. Многіе изъ нихъ могли бѣжать изъ города и скрыться въ селеніяхъ, такъ какъ городскія ворота были отворены со вчерашняго вечера; но никто не думалъ о томъ, такъ какъ всѣ въ городѣ полагали, что мобили не будутъ считаться солдатами, то есть, военноплѣнными.

На площади, передъ полуразрушенною церковью, мы впервые узнали, что весь гарнизонъ объявленъ военноплѣннымъ.

Кофейни Вашерона, Мейера и Гофмана кишѣли офицерами. Мы смотрѣли то въ ту, то въ другую сторону, не зная, къ кому обратиться съ просьбою отыскать Жакоба, какъ вдругъ мы услыхали пронзительный крикъ. Обернувшись, я увидалъ Гредель въ объятіяхъ Жана-Батиста Вернера. Но я ничего не сказалъ, Катерина также промолчала. Если ужъ таково было ея

желаніе, то Христосъ съ ней! Дѣло касалось ея болѣе, чѣмъ насъ.

Жанъ-Батистъ, послѣ первой минуты счастья, очень смутился, увидавъ насъ; онъ, блѣдный, подошелъ къ намъ, и Жоржъ, видя наше неловкое положеніе, протянулъ ему руку, говоря:

— Жанъ-Батистъ, я знаю, что вы хорошо себя вели во время осады; мы всѣ узнали объ этомъ съ удовольствіемъ. Не правда ли, Христіанъ? Не правда ли, Катерина?

Что намъ было отвѣчать? Я сказалъ да, а Катерина со слезами воскликнула:

— Скажите, Жанъ-Батистъ Жакобъ не раненъ?

— Нѣтъ, г-жа Веберъ,—отвѣчалъ онъ,—мы съ нимъ постоянно видались. Онъ совершенно здоровъ. Я сейчасъ его отыщу. Войдите куда-нибудь и подождите меня.

— Мы пойдемъ въ кофейню Гофмана,—сказала Катерина;—приведите его скорѣе, Жанъ-Батистъ.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ воскликнулъ:

— Вотъ онъ идетъ. Жакобъ! Жакобъ!

Черезъ минуту мы были въ объятіяхъ другъ друга. На Жакобѣ была толстая солдатская шинель и полотняные шаровары: онъ былъ блѣденъ и изнуренъ.

— А, это вы!—произнесъ онъ, заикаясь.—Вы не умерли!

Онъ былъ какой-то странный, одурѣлый, а Катерина, прижимая его къ груди, повторяла:

— Это онъ! Это онъ!

Мы вошли въ кофейню Гофмана, за нами слѣдовалъ Жоржъ, Маріана, Гредель и Жанъ-Батистъ. Мы усѣлись за отдѣльный столикъ, и Жоржъ велѣлъ подать кофе, такъ какъ мы всѣ озябли.

Всѣ молчали и въ смущеніи смотрѣли другъ на друга.

Молодые офицеры мобилей разговаривали между собой въ сосѣдней комнатѣ, и мы слышали, какъ они говорили, что ни за что не подпишутъ обязательства не служить въ продолженіе войны, и всѣ отправятся въ Германію, какъ военнопленные, раздѣляя вполнѣ судьбу солдатъ.

Мысль, что намъ снова надо будетъ разстаться съ Жакобомъ, обливала кровью наши сердца, и Катерина, припавъ

головою къ столу, начала всхлипывать. Я видѣлъ по лицу Жакоба, что ему очень хотѣлось бы возвратиться съ нами на мельницу, то онъ не былъ офицеромъ, и ему даже не предлагали остаться во Франціи на честное слово. Впрочемъ, слыша, какъ храбрые молодые люди отказывались отъ свободы, чтобы исполнить свой долгъ, я ни за что не согласился бы на безчестіе моего сына. Каждый долженъ вести себя, какъ подобаетъ человѣку.

Вечеръ бесѣдовалъ вполголоса съ Жоржемъ: вѣрно у нихъ были какія-нибудь тайны. Я видѣлъ, какъ Жоржъ сунулъ ему что-то въ руку. Чтобы это такое было? Я рѣшительно не понималъ; но черезъ минуту Жанъ-Батистъ всталъ, поцѣловалъ Гредель безъ всякой церемоніи и объявилъ, что ему пора идти, такъ какъ онъ дежурный. Онъ протянулъ руку мнѣ, Катеринѣ и Маріанѣ и вышелъ вмѣстѣ съ Жоржемъ и Гредель. Минуты черезъ двѣ послѣдніе возвратились, и глаза Гредель были заплаканы, а въ рукахъ у нея не было корзинки съ провизіей.

На площади движеніе все усиливалось: барабаны забили зоревую, и офицеры мобилей вышли изъ кофейни. Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль спросить у Жакоба, что подѣлывалъ Матіасъ Гейцъ; онъ отвѣчалъ, что Матіасъ до того трусилъ пушечныхъ выстрѣловъ, что, наконецъ, серьезно занемогъ. Гредель при этомъ не повернула даже головы; она уже давно рѣшилась не выходить замужъ за Матіаса. Услыхавъ эти слова, я также подумалъ, что скорѣе выдамъ дочь за сына пастуха, чѣмъ за него.

На площади начался смотръ, и Жакобъ побѣжалъ къ своимъ товарищамъ. Я никогда не видалъ болѣе грустнаго зрѣлища, какъ этотъ смотръ нашимъ бѣднымъ дѣтямъ, пятидесяти зуавамъ и нѣсколькимъ зуавамъ, бѣжавшимъ изъ-подъ Фрешвиллера. Они были въ лохмотьяхъ, блѣдные, изнуренные, безъ всякаго оружія, которое они изломали до вступленія нѣмцевъ въ городъ.

Вдругъ Жакобъ подбѣжалъ къ намъ съ извѣстіемъ, что имъ приказано оставаться въ казармахъ, и что завтра въ двѣнадцать часовъ ихъ отправляютъ въ Германію. Онъ не выдержалъ и расплакался. Я и Катерина молча отдали ему нашъ узелъ, въ которомъ находились три полотняныя рубашки, одна пара почти новыхъ башмаковъ, шерстяные чулки и теплые суконные пан-

талоны. Потомъ я снялъ съ себя дорожную шинель и отдалъ ему; вмѣстѣ съ тѣмъ я сунулъ ему въ карманъ свертокъ съ талерами, а Жоржъ далъ ему два золотыхъ. Жена моя и Гредель такъ рыдали, что я обѣщалъ возвратиться завтра съ ними въ Фальсбургъ.

Между тѣмъ, гарнизонъ проходилъ по улицѣ, и Жакобъ сталъ на свое мѣсто въ рядахъ мобилей и вскорѣ исчезъ изъ нашихъ глазъ.

Что же касается Жана-Батиста Вернера, мы его болѣе не видали.

Нѣмецкіе офицеры ходили взадъ и впередъ по улицамъ, размѣщая своихъ солдатъ по квартирамъ. Былъ полдень, и мы отправились обратно въ Ротальпъ съ еще большей грустью на сердцѣ, чѣмъ прежде. Конечно, Жакобъ былъ живъ, но его уводили Богъ знаетъ куда, въ отдаленныя мѣстности Германіи.

Моя жена возвратилась домой совершенно больная: сырая погода, безпокойство, горе такъ сильно на нее подѣйствовали, что она слегла въ постель и не могла идти на другой день въ городъ. Гредель также осталась дома, чтобъ за нею ухаживать. Поэтому я пошелъ одинъ.

Рано утромъ пришелъ приказъ отправить плѣнныхъ въ Лецельбургъ и, дойдя до угла площади, я уже увидалъ, что они были выстроены по два въ рядъ и готовы къ походу. Всѣ жители закрыли ставни въ окнахъ, чтобы не видѣть унизительнаго зрѣлища, такъ какъ гессенцы съ ружьями въ рукахъ окружали нашихъ бѣдныхъ юношей, грустно поникшихъ головами.

Печальное шествіе началось, и я остановился у аптеки, тщетно стараясь разыскать въ толпѣ Жакоба. Вдругъ я его увидалъ и воскликнулъ:

— Жакобъ!

Онъ хотѣлъ броситься ко мнѣ на шею, но гессенцы меня оттолкнули. Мы оба заплакали. Я пошелъ рядомъ съ нѣмецкой стражей.

— Не унывай!... твердилъ я моему сыну. — Пиши къ намъ... твоя мать не могла придти... Она больна... Не безпокойся, ея болѣзнь не опасная.

Онъ ничего не отвѣчалъ. Я шелъ не одинъ, а среди нѣмцевъ

толпы такихъ же несчастныхъ, какъ и я, провожавшихъ своихъ дѣтей.

Мы хотѣли проводить ихъ до Люцельбурга, но у городскихъ воротъ прусскіе часовые, скрестивъ штыки, преградили намъ дорогу. Они даже не позволили намъ проститься съ нашими дѣтьми.

Со всѣхъ сторонъ слышались крики:

— Прощай, Жанъ!

— Прощай, Пьеръ!

— Прощайте, матушка!

— Прощайте, батюшка!

И эти восклицанія сопровождались всхлипываніями и рыданіями.

О, плебисцитъ, плебисцитъ!

Мнѣ пришлось стоять у городскихъ воротъ цѣлый часъ: наконецъ, мнѣ позволили пройти, и я отправился домой съ сердцемъ, разбитымъ горемъ и отчаяніемъ. Въ ушахъ у меня раздавался грустный крикъ: «прощайте, прощайте!» Если люди созданы только для того, чтобъ дѣлать другъ друга несчастными, то къ чему Господь ихъ произвелъ на свѣтъ! За нѣсколько часовъ счастья, пріобрѣтеннаго тяжелымъ, долгимъ трудомъ, мы должны платить безконечными годами горя и страданій. Впрочемъ, люди, своей глупостью, лѣнью, жестокостью и слѣпымъ довѣріемъ къ разбойникамъ вполнѣ заслуживали свою горькую участь.

Да, я желалъ бы лучше, чтобъ потопъ уничтожилъ всю землю, мнѣ легче было бы видѣть, какъ разъяренныя волны затопили бы Эльзасъ, чѣмъ присутствовать при томъ, какъ моя бѣдная родина переходила во власть враговъ, разорявшихъ и унижавшихъ ее.

Возвратившись домой, я, конечно, не разсказалъ женѣ всего, что случилось; напротивъ, я увѣрилъ ее, что крѣпко обнялъ Жакоба за нее и за себя, а также, что онъ нисколько не упрекалъ и будетъ часто къ намъ писать.

XIII.

Въ это время мы освободились, наконецъ, отъ нашихъ ландверцевъ; часть ихъ была переведена въ Фальсбургъ, а остальная отправлена во внутреннюю Францію. Они выходили изъ

себя отъ негодованія и говорили, что еслибъ знали о дальнѣйшемъ походѣ, то продлили бы осаду, то есть, въ противность распоряженій своихъ начальниковъ, пропустили въ городъ мясо и хлѣбъ. По ихъ словамъ, они уже исполнили свой долгъ и несправедливо было подвергать ихъ новымъ опасностямъ. Въ нихъ не было ни малѣйшаго энтузіазма; но дѣлать было нечего, и они отправились въ путь, кто къ Бельфору, кто къ Парижу.

Мы узнали впослѣдствіи изъ «Indépendance Begle», что этимъ ландверцамъ пришлось подъ Бельфоромъ вытерпѣть гораздо болѣе, чѣмъ у насъ; что гарнизонъ дѣлалъ постоянныя вылазки, что комендантъ Данферъ не давалъ нѣмцамъ покоя, и что мертвыя тѣла нѣмцевъ гнили подъ изгородями на снѣгу и грязи. Эльзасцы, отъ времени до времени приходившіе къ намъ, разсказывали, что тотъ или другой знакомый намъ ландверецъ убитъ ядромъ или штыкомъ нашихъ мобилей. Мы невольно сожалѣли ихъ, такъ какъ каждый ландверецъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, по пяти или шести дѣтей, о которыхъ онъ постоянно говорилъ, и естественно, что со смертью отца погибало все семейство.

И все это дѣлалось будто бы для какой-то славы Германіи! Право, какъ подумаешь хорошенько, нельзя не признать съ невольною улыбкой, что всѣ нѣмцы, несмотря на ихъ образованіе, пожалуй, будутъ поглупѣе насъ. Они побѣдили! Конечно, тѣ, которые остались въ живыхъ и здоровы, такъ какъ убитые и раненые не много выиграли, и они не могутъ радоваться успѣху нѣмецкаго оружія. Но спрашивается, что нѣмцы выиграли? Прежде всего ненависть людей, любившихъ ихъ. Затѣмъ они радуются, что Эльзасъ и Лотарингія названы нѣмецкими провинціями, но это пріобрѣтеніе имъ не приноситъ рѣшительно никакой пользы; наконецъ, они выиграли нелюбовь къ себѣ многихъ народовъ и недовѣріе остальныхъ, которые кончатъ тѣмъ, что соединятся между собою и прибѣгнутъ противъ нѣмцевъ къ ихъ собственнымъ средствамъ: станутъ бомбардировать и сжигать города и селенія.

Вотъ что выиграли нѣмецкіе поселяне, работники и средній классъ; что же касается до начальниковъ, то одни получили титулы, другіе пенсіоны, третьи самодовольное сознаніе, что они великіе люди.

Но все это не помѣшаетъ этимъ людямъ умереть и прослыть

черезъ сто лѣтъ за людей слишкомъ мало образованныхъ, неумѣвшихъ сдерживать расходившіяся страсти: только это воспоминаніе отъ нихъ и останется.

Впрочемъ, нечего разсуждать мнѣ съ нѣмцами, головы которыхъ, какъ говорятъ, наполнены философіей: они сами увидятъ впослѣдствіи, что я правъ.

Возвратимся, однако, къ нашей исторіи.

Итакъ, вокругъ Бельфора дрались съ ожесточеніемъ; наши солдаты стояли не въ казармахъ, а занимали форты, далеко отстоявшіе отъ крѣпости. Ихъ вылазка изъ Буркойня и рѣзня баварцевъ въ Готъ-Першѣ надѣлали много шума въ Эльзасѣ.

Мы узнали также изъ «Indépendance Belge», о битвахъ Шанзи при Вандомѣ съ арміей герцога Мекленбургскаго, и генерала Кремера при Нюи съ арміей Вердера: объ отступленія Мантейфеля на Амьенъ, послѣ наложенія усиленныхъ контрибуціи на Руанъ; объ атакѣ Фэдерба на селенія вокругъ Понъ-Нуазля, причемъ нѣмцы были разбиты, и главное о разумной мѣрѣ Гамбетты, наконецъ, распустившаго генеральные совѣты, назначенные императорскими префектами второй имперіи, и замѣнившаго ихъ департаментскими комиссіями.

Жоржъ всего болѣе одобрялъ эту мѣру и его гораздо менѣе занимали декреты нашего прусскаго префекта Генкеля фонъ-Боннермарка, въ силу которыхъ взимались громадныя пени съ отцевъ и матерей тѣхъ юношей, которые присоединились къ французской арміи; а на Лотарингію, уже разоренную непріятельскимъ вторженіемъ, налагалась контрибуція въ 700.000 франковъ «для вознагражденія потерь, понесенныхъ нѣмецкими коммерческими кораблями»; между тѣмъ, эти декреты отнимали у насъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Потомъ Жоржъ съ восторгомъ останавливался на кампаніи Шанзи. Дѣйствительно, можетъ ли быть что-нибудь величественнѣе этой борьбы молодой, неопытной, едва организованной арміи съ войсками вдвое многочисленнѣйшими и находящимися подъ начальствомъ первыхъ прусскихъ полководцевъ, восторжествовавшихъ при Вертѣ, Седанѣ и Мэцѣ надъ старыми, опытными войсками второй имперіи! Жоржъ особенно восхищался благороднымъ протестомъ Шанзи, который выкашивалъ всему свѣту жестокость нѣмцевъ и съ гордымъ досто-

ществомъ опровергалъ ложныя извѣстія нѣмецкихъ генераловъ, которые всегда приписывали себѣ побѣду.

«Главнокомандующій этимъ доводитъ до свѣдѣнія всей арміи протестъ, который онъ посылаетъ съ парламентеромъ къ начальнику прусскихъ войскъ въ Вандомѣ, твердо увѣренный, что всѣ раздѣлятъ его негодованіе и желаніе отомстить за подобныя оскорбленія.

«Начальнику прусскихъ войскъ въ Вандомѣ.

До меня дошли вѣсти, что войска, находящіяся подъ вашимъ начальствомъ, дозволяли себѣ ужасныя насильственныя дѣйствія противъ беззащитныхъ жителей Сенъ-Кале. Несмотря на то, что мы отлично обходимся съ вашими больными и ранеными, ваши офицеры требовали денегъ и приказывали грабить мирныхъ жителей. Это злоупотребленіе силы останется пятномъ на вашей совѣсти и нашъ патріотическій народъ мужественно его вынесетъ; но я не могу дозволить, чтобы вы къ этому еще прибавляли оскорбленіе, распуская ложные слухи на счетъ вашихъ дѣйствій.

«Вы увѣряете, что постоянно одерживаете побѣды. — это ложь. Мы васъ бьемъ и тѣснимъ съ 4-го декабря. Вы осмѣлились называть подлецами тѣхъ людей, которые не могутъ вамъ отвѣчать за то, что они подчиняются волѣ правительства національной обороны, предписывающей защиту до послѣдней капли крови, хотя сами желаютъ мира. Я протестую противъ вашихъ дѣйствій; право говорить съ вами такимъ языкомъ дастъ мнѣ отнынѣ, встрѣчаемый во всей Франціи, и честь принадлежать къ той арміи, которую вы не могли до сихъ поръ побѣдить. Настоящее мое заявленіе имѣетъ цѣлью подтвердить то, что вамъ уже высказала наша повсемѣстная мужественная защита. Мы будемъ бороться съ полнымъ сознаніемъ своего права и твердой надеждой побѣдить, какихъ бы жертвъ намъ это ни стоило; мы будемъ бороться до послѣдней капли крови безъ всякой пощады, такъ какъ теперь намъ надо сражаться не съ благороднымъ непріятелемъ, а съ ордами дикихъ варваровъ, стремящихся раззорить и унизить страну, которая желаетъ сохранить свою честь, независимость, достоинство. На человѣколюбіе, съ которымъ мы обращаемся съ вашими плѣнными и ранеными, вы отвѣчаете дерзкими оскорбленіями, поджигательствами и грабежемъ. Я съ негодованіемъ протестую противъ вашихъ

дѣйствій во имя человѣчества и международнаго права, которое вы съ презрѣніемъ попираете.

Настоящій приказъ прочесть войскамъ троекратно.

Данъ въ главной квартирѣ, въ ле-Мансѣ 26 декабря 1870 г.

Главнокомандующій Шанзи».

Вотъ какъ слѣдуетъ говорить честному человѣку и патріоту. Прочитавъ эти благородныя слова, мы невольно поднимали столь давно поникшую голову.

Такъ какъ Мантефейль слѣдовалъ той же системѣ, какъ принцъ Фридрихъ-Карлъ и герцогъ Мекленбургскій, а именно, унижалъ насъ съ цѣлью возвысить себя и одерживалъ легкія побѣды на словахъ, генералъ Фэдербъ долженъ былъ также исправить нѣмецкое донесеніе о битвѣ при Попъ-Нуайелѣ.

«Французская армія, говоритъ Фэдербъ въ своемъ приказѣ,— оставила въ рукахъ непріятеля лишь нѣсколько моряковъ, которые дозволили захватить себя врасплохъ въ селеніи Дауръ. Она сохранила свои позиціи и тщетно ожидала непріятеля до двухъ часовъ слѣдующаго дня».

Дѣло было ясно, и каждый могъ заключить, на чьей сторонѣ была правда.

Выставивъ противъ 300.000 рекрутовъ 1.000.000 старыхъ, опытныхъ солдатъ, нѣмцы, чтобы не привести въ уныніе своихъ солдатъ, считали необходимымъ прибѣгать къ неправдѣ. Конечно, въ концѣ концовъ, они должны были одержать побѣду: Франція не имѣла времени приготовиться, оправиться и вооружиться послѣ постыдныхъ капитуляцій «честнаго человѣка» и его друга Базэна; но несмотря на все это, Франція представляла мужественный отпоръ, и пруссаки въ сущности нуждались и желали мира еще болѣе насъ. Это доказывается тысячами нѣмецкихъ петицій, полученныхъ королемъ Вильгельмомъ о томъ, чтобы немедленно началась бомбардировка Парижа. Честные нѣмцы, отцы семействъ, люди религіозные, сидя спокойно въ своихъ конторахъ въ Гамбургѣ, Кельнѣ, Берлинѣ и въ другихъ городахъ и селеніяхъ Германіи, грѣясь у каминовъ въ холодную зиму, имѣя вдоволь пищи и питья, требовали, чтобы скорѣе бомбардировали Парижъ, чтобъ убивали тысячами отцовъ и матерей, умиравшихъ съ голоду въ своихъ разоренныхъ жилищахъ.

Вотъ чего вы не встрѣтите въ исторіи ни одного народа, кромѣ нѣмецкаго!

Мы также осаждали города въ Германіи, но французы во времена республики и первой имперіи и не подумали требовать, чтобы ихъ армія наносила непріятельской странѣ болѣе вреда, чѣмъ требуетъ настоящая благородная война. А впослѣдствіи, когда намъ являлась необходимость бомбардировать крѣпость, мы всегда предупреждали беззащитныхъ жителей, чтобъ дать имъ время укрыться внутри домовъ, а старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ дозволяли свободно выходить изъ крѣпости; но нѣмцы поступали иначе.

О, французскій народъ, ты не такой религіозный, ученый и мудрый, какъ «добрые нѣмцы», но у тебя иное сердце, иная совѣсть: ты не сыплешь направо и налѣво текстами, но помнишь ихъ въ глубинѣ твоей души. Ты не лицемѣренъ, и вотъ почему мы, эльзасцы и лотарингцы, предпочитаемъ остаться французами, а не присоединяться къ «доброму нѣмецкому народу», который говоритъ главнокомандующему его арміями:

— Бомбардируйте!.. Бомбардируйте!.. Поджигайте бомбами съ кресиномъ жилища всѣхъ беззащитныхъ гражданъ!.. Вы оказываете слишкомъ большое снисхожденіе нечестивому Вавилону!.. Бомбардируйте, какъ можно скорѣе!.. Бомбардировки намъ удавались лучше всего!..

Нѣмцы! Вы въ продолженіе пятидесяти лѣтъ прикидывались скромными и святыми, проповѣдывали дружбу, любовь, братство народовъ только потому, что вы чувствовали себя слабыми; теперь вы считаете себя сильными и вы во имя религіи бомбардируете стариковъ, женщинъ и дѣтей. Нѣтъ, такія дѣянія возмутительны!

Читая эти кровожадныя петиціи нѣмцевъ, Жоржъ воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Теперь я знаю, что такое протестантскіе ханжи! Они стоятъ нашихъ католическихъ. И нѣмцы вовсе не обязаны быть ханжами, ихъ религія нисколько къ этому ихъ не принуждаетъ; они іезуиты изъ любви къ искусству, и ничѣмъ не лучше нашихъ іезуитовъ по ремеслу.

При этомъ онъ разсказывалъ, какъ бѣдные парижане, въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, гостепріимно прини-

мали нѣмцевъ, которые приходили къ намъ искать счастья, безъ гроша, блѣдные, оборванные, смиренные. Сколько разъ эти несчастные приходили въ кабачекъ къ Жоржу и Маріанѣ и просили, Христа ради, въ долгъ чашку супа, кусокъ мяса или стаканъ вина. Ихъ принимали радушно, имъ пріискивали мѣста, о нихъ заботились, имъ объясняли все, чего они не знали: вскорѣ они получали мѣста въ конторахъ и магазинахъ, становились толстыми, жирными, снискивали довѣріе старшаго приказчика, объяснявшаго имъ всѣ дѣла, и въ одинъ прекрасный день этого приказчика выгоняли, и нѣмецъ поступалъ на его мѣсто, послѣ секретнаго разговора съ хозяиномъ, которому нѣмецъ предложилъ исполнять ту же обязанность за полъ-цѣны, а извѣстно, что хозяева любятъ хорошихъ работниковъ, смиренныхъ, послушныхъ и къ тому же дешевыхъ.

Жоржъ видалъ сотни разъ подобные примѣры, и никто не жаловался на это. Всѣ говорили: «Бѣдный нѣмецъ! Ему надо наживать кусокъ хлѣба вдали отъ родины, а французъ всегда найдетъ себѣ мѣсто». И вотъ нѣмцы, тихо, незамѣтно вытѣсняли тѣхъ, которые ихъ накормили, напоили и обучили ремеслу. Нѣкоторые приказчики сердились, но общественное мнѣніе было противъ нихъ и въ пользу «добрыхъ нѣмцевъ», которые не вмѣшивались ни во что, а успѣвали во всемъ, благодаря обстоятельствамъ.

Такимъ образомъ двадцать, тридцать, сорокъ или пятьдесятъ тысячъ нѣмцевъ являлись въ Парижъ и благоденствовали. Потомъ, взявъ отпускъ, они возвращались на родину похвастать своей толщиной и золотыми брелоками. Если въ числѣ ихъ находились профессора, газетные корреспонденты, то они, конечно, съ презрѣніемъ отзывались въ Германіи о развращенныхъ нравахъ современнаго Вавилона. Но въ Парижѣ эти же самые люди, въ длинныхъ пальто и съ золотыми очками, каждый день возвращались домой по ночамъ съ красавицами изъ Мабиля и пили, ѣли, шумѣли до утра, не давая спать сосѣдямъ.

Такова уже мода въ Германіи кричать противъ современнаго Вавилона: это льститъ затаенной зависти нѣмцевъ и придастъ имъ серьезный, основательный видъ, при которомъ каждый изъ нихъ, имѣя хорошее мѣсто въ Парижѣ, можетъ разсчитывать на бракъ съ дочерью какого-нибудь ректора или доктора, такъ какъ въ Германіи всѣ считаются докторами чего-нибудь.

Подобный нѣмецъ уѣхалъ съ родины несчастный, нищій; ему пришлось бы тамъ всю жизнь довольствоваться мѣстомъ школьнаго учителя или мелкаго приказчика на трехъ стахъ талерахъ жалованья и вотъ онъ разстается съ своимъ отцомъ, который кормитъ кромѣ него еще двѣнадцать дѣтей, и отъѣвшись, обогатившись и образовавшись въ Парижѣ, онъ бранитъ съ негодованіемъ нашихъ женщинъ, нашу развратную расу, которая дала ему кусокъ хлѣба, вывела его изъ ничтожества, а не выгнала пинками.

Въ прежнее время всѣ эти нѣмцы были республиканцы, соціалисты, коммунисты и такъ далѣе. Они спасались изъ Кельна или другого города вслѣдствіе событій 1848 года. Ничто у насъ не казалось имъ довольно либерально и радикально. Они постоянно кричали о жертвахъ, принесенныхъ ими всемірной республикѣ, о страшной борьбѣ баденцевъ съ пруссаками, о потерѣ своихъ мѣстъ и имуществъ. Слушая ихъ, каждый говорилъ: «Бѣдные, сколько они страдали! О, нѣмцы, дѣйствительно, самые твердые, рѣшительные демократы въ свѣтѣ!

Теперь же эти самые ярые демократы и революціонеры превратились въ благонамѣреннѣйшихъ изъ благонамѣренныхъ и, конечно, кричать въ Берлинѣ о жертвахъ, принесенныхъ ими благородному нѣмецкому дѣлу, о битвахъ, выдержанныхъ ими въ пивныхъ за дюжиной кружекъ, требуя возврата Эльзаса, составляющаго зерно нѣмецкой національности. Они съ негодованіемъ бичуютъ современный Вавилонъ и ставятъ свои имена во главѣ петицій, требующихъ немедленнаго сожженія Вавилона и уничтоженія всей нечестивой французской расы: многіе изъ нихъ во время своего пребыванія во Франціи просто-на-просто шпіонили, передавая все, что было нужно прусскому правительству: они, по всей вѣроятности, получатъ выгодныя мѣста въ Эльзасѣ-Лотарингіи, куда сбѣгутся, конечно, самые ретивые нѣмцы, жадные до денегъ и должностей, для онѣмеченія страны.

Такъ говорилъ Жоржъ, пылая негодованіемъ, а Маріана прибавила съ своей стороны:

— Правда, правда! Эти нѣмцы насъ низко обманули. И они еще не платили своихъ долговъ: многіе изъ нихъ утекали, какъ только ихъ счета доходили до круглой цифры. Я никогда не довѣряла нѣмцамъ, кромѣ сапожниковъ и рабочихъ, которые метутъ улицы; эти, по крайней мѣрѣ, имѣли опредѣленное мѣсто

и занятіе, а всѣ профессора, корреспонденты газетъ, изобрѣтатели, шатающіеся по библіотекамъ, обманывали насъ на каждомъ шагу; къ тому же они были дерзки, и зависть, ненависть къ нашей расѣ блестѣли въ ихъ глазахъ.

Со времени ухода ландвера мы могли говорить между собою свободно, такъ какъ никто насъ не подслушивалъ, и мы этимъ пользовались съ наслажденіемъ.

Парижъ, какъ мы узнали изъ «Indépendance», дѣлалъ постоянныя вылазки. Національная гвардія и мобили практически обучались военному дѣлу и становились все способнѣе и способнѣе къ оборонѣ. Наши моряки, защищавшіе форты, приводили всѣхъ въ восторгъ. Но нѣмцы, съ своей стороны, тоже укрѣплялись съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; они привезли изъ Германіи такія большія пушки, по названію крупповскія, что ихъ нельзя было везти по желѣзнымъ дорогамъ, отъ недостаточной высоты тунелей и недостаточной прочности мостовъ; это доказывало, что если бомбардировка Парижа еще не началась, несмотря на безчисленныя петиціи добрыхъ нѣмцевъ, то этому причиной была необходимость укрѣпить свои позиціи,—такъ сильно безпокоили нѣмцевъ наши форты и вылазки.

Наконецъ, въ концѣ декабря они начали бомбардировать нѣкоторые форты; потомъ, откинувъ уже всякія церемоніи, стали стрѣлять по домамъ, госпиталямъ, церквамъ и музеямъ.

Жоржъ и Маріана знали всѣ зданія въ Парижѣ и съ ужасомъ читали извѣстія о всѣхъ этихъ опустошеніяхъ. Я, моя жена и Гредель ничего въ этомъ не понимали, такъ какъ мы никогда не бывали въ Парижѣ и не имѣли о немъ ни малѣйшаго понятія.

Нѣмецкія газеты также знали очень хорошо Парижъ и ежедневно распространялись о томъ, какое несчастье дойти до крайней необходимости бомбардировать такія богатыя библіотеки, такія прекрасныя картинныя галлереи, такіе великолѣпные памятники, такіе роскошные сады; далѣе они докладывали публикѣ, что ихъ сердце обливается кровью, и они никогда не утѣшатся; что нѣмцы были доведены до такой грустной крайности упрямствомъ тѣхъ, которые защищали свои семейства, свои жилища и свое имущество отъ «добрыхъ нѣмцевъ», желавшихъ имъ только добра. Они жалѣли французовъ, которые, по ихъ мнѣнію, потеряли всякій здравый смыслъ и мало-по-малу впадали въ дѣтство.

Но каждый разъ, какъ убивали нѣмцевъ, нѣмецкія газеты поднимали страшный крикъ: нѣмцы святы! Убивать нѣмцевъ, высшую на свѣтѣ расу—да это страшное преступленіе! Французы, швейцарцы, датчане, голландцы, бельгійцы, поляки, венгерцы и даже русскіе созданы для того, чтобъ нѣмцы ихъ проглотили однихъ за другими. Не разъ я слышалъ это своими собственными ушами. «Русскіе не могутъ обойтись безъ нѣмцевъ; ихъ науки, торговля, промышленность, все дѣло нѣмцевъ; они также принадлежатъ къ низшей расѣ, ихъ знаменитые люди не достойны стереть пыль съ сапоговъ Бисмарка». Такъ постоянно говорилъ извѣстный намъ капитанъ ландверцевъ, квартирующихъ у насъ; впрочемъ, всѣ нѣмцы говорятъ теперь то же самое; они слишкомъ сильны, чтобъ скрывать свои честолюбивые замыслы. Для насъ, эльзасцевъ и лотарингцевъ, великая честь, что они признаютъ насъ своими братьями и дружески, по родственному насъ разоряютъ. Мы были представителями высшей расы среди развращенной Франціи, но среди благородной нѣмецкой націи мы станемъ малолѣтними дѣтьми, послѣдними изъ нѣмцевъ, и намъ понадобится много времени, чтобъ пріобрѣсть всѣ нѣмецкія добродѣтели и, не морщась, сносить пинки бароновъ. Чтожъ прикажете дѣлать? Грубый народъ нельзя облагородить въ одинъ день.

Пруссаки увѣряли, что они возьмутъ Парижъ послѣ восьмидневной бомбардировки; но парижане твердо держались; постоянно мимо Саверна проходили безчисленные поѣзда раненыхъ; генералъ Фэдербъ одержалъ на сѣверѣ побѣду при Бапомѣ и заставилъ пруссаковъ оставить въ нашихъ рукахъ поле битвы, усѣянное убитыми и ранеными. Парижане упрекали генерала Трошю только въ томъ, что онъ не велъ ихъ въ бой, и оглашали воздухъ однимъ крикомъ: «побѣдить или умереть!» Шанзи, оттѣсненный за Мансъ, отступилъ въ порядкѣ; Бурбаки, несмотря на снѣгъ и морозъ, быстро шелъ къ Бельфору, а Гарибальди съ своими волонтерами и вольными стрѣлками не терялъ мужества: нѣмцы напрягали свои послѣднія силы и начинали понимать, что въ одинъ часъ, въ одну минуту положеніе дѣлъ могло измѣниться; напримѣръ, еслибъ Фэдербъ одержалъ побѣду ближе къ Парижу, то большая вылазка могла рѣшить участь войны. Въ виду такого положенія дѣлъ, а можетъ быть, еще и многихъ дру-

гихъ, подобныхъ же обстоятельствъ, я полагаю, нѣмцы заговорили вдругъ о человѣколюбіи, о мирѣ, о созваніи національнаго собранія въ Бордо, на которомъ истинные представители націи возстановили бы порядокъ въ несчастной Франціи. Какъ только начали распространяться эти слухи, Жоржъ сказалъ, что Эльзасъ и нѣмецкая Лотарингія уже принесены въ жертву, что наши эгоисты кончили тѣмъ, что стакнулись съ нѣмцами, что пруссаки болѣе насъ желали мира, такъ какъ всѣ ихъ резервы были уже употреблены въ дѣло; что всѣ пораженія не могли насъ лишить мужества, а энтузіазмъ Гамбетты воодушевилъ даже трусовъ; что нѣмцы боялись пораженія, такъ какъ народъ, возставшій поголовно, имѣя оружіе, какъ въ трети нашихъ департаментовъ, въ концѣ концовъ, долженъ одержать побѣду.

Я ничего не говорилъ. Даже въ настоящее время я не убѣжденъ, принала ли бы война для насъ хорошее направленіе, еслибъ она продолжилась; когда говорилъ Жоржъ, я вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе, но, размышляя наединѣ, я сильно колебался. Видя громадныя массы нашихъ плѣнныхъ, преданныхъ въ руки нѣмцевъ Бонапартомъ и Базэномъ, видя сдачу нашихъ крѣпостей со всѣмъ оружіемъ и снарядами, видя недоброжелательство всѣхъ старыхъ бонапартовскихъ чиновниковъ, большинство которыхъ остались на своихъ мѣстахъ, я имѣлъ право сомнѣваться въ нашемъ торжествѣ. Конечно, мы могли поддержать еще войну съ нѣмцами и нанести имъ еще болѣе вреда, перебить у нихъ три четверти арміи и потерять столько же нашихъ солдатъ; но еслибъ мнѣ сказали: выбирай миръ или войну, я, право, сталъ бы втупикъ.

Конечно, еслибъ пруссаки были побиты, то прежде, чѣмъ уйти изъ нашей страны, они сожгли бы всѣ наши селенія. Я слышалъ это нѣсколько разъ отъ одного нѣмецкаго капитана въ Фальсбургѣ.

— Желайте намъ успѣха!—говорилъ онъ.—Горе вамъ, если насъ побьютъ! Все, что вы вытерпѣли до сихъ поръ—пустяки, шутка. Мы не оставимъ камня на камнѣ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Этого потребуетъ отъ насъ чувство самосохраненія. Потому молите Господа Бога, чтобъ Онъ доставилъ побѣду нашимъ арміямъ. Если намъ придется отступать, ваша участь будетъ горькая!

Эти слова до сихъ поръ раздаются въ моихъ ушахъ.

Но все это ничего не значило, я пожертвовалъ бы домомъ, мельницей, всѣмъ, еслибъ былъ увѣренъ въ томъ, что мы одержимъ окончательную побѣду и останемся французами. Но этой увѣренности во мнѣ не было. Перенося одно страданіе за другимъ, человѣкъ подъ конецъ теряетъ не мужество, а вѣру въ себя, а это величайшее несчастье, такъ какъ вѣра въ себя — главный источникъ нашей силы.

Около этого времени мы получили письмо отъ Жакоба. Онъ былъ въ Раштатѣ, и мнѣ нечего распространяться о томъ утѣшеніи, которое доставило моей женѣ извѣстіе, что она можетъ въ одинъ день съѣздить повидаться съ своимъ сыномъ.

Вотъ это письмо:

«Милый батюшка и милая матушка!

«Я, слава Богу, еще не умеръ и былъ бы очень радъ получить отъ васъ вѣсточку. Изъ Люцельбурга мы тотчасъ же были отправлены далѣе по желѣзной дорогѣ въ вагонахъ для животныхъ. Въ каждомъ вагонѣ насъ было по тридцати и сорока человѣкъ, и вы можете себѣ представить, какъ намъ было покойно, когда узнаете, что въ вагонахъ не было скамеекъ, а вмѣсто оконъ съ обѣихъ сторонъ были маленькія отверстія. Если кто-нибудь желалъ подышать воздухомъ или спросить стаканъ воды, то передъ носомъ его являлся штыкъ: даже не позволяли человѣколюбивымъ душамъ подать намъ напиться. Въ такомъ положеніи, стоя, не имѣя возможности нагнуться, мы оставались въ продолженіе двадцати часовъ. Многимъ дѣлалось дурно, я тоже съ трудомъ переводилъ дыханіе, къ тому же мнѣ сводило ноги: мы всѣ думали, что нѣмцы изобрѣли новый видъ казни и хотятъ насъ всѣхъ уморить.

«Между тѣмъ мы переѣхали черезъ Рейнъ и по другому берегу доѣхали до Раштата. Тамъ оставили послѣдніе вагоны, въ которыхъ находился и я, остальные отправили далѣе въ Германію. Сначала насъ помѣстили въ казематахъ подъ городскимъ валомъ, гдѣ многіе другіе плѣнные, прибывшіе ранѣе насъ, умирали, какъ мухи. Въ этихъ сырыхъ, холодныхъ подземельяхъ гнила солома и гнили люди. Городскіе и полковые доктора боялись, чтобъ зараза не распространилась по всѣмъ окрестностямъ, и потому недѣлю тому назадъ вывели изъ казематовъ всѣхъ, которые могли еще ходить, и помѣстили насъ въ большихъ деревянныхъ баракахъ, оклеенныхъ смоляной бумагой. Въ этихъ жи-

лицахъ мы и досыта живемъ, валяясь на соломѣ, впрочемъ, свѣжей. Мы играемъ въ карты и куримъ трубки, а баденскіе часовые стоятъ вокругъ насъ. Баракъ, въ которомъ я нахожусь, втрое больше фальсбургской залы; онъ стоитъ между двумя крѣпостными бастіонами, такъ что при малѣйшей мысли о мятежѣ насъ осыпали бы гранатами и въ десять минутъ никого не осталось бы въ живыхъ. Мы это хорошо понимаемъ и не выходимъ изъ себя, хотя баденцы обходятся съ нами, какъ съ животными. Намъ даютъ два раза въ день по небольшой порціи супа съ бобами или просомъ и маленькій кусочекъ говядины, не болѣе перста, то есть, насъ кормятъ настолько, чтобы не умереть съ голода. Послѣ такой осады, какую мы вынесли, намъ нужна была бы другая пища: у насъ носы походятъ теперь на вороньи клювы, а щеки съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе впадаютъ, такъ что если бы пушки не были направлены на нашъ баракъ, мы возмутились бы уже давно.

«Однако, я все же надѣюсь, что возвращусь на родину: шпиль отца меня согрѣваетъ, а деньги Жоржа мнѣ чрезвычайно полезны; съ деньгами можно получить все, но приходится платить въ шесть разъ дороже, такъ какъ баденцы хуже жидовъ: они хотятъ обогатиться на счетъ несчастныхъ плѣнныхъ.

«Я берегу свои деньги. Вмѣсто того, чтобы курить трубку, я охотнѣе время отъ времени покупаю кусокъ говядины или стаканъ вина: оно полезнѣе для здоровья и даже приноситъ болѣе удовольствія, когда имѣешь хорошій аппетитъ, а у меня въ этомъ никогда нѣтъ недостатка. Когда теряется аппетитъ, легко пристаетъ тифъ, и я, слѣдовательно, ему никогда не подвергнусь. Но если съ Божьей помощью я возвращусь въ Ротальнъ, то въ первый же день, сдѣлаю себѣ обѣдъ изъ ветчины и пирога съ телятиной и запью все это краснымъ виномъ. Я, конечно, приглашу на этотъ пиръ моихъ товарищей, потому что вы не можете себѣ представить, какъ страшно голодать. Часто теперь я вспоминаю съ горечью, что иногда отказывалъ въ грошѣ нищему, который не ѣлъ цѣлый день; теперь я понимаю чувство голода и раскаиваюсь въ своемъ жестокосердіи!

«Если вамъ попадется такой нищій, батюшка или матушка, примите его къ себѣ—накормите, напойте, обогрѣйте и дайте ему нѣсколько грошей на дорогу; сдѣлайте это ради вашего сына, я увѣренъ, что ваша щедрость принесетъ мнѣ счастье.

«Вы, матушка, я думаю, можете пріѣхать повидаться со мной, хотя къ намъ пускаютъ очень немногихъ, и на это надо особое разрѣшеніе раштатскаго коменданта. Эти баденцы и баварцы, по увѣренію многихъ, хорошіе католики, обходятся съ нами также круто, какъ и лютеране. Я помню, что Жоржъ называлъ все это комедіей, и онъ правъ. Я понялъ теперь, что ханжи и іезуиты самые жестокосердые люди, хотя они безпрестанно призываютъ имя Божіе, но, конечно, призываютъ его всуе.

«Впрочемъ, матушка, попробуйте счастья. Можетъ быть, въ этотъ день комендантъ хорошо поѣстъ, будетъ въ добромъ расположеніи духа и позволитъ вамъ повидаться со мною, что я желаю отъ всей души. Пора кончить письмо; цѣлую сотню разъ всѣхъ—отца, мать, Гредель, Жоржа и его жену.

Вашъ сынъ Жакобъ Веберъ».

«Я забылъ вамъ сказать, что нѣкоторые изъ нашихъ фальсбургскихъ товарищей бѣжали по сдачѣ города, въ томъ числѣ Жанъ-Батистъ-Вернеръ. Говорятъ, они отправились къ Гарибальди; какъ бы я желалъ быть на ихъ мѣстѣ. Нѣмцы говорятъ, что если они снова попадутся въ плѣнъ, то ихъ безъ милосердія разстрѣляютъ; но я увѣренъ, что никто не попадется, особливо Жанъ-Батистъ. Если бы у насъ было только двѣсти тысячъ такихъ людей, какъ онъ, то баденцы не надоѣдали бы намъ теперь своимъ супомъ съ бобами и своими пушками, направленными на насъ.

Раштатъ 6 января 1871 года».

Съ этой минуты моя жена не думала ни о чемъ, кромѣ какъ о свиданіи съ Жакобомъ; а черезъ два дня она отправилась въ Раштатъ, захвативъ съ собою большую корзину съ провизіей. Я ей не препятствовалъ, зная, что она не успокоится, пока не увидитъ своего дорогого дѣтища.

Что касается Гредель, она была совершенно спокойна, зная, что Жанъ-Батистъ Вернеръ находился въ отрядѣ Гарибальди. Я полагаю даже, что она получила отъ него извѣстіе, но она намъ никогда не показывала его писемъ, и теперь снова начала приставать ко мнѣ, спрашивая, куда мы спрятали ея приданое, которое должно было простираться до ста луидоровъ, такъ какъ ея мать принесла мнѣ столько же.

— Ищи,—отвѣчалъ я,—если найдешь, деньги твои.

Молодыя дѣвушки, желающія выйти замужъ, чрезвычайныя

эгоисты; имъ дѣла нѣтъ ни до семейства, ни до отечества, онѣ думаютъ только о томъ, какъ бы обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ. Конечно, не всѣ таковы, но половина изъ нихъ похожа на мою дочку.

Наконецъ, Гредель мнѣ ужасно надоѣла, и я сталъ желать, чтобы поскорѣе возвратился Жанъ-Батистъ, женился бы на ней и взялъ ея приданое.

Но другія болѣе серьезныя дѣла сосредоточили на себѣ вниманіе всего Эльзаса и всей Франціи.

Впослѣдствіи упрекали Гамбетту, зачѣмъ онъ послалъ армію Бурбаки оказать намъ помощь, снявъ осаду Бельфора. Увѣряли, что герцогъ Мекленбургскій и принцъ Фридрихъ-Карлъ могли напасть на Шанзи и разомъ его уничтожить, и что не слѣдовало раздѣлять нашихъ двухъ центральныхъ армій. Быть можетъ, это правда. Я даже полагаю, что Гамбетта сдѣлалъ большую ошибку, раздѣливъ наши силы, но вѣдь надо признаться, что если бы вдругъ усилившійся морозъ не помѣшалъ Бурбаки быстро совершить свой походъ и предупредить соединеніе Вердера съ посланными ему подкрѣпленіями, то Эльзасъ былъ бы освобожденъ, и мы напали бы на нѣмцевъ въ ихъ странѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Весь Эльзасъ возсталъ бы тогда, и нѣмцамъ пришлось бы жутко.

— Пусть только дойдутъ наши до Метца, мы всѣ тогда поднимемся,—твердилъ постоянно Жоржъ.

Да, во время войны не всякій планъ удастся, но когда противъ васъ не только непріятель, но холодъ, снѣгъ и дурныя дороги, а непріятель получаетъ все—войска, продовольствіе, снаряды—по желѣзнымъ дорогамъ, которыя ему отдали сдуру съ самаго начала кампаніи, то въ неудачѣ виноваты не тѣ, кто кончали войну, а тѣ, кто ее начинали.

Если бы не задержали его большіе снѣга, Бурбаки засталъ бы врасплохъ Вердера. Нѣмцы, видимо, боялись этого, потому что вдругъ снова начались реквизиціи; ландверъ, на этотъ разъ изъ Мэца, сталъ снова проходить мимо нашихъ селеній. Это были послѣдніе ландверцы, которыхъ мы видѣли; они шли изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Пруссіи, и я самъ слышалъ, какъ они говорили, что не выходили изъ вагоновъ три дня и три ночи. Они продолжали путь форсированнымъ маршемъ къ

Бельфору, въ то время какъ другія войска, прибывшія изъ-подъ Парижа, загромождали ліонскую желѣзную дорогу.

Жоржъ никакъ не могъ понять, какъ могли приходить войска изъ-подъ Парижа.

— Они врутъ,—говорилъ онъ.—Если бы армія, осаждающая Парижъ, дѣйствительно уменьшилась, то парижане вышли бы изъ города и стали бы преслѣдовать нѣмцевъ.

Въ то же время мы узнали, что нѣмцы покинули Дижонъ, Грей, Везуль, которые были тотчасъ заняты вольными стрѣлками Гарибальди, и что Вердеръ возводилъ сильныя укрѣпленія позади Бельфора. Очевидно, игра становилась жаркая, и Германія ставила на карту свои послѣднія силы.

«Indépendance» теперь постоянно говорила о мирѣ и о созваніи національнаго собранія въ Бордо; англійскія газеты начинали выражать сожалѣніе о нашей судьбѣ, какъ въ началѣ войны, когда онѣ увѣряли, что ея величество королева послѣ перваго сраженія явится примирительницею между борящимися сторонами. Я полагаю, что если бы французы одержали побѣду, то англичане подняли бы крикъ:

— Довольно, довольно! Уже слишкомъ много пролито человѣческой крови!

Но такъ какъ мы были побѣждены, то англійская королева не явилась примирительницей, а, вѣроятно, нашла, что дѣла идутъ отлично для ея зятя, добраго Фрица, и что Богъ держалъ сторону правыхъ.

И такъ снова началась эта журнальная комедія, и если бы экспедиція Бурбаки удалась, то удвоились бы крики и громкія фразы о бѣдномъ человѣчествѣ, цивилизаціи и международномъ правѣ, съ цѣлью помѣшать распространенію нашихъ успѣховъ.

По несчастью, судьба еще разъ была противъ насъ. Когда я говорю о судьбѣ, то считаю нужнымъ объясниться. Нѣмцы, не имѣя болѣе резервовъ въ своей странѣ, могли отозвать часть арміи изъ-подъ Парижа, такъ какъ ихъ не безпокоили вылазками. Если бы генералъ Трошю исполнилъ желаніе парижанъ, требовавшихъ боя, Мантейфель не могъ бы отрядить второй армейскій корпусъ для пораженія Бурбаки, а генералъ фонъ-Гебенъ не сосредоточилъ бы массы войскъ для пораженія Фэдерба на сѣверѣ; точно также другіе нѣмецкіе отряды не могли бы

присоединиться къ принцу Фридриху-Карлу для нападенія на Шанзи. Кажется, это ясно!

Впрочемъ, Франція все же не погибла, но была очень несчастна!

Въ это время, среди величайшихъ холодовъ, Бурбаки приближался къ Бельфору; онъ взялъ съ боя Эспрель и Виллерсексель; потомъ весь Эльзасъ узналъ съ радостью, что онъ постепенно занялъ Монбельяръ, Саръ-ле-Шато, Віанъ, Контъ-Гено и Шузе, освобождая страну еще болѣе несчастную, чѣмъ наша, такъ какъ ея жители не знали ни слова по-нѣмецки, и нѣмцы съ ними обходились еще жестокосерднѣе.

Надежда въ насъ воскресала. Мы съ Жоржемъ каждый вечеръ, сидя у огня, разговаривали о всѣхъ этихъ событіяхъ и перечитывали по три и по четыре раза газеты.

Моя жена возвратилась изъ Раштата, горя негодованіемъ на баденцевъ, которые не только не дозволили ей видѣться съ Жакобомъ, но даже отказались передать ему провизію. Она лишь издали видѣла деревянные бараки, окруженные рвами и четырьмя рядами часовыхъ. Гредель, Маріана и она съ этихъ поръ ежедневно говорили о несчастныхъ плѣнникахъ, и дали обѣтъ пойти на богомолье въ Марієнталь, если Жакобъ возвратится здоровый и невредимый.

Усталость, скука, дороговизна продовольствія, страхъ остаться безъ куска хлѣба, если война продолжится,— заставляли насъ серьезно задумываться, однако же, мы все-таки надѣялись. Наконецъ, «Indépendance» принесла намъ донесеніе генерала Шанзи о битвахъ при Монфорѣ, Шампанѣ, Парнисьи, л'Эвекѣ и другихъ мѣстахъ, въ которыхъ наши войска, тѣснимыя ста восьмидесяти тысячной нѣмецкой арміей подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго, должны были отступить до своихъ послѣднихъ позицій вокругъ Манса.

— Послушай,—сказалъ мнѣ въ этотъ вечеръ Жоржъ,—ты знаешь, я никогда не давалъ обѣтовъ, это не въ моихъ принципахъ, но я обѣщаю распить двѣ бутылки хорошаго вина съ тобою въ честь республики и дать по бутылкѣ каждому нищему въ селеніи, если мы выиграемъ завтрашнее сраженіе, такъ какъ изъ словъ Шанзи я вижу, что наша армія стиснута со всѣхъ сторонъ, и что завтра будетъ дана рѣшительная битва.

Это было 15 января 1871 года. Въ слѣдующіе два дня «Indépendance» не приходила,—случалось часто, что мы получали вдругъ по три и по четыре нумера. Между тѣмъ слухи распространялись, что мы потеряли сраженіе, и ландверцы въ Фальсбургѣ праздновали побѣду, распивая шампанское.

18 января, въ 2 часа пополудни явился почтальонъ Мишель. Я сидѣлъ у Жоржа, и мы оба, покуривая трубки, смотрѣли съ нетерпѣніемъ въ окно. Увидѣвъ издали Мишеля, Жоржъ побѣжалъ къ дверямъ.

— Ну!—воскликнулъ онъ.

— Вотъ газеты, г. Веберъ.

Жоржъ усѣлся за конторку, блѣдный, разстроенный, и вторяя вполголоса:

— Посмотримъ, посмотримъ.

Но вмѣсто того, чтобы начать чтеніе съ перваго нумера, онъ прочелъ про себя во второмъ донесеніе Шанзи, который описывалъ, что все наканунѣ обстояло благополучно, и только вслѣдствіе какой-то непостижимой паники, распространившейся между бретонскими мобилями, часть его арміи обратилась въ бѣгство; ни онъ, ни вице-адмиралъ Жоренгибери не могли ихъ остановить, и пруссаки вмѣстѣ съ нашими ворвались въ несчастный городъ Мансъ, гдѣ и взяли много плѣнныхъ.

Я видѣлъ, какъ лицо Жоржа измѣнялось съ каждой минутой; наконецъ, онъ бросилъ газету на столъ и произнесъ:

— Все потеряно!

Эти слова пронзили мое сердце, словно кинжаломъ.

Я взялъ, однако, газету и прочиталъ ее съ начала до конца. Шанзи не терялъ надежды сформировать снова свою армію въ Лавалѣ: Гамбетта отправлялся къ нему, чтобы поддержать его своей мужественной энергіей.

— Вотъ посмотри,—сказалъ Жоржъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

Пласіаръ проходилъ мимо подъ руку съ офицеромъ ландвера и въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ; они собирали реквизиціи и вошли въ сосѣдній домъ.

— Вотъ олицетворенный плебисцитъ, — продолжалъ Жоржъ.—Подлецъ Пласіаръ служитъ теперь уже императору Вильгельму, потому что у нѣмцевъ теперь есть свой императоръ, какъ былъ у насъ свой; они скоро узнаютъ, что стоитъ слава;

всякому свой чередъ. И съ ними, пожалуй, будетъ то же, что было съ нами, когда мы, увлеченные идеей славы, для этого призрака жертвовали своей свободой и независимостью. Нѣмцы повторяютъ нашу ошибку, но придетъ время и они должны будутъ выслушать подобную рѣчь: «А, Михель *) скажутъ тогда распорядители судебъ нѣмецкаго народа: держи руки по швамъ, голову вправо, туловище влѣво!.. А, разбойникъ! Ты дѣлаешь гримасы... Я тебѣ покажу, что сила выше права въ Германіи, какъ и во всякой другой странѣ. На! Получи пощечину!.. Какъ тебѣ это нравится, Михель? А! Ты думалъ, что одерживаешь побѣды для германской свободы!.. Дуракъ!».

— Надо же быть такими несчастными, — продолжалъ Жоржъ, горячась все болѣе и болѣе:— надо же, чтобъ нѣмцы съ шестью стами тысячъ солдатъ застали насъ врасплохъ, безъ оружія, безъ снарядовъ, безъ начальниковъ, безъ всего. А депутаты большинства отвергали обязательную военную службу; они боялись вооружить всю націю, они не хотѣли рисковать шкурой своихъ дѣтей, одинъ народъ долженъ былъ проливать кровь для защиты ихъ замковъ и помѣстій. Презрѣнные эгоисты! Они — настоящая причина нашей погибели; ихъ имена надо бы выгравировать во всѣхъ общинахъ, чтобы наши дѣти научились проклинать ихъ.

Жоржъ съ каждымъ днемъ становился раздражительнѣе; это было неудивительно. Мы каждую минуту получали извѣстія о новыхъ бѣдствіяхъ; сначала о сдачѣ Перонны, въ ту самую минуту, какъ Фадербъ шелъ ее освободить, и объ отступленіи нашей сѣверной арміи на Лиль и Камбрэ въ виду громадной арміи фонъ-Гебена, прибывшей частью изъ-подъ Парижа; потомъ о знаменитомъ наступательномъ движеніи Бурбаки изъ Монбельяра на Водуа, которое онъ возобновлялъ въ теченіе трехъ дней 15, 16 и 17 января, но безуспѣшно, такъ какъ Вердеръ получилъ подкрѣпленія, а походу Бурбаки мѣшали дороги, испорченныя дождемъ и снѣгомъ; наконецъ, о движеніи Мантейфеля изъ-подъ Парижа съ шестьюдесятью тысячнымъ корпусомъ, въ тылъ Бурбаки съ цѣлію отрѣзать его арміи путь къ отступленію.

Тогда мы поняли, что ландверцы были правы, разсказывая

---

*) Прозвище нѣмца, соотвѣтствующее Жаку Боному или Джону Булю.

о прибытіи подкрѣпленій изъ-подъ Парижа, и Жоржъ, понимавшій эти дѣла лучше меня, потерялъ то великое довѣріе, которое онъ до тѣхъ поръ питалъ къ Трошю.

— Или парижане трусы, отказывающіеся драться, въ чемъ я сомнѣваюсь,—сказалъ онъ,—такъ какъ я ихъ хорошо знаю, или главнокомандующій недостаточно смѣлъ. До сихъ поръ мы видимъ, что осаждающіе получали подкрѣпленія, а теперь мы видимъ, что войска, осаждающія городъ, въ которомъ солдаты, оружія и снарядовъ болѣе, чѣмъ у нихъ, отдѣляютъ цѣлыя арміи и отсылаютъ ихъ на далекія разстоянія. Это рѣшительно непонятно. Я увѣренъ, что парижане требуютъ вылазокъ, особливо теперь, когда становится чувствителенъ голодъ. Если бы эти вылазки производились часто, то нѣмцамъ пришлось бы удержать подъ Парижемъ всѣ свои войска, а не разсылать ихъ въ разные пункты для подкрѣпленія войскъ, сражающихся съ нашими слабыми арміями.

Чтобы не говорили теперь, но я раздѣлялъ тогда и раздѣляю теперь мнѣніе Жоржа.

Единственное событіе, доставившее намъ небольшое удовольствіе въ концѣ этого несчастнаго января мѣсяца было взорваніе вольными стрѣлками моста на желѣзной дорогѣ въ Фонтенэ, между Нанси и Тулемъ. Но наша радость продолжалась не долго; черезъ три или четыре дня объявленія, вывѣшенныя на дверяхъ мэріи, извѣщали насъ, что нѣмцы сожгли селеніе Фонтенэ въ наказаніе жителямъ, отказавшимся выдать вольныхъ стрѣлковъ, и что всѣ мы, лотарингцы, были обязаны уплатить за это преступленіе чрезвычайную контрибуцію въ десять милліоновъ франковъ.

Въ то же время видя, что французскіе работники отказываются отъ починки моста, прусскій префектъ департамента Мерты писалъ къ мэру Нанси:

«Если завтра, во вторникъ 24 января, къ 12 часамъ, 500 работниковъ не явятся на станцію желѣзной дороги, то надсмотрщики и извѣстное количество рабочихъ будутъ схвачены и на мѣстѣ разстрѣляны.

Этого префекта звали Ренаръ, «графъ Ренаръ»

Я привожу его имя для того, чтобы о немъ не забылъ ни одинъ французъ.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ еще ожидало.

Однажды утромъ, пруссаки дали мнѣ смолоть нѣсколько мѣшковъ зерна; я не могъ отказаться работать на нихъ, потому что иначе они меня избили бы и, быть можетъ, увели бы въ Мэцъ. Я давно уже увѣрялъ, что мельница не могла работать отъ снѣга, льда и пониженія воды въ шлюзѣ, но теперь шелъ дождь, снѣгъ растаялъ, шлюзъ былъ переполненъ водой, и мнѣ пришлось поневолѣ работать. Было, кажется, 2 или 3 февраля, хорошенько не помню, такъ смутила меня эта исторія. Я работалъ на мельницѣ вмѣстѣ съ Офраномъ и Катериной, которые мнѣ помогали. Гредель, убравъ кухню и разведя огонь въ печкѣ, одѣвалась въ своей комнатѣ.

Вдругъ, часовъ въ 8 утра, я увидалъ Жоржа и Маріапу, приближавшихся къ мельницѣ. Онъ шелъ быстрыми шагами, а она слѣдовала за нимъ вприпрыжку. На улицѣ кромѣ нихъ было нѣсколько сосѣдей и какой-то проходящій ландверецъ.

— Ты знаешь, что дѣлается? — воскликнулъ Жоржъ, еще издали увидавъ меня.

— Нѣтъ. А что?

— Заключено перемиріе на двадцать одинъ день; парижскіе форты сданы непріятелю, который можетъ сжечь городъ, когда ему вздумается, и послать всѣ свои войска противъ Бурбаки, потому что перемиріе не касается военныхъ дѣйствій на востокѣ.

Жоржъ былъ блѣденъ, и голосъ его дрожалъ. Гредель слушала его, стоя на лѣстницѣ и причесывая себѣ волосы.

— Вотъ посмотри, Христіанъ, — продолжалъ Жоржъ, держа въ рукахъ газету: — прочти-ка. Всѣ отряды Бурбаки и Гарибальди переданы въ руки непріятеля этимъ перемиріемъ. Мантейфель, идя изъ Парижа съ 60.000-мъ корпусомъ, отрѣзалъ имъ отступленіе, и несчастнымъ, поставленнымъ между арміями Мантейфеля и Вердера, остается только сдаться. Всѣ бѣжавшіе изъ Мэца, Страсбурга и другихъ крѣпостей къ Гарибальди будутъ разстрѣляны, въ томъ числѣ и наши несчастные фальсбургскіе мобили; ни одинъ изъ нихъ не избѣгнетъ горькой участи.

Пока Жоржъ говорилъ, Гредель сошла съ лѣстницы, даже не потрудившись надѣть башмаки, и блѣдная, какъ смерть, читала газету черезъ его плечо. Жоржъ теперь пожалѣлъ, что принесъ газету, но уже было поздно; Гредель выхватила ее изъ его рукъ

и стала бѣгать взадъ и впередъ, какъ сумасшедшая, крича во все горло:

— Подлецы! Разбойники! Мой бѣдный Жанъ-Батистъ! Мой бѣдный Жанъ-Батистъ!

Она, казалось, искала какого-нибудь оружія, а я, боясь плачевныхъ послѣдствій этой вспышки, старался ее успокоить.

— Гредель, ради Бога, не дѣлай скандала! Тебя услышатъ всѣ сосѣди!

— Молчите,—отвѣчала она свирѣпо; — вы причина всѣхъ нашихъ несчастій!

— Я!? — воскликнулъ я съ негодованіемъ.

— Да, вы!—повторила она, бросая на меня убійственный взглядъ.— Вы, съ вашимъ плебисцитомъ; вы обманули всѣхъ, обѣщая миръ. Идите къ Базэну и къ другимъ измѣнникамъ, вы такой же, какъ и они.

— Гредель! Гредель!—воскликнулъ я, испугавшись ея словъ и грознаго вида.—Какъ ты смѣешь говорить такъ съ своимъ отцомъ? Ты знаешь, что я былъ обманутъ, какъ и другіе.

— Боже мой!—воскликнула моя жена. —Гредель, ты насъ всѣхъ погубишь!

— Ее надо простить,— сказала Маріана;—несчастная рехнулась.

Я никогда не подвергался такому униженію и еще отъ родной дочери! Но Гредель никогда не пощадила; когда Жоржъ хотѣлъ ее усовѣстить, она закричала:

— Вы! Вы смѣете еще говорить! Вы, старый солдатъ! Стыдитесь, вамъ надо не газеты читать, а сражаться. Ландверцы такіе же старые, какъ и вы, сѣдые, въ очкахъ, а они всѣ идутъ въ походъ. Вотъ почему насъ и бьютъ.

При этихъ словахъ я вышелъ изъ себя и побѣжалъ за плеткой, чтобъ примѣрно наказать непокорную дочь, какъ вдругъ, по несчастью, въ дверяхъ показался ландверецъ. Увидавъ его, Гредель такъ дико вскрикнула, что волосы у меня встали дыбомъ, и схватила кирку. Жоржъ успѣлъ только удержать ее за волосы, но кирка уже разсѣкла воздухъ и вонзилась на три пальца въ дверь.

Ландверецъ, старикъ, съ сѣдыми волосами, видѣлъ, какъ желѣзное орудіе пронеслось мимо его уха, и слышалъ, какъ Гредель, удерживаемая Жоржемъ, кричала:

— Подлець! Я въ него не попала!

Ландверецъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Я послѣдовалъ за нимъ, боясь, что онъ пойдетъ къ мэру, но онъ пробѣжалъ далѣе, по дорогѣ въ Вехемъ!

Тогда Гредель поняла, что поступила не хорошо; она пошла къ себѣ въ комнату, надѣла башмаки, взяла корзинку, хлѣбъ и ножикъ и бѣгомъ отправилась въ горы, гдѣ наша корова и коровы сосѣдей паслись подъ присмотромъ стараго пастуха.

— Вотъ скверная исторія! — сказалъ Жоржъ. — Ландверецъ на тебя донесетъ и сегодня вечеромъ явятся за тобою прусскіе жандармы. Бѣдный Христіанъ! Откуда у тебя такая дикая дочка? Она совсѣмъ не походитъ на свою мать и бабушку.

— Что дѣлать, — замѣтила Маріана; — она любитъ своего Жана-Батиста.

— Жаль, что они уже не женились, — подумалъ я. — Будь онъ здѣсь, я бы сейчасъ далъ свое согласіе.

Но надо было устроить какъ-нибудь исторію съ ландверцемъ; Жоржъ совѣтовалъ его догнать и купить хоть дорогой цѣной его молчаніе. Правда, пруссаки падки на деньги, но гдѣ его было искать? Къ тому же у меня не было теперь лошадей, а бѣгомъ его нельзя было догнать. Дѣлать нечего, пришлось представить свою судьбу милосердію Божію.

Но, странно сказать, этотъ ландверецъ никогда болѣе къ намъ не показывался. Въ тотъ же день, два другіе нѣмца съ поручикомъ Гартигемъ приходили за мукой и не говорили ни слова о случившемся. Два дня мы со страхомъ ожидали жандармовъ, но не было ни слуху, ни духу объ оскорбленіемъ ландверцѣ. Вѣроятно, это былъ мародеръ, одинъ изъ тѣхъ мошенниковъ, которые безъ приказанія начальства являлись за различными реквизиціями, получали ихъ и потомъ перепродавали въ другихъ селеніяхъ; мы часто видали подобные примѣры. Вотъ какъ я впослѣдствіи объяснялъ себѣ это обстоятельство; но въ то время я не зналъ ни минуты покоя, а Катерина, увидавъ на дорогѣ кого бы то ни было, кричала:

— Христіанъ! Христіанъ, спасайся! Идутъ прусскіе жандармы!

Что касается Гредель, то она оставалась цѣлую недѣлю въ лѣсу на Краненфельцѣ, гдѣ дровосѣки каждое утро ее навѣщали

и разсказывали ей о всемъ, что происходило въ селеніи. Наконецъ, она возвратилась совершенно веселая: она прошла прямо въ свою комнату, перемѣнила платье и принялась за свою работу, не говоря ни слова о прошедшемъ. Мы, конечно, съ своей стороны нисколько не желали напоминать ей о Жанѣ-Батистѣ, но видя насъ постоянно грустными, она, наконецъ, сама заговорила о немъ.

— Нечего грустить! Теперь все идетъ хорошо. Вотъ прочтите, — сказала она.

И она подала намъ письмо Жана-Батиста Вернера, полученное ею въ горахъ. Въ этомъ письмѣ, которое я прочелъ съ большимъ удивленіемъ, Вернеръ разсказывалъ, что онъ желалъ сначала присоединиться къ Гарибальди въ Дижонѣ, но за недостаткомъ денегъ принужденъ былъ остаться въ Безансонѣ, гдѣ организовались отряды вогезскихъ и эльзасскихъ волонтеровъ. Съ прибытіемъ Бурбаки онъ вступилъ пушкаремъ въ 18-й корпусъ; черезъ два дня произошли битвы при Эспрелѣ и Виллерсексель, въ которыхъ пруссаки потеряли много убитыми и, тѣснимые нашими колоннами, отступили по ту сторону Лизены, между Монбельяромъ и Водуа, гдѣ Вердеръ укрѣпился со всей своей арміей за большими рвами, защищенными батареями. Не смотря на это, Бурбаки, желая во что бы то ни стало освободить Бельфоръ и вступить въ Эльзасъ, приказалъ общую аттаку по всей линіи; вслѣдствіе этого въ продолженіе трехъ дней вся окрестная страна превратилась какъ бы въ адъ отъ страшнаго огня прусскихъ и нашихъ батарей. Но, къ несчастію, мы не могли проложить себѣ дороги черезъ непріятельскіе ряды, и въ виду усталости, холода, голода и недостатка въ снарядахъ, мы должны были отступить: впрочемъ, оставалась надежда вскорѣ снова предпринять наступательное движеніе, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что другая нѣмецкая армія, идя отъ Парижа, грозила намъ отрѣзать отступленіе близъ Доля. Тогда Бурбаки бросился на Понтарлье; но свѣжія нѣмецкія войска имѣли надъ нами большое преимущество, и съ другой стороны Вердеръ шелъ по нашимъ пятамъ, такъ что Бурбаки былъ совершенно окруженъ при Безансонѣ; въ отчаяніи онъ хотѣлъ лишить себя жизни, но только нанесъ себѣ тяжелую рану. Послѣ него главное начальство принялъ генералъ Клинчанъ; не смотря на всѣ невыгоды нашего положенія, ему,

по всей вѣроятности, удалось бы пройти чрезъ Юру въ Ліонъ, но въ это время мэры всѣхъ окрестныхъ селеній обнародовали прокламаціи о заключеніи перемирія; наша армія, считая себя въ безопасности, перестала думать о сохраненіи себѣ пути къ отступленію, а многіе солдаты, побросавъ оружіе, разошлись по селеніямъ; между тѣмъ пруссаки заняли всѣ горные проходы и генералъ Мантейфель, объявивъ, что перемиріе не касается военныхъ дѣйствій на востокѣ, потребовалъ, чтобы наша армія сдалась на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сдались арміи въ Седанѣ и Мэцѣ: но солдаты республики не хотѣли положить оружія и пробились чрезъ снѣга, горы и тысячи прусскихъ труповъ въ Швейцарію.

Жанъ-Батистъ Вернеръ подробно описывалъ все, что онъ вытерпѣлъ: какъ его 18-й корпусъ охранялъ отступленіе и сражался на каждомъ поворотѣ дороги, на каждомъ уступѣ, въ каждомъ ущельѣ, гдѣ массы враговъ заграждали намъ дорогу; какъ тысячи нашихъ солдатъ погибали отъ усталости, холода и голода: наконецъ, какъ благородные швейцарцы приняли несчастныхъ съ распростертыми объятіями. Они приняли насъ не какъ чужихъ, а какъ братьевъ: каждый городъ, каждое селеніе, каждый домъ были радушно открыты для несчастныхъ; мы теперь понимали, что швейцарцы—великій народъ, ибо величіе соразмѣряется не объемомъ страны, но возвышеннымъ характеромъ и человѣколюбіемъ ея обитателей, ихъ уваженіемъ къ несчастнымъ, но мужественнымъ бойцамъ, ихъ любовью къ свободѣ и справедливости. Но всего этого нѣмцы даже не понимаютъ.

Сколько впослѣдствіи швейцарцы присылали нашимъ соотечественникамъ, раззоренныхъ войною, всякаго рода вспомоществованій! Тутъ были деньги, одежда, продовольствіе, сѣмена. Вездѣ ихъ получали наши пострадавшіе братья, въ Саверне, въ Фальсбургѣ, въ Пети-Пьерѣ. Тогда мы увидѣли, что небо и земля не отреклись совсѣмъ отъ насъ, что были на свѣтѣ истинно-честныя сердца, что не всѣ люди были рождены для грабежа, убійства и поджоговъ, что не всѣ были лицемѣры, а существуютъ и настоящіе христіане, истинные послѣдователи того, кто сказалъ: «любите другъ друга, вы всѣ братья».

Это письмо Жана-Батиста Вернера доставило мнѣ большое

удовольствіе и я долженъ былъ сознаться, что онъ храбрый малый и честный патріотъ.

Между тѣмъ политика шла своимъ чередомъ: теперь дѣло было въ томъ, чтобы выбрать депутатовъ въ національное собраніе, которое должно было рѣшить вопросъ о заключеніи мира или о продолженіи войны. Перемиріе, заключенное на двадцать дней, не имѣло, повидимому, другой цѣли.

Всѣ, нежелавшіе сдѣлаться пруссаками, горячо занялись выборами: Жоржъ и я ретивѣе всѣхъ. Я упрекалъ себя ежедневно за свое участіе въ голосованіи плебисцита и потому теперь старался всѣми силами помочь избранію представителей республиканской партіи. Но старая комедія началась съизнова: теперь между нами уже не было ни бонапартистовъ, ни легитимистовъ, ни орлеанистовъ: всѣ кричали:

— Мы республиканцы! Подавайте за насъ голосъ.

Но вездѣ, гдѣ прошли нѣмцы, жители съ горечью вспоминали о плебисцитѣ и каждый начиналъ понимать, что насъ сгубила эта недостойная комедія, и что необходимо судить людей по ихъ дѣйствіямъ, а не по ихъ словамъ.

Въ Страсбургѣ и въ Нанси всѣ, желавшіе остаться французами, выбрали старыхъ, испытанныхъ республиканцевъ, которые и отправились тотчасъ же въ Бордо. Гамбетта былъ избранъ у насъ и въ департаментѣ Мерты; онъ былъ выбранъ также и во многихъ другихъ департаментахъ, вмѣстѣ съ Тьеромъ, Гарибальди, Фэдербомъ, Шанзи и другими.

Эти выборы снова воскресили въ насъ надежду; мы думали, что вездѣ, на югѣ и западѣ, дѣло происходило такъ же, какъ и у насъ.

Гамбетта, который никогда не терялъ головы въ опасныя и трудныя минуты, объявилъ, что всѣ старые, офиціальные депутаты имперіи, всѣ старые министры, сенаторы, члены государственнаго совѣта и префекты не могли быть избраны депутатами.

Жоржъ находилъ эту мѣру вполнѣ справедливой.

— Когда какой-нибудь кутила прогуляетъ все свое состояніе, ведя развратную жизнь,—говорилъ онъ,—то его отдаютъ подъ опеку и лишаютъ гражданскихъ правъ; тѣмъ болѣе слѣ-

дуетъ это сдѣлать съ людьми, которые разорили насъ въ пухъ и прахъ, ограбили націю и подвергли опасности двѣ лучшія наши провинціи. Всѣхъ ихъ слѣдовало бы навсегда лишить политическихъ правъ.

Но Бисмаркъ, который разсчитывалъ, что старые чиновники второй имперіи выразятъ благодарность честному человѣку за его прекрасное поведеніе въ Седанѣ и за подарокъ Мэца нѣмцамъ, протестовалъ противъ декларацiи Гамбетты, говоря, что выборы, веденные такимъ образомъ, не будутъ свободны, а свобода такъ дорога его сердцу, что онъ скорѣе согласится уничтожить перемиріе, чѣмъ ограничить свободу выборовъ.

— Какъ!—воскликнулъ Жоржъ.—Бисмаркъ, который нѣкогда совѣтовалъ прусскимъ депутатамъ выражаться осторожно противъ бароновъ, этотъ самый Бисмаркъ хочетъ запрещать у насъ свободу съ цѣлью поддержать Бонапарта! Нечего сказать, хорошій защитникъ свободы!

По несчастью, все это ни къ чему не вело; пруссаки занимали парижскіе форты и угрозы Бисмарка имѣли болѣе значенія для Франціи, чѣмъ слова Гамбетты. Поэтому пришлось уступить еще разъ и многіе изъ нашихъ депутатовъ обязаны Бисмарку своимъ избраніемъ въ члены національнаго собранія.

Эти защитники французской республики, выбранные по милости Бисмарка, тотчасъ доказали ему свою благодарность, освиставъ Гарибальди за то, что онъ старый, больной, съ двумя сыновьями пріѣхалъ изъ Италіи сражаться съ врагами Франціи и сдѣлалъ это въ то время, когда вся Европа отъ насъ отвернулась.

Гарибальди не могъ даже имъ отвѣчать; такъ громко кричали и свистали эти народные представители. Онъ преспокойно удалился. Я долженъ со стыдомъ признаться, что въ слѣдующее воскресенье патеръ Даніэль и многіе другіе патеры въ нашей странѣ проповѣдывали, что Гарибальди былъ разбойникъ. Я ихъ не упрекаю: они получили приказаніе отъ своихъ епископовъ. Бѣдный сельскій патеръ совершенно зависитъ отъ епископа и я знаю, что многіе изъ нихъ, уважая Гарибальди, не охотно исполняли полученный приказъ, но не исполнять его не смѣли; поэтому я и сожалѣю ихъ.

Вѣроятно, Бисмаркъ, видя все это, смѣялся въ кулакъ; у него оказалось болѣе друзей, чѣмъ можно было предположить.

Вслѣдъ за этимъ національное собраніе въ Бордо заключило миръ, отдавъ нѣмцамъ Эльзасъ и Лотарингію и обязавшись уплатить пять милліардовъ контрибуціи. Требовалось очень немного труда, чтобы заключить миръ на подобныхъ тяжкихъ условіяхъ.

Тогда наши бѣдные депутаты Эльзаса и Лотарингіи, провинцій, объявленныхъ нѣмецкими провинціями, подали слѣдующій протестъ:

«Представители Эльзаса и Лотарингіи, прежде чѣмъ условія мира вступятъ въ силу, считаютъ обязанностію внести въ національное собраніе декларацію, которой они заявляютъ самымъ положительнымъ образомъ, отъ имени обѣихъ провинцій, ихъ желаніе и право остаться французскими.

«Преданные владычеству чужестранцевъ попраніемъ всякой справедливости и гнуснымъ злоупотребленіемъ силы, мы должны еще исполнить одинъ послѣдній долгъ.

«Мы считаемъ не дѣйствительнымъ и не обязательнымъ для себя постановленіе собранія, которое распорядилось нами безъ нашего на то согласія. Мы не признаемъ мирнаго договора.

«Всѣмъ и каждому предоставляется возстановить наши права во всякое время, въ той формѣ и въ той мѣрѣ, какія опредѣлитъ наша совѣсть.

«Въ ту минуту, какъ мы покидаемъ это собраніе, оставаться въ которомъ долѣе не позволяетъ вамъ наше достоинство, и не смотря на всю горечь нашей печали, мы продолжаемъ думать съ благодарностью о тѣхъ, кто въ продолженіе шести мѣсяцевъ защищалъ насъ, и съ любовью объ отечествѣ, отъ котораго насъ насильственно отрываютъ.

«Мы всегда будемъ желать вамъ всякаго успѣха и станемъ ожидать, съ полной увѣренностью въ будущность Франціи, чтобъ она, возстановленная и возрожденная, продолжала выполнять свое великое назначеніе.

«Ваши братья, эльзасцы и лотарингцы, отдѣленные на время отъ общей семьи, сохранятъ къ Франціи сыновнюю любовь, до той минуты, пока снова Франція займетъ свое мѣсто, какъ дорогое отечество у нашихъ домашнихъ очаговъ».

Вотъ что говорили наши депутаты.

Тьеръ спросилъ ихъ, знаютъ ли они иное средство спасти Францію? Никто не отвѣчалъ. По несчастью, другого средства не было. Послѣ капитуляціи Парижа, для спасенія всего организма, необходимо было пожертвовать рукою.

Половина депутатовъ уже заботилась о совершенно иномъ; послѣ заключенія мира, они думали только объ измѣненіи формы правленія и обезстоличеніи Парижа, какъ выражались ихъ газеты, за провозглашеніе имъ республики! Всѣ эти люди, увѣрявшіе своихъ избирателей въ своей преданности республикѣ, рѣшились дѣйствовать противъ нея.

Гамбетта вышелъ изъ палаты вмѣстѣ съ нашими депутатами; другіе старые республиканцы, освистанные каждый разъ, когда они хотѣли говорить, подали въ отставку.

Парижъ волновался и было ясно, что въ немъ могло обнаружиться возстаніе, если не будутъ приняты мѣры для удовлетворенія желаній парижскаго населенія.

Около этого времени, въ первыхъ числахъ марта 1871 года, сборщики податей, контролеры и другіе прусскіе чиновники замѣнили нашихъ. Объявлено было, что французскій языкъ уже не будетъ преподаваться въ школахъ и предложено всѣмъ храбрымъ эльзасцамъ вступить въ армію и даже въ гвардію его величества короля прусскаго и императора германскаго. Въ это время старый товарищъ Жоржа, Николай Гагъ, сѣдельникъ, человѣкъ богатый и пользовавшійся большею извѣстностью въ своемъ ремеслѣ, пріѣхалъ изъ Парижа повидаться съ нимъ.

Николай Гагъ купилъ передъ войною много виноградниковъ въ Эльзасѣ и намѣревался по ликвидаціи своихъ дѣлъ поселиться у насъ, но теперь, слыша объ отношеніяхъ нѣмцевъ къ здѣшнему населенію и видя страну въ ихъ рукахъ, желалъ только продать свои виноградники, не считая возможнымъ жить при такихъ порядкахъ.

Можно себѣ представить, съ какимъ радушіемъ Жоржъ и Маріана приняли своего стараго пріятеля; ему отвели комнату въ верхнемъ этажѣ и онъ сдѣлался какъ бы членомъ ихъ семейства.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ красными ушами, небольшой круглой бородой, въ бархатномъ жилетѣ съ золотой цѣпью и брелоками, однимъ словомъ, настоящій эльзасецъ, здравомыслящій и опытный.

Его жена, уроженка изъ Баръ-ле-Дюка и его двѣ дочери гостили въ то время у родственниковъ, отдыхая отъ страданій и безпокойствъ, перенесенныхъ во время осады Парижа. Что же касается до него, онъ только старался продать свои виноградники съ возможно меньшей потерей, такъ какъ онъ вовсе не желалъ производить дѣтей, которые должны будутъ вступить въ нѣмецкія арміи и, пожалуй, драться съ французами.

На другой день, послѣ своего пріѣзда, за обѣдомъ у Жоржа, Николай Гагъ разсказалъ намъ всѣ бѣдствія парижской осады. По его словамъ, во все продолженіе этой долгой зимы, каждый день передъ булочными и мясными лавками толпились старики въ лохмотьяхъ и дрожавшія отъ холода женщины съ дѣтьми, ожидая по три и по четыре часа, подъ дождемъ и снѣгомъ, небольшой ломоть чернаго хлѣба или кусокъ лошадинаго мяса и, несмотря на все это, онъ никогда не слыхалъ, чтобъ эти бѣдствующіе люди совѣтовали сдаться; тогда какъ генералы и штабные офицеры, съ первыхъ дней осады объявляли безъ всякаго стыда, что Парижъ не можетъ держаться. Всѣ эти люди, гордившіеся нѣкогда своими званіями и титулами и теперь державшіе въ своихъ рукахъ честь націи, обезнадеживали своими словами тѣхъ, которые надѣялись на нихъ и насчетъ которыхъ они, въ продолженіе многихъ лѣтъ, безобразничали въ Сенъ-Клу, Компьенѣ, Тюльери и такъ далѣе.

По мнѣнію Николая Гага, всѣ наши несчастія отъ Седана до капитуляціи Парижа происходили отъ недоброжелательства штабныхъ офицеровъ, членовъ различныхъ комитетовъ и всѣхъ должностныхъ лицъ имперіи, которые очень хорошо знали, что если республика изгонитъ пруссаковъ, то никто въ мірѣ ее не уничтожитъ; этого-то именно они и не желали.

— Теперь кричатъ много противъ генерала Трошю,—говорилъ Гагъ.—Конечно, болѣе всѣхъ бонапартисты, которые не могутъ ему простить, что онъ предпочелъ защиту Франціи защитѣ бонапартовской династіи. Они сваливаютъ на него всѣ наши бѣдствія и многіе республиканцы простодушно слушаютъ эти упреки. Но они забываютъ, что Трошю прибылъ въ Парижъ въ послѣднюю минуту, когда все уже было потеряно; пруссаки шли форсированнымъ маршемъ на столицу, а Макъ-Магонъ, бросивъ столицу по приказанію императора, отправился въ Седанъ, гдѣ была уничтожена та армія, которая должна была

насъ охранять. Трошю нашелъ Парижъ безъ оружія, безъ войска, безъ снарядовъ, безъ продовольствія, всѣ улицы были загромождены мужчинами, женщинами, дѣтьми, спасавшимися со всѣми своими пожитками изъ окрестностей. Среди такого-то хаоса нужно было водворить порядокъ, вооружить форты, организовать національную гвардію, распредѣлить все продовольствіе на раціоны, наконецъ, обучить тысячи людей, неимѣвшихъ понятія о военной службѣ, обращаться съ ружьемъ, маршировать и не робѣть подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. Когда вспомнишь все это, то надо признаться, что одного человѣка для такой работы было мало и что если были сдѣланы ошибки, то не слѣдуетъ винить въ этомъ генерала Трошю, а тѣхъ измѣнниковъ, которые довели насъ до этого положенія. Первое дѣло — справедливость. Ясно, что если бъ генералъ Трошю имѣлъ подъ своимъ начальствомъ настоящихъ солдатъ и настоящихъ офицеровъ, онъ могъ бы сдѣлать большія вылазки, могъ бы пробиться сквозь непріятельскіе ряды или, во всякомъ случаѣ, удержать всю нѣмецкую армію вокругъ Парижа. Но какъ хотите вы, чтобъ я, Николай Гагъ, сѣдельный мастеръ, Клодъ Фришо, мой сосѣдъ москательщикъ и 200,000 намъ подобныхъ людей, непонимающихъ даже военной команды, сражались также хорошо, какъ старые солдаты? У насъ не было недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ храбрости, но дѣло мастера боится. Я уже не говорю о нашихъ ружьяхъ съ пистонами и о тысячѣ подобныхъ вещей, которыя приводили насъ въ уныніе при видѣ враговъ, вооруженныхъ всѣми новѣйшими изобрѣтеніями. Трошю, конечно, думалъ о всемъ этомъ, и я полагаю, что ни его, ни Жюля Фавра, ни Гамбетту, ни кого другого изъ лицъ, объявившихъ республику 4 сентября, нельзя обвинять въ нашихъ несчастьяхъ. Во всемъ виноватъ одинъ Бонапартъ и его подлые клевреты.

Всѣ эти объясненія Николая Гага вполнѣ подтверждали предсказанія Жакоба Дежардена, что эгоисты насъ предадутъ. Теперь если установимъ у себя окончательно республику, вѣроятно, придетъ день, когда привлекутъ къ справедливой отвѣтственности всѣхъ тѣхъ, кто довелъ насъ до такого несчастнаго положенія, такъ какъ это было единственное средство возстановить Францію и подготовить въ будущемъ день мести. Обдумавъ все это, я рѣшился продать мельницу и все, что имѣлъ въ

этой странѣ и переселиться во Францію, тѣмъ болѣе, что я не могъ видѣть, какъ Пласіаръ и другіе прусскіе чиновники громко кричали по улицамъ: «Да здравствуетъ старая Германія!»

Я передалъ Жоржу о моемъ намѣреніи, но онъ сказалъ:

— Если всѣ эльзасцы и лотарингцы удалятся, то черезъ пять или шесть лѣтъ наша страна станетъ совершенно прусской. Вмѣсто того, чтобъ уѣзжать въ Америку, нѣмцы сотнями тысячъ станутъ переселяться сюда; они найдутъ здѣсь почти задаромъ поля, луга, виноградники, лѣса и вообще самую богатую почву центральной Европы. Какъ рады будутъ Бисмаркъ и король Вильгельмъ, если мы всѣ уберемся отсюда. Нѣтъ, я остаюсь. Это не значитъ, что я хочу быть пруссакомъ; напротивъ... Въ мирномъ трактатѣ, такъ дурно составленномъ, есть, однако, двѣ хорошихъ статьи: первая говоритъ, что эльзасцы и лотарингцы, живущіе въ Эльзасѣ и Лотарингіи, могутъ до октября 1872 года принять французскую національность подъ условіемъ избрать себѣ мѣстожительство во Франціи; вторая статья дозволяетъ французамъ сохранить свое недвижимое имущество въ Германіи. Я тотчасъ принимаю французскую національность и выбираю себѣ мѣстомъ жительства Парижъ, домъ моего друга Николая Гага, который окажетъ мнѣ эту дружбу. Я вовсе не желаю быть бургомистромъ, муниципальнымъ совѣтникомъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ; я буду довольствоваться хорошей землей, хорошимъ домомъ и хорошей торговлей. Да, я сейчасъ же выскажусь въ пользу французской національности и если всѣ тѣ, которые могутъ выбрать себѣ мѣстожительство во Франціи, послѣдуютъ моему примѣру, то у насъ будутъ нѣмецкія власти, но земля и люди останутся французскими, а въ землѣ и въ людяхъ заключается все.

Развѣ наши старые префекты и подъ-префекты, назначаемые честнымъ человѣкомъ, не были такіе же для насъ чужестранцы, какъ эти нѣмцы? Развѣ они думали о чемъ-нибудь кромѣ сбора налоговъ, назначенныхъ ихъ палатами и избранія нами депутатовъ такихъ же преданныхъ слугъ императора, какъ они? Развѣ они заботились о насъ, о нашей торговлѣ и промышленности, развѣ думали о чемъ-нибудь кромѣ своихъ личныхъ интересовъ или интересовъ своихъ друзей, и вообще всѣхъ сторонниковъ династіи клятвопреступника? Развѣ наши новые префекты, kreis-directors и бургомистры, назначенные для

утвержденія прусскаго господства, будутъ намъ болѣе мѣшать, чѣмъ прежніе? Въ первое время они будутъ даже съ нами обходиться нѣжно, стараясь обойти насъ лаской. Итакъ, если мы могли жить и оставаться французами при префектахъ Бонапарта, точно также мы проживемъ и останемся французами при префектахъ прусскаго вакала.

Главное дѣло, чтобы побольше народа признало французскую національность. Только бы Пласіаръ и другіе мэры второй имперіи, оставленные на своихъ мѣстахъ пруссаками, не удержали поселянъ отъ этого благого намѣренія подъ предлогомъ, что на нихъ пруссаки будутъ дурно смотрѣть, или что даже ихъ выгонятъ изъ страны; только бы эти низкіе люди не уговорили нерѣшительныхъ людей откладывать день за днемъ рѣшеніе своей судьбы, а тамъ пройдетъ срокъ и все кончено. Тѣ, которые не заявили себя французами, станутъ пруссаками, ихъ сыновья поневолѣ будутъ служить въ нѣмецкой арміи и получать пощечины, а тѣ, которые уже бѣжали во Францію, будутъ принуждены возвратиться или навсегда отказаться отъ отцовскаго наслѣдія. Я теперь всего болѣе желаю, чтобъ французскія газеты, говорящія столько безполезныхъ пустяковъ, предупредили лотарингцевъ и эльзасцевъ, что если они выскажутся въ пользу французской національности, то ихъ личности и имущества будутъ гарантированы трактатомъ, а если они этого не сдѣлаютъ, то ихъ личности и имущество подпадутъ подъ дѣйствіе прусскихъ законовъ. Было бы хорошо, еслибъ эти газеты указали, какъ совершаются формальнымъ образомъ эти заявленія о выборѣ французской національности и даже можно бы напечатать самую простую, ясную форму подобнаго заявленія. Этимъ онѣ оказали бы великую услугу Франціи и всѣмъ намъ.

«Что касается до меня, то я остаюсь. Я здѣсь живу на своей землѣ, которую я купилъ на свои трудовыя деньги. Я буду платить всѣ налоги и молчать, чтобы не подать предлога дѣлать мнѣ непріятности или прогнать меня; я буду продавать нѣмцамъ, какъ можно дороже, свои произведенія, и я буду давать работу только однимъ французамъ. Если республика утвердится, на что я теперь крѣпко надѣюсь, такъ какъ народъ, кажется, понялъ, что только этимъ способомъ можно усмирить борьбу партій; если нація станетъ сама управлять своими дѣлами благоразумно, умѣренно и разсудительно, она скоро воспрянетъ и снова пріо-

брѣтетъ силу и могущество. Въ десять лѣтъ все будетъ исправлено; у насъ будутъ образованные избиратели, народная армія, честные администраторы, интендантства и штабы, совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые насъ погубили. Тогда пусть французы придутъ къ намъ, мы встрѣтимъ ихъ, какъ всегда, съ распростертыми объятіями и пойдемъ съ ними рука объ руку.

«Но если они будутъ продолжать по старому производить государственные перевороты и революціи, если искатели приключеній, іезуиты и эгоисты соединятся еще разъ противъ права и справедливости, если они начнутъ снова свои нелѣпыя голосованія плебисцитовъ и конституцій, подъ угрозой штыковъ и при безграмотности половины избирателей; если у нихъ всѣ должности будутъ раздаваться по протекціи, а не заслуживаться честнымъ трудомъ; если они не введутъ дарового образованія народа и обязательной для всѣхъ военной службы, если имъ необходимы, какъ въ старину, невѣжественный народъ и армія наемниковъ для того, чтобъ сыновья дворянъ и буржуа спокойно сидѣли у себя дома, пока простолюдины работаютъ безъ устали, получая плохое вознагражденіе за трудъ, и умираютъ на полѣ битвы, неизвѣстно за кого и за что,—то горе намъ! Бѣдная Франція, истерзанная своими собственными дѣтьми, погибнетъ, какъ Польша; тогда исчезнутъ всѣ плоды побѣдъ 1789 г.; Швейцарія, Италія, Бельгія, Голландія, всѣ свободныя націи континента подвергнутся той же участи, какой подверглись мы; нѣмцы завладѣютъ всей Европой, а мы, несчастные эльзасцы и лотарингцы, будемъ принуждены или согнуть свою выю подъ тяжелымъ игомъ, или переселиться въ Америку».

Эти слова Жоржа заставили меня задуматься и я отложилъ на время окончательное рѣшеніе своей судьбы.

Многіе эльзасцы и лотарингцы разсуждали точно также, и вотъ почему Тьеръ правъ, говоря, что республиканская форма правленія менѣе всего возбуждаетъ несогласія. Къ этому можно прибавить, что она одна можетъ спасти теперь Францію. Всякое другое правительство окончательно насъ погубитъ. Если благодаря какой-нибудь случайности, легитимистамъ, орлеанистамъ или бонапартистамъ удалось бы сегодня посадить на престолъ своего претендента, то завтра всѣ остальныя партіи соединятся, чтобъ его свергнуть, а нѣмцы, воспользовавшись нашими раздорами, отнимутъ у насъ Франшъ-Конте и Шампань.

Господа депутаты правой стороны должны были бы объ этомъ подумать. Они засѣдаютъ въ Версали для устройства дѣлъ всей націи, а не для своей партіи, для возстановленія спокойствія въ нашей несчастной родинѣ, а не для возбужденія новыхъ раздоровъ. Я обращаюсь къ ихъ патріотизму, а если этого не довольно, такъ къ ихъ чувству самосохраненія. Новые государственные перевороты приведутъ насъ только къ новымъ революціямъ, которыя съ каждымъ разомъ будутъ все ужаснѣе и ужаснѣе. Народъ, желающій мира, честнаго труда, порядка, свободы, образованія и справедливости для всѣхъ, уже усталъ терпѣть всѣ бѣдствія, навлекаемыя на него безпощадной борьбой партій; онъ можетъ, наконецъ, потерять терпѣніе и тогда произойдетъ страшная расправа со всѣми, кто желаетъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Пусть они объ этомъ подумаютъ серьезно; это ихъ долгъ и личный интересъ.

И вожаки этихъ партій, не стыдясь возбуждаютъ въ несчастной странѣ раздоры въ ту минуту, когда только единство можетъ насъ спасти, когда нѣмцы, занимая всѣ пограничныя крѣпости, ждутъ только случая, чтобъ отнять у насъ новую провинцію. Вожаки этихъ партій тайкомъ прокладываютъ себѣ дорогу въ арміи, стараются всячески, посредствомъ подкупленныхъ газетъ, возбудить въ народѣ недовольство республикой; они сегодня даютъ честное слово, а завтра отъ него отказываются; они не стыдятся требовать милліоновъ въ такую минуту, когда вся страна раззорена. Нѣтъ, имъ надо себя вести иначе, если они не хотятъ, чтобъ мы вспомнили о Луи-Филиппѣ, который интриговалъ съ бонапартистами, чтобъ свергнуть съ престола своего благодѣтеля Карла X, и объ ихъ дѣдѣ Филиппѣ Эгалите, интриговавшемъ съ якобинцами и подававшемъ голосъ за казнь Людовика XVI для сохраненія своего состоянія, тогда какъ сынъ его интриговалъ въ сѣверной арміи съ измѣнникомъ Дюмурье о походѣ на Парижъ и уничтоженіи установленныхъ законовъ. Время интригъ прошло.

Бонапартъ ограбилъ не однихъ принцевъ Орлеанскихъ; онъ разстрѣлялъ, сослалъ въ ссылку и раззорилъ тысячи отцовъ семействъ. И не одинъ изъ дѣтей этихъ несчастныхъ не требуетъ гроша; принцамъ должно бы быть стыдно просить хоть что-нибудь у отечества въ такую минуту, между тѣмъ принцы Орлеанскіе требуютъ свои милліоны. По совѣсти, это не хорошо!

Я простой мельникъ и почти все, что я имѣю, нажилъ своимъ трудомъ и, однако, еслибъ состояніе и моя жизнь могли возвратить Эльзасъ и Лотарингію Франціи, я отдалъ бы ихъ съ радостью. Еслибъ, съ другой стороны, моя личность возбуждала какіе-нибудь безпорядки и раздоры въ странѣ, однимъ словомъ, еслибъ я могъ быть опаснымъ для ея спокойствія, я ни минуты не задумался бы и покинулъ все, мельницу, построенную отцомъ, поля, имъ обработанныя, и земли, купленныя на мою собственную трудовую копейку! Мысль, что я служу своему отечеству, что я содѣйствую возстановленію его величія, поддержала бы меня. Да, я удалился бы съ горемъ въ сердцѣ, но, клянусь, ни разу не обернулся бы.

Однако, пора кончить исторію плебисцита.

Жакобъ возвратился на мельницу послѣ заключенія мира; Жанъ-Батистъ Вернеръ также явился къ намъ просить руки Гредель. Сама Гредель была внѣ себя отъ счастья, а мы съ женою благословили ихъ обѣими руками.

Но приданое? Вотъ, что всего болѣе безпокоило Гредель. Она никакъ не хотѣла выдти замужъ безъ своихъ ста луидоровъ. Поэтому мнѣ пришлось спустить снова всю воду изъ шлюза и выкопать желѣзный сундучекъ. Гредель съ любопытствомъ слѣдила за работой, и когда я вытащилъ сундучекъ и открылъ его, она не могла скрыть своей радости при видѣ блестящихъ золотыхъ монетъ. Она даже хотѣла меня поцѣловать и горячо обняла Катерину.

Свадьба Гредель и Жана-Батиста была сыграна 1-го іюля прошлаго года и очень весело, несмотря на всѣ наши несчастья.

Подъ конецъ брачнаго пира, когда откупорили еще три бутылки стараго вина въ честь Тьера и всѣхъ патріотовъ, помогающихъ ему утвердить республику во Франціи, Жоржъ объявилъ, что онъ беретъ Жана-Батиста Вернера къ себѣ товарищемъ въ торговлѣ плитнякомъ. Эта торговля обѣщаетъ быть чрезвычайно выгодной, такъ какъ, благодаря бомбардировкамъ и пожарамъ, въ Эльзасѣ на долго еще будетъ работа архитекторамъ и каменьщикамъ.

Приэтомъ Жоржъ объявилъ, что онъ даетъ капиталъ, а Жанъ-Батистъ будетъ разъѣзжать, искать подрядовъ и надсма-

тривать за работами въ каменоломняхъ; прибыль же они будутъ дѣлить пополамъ.

Нотаріусъ Фингадо, сидѣвшій тутъ же за столомъ, вынулъ изъ кармана условіе, подписанное Жоржемъ и Жаномъ-Батистомъ и прочелъ его вслухъ къ общему удовольствію.

Теперь все пришло въ порядокъ и мы постараемся возвратить себѣ трудомъ, экономіей и хорошимъ поведеніемъ то, что мы потеряли, благодаря плебисциту Бонапарта.

Моя исторія кончена; пусть каждый извлечетъ изъ нея полезный урокъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

ЭЛЬЗАСЪ!

ДРАМА

ALSACE!

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Христіанъ Веберъ	Мельникъ, мэръ Ротальпа.
Жоржъ Веберъ	Виноторговецъ, кузенъ Христіана.
Жанъ Батистъ Вернеръ . .	Помощникъ Пласіара.
Жакобъ	Сынъ Христіана.
Пласіаръ	Владѣлецъ каменоломни, помощникъ Христіана.
Матіасъ	Сынъ Пласіара.
Мишель	Деревенскій почтальонъ.
Тальянъ	Комендантъ Фальсбурга.
Командиръ, **Капитанъ**, **Офицеры**, **Солдаты**	мобилей и артиллеріи.
Кирасиръ изъ Рейхсгоффена.	
Сторожъ.	
Старикъ горецъ.	
Катринъ	Жена Христіана.
Гредель	Дочь Христіана.
Мари	Жена Жоржа
Мадленъ	Старая лотарингская крестьянка.
Жанна	Внучка Марленъ (10 лѣтъ)
Жаклина	Старуха изъ горъ.
Женщина.	

Жители Ротальпа, мобили, горцы и эльзасцы, мужчины, женщины, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ 1870 и 1871 г.—Мѣсто дѣйствія въ Эльзасѣ и Лотарингіи.—Правая и лѣвая стороны—подразумѣвается отъ зрителя.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дворъ мельницы Христіана Вебера въ Ротальпѣ. Направо фасадъ кухни, со створчатыми дверями и квадратными окнами съ маленькими круглыми стеклами. Дальше съ той же стороны рига и конюшни. На воротахъ риги прибитъ ястребъ. Налѣво живая изгородь съ развѣшеннымъ на ней бѣльемъ, которое сушится на солнцѣ. Эта изгородь отдѣляетъ дворъ отъ фруктоваго сада; видны его деревья. Посреди забора рѣшетчатая калитка. Въ глубинѣ ворота, открытыя настежъ, за ними дорога. Вправо и влѣво отъ воротъ стѣна въ ростъ человѣка. Въ перспективѣ Вогезскія горы и крѣпость Фальсбургъ.

Сцена I.

Гредель одна.

Гредель (*переворачивая бѣлье на изгородн*). Наше бѣлье высохнетъ къ ночи... Завтра утромъ можно будетъ приняться за глаженье! (*Помолчавъ немного*). Ну, и отлично... Желала бы я знать, почему это мама отправилась сегодня къ кузену Жоржу въ своемъ парадномъ платьи... и почему господинъ Пласіаръ, который уже заходилъ утромъ... только что явился снова? Правда, онъ товарищъ отца; можетъ быть со времени объявленія войны пруссакомъ имъ приходится видѣться чаще, чѣмъ обыкновенно; но вѣдь сегодня не случилось ничего новаго... Почтальонъ Мишель еще не приходилъ! (*Молчаніе. Она размышляетъ. Покачавъ головой*). Нѣтъ... Если моя мать надѣла парадное платье, то это не простой визитъ. (*Указывая на домъ*). И если Пласіаръ бесѣдуетъ теперь съ моимъ отцемъ, то не о дѣлахъ коммуны... Тутъ что-нибудь да есть... (*Молчаніе*). Что если дѣло идетъ о женитьбѣ его сына Матіаса на мнѣ?.. О! но... я не хочу этого толстаго

лѣнтяя, который умѣетъ только прикладываться къ бутылкѣ да слоняться, покуривая трубку.—Слава Богу, онъ поступилъ въ военную службу... Пусть тамъ и останется!.. Если война отниметъ у насъ только такихъ парней, а оставитъ моего брата и ему подобныхъ, то это еще не большая бѣда.—Что за дуралей этотъ Матіасъ!.. Онъ даже не способенъ завѣдывать отцовскими ломками... ихъ ведетъ, эксплуатируетъ и добываетъ для него хлѣбъ Жанъ Батистъ Вернеръ!.. Бѣдняга Жанъ Батистъ... Да, это человѣкъ... (*Въ эту минуту Жанъ Батистъ Вернеръ появляется въ глубинѣ, съ мѣшкомъ за плечами, съ палкой въ рукахъ*). Это онъ... Куда это онъ съ мѣшкомъ и палкой?.. Что привело его къ намъ?.. (*Она поворачивается, скрестивъ руки на груди и смотритъ на входящаго Жана Батиста*).

Сцена II.

Гредель, Жанъ Батистъ.

Жанъ Батистъ (*поднимая шляпу*). Здравствуйте мадмуазель Гредель.

Гредель (*Не двигаясь съ мѣста*). Здравствуйте господинъ Вернеръ.

Жанъ Батистъ (*подходя*). Дома господинъ мэръ?

Гредель. Отецъ? Онъ на мельницѣ съ господиномъ Пласіаромъ. Онъ тамъ теперь принимаетъ посѣтителей. Со времени отправки моего брата Жакоба въ армію ему снова пришлось взяться за лямку. Бѣдняга... тяжело это въ его годы!.. Если бъ только я могла помочь...—А что вамъ угодно, господинъ Вернеръ?

Жанъ Батистъ (*скрестивъ руки на палкѣ*). Маршрутный листъ, мадмуазель Гредель.

Гредель. Маршрутный листъ!.. Для кого?..

Жанъ Батистъ. Для меня.

Гредель. Для васъ!.. Куда же вы идете?

Жанъ Батистъ. Въ Фальсбургъ.

Гредель. Зачѣмъ?

Жанъ Батистъ. Снова поступить на службу.

Гредель. Какъ такъ... сейчасъ!.. (*Послѣ паузы*). Безъ колебанія... (*Понижая голосъ*). Безъ сожалѣній?

Жанъ Батистъ (*глядя на Гредель*). Безъ сожалѣній!.. Нѣтъ... нѣтъ... Медмуазель Гредель... я уношу съ собой... сожалѣнія. (*Понижая голосъ*). Но оставлю ли я ихъ за собой?

Гредель. Почему же нѣтъ?

Жанъ Батистъ (*поднимая руку*). О, я одинъ на свѣтѣ!.. Отецъ, мать,—я ихъ потерялъ!.. Оставалась сестра Эленъ... Съ тѣхъ поръ какъ бѣдная дѣвочка умерла, кто можетъ интересоваться мною?

Гредель (*съ живостью*). Во-первыхъ кузенъ Жоржъ!.. Онъ всегда отзывается о васъ съ похвалой... (*Молчаніе. Понижая голосъ*). И потомъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, нельзя не заслужить въ ней уваженія... особливо если человѣкъ молодъ, дѣятеленъ, смѣлъ. (*Дѣлая шагъ къ Жанъ Батисту, который опускаетъ голову*). Господинъ Вернеръ, зачѣмъ такъ отчаяваться... Я увѣрена, что въ Ротальнѣ... есть... гдѣ-нибудь... хорошая дѣвушка, которая думаетъ о васъ...

Жанъ Батистъ. Есть одна, мадмуазель Гредель, о которой я самъ думаю... которую мнѣ хочется видѣть каждый день, когда я иду на работу, чтобы придать себѣ бодрости... Это вѣрно! (*Пауза*). Но думаетъ ли она обо мнѣ... ждетъ ли она моего прихода съ нетерпѣніемъ... съ радостью...

Гредель (*перебивая его*). Послушайте!.. Вы уходите... Я думаю, что кузенъ Жоржъ правъ... что эта война будетъ ужасна... Кто знаетъ, увидимся ли мы?.. (*Еще болѣе понижая голосъ и бросая быстрый взглядъ на право и налѣво*). Эленъ ничего не говорила вамъ передъ смертью?..

Жанъ Батистъ (*вполголоса*). Да, мадмуазель Гредель!.. Но я никогда не смѣлъ вѣрить!.. Я думалъ, что эта милая дѣвушка... которая такъ любила васъ... которую и вы любили... сказала мнѣ это въ предсмертномъ бреду.

Гредель (*быстро, дѣлая шагъ къ Жану Батисту*) Она сказала правду!..

Жанъ Батистъ. Гредель! (*Беретъ ея руку и сжимаетъ въ своихъ. Молчаніе*).

Гредель. Что же, Жанъ Батистъ, вы все-таки хотите уйти?

Жанъ Батистъ (*прижимая руку Гредель къ губамъ*). Да, милая Гредель!.. Непріятель въ Эльзасѣ, всѣ французы должны идти... Но одно изъ двухъ: или я вернусь офицеромъ, или...

Гредель (*перебивая его*). Возвращайтесь живымъ! Вотъ все, чего я отъ васъ требую... Но на службѣ исполняйте вашъ долгъ! (*Они смотрятъ другъ на друга*). Я буду васъ ждать... вы меня найдете!.. (*Тихонько высвобождаясь*). Тише!.. Я слышу голосъ отца... онъ спускается съ господиномъ Пласіаромъ... (*Подойдя къ дверямъ кухни*). Папа!.. папа!.. Это господинъ Вернеръ... ему требуется маршрутный листъ. (*Христіанъ появляется въ дверяхъ кухни, за нимъ Пласіаръ*).

Сцена III.

Тѣ же, Христіанъ, Пласіаръ.

Христіанъ (*выходя во дворъ съ Пласіаромъ*). Маршрутный листъ! (*Въ сторону*). Вотъ удобный случай избавиться отъ Пласіара... Прежде чѣмъ отвѣтить ему насчетъ Гредель, я долженъ посовѣтоваться съ кузеномъ Жоржемъ. (*Громко, Жану Батисту*). Такъ ты идешь, Жанъ Батистъ! (*Указывая на Пласіара*). Развѣ ты поссорился съ патрономъ?

Жанъ Батистъ. Я, господинъ мэръ... Вовсе нѣтъ... вовсе нѣтъ!.. Я оставляю его по его же распоряженію: онъ закрылъ ломки.

Христіанъ (*Пласіару*). Вы, Пласіаръ?

Пласіаръ. О! временно... за недостаткомъ рабочихъ... Ихъ потребовали на службу... Имперія прежде всего!

Жанъ Батистъ. Имперія... и отечество! Такъ я сказалъ себѣ сегодня ночью. Впрочемъ, у меня нѣтъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ работы или службы. Къ тому же у насъ всего двѣсти пятьдесятъ тысячъ войска...

Христіанъ (*съ живостью*). А ополченіе, Жанъ Батистъ?

Жанъ Батистъ. Оно не обучено, господинъ мэръ; потребуется не одинъ мѣсяцъ, чтобы оно научилось сражаться. Въ ожиданіи придется созвать отставныхъ. Я предпочитаю отправиться немедленно.

Пласіаръ. А, господинъ Веберъ, что я вамъ говорилъ? Видите, энтузіазмъ захватываетъ и деревни. Виссамбургская стычка не только не напугала людей, но возбудила всѣхъ. Каждый понимаетъ, что это военная хитрость съ цѣлью заманить непріятеля на Эльзаскую равнину и раздавить его однимъ ударомъ. Бѣдные пруссаки, мнѣ право жаль ихъ.

Жанъ Батистъ. Жалѣть то ихъ не приходится, господинъ Пласіаръ. Вся Германія идетъ на насъ, у нихъ милліонъ солдатъ подъ оружіемъ; нашихъ будетъ одинъ противъ четверыхъ.

Пласіаръ. Ба! ба! видали мы виды... и всегда выходили съ честью; тоже и теперь будетъ.

Жанъ Батистъ. Надѣюсь, господинъ Пласіаръ; но придется повозиться.

Пласіаръ. Повозиться!.. 15 августа мы будемъ праздновать миръ и день рожденія Императора.

Жанъ Батистъ. Хорошо, если бъ такъ... я ничего лучшаго не желаю!

Христіанъ. А пока, ступай въ мэрію съ господиномъ Пласіаромъ, онъ выдастъ тебѣ листъ.

Пласіаръ (*Христіану*). А наше дѣльце, господинъ Веберъ?

Христіанъ. Я зайду къ вамъ вечеромъ. (*Жану Батисту*). Тебѣ же совѣтую придерживать языкъ! Кузенъ Жоржъ тебя немножко испортилъ... вы любите болтать... я знаю... Но онъ то независимъ, а ты нѣтъ, Жанъ Батистъ, подумай объ этомъ!

Жанъ Батистъ. Подумаю, господинъ мэръ... (*Кланяясь Пласіару*). Вашъ слуга! (*Пласіаръ направляется къ воротамъ.—Жанъ Батистъ къ Гредель*). Прощайте, мадмуазель Гредель.

Гредель (*провожая его*). Прощайте!.. нѣтъ, нѣтъ, господинъ Верперъ! До свиданія.

(*Плисіаръ и Жанъ Батистъ уходятъ въ ворота. Гредель возвращается и принимается переворачивать бѣлье на изгороди, чтобы скрыть свое волненіе*).

Сцена IV.

Христіанъ, Гредель.

Христіанъ (*слѣдя за Гредель. Въ сторону*). Какъ она его провожала! Она очень любезна съ Жаномъ Батистомъ... Красивый малый, рослый, сильный, смѣлый!.. (*Пожимая плечами*). Вздоръ! Онъ зарабатываетъ всего три франка въ день и Гредель слишкомъ хорошо понимаетъ свои интересы, чтобы влюбиться въ него... Къ тому же, онъ уходитъ: скатертью дорога! Къ чорту воображаемыя докуки! Довольно у меня реальныхъ: дѣла коммуны, мельница, дочка на выданьи. (*Громко*). Гредель, Жанъ Батистъ уже давно былъ здѣсь, когда ты меня позвала?

Гредель (*поворачиваясь*). Нѣтъ, отецъ.

Христіанъ. Ага!.. А твоя мать еще не вернулась?

Гредель. Нѣтъ еще... (*Снова принимается поворачивать бѣлье*). Скажи, отецъ, когда она выходила замужъ... у нея было приданое?

Христіанъ. Да! А что?

Гредель. Большое приданое?

Христіанъ. Сто луидоровъ.

Гредель. А у меня будетъ, когда я буду выходить замужъ?

Христіанъ (*въ сторону*). Ого!.. Она подозрѣваетъ что то! (*Вслухъ*). А развѣ ты собираешься выходить замужъ?

Гредель. Какъ же, отецъ, вѣдь рано или поздно нужно будетъ.

Христіанъ (*въ сторону*). Вотъ... это будетъ легче, чѣмъ я думалъ! (*Громко*). Будь покойна, Гредель! Когда ты будешь выходить замужъ, я отсчитаю тебѣ пятьсотъ луидоровъ золотомъ... Довольна ты?

Гредель (*цѣлуя Христіана*). Я!.. я счастлива, вполнѣ счастлива. (*Почтальонъ Мишель пользяется въ глубинѣ*).

Сцена V.

Христіанъ, Гредель, Мишель.

Мишель (*входя и протягивая письмо Христіану*). Господинъ мэръ, письмо изъ Фальсбурга.

Христіанъ (*взявъ письмо и взглянувъ на адресъ*). Отъ Жакоба, безъ сомнѣнія... Да, это отъ Жакоба... Узнаю его почеркъ.

Мишель (*отирая лобъ*). Жарища, чортъ побери!

Христіанъ. И жажда, небось? Чего хочешь: вина, водки?

Мишель. Стаканчикъ вина, господинъ мэръ. (*Христіанъ объяснетъ знакъ Гредель, которая уходитъ въ кухню и тотчасъ возвращается со стаканомъ вина для почтальона*). За ваше здоровье, честные господа! (*Пьетъ. Возвращая стаканъ Гредели, которая ставитъ его на окно*). Славно.

Христіанъ. Ну, что говорятъ въ нашихъ деревняхъ?

Мишель. Немного, господинъ мэръ. Всѣ уже знаютъ, что дѣло при Виссамбургѣ было военной хитростью, чтобъ заманить непріятеля на равнину... Большого сраженія ждутъ съ довѣріемъ.

Христіанъ. И не напрасно... Все кончится хорошо... Увидишь, Мишель, увидишь.

Мишель. Разъ господинъ мэръ говоритъ, значитъ, вѣрно... А теперь, въ путь! (*Раскланиваясь*). Вашъ слуга, господинъ мэръ! Вашъ слуга, мадмуазель Гредель! (*Уходитъ въ ворота*).

Сцена VI.

Христіанъ, Гредель.

Христіанъ (*вскрывая письмо*). Посмотримъ, что пишетъ Жакобъ. (*Протягивая письмо Гредель*). Прочти, Гредель.

Гредель *(читаетъ)*. „Дорогіе родители, я здоровъ; но скучаю въ Фальсбургѣ,—смертная скука. Представьте себѣ, что до сихъ поръ не роздали ружей, не назначили казармъ, и не даютъ намъ ни полушки на прокормленіе! Остается только слоняться изъ кафе въ кафе... Ахъ, хотѣлось бы мнѣ быть на мельницѣ!.. Я остался безъ гроша... Пришлите мнѣ денегъ или пусть отецъ привезетъ! Мнѣ будетъ пріятно его видѣть. Цѣлую васъ, Гредель, кузена Жоржа и кузину. Вашъ сынъ, Жакобъ Веберъ“.

Христіанъ. Гмъ!.. Отнимаютъ у насъ парней во время уборки и не кормятъ ихъ! Оставляютъ на нашемъ иждивеніи! Не можетъ быть! Жакобъ черезъ чуръ закутилъ съ товарищами.

Гредель *(принимаясь снимать бѣлье и складывать въ кучу у кухни)*. Онъ, отецъ,—никогда! Онъ хорошій малый; знаетъ, какъ нужно вести себя, и такъ и дѣйствуетъ.

Христіанъ *(въ сторону, расхаживая взадъ и впередъ)*. Стало быть тамъ, наверху, неладно: не готовы! *(Скрещивая руки)*. Неужели Жанъ Батистъ говорилъ правду? Онъ, кажется, не питаетъ особеннаго довѣрія... А кузенъ Жоржъ, который видитъ все въ черномъ свѣтѣ—прошлое, настоящее и будущее—неужели онъ то и видитъ ясно? *(Подходя къ воротамъ)*. А Катринъ все нѣтъ, какъ нѣтъ! *(Взглянувъ направо)*. А! наконецъ-то... вонъ она... съ Жоржемъ и его женой. *(Жестикулируя)*. Иди же, Катринъ!.. И вы, кузенъ и кузина, добро пожаловать!..

(Онъ протягиваетъ имъ руки, Жоржъ и Мари—его жена—подходятъ первые, за ними Катринъ. Гредель быстро подходитъ къ воротамъ).

Сцена VII.

Тѣ же, Жоржъ, Катринъ, Мари.

Гредель *(подходя къ Жоржу и его женѣ)*. Здравствуйте, кузенъ Жоржъ... Здравствуйте, кузина Мари...

Жоржъ *(добродушнымъ тономъ, потрепавъ ее по плечу)*. Здравствуй, шалунья.

Мари (*цѣлуя ее въ лобъ*). Здравствуй, Гредель.

Христіанъ (*протягивая Жоржу письмо Жакоба*). Вотъ, почитай-ка! (*Жоржъ беретъ письмо. Пока онъ читаетъ, Христіанъ говоритъ Катринъ*). Письмо отъ Жакоба... и, нечего сказать, милое письмо!..

Катринъ (*съ безпокойствомъ*). Онъ боленъ?

Христіанъ. Нѣтъ! Но, по его словамъ, ихъ не кормятъ въ Фальсбургѣ, и онъ сидитъ безъ гроша. (*Жоржу, который возвращаетъ ему письмо*). Что ты думаешь объ этомъ?

Жоржъ. Я думаю, Христіанъ, что Жакобъ говоритъ правду! Если бъ ты видѣлъ то, что видѣлъ я десять дней тому назадъ, когда проѣзжалъ Бельфоръ съ грузомъ вина—безпорядокъ, толчею, сумятицу—ты бы ничему не удивился!—Но довольно объ этомъ. Мы расходимся въ политикѣ и рѣшили, какъ ты знаешь, никогда не говорить о ней... Ну, и не будемъ говорить. Поживемъ—увидимъ!—А насчетъ того что Катринъ передала намъ отъ твоего имени и отъ своего, что же мы, жена и я, можемъ сказать?.. Это касается Гредель... Чего она хочетъ, того и мы хотимъ...

Гредель (*съ живостью*). Что такое меня касается?

Христіанъ. Вотъ что: ты знаешь, что г. Пласіаръ два раза приходилъ сегодня...

Гредель. Да, знаю... А зачѣмъ онъ приходилъ?

Христіанъ (*глядя на нее пристально*). Просить твоей руки для своего сына.

Гредель. Для своего Матіаса!.. Но онъ ушелъ, его Матіасъ... Онъ въ ополченіи, въ Фальсбургѣ, съ Жакобомъ и всѣми остальными. А когда онъ вернется?.. Да и вернется ли!..

Христіанъ. Когда?.. Не безпокойся насчетъ войны... Къ императорскому дню все будетъ кончено!..

Жоржъ. Къ 15 августа!.. Ахъ, Христіанъ, тошно слушать тебя.

Христіанъ (*Жоржу*). Ну, если тебѣ такъ хочется, допустимъ, что она будетъ длиться два мѣсяца,—эта война, (*Жоржъ отворачивается, пожимая плечами*).

Гредель. Въ такомъ случаѣ отложимъ отвѣтъ на два мѣсяца.

Христіанъ. Но ты можешь все таки высказать свое мнѣніе!—Послушай, Матіасъ славный малый, товарищъ твоего брата, здоровый, толстый, и имѣетъ въ виду сорокъ—пятьдесятъ тысячъ франковъ наслѣдства; словомъ, парень, какого только можетъ пожелать себѣ въ мужья дѣвушка съ здравымъ смысломъ.

Гредель, *(взявъ узелъ съ бѣльемъ и унося его въ кухню)*. Право, отецъ, если онъ тебѣ такъ нравится, выходи за него самъ!.. А я не хочу!

Христіанъ *(замахнувшись и бросаясь за Гредель)* А, такъ ты вотъ какъ поговариваешь!.. *(Гредель исчезаетъ быстро затворяя за собою дверь, Жоржъ, Мари и Катринъ бросаются къ Христіану.—Темнѣетъ)*.

Сцена VIII.

Христіанъ, Жоржъ, Катринъ, Мари.

Мари *(опуская поднятую руку Христіана)*. Ахъ, кузенъ, не нужно насилія! Нельзя выдавать дѣвушку замужъ противъ воли; отъ этого выходятъ плохія семьи.

Христіанъ *(котораго Катринъ отвела налѣво)*. Безстыдница!.. Она ни съ кѣмъ не стѣсняется!

Жоржъ *(тихонько Мари)*. Мари, сходи за Гредель!.. Постарайся успокоить ее... Съ ея характеромъ она способна возобновить ссору... Скажи ей, что я попытаюсь уладить дѣло къ лучшему... *(Поднимая палецъ)*. Понимаешь!.. *(Мари киваетъ головой и уходитъ въ кухню)*.

Катринъ *(тихо Христіану)*. Удержись! Не будемъ ссориться съ кузеномъ... Такой богатый человѣкъ и не имѣетъ дѣтей!.. *(Окна кухни освѣщаются изнутри)*.

Сцена IX.

(Христіанъ, Жоржъ, Катринъ).

Христіанъ. Право, эти дѣвченки, когда онѣ заберутъ себѣ что-нибудь въ голову, черезчуръ дерзки съ родителями.

Добрыя наставленія, которыя онѣ получили, оказываются ни къ чему. А вѣдь Гредель получила ихъ не мало... *(Дѣлаетъ жестъ побоевъ)*. добрыхъ наставленій...

Жоржъ. Безъ сомнѣнія, но ей двадцать лѣтъ; въ этомъ возрастѣ не приходится наказывать дѣвушку.

Христіанъ. То-то и бѣда! А надо бы всегда наказывать.

Жоржъ. Да, кузенъ, да; но это не принято; что подѣлаешь? Нужно принимать вещи такими, каковы онѣ есть. Послушай, ты какъ всѣ отцы: смотришь въ оба, а не видишь ничего, иначе ты не предложилъ бы Матіаса своей дочери... Вотъ въ чемъ дѣло, въ двухъ словахъ: Гредель любитъ другого.

Христіанъ. Кого это?

Жоржъ. Жанъ Батиста Вернера.

Христіанъ. Помощника Пласіара?

Жоржъ. Да.

Христіанъ. Что за выдумка! Парень, которому приходится питаться картофелемъ! То-то онъ каждое утро, идя на работу, мѣшкалъ у плотины! Я думалъ, что онъ смотритъ на утокъ и гусей. А въ это самое время.. да теперь помню... въ это самое время Гредель... да, мадмуазель Гредель расчесывала у окна волосы передъ зеркальцемъ.

Жоржъ. Э, Боже мой, не будь ты такъ довѣрчивъ, ты бы замѣтилъ, что Жанъ Батистъ всякій разъ блѣднѣетъ, когда встрѣчается съ нею.

Христіанъ. Блѣднѣетъ!.. Ишь ты! Жоржъ, мы, кажется, хватаемъ черезъ край; Жанъ Батистъ уходитъ, поступаетъ въ солдаты: кто любитъ и любимъ, тотъ не станетъ этого дѣлать.

Жоржъ. Слушай же. Пласіаръ, хотя и глупъ, но очень хитеръ, когда дѣло идетъ о его интересахъ. Какъ и я, онъ кое-что замѣтилъ; и чтобы остаться хозяиномъ положенія чтобы заставить Жана Батиста убраться, онъ закрылъ лавочку подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ здоровые люди нужны отечеству... Отечество!.. Плевать бы онъ хотѣлъ на отече-

ство, этотъ господинъ Пласіаръ. Для него важно выпроводить Жана Батиста изъ Ротальна... И Жанъ Батистъ ушелъ...

Христіанъ (*сжимая кулаки*). Пусть-ка онъ еще разъ обратится ко мнѣ!.. Пусть только посмѣетъ просить у меня Гредель!..

Жоржъ. Полно... Полно... Христіанъ, надо быть разсудительнымъ.

Катринъ (*Христіану*). Слушайся кузена... слушайся его! (*Тихо*). Подумай о наслѣдствѣ.

Жоржъ. Въ концѣ концовъ что-такое этотъ Матіасъ? Отдали его въ Фальсбургскій коллежъ, какъ отдаютъ мальчиковъ во всѣхъ зажиточныхъ семьяхъ; онъ просидѣлъ три года въ одномъ классѣ. Что же онъ дѣлаетъ, вернувшись въ деревню? Корчитъ изъ себя барина; разъѣзжаетъ въ шарабанѣ, въ жилетѣ съ цвѣточками, съ брелоками и длинной трубкой; короче сказать, неспособенъ заработать двухъ льярдовъ! Я знаю, что ему достанется пятьдесятъ тысячъ франковъ; но у Гредель будетъ столько-же... А можетъ быть и гораздо больше!.. (*Катринъ толкаетъ Христіана локтемъ*). А затѣмъ, она дѣвушка экономная, работящая, настоящая хозяйка!.. О самомъ Пласіарѣ я не буду говорить...

Христіанъ (*перебивая*). О, ты его не долюбливаешь, потому что онъ любитъ императора!

Жоржъ. Я!.. Полно!.. Я уважаю всѣхъ честныхъ людей и, слава Богу, они есть во всѣхъ партіяхъ. Мы разныхъ взглядовъ въ политикѣ... развѣ это мѣшаетъ мнѣ любить и уважать тебя? Нѣтъ! Но я ненавижу негодяевъ, интригановъ, эгоистовъ, которые пролѣзаютъ во всѣ партіи, чтобы пользоваться ими, чтобы обдѣлывать свои дѣлишки, когда дѣла партіи идутъ хорошо... а тамъ, перевернуться и продать своихъ вчерашнихъ друзей, когда дѣла идутъ плохо! Эти люди позоръ націи и я не перевариваю ихъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. И разъ уже приходится говорить откровенно, то я скажу, что Пласіаръ одинъ изъ нихъ, и что его сынъ ничуть не лучше!..

Христіанъ. А тотъ?.. другой?..

Жоржъ. Другой... Жанъ Батистъ... честный человѣкъ, славный малый, который какъ нельзя лучше велъ дѣла Пласіара; всѣмъ завѣдывалъ, всѣмъ руководилъ: принималъ заказы, нанималъ возчиковъ, устраивалъ доставку. Пласіаръ загребалъ денежки, а Жанъ Батистъ несъ всю работу, потому что ему не на что начать самостоятельное дѣло. О его прошломъ тоже ничего худого не скажешь; служилъ въ артиллеріи... Вышелъ въ отставку унтеръ-офицеромъ... Я видѣлъ его послужной списокъ... Наилучшіе отзывы... На твоемъ мѣстѣ, я бы выдалъ за него Гредель.

Христіанъ (*отталкивая Катринъ, которая держитъ его за фалду*). Никогда!.. (*Раздражаясь*). Да лучше я брошу ее въ воду, чѣмъ отдамъ человѣку безъ гроша въ карманѣ! (*Пласіаръ быстро входитъ въ ворота, съ депешей въ рукѣ*).

Сцена X.

Тѣ же, Пласіаръ.

Пласіаръ (*махая депешей*). Господинъ мэръ!.. Господинъ мэръ!.. Вотъ депеша, которую только что принесъ жандармъ изъ Фальсбурга... Очень спѣшная... Навѣрное извѣстіе о большой побѣдѣ!..

Христіанъ (*подходя къ Пласіару*). Дайте скорѣе!. (*Онъ беретъ депешу, распечатываетъ ее и подходитъ къ кухонному окну, чтобы прочесть, такъ какъ къ этому моменту наступила уже ночь. Остальные окружаютъ его*).

Пласіаръ (*потирая руки*). Пруссаки попали въ передѣлку.

Христіанъ (*читаетъ*). „Приказъ префекта.—Господинъ мэръ, слѣдите за злыми языками! Вы должны строже чѣмъ когда-либо подавлять ложные слухи. Арестуйте неукоснительно всѣхъ, кто будетъ распространять дурныя извѣстія“. (*Поднимая голову*). Что это значитъ?.. Вы слышали о распространеніи какихъ-нибудь дурныхъ извѣстій, а? (*Всѣ съ удивленіемъ переглядываются. Сильный шумъ снаружи.*

Всѣ оборачиваются; Гредель и Мари выходятъ изъ кухни. Въ ту же минуту толпа людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, иные съ факелами, другіе съ фонарями, врываются во дворъ, и вводятъ раненаго кирасира, который смотритъ на нихъ глазами лунатика, какъ будто не понимаетъ, что такое творится кругомъ. Онъ весь въ крови; каска пробита; правая щека совсѣмъ черная).

Сцена XI.

Тѣ же, Гредель, Мари, кирасиръ, жители Ротальпа: мужчины, женщины, дѣти.

Толпа, (*входя*). Дезертиръ!... господинъ мэръ... дезертиръ!..

Жоржъ. Дезертиръ?.. (*Беретъ факелъ, освѣщаетъ лицо кирасира и отступаетъ въ волненіи*). Да какой же это дезертиръ!.. Это солдатъ, только что бывшій въ сраженіи! (*Указывая на его каску*). Посмотрите! (*Ласково кирасиру*). Это кровь (*дотрогивается до кирасы*) на вашей кирасѣ?

Кирасиръ. Да, сударь... кровь гусара... я его убилъ

Жоржъ. А эта рана на вашемъ лицѣ?

Кирасиръ. Это ударъ сабли... Я получилъ его подъ конецъ... отъ баварскаго офицера... Онъ точно оглушилъ меня... Я больше ничего не видѣлъ... лошадь издохла... упала у самой деревни... кровью изошла!..

Жоржъ. Значитъ, было сраженіе?

Кирасиръ. Да, весь день...

Жоржъ. Гдѣ же?..

Кирасиръ, (*Указывая на горы*). Тамъ... за горами... у Рейхсгофена...

Жоржъ. И кирасиры ходили въ аттаку?

Кирасиръ. Да... чтобы спасти армію... раздавленную числомъ!.. (*Всѣ поражены, кирасиръ продолжаетъ*). Схватывались нѣсколько разъ... нельзя было размахнуться саблей... душили другъ друга за горло... били рукоятками... (*Послѣ паузы*). Ихъ было слишкомъ много!

Жоржъ. А что же сталось съ вашимъ полкомъ?

Кирасиръ. (*протянувъ руку къ горамъ*). Мой полкъ тамъ... съ остальными... въ хмѣльникахъ, въ рѣкѣ... Нѣтъ больше кирасировъ!

Жоржъ. Нѣтъ кирасировъ!..

Кирасиръ (*качая головой*). Нѣтъ!.. Всѣ убиты!..

Пласіаръ (*визгливымъ голосомъ*). О, господинъ мэръ, вы видите, этотъ человѣкъ одинъ изъ тѣхъ негодяевъ, о которыхъ говоритъ г. префектъ, и которые распространяютъ ложные слухи... Развѣ наши кирасиры могутъ быть уничтожены?.. Развѣ это возможно?.. Нужно арестовать этого человѣка... Нужно послать за жандармами... Таковъ приказъ господина префекта!

Гредель. Молчите вы, старый подхалимъ! Не оскорбляйте храбраго солдата, который только что бился за отечество.

Пласіаръ (*Христіану*). Господинъ мэръ, неужели вы позволите оскорблять меня въ вашемъ домѣ, когда я исполняю обязанности товарища?

Гредель (*волнуясь*). Обязанности товарища!.. Вы ихъ прекрасно исполняли восемнадцать лѣтъ, захватывая правительственныя мѣста для вашей семьи: сборы податей для вашего зятя и для вашего брата, почту для вашей сестры, табачную торговлю и ломки для себя самого! Ужъ лучше-бы вамъ помолчать объ обязанностяхъ товарища!.. Жаль, что вы не можете захватить для вашего сына то, чего вамъ хочется... о чемъ я знаю... чего вы никогда не получите.

Христіанъ (*сердито, Гредель*). Замолчишь ты, наконецъ! (*Кирасиру, ласково*). Можетъ быть вамъ хочется ѣсть или пить, другъ мой?

Кирасиръ (*качая головой*). Нѣтъ, сударь.

Христіанъ. Хотите переночевать у насъ?

Кирасиръ. Нѣтъ!.. Я не хочу попасться въ плѣнъ... Пруссаки наступаютъ!..

Христіанъ. Ну въ такомъ случаѣ можете идти. (*Поднимая руки*). И да направитъ васъ Богъ, сынъ мой! (*Кира-*

сиръ медленно уходитъ въ ворота, понуривъ голову и волоча саблю, какъ человѣкъ, истомленный усталостью. Толпа раздается, чтобы пропустить его. Онъ исчезаетъ въ темнотѣ).

Христіанъ, (*толпѣ*). Этотъ солдатъ сказалъ правду: большое сраженіе проиграно!.. Завтра нѣмцы будутъ въ Ротальпѣ. Будемъ спокойны, будемъ мужественны!.. Для насъ наступаютъ тяжелыя испытанія! (*Всѣ молча выходятъ въ ворота, унося факелы и фонари*).

Пласіаръ (*въ сторону, выходя вслѣдъ за остальными*). Нѣмцы въ Ротальпѣ!.. Неужели счастье на этотъ разъ повернется противъ императора?.. Чортъ побери!.. Объ этомъ стоитъ подумать!..

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина первая.

Внутренность жалкой лачужки. Направо выходная дверь. Налѣво окно съ разбитыми стеклами. Въ глубинѣ очагъ съ кучей золы, а по угламъ два старыхъ стула. Влѣво отъ очага солома, вправо маленькій открытый пустой шкафъ, а дальше въ углу дверь въ погребъ.

Сцена I.

Мадленъ, Жанна.

Мадленъ (*сидящая слѣва*). А что нѣмцы, которые пришли утромъ, останутся въ деревнѣ?

Жанна (*стоя*). Не знаю, бабушка.

Мадленъ. А эльзаскіе возчики, которые пришли съ ними, такіе печальные и несчастные, гдѣ они?

Жанна. На площади. Они требовали хлѣба для себя и овса для лошадей, говоря, что имъ не на что купить, что у нихъ нѣтъ денегъ; но солдаты даже не отвѣтили имъ. Тогда они улеглись спать подъ возомъ. Самый старый плакалъ, другой кусалъ губы.

Мадленъ. Бѣдняги! Послушай, Жанна, сходи опять на площадь... дѣвочку не заподозрятъ... Впрочемъ, если тебя остановятъ, если будутъ допрашивать... плачь!

Жанна. Да, бабушка... А когда состарѣюсь, буду дѣлать, какъ вы, притворяться глухой.

Мадленъ. Главное-же, не забывай оставлять дверь открытой... шкафъ открытымъ... все открытымъ! Лачуга съ окнами безъ стеколъ, открытый шкафъ, въ которомъ нѣтъ ни бѣлья, ни

хлѣба, глухая старуха—не подходящее дѣло для непріятеля. Онъ видитъ все съ перваго взгляда и уходитъ, точно увидѣлъ чорта... Теперь иди! Подойди къ двумъ возчикамъ, улучи минуту и вели имъ слѣдовать за тобою... только поодаль! Пусть придутъ! Все-же имъ будетъ лучше здѣсь, чѣмъ на улицѣ... Иди, Жанна, иди! (*Жанна уходитъ. Мадленъ одна, послѣ нѣкотораго молчанія*). Я видѣла 1814; я видѣла 1815; я вижу 1870... три вторженія... Это слишкомъ для одной жизни. Да, это слишкомъ!.. Ахъ, могла-ли я думать, что снова увижу времена, когда нищета, сама нищета, можетъ оказаться на пользу!.. Да будетъ-же благословенна моя нищета! Она сохранила насъ до настоящаго дня, мою маленькую Жанну и меня; мало того, она помогла намъ спасти нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ возчиковъ, которыхъ нѣмцы таскаютъ за собою силой, заставляя возить свою кладь и своихъ отсталыхъ.

Жанна, (*возвращаясь*). Они здѣсь, бабушка.

Мадленъ. Видѣлъ кто-нибудь, какъ они шли за тобою?

Жанна. Нѣтъ, никого не было на улицѣ.

Мадленъ. Ладно!.. Выдь на улицу, и если что замѣтишь, бѣги сюда! (*Жоржъ и Христіанъ появляются въ дверяхъ, испуганные, изнуренные, съ отросшими бородами и въ платьѣ, превратившемся въ лохмотья. Увидѣвъ Мадленъ, они останавливаются. Мадленъ, вставая*). Войдите, молодцы, войдите! (*Они медленно входятъ. Жанна выходитъ и оставляетъ дверь открытой*).

Сцена II.

Мадленъ, Жоржъ, Христіанъ.

Мадленъ, *указывая на два стула вправо и влѣво отъ очага.* Садитесь (*Жоржъ и Христіанъ садятся. Мадленъ, усаживаясь между ними на очагъ*). Откуда вы?

Жоржъ. Изъ Ротальпа, у подошвы Вогезовъ. 28 сентября отъ насъ потребовали отвезти за четыре лье два воза сѣна и соломы. Мы расчитывали вернуться вечеромъ въ де-

ревню, и вотъ уже мѣсяцъ странствуемъ, не зная, что такое происходитъ, куда мы идемъ и гдѣ находимся.

Мадленъ. Вы въ Жамецѣ, близъ Монмеди, у старухи Мадленъ.—Вы голодны, неправда-ли?

Жоржъ. О, страшно голодны!..

Мадленъ. Я почти также несчастна, какъ вы, мои бѣдные друзья... Война отняла у меня все, что у меня было: козу, куръ, мѣшокъ съ мукой... все сожрала... у меня осталось только немного картофеля, который я прячу... понимаете!.. Я спеку его въ золѣ и мы поѣдимъ вмѣстѣ *(Указывая на солому)*, а затѣмъ вы отдохнете. Ночью-же, если хотите бѣжать, дѣвочка проводитъ васъ окольными дорогами на ту сторону Монмеди, къ одному хорошему французу, патріоту, который вамъ поможетъ. (*Встаетъ*).

Жоржъ (*вставая*). О, эта война!.. Если бы она разорила только васъ, бабушка, я-бы проклиналъ ее за одно это!.. Да, я буду проклинать ее всегда, ее и ея виновниковъ!

Христіанъ (*вставая взволнованный*). Жоржъ, Жоржъ, прости меня!

Жоржъ, (*взявъ его за руку*). Простить тебя, Христіанъ!.. Въ чемъ-же?

(*Мадленъ беретъ маленькую корзинку и спускается въ погребъ*).

Христіанъ. Я тоже стоялъ за войну!

Жоржъ. Э, тебѣ сказали, что насъ оскорбили!.. И ты повѣрилъ, какъ милліоны другихъ... все хорошіе французы!.. Что ты сожалѣешь объ этомъ, я понимаю; но угрызеніи совѣсти... полно! Ты тутъ не при чемъ! Ты не уступалъ нѣмцамъ. Тебѣ не пришлось-бы шататься по дорогамъ, безъ хлѣба, безъ денегъ, вынося поневолѣ грубости побѣдителя, если бы ты былъ также услужливъ, какъ Пласіаръ!

(*Мадленъ возвращается изъ погреба съ корзинкой картофеля*).

Христіанъ. А мой сынъ! Что-то онъ подѣлываетъ?

Жоржъ. Жакобъ! Онъ въ Фальсбургѣ, съ другими ребятами... Исполняетъ свой долгъ!.

Христіанъ. Да!.. По тѣмъ временемъ, что происходитъ въ Ротальнѣ?

Жоржъ. Не бойся!.. Тамъ твоя дочь Гредель... Ты вѣдь знаешь, что нѣмцы ее не запугаютъ.

Мадленъ (*которая слушала ихъ, разводя огонь для картошекъ*). Въ самомъ дѣлѣ?

Жоржъ. Да, бабушка!.. О, его дочка не церемонится съ ними. Она настоящая Эльзаска... честная и мужественная.

Мадленъ (*радостно*). Молодецъ дѣвушка! (*Набираетъ въ руку охапку щепокъ и укладываетъ картофель въ печку*).

Жоржъ. Стоило посмотрѣть на нее въ день ихъ прихода, когда они хотѣли занять ея комнату... Вотъ буря! Схватила колунъ, да какъ крикнетъ: „Это моя комната. Первому, кто войдетъ, разрублю голову“. Побѣжали за капитаномъ, сѣдымъ старикомъ, который рѣшилъ, что она права.

Христіанъ. Разбойница!.. И какъ же я ее люблю!.. Ахъ, если бы я могъ только поцѣловать ее, и ея мать, мою добрую Катринъ!

Жоржъ (*серьезно*). Въ такомъ случаѣ, Христіанъ, вернемся въ Ротальнъ; воспользуемся случаемъ... и когда наступитъ часъ...

Христіанъ. Бросить наши телѣги!.. Бросить моихъ лошадей... лошадей, которыхъ я самъ выростилъ!

Жоржъ. Вспомни крестьянъ изъ подъ Виссамбурга, которые прошли черезъ деревню наканунѣ нашего отъѣзда. Вѣдь краше въ гробъ кладутъ... Да и мы теперь не многимъ лучше. Ихъ дотащили бы до Парижа, если бъ они не удрали. Что жъ, ты хочешь, чтобъ и насъ туда увели. Да мы подохнемъ по дорогѣ вмѣстѣ съ лошадьми. Вѣдь мы безъ гроша. Писать же въ деревню о присылкѣ денегъ невозможно! Непріятель всюду разставилъ часовыхъ; никого не пропускаютъ... Повѣрь мнѣ, убѣжимъ!..

Мадленъ—*которая все время возилась, согнувшись надъ очагомъ—вставая.* Вотъ!.. Теперь онѣ скоро поспѣютъ... будетъ вамъ угощенье. (*Смѣется глядя на Христіана и Жоржа. Снаружи бьютъ барабаны. Вбѣгаетъ Жанна*).

Сцена III.

Жоржъ, Христіанъ, Мадленъ, Жанна.

Жанна. Бабушка, что-то случилось; полученъ какой-то приказъ; солдаты собираются на площади.

(Христіанъ и Жоржъ дѣлаютъ движеніе бѣжать).

Мадленъ, *(Живо удерживая)*. Куда вы?.. Погодите! *(Усаживаетъ ихъ подлѣ себя на очагъ)*. Дѣвочка сходитъ посмотрѣть, что тамъ такое... она понимаетъ по нѣмецки... ея отецъ былъ эльзасецъ... *(Жаннѣ)* Жанна, сходи-ка на площадь да посмотри, что они затѣваютъ... вернешься, разскажешь намъ.

(Дѣвочка хочетъ идти, но останавливается на порогѣ).

Жанна. Бабушка...

Мадленъ. Что?

Жанна. Прискакалъ начальникъ верхомъ... Онъ держитъ что то въ рукѣ и поднимаетъ вверхъ... Бумага... Онъ смѣется!

Жоржъ *(качая головой)*. Дурной знакъ!..

(Барабанный бой умолкаетъ).

Мадленъ. Слушай хорошенько!.. *(Дѣвочка наклоняется за дверь)*. Что онъ говоритъ?

Жанна. О, бабушка...

Мадленъ, *(привставъ)*. Что?

Жанна. Онъ говоритъ, что маршалъ Базенъ сдалъ Мецъ...

Жоржъ, Христіанъ и Мадленъ, *(вскакивая)*. Мецъ?..

Жанна. Со всей своей арміей... Сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ!..

Жоржъ, Христіанъ и Мадленъ, *(переглядываются, ошеломленные)*. Сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ!..

Жанна. Съ запасами... оружіемъ... пятьсотъ тысячъ ружей... тысяча двѣсти пушекъ...

Жоржъ, Христіанъ и Мадленъ. Тысяча двѣсти пушекъ!..

Жанна. И знамена, бабушка!..

Жоржъ, Христіанъ и Мадленъ. Знамена!.. О, презрѣнный!..

(Они обнимаются рыдая. Громкіе «ура» снаружи).

Картина вторая.

Кухня мельницы. Налѣво, на первомъ планѣ дверь внутрь дома; каминъ съ большимъ колпакомъ на второмъ планѣ; на третьемъ шкафъ для посуды. Направо, на первомъ планѣ кадка, на ней колунъ для раскалыванія дровъ; на второмъ дверь, ведущая на мельницу; на третьемъ буфетъ. Въ глубинѣ, между двумя четырехугольными окнами, съ круглыми стеклами, створчатая дверь во дворъ мельницы. Длинный столъ и стулья передъ окошкомъ направо. Вся мебель дубовая. Ночь. Огонь сверкаетъ подъ колпакомъ камина. На столѣ зажженная лампа.

Сцена I.

Гредель. Катринъ, Мари.

Гредель стоитъ. Катринъ сидитъ у камина передъ прялкой. Мари входитъ со двора, съ зажженнымъ фонаремъ въ рукѣ.

Мари (*входитъ*). Добраго вечера, Катринъ, добраго вечера, Гредель! Я зашла провести вечерокъ съ вами. (*Тушитъ фонарь и ставитъ его на столъ*).

Катринъ (*вставая и подходя къ Мари*). Добро пожаловать... Вотъ хорошая мысль! (*Пожимаетъ ей руки и ведетъ ее къ камину*).

Гредель (*подавая стулъ Мари*). Садитесь, кузина, садитесь... И дайте мнѣ это. (*Беретъ отъ нея накидку, которую кладетъ на стулъ въ глубинѣ комнаты*).

Катринъ (*садясь*). Ну, что вашъ ландверъ, кузина, какъ вы съ ними ладите?

Мари (*тоже садится*). Мой ландверъ... они только что ушли на батареи къ Фальсбургу; они назначены туда въ

караулъ. (*Достаетъ вязальную иглу и клубокъ шерсти изъ кармана передника и начинаетъ работать*).

Гредель. Наши тоже... Мы избавились отъ нихъ на два дня. Но какъ они курятъ!.. Какъ они курятъ!.. (*Поворачиваясь къ Катринъ*). Что если мы отворимъ окна и дверь, мама?

Катринъ (*прядетъ*). Какъ хочешь, Гредель, какъ хочешь... Сегодня не очень холодно. (*Гредель отворяетъ сначала оба окна, потомъ дверь. Въ нихъ видѣнъ при свѣтѣ луны, поднимающейся среди облаковъ, дворъ дома, дальше изгородь съ рѣшетчатой калиткой во фруктовый садъ, а вдали черныя массы Вогезовъ и крѣпость Фальсбургъ. Гредель остается въ дверяхъ неподвижная, задумчивая, точно одѣтая лунымъ сіяніемъ, она смотритъ вдаль.— Катринъ пересставая прясть, Мари*). Силъ моихъ нѣтъ, Мари. (*Роняетъ веретено*). Съ тѣхъ поръ, какъ ушли Христіанъ и Жоржъ, у меня душа изныла... Вотъ ужь мѣсяцъ какъ ушли. и никакихъ извѣстій... Я начинаю отчаяваться!

Мари (*указывая на Гредель*). Тише, Катринъ, тише!.. Не слѣдуетъ обезкураживать Гредель. (*Катринъ прячетъ лицо въ передникѣ и безмолвно плачетъ*).

Гредель (*задумчиво, забывъ объ окружающихъ*). Ни какого шума уже цѣлую недѣлю!.. Лучше грохотъ пушекъ чѣмъ это молчаніе; да, лучше бомбардировка, бой, чѣмъ эта блокада! Ахъ, блокада, это смерть на медленномъ огнѣ!.. Бѣдный Фальсбургъ... Храбрый городокъ, на половину сожженный... и не желающій сдаться... Ты голодаешь, быть можетъ!.. О, Боже мой, быть такъ близко отъ тебя и не имѣть возможности помочь тебѣ... и жить бокъ о бокъ съ тѣми, которые морятъ тебя голодомъ!.. (*простирая руки впередъ*). Ахъ, Жакобъ... Жанъ-Батистъ...

Мари (*вставая и подбѣгая къ Гредель*). Гредель! Гредель!.. о чемъ ты думаешь? (*Гредель поворачивается. Мари, указывая ей на Катринъ*). Посмотри!

Гредель (*подбѣгая къ матери и обнимая ее*). Мама, мама, не плачь!.. Они вернутся... мы еще увидимъ ихъ...

Жанъ-Батистъ въ Фальсбургѣ съ Жакобомъ, ты знаешь; онъ его поддержитъ, какъ добрый товарищъ... А отецъ, мой бѣдный старый отецъ,—съ нимъ кузенъ Жоржъ. Кузенъ выручитъ его изъ бѣды... (*Обращаясь къ Мари*). Не правда ли, кузина?

Мари. Конечно, Гредель!.. Жоржъ никогда не падаетъ духомъ!.. Ничего не бойтесь, Катринъ, худшее, что можетъ случиться съ ними, это то, что ихъ будутъ тащить до Парижа.

Катринъ. Но если ихъ убьютъ?

Мари. Не убьютъ. Они нужны, какъ возчики.

Катринъ. Но если у нихъ вышли всѣ деньги?

Гредель. Какъ нибудь прокормятся... Накормили же они эльзасцевъ, которые проходили черезъ Ротальнъ? Для нихъ сдѣлаютъ то же, что они сдѣлали для другихъ; есть же Богъ на свѣтѣ.

Катринъ (*вставая въ испугѣ и указывая на дверь*). Тише! тише! Гредель, кто-то вошелъ во дворъ.

Гредель (*подбѣгая къ дверямъ*). Не отецъ ли! (*Выглянувъ наружу*). Нѣтъ. Это Пласіаръ. (*Возвращается въ комнату*). Чего еще ему нужно? (*Пласіаръ появляется въ дверяхъ*).

Сцена II.

Гредель, Мари, Катринъ, Пласіаръ, потомъ Жанъ Батистъ.

Гредель, (*Скрестивъ руки на груди и глядя на Пласіара черезъ плечо*). А!.. Это вы!.. И одинъ?

Пласіаръ, (*входя*). Да, мадемуазель Гредель... это васъ удивляетъ?

Гредель. Еще бы, съ тѣхъ поръ, какъ вы подобрали то, что бросилъ мой отецъ...

Катринъ (*съ испугомъ*). Гредель! Гредель!

Гредель. Ахъ, оставь, мама! Бываютъ такія твари, съ которыми говори—не говори, все равно отношенія будутъ тѣ же. (*Пласіару*). Да, я удивляюсь, видя васъ одного; съ

тѣхъ поръ какъ вы сдѣлались мэромъ по милости нашихъ враговъ, вы не переставали разгуливать съ ними подъ ручку по деревнѣ. Вамъ бы каску надѣть!.. Вы, кажется, угощаете ихъ обѣдами; и угощеніе вамъ недорого стоитъ, не дороже реквизицій; мельница доставляетъ муку, погреба кузена Жоржа вино, деревня мясо!..—А торговля то ваша? Гладко идетъ, процвѣтаетъ.... вѣдь вы имъ же сбываете табакъ и сигары!.. Да, война не для всѣхъ бѣдствіе.

Пласіаръ. Если для васъ она бѣдствіе, мадмуазель Гредель, то кто-же въ этомъ виноватъ?

Гредель. Я одна, и горжусь этимъ!.. Развѣ дѣвушка вправѣ отказать сыну Пласіара?.. Такой славный гусь!.. А какъ вы ловко ухаживали за мною вмѣсто него.

Пласіаръ. Ладно, ладно, мадмуазель Гредель... увеличивайте вашъ счетъ! Потомъ расквитаемся... Я научу васъ сдержанности; я научу васъ почтенію къ должностнымъ лицамъ, научу васъ законности.

Гредель. Вы!

Пласіаръ. Я самый!. Со временемъ, я вамъ говорю, со временемъ!.. А сейчасъ, вотъ цѣль моего посѣщенія: уже нѣсколько ночей мобили выходятъ изъ Фальсбурга; вчера, пользуясь темнотой, одинъ изъ нихъ убилъ двухъ нашихъ часовыхъ...

Гредель. Вашихъ?.. Прости меня Богъ, онъ еще больше Пласіаръ, чѣмъ я думала!

Пласіаръ. Генералъ въ бѣшенствѣ.

Гредель. И вы тоже!

Пласіаръ. Онъ подозрѣваетъ соучастіе въ деревняхъ...

Гредель. Это вы ему внушили!

Пласіаръ. Онъ наложилъ на Ротальпъ военную контрибуцію. (*Въ эту минуту въ открытую дверь видна фигура Жана Батиста, въ формѣ мобиля, съ холщевой сумкой на боку, съ ружьемъ въ рукѣ. Онъ появляется въ отверстіе изгороди, наклоняется, прислушивается, упираясь прикладомъ ружья въ землю.—Потомъ проскальзываетъ во*

дворъ, прячась подъ стѣной, и внезапно появляется въ дверяхъ. Пласіаръ продолжаетъ). Нужны деньги; у васъ онѣ есть, и вы заплатите.

Гредель. Нѣтъ! Сожгите все, если хотите, и убейте насъ, если смѣете! Денегъ!.. Пруссаки забрали у насъ все: сѣно, солому, зерно, муку, скотъ! А въ довершеніе вы хотите пустить по міру моего старика отца и кузена... Со времени ихъ ухода вы мучите и преслѣдуете насъ, трехъ беззащитныхъ женщинъ, окруженныхъ врагами!.. Денегъ!.. (*Хватая колунъ и размахивая имъ*). Ахъ, если бы у меня не было матери!.. Если бъ я была одна!.. (*Пласіаръ пятится къ дверямъ. Внезапно за нимъ выростаетъ на порогѣ фигура Жана Батиста.—Увидѣвъ его, Гредель, пораженная, роняетъ топоръ*). Небо!.. Жанъ Батистъ!.. (*Пласіаръ поворачивается*).

Жанъ Батистъ (*хватая Пласіара за воротъ*). Ни слова... или вы погибли!.. (*Вталкиваетъ Пласіара въ кухню и входитъ самъ.—Обращаясь къ Гредель*). Мадмуазель Гредель, заприте-ка окна и ворота во дворѣ. (*Гредель быстро запираетъ окна и бросается во дворъ.—Жанъ Батистъ Мари*). Мадамъ Жоржъ, отворите дверь на мельницу, а на мельницѣ ворота, чтобы въ случаѣ опасности у меня было два выхода, на рѣку и въ садъ. (*Мари быстро выходитъ*).

Пласіаръ (*въ сторону*). Ахъ, негодяй, какова смѣлость!..

Жанъ Батистъ (*доставая изъ кармана конвертъ и подавая его Катринъ*). Мадамъ Веберъ, Жакобъ поручилъ мнѣ передать вамъ это.

Катринъ (*поспѣшно вскрывая конвертъ*). Его портретъ!.. Боже, какъ я рада!.. (*Обращаясь къ Мари и Гредель, которыя поспѣшно возвращаются*). Гредель... Мари... посмотрите!.. (*Гредель и Мари быстро подходятъ и смотрятъ*).

Гредель. Это Жакобъ!..

Мари. Онъ самый!..

Катринъ (*прижимая карточку къ губамъ*). Бѣдный мальчикъ!.. (*Она глубоко взволнована. Внезапно обращаясь къ*

Жану Батисту). Съ нимъ не случилось ничего, господинъ Жанъ Батистъ?.. Онъ не раненъ?..

Жанъ Батистъ. Нѣтъ, мадамъ Веберъ... Только онъ скучаетъ по васъ... Онъ хотѣлъ пойти самъ... пробраться черезъ непріятельскія линіи... Но война ремесло какъ всякое другое... нужно его знать... нужно ему научиться. Вотъ я и говорю ему (*указывая на портретъ*): „Дай-ка это мнѣ... я пойду вмѣсто тебя... и принесу тебѣ вѣсточку... А ты... тебя убьютъ!..

Катринъ (*пряча карточку подъ корсажемъ*). Спасибо, Жанъ Батистъ... Отецъ узнаетъ, что вы сдѣлали для его сына!..

Пласіаръ (*въ сторону, слѣдя за Гредель, которая не спускаетъ глазъ съ Жанъ Батиста*). Какъ она на него смотритъ!..

Мари. А жители Фальсбурга, господинъ Веберъ, каково имъ приходится, бѣднягамъ?

Жанъ Батистъ. Плохо, мадамъ!.. Гранаты разрушили ихъ дома... Они живутъ въ казематахъ съ женами и дѣтьми!.. Сильно бѣдствуютъ... Однако никто не хочетъ сдаться... (*Глядя черезъ плечо на Пласіара*). Самые бѣдные понимаютъ, что мы бьемся за отечество... Будемъ держаться, пока останется хоть корка хлѣба...

Гредель (*съ живостью*). Развѣ у васъ еще есть съѣстные припасы, г. Жанъ Батистъ?

Жанъ Батистъ. Да, мадмуазель Гредель... еще есть... (*Глядя искоса на Пласіара*) хватитъ надолго!.. (*Обращаясь къ Гредель*). Только табаку нѣтъ... а вы понимаете... когда привыкъ курить трубку... какъ Жакобъ...

Катринъ (*быстро Гредель, указывая на буфетъ*). Гредель, табакъ твоего отца тамъ... Живо... Живо... (*Гредель беретъ сумку Жана Батиста и бѣжитъ къ буфету*).

Жанъ Батистъ (*Катринъ*). Мадамъ Веберъ, Жакобъ велѣлъ мнѣ поцѣловать васъ за него... Вы позволите?..

Катринъ (*подбѣгая къ Жанъ Батисту*). Да!.. да!.. (*Цѣлуетъ его*). Передайте этотъ поцѣлуй моему Жакобу...

(*Прижимая руку къ сердцу*). И скажите ему, что его портретъ всегда останется здѣсь!

Гредель (*возвращаясь съ сумкой, наполненной табакомъ и вѣшая ее на шею Жанъ Батисту*). Вотъ, г. Жанъ Батистъ, полная сумка.

Жанъ Батистъ. Благодарю, мадмуазель Гредель; благодарю за Жакоба и за товарищей, потому что я его знаю... онъ подѣлится. (*Обращаясь къ Катринъ и указывая рукой на Гредель*). Мадамъ Веберъ... Жакобъ велѣлъ мнѣ поцѣловать васъ всѣхъ!..

Гредель. Мама!..

Катринъ (*Гредель*). Поцѣлуй его!... Если бы его отецъ былъ здѣсь, онъ сказалъ бы то же. (*Гредель падаетъ въ объятія Жанъ Батиста. Пласіаръ съ гримасой отворачивается*).

Жанъ Батистъ (*тихо, прижимая Гредель къ груди*). Ахъ, Гредель!.. за этотъ поцѣлуй я готовъ бы былъ десять разъ рисковать жизнью!.. (*Замѣчая Мари, которая подходитъ къ нему. Громко*). Я долженъ поцѣловать и васъ, мадамъ Мари...

Мари (*протягивая ему руки*). Охотно, г. Жанъ Батистъ... охотно... за Жоржа и за себя.

Жанъ Батистъ. Да! (*Цѣлуетъ ее. Выпрямляясь и обращаясь къ Пласіару*). А теперь на пару словъ, г. Пласіаръ... Я слышалъ все со двора... А, такъ вы отправляете г. Вебера и г. Жоржа, двухъ почтенныхъ людей, бродить по большимъ дорогамъ, вслѣдъ за непріятелемъ, какъ жалкихъ наемниковъ... и пользуетесь ихъ отсутствіемъ, чтобы грабить... чтобы мучить беззащитныхъ женщинъ?.. Такъ вотъ, послушайте меня: я пришелъ сегодня въ Ротальпъ... приду и еще! И если мадамъ Веберъ, мадмуазель Гредель и мадамъ Жоржъ будутъ имѣть поводъ жаловаться, я дамъ въ Фальсбургѣ при всѣхъ, пощечину вашему сыну... ему придется драться. Я убью его!

Пласіаръ, (*заносчивымъ тономъ*). Онъ лейтенантъ!.. Офицеръ не дерется съ солдатомъ... онъ предаетъ его военному суду, а тотъ приговариваетъ его къ смерти.

Жанъ Батистъ. Онъ... лейтенантъ!.. Его только что разжаловали за трусость!.. (*Пласіаръ опускаетъ голову*). Я васъ предупредилъ... Какъ вы будете дѣйствовать... такъ буду дѣйствовать и я!. (*Обращаясь къ Катринъ, Гредель и Мари*). А теперь я ухожу... Жакобъ ждетъ меня... Онъ считаетъ минуты!.. (*Дѣлаетъ рукой прощальный жестъ и бросается во дворъ. Видно какъ онъ пролѣзаетъ въ отверстіе изгороди. Луна закрыта облаками. Глубокое молчаніе*).

Голосъ (*снаружи*). Wer da?..[1]) (*Гредель выпрямляется въ испугѣ*).

Пласіаръ (*въ сторону радостнымъ тономъ*). Ага!.. (*Всѣ прислушиваются. Выстрѣлъ*).

Гредель (*бросаясь къ дверямъ*). Жанъ Батистъ!.. (*Молчаніе*).

Голосъ (*снаружи, дальше*). Wer da? (*Еще выстрѣлъ*)

Гредель (*раздирающимъ голосомъ*). Жанъ Батистъ?.. *Крики вдали, по всей линіи, за которыми слѣдуютъ выстрѣлы.* Wer da?.. (*Выстрѣлъ*). Wer da?.. (*Выстрѣлъ*). Wer. da? Wer da?.. (*Выстрѣлъ*). Wer da?.. (*Выстрѣлъ*).

Гредель (*судорожно цѣпляясь за дверь*). Ахъ!..

(*Падаетъ на руки матери и Мари*).

Пласіаръ (*въ сторону, потирая руки*). А, голубчикъ, попалъ въ передѣлку!.. Зададутъ тебѣ!..

---

[1]) Кто идетъ?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина первая.

На мельницѣ въ Ротальпѣ, комната, называемая «низъ мельницы». Вправо, на первомъ планѣ узкая дверь къ колесу; на второмъ планѣ горизонтальный валъ, на третьемъ планѣ двигатель съ его среднимъ валомъ, маленькими колесами и ремнями. Влѣво, на первомъ планѣ различныя орудія мельника, висящія на стѣнѣ; на второмъ планѣ дверь на кухню; сзади на третьемъ планѣ нижняя часть лѣстницы, ведущей въ первый этажъ; эта лѣстница послѣ нѣсколькихъ ступенекъ и площадки поворачиваетъ вправо и идетъ въ первый этажъ вдоль задней стѣны. У этой стѣны подъ клѣткой лѣстницы родъ чулана, въ которомъ спитъ работникъ; опускная дверь его открыта; тутъ же индикаторъ со звонкомъ.

Сцена I.

Христіанъ, одинъ.

(*При поднятіи занавѣса Христіанъ смотритъ на окружающее съ нѣжностью и гордостью. Онъ стоитъ посреди комнаты*).

Христіанъ. О, моя старая мельница, на которой я родился, провелъ свое дѣтство и молодость, какъ я скучалъ по тебѣ!.. Я боялся, что не увижу тебя больше; и если бъ не бабушка Мадленъ, эта честная француженка, которая, спасла насъ, Жоржа и меня, кто знаетъ, что случилось бы?.. Какъ же они испортили тебя, эти грубые солдаты!.. Мнѣ съ Гредель пришлось работать пять недѣль, чтобы исправить тебя... Но теперь все готово!,. Тебѣ остается только весело пустить въ ходъ жернова... Увы! нѣтъ зерна!.. Все вытоптано, опустошено, сожрано въ нашей злополучной деревнѣ...,

Какая ужасная жнея эта война!... Она коситъ все безъ милосердія: хлѣбъ въ цвѣту, дерево въ полномъ соку, человѣка въ расцвѣтѣ молодости! Ахъ, тѣ, которые насылаютъ на людей этотъ бичъ изъ честолюбія, изъ эгоизма, по истинѣ преступны... Какъ могутъ они спать спокойно?.. Какъ могутъ они цѣловать своихъ дѣтей безъ дрожи... не думая о томъ, что они принесли въ жертву чужихъ дѣтей... и что есть Богъ на небѣ... который ждетъ ихъ!... (*Дверь налѣво отворяется, Пласіаръ появляется на порогѣ. Въ сторону, отвернувшись и вполголоса*). Опять этотъ человѣкъ!

Сцена II.

Христіанъ, Пласіаръ.

Пласіаръ (*входя, важно и въ то же время заискивающе*). Ну, господинъ Веберъ, вы должны быть довольны; не подумаешь, что въ вашемъ домѣ стоятъ нѣмцы; все въ порядкѣ, благодаря мадмуазель Гредель, и (*тихо*) благодаря мнѣ.

Христіанъ. Благодаря вамъ... только вамъ?

Пласіаръ (*въ сторону*). Онъ знаетъ мою исторію съ Жаномъ Батистомъ. (*Вслухъ*). Вѣрно то, господинъ Веберъ, что хорошо имѣть друзей всюду... Короче сказать, цѣль моего посѣщенія исполнена: я зашелъ посмотрѣть, хорошо ли ведутъ себя нѣмцы... имѣетъ ли мадмазель Гредель поводъ жаловаться на нихъ... Это кончено!.. Но я не хотѣлъ уйти отъ васъ, не поздоровавшись съ вами.

Христіанъ. Отъ меня!.. О, я еще не у себя... Иностранецъ еще занимаетъ мой домъ... (*Указывая налѣво*). Онъ тамъ... за этой дверью... у моего очага!.. (*Глядя на Пласіара*). Когда я буду у себя...

Пласіаръ (*перебивая его*). Вы у себя, господинъ Веберъ, вы у себя!.. И доказательство (*указывая кругомъ*) на лицо! Развѣ вы трудились бы такъ для другого?.. Машина-то, блеститъ какъ зеркало: хоть глядись!.. Да, вамъ пришлось-таки поработать по возвращеніи

Христіанъ. Бѣдная мельница, не могъ же я оставить ее въ такомъ видѣ какъ нашелъ.

Пласіаръ. Ну, конечно!.. Но зачѣмъ было уходить? Вѣдь такъ легко было остаться!

Христіанъ. Легко! Какъ же это?

Пласіаръ. Дѣлая тоже, что дѣлалъ я.

Христіанъ. Тоже, что дѣлаютъ мухи, которыя покидаютъ кухню, когда въ ней не осталось ни жира, ни сахара?

Пласіаръ. Неужели имъ слѣдуетъ оставаться и погибать съ голода?.. Развѣ не первая обязанность всѣхъ существъ поддерживать свое существованіе?..—Послушайте, господинъ Веберъ, вы и я, мы оба старики, мы люди опытные, мы знаемъ, какъ относиться къ міру и его дѣламъ, мы и другъ друга знаемъ; никто не заставитъ меня вѣрить, что вы восемнадцать лѣтъ исполняли обязанности мэра единственно ради чести; дороги, большія и малыя, которыя ведутъ къ вашей мельницѣ, всѣхъ лучше содержатся... (*Христіанъ хочетъ говорить, Пласіаръ быстро и поднимая руку*) О, я вѣдь не въ укоръ... напротивъ... это награда за ваши заботы о дѣлахъ коммуны. А потомъ, какого чорта, выгода прежде всего, и—спасайся кто можетъ! Гдѣ бы я былъ самъ, если бъ не слѣдовалъ этому правилу? У меня не было бы коровъ въ хлѣву, вина въ погребѣ; тогда какъ благодаря тому, что я покорился неизбѣжному, война прошла по мнѣ, какъ буря по листьямъ.

Христіанъ. И вы блистаете, какъ они послѣ дождя!

Пласіаръ. Я блистаю... О, я блистаю, какъ простой деревенскій мэръ, и не слишкомъ-то горжусь этимъ... Дорожу этой должностью только въ виду своей независимости и будущаго моей семьи; я даже готовъ, если мы сойдемся, вернуть ее вамъ, и снова сдѣлаться вашимъ товарищемъ. Видите ли, мое честолюбіе не заходитъ дальше чести быть вашимъ союзникомъ.

Христіанъ. Моимъ союзникомъ?

Пласіаръ. Какъ же, господинъ Веберъ, я не отказался отъ нашего брачнаго проекта... А вы?

Христіанъ. Моя дочь еще слишкомъ молода.

Пласіаръ. Мой сынъ подождетъ... Довольно обѣщанія... пока, я не требую большаго. Позднѣе, когда наши семьи породнятся и мы оба займемъ наши прежнія должности, мы поведемъ дѣла коммуны еще лучше, чѣмъ прежде; мы заберемъ ее въ свои руки, господинъ Веберъ!

Христіанъ. Въ сущности почему нѣтъ? Развѣ есть справедливость на свѣтѣ? Развѣ честный человѣкъ, добрая мать семейства, хорошія дѣти не остаются въ дуракахъ? Развѣ не оказывается выгоднѣе ремесло вора и злодѣя? Развѣ проповѣдники состраданія не лицемѣры? Нужно быть сильнѣйшимъ: что-жь, будемъ сильнѣйшими! Пойдемъ по тѣламъ себѣ подобныхъ! Они не знаютъ насъ,—что за важность! Они никогда не дѣлали намъ зла,—и это не важно! Можетъ быть, даже, они дѣлали намъ добро... наплевать и на это! Будемъ шпіонить, обманывать, красть, грабить, убивать!.. Разъ мы сильнѣйшіе, мы всегда правы... Не такъ ли, господинъ Пласіаръ?

Пласіаръ. Наконецъ-то!.. Я узнаю васъ, господинъ Веберъ... Стало быть и вы, какъ я, перешли въ другой лагерь! Между нами будь сказано, давно пора; судите сами: мы господствуемъ отъ окрестностей Бельфора до Орлеана, и отъ Орлеана до Сенъ-Кантена... Черезъ мѣсяцъ мы займемъ Туръ и Мансъ; черезъ три мѣсяца, если война продолжится, займемъ всю Францію; если же будетъ заключенъ миръ, оставимъ за собой Эльзасъ и Лотарингію. Что касается Фальсбурга, судьба котораго интересуетъ насъ только изъ за нашихъ сыновей, то его часъ приближается; онъ падетъ, какъ пали Страссбургъ, Тіонвиль, Мецъ; какъ падетъ самъ Парижъ, въ свое время, отъ голода... Его комендантъ сумасшедшій старикъ; съѣстныхъ припасовъ у него хватитъ самое большее на четыре мѣсяца!.. Эту справку мы получили отъ одного офицера мобилей, котораго онъ прислалъ къ намъ въ началѣ осады парламентеромъ, и который воспользовался этимъ случаемъ... (*дѣлаетъ двусмысленный жестъ*), какъ благоразумный человѣкъ.

Христіанъ. Да... да... какъ благоразумный человѣкъ... какъ вы сказали: онъ перешелъ въ другой лагерь!

Пласіаръ. А теперь четыре мѣсяца кончились. (*Смѣется*). Кусать-то имъ нечего... нечего!.. — И чему онъ помѣшалъ съ своими полутора тысячами мобилей и шестьюдесятью артиллеристами? Чего онъ добился? Добился того, что треть жителей погибла, половина домовъ сгорѣла, а кончить все-таки сдачей. Да, господинъ Веберъ, имѣю удовольствіе сообщить вамъ: завтра, быть можетъ даже сегодня, намъ можно будетъ отправиться въ Фальсбургъ, ворота будутъ открыты; мы вернемъ нашихъ сыновей.

Христіанъ. Нашихъ сыновей!.. Найдемъ ли мы ихъ въ живыхъ?

Пласіаръ. Ну, разумѣется, господинъ Веберъ? Они постараются держаться за спинами другихъ, не выставляться безъ пользы, какъ глупцы. Я усердно совѣтовалъ это Матіасу передъ его уходомъ; онъ конечно будетъ твердить тоже своему другу Жакобу.

Христіанъ. А, вы ему совѣтовали!..

Пласіаръ (*Поднимая руки*). Чортъ возьми!.. Будьте покойны, господинъ Веберъ, мы найдемъ ихъ обоихъ цѣлыми и невредимыми!.. Но меня ждутъ у командира... До свиданія!.. (*Уходитъ*).

Сцена III.

Христіанъ, потомъ Гредель.

Христіанъ (*одинъ, падая на стулъ*). Вся ли чаша выпита? Этотъ человѣкъ заставилъ меня осушить ее до дна... (*Поднимая руки*). О, Боже, ты видишь, какъ мы страдали и страдаемъ!.. Если мы заслужили это, покарай насъ еще! (*Когда онъ говоритъ это, входитъ Гредель, нѣсколько встревоженная, и останавливается, глядя на отца. Послѣдній продолжаетъ, не замѣчая Гредель*). Но если другіе причина этой войны... если они воспользовались нашимъ невѣжествомъ, чтобы повергнуть насъ въ бездну несчастій, то сжалься надъ нами!

Гредель (*подбѣгая къ Христіану*). Отецъ, отецъ, что съ тобой? Что тебѣ сказалъ этотъ человѣкъ?

Христіанъ. Ничего, ничего, дочка... Не бойся... если ты когда-нибудь будешь называться мадамъ Пласіаръ, то только по своей волѣ... Что до меня, то я не хочу этого... нѣтъ, не хочу!..

Гредель. О, я не безпокоилась объ этомъ... я знала, что ты не станешь принуждать меня выйти за этого толстаго труса!.. (*Въ эту минуту раздается пушечный залпъ; за нимъ слѣдуютъ другіе до конца картины. Христіанъ встаетъ. Гредель взволнованная*). Пушка, отецъ, пушк Это въ Фальсбургѣ... Послѣ такого долгаго молчанія... Что же это значитъ?

Христіанъ. Что это значитъ, дитя мое?.. Это агонія... Фальсбургъ гибнетъ... Какъ погибающій корабль, онъ посылаетъ послѣдніе залпы... Зоветъ Францію на помощь!.. Увы!.. Никто не можетъ помочь ему... (*Падая на стулъ*). Приходится обрушиться въ бездну. (*Закрываетъ руками лицо и рыдаетъ*).

Вторая картина.

Въ Фальсбургѣ, зала Совѣта Обороны въ ратушѣ. Большая дверь направо. Высокій каминъ въ глубинѣ. Окна налѣво. Большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, посреди залы. На столѣ бумага, чернильница, перья и проч.

Сцена первая

Комендантъ Тальянъ, Жанъ Батистъ Вернеръ, въ мундирѣ лейтенанта мобилей. Офицеры мобилей и артиллеріи.

При открытіи занавѣса всѣ сидятъ вокругъ стола. Изношенные мундиры, исхудалыя лица. Комендантъ посрединѣ, лицомъ къ публикѣ. Налѣво отъ коменданта Жанъ Батистъ, исполняющій обязанности секретаря.

Жанъ Батистъ (*передавая протоколъ коменданту*). Господинъ комендантъ, потрудитесь подписать протоколъ за-

сѣданія! (*Тальянъ беретъ перо, подписываетъ и возвращаетъ протоколъ Жану Батисту*).

Тальянъ. Послѣднее слово, господа! Какъ удостовѣряетъ этотъ протоколъ, мы сдѣлали все, что намъ предписывали долгъ и честь: вынесли четыре мѣсяца осады, выдержали четыре бомбардировки и отразили двѣ аттаки. Наши съѣстные припасы истощились; продолжать оборону стало невозможнымъ. (*Жану Батисту*). Лейтенантъ Вернеръ, пишите! (*Жанъ Батистъ беретъ листъ бумаги и кладетъ его передъ собой. Тальянъ диктуетъ медленно и твердымъ голосомъ*). „Фальсбургъ, 10 декабря 1870 года. Командующему нѣмецкими силами передъ Фальсбургомъ.—Комендантъ города, Тальянъ.—У меня нѣтъ больше съѣстныхъ припасовъ. Завтра я отворю ворота Фальсбурга. Дѣлайте со мною, что хотите!“

Офицеры. Со всѣми нами... со всѣми!.. (*Тальянъ беретъ листъ у Жана Батиста, пробѣгаетъ его глазами и подписываетъ. Потомъ кладетъ въ конвертъ, запечатываетъ и передаетъ одному изъ капитановъ*).

Тальянъ (*капитану, который встаетъ*). Отнесите эту декларацію въ непріятельскій лагерь! Возьмите флагъ парламентера. (*Капитанъ выходитъ. Тальянъ продолжаетъ*). Исполнены ли мои приказанія? (*Обращаясь къ одному изъ капитановъ*). Уничтожены ли постели въ казармахъ?

Капитанъ. Да, господинъ комендантъ.

Тальянъ, (*начальнику артиллеріи*). Пушки заклепаны и припасы приведены въ негодность?

Начальникъ артиллеріи. Да, господинъ комендантъ.

Тальянъ (*обращаясь къ начальнику мобилей*). Ружья, сабли, все вооруженіе изломано?

Начальникъ мобилей. Да, господинъ комендантъ.

Тальянъ (*ему же*). Знамена сожжены?

Начальникъ мобилей. Да, господинъ комендантъ. Исключая того, которое развѣвается надъ ратушей съ самаго начала осады.

Тальянъ (*обращаясь къ Вернеру*). Снимите его! (*Вернеръ встаетъ и выходитъ. Тальянъ, обращаясь къ офицерамъ, послѣ минутнаго молчанія*). Господа, вамъ, такъ внезапно и въ такомъ молодомъ возрастѣ отнятымъ у вашихъ семей, пришлось учиться войнѣ при тяжелыхъ условіяхъ. Вы съ честью исполнили свой долгъ; вы можете съ поднятой головой предстать передъ вашимъ отечествомъ. Что касается меня, то не знаю, хорошо ли я исполнилъ свой долгъ.

Всѣ. Да... да... господинъ комендантъ!

Тальянъ. Военный совѣтъ разсмотритъ это и вынесетъ рѣшеніе!.. Я знаю только, я утверждаю, что вы выполнили свой долгъ. Это прошлое гарантируетъ въ моихъ глазахъ будущее. Что бы ни случилось, я увѣренъ, что вы будете служить для вашихъ солдатъ примѣромъ дисциплины и твердости въ несчастіи. (*Вернеръ возвращается, неся изодранное знамя, которое развѣвалось надъ ратушей*).

Вернеръ. Вотъ знамя, господинъ комендантъ. (*Всѣ встаютъ. Глубокое молчаніе*).

Тальянъ, (*беретъ знамя и поднимаетъ его надъ головой*). Старое знамя отечества!.. Мы защищали тебя до послѣдняго куска хлѣба... Мы оставимъ непріятелю только твой пепелъ! (*Онъ кладетъ знамя въ каминъ. Пламя охватываетъ его. Всѣ отворачиваютъ головы*).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ Фальсбургѣ.—Налѣво, отступя, казарма пѣхоты, продырявленная ядрами. Передъ казармой стѣна двора. Посреди стѣны ворота съ двумя створами. Дальше налѣво маленькая выходная дверь подлѣ кордегардіи.—Направо улица казармы, паралельная стѣнѣ двора, а напротивъ воротъ улица Плацдарма. Три четверти домовъ разрушены, сожжены: груда обломковъ. Направо по улицѣ Плацдармъ, на углу, кафе Мармонье съ вывѣской, висящей на желѣзномъ брусѣ. Въ глубинѣ бастіонъ порохового погреба, изрытый, исковерканный ядрами; у его подножія груды изломанныхъ сабель, ружей, испорченныхъ пушекъ и лафетовъ.—При поднятіи занавѣса Пласіаръ и его сынъ Матіасъ выходятъ со двора казармы въ маленькія ворота кордегардіи, въ глубинѣ, налѣво. Дверь за ними затворяется.

Сцена I.

Пласіаръ, Матіасъ.

Пласіаръ (*весело*). Наконецъ то ты выбрался изъ этой передряги!.. Пусть другіе выпутываются, какъ умѣютъ... это ихъ дѣло!.. (*Они идутъ по сценѣ. Останавливаются*). Ахъ, дай же на тебя поглядѣть!.. (*Кладетъ ему руки на плечи и смотритъ съ нѣжностью*). Бѣдный мой Матіасъ, куда дѣвалось твое румяное лицо и круглое брюшко... Какъ война изводитъ человѣка!.. Къ счастью, шкура осталась цѣла!.. (*Смѣясь и слегка похлопывая по животу Матіаса*). А это мы опять наполнимъ.

Матіасъ. Значитъ, я вернусь домой, ты возьмешь меня съ собою?

Пласіаръ. Еще бы!.. Для чего же я и пріѣхалъ... Мой шарабанъ ожидаетъ насъ въ гостинницѣ Базель... Какъ только покончу съ дѣлами, сейчасъ же и въ Ротальпъ.

Матіасъ. Но сегодня намъ читали прокламацію нѣмецкаго генерала, въ которой сказано, что отпустятъ только...

Пласіаръ. ...тѣхъ мобилей, которые подпишутъ обязательство не служить противъ Германіи до окончанія войны.

Матіасъ. Да...

Пласіаръ (*перебивая его*). Ну, вотъ, я и подписалъ за тебя это обязательство... (*Движеніе со стороны Матіаса*). Ты свободенъ...

Матіасъ (*нерѣшительно*). Но...

Пласіаръ (*смотря на него*). Что такое? Въ чемъ дѣло? Развѣ тебѣ непріятно вернуться домой?

Матіасъ. Нѣтъ, но... знаешь... товарищи... Всѣ мобили батальона отказались дать слово, что не будутъ служить... они предпочитаютъ остаться плѣнными... Ну и я сказалъ, что поступлю какъ товарищи...

Пласіаръ. Ты сказалъ глупость!.. Въ этомъ мірѣ самое важное думать прежде всего о себѣ, относить все къ себѣ, и, слѣдовательно, всегда становиться на сторону сильнѣйшаго чтобы имѣть свою часть въ добычѣ. Одолѣй французы, я кричалъ бы: „Да здравствуетъ Франція:“, но такъ какъ они побиты и, стоя за нихъ, ничего кромѣ колотушекъ не получишь, то я кричу: „Да здравствуетъ Германія!“, то есть: „Да здравствуетъ мой интересъ!“ И если когда-нибудь побьютъ нѣмцевъ, я буду кричать: „Да здравствуетъ ихъ побѣдитель!“ Это не труднѣе чѣмъ то! (*Указывая пальцемъ на грудь*). Мое отечество, это я! Я, однако, тысячу разъ повторялъ тебѣ эти вещи, тебѣ бы не слѣдовало ихъ забывать.

Матіасъ (*угрюмо*). Да я и не забывалъ, я вѣдь и разжалованъ за то, что прятался по твоему совѣту...

Пласіаръ. Ну что жь... Развѣ я упрекаю тебя за это?..

Матіасъ. Нѣтъ! Но все таки оно непріятно... (*Указывая на рукава*). Галуны были мнѣ очень къ лицу!.. (*Пласіаръ пожимаетъ плечами*). Вдобавокъ другіе смѣются надо мною... дразнятъ меня этими галунами... а теперь, когда узнаютъ, что я вернулся... одинъ изъ всего батальона... скажутъ...

Пласіаръ. Пусть говорятъ, что хотятъ. Не стоитъ обращать вниманія на мнѣніе глупцовъ. Что бы ни говорили, это

не помѣшаетъ тебѣ остаться цѣлымъ и невредимымъ, получить хорошее мѣсто, которое пруссаки обѣщали мнѣ для тебя... въ награду за услуги съ моей стороны... и жениться на Гредель.

Матіасъ (*смущенно*). Гредель Веберъ?..

Пласіаръ. Ну да.

Матіасъ. Ты, значитъ, все еще думаешь объ этомъ бракѣ?

Пласіаръ. Болѣе, чѣмъ когда-либо!.. Онъ долженъ состояться... и состоится... (*Хлопая себя по карману*). У меня въ карманѣ все, что нужно для этого.

Матіасъ. Но я не люблю эту дѣвушку.

Пласіаръ. Что ты говоришь?

Матіасъ. И наконецъ... я просто боюсь ея!.. Это не женщина... это драконъ...

Пласіаръ. Вотъ потому-то ты и женишься на ней! У тебя ни на грошъ энергіи; съ твоимъ характеромъ, когда меня не станетъ, ты прогоришь до тла; проѣшь и пропьешь все. Тебѣ нужно жену съ головой, которая будетъ руководить тобой... Вотъ я и выбралъ ее, не изъ любви къ ней, а потому что это въ моихъ интересахъ; она сумѣетъ сберечь состояніе, которое я нажилъ... я могу умереть спокойно...

Матіасъ. Ну, если ты непремѣнно хочешь...

Пласіаръ. Да!

Матіасъ (*поднимая руки*). Съ Богомъ!.. Однако, я ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, а передъ тѣмъ мы шесть недѣль сидѣли на половинномъ раціонѣ... Я голоденъ и жажду...

Пласіаръ (*указывая на кафе*). Зайдемъ къ Мармонье...

Матіасъ. Мармонье въ такомъ же положеніи, какъ всѣ... Ему самому ѣсть нечего... А другихъ кормить и подавно нечѣмъ...

Пласіаръ. Будь покоенъ... У меня въ саквояжѣ найдется провизія...

Матіасъ (*весело*). А, если у тебя есть провизія, это дѣло другое! (*Потирая руки*). Зайдемъ... зайдемъ... *Отво-*

рветъ дверь кафе и отстраняется, чтобы пропустить отца. Указывая на дома, разрушенные бомбами). Бѣдный старый Фальсбургъ... какое разрушеніе!..

Пласіаръ. Ба, отстроятъ заново!.. Дѣла каменоломни пойдутъ хорошо, будемъ продавать камень массами... И загребать денежки, сколько пожелаемъ! (*Пріостанавливаясь и указывая на груды изломаннаго оружія*). А это что такое?

Матіасъ. Это оружіе, которое комендантъ велѣлъ изломать, чтобы оно не досталось непріятелю.

Пласіаръ. Онъ велѣлъ изломать оружіе?

Матіасъ. Да.

Пласіаръ (*съ негодованіемъ*). Каналья! (*Сильный шумъ на улицѣ, направо*).

Матіасъ (*высовываясь на улицу*). Это родные мобилей, которые хотятъ повидаться съ нимъ прежде чѣмъ ихъ уведутъ... Не всѣ найдутъ своихъ парней... не веселое будетъ зрѣлище... (*Толкая отца въ кафе*). Входи же!..

Пласіаръ (*указывая на кучу изломаннаго оружія*) Каналья!.. (*Входитъ въ кафе. Матіасъ слѣдуетъ за нимъ. Въ ту же минуту горцы, мужчины, женщины, дѣти, иные съ корзинками, иные съ мѣшками, появляются на улицѣ справа. Они кажутся изнуренными долгимъ странствіемъ.*

Сцена II.

Горцы, мужчины, женщины, дѣти, потомъ лейтенантъ Жанъ Батистъ Вернеръ.

Старикъ (*съ сѣдой бородой и усами, оборачиваясь и махая палкой*). Сюда!... Сюда!.. Идите!.. (*Указывая на казарму*). Вотъ казарма...

Женщина (*выходя въ середину группы и указывая на казарму*). Они тамъ, внутри?

Старикъ. Да.

Женщина. Что жь... войдемъ... увидимъ ихъ...

Остальные (*шумно приближаясь*). Да... да... войдемъ!.. (*Подходятъ къ двери и пытаются отворить. Она заперта*).

Старикъ. Дверь заперта.

Женщина. Надо постучать...

Всѣ. Да... да... (*Стучатъ въ дверь, потомъ прислушиваются. Молчаніе*).

Старикъ. Ничего не слышно.

Женщина. Постучимъ сильнѣе.

Всѣ. Да... да... да... (*Всѣ стучатъ, одни палками, другіе деревянными башмаками, третьи кулаками. Маленькая дверь кордегардіи въ глубинѣ налѣво отворяется, Жанъ Батистъ Вернеръ появляется на порогѣ. Онъ въ формѣ поручика мобилей*).

Сцена III.

Тѣ же и Жанъ Батистъ Вернеръ.

Жанъ Батистъ (*рѣзкимъ тономъ*). Что такое? Что вамъ нужно? (*Всѣ оборачиваются и останавливаются въ нерѣшимости при видѣ офицера. Въ эту минуту справа входитъ бѣдная старуха, съ корзинкой, опираясь на клюку. Она повидимому изнемогаетъ отъ усталости, и съ безпокойствомъ смотритъ на толпу*).

Старикъ (*отдавая честь по военному и подходя къ Жанъ Батисту*). Мы родители мобилей, господинъ лейтенантъ... Намъ сказали вчера въ горахъ, что городъ сдался... а гарнизонъ отведутъ въ плѣнъ, въ Пруссію... Мы шли всю ночь, чтобы повидать нашихъ дѣтей, пока ихъ не увели...

Всѣ (*толпясь вокругъ Жанъ Батиста*). Да... да... мы хотимъ ихъ видѣть!

Жанъ Батистъ (*взволнованный*). Мои бѣдные друзья, я бы радъ былъ исполнить ваше желаніе! Будь я начальникъ, я немедленно отворилъ бы вамъ двери. Къ несчастью, мы плѣнники... Прусскій генералъ заперъ насъ въ казармѣ... и запретилъ впускать кого бы то ни было.

Женщина. Видно у него нѣтъ дѣтей, у этого человѣка!.. Это возмутительно, отдавать такой приказъ.

Всѣ. Да... да... Она права... (*Шумъ*).

Жанъ Батистъ. Слушайте!.. слушайте!.. Если вы будете кричать всѣ заразъ, мы ни до чего не договоримся. (*Обращаясь къ старику съ сѣдыми усами и бородой*). Послушайте, вы были въ солдатахъ?

Старикъ (*подходя къ Жанъ Батисту*). Да, лейтенантъ, я прослужилъ восемь лѣтъ въ 16-мъ линейномъ. Я былъ при взятіи Алжира...

Другой (*подходя*). Я тоже былъ на службѣ.

Нѣсколько голосовъ. Я тоже! я тоже! я тоже!

Жанъ Батистъ. Ну, такъ я васъ спрашиваю, развѣ солдатъ можетъ измѣнить приказъ, который онъ получилъ? Развѣ онъ не обязанъ исполнять его даже на перекоръ отцу и матери?

Старикъ. Да, это вѣрно... лейтенантъ правъ... приказъ прежде всего!

Остальные (*кивая головами*). Да!.. да!..

Женщина (*съ негодованіемъ*). Значитъ, надо вернуться, не повидавшись съ дѣтьми?..

Жанъ Батистъ (*перебивая ее*). Я не говорю этого!.. Я говорю, что мой приказъ запрещаетъ мнѣ впускать кого-бы то ни было, и что я въ тысячу разъ предпочелъ бы имѣть другой, вотъ и все!—Но вы хотите повидаться съ вашими дѣтьми, это другое дѣло... (*Указывая улицу напротивъ*). Вотъ!.. Ступайте на плацдармъ, тамъ, въ концѣ улицы... Тамъ уланскій офицеръ, которому поручено насъ конвоировать, долженъ сдѣлать перекличку и пересчитать плѣнныхъ... Ступайте туда!.. Вы навѣрное увидите вашихъ дѣтей...

Женщина. Пойдемте скорѣе.

Всѣ. Да!.. да!.. да!.. *Выходятъ направо, толпясь, чтобы поспѣть первыми. Хромая старуха одна остается, опираясь на клюку. Жанъ Батистъ задумчиво смотритъ на уходящихъ*).

Сцена IV.

Жанъ Батистъ, хромая Жаклина.

Жаклина (*тихонько подойдя къ Жану Батисту и дергая его за фалду, тихо, умоляющимъ тономъ*). Господинъ офицеръ!...

Жанъ Батистъ (*оборачиваясь съ удивленіемъ*). Что такое?.. Что еще?..

Жаклина. Правда ли, господинъ офицеръ, что нашимъ дѣтямъ будутъ дѣлать перекличку на площади?.. Можетъ быть, ихъ выведутъ съ другой стороны, пока мы будемъ ждать тамъ?

Жанъ Батистъ (*взволнованный*). Нѣтъ, добрая женщина... нѣтъ... не бойтесь!..

Жаклина. Дѣло въ томъ, изволите видѣть, господинъ офицеръ, что мнѣ очень бы хотѣлось обнять моего Жана прежде чѣмъ его уведутъ... Вѣдь я его выростила... Можно сказать была ему и матерью, и бабушкой... Онъ у меня одинъ на свѣтѣ, господинъ офицеръ, а я такъ стара!.. Меня, пожалуй, уже не будетъ въ живыхъ, когда онъ вернется! (*Жанъ Батистъ смотритъ на нее тронутый; старуха, ободрившись*). Вы, можетъ быть, знаете, моего Жана, господинъ офицеръ?

Жанъ Батистъ. Жанъ... а какъ дальше?

Жаклина. Жанъ Гюло, господинъ офицеръ (*Жанъ Батистъ дѣлаетъ движеніе. Старуха быстро*). Вы его знаете?

Жанъ Батистъ (*спохватившись*). Нѣтъ, бабушка... нѣтъ, я ошибся... Тотъ, которого я знаю, называется Жанъ Гюлленъ... Гюлленъ...

Жаклина (*качая головой*). Это не онъ! (*Помолчавъ и искоса наблюдая за Жаномъ-Батистомъ*). Странно, однако, что вы не знаете его...

Жанъ Батистъ (*быстро*). Да нѣтъ, бабушка, тутъ нѣтъ ничего страннаго... Вѣдь насъ полторы тысячи человѣкъ въ батальонѣ... Понимаете... Нельзя же знать всѣхъ

Жаклина. А, да! Вотъ васъ какъ много!... Да... Да!.. (*Молчаніе. Сяпоя за Жаномъ Батистомъ*). А много было убитыхъ во время осады, господинъ офицеръ?

Жанъ Батистъ. Нѣтъ, бабушка, немного!.. Когда дерутся за укрѣпленіями, потери бываютъ невелики.

Жаклина. Я такъ и думала!—Нашъ сосѣдъ, отставной солдатъ, сказалъ мнѣ то же. (*Новое молчаніе*). А не случалось вамъ слышать, что съ какимъ-нибудь Гюло случилась бѣда?

Жанъ Батистъ (*съ живостью*). Нѣтъ!.. Нѣтъ!..

Жаклина (*радостно*). Я была увѣрена .. (*Складывая руки*). Я столько молилась!.. Видите ли, господинъ офицеръ, Жа не былъ обязанъ идти... Онъ опора вдовы... калѣки. (*Указываетъ на костыль*). Но когда онъ увидѣлъ, что другіе собираются въ походъ, то сказалъ мнѣ: „Бабушка я хочу идти драться съ пруссаками!“ Тогда я и говорю ему: „Ступай, дитя мое, я буду молиться за тебя!“ И я молилась все время, господинъ офицеръ, все время! Богъ услышалъ меня... онъ такъ добръ! Онъ не захотѣлъ сдѣлать несчастной бѣдную старуху!.. Что бы со мной сталось, если-бъ моего Жанчика убили? Да я бы умерла на мѣстѣ... (*Оглянувшись вправо и влѣво, открываетъ свою корзину и показываетъ содержимое Жану Батисту.—Вполголоса*). Я принесла ему, что онъ очень любитъ... лепешекъ!.. Давненько ужъ онъ не ѣлъ ихъ... и шерстяную фуфайку, въ ней будетъ тепло бѣдному мальчику... и... и... (*Оглянувшись кругомъ и понизивъ голосъ*) монету въ пять ливровъ, которую я заняла для него, чтобъ онъ могъ выпить при случаѣ стаканчикъ вина!.. (*Смѣется беззубымъ ртомъ и смотритъ на Жана Батиста*). Онъ будетъ очень доволенъ... правда... и крѣпко поцѣлуетъ меня!.. (*Смѣется*).

Жанъ Батистъ (*кашляя въ руку*). Гмъ!.. Гмъ!.. (*Поворачивается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери казармы*).

Жаклина (*глядя на него*). Такъ я пойду, господинъ офицеръ... (*Жанъ Батистъ поворачивается къ ней, она кла-*

ляется). Пойду на площадь къ остальнымъ... Намъ вѣдь недолго придется ждать, не правда ли?

Жанъ Батистъ. Нѣтъ, бабушка, черезъ часъ мы будемъ тамъ...

Жаклина (*въ сторону, уходя и тихонько смѣясь*). Какъ онъ обрадуется!.. Какъ онъ обрадуется!..

Жанъ Батистъ (*слѣдя за ней взглядомъ*). Бѣдная старуха! Она не увидитъ его больше!.. Онъ былъ убитъ рядомъ со мной три дня тому назадъ! Храбрый былъ солдатикъ!.. (*Продолжая слѣдить за Жаклиной взглядомъ*). Бѣдная старуха!.. (*Ходя*). Ахъ, Боже мой, Боже мой, какое счастье не имѣть въ такое время ни отца, ни матери, быть одинокимъ!.. (*Онъ останавливается, устремивъ взглядъ въ глубину улицы, и нѣсколько мгновеній стоитъ какъ будто въ нерѣшимости, потомъ подбѣгаетъ къ маленькой двери казармы, быстро отворяетъ ее и кричитъ*). Жакобъ!.. Жакобъ!.. (*Жакобъ появляется на порогѣ*).

Сцена V.

Жанъ Батистъ, Жакобъ, потомъ Христіанъ Веберъ, кузенъ Жоржъ и Гредель.

Жакобъ (*на порогѣ*). Что такое, Жанъ Батистъ?

Жанъ Батистъ (*указывая ему пальцемъ на улицу направо*). Посмотри...

Жакобъ. Отецъ!.. (*Онъ бѣжитъ черезъ сцену. Христіанъ Веберъ показывается направо. Они бросаются другъ другу въ объятія и цѣлуются безъ словъ. Гредель обнимаетъ кузена Жоржа*).

Гредель (*замѣчая Жана Батиста, который остался въ глубинѣ, у дверей кордегардіи*). Жанъ Батистъ!.. (*Бѣжитъ къ нему, протягивая руки*).

Христіанъ (*быстро освобождаясь изъ объятій сына. Грубымъ тономъ*). Гредель!.. (*Останавливаетъ ее жестомъ. Поднимая палецъ*). Помнишь, что ты мнѣ обѣщала передъ уходомъ!.. (*Обращаясь къ Жану Батисту, который сдѣлалъ*

нѣсколько шаговъ навстрѣчу Гредель. Сердитымъ тономъ. Я знаю, Жанъ Батистъ, что ты сдѣлалъ для моего сына за время осады; но все таки не слѣдуетъ... *(Замѣчая офицерскіе погоны на рукавѣ Вернера, останавливается въ изумленіи. Смягченнымъ тономъ, указывая пальцемъ на погоны).* Это что же такое?..

Жанъ Батистъ. Лейтенантскіе погоны, господинъ Веберъ.

Христіанъ (*съ удивленіемъ*). Ты лейтенантъ?.. (*Указывая* на погоны). Ты заслужилъ это въ бояхъ съ непріятелемъ?..

Жакобъ (*съ живостью*). Онъ заслужилъ вдесятеро больше... Ему бы слѣдовало быть капитаномъ!..

Гредель (*обнимая и цѣлуя Жакоба, но не спуская глазъ съ Жана Батиста*). Ахъ, Жакобъ... Жакобъ... какой ты добрый!..

Жоржъ (*протягивая руку Жану Батисту*). Я доволенъ тобой, Жанъ-Батистъ!..

(*Они пожимаютъ другъ другу руки. Пласіаръ быстро выходитъ изъ кафе Мармонье*).

Сцена VI.

Тѣ же, Пласіаръ.

Пласіаръ. А, это господинъ Веберъ!.. (*Всѣ оборачиваются*). Здравствуйте, господинъ Веберъ... Вы пришли за Жакобомъ... Мы поѣдемъ вмѣстѣ въ моемъ экипажѣ... (*Указывая на кафе*). Матіасъ уже тамъ!..

Христіанъ (*съ удивленіемъ, Жакобу*). Какъ? Васъ отпускаютъ домой?

Жакобъ. Нѣтъ, отецъ. Отпускаютъ только тѣхъ, которые дали слово не служить противъ Германіи до конца войны...

Христіанъ. А вы развѣ обѣщали?

Жакобъ (*съ живостью*). Мы ничего не обѣщали...

Христіанъ (*обращаясь къ Жану Батисту*). Можетъ быть, ваши начальники обѣщали за васъ?

Жанъ Батистъ. Нѣтъ, господинъ Веберъ. Наши начальники идутъ съ нами. Никто не захотѣлъ дать слова не драться больше съ нѣмцами!.. Мы сейчасъ отправляемся всѣ вмѣстѣ въ Раштадтъ.

Христіанъ (*обращаясь къ Пласіару*). Такъ, значитъ...

Пласіаръ. Хе! Отъ насъ не требуется никакихъ обѣщаній; обѣщанія для тѣхъ, кому не довѣряютъ (*Вытаскивая изъ кармана бумагу и подавая ее Христіану*). Вотъ, господинъ Веберъ, читайте...

Христіанъ (*читаетъ вслухъ*). „Главнокомандующій графъ фонъ-Герренштейнъ, разрѣшаетъ мобилямъ Жакобу Веберу и Матіасу Пласіару вернуться въ свои семьи, безъ всякихъ условій. – Графъ фонъ-Герренштейнъ“.

(*Всѣ переглядываются въ изумленіи. Молчаніе*).

Пласіаръ (*искоса посматривая на Христіана и указывая на Жакоба*). (*Въ сторону*). Это у него единственный сынъ... Онъ въ моихъ рукахъ. (*Громко. Выпрямляясь*). Что вы объ этомъ скажете, господинъ Веберъ? Другіе-то пойдутъ терпѣть нужду и палочные удары въ казематахъ Раштадта, а наши рябята тѣмъ временемъ будутъ спокойно работать дома... Они не подвергнутся никакому риску! То-то будетъ рада добрѣйшая мадамъ Веберъ обнять своего Жакоба!

Христіанъ (*Стиснувъ губы, впившись глазами въ бумагу. Разсѣянно*). Да!.. Да!..

Жакобъ (*быстро подходя къ отцу*). Но, отецъ, я не могу...

Христіанъ (*рѣзко*). Молчи!.. (*Пласіаръ одобрительно киваетъ головой*).

Гредель (*подходя къ Христіану*). Ты не подумалъ объ этомъ, отецъ, вѣдь это позоръ...

Христіанъ (*перебивая ее*). Молчи!.. (*Тотъ же жестъ со стороны Пласіара*).

Жоржъ (*Дѣлая шагъ къ Христіану*). Ахъ, Христіанъ...

Христіанъ (*вспыльчиво*). Э, оставьте меня въ покоѣ!.. Я знаю, что я долженъ дѣлать, чортъ побери!.. (*Обращаясь къ Пласіару, который потираетъ руки, одобрительно ки-*

вая головой). Послушайте, господинъ Пласіаръ! Я знаю васъ давно... Вы не имѣете привычки оказывать услуги даромъ... (*Показывая бумагу*). А вѣдь это больше чѣмъ услуга... такъ какъ вы правы... въ Германіи отъ тоски, нужды, отчаянія погибнетъ больше мобилей, чѣмъ погибло ихъ здѣсь во время осады... (*Показывая бумагу*). Стало быть, вы мнѣ приносите, такъ сказать, жизнь моего сына.. моего единственнаго сына!.. Что же вы требуете въ обмѣнъ?.. Отвѣчайте откровенно!..

Пласіаръ (*веселымъ тономъ*). Э, вы это знаете, господинъ Веберъ; я вамъ говорилъ вчера.

Христіанъ (*съ удивленіемъ*). Что же это?..

Пласіаръ (*указывая на Гредель*). Руку мадмуазель Гредель для Матіаса.

(*Движеніе изумленія*).

Гредель. Никогда!.. Лучше я брошусь подъ мельничное колесо. (*Показывая кулакъ Пласіару*). Ахъ, старый разбойникъ!..

Христіанъ (*съ силой*). Гредель, поди сюда... (*Гредель повинуется. Обращаясь къ Жану Батисту и знакомъ приглашая его стать рядомъ съ нею*). Жанъ Батистъ!.. (*Жанъ Батистъ повинуется. Обращаясь къ Пласіару*). Вотъ мой отвѣтъ, господинъ Пласіаръ! (*Онъ беретъ руку Гредель и вкладываетъ ее въ руку Жана Батиста, Пласіаръ стоитъ какъ окаменѣлый*).

Жанъ Батистъ. О, господинъ Веберъ!.. О, Гредель!..

Христіанъ (*обращаясь къ Жоржу и Жакобу*). Вы свидѣтели ихъ обрученія!.. Когда Жанъ Батистъ вернется изъ Германіи, если меня въ то время не будетъ болѣе въ живыхъ, я поручаю вамъ исполнить мою волю (*Обращаясь къ Гредель*). Ну, довольна ты, озорница?..

Гредель (*бросаясь къ нему на шею*). Да!..

Пласіаръ (*приходя въ себя и подходя къ Христіану*). Но, господинъ Веберъ... господинъ Веберъ... вы не подумали... вы теряете голову... отдать вашу дочь... вашу единственную дочь... человѣку безъ гроша въ карманѣ...

Христіанъ (*поворачиваясь къ Пласіару и глядя ему въ глаза*). Я отдаю ее храброму малому, честному, работящему... (*указывая на погоны Жана Батиста*) человѣку, который заслужилъ это, сражаясь за отечество!.. И я отказываю въ ея рукѣ лѣнтяю... (*движеніе со стороны Пласіара*) трусу... который допустилъ себя разжаловать передъ лицомъ непріятеля... (*Скомкавъ бумагу и бросая ее къ ногамъ Пласіара*) сыну измѣнника!..

Пласіаръ (*подпрыгнувъ*). Господинъ Веберъ!..

Жоржъ (*подбѣгая къ Христіану и пожимая ему руку, пока Пласіаръ подбираетъ бумагу*). Въ добрый часъ!.. Вотъ что называется говорить по французски!..

Пласіаръ (*заикаясь отъ гнѣва*). Значитъ... все... кончено... между нами... господинъ Веберъ... кончено?

Христіанъ, Да! Вчера я разглядѣлъ вашу душу до самаго дна!.. (*Гнѣвно*). Убирайтесь!..

Пласіаръ (*въ сторону, направляясь къ кафе*). Хорошо же!.. Ты мнѣ заплатишь!.. Я отрекомендую твоего сына нѣмцамъ!.. О немъ позаботятся!..

(*Входитъ въ кафе. Въ казармахъ грохотъ барабановъ. Маленькая дверь кордегардіи отворяется, на порогѣ появляется мобиль*).

Мобиль (*Жану Батисту*). Господинъ лейтенантъ!.. Господинъ лейтенантъ!.. мы уходимъ...

Христіанъ (*Жану Батисту и Гредель*). Поцѣлуйтесь.

Гредель (*бросаясь въ объятія Жана Батиста*). Ахъ, Жанъ-Батистъ!..

Христіанъ (*протягивая руки Жакобу*). Жакобъ! (*Обнимаетъ его. Выпрямляясь и поглядѣвъ на него съ минуту*). Теперь за мать. (*Со вздохомъ пожимаютъ другъ другу руки*).

Жоржъ (*ласково разъединяя ихъ*). Полно... полно... довольно... Вспомнимъ, что мы французы.

Христіанъ (*выпрямляясь*). Да!.. (*Жакобу*). Ступай!.. (*Протягивая руку Жану Батисту, тихо*). Я тебѣ поручаю его, Жанъ Батистъ. Теперь онъ твой братъ...

Жанъ Батистъ. Будьте покойны, господинъ Веберъ...

До свиданія, господинъ Жоржъ... До свиданія, Гредель... Мужайтесь!.. (*Беретъ за руку Жакоба*). Идемъ, Жакобъ!.. (*Они уходятъ въ казарму. Сильный шумъ на улицѣ направо. Горцы, мужчины, женщины, дѣти, которыхъ Жанъ Батистъ послалъ на плацдармъ дожидаться выхода мобилей, шумно входятъ на сцену*).

Сцена VII.

Христіанъ, Гредель, Жоржъ, горцы, мужчины, женщины, дѣти, хромая Жаклина, потомъ плѣнные мобили.

Старикъ (*съ сѣдой бородой*). Подождемъ здѣсь... коли нѣмцы не позволяютъ намъ остаться на плацу... мы все-таки увидимъ нашихъ дѣтей...

Всѣ. Да... да... подождемъ здѣсь!..

Нѣсколько голосовъ (*мужчинъ и женщинъ, вбѣгающихъ справа*). Вотъ уланы!.. (*Въ казармѣ бьютъ барабаны. Всѣ поворачиваются къ воротамъ главнаго двора. Молчаніе. Жаклина взбирается на кучу обломковъ въ глубинѣ. Трубы улановъ направо въ концѣ улицы*).

Голосъ (*въ казармѣ*). Впередъ... скорымъ шагомъ... маршъ!.. (*Ворота отворяются настежъ. Глубокое молчаніе въ толпѣ. Появляются мобили, съ офицерами во главѣ, и проходятъ, худые, оборванные, но твердые и высоко поднявъ голову, какъ люди, исполнившіе свой долгъ. Среди нихъ много съ повязанными головами и съ руками на перевязкахъ*).

Женщина (*всплескивая руками*). Охъ, бѣдные ребята... и натерпѣлись же они!

Жоржъ (*указывая рукой на мобилей*). Не непріятель побѣдилъ ихъ... а голодъ!..

Жаклина (*на кучѣ обломковъ, кричитъ*). Жанъ!.. Жанъ!.. Это я, Жаклина!..

Христіанъ. Видѣть нашихъ дѣтей... плѣнниками иностранцевъ на французской землѣ... О, горе! (*Закрываетъ рукой глаза*).

Старикъ съ бородкой (*указывая палкой на мобиля, который выходитъ изъ казармы*). Вотъ нашъ Мишель!.. (*Кричитъ и махаетъ палкой*). Мишель!.. Эй!. Мишель!.. (*Мобиль поворачиваетъ голову и замѣтивъ отца, весело махаетъ кепи*).

Старикъ (*бѣжитъ вдоль колонны, поспѣвая за сыномъ и махая палкой*). Онъ цѣлъ и невредимъ!.. (*Прыгая отъ радости*). Старуха-то моя обрадуется!.. (*Уходитъ*).

Жаклина (*въ глубинѣ*). Жанъ!.. Жанъ!.. Гдѣ же ты, Жанчикъ? (*Жанъ Батистъ появляется напьво впереди своей роты. Трубы улановъ направо, почти на углу улицы. Христіанъ, Гредель и Жоржъ подымаютъ руки, дѣлая прощальный жестъ*).

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Первая картина.

На мельницѣ въ Ротальпѣ. Комната, называемая «печью». Входная дверь направо. Налѣво другая дверь, ведущая внутрь дома. Окошки въ глубинѣ. Большіе стѣнные часы между двухъ оконъ, въ дубовомъ ящикѣ, съ круглымъ отверстіемъ по серединѣ, въ которое видны качанія маятника. Большая чугунная печка налѣво. Подлѣ печки четырехугольный столъ съ ножками въ формѣ Х. Шкафъ, стулья, кресла стараго дуба. При поднятіи занавѣса Катринъ сидитъ у стола, подлѣ печки. Она вяжетъ. Гредель, стоя передъ окномъ, отодвигаетъ занавѣсъ и смотритъ въ окно.

Сцена I.

Катринъ, Гредель.

Катринъ (*переставая работать и обращаясь къ Гредель*). Что тамъ такое, Гредель?

Гредель (*не поворачиваясь*). Проходитъ полкъ ландвера...

Катринъ. Опять! Съ той недѣли этому конца нѣтъ. Несмотря на холодъ, несмотря на снѣгъ, они идутъ... идутъ... точно рѣка катится. Сколько же народа у нихъ въ Германіи!

Гредель. Это старики, мама: у нихъ сѣдые волосы и очки. (*Протирая рукой окно, чтобы лучше видѣть*). Должно быть, послѣдніе!.. (*Смотритъ*). И всѣ эти люди идутъ туда... туда... убивать нашихъ!..

Катринъ (*поднимая голову*). Да, это ужасно!.. (*Молчаніе. Снова принимаясь за вязаніе*). Ну... иди!.. Поспѣшимъ окончить нашу работу... Твой отецъ привезетъ двѣ

фуфайки изъ Фальсбурга сегодня вечеромъ, а завтра утромъ мы поѣдемъ съ кузеномъ Жоржемъ въ Раштадтъ.

Гредель (*принимаясь за работу*). Какъ они будутъ рады насъ видѣть, мама!

Катринъ. Еще бы!.. Тѣмъ болѣе, что не ждутъ этого. Твой отецъ написалъ имъ, что мы вяжемъ имъ по парѣ теплыхъ варежекъ, но не сказалъ, что мы сами отвеземъ ихъ...

Гредель. Сколько времени нужно ѣхать въ Раштадтъ?

Катринъ. Четыре часа. Сѣвъ на первый поѣздъ, мы будемъ тамъ въ полдень. Лишь бы нѣмцы пустили насъ въ казематы!

Гредель. Будь покойна, мама, я сама буду говорить съ генераломъ, въ случаѣ надобности. Ахъ, что и говорить, желала бы я видѣть, какъ это онъ не позволитъ мнѣ обнять моего брата и жениха! (*Примѣряя варежку*). Бѣдный Жанъ Батистъ, ему будетъ тепло въ нихъ... Я увѣрена, что онъ не захочетъ разставаться съ ними...

Катринъ. А Жакобъ!.. Поторопимся!.. Поторопимся!.. (*Снова принимаются работать. Молчаніе*).

Гредель (*работая*). Знаешь, мама, странно все-таки, что этотъ ландверъ проходитъ здѣсь уже цѣлую недѣлю?.. Видно, что нибудь случилось.

Катринъ (*тоже работая, не поднимая головы*). Что же, по твоему, могло случиться?

Гредель. О, я ничего не знаю, но должно быть, что-нибудь важное, чего мы не знаемъ. Раньше эти нѣмцы шли, распѣвая пѣсни, и таращили на насъ глаза; а теперь идутъ молча, не поднимая головы, точно очень торопятся, а у ихъ пріятеля Пласіара такая странная мина!..

Катринъ (*поднимая голову*). Пласіара?

Гредель. Да! Я видѣла его сегодня утромъ, у его дверей, когда ходила за газетой къ кузену Жоржу... Лицо его совсѣмъ вытянулось... и онъ съ безпокойствомъ озирался вправо и влѣво... Замѣтивъ меня, юркнулъ къ себѣ, точно крыса въ нору! (*Переставая работать и глядя на Катринъ*). Что если мы одержали большую побѣду, мама!..

Катринъ (*воздѣвая руки*). Ахъ! Богъ да услышитъ тебя, дитя мое!.. (*Молчаніе. Печально покачивая головой и снова принимаясь за работу*). Но мы испытали столько несчастій, что я не смѣю больше надѣяться... И притомъ, если бы дѣла повернулись въ нашу пользу, объ этомъ было бы напечатано въ газетѣ, а между тѣмъ извѣстія плохія... насъ всюду бьютъ... бомбардировка Парижа продолжается... (*Показывая ей кончомъ иглы на газетную статью*). Вотъ, посмотри!... (*Гредель притягиваетъ къ себѣ газету и наклоняется надъ столомъ, чтобы прочесть. Молчаніе*).

Гредель. (*поднимая голову*). Бѣдный Парижъ!.. (*Отдаленный звонъ бубенчиковъ снаружи*).

Катринъ (*поднимая палецъ*). Слушай!.. Какъ-будто бубенчики нашихъ лошадей!.. Неужели твой отецъ уже вернулся? (*Гредель вскакиваетъ и бѣжитъ къ окну*).

Гредель (*отдергивая занавѣску*). Это онъ!..

Катринъ (*вставая и идя отворять дверь*). Навѣрное, онъ не нашелъ пшеницы... Кто поѣдетъ на базаръ въ такую метель? (*Христіанъ появляется на порогѣ, топаетъ ногами, чтобы стряхнуть снѣгъ, и отряхиваетъ шапки*).

Сцена II.

Катринъ, Гредель, Христіанъ.

Христіанъ (*входя, веселымъ тономъ*). Здравствуй, Катринъ... здравствуй, Гредель!..

Катринъ (*беретъ у него шапку*). Какъ ты рано вернулся! (*Вѣшая шапку за дверью*). Значитъ, ты не нашелъ пшеницы?

Христіанъ (*снимая варежки и отдавая ихъ Гредель, которая кладетъ ихъ на печку*). Напротивъ, со мной ея полный возъ. Но я не хотѣлъ терять ни минуты... чтобы сообщить вамъ хорошую новость...

Катринъ и Гредель (*вправо и влѣво отъ Христіана*). Какую новость?

Христіанъ (*воздѣвая руки*). О! Господь сжалился надъ нами въ концѣ концовъ... Бурбаки идетъ къ намъ на по-

мощь съ арміей въ сто тысячъ солдатъ... Онъ помялъ Вердера у Вильерзекселя близъ Эрикура... Въ настоящую минуту онъ освобождаетъ отъ осады Бельфоръ!..

Катринъ (*складывая руки*). Это вѣрно, Христіанъ?

Христіанъ. Вполнѣ достовѣрно!.. Пруссаки въ Фальсбургѣ ошеломлены... На рынкѣ всѣ, даже незнакомые, обнимались!

Гредель (*горячо*). Видишь, мама, я тебѣ говорила!.. (*Христіану*). Такъ вотъ почему эти полки ландвера проходятъ здѣсь такъ торопливо уже цѣлую недѣлю!

Христіанъ. Да... но они придутъ слишкомъ поздно!.. Авангардъ Бурбаки, быть можетъ, уже вступилъ въ Эльзасъ... Притомъ на этотъ разъ всѣ пойдутъ... старъ и младъ... я первый... хотя бы пришлось драться вилами... Побѣда или гибель! Воображаю, какъ Жакобъ, Жанъ Батистъ и всѣ они тамъ будутъ волноваться, услыхавъ гулъ нашихъ пушекъ... И Парижъ... нашъ славный Парижъ... который предпочитаетъ голодную смерть сдачѣ, освободится наконецъ!.. Узнавъ, что угрожаютъ ихъ границѣ, нѣмцы, которые обложили его, поспѣшатъ снять осаду и идти на помощь своимъ... Жена... дочка... какое счастье! (*Обнимаетъ ихъ. Молчаніе. Оправляясь*). Но... но... это не все!... По дорогѣ я разсказалъ объ этомъ Жоржу... онъ просто обезумѣлъ отъ радости... Мы отправимся вмѣстѣ къ Бурбаки, въ Эльзасъ... это рѣшено... Онъ уже досталъ ружье, которое припряталъ въ укромномъ мѣстѣ... Но передъ уходомъ онъ хочетъ распить вмѣстѣ бутылочку стараго вина за воскресеніе Франціи... Онъ и Мари ждутъ насъ къ обѣду... Одѣвайтесь живо.

Гредель (*взявъ Катринъ за руку и уводя ее къ двери налѣво*). Идемъ, идемъ мама!.. (*Уходятъ*).

Сцена III.

Христіанъ (*одинъ, ходитъ взадъ и впередъ, потирая руки*). Ага! Мы можемъ еще оправиться... показать нашимъ врагамъ, что мы еще не умерли!.. (*Поднося руку къ гла-*

замъ). Что это я... плачу... да... плачу.. (*Садясь въ кресло и вынимая платокъ*). Ахъ, хорошо это... слезы радости... когда пролилъ столько горькихъ слезъ!.. (*Молчаніе; стучатъ въ дверь*). Кто-то стучится!.. (*Быстро отираетъ глаза и встаетъ. Громко*). Войдите!.. (*Дверь отворяется. Почтальонъ Мишель появляется на порогѣ*). А, это Мишель!.. (*Смотритъ на стѣнные часы*). Уже?

Сцена IV.

Христіанъ, Мишель.

Мишель (*входитъ, съ палкой подвѣшенной къ запястью на ремнѣ*). Здравствуйте, господинъ Веберъ.

Христіанъ. Здравствуй, Мишель. Ты что-то рано пришелъ сегодня... Что ты мнѣ принесъ?

Мишель (*положивъ фуражку на полъ и роясь въ сумкѣ*). Кое-что, что порадуетъ васъ, господинъ Веберъ. (*подавая ему письмо*). Я подумалъ, что вамъ будетъ пріятно получить его немедленно.

Христіанъ (*радостно*). Письмо отъ моего сына!.. (*Беретъ письмо*). Ты хорошо поступилъ, Мишель... Спасибо... (*Шаритъ въ жилетномъ карманѣ и протягиваетъ Мишелю серебряную монету*). Вотъ... выпей за здоровье Жакоба!.

Мишель (*принимая монету*). Благодарю, господинъ Веберъ. Вы слишкомъ добры. (*Поднимая фуражку*). Выпью и за ваше! (*Раскланивается и уходитъ, затворяя за собой дверь*).

Сцена V.

Христіанъ (*одинъ*). Правду говорятъ, что счастье не приходитъ одно... Сегодня утромъ узнаю о нашей побѣдѣ при Вильерзексель, (*поднимая письмо*) а теперь вотъ письмо отъ Жакоба! *Садится, весь сіяя, въ кресло*), Ну, посмотримъ, что намъ новенькаго... Знаютъ ли уже что-нибудь наши бѣдные плѣнные! (*Глядя на штемпель и конвертъ*). Рыштадтъ, 18 января. Сегодня 19, это не запоздало, какъ

остальныя... (*Глядя на печать*). Кажется, не было вскрыто... Похоже, нѣмецкій надзоръ теперь не такъ строгъ... (*распечатывая письмо и подмигивая*) или имъ не до того... озабочены другими дѣлами!.. (*читаетъ*).

„Раштадтъ, 18 января 1871 г.

Дорогіе родители, пишу Вамъ въ послѣдній разъ"... (*Останавливаясь*). Вотъ какъ!.. Нѣмцы уже принимаютъ мѣры предосторожности противъ нашихъ плѣнныхъ... запрещаютъ имъ писать... Навѣрное, пошлютъ ихъ вглубь Германіи... Боятся бунта!.. Дѣло подвигается... Бурбаки наступаетъ! (*Снова принимается за чтеніе*)... „въ послѣдній разъ, чтобы просить у васъ прощенія въ великомъ горѣ, которое вамъ предстоитъ; но это не моя вина!" (*Останавливается*). Еще бы!.. я знаю, что не его вина, если нѣмцы уведутъ его въ Померанію или другое мѣсто... Добрякъ Жакобъ, никогда онъ не причинялъ мнѣ горя, напротивъ,.. всегда доставлялъ мнѣ отраду... всегда!.. Добрый сынъ... люблю его больше жизни. (*Снова принимается за чтеніе*): „Я не хотѣлъ вамъ говорить, въ моихъ прежнихъ письмахъ, что со мною дурно обращались въ Раштадтѣ... что я пользовался репутаціей, не знаю почему, головорѣза!.. Я не хотѣлъ васъ огорчать... и потомъ, я рѣшилъ слѣдовать совѣтамъ Жана Батиста, который уговаривалъ меня вооружиться терпѣніемъ... и выносить все, не отвѣчая"... (*Останавливаясь*). Славный Жанъ Батистъ! (*Читая*). „Но подъ конецъ это зашло черезчуръ далеко, и я увѣренъ, что на моемъ мѣстѣ отецъ поступилъ бы такъ же, какъ я!" (*Останавливаясь, съ безпокойнымъ видомъ. Слегка дрожащимъ голосомъ*). Что же онъ сдѣлалъ? (*Продолжаетъ читать*). „Знайте же, что третьяго дня на перекличкѣ, за то что я отвѣтилъ недостаточно быстро, капралъ бросился на меня... съ ругательствами... и далъ мнѣ... пощечину"... (*Вскакивая*). О! (*Стоитъ неподвижно, стиснувъ кулаки, задыхаясь. Снова принимается за чтеніе, оглянувшись по сторонамъ, чтобъ убѣдиться, что никто не можетъ слышать. Тихимъ, прерывающимся голосомъ*). „Не

знаю... какъ... это случилось... но прежде, чѣмъ я успѣлъ подумать... я держалъ... мерзавца за горло... и... душилъ его"... (*Останавливаясь*). Несчастный!.. (*Поднимаетъ руку ко лбу и стоитъ весь дрожа. Низкимъ, жалобнымъ голосомъ*). Ахъ!.. Ахъ!.. (*Хочетъ читать и не можетъ: письмо дрожитъ въ его рукѣ, въ глазахъ мутится. Вытирая глаза*). Боже мой!.. Боже мой!.. Что я узнаю?.. (*Снова принимается читать, еще болѣе тихимъ и дрожащимъ голосомъ*): „Солдаты накинулись на меня... съ прикладами... чтобы заставить выпустить его... Жанъ Батистъ... видя, что меня оглушили... бросился на нихъ"... (*Останавливается чтобы вытереть глаза. Читаетъ дальше*)... „бросился на нихъ... вырвалъ ружье у одного изъ солдатъ... и убилъ троихъ... остальные изрубили его на мѣстѣ"... (*Останавливается и бросаетъ взглядъ на дверь, въ которую ушла Гредель. Подбородокъ его дрожитъ. Потомъ снова принимается читать едва слышнымъ голосомъ, который подъ конецъ замираетъ*). „Я... я... былъ преданъ... военному... суду... Завтра... въ полдень... меня... разстрѣляютъ"... (*Письмо выпадаетъ изъ его рукъ, онъ стоитъ неподвижно, съ растеряннымъ видомъ, оглядываясь кругомъ какъ будто чего-то ищетъ. Молчаніе. Жалобно какъ маленькій ребенокъ*). Разстрѣляютъ!.. Жакоба... моего сына... О!.. нѣтъ... нѣтъ!.. (*Проводя рукой по лбу*) Это невозможно.. (*Часы хрипятъ, приготовляясь бить; онъ поворачивается и стоитъ какъ окаменѣлый, открывъ ротъ, протянувъ руку къ стрѣлкамъ, которыя указываютъ полдень. Первый ударъ. Хватается за сердце. Вскрикиваетъ*). Жакобъ!.. (*Падаетъ безъ чувствъ на полъ. На улицѣ раздается барабанъ глашатая, пока часы кончаютъ бой*).

Голосъ глашатая, (*снаружи, визгливымъ тономъ*). „Великая побѣда! Генералъ Вердеръ на голову разбилъ армію Бурбаки". „Да здравствуетъ императоръ Вильгельмъ!" „Мэръ: Пласіаръ".

Вторая картина.

Перекрестокъ на Вогезскомъ плоскогорьи. Въ глубинѣ, въ перспективѣ, Эльзасъ, Рейнъ, Страссбургскій соборъ. Направо и налѣво высокія еловыя насажденія. Дорога пересѣкаетъ сцену справа налѣво. Направо срубленныя деревья, съ обрубленными сучьями. Налѣво подлѣ дороги большой столбъ, выкрашенный въ нѣмецкіе національные цвѣта, съ большимъ щитомъ, на которомъ изображенъ гербъ Германской имперіи. При поднятіи занавѣса, большая толпа эльзасцевъ, мужчинъ, женщинъ, стариковъ, дѣтей, одни съ корзинками, другіе съ котомками, третьи съ узлами, входятъ слѣва. Нѣкоторыя изъ женщинъ несутъ колыбели. Впереди этой толпы рослый молодой человѣкъ, съ военной выправкой, съ солдатскимъ ранцемъ за плечами и съ палкой въ рукѣ.

Сцена I.

Эльзасцы: мужчины, женщины, дѣти.

Рослый молодой человѣкъ (*останавливается, миновавъ столбъ, и указываетъ на него палкой*). Вотъ новая граница!.. (*Топнувъ ногою*). Теперь мы во Франціи!.. Можемъ вздохнуть немного... (*Всѣ спѣшатъ пройти. Указывая въ глубину*), взглянуть еще разъ на нашу старую родину!.. (*Подойдя къ окраинѣ плато и протягивая руки*). О, Эльзасъ!.. Эльзасъ!.. Нѣтъ ничего прекраснѣе тебя на свѣтѣ!.. (*Многіе складываютъ свою ношу и спѣшатъ къ окраинѣ посмотрѣть. Прикладываютъ руки къ глазамъ въ видѣ козырька. Другіе садятся на срубленныя деревья направо, понуривъ головы, подавленные горемъ*).

Женщина (*въ глубинѣ, протягивая руку къ Эльзасу*). Посмотрите-ка!.. Дороги, тропинки, все покрыто людьми, которые уходятъ... Всѣ хотятъ остаться французами!

Рослый молодой человѣкъ. Да... если-бъ можно было унести землю и домъ, какъ уносятъ мѣшокъ, завтра же тамъ не осталось бы никого... кромѣ Пласіаровъ!..

Старикъ (*сидя на стволѣ дерева передъ столбомъ, и опираясь руками на палку*). Завтра тѣ, которые не перейдутъ границу, станутъ нѣмцами!.. (*Глубокое молчаніе*).

Маленькій мальчикъ (*отцу, сидящему направо на*

стволъ дерева). Папа... папа... посмотри же... тамъ, внизу... нашъ домъ.

Отецъ (*отворачивая голову*). Нѣтъ!.. Если я посмотрю, то не хватитъ силъ уйти... а я хочу уйти... Хочу, что-бъ ты остался французомъ!

Маленькая дѣвочка (*своей матери, которая смотритъ, стоя на краю плато*). Мама... развѣ мы уже никогда не пойдемъ опять... туда... къ намъ... гдѣ зарытъ папа?

Мать (*обнимая ребенка и прижимая его къ груди*). Молчи, дитя мое, молчи!..

Старикъ (*сидящій у дороги, передъ столбомъ*). А, вотъ мельникъ изъ Ротальпа... Бѣдняга... какъ онъ измѣнился!.. (*Всѣ поворачиваются направо. Стоявшіе въ глубинѣ подходятъ. Молчаніе. Христіанъ Веберъ, постарѣвшій, разбитый, сѣдой какъ лунъ, медленно входитъ, опираясь на руку Гредель, одѣтой въ трауръ, съ маленькой трехцвѣтной кокардой на эльзасскомъ токѣ. За ними Катринъ, поддерживаемая Мари и кузеномъ Жоржемъ. Всѣ снимаютъ шляпы. Сидѣвшіе встаютъ*).

Сцена II.

Тѣ же, Христіанъ, Жоржъ, Гредель, Катринъ, Мари.

Гредель, *Христіану*. Полно, отецъ... мужайся... мы во Франціи!.. (*Христіанъ поднимаетъ голову и осматривается*).

Хоръ (*за сценой, направо, приближаясь*).

Es braust ein Ruf wie Donnerhall,
Wie Schwertgeklirr und Wogenprall:
Zum Rhein, zum Rhein, zum deutschen Rhein!
Wer will des Stromes Hüter sein?

(*Всѣ смотрятъ направо*).

Христіанъ (*выпрямившись съ удивленіемъ*). Кто можетъ пѣть во Франціи въ такой день?..

Жоржъ (*глядя вправо, въ глубинѣ*). Это нѣмецкій полкъ

возвращающійся въ Германію... Солдаты рады... они снова увидятъ свою родину!..

Христіанъ (*поднимая глаза къ небу*). Они снова увидятъ родину!..

(*Хоръ снова раздается совсѣмъ близко, направо*).

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

„СКАЖИ, ВЪ КАКОЙ ТЫ СТРАНѢ?“

ЭЛЬЗАССКАЯ ПѢСНЯ.

Эркмана-Шатріана.

„Скажи, въ какой ты странѣ?“

Эльзасская пѣсня.

Скажи, въ какой ты странѣ?
Ты французъ-ли, германецъ-ли? Кто ты?
Здѣсь тихи долины, прекрасны высоты,
И жатвы, въ полдневномъ огнѣ,
Желтѣютъ, плодъ мирной работы...

И видитъ пришелецъ кругомъ:
Хмель вьется въ лозѣ виноградной,
И гроздья со влагой отрадной
Растутъ на склонѣ нагомъ...

А люди, какъ смѣлы они у насъ!
Не клонятъ блестящихъ и гордыхъ глазъ...
Тотъ край—нашъ старый и честный Эльзасъ!..

Скажи скорѣе ты мнѣ,
Ты французъ-ли, германецъ-ли? Кто ты?
Здѣсь тихи долины, прекрасны высоты
И предки въ благой тишинѣ
Здѣсь жили, не зная заботы...

А нынѣ въ неволѣ страна,
Въ оковахъ, что крѣпче желѣза..
Вѣдь звучала здѣсь марсельеза,
Была свободна она!

Но та-же отвага пылаетъ въ насъ;
Предъ смертью не склонимъ мы смѣлыхъ глазъ...
Нашъ край—нашъ старый и честный Эльзасъ!..

Скажи скорѣе, скорѣй—
Ты французъ-ли, германецъ-ли? Кто ты?
Здѣсь тихи долины, прекрасны высоты;
Но душу томятъ все сильнѣй
Съ врагомъ нерѣшенные счеты...

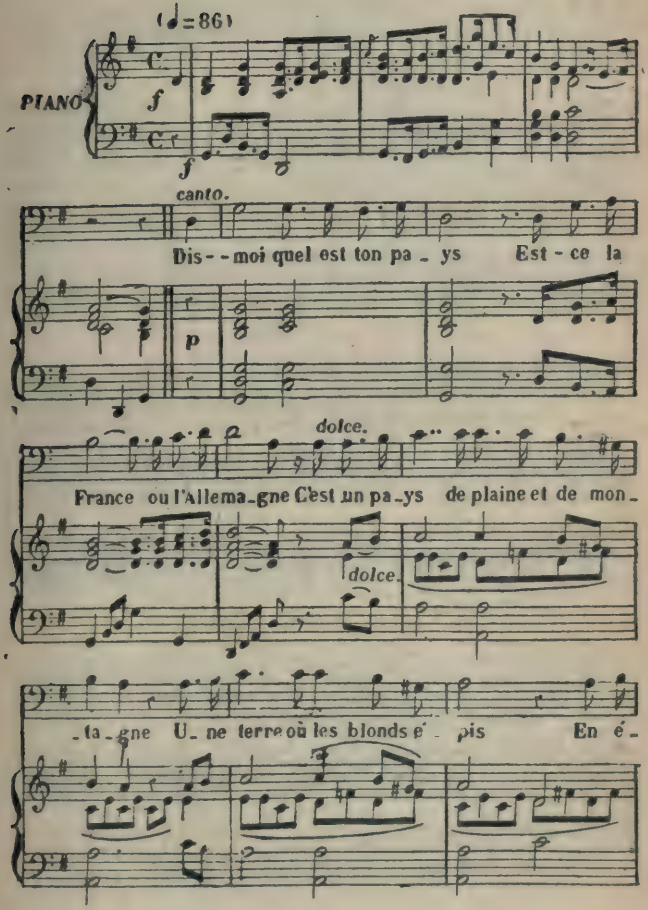
И ненависть наша сильна,
Клокочетъ, весь край зажигая...
Ты, о Франція, мать дорогая,
Ты наша родная страна!

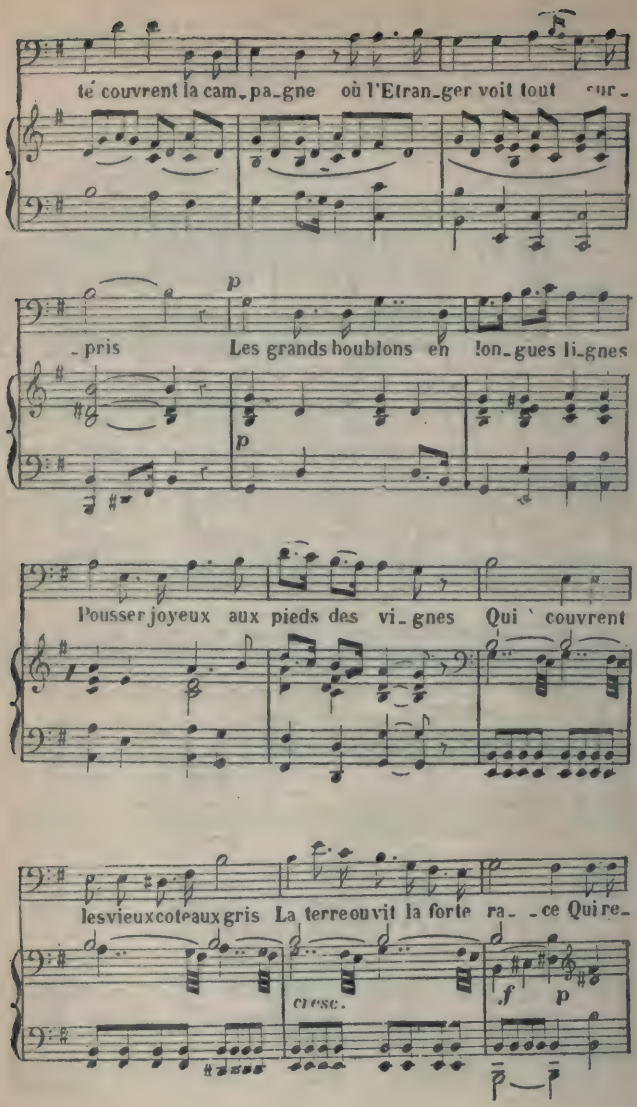
И что ни судилъ-бы грядущій часъ—
Скорѣе пусть сердце порвется въ насъ,
Чѣмъ мы отдадимъ родной Эльзасъ!..

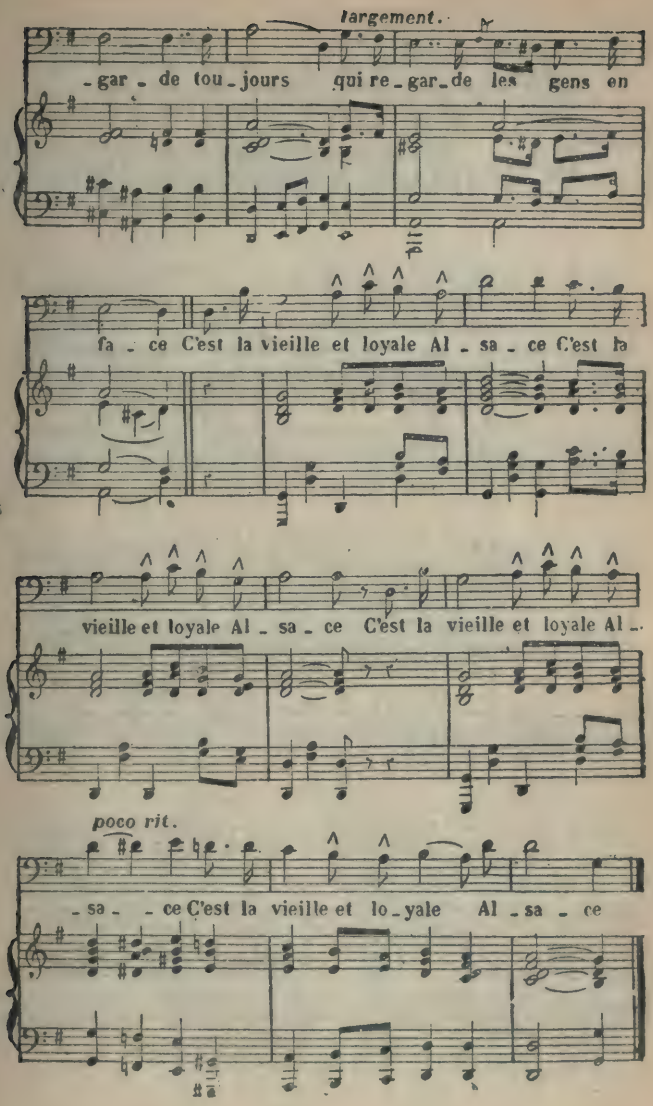
Перев. *Вл. П. Лебедевъ.*

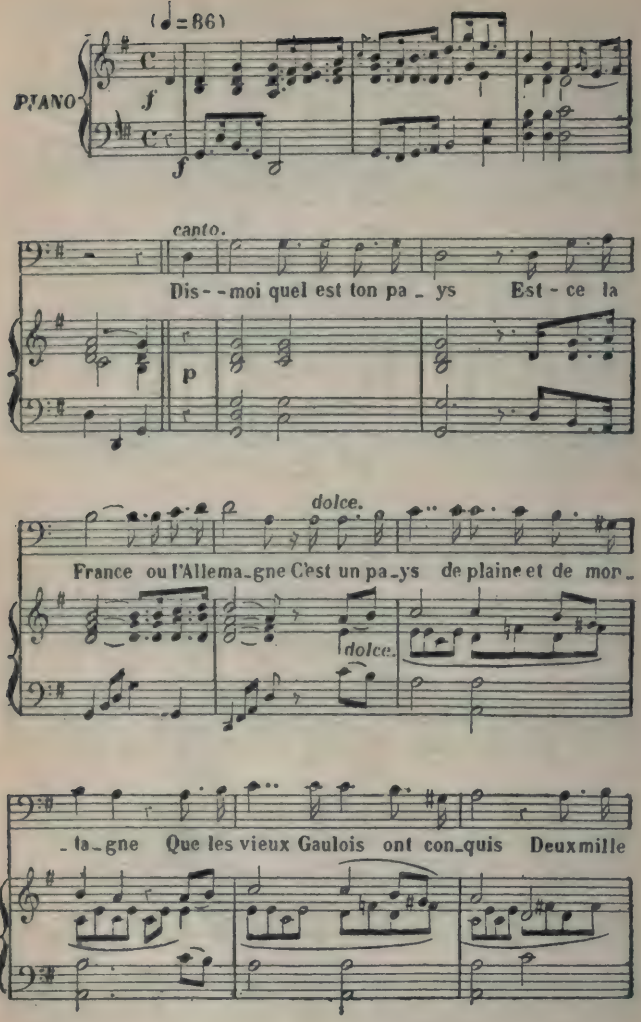
Dis-moi ! Quel est ton pays ?

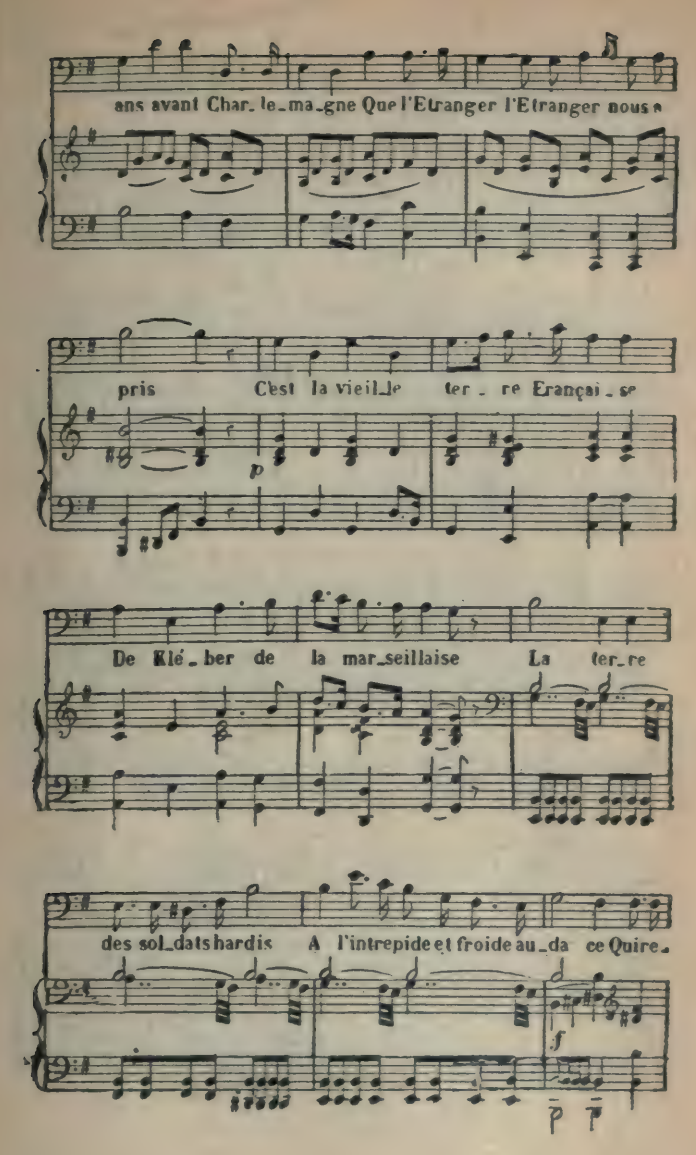
CHANT ALSACIEN

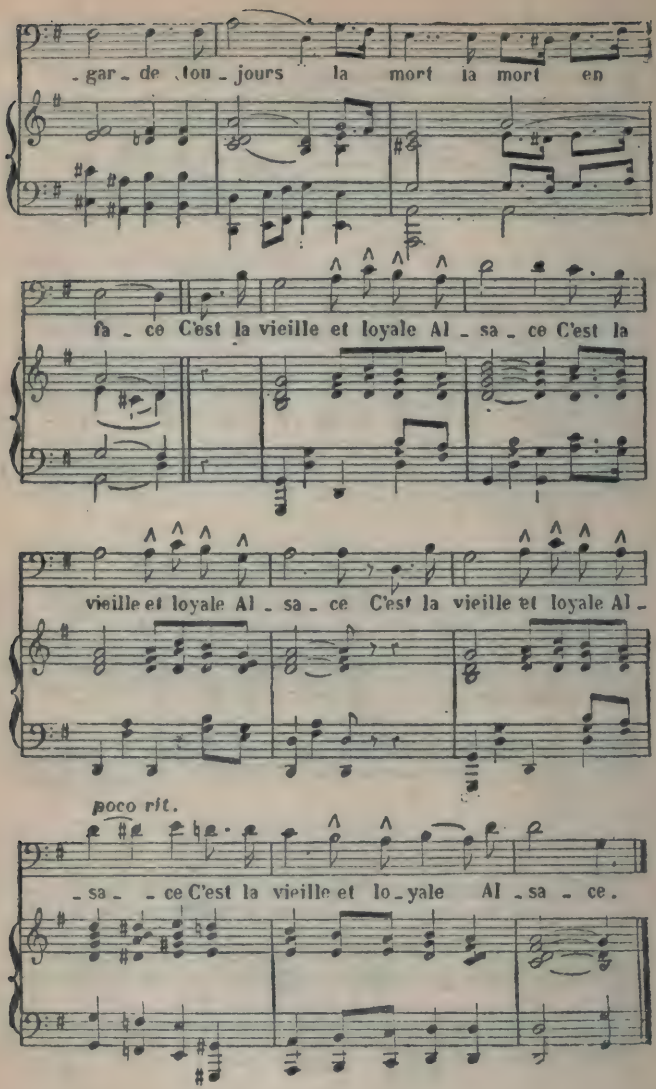


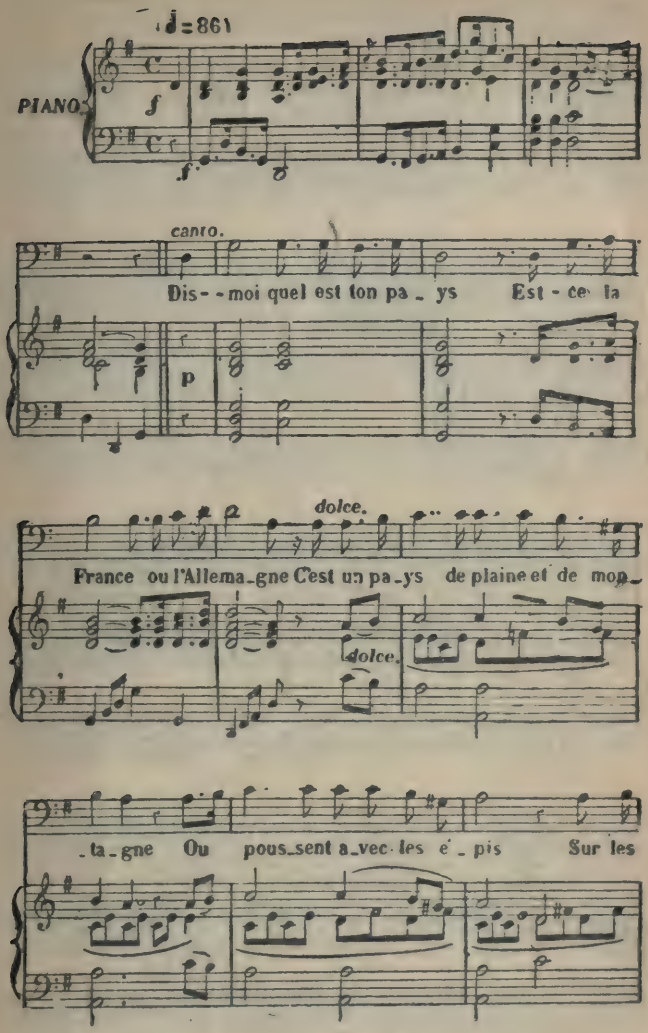

té couvrent la cam_pa_gne où l'Etran_ger voit tout sur_
_pris Les grands houblons en lon_gues li_gnes
Pousser joyeux aux pieds des vi_gnes Qui couvrent
les vieux coteaux gris La terre ouvrit la forte ra_ _ce Qui re_
cresc.
f
p

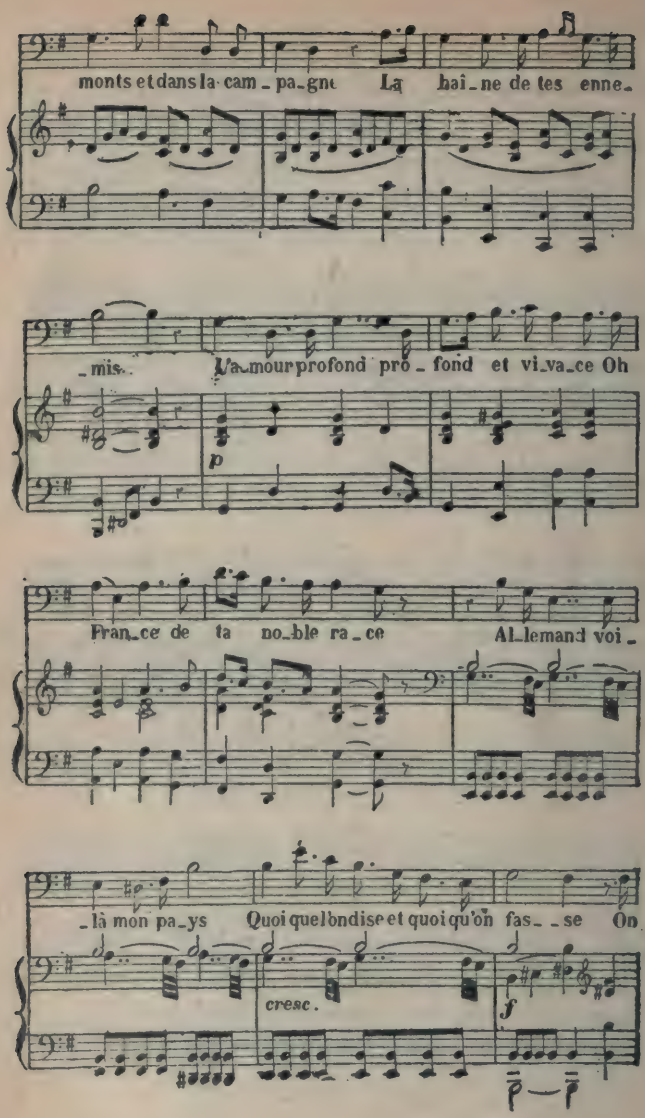

largement.
-gar - de tou - jours qui re - gar - de les gens en
fa - ce C'est la vieille et loyale Al - sa - ce C'est la
vieille et loyale Al - sa - ce C'est la vieille et loyale Al -
poco rit.
- sa - - ce C'est la vieille et lo - yale Al - sa - ce

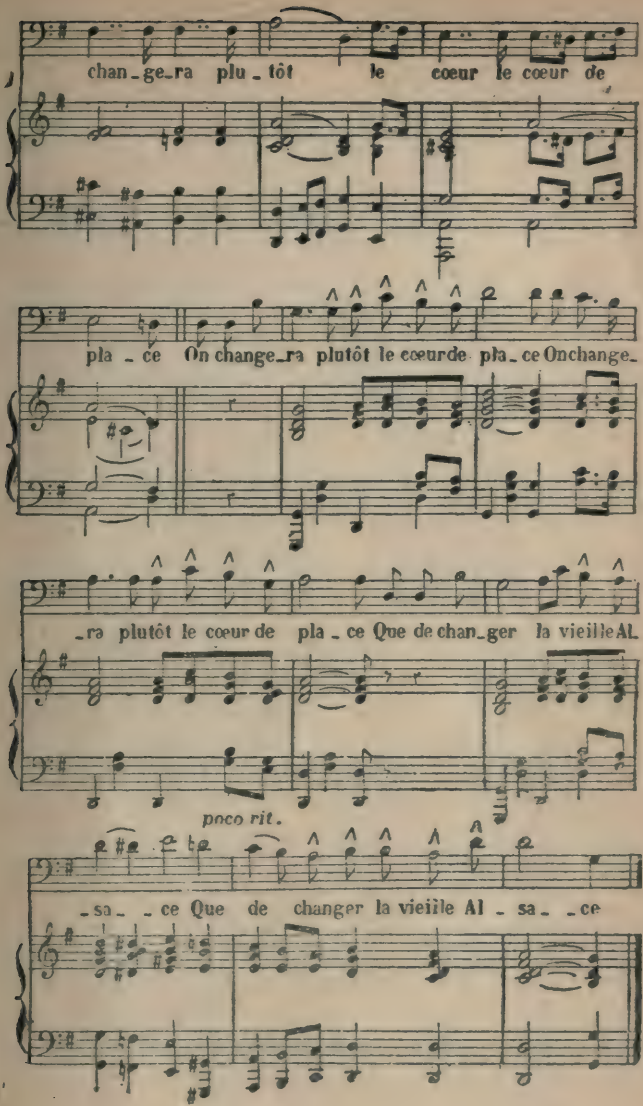

(♩=86)
PIANO
f
f
canto.
Dis - - moi quel est ton pa _ ys Est - ce la
p
dolce.
France ou l'Allema_gne C'est un pa_ys de plaine et de mon_
dolce.
_ ta_gne Que les vieux Gaulois ont con_quis Deux mille


ans avant Char_le_ma_gne Que l'Etranger l'Etranger nous a
pris C'est la vieil_le ter_ re Eranqai_se
p
De Klé_ber de la mar_seillaise La ter_re
des sol_dats hardis A l'intrepide et froide au_da ce Quire_
f
p p


-gar - de tou - jours la mort la mort en
fa - ce C'est la vieille et loyale Al - sa - ce C'est la
vieille et loyale Al - sa - ce C'est la vieille et loyale Al -
poco rit.
- sa - - ce C'est la vieille et lo - yale Al - sa - ce.


♩=86
PIANO
f
canto.
Dis - - moi quel est ton pa _ ys Est - ce la
p
dolce.
France ou l'Allema_gne C'est un pa_ys de plaine et de mon_
dolce.
_ta_gne Ou pous_sent a_vec les é _ pis Sur les


monts et dans la cam_pa_gne La hai_ne de tes enne_
_mis. L'a_mour profond pro_fond et vi_va_ce Oh
p
Fran_ce de ta no_ble ra_ce Al_lemand voi_
_là mon pa_ys Quoi que l'on dise et quoi qu'on fas_ _se On
cresc.
f


chan_ge_ra plu_tôt le cœur le cœur de
pla_ce On change_ra plutôt le cœur de pla_ce On change_
_ra plutôt le cœur de pla_ce Que de chan_ger la vieille Al_
poco rit.
_sa_ _ce Que de changer la vieille Al_sa_ _ce

BINDING LIST JUN 15 1949

PQ
2238
B717

Erckmann, Emile
Kapral Frederik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY